

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«САМАРСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ АКАДЕМИКА С.П. КОРОЛЕВА»
(САМАРСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ)

На правах рукописи

Голенко Диана Викторовна

**КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ПОСТРОЕНИЯ ОСОБЕННОЙ
ЧАСТИ РОССИЙСКОГО УГОЛОВНОГО ЗАКОНА**

5.1.4. Уголовно-правовые науки

Диссертация на соискание ученой степени доктора
юридических наук

Научный консультант: доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Российской Федерации

Безверхов Артур Геннадьевич

Самара – 2024

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение		4
Раздел I.	Строение Особенной части уголовного законодательства: сравнительно-правовое исследование	33
Глава 1.	Эволюция Особенной части уголовного законодательства России	33
§ 1.	Генезис Особенной части в некодифицированном российском уголовном законодательстве	33
§ 2.	Концептуальные начала построения Особенной части кодифицированного уголовного законодательства России	103
Глава 2.	Строение Особенной части уголовного законодательства некоторых зарубежных стран	154
§ 1.	Особенная часть уголовного законодательства в правовых системах современности: вопросы типологизации	154
§ 2.	Концептуальные основы построения Особенной части уголовного законодательства некоторых зарубежных стран	184
Раздел II.	Теоретические основы и техника построения Особенной части уголовного закона	240
Глава 1.	Теоретико-методологические основы построения Особенной части уголовного закона	240
§ 1.	Методологические предпосылки построения Особенной части уголовного закона	240
§ 2.	Основы взаимодействия Общей и Особенной частей уголовного закона	279
§ 3.	Особенная часть уголовного закона и межотраслевые связи	318
Глава 2.	Техника построения Особенной части уголовного закона	343
§ 1.	Общая характеристика технико-юридического инструментария Особенной части уголовного закона	343
§ 2.	Структурирование Особенной части уголовного закона	364

§ 3.	Статья Особенной части как первичный элемент уголовного закона	384
Раздел III.	Стратегия развития Особенной части российского уголовного закона	417
Глава 1.	Понимание юридико-технических недостатков и ошибок в Особенной части уголовного закона для целей ее стратегического развития	417
§ 1.	Отраслевое и межотраслевое рассогласование положений Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации	417
§ 2.	Юридико-технические дефекты строения глав и статей Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации	446
Глава 2.	Перспективы развития Особенной части российского уголовного закона	509
§ 1.	Основные пути реформирования Особенной части как структурного компонента российского уголовного закона	509
§ 2.	Основные идеи построения Особенной части уголовного законодательства: прогностический подход	519
	Заключение	536
	Список литературы	549
Приложение 1.	Концепция построения Особенной части российского уголовного закона	622
Приложение 2.	Количественные изменения Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации	646
Приложение 3.	Результаты опроса специалистов в области уголовного права	651

ВЕДЕНИЕ

Актуальность темы диссертационного исследования. Проблема построения Особенной части российского уголовного закона актуальна и социально значима. За 27 лет действия Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ) претерпел существенные изменения. Если по состоянию на 1 января 1997 года, Особенная часть УК РФ включала 6 разделов, 19 глав и 256 статей, то на 1 января 2024 года – при сохранении количества разделов и глав, число статей выросло до 398 (на 55 %¹ от первоначального объема). В последнее десятилетие темпы преобразований Особенной части УК РФ продолжают наращиваться. Только за 2023 год настоящий Кодекс дополнен и изменен 19 Федеральными законами, 13 из которых вносят поправки в Особенную часть УК РФ. Предложений по совершенствованию отдельных статей, глав и разделов исследуемого структурного компонента УК РФ в разы больше. Они регулярно озвучиваются представителями всех ветвей власти. Это свидетельствует о пристальном внимании к преобразованию Особенной части уголовного закона, которая воспринимается как надежный и эффективный инструмент регулирования общественных отношений.

Параллельно с совершенствованием действующего российского уголовного закона в обществе происходит оценка новелл и применяемых статей об определенных преступлениях и уголовных наказаниях за их совершение, осмысление их обоснованности, целесообразности. Формируется социальный запрос на построение понятной, воспринимаемой как справедливой по содержанию, четкой и логичной по форме, убедительной в применении Особенной части уголовного закона. Ее оценка обществом в целом как компонента эффективного уголовного закона способствует доверию власти и стабилизации отношений внутри социума, приданию им

¹ $(397-256) * 100 / 256 = 55 \%$

единства и согласия, устойчивости и предсказуемости. Во многом это обосновано тем политическим, социально-экономическим, культурным значением, которое имеет уголовный закон и его Особенная часть для государства, общества и человека.

Столь значимые ожидания и процессы преобразования закономерно формулируют запрос на исследование актуальной проблемы построения Особенной части УК РФ, поиск научно обоснованных путей решения вопросов о правильном устройстве этого структурного компонента закона, которое способствует выполнению возложенных на него социально-политических функций.

В современной науке обозначены проблемы действующего российского уголовного законодательства и его Особенной части. Так, уголовный закон и практика его применения все чаще выступают средствами решения злободневных политических, социальных, экономических проблем, становятся утилитарнее. В попытке оперативного разрешения порой критических ситуаций законодатель стремится действовать быстро, не всегда, возможно, имея время на анализ фундаментальных и прикладных исследований, изучение научных предложений и теоретических разработок. Однако справедливости ради, стоит отметить, что если допустить, что законодатель откликнулся бы на призывы научного сообщества обратиться к современной теории уголовного права и попытался бы учесть предложенные в науке варианты построения Особенной части УК РФ, то, вероятно, это не внесло бы ясности в законотворческий процесс, и в результате не был бы найден готовый ответ на вопрос, как сделать более согласованным и логичным этот парный структурный компонент уголовного закона. Детальные исследования узких тем не ведут к созданию целостной системы, которой является уголовный кодекс. С другой стороны, без помощи научного сообщества законодатель вряд ли сможет все научные предложения свести в единую логичную конфигурацию. В монографиях, статьях, диссертациях предложено множество различных моделей совершенствования отдельных

разделов, глав и статей Особенной части УК РФ, которые, однако, трудно применить все вместе без предварительной работы по их согласованию, выявлению и устранению противоречий, построению системы. Научные же труды, посвященные общим вопросам системности и кодификации, не содержат ответа на более частные вопросы, связанные со спецификой построения именно Особенной части, содержание и форма которой существенно отличаются от Общей части уголовного закона. Еще в 2002 году С.Ф. Милюков предложил ведущим университетам и ведомственным научно-педагогическим центрам создать несколько проектов Уголовного кодекса РФ, которые могли бы стать не теоретическими моделями, а именно полноценными завершенными актами, «своего рода полигонами для осмысления планомерной законотворческой деятельности»¹. Этот ученый-юрист посчитал, что на такой основе можно через 15-20 лет принять более совершенный уголовный закон. В 2020 году С.Ф. Милюков вновь поднял вопрос о разработке нового уголовного закона, но уже рекомендовал спустя 18 лет создать из 5-7 конкурирующих между собой проектов, разработанных ведущими вузами, «интегрированный модельный нормативный акт», который должен быть передан «законодателю для рассмотрения в установленном порядке»². Однако ни в 2002, ни в 2023 году не насчитать и нескольких «соперничающих между собой» научных моделей Особенной части уголовного закона. Указанные проекты являются и сегодня являются редкими. Одна из таких теоретических моделей разработана группой ученых-юристов в 2017 году³ и в настоящее время активно обсуждается в научной среде⁴.

¹ Комиссаров В.С., Мясников О.А. Пять лет Уголовному кодексу Российской Федерации: итоги и перспективы // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2002. № 4 (243). С. 230-231.

² Милюков С.Ф. О проектах нового Уголовного кодекса России // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы XVII Международной научно-практической конференции. М., 2020. С. 45.

³ См.: Лопашенко Н.А., Кобзева Е.В., Хутов К.М., Долотов Р.О. Теоретическая модель Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации: основные положения структуры и содержания // Всероссийский криминологический журнал. 2017. Т. 11. № 1. С. 109–118; Уголовный кодекс Российской Федерации (научный проект) / Н. А. Лопашенко, Р. О. Долотов, Е. В. Кобзева, К. М. Хутов; под ред. докт. юрид. наук, проф. Н. А. Лопашенко. М., 2019. 320 с.

⁴ См., например, Коробеев А.И., Чучаев А.И. Транспортные преступления: проект новый – недостатки старые // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 10 (107). С.172-189; Милюков С.Ф. Старое и новое о новом уголовно кодексе России // Уголовно-правовое воздействие и его роль в предупреждении преступности (IV Саратовские уголовно-правовые представления): сборник статей по материалам IV Всероссийской

Конечно, дискуссии по проектам важны и значимы для дальнейшей разработки уголовного закона и его Особенной части. Однако не менее важным является вопрос о выявлении концептуальных основ построения этого парного структурного компонента уголовного закона. Они более фундаментальны, стабильны, чем любая модель, которая может потерять со временем свою актуальность. Равным образом концептуальные основы построения позволяют разработать Особенную часть уголовного закона с учетом сформулированных правил и принципов на основе выявленных закономерностей и тенденций, в тот период времени, когда этот вопрос станет приоритетным для законодателя. Таким образом, подтверждается востребованность в установлении именно концептуальных основ построения Особенной части российского уголовного закона.

Научная обоснованность построения Особенной части российского уголовного закона является важной политико-правовой задачей, которая до настоящего времени не решена. Между тем, еще Н.Д. Сергиевский отмечал, что наука уголовного права «служит практической цели – дать руководство к правильному пониманию и применению, критике и составлению уголовного закона»¹. Решение видится в установлении принципов и правил построения уголовного закона, и, в частности, его Особенной части, и в создании в будущем на их основе обновленной модели уголовного кодекса. Такой труд посилен только тесному союзу научного сообщества с современной практикой. Поскольку время принятия нового уголовного закона или его новой редакции неизвестно, целесообразно выработать понимание именно концептуальных основ построения Особенной части уголовного закона, которая строится на основе иных правил, чем его Общая часть. Модель Особенной части уголовного кодекса, какая бы она ни была совершенная, может устареть ко дню принятия нового уголовного кодекса или его новой

научно-практической конференции / С.Ф. Милюков; под общей редакцией Н.А. Лопашенко. Саратов, 2019. С. 241-243.

¹ Сергиевский Н.Д. Преступление и наказание как предмет юридической науки (задачи науки уголовного права) // Юридический вестник. 1879. Кн. 12. С. 887.

редакции. Это всегда будет проект «вчерашнего» дня, поскольку помимо стремительно меняющихся международных, политических, экономических, социальных отношений идут процессы внедрения в повседневную жизнь человека новых высоких технологий, развитие генетики, эмбриологии, происходят существенные климатические и другие природные изменения, а также иные процессы, которые даже сейчас могут быть не столь заметны законодателю, но могут стать очевидными в момент принятия нового уголовного закона или его новой редакции. Сегодня перед научным сообществом стоят задачи уточнения круга общественно опасных деяний, которые должны остаться в Особенной части российского уголовного закона после ее «ревизии», а равно обоснования криминализации новых деликтов. Однако не менее важным в настоящее время является научный поиск концептуальных основ построения российского уголовного закона и прежде всего его Особенной части, ее структурирования и систематизации, оригинальной техники построения ее разделов, глав, статей и других структурных компонентов. Особенная часть, хотя и является парным структурным компонентом уголовного закона, однако сама представляет собой подсистему закона, которая структурируется, а равно наполняется содержанием по своим правилам, отличным от правил построения Общей части. Через 27 лет с момента начала действия современного российского уголовного закона пришло время заново проанализировать и, возможно переосмыслить не только число и порядок расположения структурных компонентов этой части уголовного закона, но и круг правоохраняемых объектов, а также представить концепцию построения Особенной части российского уголовного закона.

Обнаружение и использование универсальных и специальных принципов и правил позволят создать относительно стабильный уголовный закон и его Особенную часть с учетом изменяющихся условий, спроектировать уголовно-правовую модель «дня завтрашнего».

Исследование вопросов построения Особенной части уголовного закона оказывает влияние на продолжение научных дискуссий об уголовном законе, его сущности, строении, функциях и задачах, а появление множества точек зрения о существующих проблемах и путях их решения позволит прийти в будущем к консенсусу. Представляется справедливым замечание А.В. Наумова о том, что новая редакция или новый уголовный кодекс никогда не будут идеальными, на отечественную науку «возлагают на этот счет явно преувеличенные надежды»¹. Именно научный поиск основ, принципов и правил создания более совершенного уголовного закона, учитывающего реальное состояние общества и отвечающего современным условиям, позволяющего эффективнее регулировать общественные отношения, – одна из задач российской уголовно-правовой доктрины сегодня.

Таким образом, концептуальные основы построения Особенной части российского уголовного закона являются научной проблемой, имеющей важное политическое, социально-экономическое и культурное значение.

Степень научной разработанности темы. В современной российской науке моделированию вариантов уголовно-правового реформирования уделено значительное внимание. Из всего объема научных работ допустимо выделить две группы исследований, связанных с тематикой настоящей диссертации. Одна из них базируется на изучении идей и сущности уголовного права и закона, вторая – на исследовании форм воплощения этих идей в уголовно-правовую материю. Будучи взаимозависимыми, оба направления предлагают комплексное видение содержания и построения уголовного закона, что позволяет предложить решения важных для общества и государства задач.

В научных трудах первого направления разработаны теоретические представления о сущности уголовного права и закона, их философской и исторической обусловленности, предложены принципы и правила

¹ Наумов А.В. О «ключевых» аспектах реформы УК РФ // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы XVII Международной научно-практической конференции. М., 2020. С. 42.

криминализации (декриминализации) и пенализации (депенализации) и др. (П.С. Дагель, А.В. Наумов, И.Я. Козаченко, В.П. Коняхин, А.И. Коробеев, В.Н. Кудрявцев, В.С. Комиссаров, Т.Г. Понятовская, Ю.Е. Пудовочкин, Н.Д. Сергиевский, Н.С. Таганцев, А.И. Чучаев, А.В. Шеслер и другие авторы).

Второе направление научного поиска связано с законодательной техникой уголовного кодекса, формами воплощения идей в тексте нормативного правового акта, отражением правовых норм в статьях уголовного кодекса. Отечественным ученым-юристам удалось разработать основы теории кодификации уголовно-правовых норм, принципы дифференциации уголовной ответственности, теоретические вопросы законодательной техники и др. (Я.М. Брайнин, Т.В. Кленова, М.И. Ковалев, П.И. Люблинский, С.Ф. Милуков, К.В. Ображиев, К.К. Панько, Н.И. Пикуров, А.И. Рарог, Е.В. Рогова, М.Д. Шаргородский, В.Ф. Щепельков и другие авторы) Отдельно исследованы проблемы конструирования составов преступлений и сформулированы концептуальные основы этого процесса (А.Н. Трайнин, А.В. Иванчин и другие авторы), представлено многообразие классификаций санкций статей уголовного закона (Л.Л. Кругликов и другие авторы), разработана теория санкций в уголовном праве (М.А. Простосердов и другие авторы).

Значительное число научных трудов посвящено исследованию вопросов регламентации уголовной ответственности за совершение отдельных групп преступлений (против личности, общественной безопасности, государственной власти, собственности и др.), где авторы разрабатывают не только классификации преступных деяний, выявляют основания криминализации и пенализации конкретной группы преступлений, объединенных по объекту, но и устанавливают основания дифференциации ответственности за них (А.Г. Безверхов, Н.А. Егорова, Л.В. Иногамова-Хегай, А.Г. Кибальник, Л.В. Лобанова, В.И. Михайлов, Т.Н. Нуркаева, Т.А. Плаксина, Э.Л. Сидоренко, П.С. Яни и другие авторы).

Однако нет научных работ, в которых целостно, не фрагментарно, были бы сформулированы рекомендации по построению Особенной части российского уголовного закона как компонента кодекса.

Отрадно, что в настоящее время стали появляться научные труды, посвящённые актуальным проблемам Особенной части уголовного права и (или) закона. Так, система Особенной части УК РФ стала предметом исследования в диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук М.С. Кириенко (2015 г.)¹, где он определяет цели, функции, критерии построения этой подсистемы российского уголовного закона, формулирует рекомендации по ее совершенствованию.

В научных трудах Р.Г. Асланяна² исследуются вопросы построения Особенной части как компонента отрасли уголовного права. Теоретико-прикладное исследование Р.Г. Асланяна вносит значительный вклад в изучение проблем содержания Особенной части уголовного права как отраслевого образования, специфики ее институтов, но практически не касается вопросов законодательной техники построения Особенной части российского уголовного закона.

Научное изыскание А.А. Илidgeва о взаимосвязи Общей и Особенной частей уголовного закона посвящено теории отражения отдельных положений Общей части (о неоконченном преступлении, соучастии в преступлении и множественности преступлений) в Особенной части российского уголовного закона с учетом современного состояния законодательства и перспектив его развития. Работа этого ученого способствует приращению знаний в вопросе согласованности положений уголовного кодекса. Однако в этой работе Особенная часть российского уголовного закона не является самостоятельным предметом исследования, поскольку названное исследование посвящено

¹ См.: Кириенко М.С. Система Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2015. 28 с.

² См.: Асланян Р.Г. Теоретические основы построения Особенной части российского уголовного права: дис. ... д-ра юрид. наук. Краснодар, 2023. 605 с.; Асланян Р.Г. Особенная часть российского уголовного права: проблемы теоретического строения и системные параметры. М., 2023. 456 с.

прежде всего «процессу законодательного регулирования механизма взаимодействия»¹ Общей и Особенной частей УК РФ.

О.В. Ермакова в своей диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук² предложила концепцию отражения общественно опасного деяния и механизма его совершенствования в нормах Особенной части УК РФ, что является значительным вкладом в формирование основ теории криминализации и конструирования составов преступлений. Однако, за пределами ее исследования остаются проблемы систематизации, структурирования и техники построения Особенной части уголовного закона в целом и ее отдельных компонентов (разделов, глав, статей и др.).

Система уголовного закона явилась предметом научного исследования В.Н. Сизовой. В основу ее научных трудов³ положен системный подход к исследованию архитектуры уголовного закона в целом, выработке предложений по закреплению институтов уголовного проступка и ответственности юридических лиц как системных элементов закона, а также рекомендаций по повышению эффективности системы наказаний. Особенная часть уголовного закона исследуется этим ученым через призму ее системных внутриотраслевых связей с Общей частью. Однако в работе отдельно не анализируется специфика построения в целом именно Особенной части уголовного закона, а также ее составных компонентов.

Возрастание количества научных работ, связанных с построением уголовного права и закона, свидетельствует о том, что в науке ощущается проблема нехватки знания в этой области и необходимость ее решения с учетом нынешнего состояния науки и практики.

¹ См.: Илиджев А.А. Отражение положений Общей части УК РФ о преступлении в его Особенной части: проблемы теории и законодательного регулирования: дис. ... д-ра юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2023. С. 8.

² См.: Ермакова О.В. Концептуальные основы отражения общественно опасного деяния и механизма его совершенствования в нормах Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации: дис. ... д-ра юрид. наук. Барнаул, 2023. 551 с.

³ См.: Сизова В.Н. Концептуальные основы систематизации Уголовного кодекса Российской Федерации: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2024. 792 с.; Сизова В.Н. Система Особенной части российского уголовного законодательства. М.: Юрлитинформ, 2021. 200 с.; Сизова В.Н. Институт системы наказаний Особенной части российского уголовного законодательства. М., 2021. 192 с.

Вместе с тем, современной российской уголовно-правовой наукой не разработаны концептуальные основы построения Особенной части российского уголовного закона, не решен ряд методологических и прикладных проблем построения Особенной части и ее отдельных структурных компонентов как интегративных образований. Отсутствуют научные работы, посвященные вопросам конструирования Особенной части уголовного закона как самостоятельного парного структурного компонента кодифицированного акта с учетом современного состояния российского законодательства, социально-экономических, политических и криминологических реалий. В науке уголовного права до настоящего времени не обобщены принципы и правила построения Особенной части уголовного закона, в том числе ее систематизации, структурирования, законодательной техники.

Эти обстоятельства обуславливают необходимость изучения и установления основ построения Особенной части как парного структурного компонента кодифицированного закона, выполняющего важную интегративную роль в уголовном праве.

Таким образом, современное состояние отечественной науки уголовного права требует комплексного теоретико-прикладного исследования концептуальных основ построения Особенной части как парного структурного компонента уголовного закона, в том числе специфики ее систематизации, структурирования, законодательной техники.

Объектом диссертационного исследования являются общественные отношения, связанные с формированием и изменением Особенной части уголовного закона.

Предмет диссертационного исследования состоит из совокупности теоретических и прикладных проблем, отражающих закономерности функционирования указанных отношений, включающих, в том числе:

– научные теории и их основы, уголовно-правовые концепции, связанные с темой диссертационного исследования (о кодификации уголовно-правовых норм, законодательной технике в уголовном праве и др.);

– тенденции становления и развития Особенной части российского уголовного законодательства;

– законодательную технику Особенной части уголовного законодательства в различных правовых системах;

– закономерности внутриотраслевого и межотраслевого взаимодействия положений Особенной части уголовного закона в системе российского законодательства;

– концептуальные внутриотраслевые расхожения и проблемы техники построения Особенной части УК РФ;

– влияние устройства Особенной части уголовного закона на практику ее применения.

Целью диссертационного исследования является научное обоснование построения Особенной части российского уголовного закона, включающее осмысление взаимосвязи формы этого структурного компонента с его содержанием, и разработка на этой основе концепции построения Особенной части российского уголовного закона.

На достижение поставленной цели направлено решение следующих **задач**:

- определить понятие «Особенная часть уголовного закона», сущностные признаки, значение;

- изучить эволюцию Особенной части российского уголовного законодательства, в том числе своеобразие ее детерминации и генезиса;

- проанализировать опыт построения Особенной части уголовного закона в различных современных правовых системах;

- исследовать теоретические предпосылки построения Особенной части российской уголовного закона;

- раскрыть основания систематизации и правила структурирования Особенной части российского уголовного закона;
- выявить основы взаимодействия Общей и Особенной частей уголовного закона и отражения этого взаимодействия в законе;
- установить характер взаимосвязи положений Особенной части российского уголовного закона с иными отраслями отечественного законодательства и технику отражения этой связи;
- охарактеризовать специфику, отличительные черты техники построения отдельных структурных элементов Особенной части уголовного закона (разделов, глав, статей и др.);
- определить концептуальные проблемы внутриотраслевого рассогласования и проблемы техники построения Особенной части современного российского уголовного закона;
- обосновать взаимосвязь между построением Особенной части уголовного закона и практикой ее применения, толкования;
- разработать рекомендации по построению Особенной части уголовного закона и ее отдельных структурных компонентов (разделов, глав и статей, в том числе диспозиций, санкций и примечаний к ним).

Гипотеза научного исследования. Допустимо установить свод принципов и правил построения Особенной части отечественного уголовного закона, предопределяющих ее содержание и форму, положительно влияющих на ее применение и обуславливающих ее нормальное развитие, и разработать на этой основе концепцию построения Особенной части российского уголовного закона.

Научная новизна диссертационного исследования состоит в том, что в ней разработана новая концепция построения Особенной части российского уголовного закона, в которой получили развитие смысловые положения, закрепленные в Общей части российского уголовного закона и сформированы самостоятельные концептуальные основы Особенной части российского

уголовного закона. Это необходимая часть целостной концепции российского уголовного закона, подчиненная цели повышения правовой определенности и предсказуемости применения Особенной части уголовного закона, и включающая: теоретико-методологические основания построения этой части закона; ее понятие, предмет, задачи, методы, факторы, предопределившие ее формирование и развитие; принципы и их влияния на содержание Особенной части уголовного закона; инструменты законодательной техники, которые позволяют через форму отразить ее содержание и достичь целей; современное состояние и индикаторы необходимости реформирования Особенной части российского уголовного закона.

Представлены новые критерии определения периодов и этапов формирования Особенной части российского уголовного закона, которые отличаются концептуальными подходами к построению этого структурного компонента закона. Выявлены факторы, влияющие на ее содержание и форму, а также проблемы концептуального характера и техники построения Особенной части современного российского уголовного закона.

Приращение оригинального научного знания о построении Особенной части российского уголовного закона достигается:

- разработкой понятия Особенной части уголовного закона, установлением причин ее становления и развития;
- исследованием соотношения категорий «Особенная часть уголовного права» и «Особенная часть уголовного закона»;
- выявлением межотраслевых связей Особенной части уголовного закона с другими отраслевыми ветвями национальной законодательной системы;
- формулированием основ взаимодействия Общей и Особенной частей уголовного закона;
- установлением тенденций, характерных для развития Особенной части российского уголовного закона;

- разработкой рекомендаций по структурированию Особенной части уголовного закона;
- формулированием рекомендаций по построению разделов, глав и иных структурных компонентов Особенной части уголовного закона.

Теоретическая значимость исследования состоит в том, что целостная совокупность сформированных автором предложений, рекомендаций и выводов способна служить научной концепцией построения Особенной части российского уголовного закона.

Практическая значимость диссертационного исследования заключается в том, что разработана модель (письменный акт) концепции построения Особенной части российского уголовного закона, определяющая в том числе вектор развития отечественного уголовного законодательства.

Положения и выводы диссертации могут применяться в законодательной и правоприменительной деятельности как на современном этапе, так и в будущем при разработке и принятии нового кодифицированного российского уголовного закона.

Кроме того, они могут содействовать упорядочиванию происходящего реформирования закона, поскольку показывают, что Особенная часть требует комплексного подхода к внесению в нее поправок.

Материалы исследования могут быть использованы в учреждениях высшего образования в процессе преподавания учебных дисциплин «Уголовное право», «Актуальные проблемы уголовного права», «Актуальные проблемы Особенной части уголовного закона», «Уголовная политика», «Юридическая техника» и др., а также в системе повышения квалификации судей, прокуроров, сотрудников правоохранительных органов, адвокатуры и др.

Этапы исследования:

- формулирование цели, задач и гипотезы исследования проблем построения Особенной части уголовного закона как парного структурного компонента;

– анализ научных исследований по темам, близким к проблематике диссертационного исследования: по истории уголовного права, кодификации уголовного законодательства, законодательной технике (конструирование составов преступлений, построение диспозиций, санкций, примечаний и др.), отдельным статьям, главам и разделам Особенной части уголовного закона;

– сбор и обобщение эмпирического материала в виде уголовных и иных отраслевых законов, законопроектов, связанных с Особенной частью уголовного закона, решений Верховного Суда РФ, Конституционного Суда РФ, судебной практики, опрос специалистов в области уголовного права по теме исследования;

– формулирование положений концепции построения Особенной части российского уголовного закона;

– сопоставление полученных выводов с гипотезой, целью и задачами, поставленными в начале исследования;

– апробация полученных результатов;

– изложение исследования в форме диссертации.

Методологическая основа диссертации обусловлена целью и задачами исследования.

Методологическую основу диссертации составляют философский метод познания права, общенаучное исследование права и юридико-догматическое (в том числе междисциплинарное) освоение права, которые способствуют полному и объективному исследованию проблем построения Особенной части уголовного закона.

При подготовке диссертации использованы диалектический метод, общенаучные методы дедукции, индукции и интерпретации, анализа и синтеза, аналогии, частнонаучные методы познания: системно-структурный, историко-правовой, социологический, формально-логический, сравнительно-правовой, юридико-технический, метод анализа документов, опрос специалистов, работающих с УК РФ.

Юридико-технический и догматический метод исследования использованы для уяснения смысла норм уголовного права, статей уголовного закона, анализа терминов, употребляемых в науке, законодательстве и практике его применения, а также других категорий, связанных с Особенной частью уголовного закона.

Сравнительно-правовой метод позволил проанализировать и соотнести закономерности структурирования и систематизации Особенной части российского уголовного закона с Особенной частью уголовного законодательства зарубежных стран, установить общие и специфические черты. Этот метод использован при анализе построения разделов, глав, статей и др. компонентов Особенной части уголовного закона в различных правовых системах. Кроме того, с его помощью соотносились содержание и структура других отраслей законодательства (в частности, административного) с Особенной частью уголовного закона.

Историко-правовой метод использован для установления причин и условий, влияющих на становление и развитие Особенной части российского уголовного закона, тенденций ее развития.

Социологический метод исследования использован для изучения многообразия связей между уголовным правом как социальным феноменом и уголовным законом.

Метод анализа документов позволил установить общее и частное между действующим уголовным законодательством и практикой его применения, статистическими данными, а также между ним и утратившими силу уголовными законами и иными нормативными правовыми актами.

Опрос специалистов, работающих с УК РФ, проведен для получения ответов на сложные вопросы, связанные с предметом исследования, выявления проблемных аспектов темы и для сопоставления их с данными, полученными другими методами: анализом документов, статистических данных, правоприменительной практики. Выбор метода - опрос специалистов, работающих с УК РФ, - обусловлен предметом исследования. Респондент, не

имеющий юридического образования, или имеющий, но не работающий с уголовным законом, не может дать квалифицированные ответы на необходимые для исследования вопросы. Группа опрошенных специалистов составлялась так, чтобы учесть точки зрения разных акторов, работающих с Особенной частью УК РФ. В нее были включены специалисты следующих ведомств: научные/образовательные учреждения; суд; прокуратура; иные правоохранительные органы; адвокатура. Результаты опроса способствовали формулированию оценки состояния объекта, прогнозов тенденций развития, выработке возможных вариантов и методов решения проблемы.

Теоретическая база исследования состоит из монографий, научных статей в сборниках и журналах, диссертаций.

Основой для разработки теоретических положений концепции послужили труды ученых-юристов дореволюционного периода по общим вопросам уголовного права и законодательства: С.В. Познышева, Н.Д. Сергиевского, Н.С. Таганцева, И.Я. Фойницкого, А. Чебышев-Дмитриева и других, а также взгляды ученых советского периода на теорию и содержание уголовного права и закона: Я.М. Брайнина, Н.Д. Дурманова, С.Г. Келиной, М.И. Ковалева, В.М. Когана, В.Н. Кудрявцева, Н.Ф. Кузнецовой, М.Д. Шаргородского и других.

Теоретическую базу исследования составили также работы ученых-юристов, опубликованные в последней четверти XX - первой четверти XXI вв., в том числе, по смежным с диссертацией темам: А.Г. Безверхова, А.И. Бойко, Л.В. Иногамовой-Хегай, А.В. Иванчина, А.Г. Кибальника, Т.В. Кленовой, А.И. Коробеева, В.П. Коняхина, Н.А. Лопашенко, В.П. Малкова, В.И. Михайлова, А.В. Наумова, Н.И. Пикурова, Т.Г. Понятовской, Ю.Е. Пудовочкина, А.И. Рарога, В.Д. Филимонова, А.И. Чучаева и других.

Кроме того, теоретическую базу исследования составляют диссертации на соискание ученой степени кандидата и (или) доктора юридических наук Р.Г. Асланяна, О.В. Ермаковой, А.В. Иванчина, А.А. Илизджева, К.К. Панько, М.С. Кириенко и других авторов.

Эмпирическая база диссертационного исследования включает:

- результаты анализа текстов дореволюционного российского уголовного законодательства, уголовного законодательства советского периода, современного уголовного законодательства Российской Федерации;
- итоги изучения текстов уголовных кодексов отдельных зарубежных стран в переводе (Французской Республики, Федеративной Республики Германия, Китайской Народной Республики, Республики Беларусь, Республики Казахстан, Исламской Республики Иран и др.);
- результаты изучения текстов проектов отечественного уголовного закона и его Особенной части разных эпох;
- результаты анализа постановлений и определений Конституционного Суда РФ, касающиеся разъяснений общих принципов уголовного права и отдельных статей Особенной части УК РФ за период с 1 января 1997 г. по 31 декабря 2023 г.;
- результаты анализа содержания постановлений Пленума Верховного Суда РФ о практике применения статей Особенной части УК РФ за период с 1 января 1997 г. по 31 декабря 2023 г.;
- итоги изучения и обобщения судебной практики, включающей: обзоры судебной практики Верховного Суда РФ по уголовным делам, касающиеся применения статей Особенной части УК РФ за период с 1 января 1997 г. по 31 декабря 2023 г.; постановления Президиума, решения и определения судебных коллегий Верховного Суда Российской Федерации, опубликованные в Бюллетене Верховного Суда Российской Федерации за период с 1 января 1997 г. по 31 декабря 2023 г.; приговоры, определения, постановления по уголовным делам, размещенным на официальных сайтах судов субъектов Российской Федерации (всего 576 решений). Теоретический характер работы объясняет выборочное обращение к материалам судебной практики для подтверждения существования проблемных вопросов по отдельным аспектам построения и применения Особенной части УК РФ;

– итоги анализа статистических данных по уголовным делам, опубликованным на официальном сайте Судебного департамента при Верховном Суде РФ (с 2007 г. по 2023 г.);

– результаты опроса специалистов, работающих с УК РФ: 1) сотрудников научных и образовательных учреждений России; 2) судей; 3) сотрудников прокуратуры; 4) сотрудников иных правоохранительных органов (следователи и дознаватели); 5) адвокатов. Всего – 285 специалистов, включая ученых из Архангельска, Москвы, Омска, Ростова-на-Дону, Рязани, Санкт-Петербурга, Самары, Саранска, Ставрополя, Уфы, Ярославля, практических работников – из Самарской области и Москвы, Московской области.

Положения, выносимые на защиту:

1. Под концепцией построения Особенной части российского уголовного закона понимается комплекс теоретических положений об исходных идеях, принципах и правилах построения этого парного структурного компонента отечественного уголовного закона.

2. Определено, что Особенная часть уголовного закона – это созданный с помощью законодательной техники один из парных структурных компонентов уголовного закона, расположенный после Общей части, характерный прежде всего для кодифицированного уголовного законодательства, объединяющий в группы в определенной последовательности статьи, содержащие описание признаков составов преступлений и виды, размер и сроки уголовных наказаний за совершение конкретных преступлений, а также отдельные специальные предписания, касающиеся вопросов уголовной ответственности (освобождения от ответственности, наказания и др.).

Особенная часть уголовного закона демонстрирует круг преступного и уголовно-наказуемого, упорядочивает и систематизирует виды преступлений по характеру и степени общественной опасности, а равно определяет меру уголовной ответственности.

3. Обосновано, что Особенная часть – это структурный компонент уголовного закона, а не уголовного права. Особенная часть создается законодателем внутри уголовного закона и выполняет роль свода специальных положений, конкретизирующих общие положения кодифицированного нормативного правового акта, структурированных и систематизированных с помощью законодательной техники. Отделение специального от общего, не противоречащего по содержанию и выраженного в надлежащей форме, с точки зрения законодательной техники, и есть основная цель построения этого компонента закона.

4. Установлены два периода в истории развития Особенной части уголовного закона, каждый из которых характеризуется спецификой построения этого парного структурного компонента.

Первый - период некодифицированного уголовного законодательства. В этот период положения, характерные для Особенной части уголовного закона, не объединены в одном отраслевом кодифицированном акте. Нормы уголовного права содержатся, как правило, в межотраслевых или в несистематизированных отраслевых памятниках отечественного права. В этот период Особенная часть уголовного закона не является подсистемой единой внутренне согласованной целостной системы уголовного закона, законодатель не называет ее так и не предполагает, что это единый согласованный свод специальных уголовно-правовых положений. В конце этого периода уголовный закон, как правило, называется уложением. Его Особенная часть не включает исчерпывающий перечень деяний, признаваемых в России преступлениями. Уложение существует наряду с другими законами, содержащими уголовно-правовые нормы.

Второй - период кодифицированного уголовного законодательства, когда законодатель в уголовном кодексе выделяет и называет Особенную часть, она становится обязательным парным компонентом уголовного закона, а уголовный кодекс - единственным источником норм уголовного права. Это концептуально новый этап в развитии построения российского уголовного

законодательства. Особенная часть уголовного закона теперь самостоятельный структурный компонент отраслевого закона, согласованный с Общей частью, именно она включает исчерпывающий перечень деяний, признанных преступлениями.

Выделение двух вышеназванных периодов необходимо для понимания предпосылок формирования и трансформации техники построения Особенной части российского уголовного закона. Именно знание различных подходов к построению уголовного закона в период некодифицированного и кодифицированного уголовного законодательства дает представление о том, какие принципы и правила могут применяться при построении Особенной части современного уголовного закона и чем это обусловлено.

5. Подтверждено, что Особенная часть уголовного закона – не просто юридико-технический компонент уголовного кодекса. Ее содержание обусловлено внешними факторами. Законодательная техника Особенной части уголовного закона служит отражением содержания, концепций и идей, лежащих в основе принятого нормативного правового акта. Идея и форма (условные плоскости восприятия Особенной части уголовного закона) взаимосвязаны, одна не существует без другой, они едины в своем бытии и выделяются для научных и практических целей. Однако они и взаимозависимы: идея может быть искажена, если неверно использован юридико-технический инструментарий, что верифицируется, в том числе, через анализ практики применения закона. Норма права и юридические конструкции являются одними из созданных человеком моделей, которые способствуют объединению идей, смыслов и форм.

6. Особенная часть уголовного закона всегда несет на себе национальный, исторический, культурный отпечаток той среды, в которой и для которой она создана. При этом выраженное одинаково, с точки зрения законодательной техники, положение в различных государствах может обретать свое толкование, понимание, применение. Процесс глобализации привел к некоторой унификации положений уголовных законов современных

государств, но не лишил их Особенную часть специфических национальных и культурных черт. Законодательная практика построения Особенной части уголовного закона в различных государствах свидетельствует о многообразии подходов к устройству и содержанию этого системно-структурного компонента. Опыт зарубежных стран в построении Особенной части уголовного законодательства может быть эффективен только в случае его адаптации под существующие в конкретном государстве и обществе отношения.

7. Общая и Особенная части представлены как относительно самостоятельные и одновременно органически взаимосвязанные между собой две подсистемы единой кодифицированной системы уголовного закона. Их выделение является технической составляющей построения нормативного правового акта. Нормы уголовного права едины. С помощью законодательной техники они должны быть изложены в статьях Общей и Особенной части уголовного закона так, чтобы было ясно их содержание, исключены повторы, пробелы и противоречия.

Общая и Особенная части уголовного закона должны быть связаны едиными идеями, совместными ценностями, концептуально и содержательно не противоречить друг другу, строиться на основании общих принципов и быть органически согласованы посредством инструментария законодательной техники (нумерация, терминология, наименование структурных компонентов и т.д.).

Органическая взаимосвязь нормативных положений Общей и Особенной частей является критерием внесения дополнений и изменений в уголовный закон. Как только создаются концептуальные противоречия между положениями Общей и Особенной частей уголовного закона, последний утрачивает свою целостность, логичность, непротиворечивость, ясность и не может эффективно решать стоящие перед ним задачи.

Пределы допустимых изменений Особенной части уголовного закона состоят в сохранении целостности всего уголовного закона, его логичности и

непротиворечивости. Внесение изменений в Особенную часть УК РФ, которые создают концептуальные противоречия внутри закона и строятся на иных началах, чем те, которыми руководствовался законодатель в момент создания закона требуют пересмотра положений Общей и Особенной частей УК РФ или отказа от изменений.

8. Особенная часть российского уголовного закона строится с учетом межотраслевого взаимодействия. Она связана со всеми действующими отраслями права и законодательства, поскольку направлена на охрану наиболее важных общественных отношений. Через использование бланкетных диспозиций статей в «материю» Особенной части уголовного закона «вплетаются» положения другой отраслевой принадлежности, которые наполняются уголовно-правовым смыслом и значением.

Доказано, что под межотраслевым взаимодействием уголовно-правовых положений Особенной части следует понимать взаимную связь нормативных положений уголовного и других отраслей права и законодательства, которую необходимо учитывать при законодательном конструировании и применении уголовно-правовых предписаний об ответственности за те или иные виды преступлений.

При построении Особенной части российского уголовного закона необходимо учитывать следующие положения:

– если отношения не урегулированы иной отраслью законодательства, но относятся к предмету ее регулирования, то уголовное законодательство не может вмешиваться в такие отношения раньше, чем они будут регламентированы не уголовно-правовым законом. Иначе говоря, бланкетный прием при создании диспозиции не может существовать при отсутствии того, к чему она отсылает;

– перед введением в действие новой статьи Особенной части уголовного закона всегда должен осуществляться мониторинг действующего законодательства иной отраслевой принадлежности. В случае установления наличия пробелов законодательного регулирования необходимо принятие

одновременно нескольких нормативных правовых актов разной отраслевой принадлежности, либо должен последовать отказ от внесения изменений в Особенную часть уголовного закона;

– если в отраслевой закон вносятся изменения, которые влияют на содержание Особенной части УК РФ, законодатель также должен указывать, какие акты утрачивают силу, а какие остаются в силе, относительно уголовного законодательства. Такая процедура соотнесения всех отраслей законодательства при принятии или изменении законов способствует исключению ситуаций создания статей, которые отсылают к нескольким противоречащим друг другу положениям или к несуществующим законам;

– если диспозиция статьи бланкетная, то должна использоваться единая терминология с законом, к которому она отсылает, при этом в статье Особенной части нет необходимости указывать полное название федерального закона.

9. Обосновано, что построение Особенной части российского уголовного закона должно осуществляться с учетом принципов уголовного права, уголовной (уголовно-правовой) политики, кодификации.

Принципы обуславливают содержание всего закона, его концептуальные начала, содержательную составляющую; части уголовного закона не могут строиться исходя из разных фундаментальных положений, поскольку это создает внутренние концептуальные противоречия. Однако каждая из частей уголовного закона строится с учетом различных законодательных правил.

10. Установлено, что в кодифицированных уголовно-правовых актах допускалось создание структурных компонентов не только по объекту преступного посягательства, но и по иным основаниям (объединение статей о мошенничестве в Уголовном уложении 1903 г. - глава 33; об убийстве - внутри главы V УК РСФСР 1922 г. и др.). Такая практика применима к построению Особенной части современного уголовного закона.

В России сформирован подход, согласно которому макрокомпоненты Особенной части (разделы и главы) создаются с учетом общности объекта преступлений, признаки которых описаны в статьях этого структурного образования.

В отличие от Общей части уголовного закона расположение структурных компонентов внутри Особенной части уголовного закона зависит от совокупности факторов: иерархии ценностей, исторической обусловленности уголовно-правовых норм, криминогенных тенденций и процессов, международно-правовых обязательств, социально-экономических и политических факторов и др. Именно последовательность структурных компонентов Особенной части уголовного закона отражает социальную обусловленность закона.

Построение системы Особенной части уголовного закона способствует пониманию и применению закона. Место расположения статьи, главы, (раздела и т.д.) в Особенной части уголовного закона оказывает влияние на раскрытие содержания признаков составов преступлений через системное толкование.

Последовательность расположения и окончательное число структурных компонентов Особенной части уголовного закона в будущем станет обосновываться многообразием факторов, «параллелограмм» сил которых в среднесрочной перспективе сложно предугадать. Целесообразным является совпадение в наименовании объектов охраны, обозначенных в Общей части уголовного закона, с объектами преступлений, обозначенных в наименовании разделов Особенной части уголовного закона.

11. Введение изначально в Особенную часть уголовного закона нескольких уровней объединения статей (два первых - раздел, глава - по объекту преступлений, а третий – не только по объекту, но и по иному критерию) создает резерв для последующих изменений. При этом раздел, глава и статья признаются обязательными компонентами Особенной части уголовного закона, а параграфы – факультативными. При увеличении числа

статей в Особенной части уголовного закона допустимо объединять статьи в новые параграфы, которые облегчают пользование законом, но существенно не изменяют концепции построения Особенной части уголовного закона.

12. В концепцию построения Особенной части уголовного закона включена совокупность правил построения диспозиций статей Особенной части уголовного закона. Этот структурный компонент статьи должен содержать: а) признаки только такого деяния, которое признано преступным с учетом всех принципов и правил криминализации; б) признаки оконченного преступления, совершенного исполнителем.

При построении диспозиций должны быть использованы правила единообразного юридико-технического оформления.

13. При построении санкций статей Особенной части российского уголовного закона предложено руководствоваться правилами, которые учитывают: последствия преступлений, закрепленные в диспозиции соответствующей статьи; отнесение преступления, описанного в диспозиции, к насильственным или ненасильственным; сопоставление санкций статей одной и той же категории преступлений (равных и близких по степени тяжести), а также сопоставление с санкциями предшествующей и последующей категории преступлений (менее и более тяжких); минимизация количества видов наказаний в санкции статьи и их уменьшение в зависимости от категории преступлений, - а также критериев альтернативности наказаний в санкции статьи.

14. Обосновано, что в примечаниях к статьям Особенной части уголовного закона должны содержаться преимущественно специальные предписания, которые уточняют или изменяют положения Общей части уголовного закона, либо конкретизируют применение статей Особенной части уголовного закона.

Общие для уголовного закона понятия должны быть перемещены из примечаний к статьям Особенной части в отдельный структурный компонент уголовного закона, расположенный в Общей части. Это позволит исключить

повторы и противоречия в законе. Признаки составов преступлений, описанные в настоящее время в примечаниях, должны быть преимущественно перемещены в диспозиции статей.

15. Разработана модель (письменный акт) концепции построения Особенной части российского уголовного закона, включающая: 1) общие положения, 2) исходные идеи, принципы и правила построения Особенной части российского уголовного закона, 3) индикаторы необходимости её реформирования, 4) ожидаемые результаты реализации Концепции построения Особенной части российского уголовного закона.

Степень достоверности результатов исследования. Теоретические положения построены на известных, проверяемых данных, согласуются с опубликованными материалами по теме диссертации и смежным темам. Идеи базируются на комплексном анализе российского уголовного законодательства, административного законодательства Российской Федерации, иных нормативных правовых актов Российской Федерации; обобщении материалов отечественной судебной практики. Установлено качественное совпадение ряда авторских выводов с результатами, представленными в независимых исследованиях по данной тематике.

Использованы эмпирические материалы, включая репрезентативную совокупность статистических данных Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации о состоянии преступности в Российской Федерации и Самарской области, решений судов общей юрисдикции. В эмпирическую базу включены результаты опроса 285 специалистов в области уголовного права.

Апробация результатов исследования. Основные положения диссертации отражены в публикациях соискателя. Всего по теме исследования опубликовано 72 научных работы, в том числе 3 монографии, 1 учебно-научное и 3 учебных пособия, 26 статей – в журналах из Перечня рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени

кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, 2 статьи – входящие в международные реферативные базы данных и системы цитирования.

Научные положения и выводы, содержащиеся в диссертации, были отражены в выступлениях автора на научно-практических конференциях, среди которых: международная научно-практическая конференция «Татищевские чтения: актуальные проблемы науки и практики. Актуальные проблемы юридической науки» (г. Тольятти, 2010- 2012, 2016, 2020 годы); всероссийская научно-практическая конференция «К 300-летию российской прокуратуры: Прокурорский надзор в сфере безопасности на транспорте» (г. Самара, 14 мая 2021 года); международная научно-практическая конференция «Перспективы развития российского законодательства в условиях правового и экономического реформирования» (г. Самара, 23 сентября 2021 года); международный правовой банковский форум «Актуальные вопросы права в банковской сфере» (г. Самара, 2019, 2020, 2021 годы); международная научно-практическая конференции «25-летие Уголовного кодекса Российской Федерации: актуальные проблемы кодификации и правоприменения» (г. Самара, 8 октября 2021 года); международная научно-практическая конференция «Прокуратура Российской Федерации: вектор развития и роль в формировании демократического правового государства», Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова, (г. Чебоксары, 29-30 октября 2021 года); межведомственная научно-практическая конференция «Стратегия противодействия экстремизму», Московская Академия Следственного комитета РФ, (г. Москва, 28 октября 2021 года); международный круглый стол «Уголовная политика Российской Федерации в области обеспечения экономической безопасности», Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ (г. Москва, 30 ноября 2021 года); международный круглый стол «Обеспечение благополучия человека уголовно-правовыми средствами», Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА) (г. Москва, 26 ноября 2021 года);

международная научно-практическая конференция на тему «Актуальные проблемы теории и практики применения уголовного закона», Российский государственный университет правосудия (г. Москва, 2018, 2021, 2022 годы); Российский конгресс уголовного права (г. Москва, 2016, 2018, 2022 годы); Научные чтения, посвящённые памяти профессора М.Н. Гернета (г. Москва, 5 октября 2022 года); международная конференция «Научная обоснованность в уголовном, уголовно-исполнительном праве и криминологии» (Кыргызская Республика, г. Бишкек, 2023 год); международная научно-практическая конференция «Уголовное право: стратегия развития в XXI веке», Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА) (г. Москва, 2011, 2018-2023 годы) и др.

Отдельные положения диссертации были апробированы при ведении практических занятий по дисциплине «Уголовное право» в федеральном государственном автономном образовательном учреждении высшего образования «Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева».

Структура диссертации обусловлена объектом, предметом, целью и задачами исследования. Диссертация состоит из введения, трех разделов, включающих шесть глав, объединяющих двенадцать параграфов, заключения, списка литературы, приложений.

**РАЗДЕЛ 1. СТРОЕНИЕ ОСОБЕННОЙ ЧАСТИ
УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА:
СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ**

**Глава 1. Эволюция Особенной части уголовного
законодательства России**

*§1. Генезис Особенной части в некодифицированном
отечественном уголовном законодательстве*

Современное историческое познание далеко от того, чтобы категорически утверждать: нет ничего нового под солнцем. История повторяется, говорит К. Поппер, однако она никогда не повторяется в точности¹. По мнению Р. Арона, история как наука обязывает нас распознать даже то, чего мы еще никогда не видели². Очевидно, история и историческое сознание не исключают ни постоянства и повторяемости, ни изменчивости и развития социальных действий, событий и институтов. Здесь процессы трансформации находятся в единстве с известным постоянством явлений, с относительной устойчивостью присущих им свойств и качеств. Это единство изменчивости и постоянства, видимо, есть одно из основных противоречий, органически присущих ходу исторических процессов. В самом деле, историческая изменчивость не исключает постоянства, равно как и наоборот. В случаях абсолютного постоянства (когда историческое время замирает, останавливается и лишается своей направленности от прошлого к настоящему и будущему) либо абсолютной изменчивости, история была бы, наверное, излишней, ничего не дающей ни современному настоящему, ни грядущему будущему. Тогда как общественную и человеческую природу отличает как бесконечная изменчивость, так и консерватизм, застывленность. Поэтому

¹ См.: Поппер К. Р. Нищета историцизма. М., 1993. С. 17.

² См.: Арон Р. Избранное: Измерение исторического сознания. М., 2004. С. 71.

история, будучи осознанием прошлого, обнаруживает закономерности в поступательном движении социума от прошлого к настоящему и от настоящего к будущему, а историческое сознание выявляет необходимые и существенные связи прошлого с настоящим и будущим.

Справедливо утверждение, что изучение истории не есть самоцель. Воссоздание прошлого необходимо для понимания, осознания настоящего и прояснения будущего¹. Как справедливо в свое время заметил Н.С. Таганцев, изучение истории догмы есть средство понимания действующего права. Развивая этот тезис, он писал: «Известно то важное значение, какое имеет историческое толкование в сфере действующего законодательства. Если мы, например, желаем изучить какой-нибудь юридический институт ... для правильного его уяснения себе мы должны проследить историческую судьбу его»². Иными словами, в каждом ныне действующем нормативном образовании имеется известный элемент прошлого. Не является исключением здесь и история зарождения Особенной части в отечественном законодательстве. Именно осмысление исторических условий становления и развития этого структурного компонента закона имеет значение для понимания нынешнего состояния российского уголовного закона и «заглядывания» в его будущее. Этот генезис предопределен национальной, культурной, социальной, экономической, политической и международной обстановкой и ситуацией, отражающими практические запросы исторического момента.

В едином историческом процессе развития уголовного законодательства исследователи выделяют различные хронологические периоды, а внутри них и этапы. Таким образом, все прошлое в этом делении есть самостоятельные последовательно сменяющие друг друга отрезки времени, образующие целое. Упорядочение такого рода способствует достижению поставленных научных целей. Критерии периодизации истории могут быть различными (смена типа

¹ Арон Р. Избранное: Измерение исторического сознания. М., 2004. С. 9-10.

² Таганцев Н.С. Курс уголовного права. Часть 1. Книга 1. Учение о преступлении. Вып. 1. СПб., 1874. С. 20.

мышления, способа производства, экономической системы и т.д.). Однако каждый выделяемый период должен обладать специфическими свойствами, присущими только ему, что позволяет называть его в качестве самостоятельной единицы общего.

В научных трудах ученых-юристов можно встретить самые различные виды периодизации истории российского уголовного права и законодательства: 1) период обычного и законного права¹; 2) дооктябрьский и советский периоды²; 3) досоветский, советский социалистический и постсоциалистический периоды³; периоды Древней Руси, централизованного государства, советского периода, периода после распада СССР⁴. Существуют и мнения о большем числе этапов эволюции российского уголовного закона. Например, Н.А. Лопашенко предлагает только для одного советского периода выделять пять этапов⁵, а Н.Ф. Кузнецова в процессе историко-правового анализа уголовного законодательства с 1901 по 1998 гг., установила девять этапов⁶. Достаточно подробно различные периодизации истории уголовного права России освещены в трудах В.П. Коняхина⁷, а его авторский вариант, о котором будет сказано ниже, положен в основу нескольких современных научных исследований.

История развития Особенной части уголовного права и законодательства в последнее десятилетие стала предметом сразу нескольких научных изысканий. Так, в 2015 году Р.Н. Кораблев предложил выделять пять последовательных периодов развития институтов Особенной части уголовного права: «1) XV-XVIII вв. - период создания централизованной государственности, значительное расширение понятий о преступных и

¹ См.: Чебышев-Дмитриев А. О преступном действии по русскому допетровскому праву. Казань, 1862. С. 94.

² См.: Мальцев В.В. Введение в уголовное право. Волгоград, 2000. С. 28.

³ См.: Наумов А.В. Российское уголовное право. Общая часть: курс лекций. М., 2024. С. 87.

⁴ См.: Уголовное право Российской Федерации. Общая часть / отв. ред.: Б.В. Здравомыслов. М., 1996. С. 28.

⁵ Уголовное право Российской Федерации. Общая часть / под ред. Р.Р. Галиакбарова. Саратов, 1997. С. 47-50.

⁶ Курс уголовного права. Общая часть. Том 1: Учение о преступлении / под ред. Н.Ф. Кузнецовой и И.М. Тяжковой. М., 2002. С. 19-20. [Электронный ресурс]. URL: <http://vuzlib.net/beta3/html/1/7716/7754/> (дата обращения 29 сентября 2023 г.)

⁷ Коняхин В.П. Теоретические основы построения Общей части российского уголовного права: дис. ... д-ра юрид. наук. Краснодар, 2002. С.22.

наказуемых деяниях в сторону государственно-правовых начал их криминализации и пенализации; 2) XVIII в. - период зарождения российской науки уголовного права; 3) XIX - начало XX вв. - период систематизации, исправления и дополнения уголовного законодательства; 4) вторая половина - конец XX столетия - развитие системного подхода к исследованию уголовно-правовых явлений, активное стремление ученых институализировать различные группы уголовно-правовых предписаний; 5) начало XXI столетия - период формирования отдельных направлений изучения институтов особенной части уголовного права»¹. Представляется обоснованным мнение Р.Г. Асланяна, что в вышеприведенной периодизации наличествуют методологические ошибки². Уголовное право может рассматриваться как наука или отрасль права, но не одновременно в обоих значениях. При этом отрасль права и отрасль законодательства могут не совпадать по содержанию. Р.Н. Кораблев же выделяет периоды, указывая то на специфические черты, характерные для этапа развития уголовно-правовой науки, то на характерные черты развития уголовного права или уголовного законодательства, тем самым нарушая правила деления, предполагающие сохранение выбранного критерия на протяжении всего процесса распределения делимого. Логичнее было бы не смешивать уголовное право - науку с уголовным правом - отраслью права при выделении периодов, а разграничить их, поскольку путь развития их хотя и близок, но не един.

В том же 2015 году в диссертации М.С. Кириенко была представлена другая периодизация истории становления Особенной части уголовного законодательства. Исследователь называет четыре этапа развития этого структурного компонента закона: «1) этап зарождения (X-XV вв.); 2) этап становления (первичной консолидации – XVI-XVII вв.); 3) этап целостно-структурного развития (XVIII—XIX вв.); 4) этап преобразовательного

¹ Кораблев Р.Н. К вопросу о периодизации уголовного права в рамках становления и развития институтов Особенной части // Пробелы в российском законодательстве. 2015. № 4. С. 193.

² Асланян Р.Г. Теоретические основы построения Особенной части российского уголовного права: дис. ... д-ра. юрид. наук. Краснодар, 2023. С. 49.

кодифицированного развития (начало XX в. - до настоящего времени)»¹. Вышеуказанная периодизация развития Особенной части уголовного законодательства также представляется не до конца логичной и обоснованной. Соответствующие периоды М.С. Кириенко связывает с началом и окончанием века. Однако важные трансформации в кодификации уголовного законодательства и развитии Особенной части чаще всего происходили в какое-то десятилетие века, не обязательно в первое или последнее. Кроме того, Судебник 1497 года относится и к первому, и ко второму этапу, следовательно, не ясно, какие существенные изменения произошли в развитии Особенной части уголовного закона, если речь идет об одном и том же законодательном акте. Выделение «этапа преобразовательной кодификации», начавшегося, по мнению М.С. Кириенко, с наступлением XX века, тоже является дискуссионным. Только за первые три десятилетия XX века можно назвать несколько самостоятельных, отличных друг от друга этапов, которые едва ли можно назвать «преобразовательной» кодификацией. Такая особенность периода первых десятилетий XX века не учтена в этом исследовании.

В.Н. Сизова предложила выделить три периода развития Особенной части уголовного законодательства: 1) ее формирование Особенной части в рамках некодифицированного уголовного законодательства (IX–XVIII); 2) развитие структуры Особенной части в системе кодифицированного российского уголовного законодательства (1845–1903 гг.); 3) эволюция Особенной части советского уголовного законодательства (1917–1996 гг.)². Однако, чем отличается этап эволюции от этапа развития, не совсем понятно. С 1903 по 1917 гг. происходили значительные изменения, которые также повлияли на становление Особенной части российского уголовного законодательства. Тем не менее, этот временной отрезок отсутствует в предложенной периодизации. Вызывает также сомнение датирование 1996

¹ Кириенко М.С. Система Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2015. С. 7.

² См.: Сизова В.Н. Система Особенной части российского уголовного законодательства. М., 2021. С. 7-71.

годом конечной точки развития советского периода. Да, это последний год действия УК РСФСР 1960 г., но возможно ли это время включать в советский период, когда уже отсутствуют и СССР, и РСФСР?

Периодизации М.С. Кириенко и В.Н. Сизовой, несомненно, вносят вклад в упорядочение знаний о развитии отечественного уголовного законодательства, и они закономерно обсуждаются в современной научной литературе¹.

В 2023 году Р.Г. Аслаян и А.А. Илиджев представили авторские периодизации развития Особенной части уголовного права. Обе они созданы на основе разработанной В.П. Коняхиным модели формирования Общей части уголовного законодательства: становление в рамках некодифицированного уголовного законодательства России (X–XVIII вв.); структурное обособление в качестве подсистемы российского уголовного законодательства (1813—1845 гг.); развитие структуры в системе кодифицированного уголовного законодательства России (1845—1996 гг.)².

Так, А.А. Илиджев периодизацию истории становления и развития Особенной части «как элемента уголовного права»³ видит аналогичной предложенной В.П. Коняхиным для Общей части.

Р.Г. Аслаян «совершенствует» периодизацию, предложенную В.П. Коняхиным, с учетом специфики Особенной части. Он предлагает выделить следующие этапы: «1) X–XVIII века – период зарождения Особенной части, характеризующийся накоплением нормативного материала; 2) 1813–1845 годы – период обособления Особенной части в структуре уголовного права; 3) 1845 – 1917 годы – период развития Особенной части в системе уголовного права; 4) 1917–1922 годы – инволюционный период в истории уголовного права, характеризующийся деинституционализацией Особенной части; 5)

¹ Аслаян Р.Г. Теоретические основы построения Особенной части российского уголовного права: дис. ... д-ра юрид. наук. Краснодар, 2023. С. 49-50.

² Коняхин В.П. Теоретические основы построения Общей части российского уголовного права: дис. ... д-ра юрид. наук. Краснодар, 2002. С.22.

³ Илиджев А.А. Особенная часть уголовного права как отражение уголовной политики российского государства // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2023. Т. 14. № 1 (51). С. 69.

1922 г. – по настоящее время – период возрождения и последующего развития Особенной части в качестве элемента системы уголовного права»¹.

Однако в предложенных Р.Г. Асланяном и А.А. Илиджевским вариантах есть некоторые противоречия. В периодизации В.П. Коняхина речь идет об Общей части уголовного законодательства, а не права. Последователи В.П. Коняхина речь ведут о периодизации права. Однако право и закон не тождественны, более того, логически верным является выделение Особенной части уголовного законодательства, так как уголовное право все же едино. Кроме того, если за основу брать специфические черты нормативного правового материала (его структурирование, законодательную обработку и т.д.), то в период с 1813 по 1832 гг. речь идет скорее о научных, концептуальных поисках, «пробе пера», попытках создать новое, теоретически обоснованное законодательство, но в 1813 году это только проект, «не оживший» для регулирования отношений, не ставший ни системой нормативных положений, ни собранием статей нового кодекса или свода уголовного закона.

Прежде чем предложить свою периодизацию истории развития Особенной части уголовного законодательства России, отметим следующее.

Особенная часть уголовного закона – это созданный с помощью законодательной техники один из парных структурных компонентов уголовного закона, расположенный после Общей части, характерный прежде всего для кодифицированного уголовного законодательства, объединяющий в группы в определенной последовательности статьи, содержащие описание признаков составов преступлений, размер и виды наказаний за совершение конкретных преступлений, а также отдельные специальные предписания, касающиеся вопросов уголовной ответственности (освобождении от ответственности, наказания и др.).

¹ Асланян Р.Г. Теоретические основы построения Особенной части российского уголовного права: дис. ... д-ра. юрид. наук. Краснодар, 2023. С. 51.

Особенная часть уголовного закона демонстрирует круг преступного и уголовно-наказуемого, упорядочивает и систематизирует виды преступлений по характеру и степени общественной опасности, а равно определяет меру уголовной ответственности. Это структурный компонент уголовного закона, а не уголовного права. Особенная часть создается законодателем внутри уголовного закона и выполняет роль свода специальных положений, конкретизирующих общие положения кодифицированного нормативного правового акта, структурированных и систематизированных с помощью законодательной техники. Отделение специального от общего, не противоречащего по содержанию, и выраженного в надлежащей форме, с точки зрения законодательной техники, и есть основная цель построения этого компонента закона.

Предложенное определение отражает свойства и признаки идеальной модели Особенной части уголовного закона. Однако в силу различных причин (например, противоречия и ошибки, допущенные в первоначальной редакции закона; изменение общественных отношений, которые не в полной мере и нечетко урегулированы в законе; нелогичные законодательные трансформации внутри действующего закона) часть из названных в определении признаков могут в некоторой степени ослабевать, а затем вновь проявляться. Структурное образование закона может не называться «Особенной частью», но по сути являться таковой.

Еще раз подчеркнем, что Общая и Особенная часть – это структурные компоненты не права, а закона. Одна из частей не может появиться раньше или позже другой, поскольку это парные, органически связанные между собой компоненты одного закона. Статьи о конкретных преступлениях, впоследствии сформировавшие Особенную часть уголовного закона, появляются уже в первых памятниках права. Однако в такой форме выражаются норма права, которая вбирает в себя как признаки конкретных преступлений и наказаний за их совершение, так и общие положения о преступном и наказуемом. Для установления предпосылок формирования и

генезиса Особенной части уголовного закона в работе используется и второе (широкое) понятие «Особенная часть уголовного законодательства» как совокупности положений о преступлениях и наказаниях, выраженных в одном или нескольких источниках права, не обязательно отраслевых, а также не обязательно кодифицированных. Эту совокупность возможно выявить с учетом современных знаний о предмете и методе уголовного права. Таким образом, Особенная часть уголовного законодательства в широком понимании - это совокупность статей, глав, разделов и иных компонентов источников права, структурные части которых содержат описание составов преступлений и наказаний за их совершение. Таким образом, положения, которые допустимо было бы отнести в будущем к Особенной части уголовного законодательства, на первоначальном этапе могут содержаться во множестве актов и не быть объединены в какую-то систему в одном нормативном правовом документе.

Также следует учитывать, что понятие «некодифицированное уголовное законодательство» используется условно для обозначения предпосылок формирования уголовного закона, поскольку лишь применительно к XIX веку допустимо вести речь о законах в современном понимании и об отраслевом их делении. Как справедливо отмечает Р.А. Ромашов, «современный мир и мир прошлого представляют собой самостоятельные социо-пространственно-временные континуумы», «по мере углубления в прошлое современный понятийный аппарат становится все менее пригодным для научной характеристики общественных отношений, складывающихся в рамках соответствующего исторического периода»¹.

Поскольку Особенная часть – это прежде всего творение законодателя, то ее целесообразно изучать с момента, когда она сформирована и обозначена с точки зрения законодательной техники. Предшествующий этому период в большей степени объясняет предпосылки ее образования, ее ключевые идеи, попытки систематизации и законодательного изложения признаков состава

¹ Ромашов Р.А., Пеньковский Е.В. Философия права и преступления. СПб., 2015. С. 33.

преступления и наказаний. В таком контексте целесообразно выделять два основных периода развития Особенной части уголовного законодательства России. Первый – это период некодифицированного уголовного законодательства. Еще раз обратим внимание, что название периода достаточно условно, поскольку в него входят и этапы, когда источники права отличны от современных законов и не имеют четкого отраслевого деления. Этот период характеризуется множественностью источников уголовно-правовых норм. Он охватывает временные границы примерно с X века до 1922 года, поскольку Особенная часть как структурное образование целесообразно изучать с момента, когда она установлена в качестве таковой в законе и согласована с Общей частью. В России это произошло в 1922 году в первом советском уголовном кодексе.

Период некодифицированного уголовного законодательства включает следующие четыре этапа.

Для первого этапа (с X века по 1832 год) характерно наличие разноотраслевых источников права. Нередко положения о преступлениях и наказаниях повторяются в различных структурных компонентах одного нормативного правового акта или различных документах. Хотя и наблюдается объединение положений уголовно-правового характера, но такое объединение нельзя назвать логической системой. Это открытая совокупность не всегда связанных между собой статей. Окончанием этого этапа является опубликование в 1832 году Свода законов Российской империи, который был объявлен действующим с 1835 года.

На втором этапе (с 1832 года по 1903 год) положения Особенной части отделяются от положений Общей части уголовного закона, объединяются, но не приводятся в систему, они не согласованы между собой и могут противоречить положениям Общей части уголовного законодательства. На этом этапе принимается Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года.

Для третьего этапа (с 1903 год по 1917 год) характерно параллельное сосуществование нескольких законов, содержащих положения о преступлениях и наказаниях (например, Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, Уголовное уложение 1903 г.). И хотя на этом этапе в России уже появляется Особенная часть кодифицированного уголовного закона в Уголовном уложении 1903 года (не названная, но по сути таковой являющаяся), она так и не вступает в силу в полном объеме и применяется лишь частично, наряду с положениями других законов.

На четвертом этапе (с 1917 год по 1922 год) происходит декодификация¹ Особенной части уголовного законодательства, вновь существует множественность несистематизированных источников уголовно-правовых норм. Декреты СНК РСФСР допускали в определенных случаях применение уголовного законодательства предыдущего периода, если оно не вступало в противоречие «с революционной совестью», но исследователи утверждают, что царское законодательство уже практически не применялось². В этот период Особенная часть как самостоятельный структурный компонент уголовного закона отсутствует.

Стоит заметить, что для отечественного уголовного законодательства более характерным является создание кодифицированного акта, названного либо уголовным уложением (досоветский период), либо уголовным кодексом (советский и современный периоды). Общая и Особенная части получают свое название на уровне закона именно в отечественных уголовных кодексах.

С 1922 года начинается период Особенной части кодифицированного уголовного законодательства. Этот период можно разделить на следующие этапы: 1) с 1922 года по 1926 года - принятие Особенной части российского

¹ Термин «декодификация» использован условно в период некодифицированного уголовного законодательства для обозначения специфики этапа, в котором полностью утрачивается какая-либо системность и структура Особенной части. В досоветский период прослеживается тенденция к кодификации уголовного законодательства и созданию в нем Особенной части. Это практически было осуществлено в Уголовном уложении 1903 года, но обстоятельства политического характера прервали процесс.

² Сизова В.Н. Эволюция российского уголовного законодательства в период с 1917 по 1924 год // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2021. № 1 (55). С. 35.

кодифицированного уголовного закона и ее преобразование; 2) 1926 по 1960 год - принятие новой редакции Особенной части российского кодифицированного уголовного закона и ее трансформация; 3) с 1960 по 1996 год - принятие новой Особенной части российского кодифицированного уголовного закона и ее реформирование; 4) с 1996 года по настоящее время - принятие и развитие Особенной части современного уголовного закона. Фактически УК РФ вводится в действие с 1997 года, но общепринято этот период обозначать годом принятия кодекса.

Уголовно-правовые запреты начинают появляться до первых письменных памятников права, но постепенно находят отражения в них. Эти акты не тождественны современному уголовному закону, не обладают рядом его характеристик, тем не менее, они дают представление о предпосылках формирования и векторе развития Особенной части отечественного уголовного законодательства, факторах, повлиявших на его структуру и содержание.

Точное число актов, действовавших на начальном этапе формирования Особенной части уголовного законодательства в некодифицированном законодательстве, их взаимодействие и территория применения не всегда ясны, поэтому из всего объема источников уголовно-правовых запретов приоритет в настоящем исследовании отдается нормативным правовым актам, оказавшим, по нашему мнению, значимое влияние на формирование Особенной части российского уголовного закона, имевшим действие, как правило, на всей территории государства или большей его части, представлявшим собой своего рода сборник действующих законов. Уголовно-правовые отношения в тот период могли регулироваться нормами, изложенными в различных актах, грамотах, позднее в указанных книгах и других источниках, которые, также несомненно, оказали свое влияние на становление Особенной части отечественного уголовного закона, но они, как правило, дополняли общий вектор и общую картину, но не являлась ее центральным объектом.

Статьи, типичные для Особенной части отечественного уголовного закона, начинают появляться задолго до возникновения первого российского уголовного кодекса и намного раньше статей, характерных для Общей части. Хотя существует мнение, что в период, когда в законодательстве не выделены еще никакие части и оно не кодифицировано, осуществляется формирование и Общей, и Особенной частей в единстве¹. Приведенное положение требует уточнения. Так, А.А. Илиджев утверждает, что «довод о возникновении вначале Особенной части (норм Особенной части) опровергается генезисом и развитием уголовно-правового регулирования общественных отношений»². Считаем необходимым уточнить, о чем идет речь, - о праве или о законе. Первоначально появились статьи, которые более типичны именно для Особенной части уголовного закона и касаются описания признаков преступлений и наказаний за их совершение. Общая часть уголовного закона могла появиться в результате обобщения законодательного материала, развития юридической науки, овладения разработчиками закона логическим и философским инструментарием, позволяющим делать обобщения, выделять из частного общее³, «выносить за скобки» это общее при наличии и отделении особенного. На начальном этапе развития отечественного государства и права таких ресурсов не было. То, что в будущем законодатель станет относить к положениям Общей части уголовного закона в содержательном аспекте, конечно, можно найти и в первых памятниках права, но это лишь потому, что положения Общей части закона касаются каждого или большинства преступлений и наказаний за него. В таком смысле, действительно, истоки Общей и Особенной части как компонентов уголовного закона находятся в одних и тех же памятниках права. А.А. Илиджев в цитируемой работе рассуждает о праве. Как представляется, уголовное право едино на всем пути

¹ Аслаян Р.Г. Теоретические основы построения Особенной части российского уголовного права: дис ... д-ра. юрид. наук. Краснодар, 2023; Илиджев А.А. Особенная часть уголовного права как отражение уголовной политики российского государства// Вестник Казанского юридического института МВД России. 2023. Т. 14. № 1 (51). С. 69.

² Илиджев А.А. Особенная часть уголовного права как отражение уголовной политики российского государства// Вестник Казанского юридического института МВД России. 2023. Т. 14. № 1 (51). С. 69.

³ Иеринг Р. Юридическая техника. СПб., 1905. С. 45-46

своего исторического развития. Норма является органическим компонентом уголовного права в целом и вбирает она в себя как признаки конкретных преступлений, так и общие положения о преступном и наказуемом.

Период Древней Руси характеризуется наличием и действием одновременно обычаев и закона (в широком смысле слова)¹. Истоки Особенной части отечественного уголовного законодательства отдельные ученые-юристы видят уже в договорах Руси с Византией 911 и 944 годов². И это в некоторой степени справедливо. В этих договорах, например, предусмотрена ответственность за убийство, нанесение побоев, кражу, грабеж³. Однако особый интерес представляет Русская Правда - письменный сборник русских законов⁴. Она не является «памятником абстрактного творчества»⁵. М. Дьяконов отмечает, что «мечь, выкуп, суд послухов ... у всех народов возникают обычным путем и не могут быть заимствованы или созданы творческой деятельностью законодателя»⁶. А. Филиппов указывает, что Русская Правда воспроизводит древнейшие обычая, которые не изобретены законодателем⁷. В этом законе отражено то, что свойственно и важно обществу того периода, что распространено и опасно здесь и сейчас, что причиняет конкретный вред материальный или моральный, а не создает потенциальную угрозу в будущем.

Как отмечает И.Д. Беляев, из всех памятников права того периода Русская Правда отличается «чисто русским характером, выработанным русской жизнью»⁸. Что касается влияния зарубежного законодательства, то создателей Русской Правды оно интересует лишь настолько, насколько это позволяет решить конкретные задачи, устранить существующий пробел⁹.

¹ Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. М., 2005. С. 111.

² Наумов А.В. Преступления и наказания в истории России: монография: в 2 ч. Ч. 1. М., 2021. С. 12-13.

³ Памятники русского права. Вып.1: Памятники права Киевского государства X-XII вв. / под ред. С.В. Юшкова, сост. А.А. Зимин. М., 1952. С.7-14, С. 31- 41.

⁴ Там же. С. 7.

⁵ Фельдштейн Г.С. Главные течения в истории науки уголовного права в России. М., 2014. С. 13.

⁶ Дьяконов М. Очерки общественного и государственного строя древней Руси. СПб., 1908. С. 48.

⁷ Филиппов А. Учебник истории русского права. Ч. I. Юрьев, 1907. С.113.

⁸ Беляев И.Д. Лекции по истории русского законодательства. М., 1888. С. 175.

⁹ Дьяконов М. Очерки общественного и государственного строя древней Руси. СПб., 1908. С. 49.

Нельзя в полной мере осуществить анализ этого памятника права как продукта законотворчества ни по точному содержанию, ни по форме, поскольку исследуется не сам законодательный акт в подлинном его виде, а его список. Как образно отмечено в науке, Русская Правда есть «хорошее, но разбитое зеркало русского права»¹. В ней преступление именуется обидой, в связи с чем в специальной литературе указывается, что этот памятник права ограничивается «частными преступлениями, то есть направленными против личных и имущественных прав частных лиц»². Есть мнение, что первая редакция Русской Правды (Правда Ярослава) в первоначальном своем виде имела статьи только по уголовному праву³. Первая редакция Русской Правды содержала 17 статей. Первая статья была посвящена убийству, восемь следующих - преступлениям против личных прав (здоровье, честь), еще шесть - имущественным преступлениям и две - процессуальным вопросам по ним. Удивительно, но именно этот памятник имеет некоторое сходство по порядку расположения уголовно-правовых запретов с современной Особенной частью уголовного закона. Статья 1 Русской Правды посвящена ответственности за убийство, как и первая статья Особенной части УК РФ, за преступлениями против личности следует преступления против имущественных прав. Однако такое структурирование законодательного материала не было теоретически обоснованно, а возможно и вообще предложено летописцами. Кроме того, статьи об ответственности за посягательства на иные объекты не нашли отражения в этом памятнике права.

В науке не существует единства мнений относительно объектов охраны по Русской Правде. А. Попов отмечает, что этот памятник права осуществляет защиту жизни князя, жизни окружения и его имущества⁴. М.Ф. Владимирский-Буданов полагал, что увечья следует относить к преступлениям против жизни,

¹ Ключевский, В.О. Курс русской истории. Русская история. Полный курс лекций. Ч. 1. М., 1993. [Электронный ресурс]. <http://www.spsl.nsc.ru/history/kluch/kluch14.htm> (дата обращения: 11 октября 2023 г.).

² Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. М., 2005. С. 367-368.

³ Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. М., 2005. С. 118-122; Беляев И.Д. Лекции по истории русского законодательства. М., 1888. С. 167.

⁴ Памятники русского права. Вып.1: Памятники права Киевского государства X-XII вв. / под ред. С.В. Юшкова, сост. А.А. Зимин. М., 1952. С. 8

исходя из суровости наказания, предусмотренного за их совершение¹. И.Д. Беляев же относит все преступления, расположенные в статьях 2-9 к оскорблениям². Ученые отмечают, что в некоторых списках Русской Правды можно встретить преступления против свободы³. Уголовно-правовой охране по Русской Правде подлежали: жизнь, здоровье, честь, свобода, имущественные права. Однако Русская Правда не дает нам представления обо всех объектах уголовно-правовой охраны того периода. Это не полный свод уголовно-правовых запретов. В других источниках можно обнаружить преступления против прав государства, против веры, против семьи и нравственности⁴. В.О. Ключевский писал, что «церковный кодификатор ... молчит о преступлениях политических, не входивших в компетенцию церковных судов, об умычке, об оскорблении женщин и детей»⁵. В трудах советского периода указывается, что наряду с Русской Правдой действовали княжеские церковные уставы⁶.

Наказания располагались сразу после описания конкретного деяния в одной статье (в широком понимании). Они были различны: месть, поток и разграбление, вира (штраф за убийство в казну), продажа (штраф в казну). М.Ф. Владимирский-Буданов полагал, что Русской Правде известны такие наказания, как поток (лишение личных прав), смертная казнь, членовредительство, разграбление (лишение имущественных прав) и др⁷. Наказания, закрепленные в Русской Правде, по своей сути не требуют существенных затрат со стороны государства для их исполнения, но могут приносить пользу казне. В.О. Ключевский указывал, что Русская Правда «не заботится ни о предупреждении преступлений, ни об исправлении преступной воли. Она имеет в виду лишь непосредственные материальные последствия

¹ Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. М., 2005. С. 375.

² Беляев И.Д. Лекции по истории русского законодательства. М., 1888. С. 183-184

³ Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. М., 2005. С. 376.

⁴ Там же. С. 372.

⁵ Ключевский, В.О. Курс русской истории. Русская история. Полный курс лекций. Ч. 1. М., 1993. [Электронный ресурс]. <http://www.spsl.nsc.ru/history/kluch/kluch14.htm> (дата обращения: 11 октября 2023 г.).

⁶ Памятники русского права. Вып.1: Памятники права Киевского государства X-XII вв. / под ред. С.В. Юшкова, сост. А.А. Зимин. М., 1952. С. 10-11.

⁷ Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. М., 2005. С.387-389.

преступления и карает за них преступника материальным же, имущественным убытком»¹. В ранней редакции Русской Правды за убийство допускалась месть ограниченным кругом лиц, позднее - денежные наказания. Поток и разграбление были предусмотрены за наиболее тяжкие преступления (убийство в разбое, поджог, конокрадство); вира (за убийство, телесные повреждения); продажа (за имущественные преступления). Содержание положений этого закона обусловлено скорее социально-экономическими факторами, чем политическими, последние не нашли столь явного отражения в тексте Русской Правды.

По Русской Правде были наказуемы не только действия и последствия, но и угроза совершения указанных действий. Так, в Русской Правде (одном из списков) указывалось, «если кто вынет меч, но не ударит, то гривна кунь»². В Пространной редакции Русской Правды (по Троицкому списку) дифференцирована ответственность в зависимости от статуса потерпевшего³.

Историки ведут дискуссии относительно территории применения Русской Правды. Допускается, что в период феодальной раздробленности на местах существовали и действовали наряду с Русской Правдой и иные источники. Например, Псковская Судная грамота и Новгородская Судная грамота. В Псковской Судной грамоте происходит переход от понимания преступления как посягательства на личность и имущества к пониманию преступления как «инога запрещенного законом деяния, в том числе направленного против органов власти»⁴. Псковская судная грамота состояла из двух частей, которые включали отделы⁵. В научной литературе отмечено, что содержание этих памятников права свидетельствует о том, что меняется «правовая природа уголовного законодательства: из совокупности норм

¹ Ключевский, В.О. Курс русской истории. Русская история. Полный курс лекций. Ч. 1. М., 1993. [Электронный ресурс]. <http://www.spsl.nsc.ru/history/kluch/kluch14.htm> (дата обращения: 11 октября 2023 г.).

² Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. М., 2005. С.372.

³ Памятники русского права. Вып.1: Памятники права Киевского государства X-XII вв. / под ред. С.В. Юшкова, сост. А.А. Зимин. М., 1952. С. 11.

⁴ См.: Коняхин В.П. Теоретические основы построения Общей части российского уголовного права: дис. ... д-ра юрид. наук. Краснодар, 2002. С. 27.

⁵ Полный курс уголовного права: в 10 т. Т. II. Уголовное право и уголовно-правовая политика. Уголовный закон / под ред. д-ра. юрид. наук, проф., заслуженного деятеля науки РФ А.И. Коробеева. СПб., 2021. С. 406.

частноправового характера появляются зачатки законодательства публичного права»¹, впервые предусматривается ответственность за государственные преступления². Новгородская Судная грамота тоже «дошла до нас в отрывке (начальном)»³. В этой грамоте предусмотрена, например, ответственность за татьбу, разбой, грабеж, убийство и др.⁴. За совершение церковной тати, поджог, земскую измену и конокрадство предусматривалась смертная казнь⁵. Однако и в этом источнике права преимущественно наказания были в виде денежных штрафов.

Таким образом, Русская Правда формируется под влиянием практических нужд, фиксирует существующие обычаи. В ней нет структурных компонентов Общей и Особенной части, она в целом не является отраслевым памятником права. В некоторых ее статьях речь идет о конкретных преступлениях и наказаниях, но далеко не во всех. По строению и содержанию в современном понимании эти статьи ближе к положениям Особенной части уголовного законодательства. Положения Общей части можно только выявить исследователю, обладающему современным научным инструментарием. Круг объектов в Русской Правде узок: человек (личность) и имущество. Однако иные объекты тоже подлежат охране, хотя отражено это в других источниках права. Ценность охраняемых объектов предопределяется интересами, обусловленными социально-экономической обстановкой. В этом источнике права нет научной и теоретической обработки текста, что обусловлено объективными причинами.

Следующим памятником права, на который следует обратить внимание, анализируя становление Особенной части отечественного уголовного закона, является Судебник 1497 года. В XIX веке найден единственный список

¹ Полный курс уголовного права: в 10 т. Т. II. Уголовное право и уголовно-правовая политика. Уголовный закон / под ред. д-ра. юрид. наук, проф., заслуженного деятеля науки РФ А.И. Коробеева. СПб., 2021. С. 406.

² Агузаров Т.К., Чучаев А.И. Уголовно-правовая охрана власти (XI- начало XX в.). Исторические очерки. М., 2011. С. 18-37.

³ Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. М., 2005. С. 124.

⁴ Беляев И.Д. Лекции по истории русского законодательства. М., 1888. С. 274.

⁵ Там же. С. 280.

Судебника 1497 года¹. Изучив его, Л.В. Черепнин писал, что текст Судебника 1497 года переписан не менее тремя писцами². Поскольку Судебник 1497 года представлен в виде списка, то в полной мере говорить о структуре и законодательной технике его не представляется возможным. В списке Судебника 1497 года отсутствует постатейная нумерация, текст подразделяется с помощью киноварных заголовков на 36 разделов, внутри которых имеются более мелкие подразделения — выполненные также киноварью инициалы³. М.Ф. Владимирский-Буданов разделил Судебник 1497 года на 68 статей, Л.В. Черепнин полагал, что целесообразно выделять 100 статей⁴. В большинстве научных работ используется первый вариант нумерации⁵.

Вышеупомянутый памятник права создается и принимается при Иване III в иных социально-политических и социально-экономических условиях, чем Русская Правда. Вместо относительно самостоятельных удельных княжеств к концу XV века сложилось единое централизованное государство⁶. В дореволюционный период существовало мнение, что Иван III «повелел собрать все прежние грамоты, уставления, обряды, обычаи»⁷ и по объединенному акту велел осуществлять суд. Исходя из этого, Судебник 1497 года не рассматривался как самостоятельный памятник права, а воспринимался как сборник, систематизировавший все действующее на тот момент право, «свод не новых, а старых узаконений»⁸. В определенной степени согласен с этим Н.Л. Дювернуа, который полагал, что Судебник 1497 года «не столько продукт развития права, сколько сборник указов и пошлин

¹ Российское законодательство X-XX веков. В 9 т. Т.2: Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства / Под общ.ред. О.И.Чистякова; отв. ред. тома А.Д.Горский; рец. В.И.Корецкий. М., 1985. С. 34.

² Черепнин Л.В. Русские феодальные архивы XIV-XV вв. Ч. 2. М., 1951. С. 278-289.

³ Там же. С. 278-289.

⁴ Российское законодательство X-XX веков. В 9 т. Т.2: Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. М., 1985. С. 499-507.

⁵ Там же. С. 35.

⁶ См.: Голенко Д.В. Особенная часть уголовного закона: сравнительно-правовое исследование. Самара, 2024. С. 35-58.

⁷ Щербатов М.М. История Российская от древнейших времен. Т. IV. Ч. 2. СПб., 1783. С. 301.

⁸ Латкин В.Н. Лекции по внешней истории русского права. СПб., 1887. С. 39-42, 55-56.

великого князя»¹. Значительная роль судебной практики в формировании содержания первых уголовных законов (в широком смысле слова) отмечена Г.С. Фельдштейном, который писал, что «практика судов, становясь общепризнанной, являлась тем каналом, по которому выдвигались в жизнь и находили свою охрану отдельные правовые интересы»². Нужно отметить, что процесс такого «наполнения» содержания Особенной части уголовного закона в России сохранялись достаточно длительный период.

Судебник 1497 года и критиковали за «сумбур и бедность», и называли первым Уложением, с созданием которого «русская правовая мысль опередила западную»³, и даже расценивали как первый неудачный опыт кодификации⁴.

Судебник 1497 г. отвечал «запросам своего времени»⁵. Преступление в это время уже не обида, а лихое дело. Круг наказуемых деяний определяется в Судебнике 1497 года точнее и шире, чем в уставных грамотах и в Русской Правде; кроме преступлений частных, включены в круг (и притом в высший разряд) церковная татьба, крамола и несколько преступлений по службе: подлог, умышленное неправосудие, взяточничество, лжесвидетельство, ябедничество⁶. Выделены такие преступления как мошенничество, грабеж, подмет, кража людей, убийство господина. В числе наказаний – денежные штрафы, смертная казнь, торговая казнь, тюремное заключение, порука. Судебник 1497 года не знает членовредительских наказаний, но в современных им памятниках (губных грамотах) они есть, как есть и изгнание⁷. С. Башилов указывает, что судебник, очевидно, может подтвердить ту истину, что в законе «наказания за преступления точно сообразуемы были свойству и

¹ Дювернуа Н.Л. Источники права и суда в Древней России. М., 1869. С. 28.

² Фельдштейн Г.С. Главные течения в истории науки уголовного права в России. М., 2014. С. 16.

³ Памятники русского права. Вып.3: Памятники права периода образования Русского централизованного государства XIV-XV вв./ под ред. Л.В. Черепнина. М.,1955. С. 343.

⁴ Российское законодательство X-XX веков. Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. В 9 т. Т.2. М., 1985. С. 40.

⁵ Фельдштейн Г.С. Главные течения в истории науки уголовного права в России. М., 2014. С. 15.

⁶ Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. М., 2005. С.407.

⁷ Там же.

состоянию того народа, для которого они даны»¹. Статьи Судебника 1497 года нередко не имеют второй существенной части (последствия нарушения закона), иными словами санкций². Например, посулы запрещены (ст.1 Судебника 1497 года), но наказание за их совершение не указано. В ст. 8 Судебника 1497 года одновременно названы несколько наиболее тяжких преступлений: татьба, разбой, душегубство (убийство), ябедничество (ложный донос, злостная клевета), но этот перечень открытый, так как имеется формулировка «иное лихое дело»³. Содержание признаков составов преступлений в статьях Судебника 1497 г. не раскрывается. В ст. 9 Судебника 1497 года предусматривалась ответственность также за несколько преступлений: убийство господина, крамолу, поджог, церковную и головную татьбу, подмет. Однако в некоторых положениях этого акта все-таки прослеживается осуществление законодателем дифференциации ответственности за совершение преступлений. Например, усиливалась уголовная ответственность, за повторную татьбу (ст. 10 Судебника 1497 года).

В отличие от Судебника 1497 года, текст Судебника 1550 года найден более чем в 40 списках⁴. Примерно 1/3 статей в Судебнике 1550 года, по сравнению с ранее действовавшими источниками права, новые⁵. Малочисленность норм уголовного права Н.В. Калачов объясняет применением наряду с законом обычаев⁶, что в полной мере не опровергнуто в науке.

Судебник 1550 года представляет собой новый шаг в развитии уровня юридической техники того времени (насколько это возможно судить по

¹ Судебник Царя и Великого Князя Ивана Васильевича, законы из Юстиниановых книг, указы дополнительные к судебнику и таможенный устав царя и великаго князя Ивана Васильевича. СПб., 1768. С. 302.

² Там же. С. 307.

³ Памятники русского права. Вып.3: Памятники права периода образования Русского централизованного государства XIV-XV вв./ под ред. Л.В. Черепнина. М., 1955. С. 380.

⁴ Российское законодательство X-XX веков. Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. В 9 т. Т.2. М., 1985.С. 34.

⁵ Смирнов И.И. Судебник 1550 года // Исторические записки АН СССР. 1947. Т. 24. С. 270-273.

⁶ Калачов Н.В. Об уголовном праве по Судебнику царя Иоанна Васильевича // Юридические записки, издаваемые Петром Редкиным, доктором прав и ординарным профессором Императорского Московского Университета. 1842. Том II. С. 308.

найденным спискам). Он состоит из глав и статей, которые большей частью сгруппированы тематически¹. В Судебнике 1550 года по-прежнему Особенная часть не выделена в качестве структурного компонента. Этот источник права нельзя считать строго отраслевым. Значительное число деяний, признаваемых в качестве преступлений, в нем сохраняются из Судебника 1497 года, но есть и новые, особо опасные виды преступлений, непосредственно направленные против государственных основ и интересов власти. Увеличивается также количество составов должностных преступлений и преступлений против порядка управления и суда. Помимо лжесвидетельства, караемого торговой казнью (ст. 99 Судебника 1550 года), вводится, например, неизвестное Судебнику 1497 года преступление — подписка, т. е. подлог судебных актов (ст. ст. 4, 5 Судебник 1550 года). Среди имущественных преступлений проводится попытка разграничения грабежа и разбоя, татьбы и мошенничества, впервые вводимого в Судебнике².

Таким образом, можно сказать, что в обоих Судебниках названы условно преступления против государства и порядка управления, личности и имущества, однако, они еще окончательно не систематизированы. Преступления против судебной власти (ябедничество) в этих актах стоит в одной категории с разбоем и убийством (ст. 8 Судебник 1497 г., ст. 59 Судебник 1550 г.)³. В Судебниках не упоминаются преступления против веры⁴. Против интересов государства, например, названо такое преступление как земская измена⁵. Относительно санкций стоит отметить, что наряду с тюремным заключением, появляется и новый вид наказания - увольнение с должности с запрещением занимать такую должность в дальнейшем (ст. 28, 32 Судебника 1550 г.)⁶. Новым является положения, что Судебник есть

¹ Памятники русского права. Вып. 4. Памятники права периода укрепления Русского централизованного государства XV – XVII вв. / под ред. Л.В. Черепнина. М., 1956. С. 232.

² Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. М., 2005. С. 409.

³ Там же. С. 407.

⁴ Там же. С. 401.

⁵ Там же. С. 403.

⁶ См.: Коняхин В.П. Теоретические основы построения Общей части российского уголовного права. Краснодар, 2002. С. 28.

единственный источник права, и если возникают дела о предметах, которые не указаны в законе, то новые законы дает законодательная власть, а не решаться по обычному праву¹, хотя некоторые исследователи считают, что на практике по-прежнему могли применяться обычаи². Действовал Судебник до Соборного Уложения, с его изданием был забыт и утрачен³.

Недостаточность в регулировании правоотношений Судебником 1550 г. дополнялась отдельными указами. Одним из источников уголовно-правовых запретов была Уставная книга разбойного приказа⁴. В это время в государстве существовала ситуация, когда законы были разнообразны и малоизвестны, при полной отмене обычного права⁵.

Если положения Русской Правды были направлены на охрану личности и имущества, то Судебники расширяют круг охраняемых «основным» законом объектов. В их числе – государственные преступления. В отличие от Русской Правды, Судебники стремятся сохранить и укрепить централизованное государство и сложившийся правопорядок. Система наказаний в них уже сложнее, чем в Русской Правде, и предполагает более существенные затраты на их исполнение со стороны государства. Кроме того, появляется цель устрашения населения, которая не была так явно выражена в тексте Русской Правды.

Значительное влияние на формирование в будущем Особенной части отечественного уголовного закона оказало Соборное Уложение 1649 года. Н.С. Таганцев указывает, что его составители полагали, что оно «есть не что иное, как собрание очищенных, приведенных в порядок и ясность, дополненных и во многом исправленных, но, однако ж, в общем составе и существе своем прежних уголовных наших законов»⁶. Исследователи

¹ См.: Коняхин В.П. Теоретические основы построения Общей части российского уголовного права. Краснодар, 2002. С. 264.

² Памятники русского права. Вып. 4. Памятники права периода укрепления Русского централизованного государства XV – XVII вв. М., 1956. С. 338.

³ Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. М., 2005. С.263.

⁴ Там же. С.268.

⁵ Там же. С.268.

⁶ Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Часть общая: лекции. СПб., 1902. С. 48.

указывали, что «Уложение не есть компиляция иноземного права, а кодекс вполне национальный»¹. Безусловно, это был более совершенный закон, чем источники права предыдущего этапа, но он оставался плодом своего времени, когда еще ни теория, ни практика не могли создать на самом деле кодифицированный акт.

Соборное Уложение 1649 г. - первый печатный памятник отечественного права². Это позволяет оценить уровень законодательной техники. В этом источнике присутствует 25 глав и 927 статей без какой-либо определенной системы³. Главы пронумерованы римскими цифрами, нумерация по всему закону сквозная, все главы имеют заголовки. Статьи этого памятника права пронумерованы арабскими цифрами. В каждой главе Соборного Уложения 1649 года нумерация статей самостоятельная. Объем глав различен. Следует отметить, что этот нормативный правовой акт не является строго отраслевым, в нем, по-прежнему, отсутствует Особенная часть в строгом смысле слова.

М.Ф. Владимирский-Буданов определял последовательность расположения статей об уголовной ответственности за преступления в Соборном Уложении 1649 года так: сначала преступления против религии (глава I) и против государства (глава II), потом против порядка управления (главы IV, V, VI, VII, IX) и суда (главы X и XIV), против законов о состояниях (глава XIX), наконец против права лиц частных (XXI – XXII⁴). По мнению В.П. Коняхина, Соборное Уложение 1649 года «впервые классифицировало преступления в зависимости от ценности объекта посягательства: преступления против религии и церкви (гл. I), политические преступления (гл. II-III), преступления против порядка управления (гл. IV-VI), воинские преступления (гл. VII), преступления против финансовой системы (гл. IX), должностные преступления и преступления против личности (гл. X и частично

¹ Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. М., 2005. С. 271.

² Памятники русского права. Вып. 6. Соборное уложение царя Алексея Михайловича 1649 года / под ред. К.А. Софроненко. М., 1957. С. 12.

³ Там же. С. 13.

⁴ Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. М., 2005. С.401.

XXII), имущественные преступления (гл. XXI), преступления со специальным субъектом - стрельцы, казаки, корчемники (гл. XXIII-XXV)»¹.

Стоит уточнить, что объекты охраны названы в большей степени учеными-юристами с учетом представлений об объекте охраны времени проведения научного исследования. Тем не менее, следует учитывать, что сам законодатель был не столь очевиден и точен. Например, глава I именовалась «О богохульниках и церковных мятежниках», глава III «О государеве дворе, чтоб на государеве дворе ни от кого никаково бесчинства и брани не было», а глава XII «Указ за какие вины кому чините смертная казнь, а за какие вины смертью не казнити, а чините наказание»².

Дискуссионным также является вопрос о том, действительно, ли ценность охраняемого объекта была осознанно выбрана в качестве критерия расположения глав Соборного Уложения 1649 г. Так, Г.С. Фельдштейн отмечал, что «система Уложения не является выросшей из каких-нибудь других соображений, кроме потребностей судебной практики»³. Скорее при составлении Соборного Уложения 1649 года его разработчики учитывали совокупность различных факторов: традиции, интересы власти, удобство для практического применения и др. Существуют сомнения, что они действительно определяли ценность охраняемых объектов, а также обосновывали необходимость расположения структурных компонентов, опираясь на эти знания. Такое обоснование построения возможно лишь при достаточно высокой теоретической подготовке разработчиков, что в первой половине XVII века было маловероятным. Оценка структурирования Соборного уложения 1649 года происходит через призму современных знаний, но не реальности XVII века.

Как и в предыдущих памятниках права статьи уголовно-правового характера открывают этот источник права. В главе I (9 статей) содержатся

¹ Коняхин В.П. Теоретические основы построения Общей части российского уголовного права. Краснодар, 2002. С. 28.

² Соборное уложение 1649 года. М.: Изд-во Московского университета, 1961. [Электронный ресурс]:URL: <https://www.hist.msu.ru> (дата обращения: 15.09.2023 г.).

³ Фельдштейн Г.С. Главные течения в истории науки уголовного права в России. М., 2014. С. 23.

преступления, посягающие на религию и церковь. Соборное Уложение 1649 года является первым светским законодательным (в широком смысле слова) памятником, в котором были подробно разработаны, определены и поставлены на первое место составы преступных деяний против религии¹. В отличие от Судебников, все чаще законодатель описывает признаки различных составов преступлений в отдельных статьях, ответственность дифференцируется. Первая статья главы I предусматривает ответственность за богохульство, посягательство на основы христианского вероучения². Ответственность за совершение преступлений рассматриваемой группы дифференцирована. Например, за умышленный перерыв литургии (статья 2 Соборного Уложения 1649 г.) предусмотрено наказание в виде смертной казни. Оно более строгое, чем за оскорбление священнодействующих в церкви и произведенный этим мятеж (статья 3 Соборного Уложения 1649 г.).

Глава II Соборного Уложения 1649 года предусматривала ответственность за посягательства на Государя. Она объемнее предыдущей и включает 22 статьи. Первые статьи этой главы посвящены опасным преступлениям, за совершение которых предусмотрена смертная казнь без милосердия³. Ответственность за них наступала уже со стадии обнаружения умысла. Помимо смертной казни, в санкциях статей этой главы было такое наказание как конфискация имущества, причем не только у лица, совершившего преступление, но и у членов его семьи, если они знали о преступлении (измене). Так, в статьях 6, 7 и 8 главы II Соборного Уложения 1649 года предусмотрена ответственность жен и детей лица, совершившего преступление, в зависимости от того, было ли им известно про это преступление или нет. В статьях 18-19 главы II Соборного Уложения 1649 года была установлена ответственность каждого знавшего или слышавшего о готовящемся государственном преступлении. На примере содержания этой

¹ Памятники русского права. Вып. 6. Соборное уложение царя Алексея Михайловича 1649 года. М., 1957. С. 23.

² Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. М., 2005. С. 402.

³ См.: Памятники русского права. Вып. 6. Соборное уложение царя Алексея Михайловича 1649 года. М., 1957. С. 31.

главы уже заметна значимая роль уголовного закона в охране интересов государства и действующей власти.

В главе III Соборного Уложения 1649 года 9 статей, они в отличие от главы II, содержат признаки преступлений, посягающих скорее на порядок управления, чем на государя или государство. Например, в статье 1 главы III Соборного Уложения 1649 года предусмотрена ответственность за оскорбление словом или делом на царском дворе. Статья 3 главы III Соборного Уложения 1649 года предусматривала ответственность за убийство на царском дворе. В статье 9 – ответственность за кражу на царском дворе. По этой главе видно, что, статьи объединены не столько по единству объекта преступлений, сколько по месту их совершения – царский двор. С помощью уголовного закона наделяется особым статусом не только сам правитель, но и место его пребывания. В главе III Соборного Уложения 1649 года законодатель использует конструкции составов преступлений, где момент окончания перемещен на самые ранние этапы развития преступной деятельности, кроме того, подчеркнут особый статус царского двора как места совершения преступления.

Глава IV Соборного Уложения 1649 года небольшая по объему и состоит из 4 статей. В этой главе предусмотрена ответственность за подделку документов (грамот, печатей и др.) и их использование. В главе V Соборного Уложения 1649 года всего две статьи, и они предусматривают ответственность за фальшивомонетничество. В главах VI, VII, VIII Соборного Уложения 1649 года содержатся статьи об иных государственных преступлениях (в том числе, и военные преступления). Например, в главе VII статьи 8-9 предусматривают ответственность за дезертирство, статья 20 – за измену в военной обстановке, статья 28 - за кражу оружия, статья 29 - ответственность за кражу лошади на службе. Глава X Соборного Уложения 1649 года – о судопроизводстве, но и она включает некоторые статьи, предусматривающие ответственность за совершение преступлений. Например, в ней есть статьи об ответственности за должностные преступления (статьи 5-9 главы X Соборного Уложения 1649

года о взяточничестве), за убийство, телесные повреждения, оскорбление (статьи 26-99 этой же главы). В Соборном Уложении 1649 года ответственность за оскорбление дифференцировалась в зависимости от социального положения и пола лица, в отношении которого совершено деяние¹. В советской доктрине отмечалось, что наличие такого рода статей в главе X «свидетельствует о несовершенстве юридической техники Соборного Уложения: в главу о судеустройстве и процессе вклинивается группа уголовно-правовых норм, даже не связанных тесно с соседними статьями»². Глава XXI Соборного Уложения 1649 года предусматривала ответственность за имущественные преступления (например, за разбой, грабеж, татьбу и др.). Глава XXII Соборного Уложения 1649 года содержит 26 статей. В ней предусмотрена ответственность, например, за убийство отца или матери (статья 1), за убийство сына или дочери (статья 3). Таким образом, в Соборное Уложение 1649 года впервые включены преступления против родителей, которые ранее относились к сфере церковного законодательства³. Статья 23 этой главы Соборного Уложения 1649 г. предусматривала ответственность за убийство, совершенное путем отравления, а статья 24 - ответственность за соращение христианина не в христианскую веру. Статьи 25-26 этой же главы содержали преступления против нравственности. В главе XXIII Соборного Уложения 1649 года содержались статьи, предусматривающие ответственность за незаконное изготовление и продажу вина, незаконную покупку вина и табака. Например, согласно статье 11 этой главы, лица, продающие и покупающие табак, наказывались смертной казнью. В Соборном Уложении 1649 года причинение увечья, нанесение ран и тяжкие побои отграничены от преступлений против чести и преступлений против имущества (Глава XXII статьи 10-12)⁴.

¹ Памятники русского права. Вып. 6. Соборное уложение царя Алексея Михайловича 1649 года. М., 1957. С.148.

² Там же. С. 147.

³ Памятники русского права. Вып. 6. Соборное уложение царя Алексея Михайловича 1649 года. М., 1957. С. 435.

⁴ Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. М., 2005. С. 409-410.

В Соборном Уложении 1649 года формируются некоторые предпосылки концептуального характера, которые окажут в будущем влияние на структурирование Особенной части дореволюционного отечественного уголовного законодательства. Последовательность расположения структурных компонентов: преступления против религии и церкви, самодержавия, иные преступления - будет встречаться и в источниках права более позднего периода. В положениях Соборного Уложения 1649 года присутствуют некоторые противоречия между санкциями статей: иногда за одно и то же преступление в разных частях закона прописаны разные наказания. Например, наказание за совершение татьбы предусматривалось главами X и XXI. Это объясняется тем, что статьи взяты из различных источников¹.

Соборное Уложение 1649 года содержит наказания имущественные и личные (продажа, заповедь², ссылка, тюремное заключение, членовредительство (например, отрезание уха), смертная казнь и др.).³ В некоторых статьях не указано наказание, но дается ссылка на предыдущие статьи (например, ст. 15 главы XXI Соборного Уложения 1649 г.). Цель наказания видится в устрашении населения. Однако стоит учитывать, что большинство преступлений названо в работе с учетом используемой в настоящее время терминологии, тогда как в Соборном Уложении 1649 г. они описывались иначе. Например, статья 1 главы I изложена так: «А будет кто, пришед в церковь Божию, учнет бити кого ни буди, и убьет кого досмерти и того убойца по сыску самого казнити смертью же»⁴. Статья 1 главы II гласит: «Будет кто каким умышлением учнет мыслить на государское здоровье злое дело, и про то его злое умышленье кто известит, и по тому извету про то его злое умышленье сыщется допряма, что он на царское величество злое дело

¹ Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. М., 2005. С. 415-423.

² Там же.

³ Там же. С. 415-423.

⁴ Соборное уложение 1649 года. М.: Изд-во Московского университета, 1961. URL: <https://www.hist.msu.ru/ER/Text/1649/whole.htm> (дата обращения: 15.09.2023 г.).

мыслил, и делать хотел, и такова по сыску казнить смертью»¹. Приведенный пример демонстрирует, что диспозиции статей Соборного Уложения 1649 г. достаточно объемные, как правило описательные, чаще построены с использованием казуистического приема.

В анализируемом памятнике права санкции статей, как правило, абсолютно-определенные, безальтернативные. Нередко в них в качестве единственного наказания указана смертная казнь. В некоторых статьях содержатся и ее вид. К примеру, за фальшивомонетничество – «казнить смертью, залити горло»² (ст. 1 главы V Соборное Уложение 1649 г.). В статье, помимо наказания, может быть указана его цель: «посадити в тюрьму на две недели, чтобы на то смотря иным неповадно было вперед так делати»³ (ст. 1 главы III Соборное Уложение 1649 г.). В одной статье ответственность может быть дифференцирована в зависимости, например, от наступивших последствий (ст. 5 главы III Соборное Уложение 1649 г.).

Таким образом, Соборное Уложение 1649 года – не является отраслевым памятником права, в нем статьи о преступлениях не объединены в логическую систему, по-прежнему, наблюдаются повторы и рассогласованность положений, в том числе, в понимании соразмерности наказания за конкретные деяния.

Как справедливо отмечал М.Ф. Владимирский-Буданов, «Уложение (как и вообще какой бы то ни был кодекс) не может ни обнять всю сумму действующих норм, ни остановить дальнейшее развитие юридической жизни народа»⁴. В период действия Соборного Уложения 1649 года создавались и действовали новоуказные статьи (все законы, изданные после Уложения, касающиеся предметов, уже вошедших в Соборное Уложение), например,

¹Соборное уложение 1649 года. М.: Изд-во Московского университета, 1961. URL: <https://www.hist.msu.ru/ER/Etext/1649/whole.htm> (дата обращения: 15.09.2023 г.).

² Там же.

³ Там же.

⁴ Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. М., 2005. С. 272.

Новоуказные статьи о разбойных и убийственных делах 1669 г. Они дополняли Соборное Уложение 1649 года¹.

Важное значение для изучения генезиса Особенной части отечественного уголовного закона (предпосылок ее формирования) имеет Устав воинский, который действовал наряду с Соборным Уложением 1649 года. В состав Устава воинского входил Артикул Воинский 1715 г. А. А. Герцензон считал, что он «являлся в полном смысле Уголовным кодексом без общей части, каковой в то время не было и в западноевропейских уголовных кодексах»². Однако, конечно, Особенной частью его можно назвать условно в широком смысле слова лишь потому, что он содержал статьи, близкие по виду современной Особенной части уголовного закона. Считается, что именно в Артикуле Воинском 1715 г. впервые использован термин «преступление»³. В качестве источников артикулов ученые видят шведское законодательство, французские ордонансы и регламенты, датские законы⁴. В науке отмечено, что использование зарубежного законодательства происходило исключительно для практических целей. Так, Г.С. Фельдштейн отмечает, что «заимствованные почти дословно из разных западных законодательств и подвергнутые целому ряду переделок, вызываемых практическими соображениями, законы эти были делом самой жизни, а не теоретических построений»⁵.

В Артикуле 1715 года статьи о преступлениях следуют в таком порядке: преступления против религии и церкви (главы 1, 2), преступления против императора (глава 3), воинские преступления (главы 4 – 15), преступления против безопасности государства (глава 16), преступления против

¹ Памятники русского права. Вып. 7. Памятники права периода создания абсолютной монархии. Вторая половина XVII в. / под ред. Л.В. Черепнина. М., 1963. С. 394.

² Уголовное право. Общая часть: учебник / науч. ред. В. Д. Меньшагин. М., 1948. С. 76

³ Коняхин В.П. Теоретические основы построения Общей части российского уголовного права. Краснодар, 2002. С. 33.

⁴ Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. М., 2005. С. 316.

⁵ См.: Фельдштейн Г.С. Главные течения в истории науки уголовного права в России. М., 2014. С. 42; Бобровский П. Военные законы Петра Великого в рукописях и первопечатных изданиях: историко-юридическое исследование П.О. Бобровского: с приложением снимков подлинной рукописи Артикула воинского / П.О. Бобровского. СПб., 1887. С. 68-90.

общественной безопасности и порядка (глава 17), преступления против чести и достоинства (глава 18), против жизни (глава 19), половые преступления (глава 20), преступления против собственности (глава 21), преступления против правосудия и управления (глава 22)¹. Преступления объединялись в группы по родовому объекту соответствующих посягательств², хотя и эта система не была совершенной. Артикулы не были согласованы с действовавшими тогда положениями иных источников права, включающих уголовно-правовые запреты (Соборным Уложением 1649 года и новоуказными статьями). Противоречили они и морскому уставу³.

Относительно содержания этого документа, можно отметить, что преступления против веры Артикул воинский 1715 года заимствует из немецких источников. Голый умысел (в преступлениях против Величества) этому источнику права наказывался наравне с совершением преступления⁴. Важным было установление, что слово тогда преступно, когда содержит призыв к действию⁵. Предусматривалась ответственность за совершение преступлений против жизни, например, убийство младенца, убийство офицера, убийство законнорожденного, вытравление плода, ответственность в случае, если лицо подкинет незаконнорожденного в опасное место⁶. Артикул воинский 1715 года «значительно дополнил область преступных деяний, введя постановления по таким проступкам, о которых прежние законы или вовсе ничего не говорили, или говорили весьма кратко, или даже и по таким, которые едва ли в эпоху устава были известны в русской жизни»⁷. Он вводит наказания за преступления против собственной жизни по образцу немецких законов – самоубийство и поединки⁸. Целью наказания в Артикуле воинском

¹ См.: Асланян Р.Г. Теоретические основы построения Особенной части российского уголовного права. Краснодар, 2023. С. 72.

² Коняхин В.П. Теоретические основы построения Общей части российского уголовного права. Краснодар, 2002. С. 33.

³ Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. М., 2005. С. 316.

⁴ Там же. С. 427.

⁵ Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. М., 2005. С. 427.

⁶ Там же. С. 430.

⁷ Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Часть общая: лекции. СПб., 1902. С. 54.

⁸ Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. М., 2005. С. 428.

1715 г. является мечь. Он содержит такие наказания, как членовредительство, болезненные наказания, лишения прав (шельмование, политическая смерть), конфискация. Однако, стоит обратить внимание, что наказания, направленные против жизни, здоровья, имущества преступника, постепенно уступают место наказаниям, направленным на лишение свободы¹. Система наказаний была дополнена за счет включения в нее каторги, лишения прав, а также своего рода «содержания в дисциплинарной воинской части» (артикул 118)². В современной науке озвучено мнение, что в целом Артикул Воинский 1715 г. по своей законодательной технике, полноте многих положений, предусматривающих воинские и общеуголовные преступления, стоял выше предшествовавших российских и западноевропейских военно-уголовных кодексов XVII и XVIII вв.³ Во многом это было достигнуто за счет опоры на имеющиеся примеры законодательного творчества, а не только вследствие теоретической обработки.

В процесс анализа отечественного законодательства с X до XVIII века может сложиться представление о линейном пути развития предпосылок формирования Особенной части уголовного законодательства, когда четко выделен основной (ключевой) закон (в широком смысле слова) и с ним сосуществуют другие, будто дополняющие его. Однако такой логический путь искусственен, выстроен он для достижения научных целей - познания истории, принципов и тенденций, характерных для Особенной части отечественного уголовного закона. В действительности же количество источников права (законов) исчислялось «десятками тысяч»⁴, они были изданы в разные эпохи, и все считались действующими, при этом нередко противоречили друг другу⁵. А.Н. Колесников отмечал, что «нельзя было установить силу новых актов без знания прежних. Однако ранее принятые акты нелегко было найти; трудно

¹ Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. М., 2005. С.436.

² Коняхин В.П. Теоретические основы построения Общей части российского уголовного права. Краснодар, 2002. С. 35.

³ Там же.

⁴ Дудырев Ф.Ф. Кодификация уголовного законодательства Российской империи в XVIII-XX в.: монография. Екатеринбург, 2011. С. 64.

⁵ Там же. С. 65.

было в них разобраться, так как положения законов имели свою длинную историю»¹. Ученые отмечали, что «большая часть законодательства, считавшегося действующим, вообще была неизвестна государственным органам, судам, учреждениям, населению, особенно находящимся вне Петербурга и Москвы»². Как отмечает Ф.Ф. Дудырев, вплоть до конца XVIII века «в России отсутствовал даже реестр издаваемых законодательных актов»³, следствием такого положения дел было, что «при неимении не только Свода, но даже простого собрания законов уголовные палаты приводили в своих решениях такие законы, которые никогда издаваемы не были»⁴. Это обуславливает тот факт, что многообразие положений, которые теоретически допустимо было бы отнести к типичным для Особенной части уголовного закона, в этот период столь велико, что они (эти положения) с трудом поддаются установлению и объединению.

С начала XVIII до первой четверти XIX в. осуществлялись попытки систематизировать действующее уголовное законодательство, кодифицировать нормы уголовного права, при этом не прекращалось создание новых законов, содержащих уголовно-правовые запреты.

В течение всего XVIII века существовала пропасть между теорией и требованиями жизни, предпринимались попытки то разработать специфический, характерный только для России уголовный закон и его Особенную часть, то заимствовать опыт зарубежных стран. Э. Аннерс, например, полагал, что «нормы шведского военного уголовного права служили основанием для формирования русского уголовного права вплоть до XIX века»⁵. Однако это не единственное иностранное уголовное

¹ Колесников А.Н. Систематизация законодательства в России в начале XIX века М.М. Сперанским // Ученые записки. 1957. Вып. 8. С. 192.

² Кодан С.В., Тараборин Р.С. Несостоявшаяся кодификация гражданского законодательства России. 1880-1825. Екатеринбург, 2002. С. 13.

³ Дудырев Ф.Ф. Кодификация уголовного законодательства Российской империи в XVIII-XX в.: монография. Екатеринбург, 2011. С. 65.

⁴ Селиванов И.В. Записки // Русская старина. 1882. Том XXXIII. Вып. 1-3. С. 631.

⁵ Аннерс Э. История европейского права. М., 1994. С. 255.

законодательство, следы влияния которого можно обнаружить в отечественном законодательстве.

Поиски вектора развития законодательства России, включая уголовный закон и его Особенную часть, подтверждаются и деятельностью комиссий, которые то опирались на уникальные отечественные законы, пытаясь их собрать воедино, то искусственно адаптировали западноевропейский опыт¹.

Существенное влияние оказал на русскую уголовно-правовую мысль и на развитие положений Особенной части уголовного законодательства Наказ Екатерины II. Он фактически перенес на русскую почву уголовно-правовые идеи передовых мыслителей XVIII в., которые при благоприятных условиях стали использовать при создании уголовных законов². Так, в Наказе прослеживаются естественно-правовые, гуманистические идеи. В нем указано, что преступление должно причинять вред «каждому особенно, или всему обществу», не должно создаваться «преступления без крайней необходимости», «в область преступного не следует заносить таких действий, которые находят себе одобрение в нравах и обычаях страны»³. Предложены в Наказе и виды классификации преступлений: «преступления народные и общественные» и «преступления особенные или частные»⁴. При этом все преступления, по ее мнению, делятся на четыре рода: «против закона и веры», «против нравов», «против тишины и спокойствия», «против безопасности граждан». Екатерина II предлагала систематизировать все преступления по этим родам⁵. Существовал даже план-проект Уголовного уложения 1767 года⁶, который был основан на идеях Наказа, но не стал законом. Н. С. Таганцев писал, что многие из положений Наказа «послужили основой дальнейших преобразований эпохи Екатерины II и Александра I, а некоторые

¹ См.: Голенко Д.В. Особенная часть уголовного закона: сравнительно-правовое исследование. Самара, 2024. С. 58-63.

² Фельдштейн Г.С. Главные течения в истории науки уголовного права в России. М., 2014. С. 81.

³ Там же. С. 87.

⁴ Фельдштейн Г.С. Главные течения в истории науки уголовного права в России. М., 2014. С. 87.

⁵ Там же. 100-105.

⁶ Асланян Р.Г. Теоретические основы построения Особенной части российского уголовного права. Краснодар, 2023. С. 598-600.

даже буквально повторены в Своде законов, именно в законах основных»¹. Хотя этот ученый справедливо считал, что Наказ является памятником теоретическим².

Значимое влияние на формирование будущей Особенной части отечественного уголовного законодательства оказал проект Уголовного уложения Российской империи 1813 года. Он разрабатывался в период некодифицированного уголовного законодательства и в окончательном варианте принят не был. Поскольку Уголовное уложение 1813 года осталось проектом, который не был воплощен в жизнь, не стал законом и не регулировал общественные отношения, хотя и обсуждался органами законодательной власти, то его можно отнести именно к периоду некодифицированного уголовного законодательства. И все же этот проект создал предпосылки для будущей кодификации, этапа формирования и развития Особенной части отечественного уголовного законодательства. Это переработанный вариант Уголовного уложения, подготовленного немецким профессором Л. Г. Якобом³. В.В. Есипов отмечал, что проект Якоба подвергся значительным изменениям и в итоге «был выверен историческим традициям русского права»⁴. Именно в этом проекте отраслевого закона впервые статьи Общей части были отделены от статей Особенной части. В доктрине уголовного права отмечается, что проект Уголовного уложения 1813 года – опередивший свое время плод десятилетней работы по составлению нового «систематического сборника российских уголовных законов»⁵.

Как уже отмечалось, проект Уголовного уложения 1813 года состоял из трех частей: основания уголовного права, о наказаниях за государственные и общественные преступления, о наказаниях за частные преступления. Части были разделены на главы, каждая из которых имела наименование; главы – на

¹ Таганцев, Н.С. Русское уголовное право. Часть общая: лекции. СПб., 1902. С.202.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Есипова В.В. Очерк русского уголовного права: Преступление и преступники. Наказание и наказуемые. Часть общая. 2-е изд., пересмотр. СПб., 1898. С. 44.

⁵ Энциклопедический словарь: в 82 тт. и 4 доп. тт. Том XXXIVa / А. Брокгауза и И.А. Ефрона. СПб., 1902. С.686.

отделения с заглавием, отделения – на отделы, обозначавшиеся римскими цифрами с наименованием, последние делились иногда на структурные компоненты, пронумерованные, но без заглавий, в основании лежали параграфы (по аналогии с современными статьями уголовного закона)¹. Особенную часть открывали статьи о преступлениях против святой православной веры, затем следовали преступления против основ самодержавной власти (например, оскорбление Императорского Величества, государственную измену), преступления, нарушающие внутреннюю общественную безопасность и тишину, преступления, связанные с обманом или лживыми поступками, преступления, связанные с подлогом и насилием при совершении брака, преступления чиновников по их службе. Преступления против военной службы не были включены в Уголовное уложение, так как применительно к ним действовало Полевое уголовное уложение. В части III Уголовного уложения 1813 года располагались частные преступления: ответственность за смертоубийство, за раны и другие телесные повреждения, за обиды, за преступления против собственности. Интерес представляет то, что санкции в статьях, как правило, отсутствовали, их заменяли отсылочные положения к конкретным параграфам первой части проекта².

Уложение ознаменовало собой эталон систематизации норм уголовного права на последующие сто лет³. Именно этот проект Уголовного уложения Российской империи обозначил некоторые концептуальные основы построения Особенной части отечественного уголовного законодательства дореволюционного периода, а также вектор развития законодательной техники. Однако в то время он подвергся критике со стороны членов Государственного совета, которые были «против заимствования иностранных образцов при создании российских законов»⁴.

¹ См.: Проект Уголовного уложения Российской Империи 1813 года: монография / А.Г. Безверхов, В.С. Коростелев. Самара, 2013. С. 12.

² Проект Уголовного уложения Российской Империи 1813 года. Самара, 2013. С. 14.

³ Там же. С. 13.

⁴ Дудырев Ф.Ф. Кодификация уголовного законодательства Российской империи в XVIII-XX в. Екатеринбург, 2011. С. 78.

Дальнейшее развитие и совершенствование положений Особенной части в неcodифицированном законодательстве стало возможным, в том числе, в связи с некоторым развитием теории уголовного права. Появляются первые научные исследования отечественных ученых, в которых содержатся идеи построения уголовного закона и его Особенной части. Например, К. Пауловичу принадлежат достаточно прогрессивные для того времени мысли. Он писал о том, что систему преступлений Особенной части следует «строить на почве невмешательства уголовного законодательства в сферу личную в тесном и широком смысле, поскольку этим не создается реальной опасности для общества»¹. Наука уголовного права к началу XIX века формулирует первые предложения по совершенствованию российского уголовного законодательства, излагает теоретические разработки построения Особенной части отечественного уголовного закона, которые в определенной степени опираются на сложившийся в России опыт структурирования законодательного материала. Отметим, что в период создания Уложения 1845 г., в комиссию при Николае I входили «лучшие, наиболее талантливые и образованные специалисты, обладавшие достаточным опытом и высокой квалификацией»², именно им и удалось сделать шаг вперед на пути становления и развития Особенной части неcodифицированного российского уголовного законодательства.

В 1830 году было опубликовано первое Полное собрание законов Российской империи в 45 томах, начиная с Соборного Уложения 1649 года и по 12 декабря 1825 года³. Это первая масштабная попытка объединения всех принятых в России уголовных законов практически за два столетия, которая увенчалась определенным успехом. Законы, объединенные в Полном собрании законов, не изменялись разработчиками, а располагались в хронологической последовательности.

¹ Фельдштейн Г.С. Главные течения в истории науки уголовного права в России. М., 2014. С. 378.

² Дудырев Ф.Ф. Кодификация уголовного законодательства Российской империи в XVIII-XX в. Екатеринбург, 2011. С. 105.

³ Наумов А.В. Преступления и наказания в истории России: монография: в 2 ч. Ч. 1. М., 2021. С. 217-218.

После этого этапа начался второй – создание свода законов Российской империи (далее – Свод законов). Свод законов вступил в силу с 1 января 1835 года, состоял из XV томов. Том XV объединял уголовные законы. Впервые уголовный закон не открывает сборник законов, а располагается последним. Он был разделен на две книги. Книга 1 состояла из 11 разделов, 1 раздел из которых следует отнести к Общей части, со 2 по 10 разделы – к Особенной части уголовного закона. Впервые в отечественном уголовном законодательстве статьи, которые следует отнести к Общей части, отделены от статей Особенной части, но согласованы они в полной мере не были.

Особенную часть свода законов открывали статьи о преступлениях против веры, затем следовали преступления государственные, преступления против правительства, должностные преступления, преступления против безопасности, жизни и прав общественного состояния лиц, преступления против уставов о повинностях, уставного казенного управления и благоустройства, преступления против прав семейного состояния, преступления, связанные с противозаконным удовлетворением плотских страстей, преступления против прав на имущества, преступления, связанные с лживыми поступками¹. В своде законов встречались, например, предписания «наказать яко преступника». Однако, по-прежнему, не все уголовно-правовые запреты вошли в Свод законов Российской империи. С 1836 года началась работа над Уголовным уложением, а параллельно продолжалась подготовка второго издания свода законов, который был издан в 1842 году и дополнен 300 новыми статьями².

Исследователи критически относились к своду законов, полагая, например, что он «искусственно воззвал к жизни не одно обветшавшее постановление», искажал в некоторых местах законы, изменяя значение некоторых положений создатели его «не уничтожили противоречия» между

¹ Наумов А.В. Преступления и наказания в истории России: монография: в 2 ч. Ч. 1. М., 2021. С. 222.

² Там же. С. 223.

законами¹, «компиляция приводила к формулам, не приспособленным для применения к наиболее обычным в жизни случаям»², исчезли ряд казуистических постановлений, но «не появились на их замену общих принципов»³.

Полное Собрание законов Российской империи и Свод законов «не внесли нового в политическую и социальную жизнь, в систему государственного управления» они были направлены «на обеспечение порядка и законности в рамках имеющихся государственных институтов, на консервацию существующего общественно-политического устройства»⁴. Г.С. Фельдштейн отмечал, что эти акты «выступили работами, которые не имели в виду внести новых начал в наше законодательство», являлись «логическим последствием установившегося режима и предназначались выступать в роли палладиума его»⁵.

Анализируя формирование и путь развития Особенной части отечественного уголовного законодательства, вряд ли допустимо Полное собрание законов Российской империи, Свод законов признать кодифицированными актами, однако, они являются безусловным шагом на пути объединения и описания всех уголовно-правовых запретов в статьях одного структурного компонента - Особенной части уголовного закона.

Полное собрание законов Российской империи и Свод законов способствовали дальнейшему развитию Особенной части именно некодифицированного российского уголовного законодательства. Они создали предпосылки для разработки Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года (далее – Уложение 1845 г.). Так, Н.С. Таганцев пишет, что «Уложение 1845 г. входило в общую цепь кодификационных работ, начавшихся с Уложения царя Алексея Михайловича, а затем непрерывно, хотя

¹ Корф М.А. Жизнь графа Сперанского: в 2 т. Т.1. СПб., 1861. С. 321.

² Фельдштейн Г.С. Главные течения в истории науки уголовного права в России. М., 2014. С. 442.

³ Там же.

⁴ Дудырев Ф.Ф. Кодификация уголовного законодательства Российской империи в XVIII-XX в. Екатеринбург, 2011. С. 106.

⁵ Фельдштейн Г.С. Главные течения в истории науки уголовного права в России. М., 2014. С.435.

и бесследно продолжавшихся два столетия и только при императоре Николае I завершившихся изданием Свода законов»¹.

В Уложении 1845 г. вслед за Сводом законов структурно обособлены положения, которые можно отнести к Особенной части уголовного закона. Однако это по-прежнему не был строго отраслевой закон, поскольку предусматривал далеко не только уголовную ответственность за преступления.

Уложение 1845 года отражало социально-экономическую, социально-политическую и научную обстановку своего времени. Российская империя в момент его принятия – монархия, «верховная власть отказалась даже от внешних проявлений либерализма»², «нерушимость государственных устоев, традиционный характер верховной власти были положены в основу доктрины православия, самодержавия и народности»³. Властью принимаются все меры для установления «прочности режима». А.В. Наумов отмечает, что Уложение 1845 г. не могло быть иным и является «продуктом своего времени», что обусловлено тем, что принято оно в эпоху николаевского «застоя»⁴. Г.С. Фельдштейн же категорично утверждал, что Уложение 1845 г. «сыграло роль могильного камня над творческим развитием уголовно-политической мысли»⁵, нельзя было и ждать сколько-нибудь серьезных успехов науки права при режиме, больше всего опасавшемся за колебания основ, нашедших воплощение в Своде законов уголовных и Уложении 1845 г.⁶.

Важным является то, что при составлении проекта Уложения 1845 г. изучалась уголовная статистика империи на основании отчетов Министерства юстиции 1834-1840 годов, исследовалось число совершенных проступков, преступлений, назначенных за них наказаний, создавалось сравнительное обозрение уголовных законов некоторых европейских государств, извлечения

¹ Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Часть общая: лекции. СПб., 1902. С. 64.

² Дудырев Ф.Ф. Кодификация уголовного законодательства Российской империи в XVIII-XX в. Екатеринбург, 2011. С. 94.

³ Там же. С. 94.

⁴ См: Наумов А.В. Преступление и наказание в истории России: монография: в 2 ч. Ч. I. С. 251.

⁵ Фельдштейн Г.С. Главные течения в истории науки уголовного права в России. М., 2014. С. 509.

⁶ Там же. С. 522.

из практических замечаний на постановления тома XV Свода законов Российской империи¹. Однако все эти работы были совершены не для научной переработки материала, а ради проверки и дополнения Свода законов Российской империи. Разработчики стремились не отступать от порядка, установленного Сводом, устраняя лишь неточности². Готовые разделы Особенной части Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года направлялись «руководителям заинтересованных ведомств»³, которые вносили замечания в проект.

Уложение 1845 г. разделено на 12 разделов, 77 глав, некоторые главы на отделения (их 99), а отделения – на отделы (их 51). К Особенной части Уложения 1845 г. (в законе она не была так озаглавлена) следует отнести разделы II–XII, включающие статьи с 185 по 2224. Разделы, главы, отделения имели заголовки. Некоторые отделения включали структурные компоненты, которые можно назвать отделами, они были обозначены римскими цифрами и тоже имели заголовки. Таким образом, Особенная часть отечественного уголовного законодательства в Уложении 1845 году включала более 2000 статей. Значительное увеличение ее объема (положений, относимых к Особенной части) в Уложении 1845 г., в сравнении со Сводом законов, обусловлено, по мнению И.В. Архипова, «жесткой регламентацией всех сторон общественной жизни, а также о максимальной регламентации деятельности судебных органов»⁴.

Следует отметить, что Уложение 1845 г. предусматривало случаи, когда положения его не распространяются на дела, подлежащие суду по законам церковным или по особым воинским постановлениям (ст. 169 Уложения 1845 г.). Определенные изъятия были предусмотрены в отношении иностранцев, обитающих в Сибири, губернии Архангельской, Астраханской, Оренбургской, Ставропольской и за Кавказом (ст. 168 и Приложение V Уложения 1845 г.).

¹ Фельдштейн Г.С. Главные течения в истории науки уголовного права в России. М., 2014. С. 443.

² Там же. С. 444.

³ См: Наумов А.В. Преступление и наказание в истории России: монография: в 2 ч. Ч. I. М., 2021. С. 227.

⁴ Архипов И.В. Систематизация уголовного законодательства России в 30-70-е гг. XIX века. /под ред. Ю.М. Понихина. Саратов, 1997. С. 74.

Так, например, Сибирские Киргизы судятся по своим законам и обычаям, но за измену, убийство, разбой и другие перечисленные в Приложении V преступления – судами на основании общих Российских законов. Таким образом, в самом законе содержались положения о том, когда Особенная часть Уложения 1845 г. не применяется или применяется в пределах, установленных законом.

Структурные компоненты Особенной части Уложения 1845 г. располагались в следующей последовательности: преступления против веры; преступления государственные; преступления против порядка управления; преступления и проступки по службе государственной и общественной; преступления и проступки против постановлений о повинностях; преступления и проступки против имущества и доходов казны, преступления и проступки против общественного благоустройства и благочиния; преступления и проступки против законов о состоянии; преступления и проступки против жизни, здоровья, свободы и чести частных лиц, преступления против прав семейственных, преступления и проступки против собственности частных лиц¹. Следует отметить, что наименования и последовательность структурных компонентов существенно не отличается от свода законов.

Нумерация разделов и статей была сквозной во всем Уложении 1845 г. Первый раздел, который возможно отнести к Особенной части уголовного законодательства, был обозначен как «раздел второй». Порядковый номер раздела, главы, отделения обозначался словами («глава первая», «отделение третье» и т.п.). Каждый из разделов имел самостоятельную внутреннюю нумерацию глав. Каждая глава, которая состояла из отделений, также имела их самостоятельную внутреннюю нумерацию. Части статей пронумерованы не были. В одной статье в разных абзацах могли содержаться признаки

¹ Наумов А.В. Преступления и наказания в истории России: монография: в 2 ч. Ч. 1. М., 2021. С. 242.

привилегированного, основного и квалифицированного составов преступлений.

Создателями Уложения 1845 г. был отдан приоритет использованию казуистического приема при изложении уголовно-правовых запретов в диспозициях статей. Он выбран не только для детальной регламентации всех сторон жизни общества, но и в связи с невысокой грамотностью правоприменителей. Н.С. Таганцев отмечал, что в характеристику преступления часто внесены второстепенные признаки, что заставляет «недоумевать о том, какое значение имеют эти и подобные придатки»¹. По мнению этого же ученого, Уложение 1845 г., в связи с этим стало по уровню ниже, чем Свод законов уголовных, похожим на средневековый сборник².

В статьях Особенной части Уложения 1845 г. диспозиция предшествовала санкции. Встречались статьи только с диспозицией, без санкции. Например, в ст. 219 Уложения 1845 г. определялось содержание понятия святотатства, а также указывались некоторые квалифицирующие признаки состава преступления, при наличии которых наказание должно быть более строгим (оскорбление святыни, насильственные действия и др.), в диспозиции ст. 253 Уложения 1845 г. определялось, что является государственной изменой, а в ст. 230 Уложения 1845 г. указывались пределы действия положений главы четвертой раздела второго Уложения 1845 г. Здесь следует обратить внимание, что признаки составов преступлений могут раскрываться через их дефиницию в диспозиции отдельной статьи. Наличие такого рода положений в Особенной части будет сохраняться и в последующих отечественных уголовных законах, но изменится их месторасположение (например, в примечаниях к статье). Также в последующих уголовных законах в Особенной части будут встречаться и положения о пределах действия раздела, главы или статьи.

¹ Таганцев, Н.С. Уложение о наказаниях. Его характеристика и оценка // Вестник права. СПб.: Юрид. об-во при Имп. С.-Петербур. ун-те, 1873. № 1. С. 48.

² Там же. С. 12.

В Уложении 1845 г. можно встретить ссылочные диспозиции статей, которые содержали прямые отсылки к другим статьям Уложения 1845 г., например, ст. 231 Уложения 1845 г. отсылала к ст. ст. 221 и 222 Уложения 1845 г. Также нередко диспозиция статьи отсылала к предшествующим статьям без указания их номера. Например, диспозиция ст. 264 Уложения 1845 начиналась так: «За противодействие такого рода...», - а диспозиция ст. 265 Уложения 1845 г. – «Если сие преступление учинено невооруженными людьми...»¹. И в том и в другом случае речь идет о признаках преступления, описанного в диспозиции предшествующей им ст. 263 Уложения 1845 г.

В Особенной части Уложения 1845 г. содержались статьи, которые предусматривали ответственность соучастников преступления (например, в ст. 266 Уложения 1845 г. предусмотрены особенности назначаемых видов и размеров наказаний для соучастников преступлений, описанных во всех указанных выше статьях, то есть 263-265 Уложения 1845 г.), особенности ответственности за неоконченное преступление (ст. 250 Уложения 1845 г.).

В отличие, например, от Особенной части современного уголовного закона, в одной статье могли быть описаны сначала признаки более общественно опасного деяния, а затем менее общественно опасного деяния (ст. ст. 221, 222 Уложения 1845 г.). И хотя в Уложении 1845 г. осуществлена более детальная дифференциация уголовной ответственности, по сравнению с ранее действующими нормативными правовыми актами, технически это было сделано несовершенно.

Санкции статей Уложения 1845 г. предусматривали альтернативные виды наказаний, кроме того они (санкции статей) были относительно определенными, некоторые были ссылочными и содержали отсылку к ст. 21 Уложения 1845 г., либо к другим статьям Особенной части (например, санкция ст. 248 Уложения 1845 г. выглядела так: «первые наказаниям выше сего в ст.

¹ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. [Электронный ресурс]. URL: https://pravo.by/upload/pdf/krim-pravo/ulogenie_o_nakazaniyah_ugolovnih_i_ispravitelnih_1845_goda.pdf (дата обращения: 15 августа 2023 г.).

245, а вторые – наказаниям, в ст. 246 определенным»)¹. В санкции статьи, как правило, указывалось, какая степень наказаний применяется. Они были разнообразными (например, «лишение всех прав состояния», смертная казнь, телесные наказания, «ссылка в каторжные работы», «ссылка на житье в губернии Тобольскую и Томскую», ссылка на поселение в Сибирь, «вечное из пределов государства изгнание», денежное взыскание и др.)². Отдельно предусматривалось наложение клейма.

В Уложении 1845 г. законодатель использовал такой прием законодательной техники, как примечания. Примечания к статье, если их было несколько, были пронумерованы римскими цифрами. Например, в примечаниях I, II, III и IV к ст. 230 Уложения 1845 г. указывалось, что понимается под предметами священными, предметами освещенными, предметами неосвещенными применительно к ст. 221 и 222 Уложения 1845 г. Позднее в примечаниях указывалось, какие законы должны применяться в тех или иных случаях. Например, в примечании к ст. 241 Уложения 1845 г. (в ред. 1885 г.) указывалось, какие главы и статьи Уголовного уложения 1903 г. применяются к делам, обозначенным в ст. 1032 и примечании 1 к ней Устава Уголовного Судопроизводства³.

В 1857 году Уложение 1845 г. было инкорпорировано в Свод законов как книга первая тома XV, при этом число статей было увеличено с 2224 до 2304.

Уложения 1845 г. подвергалось критике в доктрине. Так, Н.С. Таганцев писал, что составители «мечтали казуистикой кодекса обнять вечно новые явления в области преступлений <...> такой прием привел прежде всего к невероятной многостатейности Уложения, превышающего количество статей

¹ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. [Электронный ресурс]. URL: https://pravo.by/upload/pdf/krim-pravo/ulogenie_o_nakazaniyah_ugolovnih_i_ispravitelnih_1845_goda.pdf (дата обращения: 15.08.2023 г.).

² См.: Российское законодательство X-XX веков. В 9 т. Т. 6: Законодательство первой половины XIX века / под общ. ред. О.И. Чистякова. М., 1988. С. 57.

³ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. [Электронный ресурс]. URL: https://pravo.by/upload/pdf/krim-pravo/ulogenie_o_nakazaniyah_ugolovnih_i_ispravitelnih_1845_goda.pdf (дата обращения: 15.08.2023 г.).

в раза четыре в любом из современных уголовных кодексов»¹. Этот исследователь также в качестве недостатка называл механическое восприятие иностранных законов, громоздкость и архаичность системы наказания². В.Д. Спасович считал, что законодатель чрезмерно увлекся казуистикой, «утомительным и бесплодным перечислением случаев <...> Уложение имело 2224 статьи, а в издании 1857 г. - 2304. Это количество столь громадное, что память человеческая не может с ним справиться и нет ни юриста-теоретика, ни практика, который бы знал Уложение в основных его принципах и в частях»³.

Наоборот, Н.Д. Сергиевский же полагал, что составители «Уложения 1845 г. сделали не только не менее, но даже более, чем мы могли бы от них требовать. Они дали нам не новое Уложение, а значительно приведенный в порядок, дополненный и систематизированный свод законов»⁴.

Уложение 1845 года действовало длительной период времени. Оно застало и отмену крепостного права, и судебную, земскую, военную реформы, контрреформы Александра III и революции начала XX века. Естественно, столь существенные социально-политические трансформации ставят вопрос о сохранении концептуальных идей построения Особенной части уголовного закона. В связи с произошедшими в России реформами была принята новая редакция Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1866 года. Из него было исключено 652 статьи в связи с принятием Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, 1864 года. В 60-е годы после отмены сословных привилегий происходит пересмотр видов наказаний. В 1885 году Уложение о наказаниях уголовных и исправительных вновь было издано в новой редакции. Нумерация статей в этом издании была сохранена такой же, какой она была в редакции 1866 г. Достигнуто это было следующим образом:

¹ Таганцев Н.С. Лекции по русскому уголовному праву. Вып. 1. СПб., 1887. С. 187-188.

² Наумов А.В. Преступления и наказания в истории России: монография: в 2 ч. Ч. 1. М., 2021. С. 242.

³ См.: Материалы для пересмотра нашего уголовного законодательства: замечания отечественной литературы на Уложение о наказаниях уголовных и исправительных и на Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями. Т. 4. СПб., 1881. С. 4.

⁴ Сергиевский Н.Д. Русское уголовное право. Часть Общая: Пособие к лекциям. СПб., 1911. С. 26.

номера отмененных и исключенных статей были «оставлены на месте», а при них вместо текста статей сделаны оговорки об их отмене или исключении; каждая же новая статья обозначалась номером предыдущей статьи «с дополнительной цифрой справа наверху», и, хотя последняя статья обозначена номером 1711, в действительности их было 1560¹. Статьи о государственных преступлениях и проступках против порядка управления в 1885 году были представлены в новой редакции. В новой редакции также были определены различные степени каторжных работ. Однако концептуально ни структура, ни содержание существенно не изменились, а также за весь период действия Уложения 1845 г. не удалось преодолеть «отсутствие должного единства и согласованности его Общей и Особенной частей»². Принятие новых редакций Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года вносило изменения в уголовный закон, но эти изменения не были значительными, не влияли на принципы построения закона, не касались концептуальных вопросов. Однако произошедшие социально-политические, экономические, научные преобразования требовали кардинального пересмотра всей системы Общей и Особенной частей действовавшего уголовного законодательства. Кроме того, одной из проблем было то, что «важнейшие из видов наказаний, определенных Уложением, в действительности вовсе не существуют»³, то есть требовалась значительная «ревизия» действовавшего законодательства.

Уложения 1845 г., безусловно, закон, соответствующий своему времени, предопределивший дальнейшее развитие Особенной части в отечественном уголовном законодательстве. Положения Особенной части Уложения 1845 г. нельзя считать в полной мере структурным компонентом кодифицированного отраслевого закона. В научной литературе справедливо отмечено, что

¹ Наумов А.В. Преступления и наказания в истории России: монография: в 2 ч. Ч. 1. М., 2021. С. 320.

² Коняхин В.П. Теоретические основы построения Общей части российского уголовного права. Краснодар, 2002. С. 53.

³ Уголовное уложение 22 марта 1903 г.: с мотивами, извлеч. из объясн. записки Ред. комис., представления Мин. юст. в Гос. сов. и журн. - особого совещ., особого присутствия деп. и общ. собр. Гос. сов. / Изд. Н.С. Таганцева. СПб., 1904. С. 21.

Особенная часть Уложения «осталась за рамками кодификационных работ»¹. Она воспринимается как противоположность его Общей части, тесно связана со Сводом законов, в ней отсутствует концептуальная новизна, уровень юридической техники значительно ниже, чем уровень Общей части². Поэтому вряд ли можно говорить о кодифицированном акте в целом, если Особенная часть Уложения составляла более 2000 статей, то есть почти 90 % объема и она не была полностью согласована с Общей частью.

Предложенная концепция построения Уложения 1845 г. не предполагала радикального изменения структуры уголовного закона, его определяющих начал и принципов, как это обычно происходит в рамках процесса кодификации³. Разработчики Уложения 1845 года подчеркивали, что суть их работ заключалась в исправлении неточностей и ошибок, допущенных в Своде законов, развитии мысли, которая уже содержалась, пусть постепенного усовершенствования того, что уже есть.

Ученые более поздних периодов практически единодушно признавали, что Уложение 1845 г. нельзя характеризовать как существенное продвижение на пути совершенствования отечественного уголовного законодательства и его Особенной части. В.Д. Спасович указывал, что «Уложение во многих отношениях ниже Свода законов уголовных» и похоже на «средневековые сборники законов, когда искусство законодательное, будучи в детстве, не умело отвлекать, когда оно ограничивалось собиранием и обобщением известнейших судебных приговоров»⁴. В.М. Клеандрова считала, что «Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. не представляло собой достаточно четкого, юридически точно обработанного уголовного кодекса»⁵. Н.С. Таганцев полагал, что Уложение нельзя в полной мере считать

¹ Дудырев Ф.Ф. Кодификация уголовного законодательства Российской империи в XVIII-XX в. Екатеринбург, 2011. С. 142, 160.

² Архипов И.В. Систематизация уголовного законодательства России в 30-70 гг. XIX в. Саратов, 1997. С. 101.

³ Дудырев Ф.Ф. Кодификация уголовного законодательства Российской империи в XVIII-XX в. Екатеринбург, 2011. С. 116.

⁴ Цит. по: Наумов А.В. Преступления и наказания в истории России: монография: в 2 ч. Ч. 1. М., 2021. С. 326.

⁵ Цит. по Дудырев Ф.Ф. Кодификация уголовного законодательства Российской империи в XVIII-XX в. Екатеринбург, 2011. С. 169.

кодексом, так как отсутствуют «начала и учения, действительно общие всему Уложению». В первых главах Особенной части «не только по содержанию, но и по форме воспроизведены первые главы Соборного Уложения 1649 г.», «полная рознь между различными отделами Уложения»¹. Н.А. Неклюдов утверждал, что «Уложение есть не что иное, как Свод законов», оно страдает «цельной теоретической идеей», «ни одна мысль, ни одно начало его Общей части не выдержаны и не проведены последовательно, не только в части Особенной, но даже в самой Общей части»². И.В. Архипов указывает, что «сравнение системы Особенной части Уложения и т. XV Свода позволяет говорить о том, что она не претерпела значительных изменений», «большинство разделов Особенной части не изменилось в концептуальном плане», «Особенная часть в меньшей степени отразила тенденции развития уголовного права», «в ней существенно ограничивались, а нередко просто игнорировались положения Общей части»³.

Современный исследователь Ф.Ф. Дудырев также приходит к выводу, что Особенная часть Уложения о наказаниях уголовных и исправительных «осталась архаичной, внутренне противоречивой, бессистемно объединяющей в себе фрагменты законодательства разных эпох»⁴.

Отказ создателей Уложения 1845 г. от полной переработки положений предыдущих уголовных законов привел к отсутствию полноты, стройности, непротиворечивости, логичности и единства с Общей частью положений, которые допустимо отнести к Особенной части уголовного закона. Все это не позволяет прийти к выводу о существовании в этот период Особенной части в кодифицированном акте в России.

В период действия Уложения 1845 г. был принят Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями 1864 года. Он включал «маловажные

¹ Таганцев Н.С. Уложение о наказаниях. Его характеристика и оценка // Вестник права. СПб., 1873. № 1. С. 5.

² См.: Материалы для пересмотра нашего уголовного законодательства: замечания отечественной литературы на Уложение о наказаниях уголовных и исправительных и на Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями. Т. 4. СПб., 1881. С. 8.

³ Архипов И.В. Систематизация уголовного законодательства России в 30-70 гг. XIX в. Саратов, 1997. С. 101.

⁴ Дудырев Ф.Ф. Кодификация уголовного законодательства Российской империи в XVIII-XX в. Екатеринбург, 2011. С. 56.

преступления» и проступки. Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, 1864 года (далее - Устав 1864 г.) состоял из 30 глав, объединивших 181 статью. Статьи глав со 2 по 30 относились к Особенной части уголовного законодательства. Статьи о проступках располагались последовательно в зависимости от объекта посягательства: против порядка управления; против благочиния, порядка и спокойствия, против общественного благоустройства, о нарушениях Устава о паспортах, о нарушении уставов строительного и путей сообщения, о нарушении Устава пожарного, о нарушении Уставов почтового и телеграфного; о проступках против народного здравия, о проступках против личной безопасности; об оскорблениях чести, угрозах и насилии, о проступках против прав семейственных, о самовольном пользовании чужим имуществом и «повреждении» оногo. Перечень наказаний был невелик: выговоры, замечания, внушения; денежные взыскания не свыше 300 рублей; арест не свыше трех месяцев; заключение в тюрьме не свыше года. Н.Д. Сергиевский отмечал, что «Устав представлял собой значительный шаг вперед, особенно в разработке диспозитивной части», он «стремится к возможным обобщениям»¹. А.В. Наумов пишет, что «Устав выгодно отличался от Уложения 1845 г., особенно по уровню законодательной техники»². Н.С. Таганцев также считал, что Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями 1864 года значительно превосходит Уложения 1845 года, но «его появление внесло новую неурядицу в наше уголовное законодательство»³. Действительно, в Уставе 1864 г. диспозиции созданы преимущественно с применением абстрактного приема и санкции предусматривают одно или несколько альтернативных наказаний. В санкции статьи установлена, как правило, только верхняя граница наказания. Ответственность дифференцирована. Например, ст. 37 отделения второго главы третьей изложена так: «За распространение ложных слухов, хотя не имеющих политической цели (ст. 28), но возбуждающих беспокойство в умах,

¹ Сергиевский Н.Д. Русское уголовное право. Часть Общая: Пособие к лекциям. СПб., 1911. С. 26.

² Наумов А.В. Преступления и наказания в истории России: монография: в 2 ч. Ч. 1. М., 2021. С. 318.

³ Таганцев Н.С. Лекции по русскому уголовному праву. Вып. 1. СПб., 1887. С. 191.

а равно за напрасное причинение общей тревоги ударом в набат или иным образом, виновные подвергаются: аресту не свыше пятнадцати дней или денежному взысканию не свыше пятидесяти рублей»¹.

Следующим важным шагом на пути становления и развития Особенной части отечественного уголовного закона является создание Уголовного уложения 1903 г. Среди членов редакционной комиссии были ведущие ученые в области уголовного права того времени: Н.С. Таганцев, И.Я. Фойницкий, Н.А. Неклюдов, В.К. Случевский и др. Разработчики проекта Уголовного уложения 1903 г. (далее – Уложение 1903 г.) стремились ознакомить с ним значительное число компетентных лиц, которые могли бы сформулировать замечания и дать рекомендации. Проект Уголовного Уложения 1903 года был направлен в Сенат, суды, прокуратуру, научному сообществу, европейским ученым. Например, Общую часть Уголовного Уложения 1903 г. Н.С. Таганцев перевел на французский и немецкий язык, разослал ученым-юристам, сам подготовил окончательный вариант². В Особенной части Н.С. Таганцев подготовил главы о преступлениях против личности, против порядка управления, о подделке монеты и подлогах³. И.Я. Фойницкий подготовил главы об имущественных преступлениях и о преступлениях против семейного союза, а Н.А. Неклюдов – главу о преступных деяниях по службе⁴. Разработчики Уголовного Уложения 1903 г. изучали европейское законодательство, например, при подготовке проекта на русский язык были переведены уголовные кодексы Венгрии, Германии, Бельгии и Франции⁵.

Особенная часть Уложения 1903 г. (не названная так, но по существу таковой являющаяся) состояла из глав, объединяющих статьи. Комиссия

¹ Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями 1864 года. [Электронный ресурс]. URL: https://nnov.hse.ru/ba/law/igpr/ustav_o_nakazaniyah_mirovimi_sudyami (дата обращения: 12.10.2023 г.).

² См.: Таганцев Н.С. Лекции по русскому уголовному праву. Вып. 1. СПб., 1887. С. 207.

³ Дудырев Ф.Ф. Кодификация уголовного законодательства Российской империи в XVIII-XX в. Екатеринбург, 2011. С. 263.

⁴ Там же. С. 263.

⁵ См.: Материалы для пересмотра нашего уголовного законодательства. Уголовные Уложения Венгрии, Германии, Бельгии и Франции и проект Общей части Итальянского уголовного уложения. Т.1. / пер.: Н.А. Неклюдов. СПб.: Тип. Правит. Сената, 1880. 514 с.

отмечала, что в основу последовательности расположения структурных компонентов Особенной части было положено «свойство и значение того правоохраненного интереса, на который посягал виновный»¹. Первоначально комиссия расположила главы в следующей последовательности: преступления, посягающие на основы государственного устройства (преступления против внешней безопасности и преступления против порядка управления); преступления, посягающие на основы общественной жизни (преступления против церкви и веры, преступления против союзов супружеского и родственного, подлоги и подделки); преступления, посягающие на частных лиц, их личные и имущественные права; преступления служащих при исполнении служебных обязанностей².

Проект был направлен в министерства, и вместо четырех месяцев, которые Николай II отвел на согласование, он рассматривался три года. Главное изменение, как отмечает Ф.Ф. Дудырев, касалось расположения глав Особенной части Уложения 1903 г. Святейший Синод не согласился с расположением главы «О нарушении ограждающих веру постановлений» после главы «О посягательствах на союз семейный»³. В итоге главу расположили перед главой о бунте против верховной власти.

Н.С. Таганцев с сожалением отмечал: «не думалось мне, что придется писать по поводу совершенно своеобразного юбилея, но, увы, предвидение человеческое ограничено. 22 марта 1913 г. исполнилось десять лет со дня утверждения верховной властью Уголовного уложения», «поныне оно не введено в действие, кроме нескольких глав и статей, и мы присутствуем на прискорбном юбилее невведения его в действие»⁴. На столь длительную отсрочку принятия Уложения 1903 г. оказали влияние изменившиеся социально-политические условия внутри государства. Как пишет Ф.Ф.

¹ Цит. по Дудырев Ф.Ф. Кодификация уголовного законодательства Российской империи в XVIII-XX в. Екатеринбург, 2011. С. 56.

² Там же. С. 267.

³ Дудырев Ф.Ф. Кодификация уголовного законодательства Российской империи в XVIII-XX в. Екатеринбург, 2011. С. 267.

⁴ Ландау, Б., Таганцев, Н. С., Набоков, В.Д. Несколько слов по поводу одного прискорбного юбилея ... // Право: Ежегод. юрид. газ. СПб. 1913 г. № 12. 24 марта. 729- 800 стб.

Дудырев, «в период резкого обострения социальных противоречий правительство не нуждалось в систематическом обновлении уголовного законодательства»¹.

Особенная часть Уложения 1903 г. обладала признаками структурного компонента, кодифицированного уголовного закона, однако оно так и не было введено в действие в полном объеме. Введение в действие и применение только некоторых глав не может свидетельствовать о том, что в России наступил период Особенной части кодифицированного уголовного закона. Значительная часть положений не были воплощены в реальную жизнь через регулирования общественных отношений. Это во многом возможно объяснить тем, что разрабатывалась Особенная часть уголовного закона с учетом передовых идей, однако, социально-экономические и политические отношения начали переживать трансформацию. Как пишет А.В. Наумов, «Уголовное Уложение 1903 года явилось основным законодательным актом уголовно-правового характера, предваряющим революцию, но вовсе не рассчитанным на нее»². В действие вводились только те главы, которые были способны сохранить существующий строй, а не внести какие-либо изменения³.

Следует отметить, что в Уголовном уложении 1903 г., как и в Уложении 1845 г., сохраняется указание на случаи, когда его действие не распространялось (ст. 5 Уложения 1903 г.), например, на деяния, наказуемые по законам церковным, воинскому и военно-морскому уставу о наказаниях; на деяния, наказуемые по обычаям инородческих племен, в пределах законом установленных; на преступные деяния, учиненные в Великом Княжестве Финском, за исключением случаев, особо в законе указанных и др. Таким образом, при вступлении Уложения 1903 г. в законную силу все равно допускалось существование и применение иных источников уголовно-правовых запретов в пределах, установленных законом.

¹ Дудырев Ф.Ф. Кодификация уголовного законодательства Российской империи в XVIII-XX в. Екатеринбург, 2011. С. 269.

² Наумов А.В. Преступления и наказания в истории России: монография: в 2 ч. Ч. 1. М., 2021. С. 323.

³ См.: Агафонов Ю.А., Упоров И.В. Историческое развитие уголовного права России. Краснодар, 2001. С. 82.

Уголовное уложение 1903 г. строится на иных концептуальных идеях, чем предшествующее законодательство: равенство граждан перед законом, исключение сословных привилегий, соразмерность преступления и наказания, отказ от устаревших видов наказаний. Достаточно отметить, что Н.С. Таганцев «при составлении проектов придерживался гуманных и либеральных взглядов, настаивал на отказе от смертной казни, на умеренных сроках наказаний, связанных с лишением свободы, более гуманных условиях ответственности несовершеннолетних, снижении санкции по так называемым религиозным преступлениям»¹. Важным является и то, что Уголовное уложение 1903 г. основано на «лучших достижениях научной правовой мысли»².

Уложение 1903 г. существенно отличалось от Уложения 1845 года не только концептуальными идеями, но и техникой построения. Оно содержало 687 статей, из них только 72 относились к Общей части, остальные - к Особенной части отечественного уголовного закона. Особенная часть Уголовного Уложения 1903 года состояла из 36 глав (со второй по тридцать седьмую), объединяющих статьи с 73 по 687. Нумерация глав была сквозной во всем Уголовном Уложении 1903 г. Создатели проекта Уложения 1903 г. отказались от включения в структуру Особенной части таких компонентов, как разделы, отделения и отделы, оставив только один уровень объединения статей в группы внутри этого структурного компонента – главы, хотя, например, отделения были в Общей части этого закона. Главы были пронумерованы. Номер главы обозначался словами (например, «глава вторая»). Каждая из глав имела заголовок. Последовательность расположения глав Особенной части Уложения 1903 г. выглядела так: «О нарушении ограждающих веру постановлений» (глава вторая), «О бунте против Верховной власти и о преступлениях деяниях против Священной Особы

¹ Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Лекции: Часть общая: В 2-х т. Т. 1. М., 1994. С. 9.

² Дудырев Ф.Ф. Кодификация уголовного законодательства Российской империи в XVIII-XX в. Екатеринбург, 2011. С. 276.

Императора и Членов Императорского Дома» (глава третья), «О государственной измене» (глава четвертая), «О смуте» (глава пятая), «О неповиновении власти» (глава шестая), «О противодействии правосудию» (глава седьмая), «О нарушении постановлений о воинской и земской повинностях» (глава восьмая), «О нарушении постановлений, ограждающих народное здравие» (глава девятая), «О нарушении постановлений, ограждающих общественную и личную безопасность» (глава десятая), «О нарушении постановлений, ограждающих народное благосостояние» (глава одиннадцатая), «О нарушении постановлений, ограждающих общественное спокойствие» (глава двенадцатая), «О нарушении постановлений о надзоре за общественной нравственностью» (глава тринадцатая), «О нарушении постановлений о надзоре за воспитанием юношества» (глава четырнадцатая), «О нарушении постановлений о надзоре за печатью» (глава пятнадцатая), «О нарушении постановлений о надзоре за промыслами и торговлей» (глава шестнадцатая), «О нарушении постановлений о личном найме» (глава семнадцатая), «О нарушении постановлений о производстве строительных работ и пользовании путями сообщения и средствами сношения» (глава восемнадцатая), «О преступных деяниях против прав семейственных» (глава девятнадцатая), «О подделке монеты, ценных бумаг и знаков» (глава двадцатая), «О подлоге» (глава двадцать первая), «О лишении жизни» (глава двадцать вторая), «О телесном повреждении и насилии над личностью» (глава двадцать третья), «О поединке» (глава двадцать четвертая), «Об оставлении в опасности» (глава двадцать пятая), «О преступных деяниях против личной свободы» (глава двадцать шестая), «О непотребстве» (глава двадцать седьмая), «Об оскорблении» (глава двадцать восьмая), «Об оглашении тайн» (глава двадцать девятая), «О повреждении имущества, путей сообщения, предостерегательных, граничных и тому подобных знаков или иных предметов» (глава тридцатая), «О необъявлении о находке, присвоении чужого имущества и злоупотреблении доверием» (глава тридцать первая), «О воровстве, разбое, вымогательстве» (глава тридцать вторая), «О

мошенничестве» (глава тридцать третья), «О банкротстве, ростовщичестве и иных случаях наказуемой недобросовестности по имуществу» (глава тридцать четвертая), «О преступных деяниях против прав авторских и привилегий на изобретения» (глава тридцать пятая), «О самовольном пользовании чужим имуществом» (глава тридцать шестая), «О преступных деяниях по службе государственной и общественной» (глава тридцать седьмая)¹.

Таким образом, по сравнению с Уложением 1845 года, структура Уложения 1903 года стала проще, поскольку включала только главы, объединяющие статьи. В названии глав мог быть обозначен объект преступления, как например, в главе двадцать шестой, где предполагается, что объединены статьи о преступлениях, объектом которых выступает личная свобода. Но встречались и иные варианты наименования глав, например, глава двадцать первая объединяла статьи о различных видах подлога, а тридцать третья - о видах мошенничества. Такой вариант объединения статей не только по признакам объекта преступлений может быть полезен при разукрупнении объемных глав современного уголовного закона.

Внутри главы Уложения 1903 г. статьи располагались, как правило, от тех, что описывают признаки наиболее общественно опасных деяний к тем, что описывают признаки менее общественно опасных деяний (например, глава двадцатая). Однако были и другие варианты последовательности расположения статей. Так, в главе двадцать второй сначала располагалась статья о простом виде убийства (основной состав преступления), затем в последующих статьях - квалифицированные виды убийств (квалифицированные составы преступлений), за ними в отдельных статьях - привилегированные виды убийств (привилегированные составы преступлений). Затем следовали статьи, в которых описывались признаки иных преступлений против жизни.

¹ См.: Уголовное Уложение 1903 г./ Приложение к Собранию узаконений и распоряжений Правительства за 1903 г. СПб., 1903. № 38. Отд. I. Ст. 416.

С.Л. Рогов пришел к выводу, что в основу систематизации легло определение Редакционной комиссии¹. В Редакционной комиссии полагали, что есть три группы государственных преступлений: посягательства на внутренние основы государства, посягательства на внешнюю безопасность государства, посягательства на иностранное государство².

Статьи Особенной части Уложения 1903 г. были обозначены арабскими цифрами. Наименования у статей отсутствовали. Статья могла включать части, которые располагались в отдельных абзацах, но не были пронумерованы. Некоторые части статей включали пункты, которые, в отличие от частей статьи, были пронумерованы арабскими цифрами. В частях могли содержаться признаки состава преступления, дефиниции, особенности назначения наказания или освобождения от него, дополнительное наказание. В пунктах, как правило, содержались альтернативные признаки состава преступления. Пункты выделялись только в диспозициях статей. Например, в ч. 2 ст. 93 Уложения 1903 г. указано, что «виновный в случае, пунктом первом сей статьи указанном». Здесь также следует обратить внимание на язык Особенной части Уложения 1903 г.: в отличие от Особенной части современного уголовного закона, где указано на наказуемость деяния, например, «похищение человека – наказывается...», в диспозициях Уложения 1903 г. указано на лицо, то есть «виновный... наказывается».

В Уложении 1903 г. использовались простые, описательные, ссылочные и бланкетные диспозиции. Диспозиция, как правило, предшествовала санкции, но встречались статьи, где санкция располагалась перед диспозицией, например, в ч. 3 ст. 114 Уложения 1903 г.

С точки зрения законодательной техники, интерес представляют варианты построения описательной диспозиции. Так, в ч. 1 ст. 74 Уложения 1903 г. сначала раскрыто содержание понятия «кощунство», путем

¹ Дудырев Ф.Ф. Кодификация уголовного законодательства Российской империи в XVIII-XX в. Екатеринбург, 2011. С. 303.

² Рогов С.Л. Политические преступления по Уголовному уложению 1903 г. // Вестник СГЭУ «Актуальные проблемы правоведения». Научно-теоретический журнал. 2006. № (21). С. 23.

перечисления альтернативных вариантов действий - они в статье пронумерованы; затем в этой же части статьи перечислены и пронумерованы альтернативные признаки состава уголовно наказуемого кощунства. Таким образом, в одной части статьи могло содержаться несколько самостоятельных нумераций.

Допускались отсылки не только к предшествующим, но и последующим статьям. Например, ст. 122 Уложения 1903 г. направляла к ст. ст. 142 и 145 Уложения 1903 г.

В диспозиции статьи допускались ссылки на пункты предыдущей части этой же статьи. Например, в ч. 2 ст. 93 Уложения 1903 г. предусмотрена ответственность в случае повторного совершения действий, перечисленных в пунктах части 1 этой же статьи. В зависимости от того, к какому пункту части 1 ст. 93 Уложения 1903 г. соответствует совершенное лицом повторное действие, частью 2 этой же статьи определяется вид наказания за данное преступление.

Также встречаются статьи, где сначала описываются признаки состава преступления, а затем дифференцируется ответственность в зависимости от наличия того или иного из указанных признаков. Например, в ч. 2 ст. 98 Уложения 1903 г. указано: «Если сие оскорбление или насилие над личностью учинено во время..., то виновный наказывается: за оскорбление – заключение в исправительный дом на срок не свыше трех лет; за насилие – заключение в исправительный дом»¹.

Разработчики Уложения 1903 г. в качестве приоритетного выбирают абстрактный прием построения диспозиций вместо казуистического, что в будущем сохранилось и признавалось как значительный прогресс. Это во многом способствовало уменьшению объема уголовного закона и его Особенной части. Как справедливо отмечал Н.Д. Сергиевский, «чем казуистичнее уложение, тем больше в нем окажется в действительности

¹ Уголовное Уложение 1903 г./ Приложение к Собранию узаконений и распоряжений Правительства за 1903 г. СПб., 1903. № 38. Отд. I. Ст. 416.

пропусков. Наоборот, чем более оно будет говорить общими широкими формулами, тем оно будет полнее»¹, но допускает «предоставления широчайшего простора судейскому усмотрению»². Однако этот ученый видел и недостатки в избранном способе изложения уголовно-правовых запретов. Он указывал, «что отсутствие казуистичности и необыкновенная обобщенность определений – качества в известных пределах для всякого уложения необходимое, но в то же время и опасное. Чрезмерная обобщенность некоторых положений делает иногда невозможным надлежащее уразумение смысла закона без ознакомления с его мотивами, что, в свою очередь, может подавать повод к разномыслиям в толковании и к недоразумениям»³.

На достаточно высоком уровне определялись вопросы основания и дифференциации ответственности за преступления в Уложении 1903 г.⁴ (например, дифференциация ответственности за убийство в главе двадцать второй).

В отличие от Особенной части современного уголовного закона, где в частях 2, 3 и т.д. описываются, как правило, признаки квалифицированного состава преступления, в Уложении 1903 г. встречались статьи, где в части 1 описан основной состав, а в ч. 2 – привилегированный (ст. 74 Уложения 1903 г.). К тому же в частях статьи могли быть описаны признаки различных самостоятельных составов преступлений. Встречались статьи, где в части 2 содержались признаки более общественно опасного деяния, чем в части 1 (ст. 110 Уложение 1903 г.).

В Уложении 1903 г. использовались различные конструкции составов преступления: простые и сложные, когда законодатель указывал на несколько альтернативных признаков состава преступления; основные, квалифицированные и привилегированные. Значительное число статей первых глав Особенной части Уголовного уложения 1903 г. содержало

¹ Сергиевский Н.Д. Русское уголовное право. Часть Общая: Пособие к лекциям. СПб., 1911. С. 29.

² Там же. С. 29.

³ Там же. С. 30.

⁴ См.: Уголовное Уложение 1903 г./ Приложение к Собранию узаконений и распоряжений Правительства за 1903 г. СПб., 1903. № 38. Отд. I. Ст. 416.

признаки нематериальных составов преступлений (формальных, усеченных и др.). В Уложении 1903 г. встречались части статей, которые не содержали либо диспозиции, либо санкции. Так, ст. 119 Уложения 1903 г. содержала положения об особенностях ответственности иностранного гражданина за совершение преступлений, предусмотренных 108 и 118 статьями Уложения 1903 г. В ч. 2 ст. 94 Уложения 1903 г. отсутствовала диспозиция, в санкции указывалось на дополнительное наказание «Сверх того...».

Встречалось и такое расположение диспозиций и санкций в статье, как, например, в ст. 120 Уложения 1903 г.: «Участник такого скопища, подстрекавший к ослушанию предъявленному требованию разойтись, наказывается: в случае, первую частью сей статьи указанном – арестом; в случае, второй частью сей статьи указанном – заключением в тюрьму; в случае, третью частью сей статьи указанном – заключением в тюрьму на срок не ниже шести месяцев».

Санкции статей указывали на вид наказания, либо на вид и размер. Например, в абзаце первом ст. 76 Уложения 1903 г. указывается, что виновный наказывается арестом, а в абзаце втором обозначено, что виновный наказывается арестом на срок не свыше одного месяца или денежною пеней не свыше ста рублей¹. Если в санкции статьи не были обозначены верхняя и нижняя граница размера наказания, то они определялись в соответствии с положениями Общей части. Создателями Уложения 1903 г. использовались и ссылочные диспозиции, например, в ч. 3 ст. 114 указывалось: «...сим же наказанием и на сем же основании».

Примечания как прием законодательной техники не использовался в Особенной части Уложения 1903 г. Те положения, которые в современном уголовном законе, как правило, располагаются в примечаниях, в Уложении 1903 г. находились либо в приложении, либо в диспозициях статей или

¹ См.: Уголовное Уложение 1903 г./ Приложение к Собранию узаконений и распоряжений Правительства за 1903 г. СПб., 1903. № 38. Отд. I. Ст. 416.

диспозициях частей статей. Например, в ч. 2 ст. 127 Уложения 1903 г. указаны обстоятельства, при которых «наказание смягчается на основаниях, статьей 53 установленных, или же он вовсе может быть освобожден от наказания», а в ч. 2 ст. 195 Уложения 1903 г. содержатся основания освобождения от наказания - наказание не применяется к лицу, безвозмездно оказавшему врачебную помощь, также об освобождении от наказания речь идет в ст. 415, ст. 417 Уложения 1903 г. В ч. 2 ст. 317 Уложения 1903 г. обозначены пределы действия статьи - «правила пункта первого части первой, а равно части третьей сей статьи не распространяются на долговые обязательства по продаже крепких напитков из заводов и оптовых складов». В диспозициях статей 215, 217, 223 Уложения 1903 г. содержатся положения о судьбе предметов преступления, а именно то, что они отбираются. Здесь видно, что специальные положения по применению конкретной статьи или специальные основания освобождения от наказания располагаются в самой статье Особенной части Уложения 1903 г. В приложении 1 и 2 к Уложению 1903 г. раскрывается содержание понятий священных и освященных предметов, в отличие, например, от Уложения 1845 г., где эти же понятия раскрывались в примечании к ст. 230. В Уголовном уложении 1903 г. прямо в диспозиции статьи содержалась отсылка к приложению. Например, диспозиция ст. 73 Уложения 1903 г. отсылала к приложению 1. Таким образом, отказавшись от использования примечаний, законодатель вынес некоторые дефиниции не в примечания, а в приложения, хотя и сохранил описательные диспозиции и дефиниции в диспозициях.

Положения Общей и Особенной частей в Уложении 1903 г согласованы. Это согласование достигается, в том числе, и через указание корреспондирующих положений Общей и Особенной частей Уложения 1903 г. Приведем некоторые примеры. Так, в ст. 33 Уложения 1903 г. содержится положение о том, что дополнительное наказание назначается в указанных в законе случаях, а в статьях Особенной части прямо указано на эти случаи назначения дополнительного наказания (ч. 2 ст. 94 Уложения 1903 г.). В ст. 48

Уложения 1903 г. определено, что преступление, совершенное по неосторожности, наказывается в случаях, указанных в законе, а в диспозициях статей Особенной части Уложения 1903 г. содержатся такие случаи (например, ст.227 Уложения 1903 г.). В ст. 49 Уложения 1903 г. указано, когда наказуемо покушение на преступление, а также правила смягчения наказания на основании ст. 53, а в статьях Особенной части Уложения 1903 г. в диспозициях частей прямо указано: «Покушение наказуемо» (например, ч. 2 ст. 115 Уложения 1903 г.). Статья 101 содержит отсылку к ст. 99 и ст. 100 Уложения 1903 г. Эта статья предусматривает ответственность за приготовления к преступлениям. При этом в санкциях всех трех названных статей предусмотрено одинаковое наказание за приготовление, покушение и оконченное преступление – смертная казнь. Примером согласованности положений Общей и Особенной части Уложения 1903 г. является и положение, содержащееся в ст. 131 Уложения 1903 г.: «...если не подлежит более строгому наказанию как соучастник учинённого преступного деяния, наказывается...»¹. Здесь мы видим, что структурные части нормы уголовного права содержатся в статьях Общей и Особенной части уголовного закона. Как было указано в начале раздела, нормы уголовного права едины, но с помощью приемов, средств и правил законодательной техники норма права может содержаться в нескольких статьях, расположенных в различных частях уголовного закона. В этом кодифицированном памятнике права наблюдается тенденция, когда в статьях Особенной части уголовного закона содержатся не только диспозиция, описывающая признаки составов преступлений, и санкция, содержащая конкретные виды и размеры наказаний, но и специальные положения, которые дополняют или конкретизируют общие положения (например, специальные основания освобождения от наказания,

¹ См.: Уголовное Уложение 1903 г./ Приложение к Собранию узаконений и распоряжений Правительства за 1903 г. СПб., 1903. № 38. Отд. I. Ст. 416.

конкретизация правил об ответственности соучастников преступлений, а также за неоконченное преступление).

Уложение 1903 г. предусматривало ответственность за совершение преступлений не только в мирное время, но и во время войны (например, ч. 2 ст. 190 и ч. 2 ст. 191 Уложения 1903 г.).

Из анализа Особенной части Уложения 1903 г. можно сделать вывод, что в этом структурном компоненте уголовного закона были описаны некоторые признаки состава преступления; виды и размеры наказания за совершение конкретных деяний; конкретизировались положения о привлечении к уголовной ответственности за неоконченные преступления (общие основания установлены в Общей части); конкретизировались основания привлечения к уголовной ответственности соучастников преступления (общие положения установлены в Общей части); содержались специальные основания освобождения от наказания; положения о пределах применения тех или иных статей. Признаки состава преступления могли быть описаны в диспозиции статьи, а содержание некоторых из них раскрывалось в приложении 1 и 2. Виды и размеры наказания за определенные виды преступлений расположен в санкциях статей. Остальные положения также располагались в диспозициях частей статьи, поскольку законодатель не использовал такой прием, как примечания.

В.В. Пржевальский отмечал, что достоинством этого проекта является технико-юридическая составляющая: проект Уголовного уложения примерно в 3,5 раза меньше по объему, чем действующий уголовный закон¹. Также этот ученый видит преимущество Уложения в том, что «слово сохраняет свой специальный смысл на всем пространстве кодекса»². Г.Г. Евангулов считал, что «особенность определений преступных деяний в новом уложении – их абстрактность», «отвлеченные конструкции, законодательные фигуры». «Уложение много потеряло в наглядности, доступности не юристам, но зато

¹ Пржевальский В.В. Проект Уголовного уложения и современная наука уголовного права. СПб, 1897. С. 97.

² Там же. С. 97.

выиграло в точности»¹. Именно это свойство – единый смысл используемой в уголовном законе терминологии – является значительным достижением в построении как уголовного закона в целом, так и его Особенной части. В отличие от предыдущих законов, где не было достигнуто единство парных компонентов (статей Общей и Особенной части уголовного закона), создателям Уголовного уложения 1903 г. удалось согласовать все положения закона, выстроить систему.

Важное значение Уголовного уложения 1903 г. для развития Особенной части российского уголовного законодательства отмечал Г.Н. Борзенков: «...даже беглое и чисто количественное сравнение Уложения 1903 г. с действующим ныне кодексом и проектом нового УК РФ показывает, что тенденция к переходу от чрезмерно казуистических норм к более общим оказалась весьма устойчивой в отечественном уголовном законодательстве»². Особенную часть Уложения 1903 г. по праву относят к одному из лучших творений, созданных с помощью законодательной техники.

Опыт построения уголовного закона свидетельствует о сложности создания эффективного закона на длительный период, особенно во времена исторических перемен, когда будущее непредсказуемо. Николай II в январе 1917 года созвал комиссию для пересмотра Уголовного уложения, но социально-экономические и политические процессы внутри государства временно изменили вектор развития отечественного уголовного законодательства.

Временное правительство изменяло и отменяло некоторые статьи Особенной части царских уголовных законов, но главным образом те, что противоречили условиям «мирного периода февральской революции»³. При этом оно не спешило создать новый уголовный кодекс. В.А. Рогов отмечал,

¹ Цит. по: Дудырев Ф.Ф. Кодификация уголовного законодательства Российской империи в XVIII-XX в. Екатеринбург, 2011. С. 97.

² Борзенков Г.Н. Имущественные преступления в Уголовном уложении 1903 г. // Вестник Московского ун-та. Серия 11. Право. М., 1993. № 5. С. 48.

³ История советского уголовного права/ А.А. Герцензон, Ш.С. Грингауз, Н.Д. Дурманов [и др.]. М.: Юрид. изд-во, 1948. URL:<http://www.allpravo.ru> (дата обращения: 06 июня 2023 г.).

что правительство не торопилось «с изданием отраслевых кодексов, особенно уголовного. Для его разработки существовали, конечно, объективные трудности: военные условия, частые правительственные кризисы и смена партийного состава, отсутствие единой политической линии и т.д. Однако высокий уровень уголовно-правовой мысли позволял быстро завершить разработку нового кодекса. <...> правительство не прилагало усилий к форсированию новой кодификации уголовного права»¹. Таким образом, после февраля 1917 года действует прежнее уголовное законодательство, измененное в части, не отвечающей произошедшим в государстве изменениям.

Осмысление и анализ законодательства, формировавшегося после событий октября 1917 года, является важным и необходимым условием для понимания современного уголовного закона. До принятия первого советского уголовного кодекса, где Особенная часть была выделена в качестве самостоятельного структурного компонента, существовал этап трансформации уголовного законодательства советской властью. В 1917 году происходит дальнейшее преобразование положений, которые допустимо относить к Особенной части уголовного законодательства с учетом изменения политических и социально-экономических условий. Этот период подтверждает гипотезу о том, что на самом деле технический инструментарий, которым пользуются создатели Особенной части уголовного закона ограничен. Какой бы ни был режим или экономическая ситуация, тип статей скорее всего будет сохранять черты, присущие как предшествующему, так и последующему периоду, но наполняться они будут содержанием, соответствующим политической и экономической ситуации в государстве.

Современный исследователь Ф.Ф. Дудырев отмечает, что события 1917 г. вызвали коренную трансформацию российского уголовного законодательства. Низложение монархии в феврале 1917 г., деятельность

¹ Рогов В.А. Уголовное законодательство Временного правительства. М., 1986. С.7.

Временного правительства, приход к власти большевиков и последовавшая затем Гражданская война привели к полной отмене действующего законодательства и разрушению системы судопроизводства в масштабах всего государства¹.

В ст. 5 Декрета Совета Народных Комиссаров РСФСР «О суде» от 24 ноября 1917 г. указано, что суды руководствуются в своих решениях и приговорах законами свергнутых правительств лишь постольку, поскольку таковые не отменены революцией и не противоречат революционной совести и революционному правосознанию. В примечании к этой статье указывалось, что отмененными признаются все законы, противоречащие декретам ЦИК рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и рабоче-крестьянского правительства, а также программа РСДРП и партии социалистов-революционеров². Через год уже в статье 22 Декрета ВЦИК «О Народном Суде Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (положение)» от 30 ноября 1918 г. содержался запрет на ссылку в приговорах и решениях на законы свергнутых правительств. В феврале 1919 г. Д.И. Курский указал, что новым источником правотворчества является «пролетарский революционный народный суд»³. Стихийный характер формирования уголовного законодательства того периода, например, подтверждает, что в Кузнецком уезде Томской губернии в январе 1918 года были приняты «правила о переменном народном суде», где содержались 20 конкретных составов преступлений⁴. Процесс применения норм прежнего законодательства не носил ни упорядоченного, ни повсеместного характера⁵.

В качестве оценки того, имела ли какая-либо преемственность между дореволюционным и советским уголовным законодательством, важно обратить внимание, что в 1918 году разрабатывается Советское уголовное

¹ Рогов В.А. Уголовное законодательство Временного правительства. М., 1986. С. 28.

² Успенский Л. Очерки по юридической технике. Ташкент, 1927. С. 70.

³ Курский Д.И. На путях развития советского права. Статьи и речи. М., 1927. С. 44.

⁴ Развитие кодификации советского законодательства / С.Н. Братусь, К.П. Горшенин, П.Ф. Елисейкин, В.Н. Иванов и др.: отв. ред. С.Н. Братусь. М., 1968. С. 184.

⁵ Кленова Т.В. Основы теории кодификации уголовно-правовых норм: дис. ... д-ра.юрид. наук. М., 2001. С. 180.

уложение («Свод законов русской революции. Часть пятая. Уголовное уложение. Издание 1918 года»¹). Особенная часть Советского уголовного уложения состояла из 6 разделов (со второго по седьмой), 33 глав (со второй по тридцать четвертую), объединяющих статьи (с 56 по 378). Разделы располагались в следующем порядке: преступления против государства и государственного управления; преступления против общественного порядка и спокойствия; преступления против личности; преступления против имущественных прав; преступления против народного хозяйства; о преступлениях по должности. Кажется, что составители Советского уголовного уложения изменили подход к построению Особенной части. Однако проведенное группой ученых исследование свидетельствует о значительном сходстве редакций его статей со статьями Уложения 1903 г.² Неслучайно этот проект подвергся критике. Так, Д.И. Курский писал о попытке «сочетать противоестественным браком пролетарскую демократию с буржуазной демократией»³. Более категоричным был П.И. Стучка, который отмечал, что «старые законы были «сожжены», и напрасно из уцелевших в этом пожарище обожжённых листочков некоторые из наших революционеров стали кроить «уложение русской революции» ... вместо того, чтобы творить действительно новые революционные законы»⁴.

Таким образом, до 1922 года в России сохраняется период некодифицированного уголовного законодательства. В период с 1917 по 1922 год происходит переоценка концептуальных идей отечественного уголовного законодательства, некоторые из них найдут отражение в будущих кодифицированных актах советской власти.

¹ Советское уголовное уложение (научный комментарий, текст, сравнительные таблицы) / Ю.В. Грачева, С.В. Маликов, А.И. Чучаев; под ред. А.И. Чучаева. М., 2022. С.6.

² Там же. С.242-252.

³ Курский Д.И. Избранные статьи и речи. М., 1948. С. 57-58.

⁴ Стучка П. Избранные произведения по марксистско-ленинской теории права / соств. Г.Я. Клява. Рига, 1964. С. 243.

В первых двух десятилетиях XX века Россия прошла путь от попытки введения Особенной части кодифицированного уголовного закона до полной декодификации уголовного законодательства.

На основании проведенного исследования Особенной части некодифицированного уголовного законодательства России допустимо сделать следующие выводы.

1. Особенная часть уголовного закона – это созданный с помощью законодательной техники один из парных структурных компонентов уголовного закона, расположенный после Общей части, характерный прежде всего для кодифицированного уголовного законодательства, объединяющий в группы в определенной последовательности статьи, содержащие описание признаков составов преступлений, размер и виды наказаний за совершение конкретных преступлений, а также отдельные специальные предписания, касающиеся вопросов уголовной ответственности (освобождении от ответственности, наказания и др.).

Для установления предпосылок формирования и генезиса Особенной части уголовного закона в работе используется и второе (широкое) понимание Особенной части уголовного законодательства как совокупности положений о преступлениях и наказаниях, выраженных в одном или нескольких источниках права не обязательно отраслевых, а также необязательно кодифицированных.

2. Особенная часть – это структурный компонент уголовного закона, а не уголовного права. Особенная часть создается законодателем внутри уголовного закона и выполняет роль свода специальных положений, конкретизирующих общие положения кодифицированного нормативного правового акта, структурированных и систематизированных с помощью законодательной техники.

3. Определены два периода в истории развития Особенной части уголовного закона, каждый из которых характеризуется спецификой построения этого парного структурного компонента.

Первый период неcodифицированного уголовного законодательства. В этот период положения, характерные для Особенной части уголовного закона, не объединены в одном отраслевом кодифицированном акте. Нормы уголовного права содержатся, как правило, в межотраслевых или в несистематизированных отраслевых памятниках отечественного права. В этот период Особенная часть уголовного закона не является подсистемой единой внутренне согласованной целостной системой уголовного закона, законодатель не называет ее так и не предполагает, что это единый согласованный свод специальных уголовно-правовых положений. В конце этого периода уголовный закон, как правило, называется Уложением. Его Особенная часть не включает исчерпывающий перечень деяний, признаваемых в России преступлениями. Уложение существует наряду с другими законами, содержащими уголовно-правовые нормы.

Второй период кодифицированного уголовного законодательства, когда законодатель в уголовном кодексе выделяет и называет Особенную часть, она становится обязательным парным компонентом уголовного закона, а уголовный кодекс - единственным источником норм уголовного права. Это концептуально новый этап в развитии построения российского уголовного законодательства. Особенная часть уголовного закона теперь самостоятельный структурный компонент отраслевого закона, согласованный с Общей частью, именно она включает исчерпывающий перечень деяний, признанных преступлениями.

Выделение двух вышеназванных периодов необходимо для понимания предпосылок формирования и трансформации техники построения Особенной части российского уголовного закона. Именно знание различных подходов к построению уголовного закона в период неcodифицированного и кодифицированного уголовного законодательства дает представление о том, какие принципы и правила могут применяться при построении Особенной части современного уголовного закона и чем это обусловлено.

4. Особенная часть некодифицированного российского уголовного законодательства проходит путь от разрозненного существования различных уголовно-правовых статей к единому своду запретов, не представляющих систему. В этот период появляется Особенная часть кодифицированного уголовного законодательства – Уголовного уложения 1903 года, но она не применяется в полном объеме для регулирования общественных отношений, параллельно с ней действуют и другие законы уголовно-правового характера. Во втором десятилетии XX века происходит полная декодификация всего уголовного законодательства.

5. Содержание и структура Особенной части уголовного законодательства формируется под влиянием ряда детерминант: социальных, экономических, политических, образовательных, культурных, религиозных и др. Для Особенной части некодифицированного уголовного законодательства характерны тенденции к расширению круга объектов уголовно-правовой охраны. Уровень законодательной техники улучшается на протяжении всего этого периода. Происходит систематизация и структурирование статей, которые в дальнейшем будут отнесены к Особенной части уголовного закона, разделение преступлений на роды и виды, их группировка, дифференциация уголовной ответственности.

§ 2. Концептуальные начала построения Особенной части кодифицированного уголовного законодательства России

Создание советского государства неизбежно повлекло за собой переосмысление того, что следует признавать преступным и наказуемым в новых условиях, какой должна быть концепция уголовного закона. Спецификой этого исторического этапа было желание создателей уголовного

кодекса подчеркнуть отсутствие преемственности¹ с предшествующим периодом².

В доктрине отмечается, что специфическая обстановка внутри государства способствовала превращению уголовного права в революционный фактор, защищающий пришедший господствующий класс³, а идеология законности в этот период сменилась идеями революционной классовой целесообразности⁴. В сложившихся условиях в тот период приоритетными являлись охрана и сохранение позиций новой власти, противодействие воздействию иностранных государств на ситуацию внутри России, стабилизация отношений внутри страны и урегулирование экономических отношений. В научных работах озвучено мнение, что уголовный закон этого периода имеет существенную политическую направленность. Это отчетливо прослеживается в содержании статей Особенной части уголовного закона, о чем будет сказано ниже.

Принято считать, что работа над первым уголовным кодексом началась примерно в июне 1920 г. с резолюции на III Всероссийском съезде деятелей советской юстиции, где указывалось на необходимость создания единого уголовного закона, который позволил бы сформировать относительное постоянство в назначении судами наказания за равные по общественной опасности деяния. Существование отдельных декретов, включающих уголовно-правовые предписания, наличие судейского усмотрения по большому кругу вопросов приводило к тому, что за совершение одного и того же деяния при равных условиях лицам назначалось различное по строгости наказания. Эта проблема требовала решения, поскольку она создавала предпосылки для возникновения недоверия к новой власти, подрыва ее авторитета. М.Ю. Козловский отмечал, что до 1920 года кодекс не был создан не потому, что были противники этого процесса, а потому что у новой власти

¹ Исаев М.М. Уголовный кодекс 1 июня 1922 г. // Советское право. 1922. № 2. С. 17–28.

² См.: Швеков Г.В. Первый советский уголовный кодекс. М., 1970. 207 с.

³ См.: Пионтковский А.А. Уголовное право РСФСР: часть общая. М.: НКЮ РСФСР, 1925. 235 с.

⁴ См.: Городнова О.Н. Эволюция отечественной уголовно-правовой идеологии // Вестник российского университета коопераций. 2020. № 1. С. 106–111.

не было возможности¹. В 1920 году были сформированы все необходимые условия для создания единого кодифицированного акта. Как правило, решения о реформе уголовных законов принимаются и реализуются в связи с послекризисным укреплением власти или после перехода власти². Подготовленный вариант законопроекта содержал Общую и Особенную часть, что было характерно для всех последующих кодексов, в том числе и ныне действующего.

Советская власть отрицала всякую связь с предшествующими периодами и считала неприемлемым опираться на буржуазные законы. В научной литературе особо подчеркивалась самостоятельность и оригинальность результатов законотворческой деятельности новой власти. К примеру, Н.Д. Дурманов писал, что «советское уголовное законодательство не имеет ничего общего с действовавшим до Великой Октябрьской социалистической революции законодательством царской России и Временного правительства, оно принципиально противоположно и уголовному законодательству зарубежных стран»³. Законодатели советского периода утверждали, что они были «чужды попытке составлять кодекс таким образом, чтобы собрать все лучшие образцовые кодексы других государств и остановиться на том, что считали иностранные и русские криминалисты последним словом отвлеченной науки. Мы пошли по пути учета практики мест – наших народных судов и революционных трибуналов»⁴. Однако время показало некоторую ошибочность таких утверждений. Еще Н.Д. Сергиевский утверждал, что «всякая эпоха есть результат предшествующей, и без нее она немислима»⁵. Наличествует неразрывная органическая связь внутри уголовного законодательства России с момента его возникновения и до

¹ История советского уголовного права/ А.А. Герцензон, Ш.С. Грингауз, Н.Д. Дурманов [и др.]. М., 1948. URL:<http://www.allpravo.ru> (дата обращения: 06 июня 2023 г.)

² Закомолдин Р.В., Дуюнов В.К. О необходимости закрепления категории «национальная безопасность» и «военная безопасность» в уголовном законе // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2020. № 3. С. 26–31.

³ Дурманов Н.Д. Советский уголовный закон. М., 1967. С. 3.

⁴ Развитие кодификации советского законодательства / С.Н. Братусь, К.П. Горшенин, П.Ф. Елисейкин, В.Н. Иванов и др.: отв. ред. С.Н. Братусь. М., 1968. С. 196.

⁵ Сергиевский Н.Д. Русское уголовное право. Часть Общая: Пособие к лекциям. СПб., 1911. С. 8-9.

настоящего времени. Обусловлена она, в том числе, и социальными, экономическими, политическими детерминантами. Г.И. Муромцев также писал, что «советская власть, с одной стороны, официально отвергла старое право и старую правовую доктрину как классово неприемлемые, с другой стороны, как бы между прочим, во многом восприняла старую технику, форму и структуру права, а также старый понятийный аппарат»¹. Так или иначе, на формирование нового кодекса оказала влияние обстановка его принятия, социально-политические условия, в том числе и участие в разработке профессиональных юристов, которые не могли не опираться на достижения российской юриспруденции. В доктрине отмечалось, что уголовное право не внешний продукт для общества, оно органически связано с самой жизнью общества, развитием государства. Однако стоит отметить, что попытка изменить концептуальный подход к уголовному праву, нашедшая отражение в законе, действительно была осуществлена. Так, Т.Г. Понятовская отмечает, что в истории российского уголовного права существовало две уголовно-правовые концепции, специфику содержания которых составляло «решение вопроса о том, закладывает государство в содержание уголовно-правовых норм гарантии защищенности граждан не только от посягательств со стороны третьих лиц, но и от чрезмерной наказательной власти самого государства или нет»². По мнению этого ученого-юриста, «классическая концепция российского уголовного права такие гарантии предусматривала, советская – нет»³. Прослеживаются также некоторые качественные изменения идей построения Особенной части отечественного уголовного закона.

Уголовный кодекс РСФСР начал действовать с июня 1922 года. Н.Ф. Кузнецова писала, что, несмотря на сложные условия жизни страны в период

¹ Муромцев Г.И. О культурно-исторической специфике российских кодификаций // Кодификация законодательства: теория, практика, техника: Материалы Международной научно-практической конференции (Нижний Новгород, 25—26 сентября 2008 года) / под ред. доктора юридических наук, профессора, заслуженного деятеля науки РФ В.М. Баранова, кандидата юридических наук, доцента Д.Г. Краснова. Н. Новгород, 2009. С. 82.

² Понятовская Т.Г. Концептуальные основы уголовного права России: история и современность: монография. реп. изд. М., 2021. С. 6.

³ Там же. С.7.

принятия первого советского уголовного кодекса, этот закон отличался необыкновенно тщательной разработкой статей и «подлинной демократичностью обсуждения»¹. Неоднократно подчеркивалось, что ни один из последующих уголовных законов при создании не подвергался такому обсуждению, как Уголовный кодекс РСФСР 1922 года (далее - УК РСФСР 1922 г. или УК 1922 г.).

Принятие первого кодифицированного акта практически завершило построение советского социалистического уголовного права². УК РСФСР 1922 года входил в число самых коротких из всех известных в мировой истории уголовного права кодексов³, что нельзя сказать о его Особенной части. Она составляла три четверти от всего закона, включала в себя статьи 57-227 (в первой редакции закона). Однако даже в этом сохраняется преемственность с предыдущими уголовными законами. Особенная часть чаще всего составляет значительную долю всего объема уголовного закона. В отличие от Уложения 1845 и Уложения 1903 г., где указывались случаи нераспространения их действия в пределах, установленных законом (например, на иностранцев и др.), в УК РСФСР 1922 г. указывалось, что он распространяет свое действие на все преступления, совершенные в пределах РСФСР, а также определяет случаи, когда он действует, и в случае совершения преступлений вне пределов РСФСР (ст. 1-4 УК РСФСР 1922 г.).

Концептуальные основы построения Особенной части уголовного закона во многом предопределялись политикой того времени. В период становления государства основной задачей было сохранение новой власти, укрепление ее позиций и противодействие сторонникам свержения советского строя. Как отмечено в научной литературе, если «кодифицированный акт как таковой пришлось писать заново (это в первую очередь относилось к нормам

¹ Кузнецова, Н.Ф. Вопросы истории советского уголовного законодательства (общая часть) / Н.Ф. Кузнецова. [Электронный ресурс]. URL:<http://uf.kgsu.ru> (дата обращения: 06 июня 2023 г.)

² История советского уголовного права/ А.А. Герцензон, Ш.С. Грингауз, Н.Д. Дурманов [и др.] М.: Юрид. изд-во, 1948. [Электронный ресурс]. URL:<http://www.allpravo.ru> (дата обращения: 06 июня 2023 г.).

³ Кузнецова, Н.Ф. Вопросы истории советского уголовного законодательства (общая часть) / Н.Ф. Кузнецова. [Электронный ресурс]. URL:<http://uf.kgsu.ru> (дата обращения: 06 июня 2023 г.)

его общей части), то особенная часть уголовного законодательства к моменту разработки кодекса аккумулировала весьма большой пласт узаконений новой власти»¹. В качестве задачи УК РСФСР 1922 г. была обозначена «правовая защита государства трудящихся от преступлений и общественно опасных элементов». Эта единственная обозначенная в Общей части УК РСФСР 1922 г. задача качественно, концептуально отличала этот кодифицированный уголовный закон от законов предшествующего периода. Кроме того, и преступление по мнению новой власти – «общественно-опасное действие или бездействие, угрожающее основам советского строя и правопорядку, установленному рабоче-крестьянской властью на переходный к коммунистическому строю периоду времени» (ст. 6 УК РСФСР 1922 г.), а наказание воспринимается как «мера оборонительная» (ст. 26 УК РСФСР 1922 г.). Таким образом, уголовный закон советской власти имели сугубо классовый характер², что отражалось и в Особенной части УК РСФСР 1922 г.

В Общей части УК РСФСР 1922 года было обозначено две группы преступлений (статья 27 УК РСФСР 1922 г.)³. Однако эта классификация не нашла отражения в Особенной части УК 1922 года. Расположение ее глав свидетельствует об общей идее всего уголовного закона - приоритет защиты интересов рабоче-крестьянской власти, государства трудящихся.

В отличие от Общей части Уложения 1903 г., в Общей части УК РСФСР 1922 г. менее детально были регламентированы вопросы об ответственности за неоконченное преступление, за соучастие и др., что отразилось и на содержании Особенной части уголовного закона. Так, в ст. 12 УК РСФСР 1922 г. указывалось, что приготовление к преступлению карается лишь в том случае, если оно само по себе является наказуемым действием, а в ст. 14 УК РСФСР 1922 г. содержалось указание, что покушение на какое-либо

¹ Первый Уголовный кодекс РСФСР: концептуальные основы и общая характеристика (к 100-летию со дня принятия): монография / под общ. ред. А.Н. Савенкова; науч. ред. и рук. авт. кол. А.И. Чучаев. М., 2023. С. 5.

² Михайлов В.И. Становление института правомерного причинения вреда (обстоятельств, исключающих преступность деяния) в Руководящих началах по уголовному праву РСФСР 1919 г. и УК РСФСР 1922 г. // Журнал российского права. 2019. № 2. С. 120.

³ См.: Сулейманов А.А. Уголовный кодекс РСФСР 1922г.: концептуальные основы и общая характеристика: автореф. дис. ... канд. юрид. науки. М., 2007. С. 9-10.

преступление карается как совершенное преступление. Ст. 15 УК РСФСР 1922 г. определяет, что за преступление наказываются исполнитель, пособник и подстрекатель, но ссылки на то, что в статьях Особенной части УК РСФСР 1922г. есть отдельные статьи, посвящённые ответственности соучастников преступления в Общей части УК РСФСР 1922г., не было. В Особенной же части УК РСФСР 1922 г. содержались статьи, которые предусматривали ответственность соучастников преступления.

Все эти факторы предопределили построение Особенной части УК РСФСР 1922 года, которая отличалась лаконичностью, включала всего 8 глав, в отличие, например, от Особенной части Уложения 1845 года, которая состояла из более чем 70 глав, а также Особенной части Уложения 1903 года, состоявшей из 36 глав. Последующие советские уголовные законы сохранили немногочисленность глав в Особенной части (Особенные части УК РСФСР 1926 года – 9 глав, УК РСФСР 1960 года – 12 глав). Как отмечает А.В. Наумов, в УК РСФСР 1922 г. «впервые в истории Россия сумела отказаться от такой техники уголовного закона и создать вполне внятную и современную Особенную часть Уголовного закона, что было, по сути дела, своеобразной заменой крестьянской телеги на паровоз, крестьянской лучины на электрическую лампочку»¹.

В Особенной части УК РСФСР 1922 года иная последовательность расположения структурных компонентов, чем в Уложении 1845 г. и Уложении 1903 г. Она во многом обусловлена политическими факторами и значимостью объекта охраны, и предопределена идеологической концепцией нового рабоче-крестьянского строя². В этот период объект правовой охраны рассматривается как господствующие общественные отношения, на которые

¹ Наумов А.В. УК РСФСР 1926 г. – модернизация законодательной техники по образцам романо-германского права как перспектива реформы УК РФ // Прогресс и преемственность в российском уголовном праве (к 95-летию УК РСФСР 1926 г. и 25-летию УК РФ 1996 г.): материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием / ответственный редакторы В.П. Коняхин и М.Л. Прохорова; Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Кубанский государственный университет. Краснодар, 2021. С. 31.

² См.: Сизова В.Н. Эволюция российского уголовного законодательства в период с 1917 по 1924 год // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2021. № 1 (55). С. 34–41.

посягает любое правонарушение и которые охраняются господствующим классом при помощи закона¹. Изменение формы правления в России закономерно повлекло исключение из Особенной части уголовного закона структурных компонентов, в которых предусматривалась ответственность за посягательства на императора и членов его семьи. Ни в советский, ни в постсоветский период в России больше не создавался структурный компонент внутри уголовного закона, закрепляющий статьи, касающиеся охраны исключительно руководителя государства и его близких родственников. Хотя о необходимости включения таких статей в Особенную часть российского уголовного закона дискуссии ведутся и в настоящее время². В литературе также отмечено, что «Особенная часть кодекса состояла из восьми глав, систематизированных в порядке значимости преступлений»³.

Политические детерминанты всегда влияют на содержание структурного компонента Особенной части уголовного закона, посвященного государственным преступлениям. В зависимости от формы правления, политического режима и событий в государстве меняются признаки составов преступлений. Как было отмечено в предыдущей главе, в отечественных уголовных законах с момента укрепления Российского государства появляются статьи, направленные на охрану государственной власти, территориальной целостности и др. Например, в Уложении 1903 г. несколько статей посвящены охране верховной власти, ответственности за различные посягательства на изменение в России или в какой-либо ее части образа правления или порядка наследования престола (ст.100, 121 и др.). Признаки составов этой группы преступлений отличны в силу именно специфики политических детерминант в контексте исторических событий. Открывала Особенную часть УК РСФСР 1922 года глава, предусматривающая

¹ Закомолдин Р.В., Дуюнов В.К. О необходимости закрепления категории «национальная безопасность» и «военная безопасность» в уголовном законе// Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2020. № 3. С. 26–31.

² Агузаров Т.К., Грачева Ю.В., Чучаев А.И. Охрана власти в уголовном праве России (de lege lata и de lege ferenda). М., 2021. С.5-6.

³ Советское уголовное право: Часть Общая: учебник / Б.В. Здравомыслов, М.А. Гельфер, П.И. Гришаев и др. М., 1982. С. 32.

ответственность за совершение преступлений против государственной власти. Внутри главы имелось два самостоятельных структурных компонента. Один именовался «О контрреволюционных преступлениях». Второй был посвящен преступлениям против порядка управления. В некоторых работах их называют разделами. Однако сам законодатель ограничился только их нумерацией и названием вида преступных деяний. Здесь наблюдается вариант объединения статей на двух уровнях – сначала уровень так называемого раздела, а затем главы.

«Контрреволюционный» – слово, производное от слова «революция», что явно подчеркивает временную близость законодательства со свершившейся революцией¹. Особенная часть УК РСФСР 1922 г. отражала такую политическую ситуацию внутри государства, когда результаты революции требуют защиты уголовно-правовыми средствами. Существование такой категории деяний характерно только для начального этапа построения социалистического уголовного закона. Контрреволюционные преступления включали в себя деяния, направленные на свержение рабоче-крестьянской власти. Как только советская власть укрепила свои позиции и практически полностью искоренила открытую конфронтацию внутри государства, понятие контрреволюционных преступлений исчезает из отечественного уголовного законодательства, что подтверждает отсутствие структурного компонента о контрреволюционных преступлениях в Особенной части Уголовного кодекса РСФСР 1960 года (далее – УК РСФСР 1960 года)² и УК РФ.

Следует отметить, что среди составов контрреволюционных преступлений отсутствовали материальные составы преступлений и достаточно часто использовались смежные с усеченными составы

¹ Борисова В.Р. Социально-политическая обусловленность уголовного права на примере различий общей части Уголовного кодекса РСФСР 1922 года и общей части Уголовного кодекса РФ // Теоретическая и прикладная юриспруденция. 2021. № 4. С. 37–40.

² См.: Голенко Д.В. Структура особенной части Уголовного кодекса РСФСР 1960 года // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право. 2019. № 4. С. 112–119.

преступлений – деликт соучастников¹. Так, наказуемо было участие в различных преступных организациях, пособничество, действия, выражающиеся в пропаганде, призывах. Статья 73 УК РСФСР 1922 года предусматривала уголовную ответственность за измышление и распространение ложной информации, способной повлиять на население, подорвать авторитет власти в глазах граждан.

Понимание преступлений против порядка управления отлично от современного уголовного закона. Они располагаются в первой главе Особенной части УК РСФСР 1922 г. К преступлениям против порядка управления, обусловленными специфическими политическими и социально-экономическими факторами, характерными для этого периода, относились деяния, связанные с отказом от производства работ, имеющих общегосударственное значение, сокрытие или неверное указание количества предметов, продуктов, скота и др., подлежащих обложению. Содержание главы о преступлениях против порядка управления обусловлено и господствующими в то время теоретическими взглядами его разработчиков относительно объекта и предмета уголовно-правовой охраны. Например, к этой группе преступлений, в том числе, относились современные преступления против общественной безопасности и общественного порядка (участие в массовых беспорядках, организация и участие в бандах, пособничество бандам); преступления в сфере экономической деятельности (налоговые преступления, подделка денежных знаков). В отличие от контрреволюционных преступлений, среди преступлений против порядка управления встречаются основные материальные составы преступления, предусматривающие последствия в виде убийства, нанесения увечий (статья 86 УК 1922 г.).

¹ См.: Безверхов А. Г. Типология составов преступлений (некоторые проблемы законодательного конструирования) // Актуальные проблемы юридической науки. Тольятти: Волжский университет им. В.Н. Татищева, 2011. Ч. 2. С. 63.

Вторая глава Особенной части УК РСФСР 1922 года посвящена должностным (служебным) преступлениям. Новая власть изменяла прежнюю систему государственных органов. От них требовалось поддержание ее авторитета и утверждение порядка. Широкий круг преступлений в главе второй обусловлен желанием власти сохранить и укрепить свои позиции. Политические условия добавили классовую «специфику» должностным (служебным) преступлениям, например, дискредитирование власти «в глазах трудящихся» (ст. 109 УК РСФСР 1922 г.), «подрыв и расточение государственного достояния в ущерб интересам трудящихся» (ст. 110 УК РСФСР 1922 г.). Однако, несмотря на уверения, что советский уголовный закон – новый по форме и содержанию, к должностным (служебным) преступлениям были отнесены преступления, известные царскому и постсоветскому периоду (взяточничество, злоупотребление и превышение полномочиями и др.). В данную главу входили и другие преступления: коррупционные, против правосудия и др. Привлекает внимание статья 118 УК 1922 г., где законодатель допускал, в случае совершения преступления впервые, привлечение лица к ответственности в дисциплинарном порядке.

Прослеживается влияние социальных и политических факторов на содержание третьей главы Особенной части УК РСФСР 1922 года, посвященной нарушениям правил об отделении церкви от государства. Это первый отечественный уголовный закон, где в Особенной части меняется взгляд на охрану отношений, связанных с религией и верой. Закон прямо запрещал использование религиозных предрассудков масс для свержения рабоче-крестьянской власти. Отделение церкви от государства подчеркивалось и в запрете присвоения религиозными или церковными организациями административных, судебных и иных публичных функций. Существенное изменение взглядов законодателя на преступления против веры можно проследить и при сравнении главы 2 Уложения 1903 года и главы 3 УК РСФСР 1922 года. Если Уложение 1903 года защищало православие и православных, наказывая за богохульство, бесчинство, погребение

христианина без христианского обряда, совращение христианина в нехристианскую веру или иное христианское вероисповедание, выполнение родителями в отношении малолетних нехристианских обрядов, то УК РСФСР 1922 года не определяет православие в качестве основной религии. УК РСФСР 1922 года защищает от влияния на граждан советского государства любой религии. О существенном изменении политического отношения к религии свидетельствует и наличие в советском уголовном законе запрета на преподавание малолетним и несовершеннолетним религиозных вероучений в государственных и частных учебных заведениях, и школах. 7 статей главы 3 УК РСФСР 1922 года, в отличие от 26 статей главы 2 Уложения 1903 года, отражают взгляд советского законодателя на регулирование этих отношений. А затем последовательно реализует его на эту сферу отношений: например, в УК РСФСР 1926 года использование религиозных предрассудков масс для свержения власти перемещено из рассматриваемой группы преступлений уже в группу контрреволюционных преступлений.

Экономическая ситуация в России начала 20-х годов XX века являлась сложной. Национальный доход упал с 11 млрд руб. в 1917 году до 4 млрд руб. в 1920 году¹, в стране активно шел процесс национализации, социальная обстановка была нестабильна. Изменение типа экономики и экономической политики внутри государства повлекло за собой признание в качестве преступлений, например, трудовое дезертирство, бесхозяйственное использование рабочей силы, выдачу продуктов не по назначению, спекуляцию с иностранной валютой, приготовление спиртных напитков с целью сбыта, взимание квартирной платы с рабочих и государственных служащих сверх установленного размера, искусственное повышение цен на товары и др. Они были объединены в главу о хозяйственных преступлениях. Еще в 1921 году В.И. Ленин указывал, что «надо пересмотреть и переработать

¹ Борисова В.Р. Социально-политическая обусловленность уголовного права на примере различий общей части Уголовного кодекса РСФСР 1922 года и общей части Уголовного кодекса РФ // Теоретическая и прикладная юриспруденция. 2021. № 4. С. 37–40.

все законы о спекуляции, объявив наказуемым всякое хищение и всякое уклонение, прямое или косвенное, открытое или прикрытое, от государственного контроля, надзора, учета»¹, «необходим военный поход против деревенской буржуазии, удерживающей излишки хлеба и срывающей хлебную монополию»². В законодательстве предыдущего периода также можно встретить преступления, схожие с хозяйственными, но не названные таковыми и отличные по содержанию в силу специфики социально-экономических условий. Как отмечалось выше, часть преступлений, которые законодатель в УК РСФСР 1922 года относил к хозяйственным, уже в УК РСФСР 1926 года переместились в преступления против порядка управления, то есть стали рассматриваться как преступления, посягающие на иной объект. Преступления, посягающие на хозяйственные и имущественные отношения, расположились в отдельных главах. Глава о хозяйственных преступлениях включала в себя, в большей части, преступления в сфере экономической деятельности (повышение цен на товары, спекуляция, изготовление спиртных напитков, нарушение правил торговли). В качестве хозяйственных преступлений названы и посягательства на трудовые права.

Глава о преступлениях против жизни, здоровья, свободы и достоинства личности во многом схожа с десятым разделом Уложения 1845 года, в котором также предусмотрена ответственность за преступления против жизни, здоровья, свободы и чести частных лиц. Однако по законодательной технике она стоит выше. В Уложении 1845 года больше используется казуистический прием при создании диспозиций (например, отдельно предусмотрена ответственность за убийство матери или отца). Кроме того, в этом законе, в силу специфики социальных условий в обществе, регулировались определенные моральные аспекты семейных отношений, например, защита прав замужних женщин, регламентирование браков со старообрядцами и сектантами и др. УК РСФСР 1922 года отказался от такого «вмешательства» в

¹ Ленин В.И. Полное собрание сочинений. В 55 т. Т. 43. М., 1970. С. 236–237.

² Ленин В.И. Полное собрание сочинений. В 55 т. Т. 36. М., 1969. С. 269.

семейные взаимоотношения, в нем использовался преимущественно абстрактный прием при создании статей, что сохранилось в последующих отечественных уголовных законов. Самостоятельная глава о преступлениях против жизни, здоровья, свободы и достоинства личности включала в себя пять структурных элементов¹. Речь шла об убийствах, вреде здоровью, оставлении в опасности и др. В отличие от предыдущих глав, в данной главе законодатель преимущественно использовал материальные составы преступлений.

В главе об имущественных преступлениях находились известные и современному юристу составы преступлений: кражи, грабежа, разбоя, мошенничества, вымогательства и др. Например, отдельно была предусмотрена ответственность за кражу лошадей или крупного рогатого скота у трудового земледельческого населения. О.М. Иванова указывает, что «в данной части статьи защищаются интересы крестьянского населения страны, что соответствует историческому периоду»². Однако по уголовному закону 1922 года (глава VI) охранялись и отношения, связанные с интеллектуальной собственностью. В период действия УК РСФСР 1922 года усиливалась уголовная ответственность за нанесение ущерба государству путем хищения социалистического имущества. Охрана общенародной собственности была одной из ключевых задач новой власти.

В главе седьмой определено содержание понятия воинских преступлений. В эту группу преступлений входят посягательства военнослужащих Красной армии и Красного флота на установленный порядок военной службы. Глава включала различные преступления: уклонение от участия в боевых действиях, превышение военным начальником пределов своей власти, мародерство, военный шпионаж и др. Однако вопросы ответственности за совершение воинских преступлений решались не только в

¹Памятники российского права. В 35 т. Т.28. Уголовные кодексы РСФСР: учебно-научное пособие / под ред. докт. юрид. наук, проф. Р.Л. Хачатурова, докт. юрид. наук, проф. Т.В. Кленовой. М., 2016. С. 379.

² Иванова О.М. Краткий очерк об истории становления советского уголовного законодательства об имущественных преступлениях (1917–1922) // Вестник Московского университета МВД России. 2014. № 6. С. 122–126.

уголовном кодексе, о чем в некоторых случаях прямо указано в статьях Особенной части УК РСФСР 1922 г. (например, ч. 2 ст. 201 УК РСФСР 1922 г., ч.3 ст. 202 УК РСФСР 1922 г.).

Заключительная глава Особенной части УК РСФСР 1922 года «Нарушение правил, охраняющих народное здравие, общественную безопасность и публичный порядок» предусматривала ответственность за широкий круг деяний. В ней также отражены результаты влияния социально-экономических факторов, например, наличие ответственности за непредставление в срок перечисленными в статье субъектами сведений о ходе работ, их производительности и др. (ст. 226 УК РСФСР 1922 г.) или публичные нарушения религиозными обрядами свободы движения (ст. 227 УК РСФСР 1922 г.). Эта глава включала также в себя составы преступлений, связанные с приготовлением ядовитых и сильнодействующих веществ, оборотом оружия, несообщение властям о наличии опасного заболевания, проживание по чужим документам и др.

Как отмечалось ранее, подавляющее большинство составов преступлений не имели в качестве обязательного признака последствия, то есть в УК РСФСР 1922 г. практически отсутствовали материальные составы преступлений, что свидетельствует о репрессивности уголовной политики, поскольку момент окончания смещен на более ранние этапы развития преступного деяния. Кроме того, следует отметить, что немалое количество статей Особенной части Уголовного кодекса РСФСР 1922 г. предусматривали ответственность соучастников преступления.

Особенная часть УК РСФСР 1922 г. состояла из глав, которые были пронумерованы римскими цифрами и имели заголовки. Нумерация в Особенной части УК РСФСР 1922 г. была самостоятельной и начиналась с главы I. В заголовках, как правило, отражался объект преступления, общий для преступлений, признаки которых описаны в статьях главы. Последовательность расположения статей внутри глав была различной. Как правило, законодатель стремился расположить сначала статьи о более

общественно опасных деяниях, затем статьи о менее общественно опасных деяниях, то есть по степени снижения общественной опасности. Однако выдержать такое построение главы не всегда удается по вполне объяснимым причинам. Во-первых, есть случаи, когда трудно сравнить степень общественной опасности преступлений, и они рассматриваются как одинаково опасные, а, во-вторых, один родовой объект может включать несколько непосредственных объектов, которые имеют различную степень общественной опасности¹. В результате, если и получается выстроить последовательность статей, вначале описывающих более общественно опасные деяния, а затем - менее общественно опасные деяния, то лишь в определенной части, как правило, в начале главы. Например, в отличие от Уложения 1903 г., в главе V сначала расположена статья, содержащая квалифицирующие признаки убийства (в советские годы его также называли убийство при отягчающих обстоятельствах), следом за ней шла статья с основным составом убийства, а затем статьи, описывающие признаки привилегированного состава убийства, которые также называли убийством при смягчающих обстоятельствах. Неосторожное причинение смерти в советское время именовалось убийством и располагалось после привилегированных видов убийств.

Главы Особенной части УК РСФСР 1922 г. состояли из статей. Как отмечалось ранее, в главах I и V была осуществлена дополнительная систематизация отдельных видов преступлений, где были обозначены и пронумерованы структурные элементы, нередко называемые в литературе разделами. Статьи Особенной части Уголовного кодекса РСФСР 1922 года были различны по своей структуре. В данном случае актуально утверждение Т.В. Кленовой, что «если структура уголовно-правовой нормы стабильна, она

¹ Советское уголовное право: Часть Особенная. Учебник / под ред. М.И. Ковалева. М., 1983. С.9.

всегда трехэлементна, то структура статей, основных слагаемых структуры законодательства, имеет множество вариантов»¹.

Статьи могли состоять из частей или пунктов. Части статей были выделены в отдельный абзац, не имели собственной нумерации, но она подразумевалась, что следует из ссылок в санкциях статей (например, часть 2 статьи 58 УК РСФСР 1922 г.).

Следует обратить внимание, что, в отличие от действующего уголовного закона, большинство статей не делится на части, остальные содержат не более двух-трех частей. Однако не прослеживается единства в приемах и правилах расположения основного, квалифицированных и привилегированных составов преступлений. В одних случаях законодатель объединяет все квалифицированные виды состава преступления в одной статье и перечисляет их в пунктах (ст. 142 УК РСФСР 1922 г.), либо в отдельной самостоятельной статье (ст. 175 УК РСФСР 1922 г.), а основной и привилегированные составы размещает в иных статьях (ст. 143 и ст.ст. 144, 145 УК РСФСР 1922 г., ст. 174 УК РСФСР 1922 г.). В других случаях объединяет все виды составов преступления в одной статье (ст. ст. 169, 180 УК РСФСР 1922 г.). Встречаются вариации построения и в последнем случае. Например, в ст. 169 УК РСФСР 1922 г. основной и квалифицированный состав преступления расположены в разных частях статьи, а в ст. 180 УК РСФСР 1922 г. части не выделены, в разных пунктах одной статьи расположены все разновидности состава кражи, при этом ответственность дифференцирована. В Особенной части УК РСФСР 1922 г. также есть статьи, где в части второй описаны признаки менее общественно опасного деяния, чем в части первой (ч. 2 ст. 58 УК РСФСР 1922г.). Отсутствует единство в обозначении пунктов статей: в одних случаях они обозначены арабскими цифрами (ст. 75 УК РСФСР 1922 г.), а в других – буквами (ст. 180 УК РСФСР 1922 г.). В различных пунктах статьи могут

¹ Кленова Т.В. Уголовно-правовая норма: понятие, структура, виды: автореф. дис. ... канд. юрид. наука. М., 1986. С. 19 - 20.

содержаться положения об особенностях ответственности соучастников какого-либо преступления (ст. в ст. 75, 78 УК РСФСР 1922 г.).

Встречаются в Особенной части УК РСФСР 1922 г. статьи, включающие диспозиции, но не содержащие санкций. Например, открывала Особенную часть Уголовного кодекса РСФСР 1922 года статья 57, в которой фигурировало понятие контрреволюционного действия. По аналогичному принципу были построены статья 74 УК РСФСР 1922 г., содержащая понятие преступлений против порядка управления, и статья 200 УК РСФСР 1922 г., раскрывающая понятие специальных воинских преступлений. В диспозиции статьи 158 УК РСФСР 1922 г. указывались случаи, когда применение насилия приравнивается к необходимой обороне.

Для санкций статей Особенной части УК РСФСР 1922 г. также не было характерно единообразие в построении. Одну группу составляли санкции статьей, которые содержали перечень конкретных видов наказания, названных в самой статье (непосредственно-определенные санкции)¹. В качестве примера может служить часть 2 статье 58 УК РСФСР.

Во вторую группу входили статьи со ссылочными (опосредованно-определенными)² санкциями, например, в части 3 статьи 58, где указывалось, что совершение деяния карается наказаниями, предусмотренными 1-й ч. 58-й ст. Уголовного Кодекса.

В первом Уголовном кодексе РСФСР можно выделить и третью группу - санкции статей, которые, помимо конкретных видов наказания, содержали условия смягчения наказания. В качестве примера может служить часть 1 статьи 58 Уголовного кодекса РСФСР 1922 года, где указывалось, что совершение деяния карается, но при смягчающих обстоятельствах допускается понижение наказания.

¹ См.: Кругликов Л.Л. Сбои в конструировании санкций в уголовном законодательстве // Юридическая техника. 2008. № 2. С. 111.

² Там же.

Законодатель допускал в санкциях указание на такие же виды и размеры наказаний, как в санкции другой статьи. Такие санкции также можно выделить в качестве самостоятельного вида. Например, в санкции статьи 61 УК РСФСР 1922 г. было указано, что за совершение деяния лицо «карается теми же наказаниями». Законодатель подразумевал использование наказаний, изложенных в предыдущей статье - 60 УК РСФСР 1922 г., которая, в свою очередь, содержала отсылку к 1 и 2 частям статьи 58 УК РСФСР 1922 г., но с точки зрения законодательной техники вряд ли можно признать ее удачной. Закономерно, что в последствии законодатель отказался от такого варианта построения санкций статей Особенной части уголовного закона.

Некоторые санкции статей Особенной части уголовного закона отсылали к правилам устава дисциплинарного (например, в ч. 3 ст. 202 УК РСФСР 1922 г. указывалось: «карается по правилам устава дисциплинарного»).

Особенная часть УК РСФСР 1922 г. включала в себя в качестве структурного элемента примечания к статьям, которые были известны и ранее действовавшему уголовному законодательству (например, Уложение 1845 г.). Их было немного. Примечания в УК РСФСР 1922 года выполняли различные функции. В некоторых из них содержались положения об освобождении от уголовной ответственности или об усилении наказания. Примером специального освобождения от уголовной ответственности может служить примечание к статье 143 УК РСФСР 1922 г. В примечании к статье 192 предусматривалось более строгое наказание для специального субъекта – лица, специально занимающегося торговлей семян. Некоторые примечания раскрывали содержание понятий (признака состава преступления), например, в примечании к статье 187 Уголовного кодекса РСФСР содержалось разъяснение понятия обмана. В примечании к ст. 208 УК РСФСР 1922 г. указывалось на случаи применения ст. 30 УК РСФСР 1922 г. Однако единства в использовании этого приема законодательной техники также не наблюдалось.

Особенная часть УК РСФСР 1922 г. предусматривала ответственность за преступления, совершенные не только в мирное, но и в военное время.

К недостаткам первого уголовного кодекса следует отнести отсутствие единообразия в изложении законодательных положений. Различные структурные элементы (диспозиции, санкции, примечания) в УК РСФСР 1922 г. выполняли множество не похожих друг на друга функций. Использование отсылочных положений усложняло применение закона.

Особенная часть УК РСФСР 1922 г. обозначила некоторые идеи, на которых строились последующие уголовные законы. Несмотря на столь короткий период действия уголовного закона, он сформировал позицию отечественного законодателя по ряду значимых вопросов.

Представители власти и научное сообщество критически относились к созданному 1922 году уголовному закону, полагая, что он не отвечает в полной мере новой идеологии. Как отмечал А.Я. Эстрин, УК РСФСР 1922 г. был «теоретически не вполне выдержан, ибо в советской юридической мысли еще имеется и живет очень много неясных, старых, традиционных, явно не наших воззрений, которые и проникли в редакцию УК 1922 года. На очередь ставится задача теоретически "свести концы с концами", построить марксистски выдержанную систему уголовной репрессии¹». А.В. Наумов указывает, что уже через два месяца после принятия УК РСФСР 1922 года в него начали вноситься изменения². В специальной литературе отмечается, что только «с 1922 по 1923 гг., была обновлена практически третья часть Уголовного кодекса»³. Например, в 1923 году к контрреволюционным преступлениям стали относиться деяния, направленные не только на свержение или подрыв власти, но и на покушение на основные политические или хозяйственные завоевания пролетарской революции. В этом же году в связи со специфическими проявлениями борьбы с существующей властью внутри

¹ Эстрин А.Я. К вопросу о принципах построения системы уголовной репрессии в пролетарском государстве // Революция права. 1927. № 1. С. 74–98.

² См.: Наумов А.В. Преступление и наказание в истории России. В 2 ч. Ч. 1. М.: Проспект, 2021. 704 с.

³ Калашникова А.И. Уголовный кодекс РСФСР 1926 г.: концептуальные основы и общая характеристика: дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2009. С. 82.

государства статья 63 УК РСФСР 1922 года была дополнена ответственностью за саботаж.

В период действия УК РСФСР 1922 года образовывается СССР. В 1924 году принимается Конституция СССР и Основные начала уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик, что также стало причиной обновления и трансформации уголовного законодательства республик, включая РСФСР. В этот же период возникла необходимость согласования уголовных законов республик и законодательства СССР. В отличие от предшествующего периода, в союзном государстве принимаются только «основы», опираясь на которые в республиках создали уголовные кодексы. Основные начала устанавливали, что ответственность за государственные и воинские преступления определяется законодательством СССР, иные преступления и наказания за них устанавливаются уголовными кодексами республик. Таким образом, меняется концепция построения Особенной части уголовного закона. Уже тогда входившие в состав СССР республики имели отличные друг от друга именно Особенности части уголовных кодексов, что еще раз подтверждает специфику этого компонента уголовного закона.

Интересными являлись предложения, которые звучали и после принятия УК РСФСР 1926 г. об исключении Особенной части из уголовного закона¹, о недопустимости одновременного существования признания опасного состояния личности как основания уголовного преследования и наличия Особенной части с описанием конкретных составов преступлений и дозированным наказанием².

¹ См.: Крыленко Н.В. Принципы переработки Уголовного кодекса РСФСР (Доклад на заседании Коллегии НКЮ 24 февраля 1928 г.) // Еженедельник советской юстиции. 1928. № 22. С. 641-643; Виокуров А.Н. Об уголовном кодексе без Особенной части и дозировки // Советское строительство. 1930. № 10-11 С. 53; Ширвиндт Е.Г. Проблемы советского уголовного права на грани второго десятилетия Октября // Советское право. 1927. № 6. С. 75.

² Грачева Ю.В., Чучаев А.И. Уголовный кодекс 1926 г.: преобладание идеологии над наукой // Прогресс и преемственность в российском уголовном праве (к 95-летию УК РСФСР 1926 г. и 25-летию УК РФ 1996 г.): материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием / ответственный редакторы В.П. Коняхин и М.Л. Прохорова; Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Кубанский государственный университет. Краснодар, 2021. С. 38.

Помимо этого, современные исследователи указывают на ряд системных ошибок, противоречий, наличествовавших в УК РСФСР 1922 г., требовавших законодательного разрешения¹, что подчеркивает важность системного подхода к созданию Особенной части уголовного закона². Указанные обстоятельства предопределили необходимость разработки в 1926 году новой редакции УК РСФСР, которая начала действовать с 1 января 1927 года. Как отмечает А.В. Наумов, «именно с помощью уголовного права решили задачу ускоренной коллективизации сельского хозяйства и столь же ускоренной индустриализации, а также подавления малейших ростков оппозиции»³.

В РСФСР Уголовный кодекс 1926 г. (далее – УК РСФСР 1926 г.) стал первым кодифицированным уголовным законом, принятым в период действия уголовного законодательства СССР. Следует отметить, что УК РСФСР 1926 г. регламентировал уголовно-правовые отношения на протяжении 34 лет. Он, как и предыдущий уголовный закон, строился с учетом классового подхода. А.А. Пионтковский писал: «...наше право строится открыто на классовой основе. Оно не обещает никому равенства всех перед уголовным законом. Классовое положение преступника является одним из важных обстоятельств для целесообразного выбора меры социальной защиты в каждом конкретном случае в соответствии с интересами класса в целом»⁴. Концепция кодекса, его основные положения не изменились, что отразилось и в наименовании принятого 22 ноября 1926 г. и введенного в действие 1 января 1927 г. уголовного закона - Уголовный кодекс РСФСР в редакции 1926 г.⁵. А.В. Наумов отмечает, что этот кодекс «сохранил самые отрицательные черты предыдущего кодекса – откровенно классовый подход к определению

¹ См.: Петрушенков А.Н. Методологические основания формирования Общей и Особенной частей в первом Уголовном кодексе РСФСР // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2014. № 1. С. 59–63.

² См.: Bezverhov A.G., Norvartyan Y.S. Systematicity of the criminal legislation of Russia: Methodology issues // Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences. 2019. Vol. 12. № 3. P. 325–342.

³ Наумов А.В. Избранные труды. О реформе Уголовного кодекса Российской Федерации (публикации 2009–2019 гг.). М., 2019. С. 34–35.

⁴ Пионтковский А.А. Марксизм и уголовное право: о некоторых спорных вопросах теории уголовного права. М., 1927. С.79

⁵ Кленова Т.В. Основы теории кодификации уголовно-правовых норм. М., 2001. С. 186.

оснований уголовной ответственности и применение уголовного закона по аналогии, что давало правоприменительным органам практически безграничные права в части признания того или иного деяния преступным»¹. В ст. 1 УК РСФСР 1926 г. была обозначена та же задача уголовного законодательства РСФСР, что и в УК РСФСР 1922 г. Понятие преступления в момент принятия новой редакции уголовного закона также не изменилось по сравнению с УК РСФСР 1922 г. Однако вместо наказания в УК РСФСР 1926 г. стало использоваться понятие «меры социальной защиты»². В ст. 17 УК РСФСР 1926 г. указывалось, что меры социальной защиты судебно-исправительного характера «подлежат применению одинаково как в отношении лиц, совершивших преступление, - исполнителей, так и их соучастников – подстрекателей и пособников». В ст. 19 УК РСФСР 1926 г. было установлено, что покушение на преступление и приговорительные к преступлению действия «преследуются так же, как совершенное преступление». Эти общие правила позволили законодателю не указывать в статьях Особенной части на наказуемость покушения или приготовления к конкретному преступлению.

В соответствии с проектом, подготовленным теоретиками из Коммунистической академии, объединенными Н.В. Крыленко, в ст.7 УК РСФСР 1926 г. закреплялось следующее правило: «В отношении лиц, совершивших общественно опасные действия или представляющих опасность по своей связи с преступной средой или по своей прошлой деятельности, применяются меры социальной защиты судебно-исправительного, медицинского либо медико-педагогического характера», тем самым обрела законченность позиция, наметившаяся в УК РСФСР 1922 г., о множественности оснований уголовной ответственности. В числе оснований

¹ Наумов А.В. УК РСФСР 1926 г. – модернизация законодательной техники по образцам романо-германского права как перспектива реформы УК РФ. Краснодар, 2021. С. 28.

² Памятники российского права. В 35 т. Т. 28. Уголовные кодексы РСФСР. М., 2016. С. 182.

для уголовно-правового преследования, наряду с совершением преступления, прямо называлось опасное состояние личности»¹.

Интересным было то, что Общая часть УК РСФСР 1926 г. состояла из разделов, объединяющих статьи, а Особенная часть УК РСФСР 1926 г. – из глав. Такое структурирование закона ни раньше, ни после этого не встречалось². Таким образом, главы присутствовали только в Особенной части уголовного закона, их было девять, пронумерованы они были римскими цифрами и имели заголовки. Нумерация глав была самостоятельной, начиналась с главы I и заканчивалась главой IX. Главы объединяли статьи о преступлениях на основании единства объекта. Заголовки глав были трех видов: первый вариант – «преступления против...», где указывался объект преступления (например, преступления против порядка управления - глава II УК РСФСР 1926 г.); второй вариант – «нарушение правил...», где указывалось в заголовке, совокупность каких правил нарушена (например, «нарушение правил об отделении церкви от государства» (глава IV УК РСФСР 1926 г.); третий вариант – название группы преступлений («преступления хозяйственные» (глава V УК РСФСР 1926 г.).

Если проанализировать структуру и содержание Особенной части УК РСФСР 1926 года и Особенную часть УК РСФСР 1922 года, то можно увидеть, что она сохранила основные компоненты. Лишь контрреволюционные преступления и преступления против порядка управления заняли самостоятельные главы. Временно исчезло понятие «государственных преступлений» в названии структурных компонентов Особенной части уголовного закона, и последние две главы законодатель поменял местами.

В УК РСФСР 1926 г. в качестве первой главы Особенной части была представлена глава о контрреволюционных преступлениях. В научной литературе отмечалось, что «цель уголовного законодательства в охране

¹ Кленова Т.В. Основы теории кодификации уголовно-правовых норм. М., 2001. С. 188.

² Грачева Ю.В., Чучаев А.И. Уголовный кодекс РСФСР 1926 г.: преобладание идеологии над наукой. Краснодар, 2021. С. 43.

(иными словами – «защите») социалистического государства»¹. В первоначальной редакции указывалось, что статьи настоящей главы и часть статей главы II представлены в ранее действовавшей редакции до момента утверждения Положения о государственных преступлениях. Первая статья рассматриваемой главы определяла понятие контрреволюционных действий. Законодатель скорректировал его, по сравнению с первой редакцией ранее действовавшего УК РСФСР 1922 г. Так, в качестве контрреволюционных стали рассматриваться и действия, представляющие собой покушение на основы политических или хозяйственных завоеваний пролетарской революции. В первой главе законодатель не использовал конструкции материальных составов преступлений для основных составов. В зависимости от роли лица в совершенном преступлении в Особенной части УК РСФСР 1926 г. были представлены различные меры социальной защиты. Деяния, названные контрреволюционными, включали в себя такие действия как участие в различных преступных организациях, пособничество, действия, выражающиеся в пропаганде, агитации, призывах.

Некоторые составы преступлений изменили свое месторасположение, по сравнению с ранее действовавшим кодексом. Так, в УК РСФСР 1926 г. использование религиозных предрассудков масс для свержения власти стало контрреволюционным преступлением. УК РСФСР 1922 г. включал соответствующий состав в главу, статьи которой регулировали отношения между церковью и государством. Как и в ранее действовавшем законе, уголовно наказуемыми признавались измышления и распространение ложных слухов, которые могли бы подорвать доверие к власти, умалить ее авторитет, вызвать общественную панику (ст. 58.18 УК РСФСР 1926 г.). Следует обратить внимание, что при установлении контрреволюционных целей при совершении деяния к лицу применялась единственная указанная в санкции статьи мера социальной защиты – лишение свободы.

¹ Ширвиндт Е.Г. Система мер социальной защиты // Основы и задачи советской уголовной политики. М.-Л., 1929. С. 88.

В главу II Особенной части УК РСФСР 1926 г. входили составы преступлений против порядка управления. Их количество значительно увеличилось, по сравнению с ранее действовавшим кодексом. Законодатель в статье 59.1 УК РСФСР 1926 г. уточнил содержание понятия преступлений против порядка управления, особо подчеркнув, что эти деяния непосредственно не направлены на свержение действующей власти, однако, вызывают ослабление ее силы и авторитета. Некоторые составы изменили свое месторасположение в главе. Например, состав организации и участия в бандах (вооруженных шайках) поменялся местами с составом участия в беспорядках, по сравнению с УК РСФСР 1922 г. Для современного исследователя логика расположения статей в главе II может показаться непривычной, как и в УК РСФСР 1922 г., эта глава объединила в себя преступления, которые в современном уголовном праве располагаются в различных иных главах Особенной части уголовного закона, что, как указывалось ранее, может свидетельствовать об изменении представлений об объекте уголовно-правовой охраны.

В период принятия УК РСФСР 1926 г. законодатель находился в поиске оптимальных моделей регулирования отношений, о чем свидетельствует перемещение составов из различных глав УК РСФСР 1922 г. в главу о преступлениях против порядка управления. Так, утратили статус хозяйственных преступлений, наказуемые в предыдущем уголовном законе нарушения положений о монополии (ст. 59.11 УК РСФСР 1926 г.), правил о валютных операциях (ст. 59.12 УК РСФСР 1926 г.), правил взимания квартплаты с трудящихся (ст. 97 УК РСФСР 1926 г.), приготовление спиртных напитков (ст. 101 УК РСФСР 1926 г.). Составы заведомо ложного доноса (ст. 95 УК РСФСР 1926 г.) и хулиганства (ст. 74 УК РСФСР 1926 г.) ранее находились в главе, посвященной преступлениям против жизни, здоровья, свободы и достоинства личности (ст. ст. 176-179 УК РСФСР 1922 г.). Глава II наиболее ярко отражала политику власти. Ряд статей предусматривали меры

социальной защиты от нарушений правил мобилизации. Имелась в этой главе и статья, регулирующая оборот одурманивающих веществ.

Должностным (служебным) преступлениям была посвящена глава III Особенной части УК РСФСР 1926 г. В ней содержались составы преступлений, аналогичные определенным в УК РСФСР 1922 г., с незначительными уточнениями и дополнениями. Так, в отдельную статью был помещен состав дачи взятки (ст. 118 УК РСФСР 1926 г.).

По-прежнему, отдельная глава уголовного закона регулировала отношения между церковью и государством. В главе IV о нарушении правил об отделении церкви от государства статей стало на одну меньше, по сравнению с УК РСФСР 1922 г., в связи с ее перемещением в главу о преступлении против порядка управления. Новый уголовный закон, как и УК РСФСР 1922 г., запрещал преподавание религиозных вероучений малолетним и несовершеннолетним в школах и иных учебных заведениях.

Хозяйственные и имущественные преступления располагались, как и в УК РСФСР 1922 г., в самостоятельных главах. Отдельные виды хозяйственных преступлений из УК РСФСР 1922 г. трансформировались в новом уголовном законе в преступления против порядка управления. Имущественные преступления УК РСФСР 1926 г. схожи с соответствующей группой преступлений в ранее действовавшем уголовном законе. Имелись лишь небольшие изменения. Так, хищение лошадей и крупного рогатого скота стало описываться в самостоятельной статье (ст. 166 УК РСФСР 1926 г.).

Внутри главы VI о преступлениях против жизни, здоровья, свободы и достоинства личности, в отличие от первого Уголовного кодекса РСФСР, статьи не объединялись в структурные подразделения. Как и в Уголовном Уложении 1903 г. законодатель выдержал во всей Особенной части УК РСФСР 1926 г. один уровень объединения статей – только в главы.

В главе VI в качестве самостоятельного состава преступления обозначено понуждение к занятию проституцией, сводничеству (ст. 155 УК

РСФСР 1926 г.). Глава VI, в отличие от других глав УК РСФСР 1926 г., содержала немалое количество материальных составов преступлений.

Глава о нарушении правил, охраняющих народное здравие, общественную безопасность и порядок, являющаяся заключительной в УК РСФСР 1922 г., в УК РСФСР 1926 г. была перемещена на иную позицию. Она стала восьмой из девяти глав, при этом из названия главы было исключено указание на публичный порядок.

Заключительная глава УК РСФСР 1926 г. была посвящена преступлениям воинским, она также была дополнена новыми составами преступлений. Например, устанавливалась ответственность за противозаконное использование начальником подчиненного для обслуживания личных или семейных потребностей (ст. 193.19 УК РСФСР 1926 г.).

В качестве одной из мер социальной защиты в УК РСФСР 1926 г. было объявление врагом трудящихся с лишением гражданства Союза ССР и обязательным изгнанием из его пределов (п. "а" ст. 20). В период действия УК РСФСР 1926 г. происходит усиление репрессивности уголовного закона. За хищение социалистической собственности допускался расстрел или лишение свободы с нижней границей в 10 лет. Более того, в отношении лиц, достигших 12 лет, за совершение преступлений, указанных в ст. 12 УК РСФСР (кража, причинение насилия, телесные повреждения, увечья, убийство или попытка к убийству) уголовный закон допускал применения всех мер наказания. А.И. Калашникова отмечает, что при конструировании норм Особенной части использование умышленной формы вины существенно повышало репрессивность УК РСФСР 1926 г.¹

Нумерация статей была сквозной (непрерывной) во всем уголовном законе. Номер статьи был обозначен арабской цифрой, заголовки у статей, по-прежнему, отсутствовали. В главе I в первоначальной редакции были

¹ См.: Калашникова А.И. Уголовный кодекс РСФСР 1926 года: концептуальные основы и общая характеристика: автореф. дис. ... канд. юрид. науки. Казань, 2009. С.10.

объединены статьи с 58.1 по 58.18 УК РСФСР 1926 г., то есть все статьи этой главы имели до точки номер 58, а после точки - порядковый номер внутри главы. Такая нумерация статей была характерна для трех глав УК РСФСР 1926 г. - I, II, IX УК РСФСР 1926 г. Это было обусловлено тем, что ответственность за государственные, воинские преступления и преступления, направленные против интересов СССР, определялась общесоюзным уголовным законодательством. Положение этих законов включались в республиканские кодексы, и союзные республики не могли их изменять. Использование такой нумерации привело в последствии к тому, что статьи, которыми позже был дополнен УК РСФСР 1926 г., обозначались буквой русского алфавита после порядкового номера статьи (статьи 58.1а, 58.1б и др.).

Статьи состояли из частей, которые не были пронумерованными и располагались в отдельном абзаце, а также из пунктов, которые, как и в УК РСФСР 1922г., могли быть пронумерованы арабскими цифрами или обозначены буквами (ч. 2 ст. 95 УК РСФСР 1926 г.). Статья могла не иметь частей, но быть разделена на пункты, обозначенные арабскими цифрами (ст. 59.3 УК РСФСР 1926 г.), либо буквами русского алфавита (ст. 136 УК РСФСР 1926 г.). Значительная часть статей, как и в УК РСФСР 1926 г., не была разделена ни на части, ни на пункты. Те же статьи, что состояли из частей, как правило, включали их не более двух-трех. В части второй, третьей (и т.д.) статьи могли быть описаны признаки более общественно опасного деяния (ч. 2 ст. 107 УК РСФСР 1926 г.) или менее общественно опасного деяния (ч. 2 ст. 102 УК РСФСР 1926 г., ч. 2 ст. 108 УК РСФСР 1926 г.), чем в части первой этой же статьи. Не наблюдалось единство в размещении квалифицированных видов составов преступлений. Признаки квалифицированных составов преступления могли быть описаны в одной статье с основным составом преступления, но в других частях статьи (например, ч. 2 и ч. 3 ст. 81 УК РСФСР 1926 г.), могли быть в статье, отдельной от статьи, описывающий признаки основного состава преступления (ст. 136 УК РСФСР 1926 г.), либо в одной части статьи обозначены буквами (ч. 2 ст. 95 УК РСФСР 1926 г.). При

этом, например, квалифицированный состав оскорбления находился в отдельной статье (ст. 160 УК РСФСР 1926 г.), а квалифицированный состав клеветы с таким же квалифицирующим признаком в части статьи (ч. 2 ст. 161 УК РСФСР 1926 г.).

В Особенной части УК РСФСР 1926 г., по-прежнему, дифференцировалась ответственность в зависимости от наличия или отсутствия отягчающих, или смягчающих обстоятельств, которые так и назывались в этой части закона. В одних случаях отягчающие обстоятельства названы, но не перечислены (ст. 114 УК РСФСР 1926 г.), в других - перечислялись в статье (ч. 2 ст. 117 УК РСФСР 1926 г.), либо был еще один вариант построения статьи, –а именно содержалась ссылка на иной нормативно-правовой акт. (ст. 59.9 УК РСФСР 1926 г.). Имелось в статьях Особенной части УК РСФСР 1926 г. указание и на смягчающие обстоятельства (ст. 59.8 УК РСФСР 1926 г.), в том числе с раскрытием их содержания (ст. 67 УК РСФСР 1926 г.). В части статьи могли быть указаны особенности ответственности отдельных лиц (ч. 5 ст.193. 10 УК РСФСР 1926 г.). Кроме того, обычно основные, квалифицированные и привилегированные составы преступлений, находятся в ближайших друг к другу статьях. Однако в Особенной части УК РФСР 1926 г. есть отступления от этого правила. Например, контрабанда при отягчающих обстоятельствах, описана в ст. 59.9 УК РСФСР 1926 г., а простая контрабанда - в ст.83 УК РСФСР 1926 г.

По-прежнему, некоторые статьи Особенной части уголовного закона предусматривали дифференциацию ответственности соучастников преступления (ст. 59.3 УК РСФСР 1926 г., ч. 2 ст.59.4 УК РСФСР 1926 г.).

Не было единства в критерии, определяющем последовательность расположения статей в главах. Например, глава VII начиналась со статьи о кражи, а затем располагались статьи о более общественно опасных формах хищения (грабеж, разбой и т.д.). Глава VI УК РСФСР 1926 г., наоборот, начиналась со статьи о самом общественно опасном деянии против жизни -

убийстве (ст. 136 УК РСФСР 1926 г.), а затем следовали статьи о менее общественно опасных деяниях.

Статьи Особенной части УК РСФСР 1926 г., так же, как и в предыдущих уголовных законах, как правило, состояли из диспозиций и санкций. Как и в УК РСФСР 1922 г., в УК РСФСР 1926 г. встречались разнообразные по структуре статьи. Например, ст. 58.1 УК РСФСР 1926 г. содержала понятие контрреволюционных действий. В этой статье отсутствовала санкция. По такому же типу были построены статьи 59.1, 193.1 УК РСФСР 1926 г.

При создании диспозиций статей законодателем использовался преимущественно абстрактный прием. Однако встречается использование и казуистического приема (ст. 166 УК РСФСР 1926 г.). В уголовном законе содержались диспозиции статей различных видов: простая (ст. 137 УК РСФСР 1926 г.), описательная (ст. 58.10 УК РСФСР 1926 г.), бланкетная (ст. 85 УК РСФСР 1926 г.) и ссылочная (ст. 58.7 УК РСФСР 1926 г.). Необходимо обратить внимание и на язык уголовного закона. Так, например, ссылочная диспозиция могла быть представлена в таком варианте, как, например, в ч. 3 ст. 81 УК РСФСР 1926 г., «те же действия, сопряженные в указанными в предыдущей части последствиями, лишение свободы на срок до трех лет» (ч. 3 ст. 81 УК РСФСР 1926 г.), а бланкетная диспозиция – «контрабанда, осложненная признаками, перечисленными в статье 261 Таможенного Устава...» (ст. 59.9 УК РСФСР 1926 г.). Приведенные примеры, действительно, сокращают объем закона, но оптимальным видится в первом случае конкретизация того, о действиях из какой части статьи идет речь, а также указание на наступление последствий в ч.3, а не на их отсутствие в ч. 2 ст. 81 УК РСФСР 1926 г. Во втором случае – конкретизация отягчающих обстоятельств в самом уголовном законе.

Сложные составы преступлений, которые содержали несколько альтернативных признаков какого-либо из элементов, могли быть описаны путем обозначения этих признаков буквами в пунктах (ч. 2 ст. 95 УК РСФСР

1926 г.), либо перечислены в диспозиции статьи через запятую (ст. 98 УК РСФСР 1926 г.).

Диспозиция и санкция статьи Особенной части УК РСФСР 1926 г. в одних случаях не были разделены ни абзацами, ни тире, ни указанием «наказывается». Сразу после признаков состава преступления указывалась мера социальной защиты. Например, «уклонение от опытных и поверочных мобилизаций принудительные работы на срок до трех месяцев или штраф до пятисот рублей» (ст. 66 УК РСФСР 1926 г.). В других случаях разделялись запятой и тире (ст. 108 УК РСФСР 1926 г.). Такого рода построения статей допустимо объяснить и тем, что УК РСФСР 1926 г. изначально не оперировал понятием «наказание», поэтому и традиционное начало санкции - «наказывается», не могло применяться.

Законодатель использовал различные виды санкций в статьях Особенной части УК РСФСР 1926 г. Стоит учитывать, что в ст. 46 Общей части УК РСФСР 1926 г. содержалось правило построения санкций статей Особенной части УК РСФСР 1926 г. В ней определено, что для преступлений, направленных против основ Советского строя, установленного в СССР властью рабочих и крестьян Кодексом, определяется предел, ниже которого суд не вправе назначать меру социальной защиты, а для иных преступлений – лишь высший, допустимый для суда предел. Как отмечают исследователи, при издании Уголовного кодекса РСФСР 1926 г. были снижены пределы санкций почти 50 % статей¹.

В УК РСФСР 1926 г. встречались абсолютно определенные санкции, что, безусловно, повышало репрессивность закона. В качестве примера может служить часть 2 статьи 58. Имели место и относительно-определенные санкции, например, санкция ст. 58.12 УК РСФСР 1926 г.

¹ История советского уголовного права/ А.А. Герцензон, Ш.С. Грингауз, Н.Д. Дурманов и [и др.] М.: Юрид. изд-во, 1948. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.allpravo.ru> (дата обращения: 06 июня 2023 г.)

В Особенную часть уголовного закона входили статьи со ссылочными (опосредованно-определенными) санкциями¹. В качестве примера может служить санкция статьи 58.3 УК РСФСР 1926 г., где содержалась ссылка на ст. 58.2 того же закона. Таким же образом сконструирована санкция части 2 статьи 58.7, статьи 58.8 УК РСФСР 1926 г.

Встречались санкции, в которых законодателем не назывались никакие меры социальной защиты, а указывалось обобщенно – «те же меры социальной защиты», причем без отсылки к какой-либо статье (ст. 58.5 УК РСФСР 1926 г.). Предполагалось, что в данном случае санкция аналогична санкции предшествующей статье, что повторяла законодательную технику УК РСФСР 1922 г.

В Особенной части УК РСФСР 1926 г. можно встретить указание на возможность назначения более мягкого наказания (меры социальной защиты) в случае наличия смягчающих обстоятельств (ст. 59.4 УК РСФСР 1926 г.). Интерес представляет ст. 74 УК РСФСР 1926 г., в которой указано, что «лишение свободы на срок до трех месяцев, если до возбуждения уголовного преследования на совершившего указанные действия не было наложено административное взыскание».

В анализируемом УК имелись санкции, предусматривающие назначение нескольких наказаний (мер социальной защиты). К примеру, в ч. 2 ст. 59.8 УК РСФСР 1926 г. указывалось, что при отсутствии смягчающих обстоятельств назначается расстрел, а при их наличии – лишение свободы с конфискацией. В санкции, ч. 2 ст. 79 УК РСФСР 1926 г. дополнительное наказание не было обязательным. В данном случае допускалось судебное усмотрение.

Кроме того, в уголовном законе содержались положения, предусматривающие привлечение лица к дисциплинарной ответственности (ст. 67, ч. 2 ст. 112 УК РСФСР 1926 г.). В Особенной части УК РСФСР также

¹ Кругликов Л.Л. Сбои в конструировании санкций в уголовном законодательстве// Юридическая техника. 2008. № 2. С. 110-114.

в статьях содержалось указание на меры социальной защиты, налагаемых в «административном порядке» (ст. 83 УК РСФСР 1926 г.).

Законодатель в Особенной части уголовного закона предусматривал и отсрочку исполнения приговора с возможностью полного освобождения от назначенной меры социальной защиты (ст. 69 УК РСФСР 1926 г.).

При построении Особенной части УК РСФСР 1926 г. использован и такой прием как примечания. Их было немного в первоначальной редакции УК РСФСР 1926 г. В отличие от УК РСФСР 1922 г., появились статьи с двойными примечаниями, например, ст. 109 УК РСФСР 1926 г. Если к статье было больше одного примечания, то они были пронумерованы арабскими цифрами. Примечания к статьям были наделены различными функциями. Так, в примечании к ст. 58.10 УК РСФСР 1926 г. раскрывалось понятие специально-охраняемой государственной тайны. В примечании к ст. 84 УК РСФСР 1926 г. устанавливались пределы применения статьи. В примечании 1 к статье 109 УК РСФСР 1926 г. раскрывалось понятие должностного лица, а в примечании 2 к той же статье – особенности привлечения к ответственности должностных лиц профессиональных союзов. В примечании к ст. 118 УК РСФСР 1926 г. закреплялись основания освобождения от уголовной ответственности. В примечании к ст. 162 УК РСФСР 1926 г. указывались основания привлечения лица к дисциплинарной ответственности.

Особенная часть УК РСФСР 1926 г. предусматривала ответственность не только за преступления, совершенные в мирное время, но и «в военной обстановке» (ч. 2 ст. 58.11 УК РСФСР 1928 г.).

Однако наиболее существенные трансформации под влиянием политических и социально-экономических факторов в УК РСФСР 1926 года произошли в длительный период его действия, а не в момент принятия. Строение Особенной части УК РСФСР 1926 года не оставалось неизменным на протяжении его действия. Так, в 1928 году в него была включена новая глава, посвященная преступлениям, составляющим пережитки родового

быта¹. Только за период с 1930 по 1958 гг. было криминализовано порядка 85 деяний, в результате чего в УК РСФСР 1926 г. появилось еще 136 составов². В 1934 г. УК РСФСР 1926 г. был дополнен статьями 58.1а, 58.1б, 58.1г. О влиянии политических факторов на ведение новых статей указывается в научной литературе³.

Новый уголовный закон не решил часть вопросов, которые возникли еще при УК РСФСР 1922 г. По-прежнему, отсутствовало единообразие в структуре статей, сохранялись сложные и не всегда обоснованные конструкции санкций, функция примечаний к статьям не была определена. Перемещение составов преступления в иные главы свидетельствовало о трансформации представлений об объекте уголовно-правовой охраны. Все это, а также внешние факторы создавали предпосылки для новых этапов кодификации уголовного закона.

Следует обратить внимание, что после принятия Конституции 1936 года был разработан проект УК СССР, который в качестве структурных элементов включал десять разделов, объединявших сорок глав⁴. Именно в нем наиболее ярко были выражены приоритетные ценности советской власти. Так, первый раздел Особенной части уголовного закона был посвящен государственным преступлениям и включал главы о контрреволюционных преступлениях, о хищении социалистической собственности и преступления против государственного управления. Интересным является и то, что второй раздел был посвящен преступлениям против личности. Проект УК СССР так и не был реализован.

Во второй половине XX века изменение политической и экономической ситуации создало предпосылки для реформирования законодательства. В начале 1956 года на заседании XX съезда КПСС Первый секретарь

¹ Калашникова А.И. Уголовный кодекс РСФСР 1926 г.: концептуальные основы и общая характеристика: дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2009. С. 158.

² Основания уголовно-правового запрета. Криминализация и декриминализация / отв. ред. В.Н. Кудрявцев, А.М. Яковлев. М., 1982. С. 93.

³ Кленова Т.В. Основы теории кодификации уголовно-правовых норм. М., 2021. С. 189.

⁴ Сорокина А.В. Проект Уголовного кодекса СССР 1939 г.: общая характеристика Особенной части // Вестник Томского государственного университета. Право. 2018. № 27. С. 96.

Президиума ЦК КПСС Н.С. Хрущев выступает с докладом «О культе личности и его последствиях». В советском государстве начинается так называемый период «оттепели», изменяется экономическая ситуация и социальная жизнь. Власть уже имеет достаточно устойчивые позиции в государстве, практически отсутствует политическая конкуренция, борьба могла происходить только внутри самой коммунистической партии. Уголовный кодекс РСФСР 1960 года (далее - УК РСФСР 1960 г.) стал последним российским уголовным законом в советском государстве. Предыдущий уголовный закон действовал более 30 лет, УК 1960 г. не уступил ему в этом. Это кодекс мирного времени, который к тому же пережил Советский Союз. УК РСФСР 1922 г. и УК РСФСР 1926 г. были приняты в духе становления нового государства. В уголовном законе того периода ощущалась борьба новой власти с противниками советского строя, новой власти. К моменту принятия третьего советского уголовного закона - УК РСФСР 1960 г., Союз Советских Социалистических Республик существовал уже не одно десятилетие. В жизни страны позади осталась не только Октябрьская революция, Гражданская война, но и Великая отечественная война. Новое руководство государства выступило с критикой уголовной политики, проводимой предшественниками лидерами. Появились предпосылки для изменения уголовного законодательства. Во второй половине XX века властью были обозначены новые задачи, требующие решения. В уголовном законе 1960 г. больше не звучит контрреволюционная борьба, хотя и видна надежная защита существовавшего тогда общественно-политического строя.

Одной из системно-правовых предпосылок для более детальной разработки Особенной части уголовного закона явилось принятие в 1958 г. Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик, которые отменили применение аналогии в уголовном праве. Как указывал Н.Д. Дурманов, «возникла настоятельная необходимость полного охвата в

уголовном законе уголовно-наказуемых деяний»¹. В 1960 г. принимается УК РСФСР, который вступает в действие с 1 января 1961 г. В Общей части нового уголовного закона в качестве задачи, обозначенной в ст. 1 УК РСФСР 1960 г., было охрана советского общественного и государственного строя, социалистической собственности, личности и прав граждан и всего социалистического правопорядка. В предшествующих кодексах в статье о задачах УК РСФСР не содержалось отдельного указания на охрану личности и прав граждан. Кроме того, закладывается отражение в законе задач, которые коррелируют с системой и структурой Особенной части уголовного закона. Несколько изменялось и определение преступления, которое теперь содержалось в ст. 7 Общей части УК РСФСР 1960 г. В нем также указывалось на объекты посягательства, в том числе, и на личность, политические, трудовые, имущественные и другие права граждан. В Общей части УК РСФСР 1960 г. содержалось положение, согласно которому наказание за приготовление к преступлению и за покушение на преступление назначается по статье Особенной части УК РСФСР 1960 г., предусматривающей ответственность за данное преступление (ст. 15 УК РСФСР 1960 г.). Это позволило не указывать в статьях Особенной части УК РСФСР 1960 г. на наказуемость покушения на преступление или приготовление к преступлению. Таким образом, важным явилось то, что в Особенной части УК РСФСР 1960 г. описаны признаки оконченного преступления.

Особенная часть УК РСФСР 1960 г. отличается от прежних уголовных кодексов: увеличилось число глав, появились новые статьи, изменилась логика расположения структурных элементов и др. Существовало мнение, что УК РСФСР 1960 г. был менее репрессивным по сравнению с предыдущими уголовными законами. Однако следует согласиться с Т.В. Кленовой, что менее репрессивным новое уголовное законодательство было только в сравнении со статьями прежнего Уголовного кодекса в редакции 30-х и 40-х годов, но не с

¹ Дурманов Н.Д. Советский уголовный закон. М., 1967. С. 71.

УК РСФСР 1922 г. и УК РСФСР в редакции 1926 г., какими они были на момент принятия¹.

Особенная часть УК РСФСР 1960 г. состояла из двенадцати глав. Нумерация, как и в предыдущих уголовных кодексах, была в Особенной части самостоятельная. Порядковый номер главы обозначался словами – глава первая. Внутри некоторых глав, как и в Особенной части УК РСФСР 1922 г., имелись структурные образования, которые были пронумерованы и имели заголовок. В литературе их называли разделами. В отличие от предыдущих кодексов, главы имели заголовки двух видов: «преступления против...» (например, глава третья Особенной части УК РСФСР 1960 г.) или указывалась общая характеристика группы преступлений (государственные, хозяйственные и воинские преступления).

Двенадцать глав Особенной части УК РСФСР 1960 г. были расположены в зависимости от значимости объекта уголовно-правовой охраны. Первая глава была посвящена государственным преступлениям. Напомним, что в УК РСФСР 1922 г. глава первая именовалась аналогично первой главе УК РСФСР 1960 г. В УК РСФСР 1926 г. законодатель в первоначальной редакции отказался от понятия государственных преступлений, обозначил их как контрреволюционные преступления, разместив их в первой главе. В УК РСФСР 1960 г., в отличие от его предшественника, отсутствует понятие контрреволюционных преступлений. Советская власть по-прежнему отдает предпочтение приоритету охраны политического строя. Расположение главы о государственных преступлениях в начале Особенной части УК РСФСР 1960 г. можно обосновать сохранением традиций, заложенных первым уголовным кодексом РСФСР.

Глава первая УК РСФСР 1960 г. имела два укрупненных структурных элемента. Первый включал в себя особо опасные государственные преступления, второй – иные государственные преступления. Такого рода

¹ Кленова Т.В. Основы теории кодификации уголовно-правовых норм. М., 2021. С.192.

структурные элементы были характерны для первого уголовного кодекса РСФСР, однако, названы были законодателем иначе. Особенна часть УК РСФСР 1960 г. открывалась статьей об «Измене Родине». В ранее действовавших советских уголовных кодексах первая статья была посвящена контрреволюционным действиям. В УК РСФСР 1960 г. отсутствуют понятие и виды контрреволюционных преступлений, но, например, сохраняется статья об ответственности за антисоветскую агитацию и пропаганду. Статья 64 УК РСФСР 1960 г. состояла из двух пунктов. При этом, в пункте «б» содержалось указание на круг лиц, которые не подлежат уголовной ответственности. Первоначальная редакция главы включала десять статей. Две последние статьи не содержали санкций, а определяли особенности уголовной ответственности за организационную деятельность, способствующую совершению государственных преступлений, и за совершение преступлений против другого государства трудящихся. Законодателем использовались различные по конструкциям составы преступлений. В отличие от ранее действовавших уголовных законов, данная глава включала, в том числе, и признаки материальных составов преступлений.

К иным государственным преступлениям, объединенным во второй раздел главы первой Особенной части, законодателем были отнесены разглашение государственной тайны, участие в антисоветских организациях, бандитизм, контрабанда, массовые беспорядки, подделка денежных знаков и др. Уклонение от военного призыва и от призыва по мобилизации также находились среди государственных преступлений. Отдельная статья была посвящена защите национального и расового равноправия.

Законодателем того времени использованы самые различные конструкции составов преступлений: формальные, материальные, усеченные, деликт соучастников, деликт создания опасности и др.

Отдельная глава - вторая была посвящена преступлениям против социалистической собственности. Данная глава выделена в самостоятельную впервые. В силу особенностей регулируемых правоотношений она характерна

только для советского государства. Предметом данной группы преступлений выступала социалистическая собственность. Законодатель указывал на различные формы хищения, вымогательства, уничтожение и повреждение имущества. Следует обратить внимание, что «перемещение» преступлений против социалистической собственности в начало Особенной части уголовного закона характерно именно для УК РСФСР 1960 года.

Также впервые в уголовных кодексах РСФСР преступления против жизни, здоровья, свободы и достоинства личности стали располагаться в одной из первых глав, что может свидетельствовать об изменении взглядов законодателя на важность объектов уголовно-правовой охраны. Следует обратить внимание, что внутри этого структурного образования (главы) законодатель на первое место поставил убийство при отягчающих обстоятельствах. Далее преступления против жизни расположились в зависимости от их общественной опасности. Эту группу завершали неосторожное убийство и доведение до самоубийства, за ними следовали преступления против здоровья, а также преступления, ставящие в опасность жизнь и здоровье. Большинство составов преступлений в этой главе по конструкции были материальными. Как справедливо отмечает Д.В. Васяев, в уголовном законе не обеспечивалась последовательная дифференциация уголовной ответственности за причинение телесных повреждений¹. Половым преступлениям было посвящено 5 статей. Несмотря на то, что их число совпадает с количеством статей в главе о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы УК РФ, содержание их существенно отличается. Особенностью является то, что в изнасиловании и понуждении к вступлению в половую связь по советскому уголовному закону потерпевшей могла быть только женщина. Две статьи этой главы были направлены на охрану половой неприкосновенности. Отдельная статья была посвящена уголовной ответственности за мужеложство. Согласно ст. 121 УК РСФСР 1960

¹ Памятники российского права. Уголовные кодексы РСФСР. В 35 т. Т.28. М., 2016. С. 56.

г. половое сношение между мужчинами, в том числе добровольное, было уголовно-наказуемым деянием. Три статьи этой главы содержали положения, направленные на охрану права семьи и несовершеннолетних. Рассматриваемая глава включала и статьи, посвященные преступлениям против свободы: похищение и незаконное лишение свободы. Завершали главу статьи о клевете и оскорблении. Непривычной для современного исследователя является нахождение в этой главе состава не оказания капитаном судна помощи, терпящим бедствие. В современном УК РФ эта статья перемещена в главу, где обозначен иной объект охраны.

Глава четвертая была посвящена преступлениям против политических и трудовых прав граждан. В ранее действовавших уголовных кодексах данная глава отсутствовала, хотя избирательные и трудовые права подлежали охране. В УК РСФСР 1960 г. расширилась уголовно-правая регламентация трудовых и избирательных отношений. Особое внимание было уделено защите прав женщин. Законодатель отказался от включения в Особенную часть уголовного закона главы, посвященной отношениям между государством и церковью. В главе четвертой УК РСФСР 1960 г. содержались статьи, посвященные уголовной ответственности за нарушение законов об отделении церкви от государства и школ, воспрепятствование совершению религиозных обрядов.

Новой является глава о преступлениях против личной собственности граждан. По своей сути она является трансформированной главой об имущественных преступлениях УК РСФСР 1922 г. и УК РСФСР 1926 г. В отличие от главы о преступлениях против социалистической собственности, она включает меньше статей. Кража, грабеж, мошенничество сконструированы как материальные составы преступлений. При конструировании состава разбоя законодатель использует усеченный состав преступления. Уголовно-наказуемым признавалось вымогательство и уничтожение или повреждение имущества. Отсутствовали в данной главе составы присвоения и растраты. Интересной является ст. 151 УК РСФСР 1960 г., она предусматривает, что за посягательство на имущество, принадлежащее

организациям, не являющимися социалистическими, лицо привлекается к уголовной ответственности по данной главе. Напомним, что согласно ст. 101 УК РСФСР 1960 г., за посягательство на имущество социалистических организаций ответственность наступает по главе второй о преступлениях против социалистической собственности.

Глава о хозяйственных преступлениях впервые была размещена после главы о преступлениях против личной собственности. Уголовная ответственность предусматривалась за спекуляцию, выпуск недоброкачественной продукции, частнопредпринимательскую деятельность и др. К хозяйственным преступлениям относились и некоторые экологические преступления. Большинство составов хозяйственных преступлений не включали последствия в качестве обязательного признака объективной стороны.

В УК РСФСР 1960 г., как и в предшествующих кодексах, отдельная глава была посвящена должностным преступлениям. Большинство составов перешли в новый уголовный закон из ранее действовавших уголовных кодексов.

Новым для советских уголовных кодексов является появление главы преступлениям против правосудия. В нее перешли часть статей из главы против порядка управления УК РСФСР 1926 г. В рассматриваемой главе имелись составы преступной прикосновенности (ст. 189, ст. 190 УК РСФСР 1960 г.).

Глава о преступлениях против порядка управления впервые находилась практически в конце Особенной части. По сравнению с УК РСФСР 1926 г. существенно сократилось число статей в рассматриваемой главе. Это объясняется тем, что при формировании УК РСФСР 1960 г. иначе были определены родовые объекты преступлений. Часть статей, в которых описаны

признаки деяний, рассматриваемых ранее как посягательства на порядок управления, стали относиться к иным видам преступных посягательств¹.

Десятая глава касалась преступлений против общественной безопасности, общественного порядка и здоровья населения. В данную главу вошли такие составы преступлений как хулиганство, угроза убийством или уничтожением имущества, занятие бродяжничеством и попрошайничеством, др. Хулиганство (ст. 176 УК РСФСР 1922 г.), таким образом, было перемещено из главы преступлений против жизни, здоровья, свободы и достоинства личности в главу о преступлениях против общественной безопасности, общественного порядка и здоровья населения. Угроза убийством в УК РСФСР 1960 г. рассматривалась как преступление против общественной безопасности, общественного порядка и здоровья населения.

В УК РСФСР 1960 г. была включена глава о преступлениях, составляющих пережитки местных обычаев. Появление данной главы необходимо для подтверждения монополии государства на регулировании уголовно-правовых отношений, формирования единства правопорядка внутри государства. Законодатель запрещал применение кровной мести, уплату и принятие выкупа за невесту, похищение женщин для вступления в брак, сожительство с несколькими женщинами и др.

Заключительная глава Особенной части УК РСФСР 1960 г. была о воинских преступлениях.

Статьи об ответственности за государственные и воинские преступления, а также за преступления, направленные против интересов СССР, по-прежнему, основывались на общесоюзном уголовном законодательстве и были включены в республиканские кодексы без изменений. Однако, в отличие от УК РСФСР 1926 г. в УК РСФСР 1960 г. законодатель не использовал сложную нумерацию (58.1, 58.1а и т.д.), а все

¹ См.: Голенко Д.В. Структура Особенной части Уголовного кодекса РСФСР 1960 г. // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право. 2019. № 4 (60). С. 112-119.

статьи имели «обычный» порядковый номер. Так, в первоначальной редакции Особенной части УК РСФСР 1960 г. находились статьи с 64 по 269 УК РСФСР 1960 г.

Главы объединяли статьи с общим основным объектом преступления. Отсутствовало единообразие в порядке расположения статей внутри глав. Так, глава вторая Особенной части УК РСФСР 1960 г. начиналась со статей о менее общественно опасном деянии (кражи), а затем следовали статьи о более общественно опасных деяниях (грабеж, разбой и т.д.), в главе третьей Особенной части УК РСФСР 1960 г. – наоборот, от статей о более общественно опасных деяниях (умышленное убийство при отягчающих обстоятельствах) к статьям, описывающим признаки менее общественно опасного деяния (умышленное убийство и т.д.).

Структура статей УК РСФСР 1960 г. отличается от структуры статей ранее действовавших уголовных законов. В них появились названия (заголовки), которые значительно облегчают поиск законодательного материала. Большинство статей было поделено на части. Части не были пронумерованы, но располагались в самостоятельных абзацах. Имелись также пункты, обозначенные буквами. Большинство статей главы о воинских преступлениях состояли не из частей, а только из пунктов, обозначенных буквами русского алфавита. Пункты не всегда содержали описание квалифицированных составов преступлений. Например, в п. б ст. 64 УК РСФСР 1960 г. определялся круг лиц, не подлежащих уголовной ответственности.

Диспозиции статей Особенной части УК РСФСР 1960 г. были различными: простые (ст. 103 УК РСФСР 1960 г.), описательные (ст. 90 УК РСФСР 1960 г.), бланкетные (ст. 140 УК РСФСР 1960 г.) и ссылочные (ст. ст. 189, 190 УК РСФСР 1960 г.). По-прежнему, в Особенной части содержались статьи без санкций, которые разъясняли пределы действия положений главы, о чем уже говорилось выше (ст. 101 УК РСФСР 1960 г.). Преимущественно

использовался абстрактный прием при создании диспозиций статей Особенной части УК РСФСР 1960 г.

Законодатель дифференцировал ответственность в зависимости от наличия или отсутствия отягчающих, или смягчающих обстоятельств. По-прежнему, в одних случаях признаки квалифицированных составов преступлений были описаны в статье, отдельной от статьи, где описаны признаки основного состава преступления (ст. 102 УК РСФСР 1960 г.), в других случаях – в частях или пунктах одной статьи (ст. 2 ст. 163 УК РСФСР 1960 г.). Встречались статьи, где после основного состава преступления, признаки которого описаны в части 1 статьи, в части 2 было предусмотрено наказание за совершение тех же действий при смягчающих обстоятельствах, а в ч. 3 – признаки квалифицированного состава преступления (ст. 243 УК РСФСР 1960 г.). Однако в целом, законодатель стремился к упорядочиванию использования тех или иных приемов. Например, в отличие от УК РСФСР 1926 г., где один и тот же квалифицирующий признак мог располагаться в одном случае в отдельной статье, а в другом- в части статьи, в УК РСФСР 1960 г. преимущественно они располагались единообразно (ст. ст. 130, 131 УК РСФСР 1960 г)

Законодатель стремился отказаться от абсолютно определенных и ссылочных санкций¹. Хотя в единичных случаях они встречались. К абсолютно-определенным санкция, например, относят санкцию статьи 187 УК РСФСР 1960 г., а к ссылочным - ст.73 УКРСФСР 1960 г. Санкции статей были преимущественно относительно-определенными и устанавливали размер наказания в определенных пределах. Некоторые санкции предусматривали несколько альтернативных видов наказаний (ст. 138 УК РСФСР 1960 г.). Альтернативная санкция могла предусматривать возможность альтернативы между наказанием и мерами общественного воздействия. Кроме того, были и статьи, построенные по типу ст. 243 УК РСФСР 1960 г., где указывалось, что

¹ См.: Кругликов Л.Л. Сбои в конструировании санкций в уголовном законодательстве // Юридическая техника. 2008. № 2. С. 111.

те же деяния при смягчающих обстоятельствах влекут применение правил Дисциплинарного устава Вооруженных сил Союза ССР.

Как и в ранее действовавших уголовных кодексах имелись примечания, например, к ст. ст. 144, 170, 174 УК РСФСР 1960 г. Их было значительно меньше, по сравнению с предшествовавшими уголовными законами. Примечания выполняли различные функции. Например, как и в современном уголовном законе в примечании раскрывалось понятие должностного лица¹.

В Особенной части УК РСФСР 1960 г. встречались случаи отсутствия единообразия в расположении материала. В одних случаях, например, специальные основания освобождения от уголовной ответственности располагались в части или пункте статьи, а в других – в примечании. Например, в п. б ст. 64 РСФСР указывались обстоятельства, при наличии которых лицо не подлежало уголовной ответственности, в примечании к ст. 174 УК РСФСР 1926 г. также содержались основания освобождения лица от ответственности.

Особенная часть УК РСФСР 1960 г. предусматривала ответственность за преступления, совершенные как в мирное, так и в военное время.

Новым структурным образованием уголовного закона, который следовал после Особенной части УК РСФСР 1960 года, является приложение, которое содержало перечень имущества, не подлежащего конфискации по приговору.

Особенная часть уголовного закона РСФСР 1960 года отражала тенденции своего времени. Приоритет отдавался защите государственных интересов. Например, в 1961 году усилена ответственность за уклонение от общественно полезного труда в отношении лиц, ведущих антиобщественный, паразитический образ жизни. Статьи 190.1, 190.2, 190.3 УК РСФСР 1960 г. предусматривали уголовную ответственность за распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный общественный

¹ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (научно-практический) / под ред. А.И. Чучаева. М., 2019. С. 1287-1288.

строй. Борьба с алкоголизмом повлияли на то, что в 1968 г. побег из лечебно-трудового профилактория или на пути следования туда стал наказываться наравне с побегом из ссылки на принудительное лечение и трудовое перевоспитание.

С. Г. Келина отмечала, что на момент принятия УК РСФСР 1960 г. включал 269 статей, за время действия было внесено более 740 изменений и дополнений¹.

УК РСФСР 1960 г. пережил СССР, действовал в период возрождения рыночной экономики, изменения политической ситуации внутри государства. В него неоднократно вносились изменения, которые создавали предпосылки к построению Особенной части УК РФ.

В 1991 году прекращает свое существование СССР. С 1985 по 1990 год 22 указа Президиума Верховного Совета РСФСР; с 1990 года до 1991 года 6 законов РСФСР; с 1992 года по 1996 год 23 закона изменяют УК РСФСР 1960 года.

В 1993 году принимается Конституция Российской Федерации. В период с 1992 года по 1996 год в УК РСФСР 1960 года с учетом изменившихся социально-экономических и политических условий внутри государства в Особенную часть УК РСФСР 1960 года внесены существенные изменения, которые нарушили ее логичность и непротиворечивость, создали рассогласованность как внутри этого структурного компонента, так и с Общей частью, породили предпосылки для формирования Особенной части уголовного законодательства современной России. Уже в конце 80-годов учеными стали разрабатываться модели нового уголовного закона, например, в 1987 году в Институте государства и права АН СССР была подготовлена и опубликована теоретическая модель Общей части Уголовного кодекса с комментариями². Однако в период разработки ученые не могли в полной мере

¹ Келина С.Г. Вступительная статья// Уголовный кодекс Российской Федерации. М., 1996. С. XXXIII.

² Кленова Т.В. Основы теории кодификации уголовно-правовых норм. М., 2021. С. 197.

предположить дальнейшее существенное изменение общественных отношений внутри государства.

Таким образом, попытка регулировать новые отношения УК РСФСР 1960 года не увенчалась успехом. Его Особенная часть создавалась в принципиально иных условиях. Политическая, экономическая и социальная обстановка в государстве в 1960 году кардинально отличалось от обстановки начала 90-х. Как отмечает Т.В. Кленова, «уголовный кодекс РСФСР, имевший задачей охрану от преступных посягательств общественного строя СССР, его политической и экономической систем, социалистической собственности и социалистического правопорядка, стал рассматриваться представителями государственной власти как серьезное препятствие на пути демократических преобразований и формирования рыночных отношений в государстве»¹. В начале 90-х годов было предложено несколько проектов нового уголовного закона: проект, созданный группой при Министерстве юстиции РФ, и представленный 20 октября 1992 года Президентом РФ Верховному Совету Российской Федерации, проект уголовного закона, разработанный группой, образованной Комитетом по законодательству Верховного Совета РФ и Государственно-правовым управлением Президента РФ, представленный в 1994 году², существовал проект «Уголовного уложения Российской Федерации» и др.³. Н.Ф. Кузнецова освещает вопросы, обсуждаемые при разработке нового российского уголовного закона⁴, в том числе и проблемы структурирования его Особенной части.

Официальный проект был опубликован в «Российской газете» в 1995 году. К 1996 году удалось согласовать окончательный вариант нового

¹ Кленова Т.В. Основы теории кодификации уголовно-правовых норм. М., 2021. С. 197.

² Там же.

³ Уголовное уложение Российской Федерации // Записки криминалиста. М.: Юрикон, 1993. Вып. 1. С. 219-246.

⁴ См.: Кузнецова Н.Ф. К истории проекта уголовных кодексов Российской Федерации // Вестник МГУ. Серия 11: Право. 1995. № 2. С. 54-63.

уголовного закона и принять Уголовный кодекс Российской Федерации. Как отмечалось в 1996 году, что был создан по-настоящему новый кодекс¹.

УК РФ строится на иных концептуальных началах, чем предшествующие УК РСФСР. Новая политика была направлена на «искоренение основ социалистической государственности и экономики»². Принятая в 1993 году Конституция Российской Федерации провозгласила в статье 1, что Российская Федерация - «демократическое федеративное правовое государство с республиканской формой правления», а «человек, его права и свободы являются высшей ценностью» (ст. 2). Впервые открывает Особенную часть российского уголовного закона раздел о преступлениях против личности, что обусловлено провозглашенными в Конституции РФ ценностями, иначе представлено и разделение статей на группы в зависимости от объекта уголовно-правовой охраны. Главы объединяют статьи с единым видовым объектом. Впервые выделен самостоятельный структурный компонент, посвящённый преступлениям против мира и безопасности человечества. Изменилась техника построения статей уголовного закона, о чем подробнее будет сказано в следующих разделах.

На основании проведенного исследования Особенной части кодифицированного уголовного законодательства России допустимо сделать следующие выводы.

1. В период действия кодифицированного уголовного законодательства Особенная часть уголовного закона выделяется в качестве самостоятельного структурного образования отраслевого закона, согласованного с Общей частью и применяемого на практике (с 1922 года по настоящее время).

2. Концептуальные основы построения Особенной части уголовного закона во многом предопределялись политическими и экономическими факторами своего времени. В период становления новой государственности

¹ См.: Безверхов А.Г., Голенко Д.В. Структура Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации: современность и перспективы // Вестник Томского государственного университета. Право. 2022. № 44. С. 19.

² Наумов А.В. Преступление и наказание в уголовном праве России. В 2 ч. Ч.2. М., 2021. С. 400.

основной задачей было сохранение новой власти, укрепление ее позиций и противодействие сторонникам свержения нового строя. Именно классовый характер законодательства, охрана интересов господствующего класса характерны для Особенной части УК РСФСР 1922 года. Структура Особенной части первого советского уголовного кодекса состояла из глав, объединяющих статьи. Они располагались в зависимости от значимости для новой власти охраняемых общественных отношений. В главах I и V была осуществлена дополнительная систематизация отдельных видов преступлений, где были обозначены и пронумерованы структурные элементы, нередко называемые в науке разделами, но не названные так законодателем. Уникальным для советского периода является создание в первой главе о государственных преступлениях Особенной части УК РСФСР 1922 г. структурного компонента, посвященного контрреволюционным преступлениям. Внутри глав Особенной части располагались статьи. Части статей не имели собственной нумерации, но она подразумевалась, что следует из ссылки в санкциях статей. Статьи Особенной части Уголовного кодекса РСФСР 1922 года были различные по своей структуре. Опыт построения Особенной части УК РСФСР 1922 г. учитывался законодателем при построении этого структурного компонента в будущих отечественных уголовных законах.

3. В 1924 г. принимаются Основные начала уголовного законодательства СССР. За исключением определенных групп преступлений (государственные, воинские преступления) Особенная часть уголовного закона каждой из республик, входящих в состав СССР, обладает своими уникальными чертами. Особенная часть УК РСФСР 1926 г. сохранила основные компоненты Особенной части УК РСФСР 1922 г., лишь контрреволюционные преступления и преступления против порядка управления заняли самостоятельные главы, временно не использовано в наименовании структурных компонентов понятие «государственные преступления», и последние две главы законодатель поменял местами. Диспозиции и санкции

статей строились с использованием многообразия приемов законодательной техники.

4. Уголовный кодекс РСФСР 1960 года стал последним уголовным законом советского государства. УК РСФСР 1922 г. и УК РСФСР 1926 г. были приняты в духе становления нового политического и экономического устройства. К моменту принятия третьего советского уголовного закона - УК РСФСР 1960 г., Союз Советских Социалистических Республик существовал уже не одно десятилетие. Из Особенной части уголовного закона 1960 г. исключено понятие контрреволюционных преступлений, однако сохраняется приоритет защиты существующего общественно-политического строя. Одной из системно-правовых предпосылок для более детальной разработки Особенной части уголовного закона явилось принятие в 1958 г. Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик, которые отменили применение аналогии в уголовном праве, что позволило говорить о том, что исчерпывающий перечень уголовно-правовых запретов теперь содержался в Особенной части уголовного кодекса. Двенадцать глав Особенной части УК РСФСР 1960 г. были расположены в зависимости от значимости объекта уголовно-правовой охраны, их нумерация была самостоятельной от Общей части УК РСФСР.

Структура статей УК РСФСР 1960 г. отличается от структуры статей ранее действовавших уголовных законов. У них появились названия (заголовки). Большинство статей было поделено на части. Части не были пронумерованы. В статьях имелись пункты, обозначенные буквами. В пунктах статей не всегда содержалось описание квалифицированных составов преступлений. Диспозиции были различными: простые, описательные, бланкетные и ссылочные. По-прежнему, в Особенной части содержались статьи без санкций. Законодатель в Особенной части УК РСФСР 1960 г. отказался от абсолютно определенных и ссылочных санкций статей. Некоторые санкции предусматривали несколько альтернативных видов наказаний. Как и в ранее действовавших уголовных кодексах имелись

примечания, которые выполняли различные функции. Их было значительно меньше, по сравнению с предшествовавшими уголовными законами.

5. В 1996 году принят Уголовный кодекс РФ. Его появление было продиктовано изменением политических, экономических и социальных отношений как внутри государства, так и на международной арене. Предполагалось, что Особенная часть уголовного закона строится исходя из новых концептуальных идей. Она создается в правовом государстве, где личность, ее права и свободы являются высшей ценностью.

Глава 2. Строение Особенной части уголовного законодательства некоторых зарубежных стран

§ 1. Особенная часть уголовного законодательства в правовых системах современности: вопросы типологизации

Сравнительно-правовое исследование Особенной части уголовного закона нельзя считать полным, если оно основано только на сопоставлении законодательства различных периодов в одном государстве и не обращается к опыту построения этого структурного компонента в зарубежных странах. Еще Н.Д. Сергиевский отмечал, что «научное исследование не может ограничиться положительным правом одного какого-либо народа (правом отечественным)», «проповедовать исключительно национальную замкнутость значит отрицать всю новейшую историю и ставить на место реальной действительности свою собственную, произвольную утопию»¹. Особенно это актуально в период трансформации современных международных отношений. Одно государство не может противостоять транснациональной преступности, а для взаимодействия нескольких государств необходимо взаимопонимание, уважение и учет особенностей, присущих различным правовым системам,

¹ Сергиевский Н.Д. Русское уголовное право. Часть Общая: Пособие к лекциям. СПб., 1911. С. 2-3.

поиска общих инструментов противодействия преступности. Еще Р. Давид писал о возрастающей важности международных отношений, отмечая, что «задача подготовки юридической основы для этих отношений не может быть выполнена, если оставаться в рамках национальной ограниченности и в плену предрассудков о своем всемогуществе»¹. Восстановление и развитие международных отношений является неизбежным этапом ближайшего времени. Для конструктивного диалога необходимо учитывать особенности правовых систем различных государств, их исторические и культурные традиции, построение Особенной части уголовного законодательства.

Существующие уголовно-правовые системы оказывают влияние друг на друга (в аспекте восприятия идей и техники построения законов, обоснования их содержания), поэтому уголовно-правовые акты в нескольких самостоятельных государствах могут обладать сходными чертами. Однако одна и та же идея, отраженная в уголовном законодательстве различных государств, может быть воплощена отличными друг от друга способами, иметь несходные формы выражения (с точки зрения, например, законодательной техники, используемой терминологии) и при этом оставаться близкой по содержанию, по существу. С другой стороны, внешне схожие по форме (законодательной технике) положения уголовного законодательства в различных государствах могут иметь иное понимание и применение на практике, отражать различные ценности, а могут и вовсе содержаться в законе, но не применяться на практике². Кроме того, стоит учитывать и влияние международного права на содержание национального уголовного закона и его Особенной части. В качестве примера могут служить структурные компоненты, посвящённые преступлениям против мира и безопасности человечества в уголовных кодексах различных государств.

¹ Давид Р. Основные правовые системы современности. М., 1988. С. 21.

² См.: Сравнительное уголовное право. Особенная часть: монография / В. Н. Додонов, О. С. Капинус, С. П. Щерба; под общ. и науч. ред. С. П. Щербы. М., 2010. С. 23.

Россия, территориально находящаяся на стыке Запада и Востока, вплетает в канву Особенной части уголовного законодательства и судебной практики ценности и особенности, которые в некоторой степени сходны как с западными, так и с восточными, но обладают определенной самобытностью в пределах одного государства. Такое положение делает важным изучение особенностей различных правовых семей.

Длительные периоды времени наука и законотворческая деятельность развивались под влиянием в большей степени западных идей, чем восточных. Однако трансформации, происходящие в мировом сообществе последние десятилетия, заставили ученых поставить под сомнение универсальность применимости западного образа мышления¹. Гарольд Дж. Берман пишет, например, что «в прошлом Человек Запада уверенно нес с собой свой закон по всему миру»², а в сегодняшнем мире «Человек Востока и Человек Юга предлагают иные альтернативы»³. На эту особенность в уголовно-правовом контексте обращает внимание и Г.А. Есаков⁴. Становится ясно, что эти тенденции невозможно игнорировать.

Роль компаративистики в области кодификации уголовно-правовых норм состоит в том, что с помощью компаративистского метода устанавливается общее и особенное в процессе кодификации уголовно-правовых норм, а также причины отсутствия кодифицированного уголовного законодательства в различных государствах, выявляются факторы, которые способствовали появлению сходств и различий между отдельными правовыми системами, формулируются гипотезы о возможности и допустимости использования опыта другого государства в отечественном правотворчестве и предполагаемых результатах такого заимствования.

В науке отмечено, что мыслители обращались к изучению и анализу правопорядка другого государства, как правило, с одной из трех

¹ Давид Р. Основные правовые системы современности. М., 1988. С. 382.

² Берман Г.Дж. Западная традиция права: эпоха формирования. М., 1998. С. 48.

³ Там же.

⁴ Есаков Г.А. Основы сравнительного уголовного права: монография. М., 2007. С. 24.

альтернативных целей: усовершенствование национальной правовой системы; создание идеальной мыслительной правовой системы; познание права другого народа¹. Р. Кабриак задается вопросом, «является ли кодификация высшей точкой линейного развития истории права человеческого общества, или она подчиняется законам циклического развития, состоящего из периодов упадка и периодов возрождения?»². Именно использование компаративистского и сравнительно-исторического метода позволяет ответить на вопрос о том, под влиянием каких факторов происходит кодификация уголовно-правовых норм в государстве, является ли это неизбежным и необходимым процессом для любого государства. В этой связи возникают и другие вопросы. Так, если появляется кодекс, в том числе и уголовный, закономерно ли появление в нем Особенной части, есть ли сходные и отличительные черты в построении уголовного законодательства, уголовного кодекса и его Особенной части в различных государствах и чем это обусловлено? В настоящее время отмечается, что цель использования компаративистского метода в исследовании сугубо практическая – поиск того, что может быть использовано в правотворческой практике отечественного законодателя³. Ни одна из обозначенных целей не теряет актуальности и сегодня, но наиболее значимой действительно является оценка опыта кодификации уголовно-правовых норм в различных государствах и возможность использования этого опыта в российской законотворческой деятельности с учетом исторических, культурных, правовых и других особенностей и традиций.

Сравнительно-правовой метод позволяет установить специфику кодификации уголовно-правовых норм и техники построения уголовного законодательства различных государств. Важным является изучение и

¹ См.: Полный курс уголовного права. Уголовное право зарубежных стран. Зарубежное уголовное законодательство. В 10 т. Т. X. / под ред. д-ра юрид. наук, проф., заслуженного деятеля науки РФ А. И. Коробеева. СПб., 2021. С. 2.

² Кабриак Р. Кодификация / перевод с французского, примечания и вступительная статья Л.В. Головки. М., 2007. С. 111.

³ См.: Наумов А. В. О специфике содержания и направленности сравнительно-правового метода науки уголовного права в современных условиях // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2022. Т. 18. № 4. С. 32.

сравнение уголовного законодательства и положений Особенной части в контексте исторических, культурных, национальных особенностей, процедуры разработки закона: на какие идеи опирались создатели закона, кто участвовал в разработке проекта, какие положения закреплены в Общей части закона, какова специфика их применения. Эта тема требует дальнейшего подробного и глубокого изучения, настоящая работа не может претендовать на исчерпывающее исследование каждого уголовного закона и феномена Особенной части в каждом государстве, а опирается на систематизацию, предложенную теорией права. Так, для упорядочения знаний о национальных правовых системах других государств в теории права принято оперировать такими понятиями как правовая семья (система). В доктрине чаще всего используется понятие «правовая семья» как совокупность «правовых систем» с общими признаками¹.

В.Е. Чиркин обратил внимание, что в исследованиях зарубежных стран «различия понятий права, системы права и правовой системы не проводятся, компоненты системы не выделены, а семьи часто называются системами»², то есть понятие «правовая система» и «правовая семья» используются как аналогичные понятия³. В отечественной научной литературе можно встретить классификации правовых систем и классификации правовых семей. Например, В.Н. Додонов под правовой семьей предлагает понимать широкую совокупность национальных систем, объединенных «близостью происхождения, источников, основных понятий, приемов юридической техники и способов толкования»⁴. Р. Давид указывал, что «нормы могут быть бесконечно разнообразными, но способы их выработки, систематизации, толкования показывают наличие некоторых типов, которых не так уж и много. Поэтому возможна группировка правовых систем в «семьи»»⁵. Этот ученый

¹ Кругликов Л.Л. Сравнительное уголовное право: учебное пособие. Ярославль, 2013. С. 5

² Чиркин В.Е. Глобальные правовые системы, их семьи и классификация // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2017. № 4. С. 19.

³ Там же.

⁴ См.: Додонов В.Н. Сравнительное уголовное право. Монография. Общая часть / под общ. и науч. ред. С.П. Щерба. М., 2009. С. 57.

⁵ Давид Р. Основные правовые системы современности. М., 1988. С. 39

указывал, что «понятию «правовая семья» не соответствует какая-либо биологическая реальность; оно используется лишь в дидактических целях, чтобы выявить сходство и различия систем действующего права»¹. Не будем углубляться в дискуссии об их соотношении. Постараемся в большинстве случаев использовать то понятие, которое употребляют авторы классификаций и типологий.

В современной доктрине предложены различные классификации и типологии правовых систем (правовых семей) в зависимости от критерия, с учетом специфики области исследования (например, частное или публичное право), времени осуществления классификации (например, наличие колониальных государств, социалистических и т.д.). К. Осакве верно отметил, что «право, как язык или музыка, есть нормативное выражение истории, психики, психологии, традиций и культуры каждого народа», «нет и не может быть двух идентичных национальных правовых систем в мире», «даже если две страны говорят на одном языке»². М.Н. Марченко указывает, что «нет и не может быть законченной правовой или любой иной классификации и что любая выделяющаяся при этом правовая система с неизбежностью будет иметь относительный характер»³.

Прежде чем перейти к анализу возможной типологизации уголовно-правовых систем и выявлению внутри них специфики построения Особенной части, обратимся к предложенным в теории права классификациям и типологиям с установлением того, какие из них используются в сравнительном уголовном праве.

Известная классификация Рене Давида включает три главные группы правовых систем: романо-германскую семью, семью общего права и семью социалистического права⁴. Эта классификация нашла поддержку среди

¹ Давид Р. Основные правовые системы современности. М., 1988. С.40.

² Осакве К. Сравнительное правоведение в схемах: Общая и Особенная части: учеб. - практ. пособие. М., 2002. С. 23.

³ Марченко М.Н. Правовые системы современного мира. М., 2006. С. 22.

⁴ Давид Р. Основные правовые системы современности. М., 1988. С.40.

отечественных исследователей в области уголовного права, о чем будет сказано ниже.

Однако обратим внимание, что в науке предложены и иные варианты объединения в группы и выделения правовых семей. Многообразие критериев классификации и типологизации свидетельствует о сложности, о наличии поливариативности комбинаций свойств и признаков изучаемых объектов.

Немецкие исследователи Кондрад Цвайгерт и Хайн Кетц предложили выделить восемь правовых семей: романскую, германскую, скандинавскую, общего права, социалистического права, права стран Дальнего Востока, исламского и индусского права. Эта классификация также известна исследователям в различных странах. В качестве критерия классификации ученые назвали правовой стиль. Его определяют: «1) историческое происхождение и развитие правовой системы, 2) господствующая доктрина юридической мысли и ее специфика; 3) выделяющиеся своим своеобразием правовые институты; 4) правовые источники и методы их толкования; 5) идеологические факторы»¹. Патрик Гленн называет семь наиболее значимых правовых традиций: обычно-правовую, талмудическую, гражданского права, исламскую, общего права, индусскую и азиатскую². Раймон Леже в качестве критериев классификации правовых семей по группам называет три критерия: «технический критерий (принятие правовых решений в системах, которые намереваются объединить в одну семью, должно основываться на одинаковой юридической технике); идеологический критерий (правовые системы одной семьи должны восходить к одной концепции права, государства и отношениями между этими двумя понятиями); исторический или социологический критерий (системы государств, не обладающих настоящей правовой традицией, не могут быть объединены в семью с теми государствами, где право эффективно функционирует в течение долгого

¹ Цвайгерт К., Кетц Х. Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права: Основы. пер. с нем. В 2-х тт. Т. I. М., 2000. С. 108.

² Glenn H.P. Legal Tradition of the World: Sustainable Diversity in Law. Oxford, 2000. С.56.

времени и воспринимается гражданами как важная социальная ценность)»¹. Раймон Леже выделяет две группы правовых семей: «1) группа правовых систем, принадлежащих правовым государствам с длительной правовой традицией; 2) группа правовых систем, принадлежащих правовым государствам, не обладающим правовыми традициями, или государствам, подчинившим право религии или идеологии, что не позволяет их относить к правовым государствам»². В первую группу ученый включил Западную Европу, Северную Европу, Южную Европу, несколько государств Центральной Европы, несколько государств Северной и Южной Америки. Во вторую группу входят все иные правовые системы. Как указывает автор, «из нее не исключается ни одна правовая система, существующая в мире и не отвечающая критериям первой группы»³.

Существуют и другие варианты классификации и типологизации правовых систем. Например, Кристофер Осакве представил трехуровневую классификацию. На первом уровне макроклассификации правовые системы делятся по критерию религиозной ориентации. Автор выделяет две группы правовых систем: религиозные и нерелигиозные. Религиозные правовые системы включают мусульманское (исламское) право, еврейское (иудейское) право, каноническое право католической церкви, индуское право. На втором уровне макроклассификации нерелигиозные правовые семьи по критерию правопонимания и роли права в обществе делятся на западные и незападные. На уровне микроклассификации правовых систем по семьям Кристофер Осакве называет несколько критериев: правовой стиль, философию процессуального права, инфраструктуру права, архитектуру судебной системы, правовую идеологию⁴. В правовой стиль автор включает форму правового мышления, историческое наследие и развитие, технику толкования норм права и юридическую технику⁵. Западная правовая традиция делится

¹ Леже Р. Великие правовые системы современности: сравнительно-правовой подход. М., 2009. С. 104.

² Там же. С.105.

³ Там же. С.106.

⁴ Осакве К. Сравнительное правоведение в схемах: Общая и Особенная части. М., 2002. С. 72.

⁵ Там же. С. 84.

исследователем на три правовые семьи: романо-германскую, англо-американскую, скандинавскую (североевропейскую). Романо-германская правовая семья состоит из романской и германской. Англо-американская - из английской и американской. Между романо-германским и англо-американским правом находится смешанное право, т.е. гибридная правовая система. Внезападная правовая традиция, по мнению ученого, объединяет юго-восточное азиатское право, африканское обычное право. Социалистическое право им рассматривается в самостоятельной правовой семье и относится к категории квазизападного права¹.

Отечественные исследователи теории государства и права предложили свои классификации и типологии правовых систем. Так, С.С. Алексеев на основании совокупности критериев (общий фон правовой жизни², господствующая правовая идеология, структура права) предложил выделять романо-германскую систему, систему англосаксонского общего права, религиозно-общинные системы³. Семь правовых семей называет Ю.А. Тихомиров: романо-германскую (континентальную); систему общего права; систему социалистического права (славянское или евразийское право); правовые семьи религиозно-нравственной ориентации (исламское право); систему европейского права; латиноамериканскую правовую семью; «кочующие» правовые семьи⁴. М.Н. Марченко указывает на существование романо-германской правовой семьи, англосаксонской правовой семьи (систему общего права), правовые системы социалистических и постсоциалистических стран, религиозные правовые системы⁵ (например, иудейское право, мусульманское право)⁶. А.Х. Саидов указывает на наличие трех взаимосвязанных групп критериев: история правовых систем; система источников права; структура правовой системы; ведущие правовые институты

¹ Осаке К. Сравнительное правоведение в схемах: Общая и Особенная части. М., 2002. С. 30.

² См.: Небратенко Г.Г. Доктринальный обзор классификации правовых систем общества // Юристы-Правоведь. 2010. № 1 (68). С. 61-65.

³ Алексеев С.С. Теория права. М., 1994. С.195-199.

⁴ См.: Тихомиров Ю.А. Курс сравнительного правоведения. М., 1996. С. 59.

⁵ Марченко М.Н. Правовые системы современного мира. М., 2006. С. 25, 111, 206.

⁶ Марченко М.Н. Курс сравнительного правоведения. М., 2002.С. 452.

и отрасли права¹. Он выделяет юридические семьи общего, романо-германского, скандинавского, латиноамериканского, социалистического, мусульманского, индусского, дальневосточного и обычного права².

В современных работах можно встретить и иные подходы. Так, В.Е. Чиркин в зависимости от социальной сущности права предлагает выделять «три территориально разделенные глобальные системы»: мусульманскую; либерально-полусоциальную капиталистическую систему; систему тоталитарного социализма³.

Л.П. Рассказов предлагает использовать цивилизованный подход к классификации правовых систем. Все государства он делит на два типа: западные и восточные. Определяющим основанием для классификации правовых систем, по мнению этого ученого, является нормативный элемент правовой системы, включающий в себя право, правовые принципы, источники права, систему права, систему законодательства, юридическую технику⁴. В соответствии с данным критерием страны западного типа, можно подразделить на две большие семьи: романо-германскую и англо-саксонскую. Страны восточного типа также можно разделить на различные семьи. В них особо выделяется мусульманская правовая семья, которая в настоящее время имеет тенденцию к укреплению и расширению сферы своего влияния⁵.

Представленные классификации и типологии чаще всего используются в науке, но учитывают специфику уголовного права лишь в части или совсем ее не учитывают. Об этом пишет, например, Г.А. Есаков, замечая, что исторически сравнительное правоведение зародилось в области частного (гражданского) права, «множество типологий уголовно-правовых систем современного мира в какой-то мере «механически» создаются по образцу,

¹ Саидов А.Х. Сравнительное правоведение (основные правовые системы современности) / под ред. В.А. Туманова. М., 2003. С. 19.

² Там же. С. 124-125.

³ Чиркин В.Е. Глобальные правовые системы, их семьи и классификация // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2017. № 4. С. 24.

⁴ Рассказов Л.П. К вопросу о критерии классификации правовых систем: цивилизованный подход, тенденции сближения правовых систем в условиях глобализации // Научный журнал КубГАУ. № 111 (07). 2015. С. 144-146.

⁵ Там же.

предложенному компаративистикой применительно к частному праву»¹. Как указывает ученый, особенно это характерно для типологий, осуществляемых российскими исследователями. К. Осаке отмечает, что «страны неохотно заимствуют принципы публичного права из зарубежного опыта»². Применительно к построению Особенной части уголовного закона актуальными являются классификации и типологии, разработанные в теории права и учтенные внутри отрасли уголовного права. Их условно можно разделить на несколько групп, которые будут подробно рассмотрены в следующем параграфе.

В одной из современных отечественных научных работ ученые исследовали уголовное законодательство государств, находящихся на всех континентах (за исключением Антарктиды)³. Обосновывая выборку, исследователи отметили, что одним из критериев отбора была «четкая ориентированная принадлежность к тем или иным правовым системам (семьям права)» уголовного законодательства некоторых государств. Однако в целом эта работа подтверждает, что провести классификацию, в которой каждое уголовное законодательство будет отнесено к тому или иному виду, достаточно проблематично. По законам логики, на одном уровне деления основание должно быть одним и тем же. Использование нескольких оснований приводит к «сбивчивому делению»⁴; объем членов классификации в сумме должен равняться объему классифицируемого объекта (рода), то есть деление должно быть соразмерным; члены классификации должны взаимно исключать друг друга. Нарушение этого правила ведет за собой «деление с излишними членами»⁵; деление на классы должно быть непрерывным. При несоблюдении указанного правила происходит «скачок в делении»: среди членов деления более высокого уровня встречаются члены деления более

¹ Есаков Г. Основы сравнительного уголовного права. М., 2007. С. 20.

² Осаке К. Сравнительное правоведение в схемах: Общая и Особенная части. М., 2002. С. 24.

³ Полный курс уголовного права. Уголовное право зарубежных стран. Зарубежное уголовное законодательство. В 10 т. Т. X. СПб., 2021. С.96.

⁴ См.: Энциклопедия уголовного права. Понятие преступления. В 35 т. Т. 3. СПб., 2005. С. 113.

⁵ Там же.

низкого уровня¹. В идеале при классификации не предполагается наличие смешанного вида, поскольку он нарушает обозначенные законы логики деления. Применительно к уголовному законодательству и его Особенной части вернее будет говорить об их типологии. В науке отмечено, что «типология как процесс (типологизация) - это метод научного познания, в основе которого лежит расчленение объектов и их группировка с помощью обобщенной, идеализированной модели или типа. ... Для типологии в принципе допустимы нарушения правил классификации, а именно: выделенные типы не должны исчерпывать множество, подвергшееся группировке; допустимо существование объектов, относимых одновременно к нескольким типам. Среди группируемых объектов допускается существование таких, которые не соответствуют ни одному из выделенных типов. Такие объекты называются атипичными. С этой точки зрения типология может быть охарактеризована как нестрогая классификация»². Тип Особенной части уголовного законодательства во многом обусловлен видом правовой семьи (правовой системы), в рамках которой она существует.

Так, в Англии³ действуют уголовные статуты: Закон о преступлениях против личности 1861 г., Закон о краже 1968 г., Закон о национальной безопасности и инвестициях 2021 г. и др., которые в литературе называют «своеобразными мини-кодексами»⁴. Однако до настоящего времени так и не осуществлена полная кодификация уголовного законодательства. В Уголовном кодексе Египта три книги, которые в науке относят к Особенной части: книга II («Преступления и проступки, наносящие ущерб общественным

¹ Решетникова Д.В. Конструирование составов преступлений по моменту окончания: вопросы законодательной техники и судебной практики: дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2012. С. 33.

² Щербаковский Г.З., Маркова-Мурашова С.А., Биктасов О.К., Ильичев В.И. Классификация и типологизация как методологические процедуры теоретико-прикладных исследований // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2006. № 1 (29). С.70-71.

³ Здесь и далее в работе обращено внимание на уголовное законодательство Англии, т.к. в юридической науке справедливо отмечается отсутствие в Великобритании единого подхода к формированию уголовного права. Оно складывается из права нескольких юрисдикций, которые имеют как общие принципы, сходные с английским правом, так и определенные отличия (См.: Полный курс уголовного права. Уголовное право зарубежных стран. Зарубежное уголовное законодательство. В 10 т. Т.Х. СПб., 2021. С. 97).

⁴ Полный курс уголовного права. Уголовное право зарубежных стран. Зарубежное уголовное законодательство. В 10 т. Т.Х. СПб., 2021. С. 99.

интересам, и наказания за них»); книга III («Преступления и проступки, совершенные в отношении отдельных лиц»), книга IV («Нарушения, касающиеся дорог общего пользования»)¹. В Уголовном кодексе Польши, например, после Особенной части выделена отдельная «военная часть Уголовного кодекса», которая объединяет раздел «Общие положения, касающиеся военнослужащих» и 6 разделов о преступлениях, совершаемых военнослужащими². В Особенной части уголовного закона Швейцарии достаточно часто меняется нумерация статей, большинство составов не содержат квалифицирующих признаков, статьи весьма краткие³. Для Австралии «классификация преступлений по объекту посягательства не имела до последнего времени большого значения»⁴. Особенная часть уголовного закона Лихтенштейна за некоторыми исключениями является копией Особенной части УК Австрии⁵. Кажущееся сходство структуры Особенной части уголовного закона вовсе не свидетельствует о принадлежности их к одному типу. Например, преступления против государства располагаются в начале этого структурного образования уголовного закона и в Болгарии⁶, и в Пакистане⁷, и в Китае⁸. Однако, вряд ли по этому критерию их можно объединить в один общий тип, хотя допустимо, говорить, например, о группе уголовных законов, где в начале Особенной части расположены государственные преступления. В таком случае за основу берется критерий последовательности расположения структурных компонентов. По нашему мнению, на тип Особенной части УК влияет совокупность факторов: идеи, ценности, отраженные в уголовном законе, законодательная техника и др. Эти специфические черты во многом обусловлены той правовой семьей (правовой

¹ Полный курс уголовного права. Уголовное право зарубежных стран. Зарубежное уголовное законодательство. В 10 т. Т.Х. СПб., 2021. С.1048.

² Там же. С. 243.

³ Там же. С. 123.

⁴ Там же. С. 1109.

⁵ Серебренникова А.В. Уголовный кодекс Лихтенштейна. М., 2015. С. 3.

⁶ Полный курс уголовного права. Уголовное право зарубежных стран. Зарубежное уголовное законодательство. В 10 т. Т.Х. СПб., 2021. С.276.

⁷ Там же. С. 711.

⁸ Там же. С. 649.

системой), внутри которой создана и функционирует Особенная часть. Эти факторы нашли осмысление в теории права, что привело к созданию правовых семей (правовых систем), понимание устройства которых необходимо и для выделения типов Особенной части.

Любая классификация или типологизация условна. Как справедливо отмечено в науке, «между различными системами уголовного права на самом деле существует гораздо больше общего, чем мы привычно полагаем»¹, однако и сохраняются различия. Исследователем, как правило, акцент делается на какое-либо доминирующее свойство, но это не исключает и наличия в законодательстве свойств другого характера в менее выраженной степени. Сближение правовых систем приводит к тому, что, как правило, невозможно обнаружить «чистое» от признаков другой правовой семьи (правовой системы) законодательство. Справедливым представляется утверждение о том, что «нет и не может быть законченной правовой или любой иной классификации ... любая выделяющаяся при этом правовая система с неизбежностью будет иметь относительный характер»². Однако это вовсе не свидетельствует, что классификация не должна производиться. Она необходима для систематизации знаний.

Первая группа классификаций и типологий в той или иной степени опирается на идеи Рене Давида. Напомним, что он называл три главные группы правовых систем: романо-германскую семью, семью общего права и семью социалистического права³. Кроме главных правовых семей современного мира, по мнению ученого, существует еще мусульманское право, право Индии, правовые системы Дальнего Востока, Африки и Мадагаскара. Право этих регионов «не составляет единой семьи»⁴. Р. Давид указал, что первый критерий классификации – идеологический. Он связан с определенной концепцией социального строя⁵, и объединяет религиозные,

¹ Флетчер Дж., Наумов А.В. Основные концепции современного уголовного права. М., 1998. С. 8, 10.

² Марченко М.Н. Правовые системы современности. М., 2006. С. 22.

³ Давид Р. Основные правовые системы современности. М., 1988. С.40.

⁴ Там же. С. 382.

⁵ Давид, Р., Жоффре-Спинози, К. Основные правовые системы современности. М., 2019. С. 19

философские, политические, экономические и социальные факторы¹. Второй критерий – юридическая техника, которая подразумевает использование «более постоянных элементов для создания, толкования, оценки норм»². Так, А.В. Наумов пишет, что «с известной долей условности»³ следует выделять четыре основные системы уголовного права: романо-германскую, англосаксонскую, социалистическое и мусульманское право⁴. Он замечает, что «семьи» (системы) проявляется, в первую очередь, в содержании основных уголовно-правовых институтов (уголовный закон, преступление, наказание), обусловленных историческими, национальными и культурными традициями, особенностями политического устройства общества, его экономики и многих других факторов»⁵. А.В. Наумов указывает, что его классификация основана на идеях Р. Давида⁶. Эту классификацию поддерживает Л.Л. Кругликов, полагая, что она наиболее удачная из предложенных в науке⁷ и «вполне уместна и поныне»⁸. А. Кибальник также признает удачной разработанную А.В. Наумовым классификацию и называет «общепризнанным» деление правовых систем на англосаксонскую, континентальную, социалистическую и мусульманскую⁹.

Другие ученые-юристы в некоторой степени изменяют или дополняют ее, но не существенно. Так, М.В. Талан вслед за А.В. Наумовым указывает на существование четырех правовых систем, но вместо англосаксонской пишет

¹ Есаков Г. Основы сравнительного уголовного права. М., 2007. С. 17.

² Давид Р. Основные правовые системы современности. М., 1988. С. 20.

³ Наумов А. В. О специфике содержания и направленности сравнительно-правового метода науки уголовного права в современных условиях // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2022. Т. 18. № 4. С. 31.

⁴ Наумов А.В. Российское уголовное право. Курс лекций. В двух томах. Т. 1. Общая часть. М., 2004. С. 451.

⁵ Наумов А. В. О специфике содержания и направленности сравнительно-правового метода науки уголовного права в современных условиях // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2022. Т. 18. № 4. С.31.

⁶ Наумов А.В. Российское уголовное право. Курс лекций. В двух томах. Т. 1. Общая часть. М., 2004. С.451; Наумов А. В. О специфике содержания и направленности сравнительно-правового метода науки уголовного права в современных условиях. // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2022. Т. 18. № 4. С.31.

⁷ Кругликов Л.Л. Сравнительное уголовное право. Ярославль, 2013. С. 10.

⁸ Там же.

⁹ Кибальник А. Преступление и наказание в доктрине мусульманского уголовного права // Уголовное право. 2007. № 1. С. 25.

об англо-американской, а вместо мусульманской - религиозной¹. В.Н. Додонов, сохраняя в своей типологии романо-германскую (континентальную) систему уголовного права и мусульманскую, добавляет англо-американскую (вместо англосаксонской) и указывает на существование гибридных (смешанных) правовых систем². А.Э. Жалинский и А.А. Рерихт предлагают рассматривать общее право и континентальное, считая условным выделение мусульманской, китайской и иных правовых систем³. Близкой точки зрения придерживается Н.Е. Крылова, которая называет две основные правовые семьи: романо-германскую и англо-американскую⁴, хотя и не исключает существование других правовых семей. О.Н. Ведерникова же наоборот считает, что следует расширить число правовых семей и включить помимо четырех, указанных А.В. Наумовым, пятую – постсоциалистическую семью⁵.

Однако нетрудно заметить, что все-таки большинство отечественных ученых-юристов признают наличие романо-германской (континентальной) правовой семьи, семьи общего права (англосаксонской, англо-американской), религиозной (мусульманской) семьи. Основные дискуссии ведутся относительно существования социалистической правовой семьи. Те ученые, которые не признают эту семью, как правило, полагают, что она была связана с периодом СССР, а законодательство современных социалистических государств, например, Вьетнама, Китая относят либо к иным семьям, либо к смешанному типу. Закономерно вытекающий из этой проблемы второй дискуссионный вопрос – существует ли постсоциалистическая правовая семья. Одни исследователи склонны думать, что такого типа систем никогда не существовало⁶, другие – что есть ряд государств, которые обладают

¹ Талан М.В. Виды уголовно-правовых систем // Ученые записки Казанского государственного университета. Гуманитарные науки. 2008. Том 150. кн. 5. С. 222.

² Додонов В.Н. Сравнительное уголовное право. Общая часть. М., 2009. С.154.

³ Жалинский А.Э., Рерихт А.А. Введение в немецкое право. М., 2001. С. 21, 576.

⁴ Крылова Н.Е., Серебренникова А.В. Уголовное право зарубежных стран (Англии, США, Франции, Германии). М., 1998. С. 28.

⁵ См.: Ведерникова О.Н. Современные уголовно-правовые системы: типы, модели, характеристика // Государство и право. 2004. № 1. С. 68-76.

⁶ Есаков Г. А. Основы сравнительного уголовного права. М., 2007. С. 22.

специфическими чертами, обусловленными их социалистическим прошлым¹. Думается, что в чистом виде говорить о социалистической правовой семье в настоящее время сложно, однако, например, Китай по-прежнему обозначает себя как социалистическое государство, хотя его уголовное законодательство и практика применения содержит как специфические национальные черты, так и черты законодательства бывших социалистических государств², и даже элементы законодательства континентальной правовой семьи. Так, А.И. Коробеев и А.И. Чучаев отмечают, что ««родимые пятна» социализма наиболее наглядно проявились именно в нормах Особенной части УК»³.

Постсоциалистическая семья, вероятно, должна выделяться внутри семьи континентального права, как группа, обладающая некоторыми специфическими чертами, обусловленными общим прошлым, но при этом существующая внутри этой семьи. Однако стоит учитывать, что классификация Р. Давида была преобразована Камиллой Жоффре-Спинози, ей ученый передал права на свою книгу⁴. Структурный компонент книги «Социалистическое право» она заменила на «Российскую правовую систему», указав, что «до 1989 года социалистическое право было третьей правовой семьей»⁵. В.А. Туманов обоснованно критикует это утверждение, указывая, что К. Жоффре-Спинози, изменив книгу, не дала ответа на вопрос о том, какое место в типологии и классификации современных правовых систем занимает сегодня российское право⁶. Думается, что несмотря на ряд специфических черт, все-таки ключевые идеи в построении отечественного уголовного законодательства сформированы в рамках романо-германской (континентальной семьи права).

¹ Есаков Г. А. Основы сравнительного уголовного права. М., 2007. С. 68-76.

² См.: Чучаев А.И., Коробеев А.И. Уголовный кодекс Китая: сплав правовой мысли и национальной специфики. Ч.2 //Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2022. Т. 24. № 23. С. 173.

³ Коробеев А.И., Чучаев А.И. Уголовный кодекс Китая: общая характеристика (к 20-летию со дня принятия) // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 2 (87). С. 160.

⁴ См.: Давид Р., Жоффре-Спинози К. Основные правовые системы современности. М., 2019. С. 8.

⁵ Там же. С. 31.

⁶ Там же. С. 8.

В последние десятилетия встречаются работы, где ученые-юристы стараются отказаться от широко распространенной концепции Р. Давида и предложить иную авторскую классификацию или типологию правовых систем с учетом особенностей именно уголовного права или уголовного закона. Так, Г.А. Есаков предлагает авторскую классификацию, которую можно отнести ко второй группе классификаций и типологий в науке уголовного права, где за основу берется иной критерий, например, доминирующая идея (доминанта уголовного права). Таких доминант, по мнению Г.А. Есакова, может быть пять: человек, закон, Бог, общество и семья. Соответственно, на основе этих доминирующих идей он выделяет уголовно-правовые семьи общего права, континентального права, религиозного права, общинного права и обычного права¹. А.В. Наумов полагает, что авторская типология Г.А. Есакова значительно отличается от классификации Р. Давида и «более соответствует сегодняшним государственно-правовым, социально-экономическим и культурным реалиям и процессам в странах определенной семьи уголовного права»². Однако несмотря на оригинальность критерия, и здесь прослеживается в некоторой степени влияние идей Р. Давида. Думается, что доминанта придает специфический характер уголовному законодательству, но она также связана с тем, что Р. Давид обозначает «идеология», которая обусловлена социальными, экономическими, культурными, историческими и другими факторами. Неслучайно прослеживаются совпадения в членах классификации. Семья общего права по Г.А. Есакову, сопоставима с англосаксонской правовой семьей по Р. Давиду; континентальная – с романо-германской; мусульманская – с религиозной и т.д.

К третьей группе относятся классификации и типологии, где критерием выступает уровень репрессивности уголовного закона (в авторском понимании того, кто производит классификацию). Так, оригинальной является

¹ Есаков Г.А. Основы сравнительного уголовного права. М., 2007. С. 14.

² Наумов А.В. Отзыв официального оппонента на диссертацию «Учение о преступлении в странах семьи общего права», представленную Есаковым Г.А. на соискание ученой степени доктора юридических наук // Уголовное право. 2008. № 3. С. 139.

классификация, которую предложил Жан Прадель. По его мнению, деление правовых систем на относящихся к семье общего права и романо-германской семье, «пригодны в плане источников уголовного права», но не имеют весомого значения применительно к содержанию уголовного права¹. Классификация правовых систем на системы «западного» права и социалистического права утратила смысл². В качестве критерия деления Ж. Прадель предлагает «репрессию», которую он наполняет достаточно емким идеологическим и функциональным содержанием³. На основании названного критерия он выделил две системы: авторитарную и либеральную, которые тоже разделяет на подгруппы. Однако в целом оригинальная и заслуживающая поддержки идея не смогла быть до конца реализована в стройную классификацию, поскольку ученый не смог однозначно разделить законодательства различных государств по этим группам и подгруппам, в отличие, например, от классификации Р. Давида. Это вполне объяснимо, поскольку «в чистом виде» авторитарного или либерального уголовного закона не существует. Его вид может даже изменяться в течение непродолжительного промежутка времени. Возможно, данное обстоятельство и привело к тому, что Ж. Прадель в одних случаях приводит законодательство одного и того же государства как пример то авторитарного типа, то либерального. Г.А. Есаков отмечает, что ученый также в своей работе периодически сопоставляет систему общего права и романо-германскую⁴, то есть, несмотря на критику классификации Р. Давида, он не смог отказаться от общепринятого деления. Предложенная Ж. Праделем классификация пригодна для распределения, например, Особенных частей уголовного законодательства по группам, но весьма условно, для выявления общего характера на коротком промежутке времени или в исторической ретроспективе. В реальности же этот структурный компонент уголовного

¹ Pradel, J. Droit penal compare. Dalloz, 2016. P. 113.

² Есаков Г.А. Основы сравнительного уголовного права. М., 2007. С. 24.

³ Там же. С. 25.

⁴ Там же. С. 24-26.

закона (Особенная часть), как правило, достаточно динамично развивается под воздействием множества факторов в различных направлениях, обретая черты то авторитарного, то либерального законодательства, в некоторых случаях даже в течение непродолжительного периода времени. Поэтому можно оценивать скорее какой-то этап развития уголовного законодательства как либеральный или авторитарный, а сам по себе закон будет, как правило, обладать чертами и той, и другой выделяемой Ж. Праделем группы.

Близкая классификация предложена А.А. Малиновским. Он выделяет правовые системы в «зависимости от роли и места уголовно-правового принуждения в политике государства конкретно-исторического периода» и классифицирует системы на репрессивные, карательные и гуманистические¹. В репрессивной уголовно-правовой системе уголовное право выступает как инструмент репрессий и государственного террора, как способ борьбы с политическими противниками и инакомыслящими. Ее функционирование осуществляется в рамках определенных исторических процессов (диктатура, подавление мятежей, войны, революции)². А.А. Малиновский полагает, что такая система, например, характерна для Франции в период якобинской диктатуры, фашистской Германии, для России в период правления Ивана IV и в период сталинских репрессий³. Второй вид уголовно-правовой системы – карательная. В такого рода системах «уголовное право является эффективным способом борьбы с социальными отклонениями»⁴. Преступник представляет лицо, находящееся в «опасном для общества состоянии», которое потенциально готово совершить преступление. Задача уголовного права в этой системе удержать человека от совершения преступления. В отличие от репрессивной модели, карательное уголовное право обращено к «общеуголовной, а не политической преступности», и нацелено на «поддержание правопорядка в государстве, а не на расправу с политическим

¹ Малиновский А.А. Сравнительное правоведение в сфере уголовного права. М., 2002. С. 13.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

противником»¹. Для этого вида характерно восприятие человека, совершившего повторно преступление как «неисправимого преступника», в отношении которого применяются такие меры превенции как смертная казнь, пожизненное лишение свободы². К таким государствам ученый относит США, Китай. К третьей группе А.А. Малиновский относит гуманистическую уголовно-правовую систему. Уголовное право рассматривается как средство ресоциализации преступника. Государством выбираются и закрепляются в уголовном законодательстве такие меры воздействия на лицо, совершившее преступления, которые уменьшают возможность его повторного участия в преступлениях и обеспечивают его возвращение в общество в качестве полноправного члена. В эту группу входят Бельгия, Норвегия, Голландия³. Эта классификация полезна для изучения законодательства в ретроспективе по конкретным периодам. Действующее уголовное законодательство, как и в случае с классификаций Ж. Праделя, будет обладать различными чертами, а окончательный вывод о том, каким оно было в конкретный промежуток времени, можно сделать только в перспективе, когда период можно будет считать законченным и на его смену придет другой.

Построение Особенных частей уголовного законодательства зарубежных стран допустимо исследовать в системах, где уголовное законодательство кодифицировано. Изучение этой группы законов помогает в понимании инструментария законодательной техники, использованного при создании структуры и системы Особенной части, то есть формы воплощения идеи. Там, где уголовное законодательства не кодифицировано, а нормы Особенной части уголовного права содержатся в различных актах, допустимо исследование не техники построения Особенной части уголовного закона как структурного образования, а концепций или идей, ценностей, лежащих в основе Особенной части.

¹ Малиновский А.А. Сравнительное правоведение в сфере уголовного права. М., 2002. С.100.

² Там же.

³ Там же. С.103.

В целях настоящего исследования будем опираться на предложения по классификациям А.В. Наумова и Г.А. Есакова, поскольку Особенная часть является компонентом уголовного закона, относимого к той или иной правовой семье, то она обладает общими характеристиками этой семьи. Взгляды этих ученых кажутся наиболее удачными, потому что в их основу положено два важных критерия, на основе которых строится вся эта работа, первый связан с содержанием, идеей закона, а второй – с формой уголовного закона, воплощением этой идеи. Содержание Особенной части уголовного закона безусловно является отражением совокупности существующих факторов: политических, культурных, религиозных, социальных, экономических и др., которые отражены в «духе» уголовного закона. Особенности идеи возможно учитывать в общем, как это сделано в работах А.В. Наумова, либо конкретизировать, как в исследованиях Г.А. Есакова. И в том и в другом случае на идею воздействует совокупность внешних детерминант, которые названы выше. Отражение идеи происходит с помощью юридической техники. Более удачным видится предложение Г.А. Есакова избегать географических привязок в названии правовых семей¹. Таким образом, специфику Особенной части допустимо исследовать с учетом семей общего, континентального, религиозного и социалистического права. Группа постсоциалистических стран относится к континентальной семье права. Бывшие социалистические страны по законодательству вернулись в континентальную правовую семью², но сохранили ряд общих, присущих им черт, обусловленных единым прошлым. Отдельно не будут исследоваться государства, где сохраняется обычное право, поскольку Особенная часть как компонент закона там, как правило, отсутствует, а содержательный аспект (что признается преступлением и наказанием в этом обществе) представляет интерес для уголовного права, но не близок современному российскому уголовному законодательству и для сопоставления не подходит. Кроме того,

¹ Есаков Г. Основы сравнительного уголовного права. М., 2007. С. 28.

² Там же. С. 22.

существуют и объективные сложности в установлении существующих обычаев и их понимании¹. Типология носит условный характер.

Особенная часть уголовного законодательства правовой семьи общего права обладает следующими признаками: множественность источников уголовно-правовых запретов (как правило, она не выделена в качестве структурного компонента единого кодифицированного уголовного закона), наличие отдельных законов, посвященных той или иной группе преступлений (например, преступления ненависти в США, закон о половых преступлениях в Англии²). Для этой правовой семьи характерны достаточно широкие пределы судебного усмотрения, значительная роль прецедента. Идея восприятия уголовного права как «щита против неоправданного произвола по отношению к человеку со стороны государственной власти»³ обуславливает пределы криминализации и основания наказуемости деяний⁴ (Англия, США, Канада и др.), и содержание Особенной части уголовного законодательства (в широком смысле слова). Как правило, в законодательстве при построении диспозиций статей уголовного закона используется казуистический прием.

Особенная часть уголовного законодательства континентальной семьи права строится на иной общей идее – идее верховенства закона. Дж. Флетчер пишет, что «в немецком понимании правовое государство – это карающий меч, для американского гражданина правопорядок — прежде всего щит против произвола государственной власти»⁵. Такое утверждение можно в некоторой степени распространить на всю рассматриваемую правовую семью. В этой модели права и свободы человека могут быть провозглашены высшей ценностью, но и это должно быть закреплено в законе. Как правило, для данной семьи характерно стремление установить пределы судебного усмотрения. Значимая роль кодекса предопределяет существование и развитие искусства техники построения Особенной части уголовного закона. Как

¹ Дивид Р., Жоффри-Спинози К. Основные правовые системы современности. М., 2019. С. 429.

² Есаков Г.А. Основы сравнительного уголовного права. М., 2007. С. 41.

³ Там же. С. 42.

⁴ Там же.

⁵ Флетчер Дж., Наумов А.В. Основные концепции современного уголовного права. М., 1998. С. 499.

правило, именно в этой правовой семье Особенная часть представляет собой структурный компонент кодифицированного уголовного закона, характеризующегося достаточно развитой юридической техникой (Франция, Германия и др.).

Особенная часть уголовного законодательства религиозной правовой семьи характеризуется тем, что, как правило, в этой семье есть уголовный закон, но он может быть не кодифицирован, «нормы права западного образца фрагментарны, нестабильны, плохо скоординированы, а общие верования видят право не в законах, обычаях или судебной практике, а в чем-то ином»¹; содержание закона, преступления и наказания за них обусловлены религиозными представлениями; справедливость воспринимается через религиозные постулаты (Саудовская Аравия, Иран и др.). Как правило законодателем в этой правовой семье используется казуистический прием при построении диспозиций статей, но могут быть и заимствованы положения зарубежного уголовного законодательства с преобладанием абстрактного приема, число последних, как правило, незначительно. В Особенной части уголовного закона религиозной семьи права могут встречаться абсолютно определенные санкции, применяться смертная казнь и иные наказания, которые отсутствуют в семье общего и континентального права в настоящее время.

Для Особенной части уголовного законодательства социалистической семьи права характерно то, что, как правило, уголовное законодательство кодифицировано и Особенная часть представляет собой компонент закона. По содержанию законодательство носит классовый характер, что отражается на содержании Особенной части уголовного закона. Во всем уголовном законе, в том числе и в его Особенной части, транслируются идеи коммунистической партии. В статьях Особенной части уголовного кодекса отражена охрана социалистического строя. В этой правовой семье судебное усмотрение, как

¹ Давид Р. Жоффре-Спинози К. Основные правовые системы современности. М., 2019. С. 33.

правило, ограничено уголовным законом. К этой семье относится, например, Корейская Народно-Демократическая Республика. В ней уголовный закон выступает «как политический инструмент защиты национального суверенитета и социалистического строя»¹, судебная практика недоступна для изучения². Однако и в этой правовой семье происходят постепенные трансформации, например, отказ от аналогии в уголовном праве, который известен законодательствам социалистической правовой семьи. Т.Р. Сабитов, И.А. Жилко, А.А. Гилёв отмечают, что бросается в глаза то обстоятельство, что северокорейский законодатель при написании норм уголовного права очень немногословен³.

Вряд ли верным является выделение смешанного типа, поскольку это нарушает логику всего процесса. В действительности, практически любое уголовное законодательство и его Особенную часть можно отнести к смешанному типу, потому что в нем чаще всего наличествуют черты той или иной правовой семьи. Как правило, за образцы берутся либо законы романо-германской правовой семьи, либо семьи общего права и адаптируются с учетом политических, социальных, экономических, культурных условий внутри государства.

Что касается постсоциалистической правовой семьи (по О.Н. Ведерниковой), то можно согласиться с утверждением Г.А. Есакова, что таких государств не существует. С другой стороны, очевидно, что бывшие республики Советского Союза, хотя и восприняли идеи континентальной правовой семьи, сохранили и общие черты, обусловленные их сосуществованием в одном государстве, а также восприятием в законодательной практике идей советской научной школы, поэтому в работе отдельно рассматриваются примеры Особенной части уголовного законодательства постсоциалистических государств, являющихся членами

¹ Сабитов Т.Р., Жилко И.А., Гилёв А.А. Уголовный кодекс Корейской Народно-Демократической Республики: последние тенденции // Всероссийский криминологический журнал. 2021. Т. 15. № 1. С. 124–132.

² Там же. С. 124.

³ Там же. С. 126.

СНГ. Они относятся к континентальной правовой семье и имеют особое значение для российского уголовного закона.

Допустимо и иное распределение по группам уголовного законодательства – с учетом специфики построения его Особенной части.

По идее приоритета ценности охраняемых объектов условно можно выделить Особенности части, где в качестве приоритета обозначены: религиозные ценности, власть, государство, личность, общество. При этом провозглашенные ценности могут не совпадать с реальными. Оценке подлежит не только место статьи, главы, раздела в Особенной части уголовного закона, но и санкция статьи. Стоит учитывать, что Особенная часть уголовного закона, как правило, развивается достаточно динамично, и в зависимости от внутреннего курса она может обретать черты то одного, то другого вида. Обоснованным является стремление найти баланс между частными и государственными интересами в уголовном законодательстве. Это в большей степени характерно для демократических государств.

По форме воплощения Особенной части уголовного законодательства государства делятся на два вида: с кодифицированным (Германия, Турция, Таджикистан и др.) и некодифицированным уголовным законодательством (Великобритания, Саудовская Аравия и др.). Особенная часть как структурный компонент уголовного закона более характерна для государств, где имеется уголовный кодекс.

Правовые системы с кодифицированным уголовным законодательством могут быть разделены в зависимости от источников на группы:

1) системы, в которых уголовный кодекс или кодифицированный уголовный закон является единственным источником (например, это характерно для стран, ранее входивших в состав СССР – Казахстан, Белоруссия и др.)

2) системы, где наряду с уголовным законом имеются иные законы, предусматривающие уголовную ответственность за совершение некоторых преступлений (например, Франция, Германия и др.). Например, в Швейцарии,

наряду с Особенной частью уголовного кодекса, есть Особенная часть Военного уголовного закона¹.

По структуре Особенной части уголовного закона можно выделить государства со сложной (Франция) и простой линейной структурой² (Казахстан).

По основанию структуризации Особенной части уголовного законодательства можно назвать государства, где структурные компоненты выделены в зависимости от объекта уголовно-правовой охраны (Германия, Франция и др.), вида наказания (например, УК Ирана) и др.

По лидирующему способу изложения законодательного материала Особенности части уголовного закона делятся на те, где диспозиции построены с преобладанием казуистического приема (УК штата Вермонт, США), или те, где преобладающим является абстрактный прием (уголовные законы Германии, Франции и др.).

Следующий возможный уровень классификации Особенных частей уголовного законодательства – по технике построения структурных компонентов: их месторасположение, построение диспозиций и санкций, используемых их видов и типов.

Классификация и типология может строиться на различных основаниях, в зависимости от целей исследования.

При анализе Особенной части важно учитывать, что уголовное законодательства во многом уникально для каждой страны, обусловлено историческими, социально-экономическими, политическими, национальными и другими особенностями. Как справедливо отметил К. Осакве, цель сравнительного анализа правовых систем – не хвалить одну систему и порочить другую, а понять исторические предпосылки формирования каждой из них³. Этот ученый также обратил внимание, что «правовое заимствование

¹ Полный курс уголовного права. Уголовное право зарубежных стран. Зарубежное уголовное законодательство. В 10 т. Том X. СПб., 2021. С.122.

² Линейная структура предполагает один уровень объединения статей. Например, «глава-статья».

³ Осакве К. Сравнительное правоведение в схемах: Общая и Особенная части. М., 2002. С. 24.

внешне сходно с хирургической операцией по трансплантации отдельных частей человеческого тела»¹, при это система должна быть совместима с теми моделями, которые хотят в нее привнести. К примеру, в мусульманском праве наказание за прелюбодеяние – забивание камнями. В России такой нормы нет, но это не указывает на пробел в российском законодательстве². Кроме того, история неоднократно доказывала, что уголовный закон, созданный даже самыми выдающимися мыслителями, с учетом правил, приемов и средств законодательной техники, без учета конкретных особенностей государства, оказывается мертвым или применяется иначе, чем задумывалось.

Исследуя любую предложенную классификацию, нужно учитывать, что «право, как язык или музыка, есть нормативное выражение истории, психики, психологии, традиций и культуры каждого народа», «нет и не может быть двух идентичных национальных правовых систем в мире», «даже если две страны говорят на одном языке»³. Это справедливо не только применительно к правовой системе, но и к уголовному законодательству, которое всегда обладает специфическими национальными и культурными чертами.

Некоторые итоги по результатам исследования общих вопросов деления зарубежного уголовного законодательства (его Особенной части) на типы:

1. Роль компаративистики в области кодификации уголовно-правовых норм состоит в том, что с помощью компаративистского метода устанавливается общее и особенное в процессе кодификации уголовно-правовых норм, а также причины отсутствия кодифицированного уголовного законодательства в различных государствах, выявляются факторы, которые способствовали появлению сходств и различий между различными правовыми системами, формулируются гипотезы о возможности и допустимости использования опыта другого государства в своем правотворчестве и

¹ Осаке К. Сравнительное правоведение в схемах: Общая и Особенная части. М., 2002. С. 24.

² См.: Малиновский А.А. Сравнительное правоведение в сфере уголовного права. М., 2002. С. 26.

³ Осаке К. Сравнительное правоведение в схемах: Общая и Особенная части. М., 2002. М., 2002. С. 23.

предполагаемых результатах такого заимствования. Наиболее значимой целью применения компаративистского метода, действительно, является оценка опыта кодификации уголовно-правовых норм в различных государствах и возможность использования этого опыта в российской законотворческой деятельности с учетом исторических, культурных, правовых и других особенностей и традиций.

2. Всю совокупность существующих вариаций построения Особенной части уголовного закона следует разделить на группы. Вариантом такой группировки является использование предложенных в науке классификаций и типологий правовых систем.

Применительно к построению Особенной части уголовного закона актуальными являются классификации и типологии, созданные внутри отрасли уголовного права. Их условно можно разделить на несколько групп.

Первая группа классификаций и типологий уголовно-правовых систем в той или иной степени опирается на идеи Р. Давида. (например, разновидности, предложенные А.В. Наумовым, М.В. Талан, О.Н. Ведерниковой, Н.Е. Крыловой и др.).

Во второй группе классификаций и типологий за основу берется доминирующая идея (доминанта уголовного права) (Г.А. Есаков).

В третьей группе классификаций и типологий основанием является репрессивность уголовного права. (Ж. Прадель, А.А. Малиновский и др.)

3. Специфика Особенной части уголовного закона в работе исследуется с учетом признаков семей: общего, континентального, религиозного и социалистического права.

4. В семье общего права Особенная часть как структурный компонент уголовного кодекса может отсутствовать, может быть, но не являться единственным источником уголовно-правовых запретов. Особенная часть уголовного законодательства правовой семьи общего права обладает следующими признаками: множественность источников уголовно-правовых запретов (как правило, она не выделена в качестве структурного компонента

единого кодифицированного уголовного закона), наличие отдельных законов, посвященных той или иной группе преступлений; достаточно широкие пределы судебного усмотрения, наличие прецедента; как правило, преобладание использования казуистического приема при построении диспозиций.

5. Особенная часть уголовного законодательства континентальной семьи права строится на идее верховенства закона. В этой семье права и свободы человека могут быть провозглашены высшей ценностью, что тоже отражается в законе. Историческая обусловленность предопределяет значимую роль кодексов в этой правовой семье. Наличествует стремление установить пределы судебного усмотрения. Анализ именно этой правовой семьи позволяет увидеть искусство техники построения Особенной части уголовного закона. Как правило, Особенная часть представляет собой структурный компонент кодифицированного уголовного закона. В этой системе чаще всего преступно то, что названо в качестве такового в законе.

6. Для Особенной части уголовного законодательства религиозной правовой семьи характерно следующее: как правило, есть уголовный закон, но он может быть не кодифицирован; содержание закона, преступления и наказания за них обусловлены религиозными представлениями; справедливость воспринимается через религиозные постулаты (Саудовская Аравия, Иран и др.). Как правило, при построении диспозиций статей используется казуистический прием, но встречаются и случаи применения абстрактного приема, например, когда заимствованы положения зарубежного уголовного законодательства, число таких диспозиций, как правило, незначительно. В Особенной части уголовного закона религиозной семьи права могут встречаться абсолютно определенные санкции, применяться смертная казнь и иные наказания, которые могут отсутствовать в семье общего и континентального права в настоящее время.

7. Особенная часть уголовного законодательства социалистической семьи права обладает следующими характеристиками: как правило, уголовное

законодательство кодифицировано, законодательство носит классовый характер, отражает идеи коммунистической партии, охране подлежит социалистический строй, судебное усмотрение, как правило, ограничено. Диспозиции статей строятся с использованием как абстрактного, так и казуистического приема, со стремлением к доминированию использования первого. Санкции статей, как правило, относительно определенные и содержат альтернативные виды наказания.

8. Любая классификация или типологизация условна. В действительности, практически любое уголовное законодательство можно отнести к смешанному типу, потому что в нем чаще всего наличествуют черты той или иной правовой семьи. Как правило, за образцы берутся либо законы континентальной (романо-германской) правовой семьи, либо семьи общего права и адаптируются с учетом политических, социальных, экономических, культурных условий внутри государства. Допустимо и иное распределение по группам уголовного законодательства с учетом специфики его Особенной части в зависимости от целей и задач исследования.

§ 2. Концептуальные основы построения Особенной части уголовного законодательства некоторых зарубежных стран

Концептуальные основы построения Особенной части уголовного законодательства включают в себя совокупность идей, отраженных в форме и содержании уголовного законодательства. Если идея или «дух» Особенной части уголовного законодательства существует в любом государстве, даже там, где нет кодифицированного акта, а источником являются не только законы, то форма Особенной части в виде структурного компонента уголовного закона существует не во всех государствах. Идею или идеи можно, как правило, отразить в любом уголовном законодательстве независимо от формы ее воплощения, что тоже является частью концептуальных основ. Форму, построение Особенной части уголовного законодательства логичнее

исследовать, обращаясь к законодательству, где Особенная часть выделена в качестве самостоятельного структурного компонента.

В настоящем исследовании концепций построения Особенной части выбраны уголовные законодательства (в широком смысле) следующих государств: семьи общего права – Великобритании (на примере Англии) и США; континентальной семьи права - Франции и Германии; постсоциалистических государств, государств-членов СНГ – Казахстана; религиозной правовой семьи - Ирана; социалистической правовой семьи - Китая. Эти законодательства выбраны в силу следующих причин: в своей совокупности они охватывают большинство называемых исследователями современных правовых систем (семей); в той или иной степени являлись образцами построения для других государств; отражают специфику семьи и в тоже время почти все из них имеют кодифицированное уголовное законодательство.

В семью общего права входят государства, на правовую систему которых существенное влияние оказало английское право. Однако, если в Англии нет Особенной части кодифицированного уголовного закона, но есть отдельные законы, описывающие признаки преступлений и наказание за их совершение, то в США имеется несколько десятков уголовных кодексов (законов) штатов.

В государствах, относящихся к семье общего права, важную роль играет судебный прецедент как источник норм уголовного права. Другими словами, нормы уголовного права находят свое отражение (воплощение) не только в законе, но и в иных источниках.

Точное число деяний, за которые предусмотрена уголовная ответственность, английскими юристами обычно не называется. В доктрине приводятся примерные¹ данные о более чем 10 тыс. преступлений². Они не

¹ Уголовное право зарубежных стран (Особенная часть) : учебно-методическое пособие / Н. Е. Крылова, А. В. Малешина, А. В. Серебренникова; под общ. ред. д.ю.н. Н. Е. Крыловой; Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова, юрид. ф-т. [Электронное издание]. М., 2019. С. 22.

² Simester and Sullivan's Criminal Law. Theory and Doctrine / A.P. Simester, J.R. Spencer, F. Stark, G.R. Sullivan, G.J. Virgo. 6th ed. Oxford and Portland, 2016. P. 48.

систематизированы и не объединены в привычной для отечественного юриста форме. Таким образом, в Англии нет единой системы Особенной части в форме структурного образования внутри уголовного закона. При данных обстоятельствах для российских исследователей уголовного закона нет ответа на вопрос о том, как она построена с точки зрения законодательной техники, но можно выявить идею, «дух», а также примеры построения некоторых уголовных законов, которые имеют структурные компоненты, объединяющие конкретные преступления и наказания за них.

Идея («дух») уголовного законодательства государств, которые можно отнести к семье общего права, и тех норм, которые можно отнести к Особенной части, связан с приоритетом защиты прав человека («щит от государства»¹), это обуславливает определение круга преступных деяний, наказания за них. Личность, ее права и свободы, являются высшей ценностью, подлежащей охране.

Для Англии как представителя семьи общего права, с точки зрения формы выражения идеи, характерен казуистический способ изложения материала², «сверхдетализация» в традициях семьи общего права³. Однако охрана прав и свобод личности вовсе не означает, что интересы государства и общества не подлежат охране или за эти деяния предусмотрено менее суровое наказание. При регламентации ответственности за посягательства на различные объекты происходит сопоставление видов и размеров наказаний за них. Идеи и форма построения Особенной части уголовного законодательства Англии оказали влияние на другие государства.

В США идея уголовного законодательства близка к английской, но здесь возможно оценить и построение (технику, форму) некоторых Особенных частей уголовного закона.

¹ Есаков Г.А. Основы сравнительного уголовного правоведения. М., 2007. С. 54.

² Наумов А.В. УК РСФСР 1926 г. – модернизация законодательной техники по образцам романо-германского права как перспектива реформы УК РФ. Краснодар, 2021. С. 31.

³ Наумов А.В. Отзыв официального оппонента на диссертацию «Учение о преступлении в странах семьи общего права», представленную Есаковым Г.А. на соискание ученой степени доктора юридических наук // Уголовное право. 2008. № 3. С. 138.

В США нет единого федерального уголовного кодекса, но есть титул 18 Свода законов США «Преступления и уголовный процесс»¹. Раздел 1 данного титула насчитывает 86 глав². В главе 1 «Общие положения» содержатся положения привычной для нас Общей части. Остальные главы и параграфы раздела 1, по существу, представляют собой Особенную часть уголовного закона³. Интересным является построение структурного элемента, который может быть отнесен к Особенной части титула 18 Свода законов США. Главы и параграфы о конкретных преступлениях и наказания за них располагаются в алфавитном порядке. На недостатки такого построения Особенной части уголовного закона обращают внимание исследователи⁴. Такой опыт построения Особенной части уголовного закона вряд ли применим к российской действительности. Выбор основного ключевого слова для определения места в алфавитном порядке наверняка вызовет затруднения и потребует существенных временных затрат только для того, чтобы расположить статьи в таком порядке, а измененная последовательность статей скорее всего не окажет существенного значения на удобство применения уголовного закона.

В 1962 году в США был опубликован Модельный Уголовный Кодекс⁵. Особенная часть Модельного УК построена на основе следующей иерархии ценностей: личность, собственность, публичная власть⁶. Такую же иерархию ценностей избрали составители УК штата Нью-Йорк. В структурном компоненте, который можно отнести к Особенной части уголовного законодательства, расположенного в титуле 18 Свода законов штата Пенсильвания, преступления в зависимости от объекта посягательства разделены на преступления против правительства, личности, собственности,

¹ Уголовное право зарубежных стран (Особенная часть) / Н. Е. Крылова, А. В. Малешина, А. В. Серебренникова. М., 2019. С. 20.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Примерный уголовный кодекс США. Офиц. проект Ин-та америк. права / пер. с англ.: А.С. Никифоров; под ред. и с предисл. Б.С. Никифорова. М., 1969. С. 303

⁶ Уголовное право зарубежных стран (Особенная часть) / Н. Е. Крылова, А. В. Малешина, А. В. Серебренникова. М., 2019. С. 20.

семьи, порядка осуществления публичной власти, общественного порядка и все иные преступные деяния¹. Таким образом, в приведенных примерах Особенная часть уголовного законодательства представлена в виде системы, где преступления разделены на группы с учетом прежде всего объекта посягательства.

Еще одним важным аспектом является построение самих структурных компонентов Особенной части уголовных законов. Законодатель стремился расположить преступления в зависимости от характера и степени их тяжести, когда более тяжкие преступления располагаются первыми, а вслед за основным составом преступления идут его квалифицированные виды². Такой тип расположения характерен не только для американского права, он вполне распространен и в законодательстве континентальной (романо-германской) семьи.

Однако в штатах США имеются иные модели построения Особенной части уголовного законодательства. Например, в Особенной части УК штата Вермонт статьи о преступлениях располагаются в алфавитном порядке. В УК штата Северная Дакота главы расположены в хаотичном порядке³, который вряд ли возможно как-то привязать к логическим правилам и какому-либо критерию. Интересным является построение УК штата Миссисипи. В нем главы располагаются в зависимости от объекта посягательства, внутри самих глав преступные деяния располагаются в алфавитном порядке⁴.

Для некоторых Особенных частей уголовного законодательства штатов характерна высокая степень казуистичного изложения законодательного материала. Так, например, в УК Миссисипи содержится более 10 видов кражи в зависимости от предмета преступления – от кражи собаки или коровьего молока (§ 97-17-51, 97-17-55) до хищения имущества, переданного по

¹ Уголовное право зарубежных стран (Особенная часть) / Н. Е. Крылова, А. В. Малешина, А. В. Серебренникова. М., 2019. С. 29.

² Там же.

³ См.: Есаков Г.А. Основы сравнительного уголовного права. М., 2007. С. 56.

⁴ Уголовное право зарубежных стран (Особенная часть) / Н. Е. Крылова, А. В. Малешина, А. В. Серебренникова. М., 2019. С. 29.

договору лизинга или аренды (§ 97-17-64)¹. Однако практически все уголовные кодексы отдельных штатов содержат группы преступлений против личности, собственности, семьи, общественной морали, порядка осуществления публичной власти, против общественной безопасности и порядка, против правительства штата².

В качестве примеров построения Особенной части уголовного законодательства континентальной правовой семьи рассмотрим законодательство Франции и Германии, поскольку их идеи оказали влияние на значительное число уголовных законов в мире.

Интересным для исследования является построение Особенной части уголовного закона Франции. Уголовный кодекс Французской Республики (далее – УК Франции) был принят в 1992 году, вступил в силу с 1994 года, то есть период его действия близок к периоду действия Уголовного кодекса РФ. Отметим ряд специфических черт, характерных для Особенной части УК Франции и отличающих ее от Уголовного кодекса РФ. Во-первых, французский законодатель, в отличие от российского законодателя, не именуется часть Особенной. УК Франции включает законодательную (*partie législative*) и регламентационную (*partie réglementaire*) части (далее – ЗЧ и РЧ), каждая из которых содержит положения Общей и Особенной частей. Это объясняется тем, что уголовное законодательство могут принимать не только законодательные органы власти, но и исполнительные³. Во-вторых, уголовный закон Франции предусматривает ответственность за совершение не только преступлений, но и проступков. Российский законодатель только на пути введения уголовных проступков в УК РФ⁴. В-третьих, если российское уголовное законодательство к 1996 году было полностью кодифицировано, то французское до настоящего времени - нет. Уголовно-

¹ Уголовное право зарубежных стран (Особенная часть) / Н. Е. Крылова, А. В. Малешина, А. В. Серебренникова. М., 2019. С. 29.

² Там же.

³ См.: Уголовный кодекс Франции/ под ред. Л.В. Головки, Н.В. Крыловой. СПб., 2002. С. 47.

⁴ Капинус О.С. Законодательная инициатива о регламентации в Уголовном кодексе РФ уголовного проступка: критический анализ// Российская юстиция. 2021. № 3. С. 25-29.

правовые запреты могут содержаться и в иных актах, помимо уголовного кодекса¹. Обратимся к исследованию построения Особенной части только уголовного кодекса, без анализа иных законодательных актов, содержащих уголовно-правовые запреты.

Особенная часть УК Франции отличается по построению от кодекса Наполеона, но сохраняет некоторые его традиции.

К Особенной части УК Франции следует отнести статьи книг УК Франции, начиная со II. Нумерация и название книг законодательной части совпадает с регламентационной. Исключением является книга IV bis, которая выделена в качестве самостоятельной только в законодательной части. Следует учитывать, что не все статьи названных книг относятся к Особенной части УК Франции. Например, в книге VII содержатся положения об особенностях применения не только статей Особенной части, но и Общей части на заморских территориях (Новая Каледония, Майотта и др.).

Структура Особенной части УК Франции иная, чем структура Особенной части УК России. В законодательной части книга (*livre*) Особенной части УК Франции может включать в себя несколько структурных компонентов: заголовок (*titre*), подзаголовок (*sous-titre*), главу (*chapitre*), раздел/отделение (*section*), подраздел/подотдел (*sous-section*), пункт/параграф (*paragraphe*), статьи (*article*). Законодательный материал упорядочен в структурные компоненты, которые не характерны для отечественного уголовного закона. Для настоящего исследования использован адаптированный перевод, поскольку, например, *sous-titre* и *sous-section* могут быть переведены на русский язык как подраздел. Однако это различные самостоятельные компоненты структуры Особенной части УК Франции. С учетом этого, структура Особенной части УК Франции выглядит так: книга, раздел, подраздел, глава, отдел, подотдел, параграф, статья. Именно такое

¹ Уголовное право зарубежных стран (Особенная часть) / Н. Е. Крылова, А. В. Малешина, А. В. Серебренникова. М., 2019. С. 36.

наименование структурных компонентов используется в настоящей работе. Для установления точек соприкосновения с российским уголовным законом именуем titre как раздел, то есть более крупный структурный компонент, чем глава. Отметим, что перевод французского уголовного кодекса на русский язык может быть и иным, с учетом исследовательских задач и языковых особенностей.

Регламентационная часть Особенной части УК Франции имеет более простую структуру. Она состоит из книг (livre), которые могут включать раздел (titre), главу (chapitre), отдел (section), статьи (article).

Структурные компоненты перечислены нами в порядке от самого крупного к самому мелкому (от книги к статье). Менее крупная структурная единица во французском уголовном кодексе никогда не включает в свой состав более крупный компонент, то есть, например, раздел не может быть включен в состав главы. Более мелкие структурные компоненты французского уголовного закона могут являться составной частью более крупных компонентов. Книги законодательной и регламентационной части Особенной части УК Франции отличаются друг от друга по числу использованных структурных компонентов. Ни одна из книг, которые можно отнести к Особенной части УК РФ, не включает весь перечень компонентов, использованных законодателем. Например, в книге II законодательной части статьи объединены в разделы, подразделы, главы, отделы, параграфы, но отсутствует такой структурный компонент как подотдел. Подотделы есть в книгах IV и IV bis законодательной части, но в них отсутствуют подразделы. В книге IV bis законодательной части нет разделов. Более простая структура в книгах III и V законодательной части. Они включают разделы, главы и отделы, статьи. Самая простая структура у книги VII законодательной части. Она состоит из статей, объединенных только в главы и разделы.

Книги регламентационной части, которые можно отнести к Особенной части уголовного закона, состоят преимущественно из разделов, глав и

отделов. Книга III дополнительно включает подотделы. Отсутствуют отделы в книгах V и VII. Например, в книге V выделены только главы.

Каждая из книг имеет порядковый номер и название. Книга II – о преступлениях и проступках против личности, книга III – об имущественных преступлениях и проступках, книга IV о преступлениях и проступках против нации, государства и общественного спокойствия, книга IV bis – о военных преступлениях и проступках, книга V – об иных преступлениях и проступках, книга VI – о правонарушениях, книга VII – о положениях, применяемых на заморских территориях. Система Особенной части Кодекса определяется ценностью того или иного правоохраняемого блага¹. Следует обратить внимание, что последовательность расположения охраняемых объектов близка к последовательности расположения и отражения их в структуре Особенной части УК РФ.

Раздел является самым крупным структурным компонентом внутри книги. Если в российском уголовном законе Особенная часть состоит из разделов, всегда включающих в свой состав главы, то во французском уголовном законе иначе. Раздел может включать подразделы (например, книга II ЗЧ раздел Ier), главы (например, книга IV ЗЧ раздел II), только статьи без иных структурных компонентов (например, книга VI ЗЧ II). Раздел может быть достаточно объемным (например, книга II ЗЧ раздел II включает более ста пятидесяти статей) или состоять из одной статьи (например, в книге VI ЗЧ всего два раздела, включающих по одной статье каждый). Чаще всего книга состоит из двух-трех разделов. Исключение представляют книга IV ЗЧ, которая состоит из пяти достаточно объемных разделов, и книга IV bis ЗЧ и V РЧ, в которых законодатель не использует разделы. Разделы пронумерованы. В каждой книге самостоятельная нумерация. Каждый раздел имеет заголовок. Все статьи о преступных деяниях сгруппированы в разделы с учетом объекта посягательства. Раздел может именоваться в привычной для российского

¹ Уголовное право зарубежных стран (Особенная часть) / Н. Е. Крылова, А. В. Малешина, А. В. Серебренникова. М., 2019. С. 34.

юриста форме (Преступления против личности (книга II ЗЧ раздел II), но может быть назван иначе (например, Терроризм – книга IV ЗЧ раздел II).

Подразделы выделены в качестве самостоятельных структурных компонентов только в разделе Ier книги II ЗЧ. Так было не всегда. Изначально он именовался «Преступления против человечества» и включал только главы. Но французское уголовное законодательство трансформируется со временем. Законодателем были выделены в самостоятельную группу преступления против человеческой расы. Изменилось название раздела, и внутри него было выделено два самостоятельных подраздела: «Преступления против человечества» и «Преступления против человеческой расы». Статьи о преступных деяниях объединены в подразделы с учетом объекта посягательства. Подразделы состоят из глав. Например, подраздел «Преступления против человечества» включает главу о геноциде. Таким образом, несмотря на то, что и в российском уголовном законе, и во французском уголовном законе открывают Особенную часть статьи о преступлениях против личности, их содержание различно. Во французском уголовном кодексе первая статья книги II ЗЧ предусматривает уголовную ответственность за геноцид. В российском уголовном законе геноцид находится в разделе о преступлениях против мира и безопасности человечества. Интересным является французский опыт разделения международных преступлений, то есть не объединение всех статей в одном структурном компоненте, а размещение их в зависимости от объекта посягательства. В подразделе «Преступления против человеческой расы» выделена глава о преступлениях, связанных с евгеникой и репродуктивным клонированием. Российский уголовный закон не содержит положений, запрещающих репродуктивное клонирование.

Глава может являться составной частью раздела (например, книга II ЗЧ, раздел II, глава Ier), подраздела (например, книга II ЗЧ раздел Ier подраздел Ier главы I, II, III) или выступать в книге в качестве самостоятельного структурного компонента (например, в книге IV bis ЗЧ). Так, в книге IV bis ЗЧ

о военных преступлениях и проступках отсутствуют разделы, но содержится две главы. Что касается структуры главы, то она может состоять только из статей, не объединенных в более крупные структурные компоненты (например, в книге IV bis ЗЧ глава II), а также может состоять из одной, двух или трех более мелких структурных единиц. Например, отделы (в книге IV ЗЧ разделе IV глава V), отделы и параграфы (в книге IV ЗЧ раздел III глава II), либо отделы, подотделы и параграфы (книге IV bis ЗЧ глава I). Для действующего российского законодательства не характерно объединение статей внутри главы в более мелкие компоненты (отделы, подотделы, параграфы). Главы имеют нумерацию. В каждом разделе или книге она самостоятельная. У каждой главы есть заголовок. Он может указывать на объект посягательства (например, как в книге II ЗЧ разделе II: посягательства на жизнь человека, посягательства на свободу личности). Однако глава может быть названа, например, «Иные посягательства на национальную оборону» (книга IV ЗЧ раздел I глава II), то есть предполагается, что в ранее идущей главе уже названы некоторые из посягательств на этот же объект. Кроме того, есть главы, которые именуются «Общие положения» (книга II раздел I глава III), в них, как правило, нет статей, содержащих признаки конкретных преступных деяний. Они чаще всего связаны с особенностями применения наказания за совершение преступлений, содержащихся в разделе (книге).

Отдел всегда находится внутри более укрупненного структурного компонента - раздела или главы. В себя может включать только статьи, либо статьи, объединенные в подотделы, либо в подотделы и параграфы. Отдел объединяет статьи по различным основаниям. Например, в главе I раздела II книги II объединяется три отдела: об умышленных посягательствах на жизнь, о неумышленных посягательствах на жизнь, о дополнительных наказаниях, применяемых к физическим лицам. То есть отделы формируются с учетом видов конкретных посягательств. Например, в приведенном примере в зависимости от формы вины. Но следует отметить, что это не единственный критерий, поскольку в большинстве глав имеется отдел, касающийся

особенностей применения наказания за совершение преступлений, указанных в главе.

Подотделы выделяются в трех книгах – IV и IV bis ЗЧ, III РЧ. Они всегда находятся внутри отдела. В книге IV bis ЗЧ в главе I отдел III о военных преступлениях и проступках, общих для международных и немеждународных конфликтов, содержится два подраздела: о посягательствах на людей в ходе международного или немеждународного вооруженного конфликта; о военных преступлениях и проступках, связанных с ведением военных действий. То есть подотделы могут представлять собой статьи о группе преступных посягательств, выделенной внутри отдела и объединенной по какому-либо основанию. Следует обратить внимание, что преступления военного времени включены в качестве структурного компонента в Особенную часть уголовного закона наряду с преступлениями мирного времени.

Параграфы выделены в качестве самостоятельного структурного компонента только в законодательной части. В книге II они входят в состав отдела, в книгах IV и IV bis – в состав подотделов. Например, в отделе I главы II раздела II книги II об умышленных посягательствах на неприкосновенность личности содержится три параграфа: о пытках и актах жестокости; о насильственных действиях; об угрозах. Как правило, параграф объединяет несколько статей. В первой статье речь идет об основном составе, в последующих, например, о квалифицированных составах.

Статьи Особенной части УК Франции отличны от российского уголовного закона. Они не имеют заголовка и имеют специфическую нумерацию. Нумерация статей в каждой книге самостоятельная. Первая цифра означает номер книги, вторая – раздела (главы), третья – главы (отдела) и порядковый номер статьи внутри структурного компонента. В регламентационной части добавляется буква R. Нередко диспозиция статьи

содержит дефиниции и является описательной, однако есть и ссылочные диспозиции¹.

Например, подраздел «Преступления против человечества» включает главу о геноциде. Она состоит из нескольких статей, посвященных ответственности за геноцид. В диспозиции статьи 211-1 УК Франции перечислены альтернативные действия, которые следует признавать геноцидом (каждое названо с обозначением «-», отдельной строкой), затем указано «геноцид карается (наказывается) пожизненным заключением», затем в статье указано, что на нее распространяет действие ст.132-23 УК Франции. То есть сначала может идти описательная диспозиция, затем она дублируется как простая с указанием наказания в санкции. И в этой же статье содержатся дополнительные указания.

Отличается по технике построения от статей российского уголовного закона, например, и статья 212-1 этой же главы Уголовного кодекса Франции. В ней указано: «также является преступлением против человечества (человечности) и наказывается пожизненным заключением любое из следующих преступлений, совершенных.....», - далее в статье перечисляются признаки состава преступления, то есть санкция статьи «смешана» с диспозицией. В статье 212-2 УК Франции оговаривается: «если преступления, предусмотренные ст. 212-1, совершены в военное время...», и далее указаны условия ответственности, размер и вид наказания. В статье 213-1 УК Франции² определена ответственность за преступления, предусмотренные ст. 211-1, 212-1, 213-1 УК Франции, если они совершены группой лиц. То есть в отличие от российского уголовного закона, где квалифицирующие признаки располагаются в одной статье с основным составом преступления, французский законодатель располагает квалифицированные составы преступлений в отдельных статьях. В этом же структурном компоненте есть

¹См.: Голенко Д.В. К вопросу о диспозициях статей Особенной части Уголовного кодекса РФ // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2020. № 3. С. 29-34.

² Code pénal. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr> (дата обращения: 20 августа 2023 г.)

общие положения (ст.ст.213-1 по 213-4 УК Франции), которые содержат положения об иных наказаниях, которые могут применяться к лицам, совершившим преступления, предусмотренные ст. ст. 211-1, 212-1, 213-1 УК Франции; особенности ответственности юридических лиц; особенности освобождения от уголовной ответственности.

Санкция статьи Особенной части может содержать лишь верхнюю границу наказания, его максимум¹. Встречаются абсолютно определенные санкции (ст. 211-1 УК Франции – пожизненное заключение); ст. 214-2 УК Франции (тридцатью годами уголовного заключения и штрафом в размере 7 500 000 евро); ст.221-1 УК Франции (тридцатью годами уголовного заключения) и др.

Например, в отличие от УК РФ, за убийство (ст. 221-1 УК Франции) предусмотрено наказание в виде 30 лет уголовного заключения². За квалифицированные виды убийств – пожизненное уголовное заключение. Таким образом, виды наказаний в этой группе сопоставимы с видами и размерами наказаний, содержащихся в санкциях статей о преступлениях против нации, государства и общественного спокойствия. В данном случае следует учитывать особенности построения уголовного закона и назначения наказания во Франции.

Чаще всего в первой статье отражены признаки основного состава преступления. В последующих статьях перечислены признаки, изменяющие уровень общественной опасности деяния, указанного в первой статье структурного компонента. Франция также признает приоритет охране прав человека, неслучайно первый компонент Особенной части уголовного закона посвящен преступлениям против человечества. Интересным для отечественной науки и законодательной практики является опыт объединения статей в структурные компоненты и последовательность их расположения.

¹ Богданова Э.Ю. Уголовный кодекс Франции как гарант соблюдения принципа законности// Социально-экономические явления и процессы. Т. 9. № 10. 2014. С. 172.

² Code pénal. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr> (дата обращения: 20 августа 2023 г.).

Например, в книге «Преступления и проступки против личности» первым располагается раздел «Преступления против человечества и человеческого рода», предшествующий разделу, предусматривающему ответственность за посягательства на человека. Книга о военных преступлениях включает отдельные структурные компоненты, посвящённые военным преступлениям и правонарушениям, характерным для международных и немеждународных конфликтов, внутри них содержатся также макрокомпоненты, предусматривающие ответственность за посягательства на жизнь, физическую свободу, отдельно за совершение преступлений, связанных с ведением боя и др.

Таким образом, книги Уголовного кодекса Франции, которые допустимо отнести к Особенной части уголовного закона, объединяют не только статьи, состоящие из диспозиций, описывающих признаки состава преступления, и санкции, включающие размер и вид наказания, предусмотренных за совершение конкретного преступления, но и иные положения. Отдельный интерес для изучения построения Особенной части уголовного закона представляют: размещение преступлений против мира и безопасности человечества в различных компонентах уголовного закона; регламентация ответственности за преступления, совершенные не только в мирное, но и военное время; соразмерность санкций статей за преступления, где родовой и видовой объект преступления различен. Уголовное законодательство Франции также демонстрирует опыт сложной нумерации статей Особенной части уголовного кодекса. Однако стоит учитывать, что во французской научной литературе не все поддерживают такой вариант построения, считая его сложным¹.

Еще одним примером Особенной части уголовного закона семьи континентального права является законодательство ФРГ. В Германии действует Уголовное Уложение Федеративной Республики Германия. В нем

¹ См.: Кабрияк Р. Кодификация. М., 2007. С. 384.

Особенная часть выделена в качестве самостоятельного структурного компонента уголовного закона. Многие исследователи видят схожесть построения российского уголовного законодательства именно с немецким. Это неслучайно и во многом объясняется влиянием немецкой уголовно-правовой школы на формирование отечественной уголовно-правовой доктрины еще в предшествующие столетия. Однако российские исследователи немецкого уголовного законодательства отмечают, что во многом эта схожесть кажущаяся¹. Отличия можно обосновать трансформацией содержания любого законодательства под влиянием социальных, экономических, политических факторов, адаптация его под условия и общественные отношения внутри государства, в котором оно действует. Одним из существенных отличий можно назвать то, что в Германии Уголовное Уложение ФРГ не является единственным источником уголовно-правовых запретов. Неслучайно для перевода названия немецкого уголовного закона выбирают исторический термин «уголовное уложение» для того, чтобы показать, что в отличие от российского уголовного законодательства, немецкое кодифицировано не полностью². Вторым отличием является включение в уголовное законодательство не только преступлений, но и проступков. В настоящей работе рассматривается только построение Особенной части Уголовного Уложения ФРГ, без анализа иных источников, содержащих уголовно-правовые запреты.

Особенная часть Уголовного Уложения ФРГ трехуровневая. Она состоит из разделов, глав и параграфов. Параграф аналогичен статье в российском уголовном законе. Разделы отличаются по объему. Например, раздел третий Особенной части Уголовного Уложения ФРГ состоит из трех параграфов, а раздел двадцать восьмой состоит из 37 параграфов. Главы выделены только в разделе первом. Они пронумерованы арабскими цифрами.

¹ См.: Жалинский А.Э. Современное немецкое уголовное право. М., 2004. С. 3-6.

² Головненков П.В. Уголовное Уложение Федеративной Республики Германия. Научно-практический комментарий и перевод текста закона. Universitätsverlag Potsdam, 2021. С. 66.

Остальные разделы со 2 по 30 состоят только из параграфов. Главы также отличаются по объему. Например, глава 1 раздела первого состоит из одного параграфа, а глава 3 того же раздела - из шестнадцати параграфов. Нумерация разделов и глав в Особенной части и в Общей части Уголовного Уложения ФРГ самостоятельная. Номер раздела обозначается словами. Особенную часть открывает раздел первый. Каждый раздел имеет заголовок. В нем обозначен либо объект преступления («Пятый раздел. Преступные деяния против государственной обороны»), либо само преступление («Восьмой раздел. Фальшивомонетничество и подделка знаков оплаты»). Нумерация глав осуществлена арабскими цифрами. В разделе первом объединены главы с 1 по 4. Главы также имеют заголовки. В названии главы может быть обозначен объект преступления («Глава 1. Преступления против мира»), само преступление («Глава 2. Государственная измена»), также глава может называться «Общие положения» (глава 4. Первого раздела УУ ФРГ). Нумерация параграфов во всем рассматриваемом уголовном законе сплошная. Таким образом, Особенная часть Уголовного Уложения ФРГ начинается с раздела первого, главы 1, но § 80. Основанием для объединения преступных деяний по разделам Особенной части УК ФРГ являются, как правило, объект посягательства (правоохраняемое благо)¹, главы объединяют статьи как с общим объектом посягательства, так и по иным основаниям. Например, в разделе первом глава 4 содержит общие положения, которые включают раскрытие содержания понятий, дополнительные последствия и т.д. Таким образом, в Особенной части Уголовного Уложения ФРГ параграфы не только содержат признаки конкретных преступлений и наказания за них, но и различные иные положения, которые, например, в российском уголовном законодательстве располагаются, как правило, в примечаниях к статьям Особенной части уголовного закона. При разработке Особенной части Уголовного Уложения ФРГ предлагалось ввести четыре надраздела:

¹ Уголовное право зарубежных стран (Особенная часть) / Н. Е. Крылова, А. В. Малешина, А. В. Серебrenникова. М., 2019. С. 39.

преступные деяния против государства, преступные деяния против общества, преступные деяния против личности и имущественные преступные деяния¹. Законодатель не принял это предложение, так как на практике достаточно сложно разделить все преступления на укрупненные группы.

Последовательность расположения разделов в немецком уголовном законодательстве отличается, например, от последовательности расположения разделов в российском уголовном законе. Открывает Особенную часть Уголовного Уложения ФРГ раздел о преступлениях против мира, государственной измене и создании опасности демократическому правовому государству. Перевод названия разделов, глав и некоторых слов в параграфах может отличаться в различных российских источниках. Например, А. Э. Жалинский переводит название раздела 1 – «Подрыв мира, государственная измена, создание угрозы демократическому правовому государству»², А.В. Серебренникова - «Измена миру, государственная измена и создание угрозы демократическому правовому государству»³, а П.В. Головненков переводит название того же раздела как «Преступления против мира, государственная измена и создание угрозы демократическому правовому государству»⁴. Каждый ученый выбирает термин, который, по его мнению, ближе всего к содержанию используемого понятия для российского исследователя. Однако следует учитывать, что содержание немецкого уголовного закона от перевода его на русский язык, естественно, не меняется. Для устранения возможных противоречий в понимании будем руководствоваться одним переводом текста Уголовного Уложения ФРГ, осуществленным в 2021 году П.В. Головненковым⁵, поскольку он наиболее близок по времени к сегодняшнему дню, не умаляя ценности каждого из переводов, осуществленных другими

¹ Уголовное право зарубежных стран (Особенная часть) / Н. Е. Крылова, А. В. Малешина, А. В. Серебренникова. М., 2019. С. 40.

² Жалинский А.Э. Современное немецкое уголовное право. М., 2004. С. 350.

³ Уголовное право зарубежных стран (Особенная часть) / Н. Е. Крылова, А. В. Малешина, А. В. Серебренникова. М., 2019. С. 48.

⁴ Головненков П.В. Уголовное Уложение Федеративной Республики Германия. Научно-практический комментарий и перевод текста закона. Universitätsverlag Potsdam, 2021. С. 183.

⁵ Там же.

учеными. В разделе первом четыре главы: о преступлениях против мира; о государственной измене; о создании опасности демократическому правовому государству; общие положения. В главе первой содержится всего один параграф об ответственности за призывы к совершению преступления агрессии¹. В главе 2, например, предусмотрена ответственность за финансирование терроризма (§ 89с), пороченье Федерального президента (§ 90), пороченье государства и его символов (§ 91). Глава 4 посвящена общим положениям. В § 92 раскрываются используемые законодателем понятия, в § 92а – дополнительные последствия, в § 92b – конфискация имущества. Новые параграфы обозначаются дополнением к номеру предшествующего параграфа буквенного обозначения «а», «b», «с» и т.д. Второй раздел назван «Шпионаж и создание угрозы для внешней безопасности». В нем, как и во всех последующих разделах Особенной части Уголовного Уложения ФРГ, нет глав. Три из 13 параграфов посвящены не составам конкретных преступлений, а раскрытию содержания понятия «государственная тайна», дополнительным последствиям и конфискации имущества. В российском уголовном законодательстве содержание понятий раскрывается не в отдельных статьях, а в примечаниях к ним. Третий раздел о преступных деяниях против иностранных государств один из самых небольших по объему. В нем три параграфа, один из которых посвящен предпосылкам уголовного преследования. Так, например, в § 104а, указано, что «преступные деяния, предусмотренные в данном разделе, подлежат уголовному преследованию только в том случае, если Федеративная Республика Германия состоит в дипломатических отношениях с соответствующим государством и имеется требование иностранного правительства об уголовном преследовании»². По сути определены пределы действия параграфа третьего раздела. Четвёртый раздел Особенной части Уголовного Уложения ФРГ – о преступных деяниях

¹ Головненков П.В. Уголовное Уложение Федеративной Республики Германия. Научно-практический комментарий и перевод текста закона. Universitätsverlag Potsdam, 2021. С. 14.

² Там же. С. 211.

против конституционных органов, а также о связанных с выборами и голосованием. Например, в этом разделе предусмотрена ответственность за принуждение Федерального президента и членов одного из конституционных судов (§ 106). Пятый раздел о преступных деяниях против государственной обороны включает ответственность за различные варианты уклонения от воинской обязанности (§§ 109,109a), за вредительскую пропаганду, направленную против немецких вооружённых сил (Бундесвера) (§ 109d).

Шестой раздел посвящен оказанию сопротивления государственной власти, в нем, например, предусмотрена ответственность за нападение на представителя власти (§113), освобождение заключенных, их мятеж (§§120,121). Седьмой раздел о преступных деяниях против общественного порядка включает широкий круг преступных деяний. Например, в этом разделе предусмотрена ответственность за организацию преступного сообщества (§129), присвоение власти должностным лицом (§132), несообщение о планируемых преступных деяниях (§138), неразрешенное оставление места дорожно-транспортного происшествия (§142). Восьмой раздел посвящен фальшивомонетничеству и подделке знаков оплаты. Девятый раздел – о даче ложных показаний без принесения присяги и лжеприсяги. Десятый раздел – о ложном подозрении – состоит из двух параграфов, один из которых посвящен опубликованию приговора, что для российского исследователя воспринимается как норма уголовно-процессуального права (§ 165). Германия является светским государством. В Особенной части Уголовного Уложения ФРГ в одиннадцатом разделе объединены преступные деяния, связанные с религией и мировоззрением. Например, предусмотрена уголовная ответственность за то, что лицо «публично или посредством распространения материала (§ 11 абзац 3) наносит оскорбление действующей на территории Германии церкви или другому религиозному обществу или мировоззренческому объединению, их организации или обычаям, способом, пригодным для нарушения общественного спокойствия» (§ 166). Двенадцатый раздел о преступных

деяниях против гражданского состояния, брака и семьи включает, например, ответственность за двоебрачие (§ 172), половое сношение между родственниками (§ 173). Тринадцатый раздел о преступных деяниях против сексуального самоопределения достаточно объемный и включает 27 параграфов. Четырнадцатый раздел об оскорблении содержит параграфы, которые предусматривают ответственность не только за оскорбление, сплетни, клевету, но и положения о доказательстве истинности посредством приговора (§ 190), ходатайстве об уголовном преследовании (§ 194), опубликовании приговора (§ 200). Пятнадцатый раздел посвящен нарушением неприкосновенности частной жизни и частных тайн. В шестнадцатом разделе расположены преступные деяния против жизни. По немецкому уголовному закону предусмотрена ответственность за прерывание беременности (§ 218), рекламу прерывания беременности (§ 219a), введение в оборот средств прерывания беременности (§ 219b). В этом же разделе ранее находилась статья о геноциде (§ 220a). Она исключена из Уголовного Уложения ФРГ в силу ст. 2 (№ 2) и 10 Федерального закона о введении в действие Кодекса международного уголовного права от 26 июня 2002 года¹. Семнадцатый раздел – о преступных деяниях против телесной неприкосновенности. Восемнадцатый раздел посвящен преступным деяниям против личной свободы.

Привычные для российского исследователя имущественные преступления располагаются сразу в нескольких разделах. Девятнадцатый раздел – о краже и присвоении; двадцатый раздел – о разбое и вымогательстве; двадцать первый раздел – об укрывательстве и скупке краденого; двадцать второй раздел – о мошенничестве и злоупотреблении доверием. Двадцать третий раздел – о подделке документов включает 15 параграфов. Двадцать четвертый раздел – о преступных деяниях, связанных с несостоятельностью, - посвящен различным деяниям, связанным с банкротством. Двадцать пятый

¹ Головненков П. Уголовное Уложение Федеративной Республики Германия. Научно-практический комментарий и перевод текста закона. Universitätsverlag Potsdam, 2021. С. 75.

раздел – о наказуемой корысти, в нем предусмотрена ответственность за ростовщичество (§ 291), браконьерство (§ 292). Двадцать шестой раздел посвящен преступным деяниям против конкуренции. В этом разделе предусмотрена ответственность за коммерческий подкуп (§ 299), дачу и получение взятки в сфере здравоохранения (§ 299а, § 299b). Двадцать седьмой раздел предусматривает ответственность за повреждение вещей. В нем, например, предусмотрена ответственность и за компьютерный саботаж (§ 303 b), разрушение строительных сооружений (§ 305). Двадцать восьмой раздел – об общепасных преступных деяниях – включает, например, такие посягательства как различные виды поджогов (§ 306), общепасное отравление (§ 314), нарушение правил безопасности дорожного движения (§ 315с), управление транспортным средством в состоянии опьянения (§ 316), создание опасности при строительстве (§ 319). Несколько параграфов предусматривают положения о деятельном раскаянии (§ 306е, § 314а, § 320). Двадцать девятый раздел посвящен экологическим преступным деяниям. Последний, тридцатый раздел Особенной части Уголовного Уложения ФРГ предусматривает ответственность за совершение должностных преступных деяний. При принятии Особенной части Уголовного Уложения ФРГ обсуждался вопрос о последовательности расположения разделов. Как отмечает А.В. Серебренникова, одни исследователи предлагали руководствоваться мировым опытом и Основным законом Германии 1949 года и расположить сначала разделы о посягательствах на личность, другие разработчики полагали, что нужно опираться на исторические традиции германского уголовного права и расположить сначала посягательства на государство¹. В официальном проекте Особенной части Уголовного Уложения ФРГ предлагалось исходить из приоритета охраны прав личности². А.В. Серебренникова отмечает, что в ФРГ возник вопрос о создании в Особенной

¹ Уголовное право зарубежных стран (Особенная часть) / Н. Е. Крылова, А. В. Малешина, А. В. Серебренникова. М., 2019. С. 40.

² Там же.

части УК своеобразной системы ценностей, защищаемых в уголовно-правовом порядке, элементами которой могли бы быть различные правоохраняемые блага¹. Явилось закономерным, что универсальную систему ценностей создать было нельзя. Исторический и мировой опыт по этой проблеме был разнообразен. Однако единого мнения правоведов ФРГ по данному вопросу так и не сформировалось². А.В. Серебренникова отмечает, что «в доктрине германского уголовного права встречается следующая точка зрения: расположение разделов в Особенной части в определенной последовательности ни в коем случае не означает приоритет в уголовно-правовой защите каких-либо правоохраняемых благ. Вопрос о том, в какой последовательности расположить разделы Особенной части, является чисто технической проблемой. В конечном счете при определении системы Особенной части УК ФРГ решающую роль играет все же позиция германского законодателя»³.

Параграфы Особенной части УУ ФРГ состоят из абзацев. При ссылке на статью указывается номер абзаца в параграфе (например, § 11 абзац 3). Если в абзаце есть дополнительная нумерация, то при ссылке указывается § 11 абзац 3 № 6, что обозначит порядковый номер положения внутри абзаца в статье. Как правило, параграфы включают несколько абзацев. Встречаются, например, параграфы, включающие 7 или 8 абзацев, внутри которых имеется дополнительная нумерация. Так, § 177 УУ ФРГ включает 9 абзацев, при этом некоторые из абзацев объединяют составные пронумерованные и обозначенные компоненты, как, например, абзац 8 этого параграфа, который включают и порядковые номера компонентов и буквенные внутри них. В абзацах параграфов Особенной части УУ ФРГ содержатся различные по содержанию положения. Например, в § 177 абзаце 3 УУ ФРГ речь идет о наказуемости покушения, в абзаце 5 этого же параграфа - о наказании за особо

¹ Уголовное право зарубежных стран (Особенная часть) / Н. Е. Крылова, А. В. Малешина, А. В. Серебренникова. М., 2019. С. 41.

² Там же.

³ Серебренникова А.В. Уголовно-правовая доктрина ФРГ о системе Особенной части уголовного кодекса Германии // Интерактивная наука. 2016. № 7. С. 59-62.

тяжкие случаи, при этом в нем же указано, что, как правило, может рассматриваться в качестве таковых, в § 177 абзаце 9 – о наказании в менее тяжких случаях. При этом обратим внимание, что дифференцирующие ответственность признаки располагаются в следующей последовательности: тяжкие, особо тяжкие и менее тяжкие случаи.

Разнообразны по технике построения диспозиции и санкции параграфов Особенной части уголовного закона Германии. Чаще всего встречаются достаточно четкие абстрактные диспозиции и относительно-определенные санкции. Как правило, диспозиция предшествует санкции, но встречаются статьи, где санкция предшествует диспозиции статьи (например, § 157 абз. 3, § 315а).

Диспозиция может быть простой, описательной, ссылочной (§ 83а УУ ФРГ) или бланкетной (§ 80а УУ ФРГ). Например, § 80а содержит отсылку к § 13 Кодекса международного уголовного права.

В параграфе Особенной части УУ ФРГ может отсутствовать диспозиция или санкция. Например, в § 150 УУ ФРГ речь идет только о конфискации перечисленных предметов в случае совершения преступлений, указанных в разделе, в § 151 УУ ФРГ раскрывается содержание понятия ценных бумаг, в § 152 УУ ФРГ содержится указание, что положения, предусмотренные в §§ 146–151, подлежат применению также в отношении денег, знаков оплаты и ценных бумаг иностранной валютной зоны, а § 194 УУ ФРГ посвящён ходатайству об уголовном преследовании.

Непривычным для российского исследователя является отражение дифференциации ответственности в Особенной части УУ ФРГ с помощью законодательной техники. Так, в Особенной части УУ ФРГ законодатель использует две разновидности предписаний, служащих расширению рамок наказания – по сравнению с основным деликтом – при наличии определённых увеличивающих неправомерность или отягчающих вину обстоятельств (аналогично и со смягчением наказания - определенных уменьшающих

неправомерность или виновность обстоятельств)¹. В Особенной части УУ ФРГ есть квалифицированные и привилегированные составы преступлений, описанные в диспозиции статьи (например, §§ 244 абз. 1 № 1; 250 абз. 1 № 1а, абз. 2 № 1 УУ ФРГ). В таких случаях суд обязан применять наказание, указанное в санкциях параграфа. Но есть и в Особенной части УУ ФРГ диспозиции, где содержится указание на тяжкие, особо тяжкие или менее тяжкие случаи (например, § 243 УУ ФРГ). В этом случае суд может учитывать санкцию параграфа Особенной части УУ ФРГ, а может не делать этого². Например, регламентация ответственности за убийство (§§ 211, 212, 213 УУ ФРГ).

В параграфы Особенной части УУ ФРГ могут быть включены положения о том, при каких условиях действия лиц, указанные, например, в абзаце первом статьи, не наказуемы (§ 148 абз. 2 УУ ФРГ).

Есть в Особенной части УУ ФРГ параграфы, которые содержат указание на наказуемость подготовки деяния (§ 149 УУ ФРГ) и покушения (§ 148 УУ ФРГ). Следует учитывать, что покушение на совершение уголовного преступления наказуемо всегда, а на совершение уголовного проступка – только тогда, когда это специально предусмотрено (§ 23 абз. 1 УУ ФРГ)³. Также установлено, что если ответственность наступает за преступление, совершенное по неосторожности, то форма вины должна быть указана в параграфе Особенной части УУ ФРГ.

П.П. Головненков указывает также на некоторые составы, которые содержат так называемые «объективные условия наказуемости» (§ 283 (абз. 6) УУ ФРГ)⁴, а также случаи закрепления оснований, исключающих противоправность деяния, в сочетании с составом преступного деяния, в

¹ См.: Головненков П. Уголовное Уложение Федеративной Республики Германия. Научно-практический комментарий и перевод текста закона. Universitätsverlag Potsdam, 2021. С. 56.

² См.: Там же. С. 56.

³ Там же. С. 51.

⁴ Там же. С. 44

отношении которого эти основания действуют (§ 193 УУ ФРГ)¹. Это также отражает специфику построения Особенной части УУ ФРГ.

В санкциях параграфов (статей) широко используется штраф как альтернатива лишению свободы, но в отдельных параграфах могут быть дополнительные последствия и конфискация. Санкции статей, как правило, относительно-определенные, альтернативные. Как правило, в них обозначены либо верхний предел наказания, либо нижняя и верхняя граница наказания.

Таким образом, Особенная часть УУ ФРГ включает не только параграфы, состоящие из диспозиции, описывающей признаки состава преступления, и санкции, содержащей вид и размер наказания за совершение преступления, указанного в диспозиции, но и другие специальные положения.

Уголовное законодательство России тесно связано в своем пути развития с уголовным законодательствами других советских республик. В период существования СССР республики имели свои уголовные кодексы, в которых Особенная часть обладала спецификой, но, как отмечено выше, в разделе I, были и одинаковые положения. Так, ответственность за государственные, воинские преступления и преступления, направленные против интересов СССР, определялась общесоюзным уголовным законодательством. Положение этих законов включались в республиканские уголовные кодексы, и союзные республики не могли их изменять. Общее историческое прошлое также оказало влияние на становление Особенной части уголовного законодательства государств этой группы.

Кроме того, рассматривая Особенную часть уголовных законов постсоциалистических государств, следует учитывать, что 17 февраля 1996 года был принят Модельный уголовный кодекс государств-участников СНГ для сближения их уголовного законодательства. Как отмечает А.В. Наумов, предполагалось, что «Модельный уголовный кодекс будет своего рода образцом законодательного решения создания собственных кодексов

¹ См.: Головинков П. Уголовное Уложение Федеративной Республики Германия. Научно-практический комментарий и перевод текста закона. Universitätsverlag Potsdam, 2021. С. 44.

государствами-членами СНГ на основе формулирования общих для государств принципов уголовной политики»¹. И он действительно послужил для некоторых государств-членов СНГ образцом.

В настоящее время в большинстве государств, ранее входивших в состав СССР в статусе республик, «действуют уголовные кодексы второго поколения...только в некоторых (например, Казахстан) приняты кодексы третьего поколения»². Так, с 90-х годов в некоторых государствах произошло обновление уголовного законодательства и приняты новые кодексы второго поколения (например, в Туркменистане³, Киргизии⁴). Однако и они сохраняют некоторые схожие черты, хотя имеют и отличия. В науке предлагается эти кодексы дополнительно разделить, с учетом специфических черт, на более мелкие группы: славянскую, прибалтийскую, кавказскую и центральноазиатскую⁵. Такая классификация применима для более детального анализа особенностей содержания и построения уголовных законов.

В большинстве уголовных кодексов бывших советских республик (в том числе и второго поколения) законодателями выбрано трехуровневое строение Особенной части уголовного кодекса: раздел, глава, статья, как это и было в Модельном уголовном кодексе. Первый раздел, как правило, объединяет преступления против личности (например, Уголовный кодекс Республики Таджикистан⁶, Уголовный кодекс Республики Узбекистан⁷, Уголовный кодекс Туркменистана) или преступления против человека (например, Уголовный

¹ Наумов А.В. Теоретическое обоснование внесения изменений и дополнений в Модельный уголовный кодекс для государств –участников Содружества Независимых Государств // Человек: преступление и наказание. 2016. № 1 (92). С. 6.

² Полный курс уголовного права: в 10 т. Т. X. Уголовное право зарубежных стран. Зарубежное уголовное законодательство. СПб., 2021. С. 65.

³ Уголовный кодекс Туркменистана. [Электронный ресурс]. URL: <https://minjust.gov.tm/ru/hukuk/merkezi/hukuk/600> (дата обращения: 16 октября 2023 г.)

⁴ Уголовный кодекс Кыргызской Республики. [Электронный ресурс]. URL: <https://mvd.gov.kg/rus/ministry/normative-bases/22> (дата обращения: 16 октября 2023 г.)

⁵ Полный курс уголовного права. Уголовное право зарубежных стран. Зарубежное уголовное законодательство. В 10 т. Т. X. СПб., 2021. С.65.

⁶ Уголовный кодекс Республики Таджикистан. [Электронный ресурс]. URL: https://continent-online.com/Document/?doc_id=30397325 (дата обращения: 16 октября 2023 г.)

⁷ Уголовный кодекс Республики Узбекистан. [Электронный ресурс]. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30421110 (дата обращения: 16 октября 2023 г.)

кодекс Республики Армения¹). Однако есть и иное расположение структурных компонентов, например, в Уголовном кодексе Республики Беларусь² (далее – УК РБ) открывает Особенную часть раздел IV, объединяющий преступления против мира, безопасности человечества и военные преступления, и только после него идет раздел о преступлениях против человека. В Модельном уголовном кодексе первый раздел был также посвящён преступлениям против мира и безопасности человечества. В Уголовном кодексе Республики Узбекистан после преступлений против личности (раздел первый) следует раздел о преступлениях против мира и безопасности (раздел второй) и только затем преступления в сфере экономики (раздел третий). В Уголовном кодексе Республики Таджикистан после преступлений против личности (раздел VII) во втором разделе Особенной части объединены преступления против общественной безопасности и здоровья населения (раздел VIII).

В отличие от УК РФ, например, в УК РБ есть самостоятельный раздел, объединяющий преступления против экологической безопасности, окружающей среды и порядка природопользования (раздел IX).

Совпадающие по названию с УК РФ разделы могут иметь иное количество и название глав. Например, раздел первый – «Преступления против личности» - в Уголовном кодексе Республики Узбекистан включает семь глав. Отдельно выделены глава о преступлениях против жизни, глава о преступлениях против здоровья и глава о преступлениях, опасных для жизни и здоровья. В Уголовном кодексе Киргизии в разделе о преступлениях против личности есть самостоятельная глава о преступлениях против духовно-нравственного здоровья личности (глава 24). Раздел о преступлениях против военной службы в УК Киргизии разделен на три главы: преступления призывников, резервистов и военнообязанных (глава 47); преступления против порядка подчинения и соблюдения воинской чести (глава 48);

¹Уголовный кодекс Республики Армения. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.parliament.am/legislation.php?ID=1349&lang=rus&sel=show> (дата обращения: 16 октября 2023 г.)

²Уголовный кодекс Республики Беларусь. [Электронный ресурс]. URL: <http://pravo.by/document/?guid=3871&p0=hk9900275> (дата обращения: 16 октября 2023 г.)

преступления против порядка хранения или эксплуатации военного имущества (глава 49). Заключительный раздел УК Киргизии также, в отличие от УК РФ, имеет главы: преступления против мира и безопасности человечества (глава 50); военные преступления и другие нарушения законов и обычаев ведения войны (глава 51). Выделение отдельных структурных компонентов внутри разделов является оправданным, и этот опыт может учитываться при построении Особенной части УК РФ в будущем.

В Уголовном кодексе Республики Узбекистан, например, есть раздел четвертый, «Преступления в сфере экологии», который состоит из одной главы – «Преступления в сфере охраны окружающей среды и природопользования». Название раздела и главы при этом не совпадают, что не характерно, например, для Особенной части УК РФ. Более удачным является одинаковое название раздела и главы, поскольку иначе возникают вопросы к определению объекта посягательства. Получается, что внутри раздела не все видовые объекты подлежат охране, если назван только один, и он не совпадает с родовым.

В некоторых уголовных законах есть отдельные заключительные положения, которые могут содержать в том числе понятия, используемые в уголовном законе. Думается, что удачнее располагать такие положения в Общей части или в начале Особенной части уголовного закона, а не в конце уголовного закона. В целом же идея о раскрытии основных понятий, с одной стороны, может содействовать правовой определенности, совершенствованию техники построения Особенной части уголовного закона, поскольку снизит вероятность дублирования одних и тех же положений, и различного их толкования. С другой стороны, этот перечень должен быть незначительным по объему и содержать только основные, требующие разъяснения понятия (допускающие различное понимание), закон не должен становиться словарем.

Более детально концептуальные основы построения Особенной части уголовного законодательства государств-членов Содружества Независимых

Государств рассмотрим на примере Уголовного кодекса Республики Казахстан.

Уголовное законодательство России и Казахстана имеет много общих черт. Это обусловлено, в том числе, историческими факторами. В 90-е годы разработчиками уголовного законодательства и России, и Казахстана учитывался Модельный Уголовный кодекс для государств – участников СНГ. С 2015 года действует новый Уголовный кодекс Республики Казахстан (далее - УК РК)¹, он сохранил некоторую преемственность с прежним уголовным законодательством, что и обуславливает сохранение общих черт с Уголовным кодексом Российской Федерации. Однако УК РК имеет и ряд существенных отличительных черт, поскольку трансформирован с учетом изменившихся с 90-х годов политических, экономических, социальных условий. Интерес для изучения российским исследователем представляет опыт построения этого структурного компонента уголовного закона с учетом реакции законодателя на современные вызовы.

В Республике Казахстан перечень всех деяний, которые признаются преступными, содержится в Особенной части УК РК. В Казахстане, как и в России, уголовное законодательство состоит только из уголовного кодекса. Все иные уголовные законы подлежат включению в него (ст. 1 УК РК). Эта важная черта уголовного законодательства характерна для многих государств, которые ранее входили в состав СССР. Отличительной особенностью УК РК является то, что в статьях его Особенной части названы не только признаки преступлений, но и уголовных проступков. Вместе они именуются уголовными правонарушениями. Именно эта категория используется в наименовании глав Особенной части УК РК. Внутри Особенной части УК РК нет отдельного структурного элемента, объединяющего уголовные проступки. Они не отделены от преступлений и не выделены внутри Особенной части УК

¹Уголовный кодекс Республики Казахстан. [Электронный ресурс]. URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=31575252&pos=3156;-54#pos=3156;-54 (дата обращения: 16 октября 2023 г.).

РК. Понять, относится ли деяние к преступлению или проступку, возможно из анализа санкции статьи (ст. 10 УК РК). Объем Особенной части УК РК увеличился по сравнению с ранее действовавшим уголовным законом, часть административных правонарушений были признаны законодателем уголовными проступками и перенесены в УК РК. Это положение подверглось критике в науке¹. Еще одной отличительной от российского уголовного закона чертой Особенной части УК РК является ее структура. Она состоит только из глав, объединяющих статьи. Иные структурные элементы (например, разделы) внутри Особенной части УК РК отсутствуют. Общая и Особенная части УК РК имеют самостоятельную нумерацию глав, но единую нумерацию статей. В Особенной части УК РК располагаются главы с 1 по 18, статьи с 99 по 466. Главы и статьи имеют заголовки.

Глава 1 включает уголовные правонарушения против личности. Глава 2 Особенной части УК РК посвящена уголовным правонарушениям против семьи и несовершеннолетних, а глава 3 УК РК - уголовным правонарушениям против конституционных и иных прав и свобод человека и гражданина. Преступления против мира и безопасности человечества в уголовном законе Казахстана располагаются в главе 4 Особенной части УК РК. Глава 5 Особенной части УК РК посвящена уголовным правонарушениям против основ конституционного строя и безопасности государства. Последовательность расположения глав обусловлена провозглашенными ценностями². Глава 6 включает уголовные правонарушения против собственности. Глава 7 объединяет уголовные правонарушения в сфере информации и связи. В главе 8 названы уголовные правонарушения в сфере экономической деятельности. Глава 9 включает уголовные правонарушения против интересов службы в коммерческих и иных организациях. Глава 10 объединяет уголовные правонарушения против общественной безопасности и

¹ См.: Балтабаев К.Ж. Особенности Уголовного кодекса Республики Казахстан // Уголовное право. 2017. № 4. С. 23-24.

² Волженкин Б.В. Новый Уголовный кодекс Республики Казахстан // Правоведение. 1999. № 1. С. 142.

общественного порядка. Глава 11 посвящена уголовным правонарушениям против здоровья населения и нравственности. В главе 12 содержатся медицинские уголовные правонарушения. Глава 13 объединяет экологические уголовные правонарушения. В главе 14 находятся транспортные уголовные правонарушения. Глава 15 объединяет коррупционные и иные уголовные правонарушения против интересов государственной службы и государственного управления. В главе 16 – уголовные правонарушения против порядка управления. Глава 17 объединяет уголовные правонарушения против правосудия и порядка исполнения наказаний. В последней главе Особенной части УК РК объединены воинские уголовные правонарушения.

Последовательность расположения глав отличается, например, от последовательности расположения глав в УК РФ, но сохраняет преемственность с УК РК 1997 года (с учетом добавления в новый уголовный закон Казахстана двух новых глав – 7 и 12). Если условно обозначить такие ценности, как личность, человечество, общество, государство, то наблюдается такая последовательность: вначале располагаются преступления против личности, затем – против мира и человечества, после них – преступления против государства, а затем – против общества и др.

Это условная последовательность. Однако следует учитывать, что провозглашенные ценности не всегда совпадают с реальным. Необходимо обращать внимание не только на последовательность расположения статей, но и на их санкции, а также практику применения статей.

Значительная часть глав Особенной части УК РК в наименовании совпадает с главами Особенной части УК РФ. Но в УК РК есть, например, самостоятельная глава о медицинских правонарушениях. Ее содержание в части схоже с содержанием главы 16 УК РФ.

Статьи пронумерованы. Они состоят из частей, части могут включать пункты. И части, и пункты в УК РК пронумерованы арабскими цифрами. Если анализировать заголовки и диспозиции статей Особенной части УК РК, то несложно заметить, что большинство из них совпадает с заголовками и

диспозициями статей Особенной части УК РФ. Например, в главе 1 Особенной части УК РК легко узнаются главы 16, 17, 18 УК РФ. Однако в УК РК не выделены отдельно структурные компоненты, касающиеся преступлений против жизни и здоровья, половой свободы и неприкосновенности, свободы, чести и достоинства личности. Статьи об этих преступлениях объединены в главе 1 УК РК. В отличие от УК РФ, в УК РК в главу 1 Особенной части сначала включены статьи о преступлениях против половой свободы и неприкосновенности, и только потом преступления против свободы, чести и достоинства. В УК РФ две последние группы преступлений расположены наоборот, но последовательность расположения статей внутри групп совпадает. Так же совпадения наблюдаются и в других главах Особенной части УК РК. Например, глава 2 и глава 3 Особенной части УК РК похожи по содержанию на главы 19 и 20 УК РФ, только расположены в обратной последовательности. Глава 4 Особенной части УК РК напоминает по содержанию главу 34 УК РФ, глава 5 Особенной части УК РК - главу 29 УК РФ и т.д.

Однако схожесть диспозиций статей и их названия, расположение не свидетельствуют о полном совпадении статей УК РК и статей УК РФ. Например, статьи УК РК и УК РФ отличаются санкциями при аналогичных диспозициях. В УК РК отсутствует такой вид наказания, как смертная казнь, но есть, например, такой вид наказания, как лишение гражданства Республики Казахстан (ст. 175 УК РК). Отличается подход законодателя Казахстана к виду и размеру наказаний, к построению санкций. Например, за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, повлекшего смерть по неосторожности, в Казахстане предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок от 8 до 12 лет (ч. 3 ст. 106 УК РК), в России – до 15 лет (ч. 4 ст. 111 УК РФ). За изнасилование по ч. 1 ст. 120 УК РК предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок от 5 до 8 лет, по ч. 1 ст. 131 УК РФ – от 3 до 6 лет. В некоторых статьях российский законодатель выбирает альтернативные санкции, а казахстанский – нет, и наоборот. За похищение человека по ч. 1 ст. 125 УК РК

предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок от 4 до 7 лет, по ч. 1 ст. 126 УК РФ – принудительные работы на срок до 5 лет либо лишение свободы на тот же срок. Законодатель России и законодатель Казахстана могут признавать преступным одни и те же деяния, но относить их к различным категориям преступлений.

Несмотря на кажущееся существенное сходство Особенной части УК РК и Особенной части УК РФ по диспозициям статей, имеются отличия. Например, в УК РК есть статья о клонировании человека (ст. 129 УК РК), предусмотрена ответственность за нарушение клинических исследований (ст. 318 УК РК). В российском уголовном законодательстве эти вопросы до настоящего времени остаются не урегулированными. Есть отдельная статья, предусматривающая уголовную ответственность за пытки. В УК РФ такой статьи нет. Совершение преступления с применением пытки является квалифицирующим признаком некоторых преступлений. Ранее содержание понятия «пытки» раскрывалось в примечании к ст. 117 УК РФ, но согласно Федеральному закону от 14.07.2022 N 307-ФЗ, это примечание утратило силу. Теперь содержание понятия «пытки» раскрывается в примечании к статье, описывающей признаки должностного преступления (ст. 286 УК РФ).

Ценность мира и безопасности человечества подчеркивается в УК РК посредством расположения этой группы преступлений сразу после правонарушений против личности, человека, гражданина и до преступлений против государства (глава 4 Особенной части УК РК). Это единственная глава Особенной части УК РК, в которой нет уголовных проступков. Часть диспозиций статей этой главы схожи с диспозициями статей главы 34 УК РФ. Но есть и статьи, отличающиеся от УК РФ. Например, в главе 4 Особенной части УК РК содержится статья, предусматривающая уголовную ответственность за разжигание сословной розни (ст. 174 УК РК). В России сословия были отменены в 1917 году. Генеральная прокуратура Республики Казахстан в письме от 13 ноября 2015 года N 2-012200-15-62218, обратила внимание на использование термина «сословия» в уголовном законе при

отсутствии его законодательного закрепления. Такое построение диспозиции на практике может вызвать сложности при квалификации действий лица¹. В Особенной части УК РК, есть статьи, защищающие жизнь, честь, достоинство и другие права Первого Президента Республики Казахстан – Елбасы (ст.ст. 177, 373 УК РК). Отдельно запрещены посягательство на жизнь и неприкосновенность действующего Президента Республики Казахстан (ст.ст. 178, 374 УК РК). Для современного российского уголовного закона не характерно наличие отдельной статьи, в которых предусмотрена ответственность за посягательство на главу государству.

В главе об уголовных правонарушениях против собственности в УК РК содержатся не только статьи о регулировании «традиционных» преступлений против собственности (кража, грабеж, разбой, мошенничество и т.д.), но и статьи, предусматривающие ответственность за посягательство на интеллектуальную собственность (ст.ст. 198, 199 УК РК). В УК РФ такого рода статьи расположены в главе о конституционных правах и свободах человека и гражданина (ст.ст. 146, 147 УК РФ). Интересным является и то, что в этой главе наряду с относительно современными статьями (защита интеллектуальной собственности), находятся и такие статьи, как ст.188.1 УК РК – скотокрадство. Возможно, это обусловлено актуальностью и важностью данных отношений в Казахстане в силу исторических причин. УК РК, например, в ст. 217-1 УК РК устанавливает ответственность за рекламу финансовой пирамиды, а ст. 249 УК РК - за рейдерство. Законодатель в УК РК, в отличие от российского законодателя, использует понятие «транспортные правонарушения». Часть диспозиций статей главы 14 Особенной части УК РК схожа с диспозициями статей главы 27 УК РФ. Однако есть и отличия. Например, в УК РК сохранена статья об ответственности за оставление места дорожно-транспортного происшествия, имеется несколько статей,

¹ См.: Александрова О.П., Буданова Л.Ю. Значение признаков объективной стороны общественно-опасного деяния для его квалификации в правоприменительной практике // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2022. № 2. С. 86-93.

предусматривающих ответственность за управление транспортом в состоянии опьянения (ст. 358 УК РК).

Построение статей Особенной части УК РК имеет специфику. Например, заголовки не всегда удачно отражают содержание статьи. Так, заголовок ст. 114 УК РК – «Причинение вреда здоровью по неосторожности», однако в самой статье предусмотрена ответственность за причинение не любого вреда здоровью, а только тяжкого и средней тяжести. Статья 115 УК РК имеет заголовок «Угроза», но речь в ней идет об ответственности за конкретные виды угрозы.

Законодатель использует различные диспозиции статей: простые (ст. 125 УК РК), описательные (ст. 99 УК РК), ссылочные и бланкетные (ст. 461 УК РК). Как правило, используется абстрактный прием при создании диспозиций статей. Но при построении некоторых диспозиций статей используется казуистический прием (ст. 188-1 УК РК).

Конструкции составов преступлений в УК РК также многообразны: усеченные, формальные, материальные и др. Сложные состав преступлений, где содержатся несколько признаков элемента состава преступления, как правило, описаны путем перечисления в диспозиции статьи признаков через запятую.

Последовательность расположения статей, описывающих признаки основного, квалифицированного и привилегированных составов преступлений, совпадает с УК РФ (ст.ст. 99-103 УК РК).

Новые статьи и новые части располагаются в УК РК после статьи или части, близкой по содержанию с добавлением к ее номеру через «-» порядкового номера (например, ст. 188-1, ч.3-1 ст. 120 УК РК).

В Особенной части УК РК также встречаются примечания к статьям, которые различны по своим функциям. Однако еще одной отличительной чертой УК РК является то, что содержание некоторых понятий, которые используются в Особенной части УК РК, раскрывается не в примечаниях, как в УК РФ, а в Общей части УК РК в ст. 3 УК РК. Например, там раскрыто

содержание таких понятий, как хищение, виды ущерба, банда, вред здоровью и др. Однако есть и примечания, в которых также раскрывают содержание понятия (например, то, что понимается под «скотом», раскрыто в примечании к ст. 188-1 УК РК). Встречаются примечания, которые содержат специальные условия освобождения от ответственности (ст. ст. 255, 260 УК РК).

Взаимодействие Общей и Особенной части УК РК носит схожий с УК РФ характер, например, в ч.5 ст. 24 УК РК указано, что уголовная ответственность за приготовление к преступлению и покушение на преступление наступает по той же статье УК РК, что и за оконченное преступление, со ссылкой на соответствующую часть данной статьи¹. Такое положение предполагает, что в Особенной части УК РК нет необходимости дополнительно указывать на наказуемость приготовления к преступлению или покушения на преступление. Также в Общей части УК РК регламентируется ответственность соучастников преступления, а именно в ч. 3 ст. 29 УК РК указано, что ответственность организатора, подстрекателя и пособника наступает по статье, предусматривающей наказание за совершенное деяние, со ссылкой на ст. 28 УК РК, за исключением случаев, когда они одновременно являлись соисполнителями². Однако в статьях Особенной части УК РК также указывается на ответственность за пособничество экстремизму или терроризму (ст. 258 УК РК).

Особенная часть УК РК является по-своему уникальной. Она отражает реакцию законодателя на современные вызовы, сохраняет традиционные положения. Анализируя ее, нетрудно заметить, что законодатель старается опираться на исторический опыт построения своего уголовного закона, но и не боится использовать опыт зарубежных стран. В свете происходящих в Казахстане реформ, возможно, Особенная часть УК РК вновь будет

¹Уголовный кодекс Республики Казахстан. [Электронный ресурс]. URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=31575252&pos=3156;-54#pos=3156;-54 (дата обращения: 16 октября 2023 г.).

² Там же.

трансформирована, но с сохранением признания человека, его прав и свобод высшей ценностью.

К религиозной правовой семье относятся государства, например, с мусульманским правом. Для исследования построения Особенной части уголовного законодательства следует учитывать, что в этих государствах в качестве источника права значимую роль играют религиозные нормы и принципы.

В государствах мусульманского права в качестве источника права рассматривается шариат, но при этом, в некоторых из них может действовать кодифицированный уголовный закон. Например, в Иране действует Закон об исламских уголовных наказаниях, иначе в российском переводе его еще называют Уголовный кодекс Исламской Республики Иран (далее - Уголовный кодекс ИРИ). В Конституции этого государства закреплено, что оно является исламской республикой, которая основана на исламской религии, что законодательство должно соответствовать исламским принципам. Уголовное законодательство не является исключением. Как отмечает Ф.И. Акилов, «мусульманское уголовное право Ирана воплощает в себе то, что признается важнейшими религиозными ценностями»¹. Этот ученый указывает, что «Уголовный Кодекс ИРИ является основным и наиболее важным источником уголовного права, а в современном понимании и единственным»², что подтверждается судебной практикой. Судьи «при отправлении правосудия больше всего ссылаются на уголовный закон»³.

Уголовный кодекс ИРИ состоит из пяти книг⁴, или частей⁵. Они включают положения уголовного права и уголовного процесса. К Особенной части следует отнести книги (части) со второй по пятую Уголовного кодекса

¹ Акилов Ф.И. Уголовное право Исламской Республики Иран: становление, основные институты и тенденции развития: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. С.4

² Закон об исламских уголовных наказаниях Исламской Республики Иран. СПб., 2008. С. 6

³ Там же.

⁴ Тагибов Э.Ш. Уголовное законодательство Исламской Республики Иран // Мир современной науки. 2011. № 5. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ugolovnoe-zakonodatelstvo-islamskoy-respubliki-iran/pdf> (дата обращения: 16 октября 2023 г.).

⁵ Закон об исламских уголовных наказаниях Исламской Республики Иран. СПб., 2008. С. 6

ИРИ. Построение Особенной части Уголовного кодекса ИРИ имеет специфические черты. Например, книги объединяют преступления в зависимости от установленного за их совершение наказания.

Преступлением по УК ИРИ признается любое действие (бездействие), которое подлежит наказанию по этому закону (ст. 2 УК ИРИ). В ст. 41 главе 1 раздела 3 УК ИРИ установлены положения об ответственности за приготовление к преступлению. В примечании к ст. 43 УК ИРИ указано, что пособничество в преступлении подлежит отдельному наказанию, если это прямо предусмотрено исламским религиозным законам или государственными нормативными актами. Такое положение в Общей части УК ИРИ в определенной степени предопределяет содержание Особенной части УК ИРИ.

Книга (часть) 2 объединяет преступления, за которые предусмотрено так называемое «нормированное наказание», определенное Кораном¹, установленное шариатом² (книга 2 «Худуд»). Положение этой книги необходимо изучать совместно с Кораном, шариатом (свод законов, соответствующих требованиям Корана³). В ст. 13 УК ИРИ установлено, что нормированным признается такое наказание вид, размер и порядок исполнения которого определяется в соответствии с исламским религиозным законом.

В книге (части) 3 объединены преступления, за совершение которых предусмотрено наказание в виде возмездия («кисас»,⁴ или «касос»⁵)

¹Закон об исламских уголовных наказаниях Исламской Республики Иран. СПб., 2008. С. 6.

² Тагибов Э.Ш. Уголовное законодательство Исламской Республики Иран // Мир современной науки. 2011. № 5. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ugolovnoe-zakonodatelstvo-islamskoj-respubliki-iran/pdf>. (дата обращения: 16 октября 2023 г.).

³ Закон об исламских уголовных наказаниях Исламской Республики Иран. СПб., 2008. С. 6.

⁴ Там же. С. 7

⁵ Тагибов Э.Ш. Уголовное законодательство Исламской Республики Иран // Мир современной науки. 2011. № 5. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ugolovnoe-zakonodatelstvo-islamskoj-respubliki-iran/pdf>(дата обращения: 16 октября 2023 г.).

⁶ Закон об исламских уголовных наказаниях Исламской Республики Иран. СПб., 2008. С. 6.

⁷ Тагибов Э.Ш. Уголовное законодательство Исламской Республики Иран // Мир современной науки. 2011. № 5. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ugolovnoe-zakonodatelstvo-islamskoj-respubliki-iran/pdf>(дата обращения: 16 октября 2023 г.).

(возмездие). Согласно ст. 14 УК ИРИ возмездие назначается виновному лицу за преступления против жизни и здоровья, и это наказание равноценно вреду, причиненному этим преступлением.

В книге (части) 4 расположены преступления, за совершение которых предусмотрено наказание в виде материальной компенсации («дийа»,¹ или «Дият» (вира)²). Согласно ст. 15 УК ИРИ, вира есть материальное возмещение вреда, причиненное преступлением против жизни и здоровья.

В последней книге (части) 5 УК ИРИ расположены преступные деяния, за которое предусмотрено взыскание, налагаемое судом («тазират» или "Та'зирот")³ и сдерживающие (правоохраняемые) меры. Содержание судебных взысканий определено в ст. 16 УК ИРИ. Их вид и размер не устанавливаются исламским религиозным законом, а определяется по усмотрению судьи.

В Особенной части УК ИРИ встречаются статьи о преступлениях, которые не характерны для двух предыдущих семей права. За мужеложство, например, предусмотрено наказание в виде смертной казни (ст. 110 УК ИРИ)⁴, есть статьи об ответственности за употребление алкоголя (ст.ст. 165, 174 УК ИРИ), а в случае, если это будет совершено в третий раз, то в качестве наказания также указана смертная казнь (ст. 179 УК ИРИ). В законе существуют санкции, которые, например, предусматривают отсечение пальцев за кражу. При этом в ст. 297 УК ИРИ предусмотрена уплата виры, которая может быть произведена верблюдами, быками. Отдельно предусмотрена, например, ответственность беременной за аборт (статьи 48, 490, 491 УК ИРИ).

В 1996 году Особенная часть уголовного законодательства дополнена статьей об ответственности за оскорбление Имама (ст. 514 УК ИРИ). За совершение этого преступления предусмотрено наказание в виде лишения

¹ Закон об исламских уголовных наказаниях Исламской Республики Иран. СПб., 2008. С. 6

² Там же.

³ Тагибов Э.Ш. Уголовное законодательство Исламской Республики Иран // Мир современной науки. 2011. № 5. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ugolovnoe-zakonodatelstvo-islamskoj-respubliki-iran/pdf>(дата обращения: 16 октября 2023 г.).

⁴ Закон об исламских уголовных наказаниях Исламской Республики Иран. СПб., 2008. С. 6.

свободы. Например, покушение на жизнь духовного руководителя Ирана, представителя любой из трех ветвей власти или любого из высших духовных лиц наказывается тюремным заключением на срок от трех до десяти лет.

В Уголовном кодексе ИРИ можно встретить положения об ответственности за участие в экзамене под чужим именем (ст. 541 УК ИРИ), ответственности за появление женщины в общественных местах без хиджаба (ст.638 УК ИРИ).

Книги (части) состоят из глав, которые объединяют разделы. Разделы состоят из статей. Так, например, книга (часть) II содержит 8 глав. Каждая из глав посвящена одному из преступлений и наказанию за него. Главы о преступлениях располагаются в следующем порядке: прелюбодеяние (глава 1); мужеложство (глава 2); лесбиянство (глава 3); сводничество (глава 4); ложное обвинение (глава 5); употребление алкоголя (глава 6); вооруженное посягательство на общественный порядок (глава 7); кража (глава 8). Глава может состоять из разделов, объединяющих статьи (книга (часть) II глава 1 раздел 1), либо только из статей (книга (часть) II глава 1 раздел 2,3). Например, глава 1 книги (части) II «Нормированное наказание за прелюбодеяние» включает четыре раздела (характеристика и основания нормированного наказания за прелюбодеяние (раздел 1); способы установления факта прелюбодеяния в суде (раздел 2); виды нормированного наказания за прелюбодеяние (раздел 3); порядок исполнения нормированного наказания за прелюбодеяния (раздел 4). Таким образом, в главе объединены не только положения уголовного права, но и уголовно-процессуального права. Интересным выглядит и построение статей. Например, в главе 1 статье 63 раскрываются признаки состава прелюбодеяния¹. В этой статье содержится только диспозиция. В последующих статьях главы 1 также описаны случаи, когда лицо не подлежит ответственности. Санкции же содержатся в статьях раздела 3 этой же главы. Но в статьях главы 3 содержатся не только санкции,

¹ Закон об исламских уголовных наказаниях Исламской Республики Иран. СПб., 2008. С.72.

но и квалифицирующие и иные признаки. То есть в этих статьях осуществлена дифференциация ответственности за прелюбодеяние. При этом каждому наказанию посвящена отдельная статья. Например, за прелюбодеяние, совершенное женщиной мусульманкой с мужчиной не мусульманином, предусмотрено наказание в виде смертной казни (ст. 82). В этой же статье перечислены иные случаи, когда за прелюбодеяние должно назначаться наказание в виде смертной казни. В следующей статье перечислены признаки состава преступления, при наличии которых, наказание назначается в виде побития камнями (ст. 83)¹. В ст. 86 указаны основания неприменения наказания в виде побития камнями.

Книга (часть) III состоит из двух глав: о возмездии за причинение смерти (глава 1) и возмездие за телесное повреждение (глава 2). Глава 1 состоит из семи разделов: умышленное убийство (раздел 1); принуждение к убийству (раздел 2); соисполнители убийства (раздел 3); условия применения наказания в виде возмездия (разделов 4); условия подачи иска по факту убийства (раздел 5); способы установления факта убийства (раздел 6); порядок исполнения наказания в виде возмездия (раздел 7). Глава 2 включает два раздела: характеристика и основания наказания в виде возмездия за телесные повреждения (раздел 1) и условия и порядок исполнения наказания в виде возмездия за телесные повреждения (раздел 2). Например, в разделе 1 этой главы в ст. 269 УК ИРИ содержится диспозиция и санкция статьи, но в примечании содержится указание на наказуемость пособничества в совершении деяния, указанного в статье, и в этом же примечании указан вид и размер наказания за такое пособничество.

Книга (часть) IV достаточно объемная и содержит 13 глав: характеристика виры и случаи ее применения (глава 1); размер виры за причинение смерти (глава 2); сроки уплаты виры (глава 3); лица, ответственные за уплату виры (глава 4); основания ответственности за

¹ Закон об исламских уголовных наказаниях Исламской Республики Иран. СПб., 2008. С.72.

причинение вреда (глава 5); совершение преступления против жизни и здоровья несколькими лицами (глава 6); косвенное причинения вреда жизни и здоровья (глава 7); сочетание прямого и косвенного факторов или нескольких косвенных факторов (в причинении вреда) (глава 8); вира за причинение телесных повреждений (глава 9); вира за нанесение ран (глава 10); вира за причинение телесных повреждений, вызвавших изменение цвета кожи или появление гематомы (глава 11); вира за повреждение эмбриону (глава 12); вира за причинение телесных повреждений мертвому телу (глава 13) . Например, глава 9 содержит 25 разделов. Разделы касаются, например, виры за различные повреждения: зрения (раздел 21); обоняния (раздел 22); вкусового чувства (раздел 23); способности речи (раздел 24) и др.

Книга (часть) V была принята в 1996 году. Она состоит из разделов и статей, главы в ней не выделены. Эта книга больше остальных книг Уголовного кодекса ИРИ напоминает по структуре привычное деление Особенной части на структурные компоненты. Разделы выделены в зависимости от объекта посягательства. Статьи чаще всего состоят из диспозиций и санкций. В книге (части) V 29 разделов: преступления против внутренней и внешней безопасности страны (раздел 1); оскорбление религиозных святынь. Покушение на жизнь государственных деятелей страны (раздел 2); покушение на жизнь государственных деятелей зарубежных стран (раздел 3); изготовление и распространение поддельных монет (раздел 4); фальсификация и подлог документов (раздел 5); повреждение и уничтожение печатей и пломб. Хищение документов из помещений государственных органов (раздел 6); побег из места заключения. Укрывательство лиц, виновных в совершении преступления (раздел 7); незаконное использование званий и должностей (раздел 8); повреждение имущества, имеющего историческую и культурную ценность (раздел 9); правонарушения, совершенные представителем власти (раздел 10); взяточничество, получение незаконной прибыли, мошенничество (раздел 11); отказ от выполнения обязанностей, установленных законом (раздел 12); должностные преступления работников

государственных органов (раздел 13); неподчинение представителю власти (раздел 14); оскорбление чести и достоинства (раздел 15); организация преступного сообщества и преступный сговор (раздел 16); преступления против личности и несовершеннолетних (раздел 17); преступления против общественной морали и нравственности (раздел 18); нарушение семейных прав и обязанностей (раздел 19); ложные клятва и свидетельство. Разглашение тайны (раздел 20); хищение чужого имущества (раздел 21); угроза и насилие (раздел 22); банкротство (раздел 23); злоупотребление доверием (раздел 24); причинение ущерба имуществу и животному (раздел 25); нарушение неприкосновенности жилища и другого недвижимого имущества (раздел 26); клевета и оскорбление чести и достоинства (раздел 27); публичное употребление алкогольных напитков, игра в азартные игры, бродяжничество (раздел 28); нарушение правил дорожной безопасности (раздел 29).

Статьи УК ИРИ могут состоять из диспозиции и санкции, а могут включать только диспозицию, или только санкцию. Диспозиции могут быть простыми, описательными, ссылочными и бланкетными. Например, в ст. 655 УК ИРИ содержится указание на то, что покушение на какое-либо из указанных выше преступлений, перечисленных в предыдущих статьях, наказывается. Расположены не последовательно, а «смешаны» диспозиции и санкции в статьях 651 и 656 УК ИРИ. В ст. 650 УК ИРИ содержатся положения о дополнительном наказании. В книгах II- IV при построении диспозиций статей законодатель нередко использует казуистический прием. В книге V, наоборот, наблюдается стремление к использованию абстрактного приема и построение этой части закона по образцам современных кодексов континентальной правовой семьи. Именно в книге V статьи состоят из диспозиций и санкций, в части второй статьи описываются признаки квалифицированного состава преступления (ст. 504, 505 УК ИРИ).

Как правило, части или пункты в статьях Особенной части УК ИРИ не выделены, за исключением книги V, например, в статье 639 УК ИРИ пункты обозначены буквами.

Санкции могут быть абсолютно определенными (сто ударов кнутом – ст.ст. 88, 129 УК ИРИ), относительно-определенными (ст. 499 УК ИРИ).

В статьях Особенной части содержится указание на наказуемость покушения (ст. 613 УК ИРИ, примечание к ст. 621 УК ИРИ), а также на наказуемость пособничества (ст. 594 УК ИРИ, примечание к ст. 612 УК ИРИ).

Иранский законодатель достаточно активно использует примечания к статьям. Они выполняют различные функции. В примечании 2 к ст. 675 УК ИРИ указано, что покушение на совершение «данного преступления»¹ наказывается тюремным заключением на срок от одного года до трех лет, а в примечании к этой же статье оговаривается, что если указанные в статье деяния совершены в целях борьбы с исламской властью, они расцениваются как вооруженное посягательство на общественный порядок. В примечании к ст. 666 УК ИРИ указано, что наличие у виновного трех судимостей за совершение хищения лишает суд права учитывать при назначении наказания смягчающие обстоятельства. Встречаются и такие примечания, где содержатся основания освобождения от наказания (ст. 553 УК ИРИ).

Особенная часть УК ИРИ также отражает специфические черты религиозной правовой семьи, но и свидетельствует о заимствовании опыта зарубежных стран в технике построения уголовного законодательства (книга V).

Особенная часть Уголовного кодекса Китая 1997 года (далее – УК КНР)² включает в свою структуру, как и Особенная часть УК РФ, три структурных компонента, но в отличие от современного российского уголовного закона, Особенная часть – это и есть раздел II уголовного закона Китая, а структурные компоненты названы главы, параграфы и статьи. Параграфы не являются обязательным структурным компонентом всех глав и наличествуют лишь в некоторых главах. Заголовки характерны для глав и параграфов, но в отличие

¹ Закон об исламских уголовных наказаниях Исламской Республики Иран. СПб., 2008. С.316.

² См.: Уголовный кодекс Китая / под ред. проф. А.И. Коробеева и проф. А.И. Чучаева, пер. с китайского проф. Хуан Даосю. М., 2017. 256 с.

от УК РФ, отсутствуют у статей. Такое построение ближе к структуре первых советских уголовных кодексов.

Глава – самый крупный структурный компонент Особенной части УК КНР. В Особенной части уголовного закона Китая их десять. Российский уголовный закон имеет более дробную структуру и включает шесть разделов, объединяющих девятнадцать глав. Опять же по количеству глав УК КНР ближе к советским уголовным законам. Например, Особенная часть УК РСФСР 1922 года на момент ее принятия состояла из восьми глав, а Особенная часть УК РСФСР 1926 года – из девяти. В названии глав в УК КНР чаще всего обозначен объект уголовно-правовой охраны (преступления против государственной безопасности, преступления против порядка управления и общественного порядка и др.). Однако есть исключения, например, глава «Коррупция и взяточничество». Последовательность расположения глав в Особенной части УК КНР существенно отличается от последовательности в УК РФ, но в некоторой степени схожа с последовательностью расположения глав в Особенных частях советских уголовных кодексов. Первыми в Особенной части УК КНР расположены главы о посягательствах на государственную и общественную безопасность, экономический порядок, затем – о посягательствах на личность, собственность, порядок управления и общественный порядок, оборону страны, коррупционные посягательства, должностные преступления и последняя глава посвящена преступлениям против воинского долга¹. Однако, например, расположение преступлений против личности в главе 4 не свидетельствует о явном приоритете охраны государственных интересов. За убийство в качестве одного из видов наказания предусмотрено самое суровое наказание - смертная казнь. Смертная казнь допустима за любое убийство (в том числе и простое), если отсутствуют смягчающие обстоятельства.

¹ См.: Чанхай Лун, Коробеев А.И., Чучаев А.И. Уголовный кодекс КНР: совершенствование в процессе реализации (к 20-летию со дня принятия) // Lex Russica. 2018. № 3 (136). С. 130-131.

Интересным является содержание глав Особенной части УК КНР. Так, например, в УК РФ в разделе о преступлениях против личности выделено пять глав. В УК КНР глава 4 объединяет различные посягательства на права личности и демократические права граждан. В ней объединены и известные российскому исследователю преступления против личности: убийство, изнасилование, развратные действия, похищение и др. В этой же главе, например, предусмотрена ответственность за ложный донос, применение пыток к лицу с целью получения показаний, избиение заключенных надзирателями тюрем и другие преступления, которые в российском праве имеют иной основной объект уголовно-правовой охраны и расположены, например, в главе о преступлениях против правосудия. В главе 4 УК КНР есть преступления, которые присутствовали в советском уголовном законе. Например, по УК КНР наказуемо повторное вступление в брак при наличии супруга (ст. 258 УК КНР), по УК РСФСР 1960 года предусматривалась ответственность за двоеженство, многоженство (ст. 235 УК РСФСР 1960 г.). Есть и специфические преступления, характерные для китайского уголовного закона и неизвестные российскому, например, сожительство или вступление в брак с лицом, заведомо являющимся супругой (супругом) лица, находящегося на действительной военной службе (ст. 259 УК КНР).

Несмотря на схожесть некоторых положений Особенной части УК КНР с уголовным кодексом РСФСР, в ней отражены и передовые идеи, «опережающие» по своему содержанию современный российский уголовный закон. Например, незаконное изменение человеческих геномов, клонирование эмбрионов (ст. 334.1 УК КНР), имплантирование генно-модифицированного, клонированного человеческого эмбриона в тело животного и наоборот (ст. 336.1 УК КНР), освобождение или выброс инопланетных инвазивных видов (ст. 344.1 УК КНР)¹. Таким образом, Особенная часть УК КНР представляет

¹ Пан Дунмэй Новые направления развития уголовного законодательства в современном Китае: обзор изменений китайского уголовного законодательства // Всероссийский криминологический журнал. 2021. Т.15. № 1. С. 122-123.

собой уникальное сочетание как современных, так в определенном смысле устарелых положений.

Одной из специфических черт УК КНР является отсутствие отдельного структурного компонента, посвященного преступлениям против мира и безопасности человечества. Напомним, что в советских уголовных кодексах он тоже отсутствовал.

Число статей, объединенных в главы, изначально в Особенной части УК КНР больше, чем в Особенной части УК РФ. Статьи в Особенной части УК КНР пронумерованы, но не имеют заголовков. Части не пронумерованы, но на их наличие указано в самом уголовном законе (например, ст. 104, 109 УК КНР). Китайский законодатель использует различные виды диспозиций статей: простые (ст. 108 УК КНР и др.), ссылочные (ст. ст. 105, 149, 218 УК КНР и др.), бланкетные (ст. 141 УК КНР и др.). Например, в диспозиции статьи может содержаться название конкретного закона, нарушение которого указанными в УК КНР способами может влечь применение уголовного наказания (ст. 255, 343 УК КНР). Непривычным для современного российского исследователя является изложение части диспозиции, затем санкции, продолжения диспозиции. Так, в статьях Особенной части УК КНР может быть указано: «совершение любого из нижеперечисленных действий», затем следовать санкция, после которой названы эти действия (ст. ст. 110, 169-1, 170, 177-1, 225, 226 УК КНР). Дефиниции также встречаются в Особенной части УК КНР, но их немного (например, ст. ст. 141, 142, 219 УК КНР). Примечательной особенностью УК КНР является раскрытие содержания понятий, используемых в Особенной части УК КНР, в отдельных статьях Общей части УК КНР. Так, например, в ст. 91 УК КНР раскрыто содержание понятия общей собственности, в ст. 95 УК КНР – тяжких телесных повреждений, в ст. 97 УК КНР – главаря. Ответственность в статьях Особенной части УК КНР дифференцирована, но в них может содержаться общая формулировка – «при наличии» смягчающих, отягчающих или особо отягчающих обстоятельств. Конкретные обстоятельства в статье могут быть

не перечислены законодателем (ст. 120-4 УК КНР). Также в статьях Особенной части УК КНР могут наличествовать рекомендации по квалификации. Например, в ст. 149 УК КНР указано: «квалифицируются и наказываются в соответствии с положениями указанных статей».

Санкции статей Особенной части УК КНР также разнообразны: альтернативные (ст. 259 УК КНР), относительно-определенные (ст. 258 УК КНР), абсолютно-определенные (ч. 2 ст. 121 УК КНР), ссылочные (ч. 2 ст. 102, 259 УК КНР). Законодатель может указать санкцию статьи, которая применяется в данном случае, т.е., например, в ст. 259 УК КНР указано, что лицо несет ответственность по ст. 236 УК КНР. Санкция может содержать отсылку к предыдущей части, например, «наказывается более строго в пределах санкции части первой настоящей статьи» (ст. 104, 109 УК КНР), «наказывается по вышеуказанному правилу» (ст. 133-1 УК КНР). Такого рода санкции, например, встречались в УК РСФСР 1922 года (например, ст. 58 УК РСФСР 1922 г.). В УК РФ подобные санкции отсутствуют, и это, на наш взгляд, преимущество отечественного законодательства. Если деяния, перечисленные в статье, содержат состав другого преступления, то в Особенной части УК КНР может быть указано: «наказывается по санкции за более тяжкое из преступлений» (ст. 133-1 УК КНР). Не встречается в российском уголовном законе таких санкций, где определено, например, «наказываются лишением свободы на срок десять и более лет» (ст. 104 УК КНР).

В Особенной части УК РФ преступления, совершенные умышленно и по неосторожности, как правило, находятся в различных статьях. Еще одной особенностью УК КНР является наличие статей, где в части первой могут содержаться признаки умышленного преступления, а в части второй – неосторожного (ст. 119 УК КНР).

Законодатель использует различные конструкции составов преступлений по моменту окончания. Например, если проанализировать главу 1 Особенной части УК КНР, то в ней не обнаруживается материальных

составов преступлений. Однако последняя статья этой главы (ст. 113 УК КНР) уточняет, что, если в результате совершения указанных в главе преступлений, за исключением некоторых, в случае наступления перечисленных в статье 113 УК КНР последствий, может применяться смертная казнь. Таким образом, материальные составы преступления в этой главе присутствуют, однако последствия вынесены в общую для всей главы статью. Этот тип построения не характерен для российского уголовного закона.

Помимо материальных, формальных и усеченных составов преступлений, используется конструкция деликта создания опасности (например, ст. 114 УК КНР). В Особенной части УК КНР, например, широко применяется деликт соучастников (ст. 104, ст. 120, ст. 120-1 УК РФ) и др. виды составов преступлений.

Важной концептуальной отличительной спецификой Особенной части УК КНР от УК РФ является наличие статей, предусматривающих наказание для юридических лиц, совершивших преступление (ст. 211 УК КНР).

В Особенной части УК КНР имеются и статьи, которые не содержат признаков составов преступлений и санкции, а указывают на определенные действия в отношении осужденного и порядок их совершения (ст. 212 УК КНР). Однако отсутствие таковых в российском уголовном законе является скорее преимуществом.

В статье может быть указано «при отягчающих обстоятельствах» (ч. 2 ст. 253.1 УК КНР), но сами обстоятельства в статье не названы. Санкция «наказываются в соответствии с первой частью настоящей статьи»¹, «строго в пределах санкции части первой настоящей статьи»². Кроме того, значение имеет практика применения УК КНР. Как отмечает Пан Дунмэй, «кроме того, юридическое толкование может в определенной степени помочь преодолеть неоднозначность законодательной регламентации и направить судебную

¹ Пан Дунмэй Уголовно-правовая защита персональной информации граждан в Китае: доктрина, законодательная регламентация, правоприменение // Всероссийский криминологический журнал. 2021. Т. 16. № 1. С. 123.

² Там же.

практику»¹, суды «восполняют недостатки уголовного законодательства в этой области»². Он, например, отмечает, что «в настоящее время в Китае существует два способа криминализации деяний, которые наносят серьезный вред обществу. Один из них заключается во внесении изменений в действующее уголовное законодательство путем принятия Поправок к УК КНР, а другой — в расширении толкования уже имеющихся деяний путем опубликования разъяснений к существующим в УК КНР положениям уполномоченными на это органами»³.

Отдельно Пан Дунмэй указывает на верификацию содержания статей Особенной части УК КНР: «...если целью уголовного закона не является защита правовых благ, то предусмотренные в нем составы преступлений являются незаконными или неконституционными»⁴. Исследователь замечает, что «уголовный закон — это палка о двух концах: при верном использовании выиграют как отдельные люди, так и общество, а при неправильном применении пострадают и отдельные люди, и общество»⁵.

Особенная часть УК КНР уникальна, она содержит положения, которые воспринимаются и как устаревшие, специфические, и как современные. В ней есть черты Особенной части советских уголовных законов, УК РФ, так и опережающие идеи. Изменения в УК КНР вносятся редко, но, как видится, концептуально обоснованно. В качестве векторов развития видится сокращение в санкциях статей указания на смертную казнь, криминализация новых деяний⁶. Однако и криминализация обоснована изменением социальных, экономических условий. По законодательной технике Особенная часть УК КНР уступает УК РФ: то, что ранее использовалось в советском

¹ Пан Дунмэй Уголовно-правовая защита персональной информации граждан в Китае: доктрина, законодательная регламентация, правоприменение // Всероссийский криминологический журнал. 2021. Т. 16. № 1. С. 125.

² Там же.

³ Цит. по Пан Дунмэй Уголовно-правовая защита персональной информации граждан в Китае: доктрина, законодательная регламентация, правоприменение // Всероссийский криминологический журнал. 2021. Т. 16. № 1. С. 131.

⁴ Там же. С. 125.

⁵ Там же. С. 132.

⁶ Пан Дунмэй, Чжао Бинчжи, Васильев И.А. Проблемы криминализации деяний в уголовном праве Китая // Всероссийский криминологический журнал. 2019. Т.13. № 1. С. 142-151.

уголовном законе и от чего отказался современный российский законодатель, еще присутствует в Особенной части УК КНР. Из положительного опыта видится реакция современного китайского законодателя на изменение социальных и экономических условий, достаточно редкое и обоснованное, комплексное изменение Особенной части УК КНР.

Все чаще исследователи относят то или иное уголовное законодательство к смешанному типу, поскольку чаще оно имеет черты нескольких правовых семей. Особенная часть уголовного законодательства есть национальный продукт, он может обладать общими чертами с иными уголовными законами, но в любом случае будет изменен в силу социальных, экономических, политических особенностей того общества, где он регулирует отношения.

На содержание Особенной части УК КНР оказывают определенное влияние экономические отношения с европейскими странами.

Особенная часть УК Казахстана, например, имеет черты, сформированные под влиянием советского прошлого, а также новые идеи, пришедшие из европейского уголовного законодательства, адаптированные под особенности условий внутри государства.

А.В. Наумов отмечает, что в начале XXI в. происходит сближение уголовного законодательства различных государств: «...французское уголовное право отказалось едва ли не от самого «святого» принципа – признание субъектом уголовной ответственности только физических лиц и перешло на позиции, присущие уголовному праву системы общего права », « ... в том же направлении стало развиваться китайское уголовное право как социалистическое право», « ... в странах общего права соотношение нормативного уголовного права, выраженного в законе, и прецедент в уголовном праве все больше приобретает черты конкретизации закрепленной в законе уголовно-правовой нормы», « ... в связи с функционированием

Европейского Суда по правам человека в уголовном праве стран романо-германской системы возрастает роль судебного прецедента»¹.

К концу первой четверти XXI века мы отчасти наблюдаем и обратные процессы. Однако полагаем, что это временное явление, обусловленное современной геополитической ситуацией. Будущее для человечества видится в сближении уголовного законодательства различных правовых систем с сохранением и учетом специфических национальных, политических, экономических черт конкретного государства. Без последнего условия уголовное законодательство не будет эффективным в конкретном государстве, в котором оно создается.

Таким образом, можно прийти к следующим выводам по результатам исследования Особенной части уголовного законодательства зарубежных стран:

1. Особенная часть уголовного законодательства уникальна, она отражает специфические социальные, политические, экономические, исторические условия внутри конкретного государства. Попытка типологизации Особенных частей различных уголовных законодательств облегчает исследование, позволяет выявить общие черты и закономерности, но она не позволяет установить уникальность каждой Особенной части. Типологии такого рода условны.

2. В качестве примеров Особенной части законодательства семьи общего права рассмотрены некоторые уголовные законы Англии и США.

В Англии отсутствует единый кодифицированный уголовный закон, поэтому нельзя полноценно проанализировать технику построения Особенной части как структурного компонента закона. В этой правовой семье интерес представляет опыт построения Особенной части уголовных законов отдельных штатов США. Здесь существуют уголовные законы, где статьи

¹Наумов А.В. Влияние норм и принципов международного права на сближение уголовного права различных систем // Уголовное право в XIX веке: материалы Международной научной конференции на юридическом факультете МГУ им. М.В. Ломоносова 31 мая-1 июня 2001 г. М., 2002. С.18.

Особенной части о преступлениях располагаются в алфавитном порядке. Такой опыт построения Особенной части уголовного закона вряд ли применим к российской действительности. Называние основного ключевого слова для определения места в алфавитном порядке, наверняка, вызовет затруднения и потребует существенных временных затрат только для того, чтобы расположить статьи в таком порядке, а измененная последовательность статей скорее всего не окажет существенного влияния на удобство применения отечественного уголовного закона. Казуистический же прием изложения диспозиций статей, который преобладает в законах этой правовой семьи, для отечественной практики применения, как показал опыт, также вызывает вполне закономерные затруднения. Построение уголовного закона нужно анализировать с учетом пределов судебного усмотрения. В этой правовой системе они достаточно широкие, что обусловлено, в том числе, историческими традициями формирования правовой системы и вряд ли применимо в России.

3. Особенная часть уголовного закона государств континентальной системы рассмотрены на примере УУ ФРГ и УК Франции. В уголовном кодексе Франции структурный компонент уголовного кодекса, который допустимо отнести к Особенной части, не назван законодателем «Особенной частью». В Германии Особенная часть в Уголовном Уложении ФРГ выделена как самостоятельный структурный компонент и наименована. И во Франции, и в Германии, в отличие от России, уголовное законодательство не является полностью кодифицированным. Наряду с кодексом (уложением) существуют и другие законы, содержащие нормы уголовного права.

Интересным с точки зрения опыта построения Особенной части уголовного закона является структурирование Особенной части этих уголовных законов. Во Франции она достаточно сложная, многоуровневая, иерархическая («книга-раздел-глава-отделение-отдел-параграф-статья»). В Германии – наоборот, более простая («глава-параграф»), за исключением главы первой, где выделены разделы.

Во Франции через последовательность расположения структурных компонентов осуществлена попытка передать иерархию провозглашаемых ценностей, приоритет охраны прав личности. В Германии, несмотря на признание приоритета охраны прав и свобод человека, последовательность расположения структурных компонентов обусловлена больше историческими традициями, поэтому вначале расположены преступления против мира, государственная измена и создание опасности для демократического государства.

В Особенной части кодифицированных уголовных законов Франции и Германии основания освобождения от уголовной ответственности, специальные положения, раскрытие содержания понятий, дополнительные последствия и т.д. вынесены в отдельные статьи внутри того компонента Особенной части уголовного закона, к которой они относятся.

Во Франции существует отдельный компонент, касающийся военных преступлений.

Для Особенной части уголовных законов континентальной семьи характерен высокий уровень законодательной техники, преобладание использования абстрактного приема при построении диспозиций статей, как правило, используются относительно-определенные санкции.

4. Особенная часть уголовного законодательства постсоциалистической семьи права дает представление о вариантах альтернативного построения Особенной части уголовного закона, чаще всего разработанных с опорой на общие фундаментальные идеи, характерные для бывших советских республик.

5. Особенная часть уголовного закона религиозной правовой семьи исследуется для понимания специфики регулирования общественных отношений в этих государствах, ценности охраняемых объектов, вариантов построения законов.

Построение Особенной части Уголовного кодекса Исламской Республики Иран (Уголовный кодекс ИРИ) имеет специфические черты. Например, книги объединяют преступления в зависимости от установленного

за их совершение наказания. В Особенной части Уголовного кодекса ИРИ встречаются статьи о преступлениях, которые не характерны для двух предыдущих семей права. Достаточно сложная система построения Особенной части уголовного закона вряд ли приемлема для заимствования опыта, но может обсуждаться вопрос о представлении об общественной опасности и наказуемости тех или иных деяний в этой группе государств.

6. Особенная часть уголовного законодательства социалистической правовой семьи рассмотрена на примере УК КНР. Особенная часть УК КНР уникальна, она содержит положения, которые воспринимаются как устаревшие, специфические, так и современные. В ней есть черты Особенной части как советских уголовных законов, УК РФ, так и опережающие идеи. По законодательной технике Особенная часть УК КНР уступает УК РФ: то, что использовалось ранее в советском уголовном законе и от чего отказался современный российский законодатель, еще присутствует в Особенной части УК КНР. В качестве положительного опыта можно отметить редкое и комплексное изменение Особенной части УК КНР.

РАЗДЕЛ II. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ И ТЕХНИКА ПОСТРОЕНИЯ ОСОБЕННОЙ ЧАСТИ УГОЛОВНОГО ЗАКОНА

Глава 1. Теоретико-методологические основы построения Особенной части уголовного закона

§ 1. Методологические предпосылки построения Особенной части уголовного закона

В науке существуют различные точки зрения на понимание методологии и методологических предпосылок. Мы исходим из того, что методология есть «понятие интегральное, объединяющее в себе ряд компонентов: мировоззрение и фундаментальные теоретические концепции, диалектические категории и законы, общенаучные и частные методы»¹. Таким образом, методология – это не просто совокупность методов исследования. Методологический уровень – это «основанная на определенной гносеологической парадигме теоретическая или концептуальная модель (позиция), лежащая в основе изучения и интерпретации предмета и результатов исследования»². При этом «метод позволяет узнать одну из сторон изучаемого явления» (он является «вектором поиска и действия»), а методология позволяет установить «сущность данного явления» (ее можно назвать «системой координат»)³. Таким образом, методологические предпосылки построения Особенной части уголовного закона представляют собой систему фундаментальных теоретических взглядов и идей, через призму которых понимается сущность уголовного закона и его Особенной части. В настоящем параграфе рассматриваются вопросы, которые закладывают ту

¹ Полный курс уголовного права: в 10 т. Т.1. Введение в уголовное право. Гносеологические основы уголовного права / под ред. д-ра юрид. наук, проф., заслуженного деятеля науки РФ А.И. Коробеева. СПб., 2021. С. 14-15.

² Горшков М.К., Шереги Ф.Э. Прикладная социология: методология и методы. М., 2011. С. 10.

³ Полный курс уголовного права: в 10 т. Т.1. Введение в уголовное право. Гносеологические основы уголовного права / под ред. д-ра юрид. наук, проф., заслуженного деятеля науки РФ А.И. Коробеева. СПб., 2021. С. 14-15.

«систему координат», в которой, по нашему мнению, создается и исследуется Особенная часть уголовного закона, те предпосылки, которые определяют ее сущность и содержание.

Основы построения Особенной части уголовного закона можно представить в виде двух взаимосвязанных плоскостей. Первая – метафизическая (философская) плоскость, или плоскость идей. В ней существует (проявляется) концепция (основные положения - идеи), которая впоследствии будет воплощена в законе. Здесь осуществляется поиск ответа на вопрос, что должно быть отражено в Особенной части уголовного закона, что предопределяет ее содержание; происходит соотношение таких понятий, как уголовное право и уголовный закон, норма права и статья закона; определяется «дух» закона; формулируется то, что подлежит уголовно-правовой охране, какие ценности, принятые в обществе и государстве в момент разработки и принятия уголовного закона, следует отразить и ранжировать в виде объектов преступлений и их «вертикального» и «горизонтального» деления. Через определение этих ключевых понятий происходит формирование сущности, содержания Особенной части уголовного закона, ее «наполнение».

Вторая плоскость техническая, или плоскость формы, где оценивается построение Особенной части уголовного закона с точки зрения законодательной техники. Здесь находится ответ на вопрос о том, как строить закон таким образом, чтобы воплотить идею (выбор конструкций составов преступлений и наказания; избрание того или иного варианта диспозиции и санкции статей, а также примечаний к ним; объединение статей в главы, разделы и другие структурные компоненты УК РФ; язык уголовного закона в Особенной части). Верный выбор техники построения статей, глав, разделов и иных компонентов, определенная последовательность их расположения позволяет выразить идеи уголовного закона, представить иерархию уголовно-правовых ценностей, облегчает понимание и применение уголовно-правовых предписаний. Вместе с тем, как уже отмечалось ранее, при выявлении основ

построения Особенной части нельзя ограничиться исключительно анализом только ее технической стороны, не затронув тематику основных идей уголовного закона. В противном случае, как справедливо отмечал Н.Д. Сергиевский, уголовный кодекс предстанет перед нами «не сводом норм, выработанных действительной жизнью», а «системой более или менее удачных, или неудачных канцелярских правил»¹.

Исследование сущности УК РФ и его составных частей, осмысление понятий преступления и наказания, криминализации и пенализации, которые со всей однозначностью влияют на содержание уголовного закона, - темы самостоятельных научных исследований. В настоящей диссертации они затрагиваются лишь в той степени, в которой способствуют раскрытию основ построения Особенной части уголовного закона как его парного структурного компонента.

Возвращаясь к двум обозначенным плоскостям, отметим, что они взаимосвязаны, одна не существует без другой. Однако они и взаимозависимы: идея может быть искажена, если неверно использован технический инструментарий. От точного понимания идеи и воплощения ее в уместную законодательную форму зависит ее трансляция обществу: будет ли она правильно передавать содержание охраняемых ценностей, верно ли ее воспримут те, к кому она обращена.

Однако существует и обратная ситуация, когда из текста закона и контекста его принятия ученые-юристы моделируют его «дух». По сути норма права и юридические конструкции являются одними (но не единственными) из созданных в социуме моделей, которые способствуют объединению идей, смыслов и форм. Только комплексное видение этих двух плоскостей способствует возможности формирования концепции построения Особенной части уголовного закона.

¹ См.: Сергиевский Н.Д. Философские приемы и наука уголовного права // Журнал гражданского и уголовного права. 1878. Кн. 2. С. 82.

«Идеологическая» плоскость Особенной части уголовного закона тесно связана с типами правопонимания. Зачастую юридическая наука не только ведет за собой законодательную практику, но может вкладывать в нее определенное содержание¹. Тип правопонимания исследователя, как правило, становится ясен из его трудов, а законодателя - по представленному законопроекту или вносимым в него изменениям, вектору происходящих законодательных трансформаций. До настоящего времени в науке признается существование многообразия типов правопонимания², допускается возможность их классификации по различным основаниям³.

Заметное влияние на представления о содержании Особенной части уголовного закона оказали два направления – позитивистский тип правопонимания и правопонимание, характерное для школы естественного права.

Позитивистский тип правопонимания выводит содержание норм права «не столько из условий жизни общества (политических, экономических, духовных), сколько из воли законодателя»⁴. Однако внутри правового позитивизма существуют различные подходы (например, антропологический позитивизм, социологический позитивизм⁵ и др.). При крайнем – легистском – подходе уголовный закон и есть право, которое, согласно названному подходу, создается государством и выражается в законе. Т. Гоббс суть этого подхода выразил так: «Правовая сила закона состоит только в том, что он является приказом суверена»⁶. Г.Ф. Шершеневич полагал, что право есть «произведение государства»⁷, выражение интереса властвующих, а государственная власть не связана правом и стоит над ним⁸. В.М. Сырых

¹ См. Фельдштейн Г.С. Главные течения в истории науки уголовного права в России. М., 2014. С. 4.

² Нерсесянц В.С. Философия права. М., 1997. С.16-40.

³ Морозова Л.А. Теория государства и права: Учебник. М., 2007. С.181; Проблемы теории государства и права: учебник / Под ред. В.М. Сырых. М., 2008. С. 41.

⁴ Чучаев А.И. Уголовно-правовые взгляды Н.Д. Сергиевского: монография. М., 2017. С. 12.

⁵ См.: Баранов П.П. Легистский позитивизм в современной России // Северо-Кавказский юридический вестник. 2015. № 1. С. 10.

⁶ Гоббс, Т. Левиафан или материя, форма и власть государства церковного и гражданского. М., 1936. С. 214.

⁷ Шершеневич Г.Ф. Общая теория права. М., 1911. С. 281.

⁸ См.: Русская философия права. Антология. М., 1999. С. 187.

отмечал, что советский курс общей теории права «был не чем иным, как курсом Г.Ф. Шершеневича, лишь немного причесанным под марксизм»¹. В качестве негативных сторон легистского позитивизма в специальной литературе отмечено, что «здесь право полностью отождествляется с законом, а сам закон трактуется абсолютно формально»². Кроме того, «право, в позитивистском понимании, - это то, что находится в распоряжении государственной власти»³. Существенным недостатком такого подхода является отсутствие критерия соотношения права и закона. Опыт XX века продемонстрировал мировому сообществу «опасность реализации легистско-позитивистской модели правовой системы»⁴, поскольку потенциально любой произвол может быть облачен в форму закона, где право выступает всего лишь инструментом в руках государства⁵. В таком контексте вместо охраны прав личности, общества, государства уголовный закон может стать орудием борьбы с «внутренним врагом», с инакомыслием, оппозицией и критиками действующей власти, а для введения новой статьи в Особенную часть уголовного закона утрачивает значение криминологическое, научное обоснование, соотношение содержания закона с какими-либо провозглашёнными ценностями (например, свободой, справедливостью, равенством), становится достаточно формального обоснования введения нового структурного компонента либо вообще отсутствие какого-либо обоснования. В таком понимании преступно и наказуемо то, что считает преступным и наказуемым действующая власть и то, что она закрепляет в уголовном законе, а норма рождается с законом и с его отменой отмирает. Предпосылкой для подобного подхода к пониманию права послужила идея «*nullum crimen sine lege*», которая строилась на совершенно иных основаниях, когда закон стал восприниматься как «изъявление общей воли, символ борьбы

¹ Сырых В.М. Логические основания общей теории права. Элементный состав. В 2 т. Т. 1. М., 2004. С. 37.

² Мальцев Г.В. Понимание права. Подходы и проблемы. М., 1999. С. 158.

³ Четвернин В.А. Введение в курс общей теории права и государства: Учебное пособие. М., 2003. С. 21.

⁴ Проблемы теории государства и права: учебник / Под ред. В.М. Сырых. М., 2008. С. 69.

⁵ См.: Нерсесянц В.С. Философия права. М.: Норма, 1997. С. 554; Проблемы теории государства и права: учебник / Под ред. В.М. Сырых. М., 2008. С. 55.

с абсолютизмом монархов, триумф естественной справедливости, основанной на разуме»¹. Однако со временем произошла трансформация этой идеи. Как справедливо отмечено в юридической науке, «кодексы, к коим так стремились теоретики естественного права, породили поколение позитивистов, считавших, что не только закон, но и право вообще является делом рук законодателя»².

Появление потребности в идеальном, абстрактно-теоретическом критерии для оценки права и законодательства³ создало предпосылки для формирования идей естественной школы права, которые в той или иной степени не утратили своей актуальности до настоящего времени. Идеи школы естественного права рассматриваются, по обыкновению, как противоположные идеям позитивистского типа правопонимания. Они опираются на представления о том, что существует некий идеал, который позволяет оценивать правовую природу позитивного права. Г.Д. Гурвич отмечал, что «изучение проблем естественного права становится наиболее интенсивным в эпохи кризиса, конфликтов между существующим правом и новаторскими тенденциями, стремлениями. Во времена великих реформ и особенно революций естественное право всегда играло существенную роль»⁴. Оценка права И. Кантом, как «самого святого, что есть у Бога на Земле»⁵, выражает отношение к праву как определяющей категории, ключевому звену правосознания людей в гражданском обществе⁶. Право выступает как «вечное, неизменное, абсолютное; подлинное, разумное, истинное; нравственное, человеческое, справедливое»⁷, за что естественно-правовой тип понимания права и критиковался. Идеалы права являются абстрактными, они не имеют

¹ Кабрияк Р. Кодификация. М., 2007. С. 58-59.

² Там же. С. 103.

³ См.: Нерсесянц В.С. Философия права. М., 1997. С. 554; Проблемы теории государства и права: учебник / Под ред. В.М. Сырых. М., 2008. С. 44.

⁴ Гурвич Г.Д. Философия и социология права. СПб., 2004. С. 297.

⁵ Кант И. Сочинения на немецком и русском языках. В 4 т. Т. 1. М., 1993. С. 141.

⁶ Мороз Е.Н. Правовая норма как ценность: автореф. ... канд. юрид наук. Челябинск, 2013. С. 13.

⁷ Попов М.Ю., Стрелецкий Я.И. К вопросу о классификации типов правопонимания // Общество и право. 2006. № 4 (14). С. 85.

единого понимания для всех, нет критерия их установления, выявления, согласования.

Философы задаются вопросом о том, кто тот человек или инстанция, которые могли бы определить истинное содержание права и соотнести его с содержанием закона. Например, «свобода», «справедливость», «достоинство» могут обретать различное понимание в зависимости от субъекта толкования, времени, пространства, религии и других факторов. Кроме того, эти понятия могут иметь различное содержание даже в одном государстве в различные периоды времени. Н.Д. Сергиевский отмечал другую крайность, состоящую в том, что «школа естественного права возлагала на законодателя обязанность внести эти идеальные начала в закон и, таким образом, превращала законодательную деятельность в акт вполне самостоятельного субъективного произвола законодателя, создающего закон посредством своих «умозрительных» рассуждений»¹.

Таким образом, возникает впечатление о существовании «замкнутого круга», когда и сторонники позитивизма, и сторонники идей школы естественного права сталкиваются с тем, что преступления и наказания должны содержаться в уголовном законе (его Особенной части), но при этом уголовный закон не может быть принят никем иным, кроме законодателя, с его представлениями, ценностями, политическими пристрастиями и другими чертами.

В науке уголовного права существуют и иные течения – со своими доводами относительно природы, содержания права и закона, их соотношения и пр. Например, социологический тип правопонимания, который рассматривают и как самостоятельный вид, и как вариант позитивного типа правопонимания. Социологический подход ищет причины и сущность права в обыденной жизни, а не в каком-либо идеале, как это делает естественно-правовая школа. Считается, что социологический подход зародился в трудах

¹ Чучаев А.И. Уголовно-правовые взгляды Н.Д. Сергиевского. М., 2017. С. 153.

Р. Иеринга, который предложил исследовать юриспруденцию интереса, когда процесс познания права связан не с анализом законодательных текстов, а с изучением социальных интересов, лежащих в основе тех или иных законодательных решений¹. В итоге этот ученый-юрист пришел к выводу, что право представляет собой защищенный государством интерес². Защита происходит путем закрепления этого интереса в законодательстве, а реализация его обеспечивается принудительной силой государства. Идеи Р. Иеринга были восприняты и распространены в России в XIX веке и оказали влияние на развитие социологического направления в теории права. М.М. Ковалевский полагал, что право есть «отражение степени достигнутой обществом солидарности»³. Для изучения Особенной части уголовного закона этот подход имеет особое значение. Как отмечено в теории права, «наибольшее влияние социологическое понимание права оказало на развитие эмпирических исследований в области уголовного права и формирование новой науки – криминологии»⁴. К группе ученых, придерживающихся социологического подхода к пониманию права, относят И.Я. Фойницкого, Е.Н. Тарновского, С.К. Гогеля, М.Н. Гернета и др. Изучение причин построения закона связывается не с поиском идеала, а с реальными условиями жизни общества. До 30-х годов XX века влияние социологического подхода было заметным и в науке уголовного права, и на практике, но позднее оно ослабевает. Возрождается в России он примерно во второй половине XX – начале XXI века⁵ и не утрачивает своей актуальности до настоящего времени. В качестве недостатка социологического подхода в теории права называют то, что он «не позволяет сформулировать критерии, с помощью которых можно было бы определить, какие сложившиеся в форме обычая социальные нормы имеют правовую природу и могут рассматриваться в качестве источника

¹ См.: Проблемы теории государства и права: учебник / Под ред. В.М. Сырых. М., 2008. С. 47.

² Там же.

³ Ковалевский М.М. Сочинение в двух томах. Социология. Т. 1. СПб., 1997. С. 88.

⁴ Проблемы теории государства и права: учебник / Под ред. В.М. Сырых. М., 2008. С. 60.

⁵ См.: Байтин М.И. Сущность права. М., 2005. С. 46.

права, а какие относятся к сфере нравственности, религии, делового обыкновения и др.»¹.

Еще одно направление, на которое следует обратить внимание, исследуя вопрос о соотношении права и Особенной части уголовного закона, - антропологическое. По определению Г.В. Мальцева, «тот пласт реальности, который изучает юрист антрополого-позитивистской ориентации, представлен эмоциями, переживаниями, подсознательными реакциями, интуицией, генетическими программами поведения»².

Отличие антропологического направления от социологического состоит в том, что «социологический тип правопонимания видит истоки «живого» права в социальных отношениях между людьми, а антропологический делает акцент на природно-биологических характеристиках человека как субъекта права»³. Этот тип правопонимания также можно встретить при отграничении преступного от непроступного, формировании содержания Особенной части уголовного закона.

Предполагается, что после господства позитивизма в России в советские годы, к концу XX века отечественные исследователи и законодотворцы обратились ко взглядам, близким непозитивистскому правопониманию и, опираясь на них, создавали законы Российской Федерации, в том числе и Особенная часть УК РФ. Как утверждает В.А. Четвернин, в XX веке «шел медленный процесс сближения действующего законодательства с идеальными стандартами естественного права»⁴. Однако скорее стоит говорить о попытке сделать этот тип правопонимания доминирующим, но не единственно существующим. В науке уголовного права можно встретить работы, которые строятся на идеях и позитивизма, и социологического подхода, и др. Однако в первой четверти XXI века все чаще звучит мнение, что все-таки преобладающим типом правопонимания в России был и остается легистский

¹ Проблемы теории государства и права: учебник / Под ред. В.М. Сырых. М., 2008. С. 63.

² Мальцев Г.В. Понимание права. Подходы и проблемы. М., 1999. С. 151.

³ Проблемы теории государства и права: учебник / Под ред. В.М. Сырых. М., 2008. С. 69.

⁴ См.: Четвернин В.А. Современные концепции естественного права. М., 1988. С. 47.

позитивизм, когда «законы представляют собой само право, независимо от их содержания»¹. И с этим отчасти можно согласиться. В таком контексте важным является понимание того, какие идеи и факторы влияют на содержание Особенной части современного уголовного закона. Даже если признавать, что преобладающим типом правопонимания является позитивизм, в российской юриспруденции до настоящего времени существует такое понятие, как «правовой закон». Содержание его связано с представлением о естественных неотчуждаемых правах личности, которые присущи каждому человеку от рождения. Именно в период нового времени «правовым законом признается лишь такой долговременный, необходимый и разумный законодательный акт, предписания и запреты которого совпадают с требованиями «естественного разума» как носителя естественного права². В науке отмечалось, что «подлинным законом» юридический закон можно признать лишь тогда, когда «в его лице бессознательный естественный закон свободы становится сознательным государственным законом»³. Предложено называть десять признаков такого закона⁴. К ним, например, относятся: опора на конституционные принципы при его создании; гарантия неприкосновенности неотчуждаемых личных прав и свобод, сохранность и неприкосновенность личного достоинства и безопасность гражданина. Согласно этим признакам, правовому регулированию подлежат лишь внешне-деятельные аспекты жизни; духовная жизнь гражданина, и его убеждения не подлежат властному регулированию⁵. Д.А. Керимов полагал, что при построении закона законодатель должен руководствоваться общепризнанными принципами права⁶. Все эти характеристики важны для создания правового уголовного закона и его Особенной части. Так как уголовный закон является одним из самых суровых законов, содержащих

¹ Баранов П.П. Легистский позитивизм в современной России // Северо-Кавказский юридический вестник. 2015. № 1. С. 10.

² Кемеров В.Е. Современный философский словарь. М., 1998. С. 57.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т.1. М., 1955.С. 282-283.

⁴ Кемеров В.Е. Современный философский словарь. М., 1998. С. 58.

⁵ Там же.

⁶ Керимов Д.А. Законодательная техника: научно-методическое и учебное пособие. М., 2021. С.4.

серьезные ограничения прав и свобод человека, и его применение влечет за собой существенные изменения, а также последствия для жизни конкретного человека, он всегда должен соотноситься с критериями правового закона. Определенная сложность, однако, заключается в том, что человечество постоянно находится в поисках содержания и определения принципов и идеалов права, а также других немаловажных категорий. Чаще всего их содержание раскрывается через оценочные понятия, они имеют широкий объем, который может наполняться неодинаковым смыслом в зависимости от конкретных обстоятельств. Как показано в главе 2 раздела I, в различных правовых системах и сами принципы, и их содержание могут существенно отличаться. В одних государствах закон не должен противоречить религиозным нормам (в исламских странах – законам шариата), а в других закон должен основываться на «высшем праве», основанном на разуме и естественной справедливости¹. Однако и сама справедливость может обретать различное очертание в определенную эпоху и в конкретном государстве, быть обусловлена особенностями политического режима, отражением социальных, экономических и иных условий на определенном временном промежутке.

В первой четверти XXI века стало вполне ясно, что ни распространение позитивистских взглядов, ни популяризация идей школы естественного права не гарантируют принятие правового закона, хотя и могут влиять на содержание нормативного правового акта. Однако понимание разницы подходов необходимо для формирования предпосылок в целях разработки, построения и принятия Особенной части уголовного закона. Научное обоснование построения Особенной части уголовного законодательства необходимо создавать с учетом существующих различных типов правопонимания, которые закладывают фундамент здания уголовного кодекса и его составных компонентов, позволяют осуществить поиск критериев его совершенствования для охраны прав личности, общества, государства.

¹ Керимов Д.А. Законодательная техника: научно-методическое и учебное пособие. М., 2021. С.4.

Перспектива видится не в выборе одного из типов правопонимания с исключением других взглядов, а возможность их объединения для достижения цели – построения Особенной части правового уголовного закона, пригодного для регулирования общественных отношений в России без ущемления прав и свобод человека, интересов государства и общества. Ю. Е. Пермяков обоснованно утверждает, что нельзя «думать, будто естественное и позитивное право повествуют о разных предметах: одно – о «гармонии мироздания», о естественном порядке вещей, а другое – о «продукте цивилизации», то есть об искусственном порядке, установленном властью¹. Этот ученый-юрист отмечает, что «законодательство, практика его применения – словом, все, что именуется правовой жизнью, существует не наряду с «естественным» правом, а как его единственная возможная историческая форма. Исходя из этих предпосылок, «естественное» и «позитивное» содержание права, будучи абстрактно противоположными друг другу сторонами, в исторической практике образуют единое смысловое целое, одно конкретно-историческое явление, в котором следует признавать право как таковое, право как образуемую усилиями современников историческую реальность и состоявшийся исторический факт»². Р.А. Ромашов образно сравнивает формальные источники права с золотыми изделиями, являющимися на самом деле «изделиями из золотосодержащих сплавов, в которых доля «чистого золота» колеблется в зависимости от установленной «пробы»³. По мнению этого исследователя, «не имеет смысла противопоставлять право как субстанцию и закон (прецедент, договор, обычай и др.) как форму точно так же, как бессмысленно противопоставлять золото и золотосодержащее изделие»⁴. Неслучайно в науке появился интегративный тип правопонимания, который направлен не просто на объединение преимуществ различных подходов. Он призван «синтезировать теоретически

¹ Пермяков Ю.Е. Юридические доктрины естественного права. М., 2022. С. 24.

² Там же. С. 32.

³ Ромашов Р.А. Право: нормативность и девиантность: монография. СПб., 2018. С. 37.

⁴ Там же.

значимые моменты, проработанные конкурирующими научными теориями: нормативный аспект права и его специфический механизм функционирования в государстве – у этатистского подхода; субъективно-деятельностный аспект – у социологической школы; восприятие права как ценности – у юснатурализма; психическую составляющую права – у сторонников психологической школы и т.д.»¹.

Достижение человеческой мысли - «*nullum crimen sine lege*» - не позволяет мыслить конкретные виды преступлений и наказаний вне уголовного кодекса и его Особенной части. Этот постулат должен сохраняться и в современных условиях. «Применение «естественного права» помимо и вне исторической реальности не порождает особо «идеального» правопорядка»², «идеал не может быть противопоставлен факту как своей противоположности, поскольку он присутствует уже в самом «факте»³. Однако не все, что признано преступным и наказуемым в уголовном законе, воспринимается в качестве такового, а значит, право не исчерпывается законом. «Ощущение» неправового, несправедливого уголовного закона может возникать у личности или общества, что заставляет искать ответ вне легистского позитивизма. Это значит, что есть какое-то внешнее «мерило» вне закона, которое позволяет соотносить ценности, принятые в обществе, с законом, «верифицировать» Особенную часть уголовного закона как правовую и справедливую. При построении Особенной части уголовного закона нельзя абстрагироваться от того, что существует в обществе и государстве в период ее разработки и принятия. Преступления и наказания, которые закреплены в Особенной части уголовного закона, не просто «порождаются» законом, они должны быть социально обусловлены временем и пространством. Эту мысль так или иначе выразили ученые разных направлений юридической науки. Представитель немецкой исторической школы права Г.Ф. Пухта писал, что «воздействие

¹ Поляков А.В. Общая теория права. Курс лекций. СПб., 2001. С. 125.

² Пермяков Ю.Е. Юридические доктрины естественного права. М., 2022. С. 33.

³ Там же.

народного духа нигде не является более естественным, как в уголовном праве»¹. Русский юрист и общественный деятель Н.Д. Сергиевский подчеркивал, что «составители проекта не могут ограничиться ни готовым историческим законодательным материалом, ни образцовыми западными кодексами, ни, наконец, теми идеалами, которые более или менее устанавливаются в науке»². Советский и российский учёный-правовед Д.А. Керимов отмечал, что «в отличие от законодательства право является объективным феноменом, вырабатывается исторически в процессе общечеловеческого общения, познания и деятельности»³. Нельзя построить закон вне времени, пространства, вне ценностей, существующих в обществе на определенном этапе его развития. При построении Особенной части уголовного закона это достигается в определенной степени за счет обращения к представленным в науке принципам и правилам криминализации и декриминализации, пенализации и депенализации, поскольку они позволяют выявить и отразить в законе его социальную обусловленность. Только с учетом социальных, экономических и политических условий внутри государства, межотраслевого взаимодействия норм действующего национального законодательства, а также на основании совокупности данных, в том числе статистических и криминологических исследований, возможно приблизиться к созданию более совершенной по содержанию Особенной части УК РФ. В основу Конституции Российской Федерации были заложены некоторые идеи естественно-правовой доктрины, а именно в статье 2 Конституции РФ указано, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Этому подходу и придерживался законодатель при построении Особенной части уголовного закона. Так, чтобы подчеркнуть приверженность этой концепции правопонимания, законодатель в 1996 году отказывается от традиционной для советского периода структуры Особенной части УК, где

¹ Цит. по Чучаев А.И. Уголовно-правовые взгляды Н.Д. Сергиевского: монография. М., 2017. С. 42.

² Сергиевский Н.Д. Современные задачи уголовного законодательства в России // Журнал гражданского и уголовного права. 1883. Кн. 3. С.115.

³ Керимов Д.А. Законодательная техника: научно-методическое и учебное пособие. М, 2021. С.4.

первая глава была посвящена государственным преступлениям, а описывает в первом разделе Особенной части преступления против личности. Однако не все удалось содержательно в реализации этой идеи¹. Однако не полное ее претворение в жизнь вовсе не свидетельствует, что постулаты, которые старались отразить составители проекта Уголовного кодекса РФ 1996 года, по своей сути неверны – они основываются на Конституции РФ, а также на общепризнанных принципах и нормах международного права, которые не утратили своей актуальности и сегодня.

Стоит учитывать, что речь идет об идеальных теоретических представлениях о создании закона. В реальной действительности на его содержание и форму могут оказывать влияние различные, совершенно не связанные в единую идею факторы. Ученые стремятся упорядочить их в теории, объединить в соответствующие группы (социальные, политические, экономические, культурные, религиозные и др.), установить, в какой форме они проявились.

В Особенной части уголовного закона описаны те преступления, которые в конкретный момент времени и в конкретном государстве признаются законодательной властью уголовно наказуемыми деяниями, а через правопонимание, соотношение с различными критериями принятия, построения закона, устанавливается, является ли то, что закреплено в законе, правом, воспринимается ли преступление как преступление, а наказание как справедливое наказание.

Для принятия Особенной части правового уголовного закона, кроме того, необходимо: 1) верифицировать, действительно ли через положения закона подлежат охране общечеловеческие ценности, правовое государство и общественная безопасность, среда обитания человека и др.; 2) учитывать социальные, экономические, политические, традиционные, культурные условия в государстве в момент принятия уголовного закона; 3) соотнести

¹ Кленова Т.В. О совместимости публичного и частного интересов в уголовном праве // Уголовное право. 2006. № 2. С. 42

каждую статью с основными принципами: равенства, свободы, справедливости и др.

Существуют различные предложения по определению содержания «идеального права». За основу можно взять, например, предложенную В.С. Нерсесянцем концепцию. Он сформулировал критерии «идеального права», с которым сопоставляется закон. По его образному выражению, «право – математика свободы»¹. Сущность права есть единство трех составляющих: всеобщей равной меры регуляции общественных отношений, свободы и справедливости. Именно принцип формального равенства, по мнению этого ученого, служит критерием правового характера закона. В.С. Нерсесянц предлагал конкретную меру оценки соответствия закона праву: «Позитивное право является правом лишь в той мере, в какой в нем нашло отражение формально равенство участников регулируемых отношений, что, в свою очередь, означает, что норма позитивного права соответствует требованиям свободы и справедливости»². Он считал, что «правовой закон как искомое соответствие закона (явления) требованиям принципа формального равенства (сущность права) – это адекватное и полное выражение права в его официальной признанности»³. Результаты исследования этого ученого не утратили своей актуальности и могут учитываться при построении отечественного уголовного закона.

А.А. Пионтковский указывал на то, что уголовное право представляет собой сложную науку, включающую в себя криминологию, уголовную политику и уголовную догматику⁴. Все эти знания в совокупности необходимо использовать для понимания основ построения Особенной части уголовного закона. Отдельного исследования требуют вопросы криминализации (декриминализации) и пенализации (депенализации), позволяющие учесть

¹ Нерсесянц В.С. Право-математика свободы. М., 1996. С. 35.

² Проблемы теории государства и права: учебник / Под ред. В.М. Сырых. М., 2008. С. 85.

³ Нерсесянц В.С. Философия права: либертарно-юридическая концепция // Вопросы философии. 2002. № 3. С. 8.

⁴ См.: Пионтковский А.А. Наука уголовного права, ее предмет, задачи, содержание и значение // Избранные труды: в 2 т. Т. 1. Казань, 2004. С. 181.

социальную обусловленность уголовного закона, а «криминализация деяний, выявление их сравнительной опасности - центральная и наиболее сложная задача уголовного права»¹. И она до сих пор решается в науке.

Р.А. Ромашов в качестве одного из средств выявления правотворческих ошибок видит процедуру обсуждения проекта нормативно-правового акта среди специалистов и среди широкой общественности, которая сможет оценить его «с точки зрения его соответствия устоявшимся в обществе традициям и представлениям о морально-этических ценностях»². Такая процедура в определенной степени имела место и при принятии УК РСФСР 1922 года, и при принятии УК РФ 1996 года. Она была бы полезна и для разработки модели Особенной части российского уголовного закона в современных условиях.

Особенная часть уголовного закона – творение своего времени и исторического пространства, в котором она воплощена.

Значение Особенной части уголовного закона состоит в том, что, во-первых, она представляет упорядоченную совокупность статей (подсистему) единой системы уголовного закона, отражающих нормы уголовного права, направленных на охрану наиболее важных общественных отношений от преступных посягательств.

Во-вторых, создание и применение Особенной части содействуют реализации принципа законности, поскольку она содержит исчерпывающий перечень деяний, признаваемых внутри государства преступными (если уголовное законодательство кодифицировано), проводит границу между преступным и не преступным. Аналогия закона в современном уголовном праве России недопустима (ст. 3, 14 УК РФ).

Далее, Особенная часть уголовного закона, определяя границы преступного, объем запретов и обязываний, фиксирует область дозволенного, своего рода меру свободы человека. Здесь допустимо сравнение Особенной

¹ Чучаев А.И. Уголовно-правовые взгляды Н.Д. Сергиевского. М., 2017. С. 45.

² Ромашов Р.А. Право: нормативность и девиантность: монография. СПб., 2018. С. 57.

части уголовного закона с хартией личной свободы (Франц фон-Лист)¹, мерой ограничения личной свободы карательной властью государства (И.Я. Фойницкий).

Наконец, исходя из положений ст. 2 УК РФ, Особенная часть уголовного закона является нормативно-правовой базой предупреждения преступности. Уголовно-правовое предупреждение должно быть основано на законе. Составным элементом права является норма. Норма уголовного права «материализуется» через статью уголовного закона. Последняя - одна из форм бытия уголовно-правовой нормы². При определении основ построения Особенной части уголовного закона задача состоит в том, чтобы понять, как через статью УК «материализовать» норму уголовного права. Таким образом, общий вопрос о соотношении уголовного права и уголовного закона неизбежно приводит к постановке вопроса о соотношении нормы уголовного права и статьи уголовного закона, а также о пути ее отражения в статьях всего уголовного закона и его Особенной части.

Существует общее определение нормы права, предложенное в теории государства и права. Однако в уголовном праве оно конкретизировано с учетом специфики отрасли права.

Так, Я.М. Брайнин указывал на два аспекта уголовно-правовой нормы. С одной стороны, это «правило поведения, которое ... устанавливается и непосредственно формулируется в уголовном законе как руководящее начало для органов прокуратуры, следствия и суда по применению уголовного закона»³, то есть когда определен круг субъектов, которые потенциально будут обращаться к ней (к норме уголовного права) на практике, принимать процессуальные решения. С другой стороны, - «общее для всех правило поведения, которое берется под охрану уголовного закона от преступных посягательств»⁴, то есть она (норма уголовного права) обращена ко всем.

¹ См.: Лист Ф. Задачи уголовной политики. Преступление как социально-патологическое явление. М., 2021. С. 47.

² См.: Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. Том I. СПб., 1912. С. 56.

³ Брайнин Я. М. Уголовный закон и его применение. М., 1967. С. 15.

⁴ Там же.

Закон, по мнению этого правоведа, «акт государственной власти, содержащий или устанавливающий нормы права. Правовые нормы как правила поведения составляют содержание закона, который в свою очередь является формой выражения права»¹. Я.М. Брайнин писал, что «уголовно-правовая норма всегда предполагает существование охраняемых ею правовых или моральных норм, которые входят, таким образом, в логическую структуру уголовно-правовой нормы»².

М.И. Ковалев полагал, что норма уголовного права как «определенное правило поведения» обладает двумя характеристиками. Во-первых, имеет общеобязательную силу, а во-вторых, уголовно-правовую санкцию за его нарушение или несоблюдение³. По мнению этого ученого-юриста, сущность уголовного закона выражает именно норма права, которая и является его содержанием. Однако он же обращает внимание на то, что норма «не может быть сведена к статье закона, так как статья – лишь техническое оформление нормы права»⁴.

В XXI веке российскими учеными предложены и иные определения уголовно-правовой нормы: «рассчитанное на многократное применение, законодательно оформленное правило, в котором регламентируется поведение субъектов уголовно-правового правоотношения: и физического лица, и государства»⁵; «установленное государством общеобязательное правило социального поведения, получившее выражение посредством системы нормативных предписаний и регламентирующее поведение участников отношений, связанных с совершением преступления и назначением за него наказания либо иной меры уголовно-правового характера»⁶; «общеобязательное для исполнения или руководства при совершении действий правовое положение, которое может иметь форму правила

¹ Брайнин Я. М. Уголовный закон и его применение. М., 1967. С. 15.

² Там же. С. 22.

³ Ковалев М.И. Советское уголовное право. Курс лекций. Выпуск 2. Свердловск, 1974. С. 21.

⁴ Там же. С. 21.

⁵ Кленова Т.В. Основы теории кодификации уголовно-правовых норм. М., 2001. С. 11-12.

⁶ Филимонов В.Д. Норма уголовного права. СПб., 2004. С. 213.

поведения, в том числе с мерой уголовной ответственности за его нарушение, и форму принципа, правового определения, декларации, т. е. форму правоположения, которые закрепляют важнейшие понятия уголовного права»¹ и др. обсуждаемые в доктрине определения².

Норма права представляет собой «клеточку» уголовного права, а «клеточкой» уголовного закона является статья. В статьях уголовного закона (и его Особенной части) должны быть выражены общеобязательные правила поведения, несоблюдение которых признается преступлением и наказывается. Идеальным является максимальное соприкосновение права и закона, нормы права и законодательной материи. Различные типы правопонимания сходятся в том, что право не всегда есть закон, а то, что закреплено в законе, не всегда является правовым по своей сути, и это замечание относится к любой отрасли законодательства и права. В доктрине уголовного права до настоящего времени нет единства мнений между соотношением понятий «статья уголовного закона» и «норма уголовного права». Это и неудивительно при существующей широкой палитре понимания последней. Нередко в отечественных исследованиях закон и право соотносят как форму и содержание. «Статья — это конструктивная составляющая закона, в то время как норма представляет собой элемент уголовного права, содержащий в себе обязательное правило поведения»³. И.Я. Козаченко пишет, что норма выражает сущность уголовного закона и именно поэтому не может быть сведена к статье, то есть техническому оформлению нормы права⁴. С одной стороны, норма права «оживает» через уголовный закон или иной нормативный акт (если уголовный закон не является единственным источником), с другой стороны, именно норме права придают значение чего-

¹ Лопашенко Н. А. Основы уголовно-правового воздействия: уголовное право, уголовный закон, уголовно-правовая политика. СПб., 2004. С. 121–122.

² См.: Новоселов Г.П. Уголовно-правовая норма: понятие, содержание, структура // Российское право: образование, практика, наука. 2015. № 6. С. 15.

³ Уголовное право. Общая часть. Преступление. Академический курс. Уголовный закон. Законодательная техника. В 10 т. Т. 4. / под ред. Н.А. Лопашенко. М., 2016. С. 188–189.

⁴ Уголовное право. Общая часть / под ред. В.Н. Петрашева (автор главы — И.Я. Козаченко). М., 1999. С. 63.

то ценного, идеального, «выработанного» обществом, что не всегда можно сказать о статье закона.

Однако в доктрине представлены и иные мнения. Так, А.П. Чирков указывает, что «весь перечень реальных уголовно-правовых норм мы можем определить исходя из того их количества, которое находит отражение в статьях Особенной части УК»¹. Но с этим утверждением вряд ли можно согласиться, поскольку нормы представлены в уголовном законе в целом, а не сконцентрированы в одной из его частей.

Оригинальное мнение в своих работах излагает Г.П. Новоселов. Он отмечает, что «содержание и форма – это категории, раскрывающие разные стороны одних и тех же предметов или явлений. Стало быть, и уголовный закон (его статья), и уголовно-правовая норма имеют собственные содержание и форму»². Таким образом, по мнению этого ученого, статья и норма являются самостоятельными предметами с отличной друг от друга формой и содержанием, с чем тоже вряд ли можно согласиться в полной мере.

Интересной представляется терминология, использованная в опросе, который проводил в рамках своего диссертационного исследования С.А. Маркунцев. Он задал вопрос о соотношении понятий «уголовно-правовой запрет» и «запрещающая уголовно-правовая норма Особенной части УК РФ»³.

Думается, что нормы Особенной части УК РФ не существует, есть статья Особенной части УК РФ или норма уголовного права. Однако следует заметить, что в науке термины «статья», «норма», «Общая часть» и «Особенная часть» употребляются применительно и к праву, и к закону. Так, Я.М. Брайнин считал, что необходимо различать нормы Общей и нормы Особенной части уголовного законодательства⁴. В.П. Коняхин, определяя теоретические основы построения Общей части уголовного права, указывает

¹ Чирков А.П. Некоторые проблемы соотношения системы уголовного права и системы уголовного законодательства // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2012. Вып. 9. С. 81–84.

² Новоселов Г.П. Уголовно-правовая норма: понятие, содержание, структура // Российское право: образование, практика, наука. 2015. № 6. С. 15.

³ Маркунцев С.А. Теория уголовно-правового запрета: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2015. С. 467.

⁴ Брайнин Я. М. Уголовный закон и его применение. М., 1967. С. 15.

на то, что «под структурой системы Общей части российского уголовного права следует понимать иерархическое строение и совокупность устойчивых связей относительно самостоятельных уголовно-правовых институтов и их нормативных предписаний, получивших формальное закрепление в разделах, главах и статьях Общей части уголовного закона и обеспечивающих сохранение уголовным правом его целостности и выполнение основных функций при изменениях правовой среды, в том числе самого уголовного закона»¹. Таким образом, В.П. Коняхин выделяет Общую часть уголовного права как самостоятельный компонент уголовного права, который находит свое отражение в статьях Общей части уголовного закона. Р.Г. Асланян переносит эти идеи в плоскость Особенной части уголовного права².

В доктрине широко используются сочетания «Общая часть уголовного права» и «Особенная часть уголовного права». И вряд ли научное сообщество согласится от них отказаться. В приверженности этим формулировкам отчасти видится наследие позитивистского понимания права, когда право есть закон. Однако считаем, что более верным является утверждение, что Особенная часть представляет собой структурный компонент уголовного закона. В уголовном праве нет Общей и Особенной части. Как справедливо замечает Е.В. Благов, «нет в природе» норм общей части и норм особенной части уголовного права³. Ю.Е. Пудовочкин указывает, что «деление уголовного права на общую и особенную часть справедливо исключительно для внешней формы выражения права – уголовного закона; только в законе возможно выделение общей и особенной части, уголовное право (если рассматривать его как систему норм) не может знать такого деления, поскольку состоит из единых уголовно-правовых норм»⁴. Также полагаем, что более уместно употреблять понятия «статья Особенной части уголовного закона» и «норма

¹ Коняхин В.П. Теоретические основы построения Общей части уголовного права: дис. ... д-ра юрид. наук. Краснодар, 2002. С. 13.

² См.: Асланян Р.Г. Особенная часть российского уголовного права: проблемы теоретического строения и системные параметры: монография / под ред. докт. юрид. наук, проф. В.П. Коняхина. М., 2023. С. 26.

³ Благов Е.В. Норма уголовного права: структурный аспект / отв. ред. Е.В. Благов // Категориальный аппарат уголовного права и процесса: сб. науч. тр. Ярославль, 1993. С. 94.

⁴ Пудовочкин Ю.Е. Учение об основах уголовного права. Лекции. М., 2012. С. 79.

уголовного права», а не «норма Особенной части уголовного права» или «норма Особенной части уголовного закона».

Попытка найти соотношение между нормой права и статьей уголовного закона выразилась во введении в научный оборот такого понятия, как «нормативное предписание». Оно не является специфическим для отрасли уголовного права, а используется и в других отраслях права. В доктрине понятие «нормативное предписание» рассматривается как составная часть нормы. В.П. Коняхина указывает, что нормативное предписание - это не норма права, а структурный элемент правовой нормы¹. Если оценить определения, которые предложены в современной доктрине, то можно прийти к выводу, что через нормативное предписание ученые-юристы пытаются соотнести статью уголовного закона и норму уголовного права. Это то самое «связующее звено», которое позволяет обнаружить «равновеликие» части различных структур права и закона. С.С. Алексеев писал, что «нормативные предписания - это первичная элементарная частица самой правовой материи, с которой совпадает исходная единица правового текста»². Нормативное предписание уголовного права — это закрепленный в рамках отдельного тезиса статьи уголовного закона структурный элемент уголовно-правовой нормы, содержащий описание наиболее общих и (или) специфических признаков конкретных преступлений и наказаний, либо иных мер уголовно-правового характера, предусмотренных за их совершение³.

Близкие взгляды изложены в работах Ю. Е. Пудовочкина. Он считает, что нормативные предписания, выступающие частью логической реальной правовой нормы, в большей степени, нежели правовые нормы, связаны со структурой уголовного закона, поскольку каждому нормативному предписанию соответствуют пункт, часть, статья данного закона⁴.

¹ Коняхин В.П. Теоретические основы построения Общей части российского уголовного права. СПб., 2002. С. 43; Кленова Т.В. Структура уголовно-правовой нормы и выражение ее предписаний в законодательстве // Государство и право. 1998. С. 80-84.

² Алексеев С.С. Структура советского права. М., 1975. С. 86

³ Уголовное право. Общая часть. Преступление. Академический курс. В 10 т. Т. 2. Система, источники и структура уголовного права. Принципы уголовного права / под ред. Н.А. Лопашенко. М., 2016. С. 213.

⁴ Пудовочкин Ю.Е. Учение об основах уголовного права. Лекции. М., 2012. С. 79

Существуют и другие определения нормативного предписания: «логически завершенное положение, прямо сформулированное в тексте акта государственного органа и содержащее обязательное для других лиц, организаций решение государственной власти» (А.В. Мицкевич)¹; «элементарное, цельное, логически завершенное государственно-властное веление нормативного характера, непосредственно выраженное в тексте нормативного правового акта» (С.А. Маркунцев)². Нормативное предписание определяется также как универсальная базовая единица и системы уголовного права, и системы уголовного законодательства (М.Л. Давыдова)³. Н.Т. Идрисов приходит к выводу, что «нормативно-правовое предписание – первичная единица системы уголовного законодательства и правоприменения»⁴. Этот ученый-юрист утверждает, что нормативно-правовое предписание представляется в качестве не только правового, но и социального явления⁵, что является дискуссионным. Однако, думается, первичная единица законодательства и первичная единица права – это не одно и то же. Хотя как раз введение категории «нормативного предписания» и приводит к тому, что статья и норма «соединяются» в одной плоскости. Введение наряду с «нормой права» понятия «нормативное предписание» - это все та же попытка найти ответ на вопрос о том, как соотносится норма права и статья закона, о том, как норма права проявляет себя в реальности. Введение категории «нормативного предписания» создает определенную иллюзию найденного ответа. Выстраивается логическая цепочка. Статья содержит нормативное предписание. Статья (или какая-то ее часть) становится равной нормативному предписанию. «Сложенные», «объединенные» в систему нормативные предписания создают норму права. Т.В. Кленова указывает, что

¹ Мицкевич А.В. Избранное. М., 2010. С. 36.

² Маркунцев С.А. О соотношении понятий «уголовно-правовой запрет» и «запрещающая уголовно-правовая норма» // Российский юридический журнал. 2013. № 2. С. 124.

³ Давыдова М.Л. Нормативно-правовые предписания в российском законодательстве: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2001. С. 45.

⁴ Идрисов Н.Т. Об уголовном нормативно-правовом предписании в системе законодательства и правоприменения // Право и политика. 2017. № 10. С. 65.

⁵ Там же. С. 68.

«наделенные специальными функциями: гипотезы, диспозиции или санкции, правовые предписания, взаимодействуя, образуют самостоятельные уголовно-правовые нормы»¹. Таким образом, если нормативное предписание есть гипотеза, диспозиция, санкция или их часть, то не до конца ясно, в чем его специфика как составного элемента нормы права.

Норма «оживает», как правило, посредством отражения ее в нормативно-правовом акте. Ее сложно установить и выявить, если она не проявила себя ни в какой форме. В этом плане, кажется, легче установить, является ли то, что отражено в законе, нормой права. При построении Особенной части уголовного закона законодатель должен понимать идеалы, ценность права, но и условия, в которых принимается закон. Нормативное предписание отчасти снимает вопрос о соотношении нормы права и статьи закона, поскольку получается, что все, что есть, например, в Особенной части УК РФ, – это отраженные нормативные предписания. Но возникает вопрос: если «собрать» нормативные предписания, не станет ли норма права порой лишь абстракцией. Особенно если опираться не только на постулаты позитивистского подхода. Отказываться от активно используемого термина «нормативное предписание» вряд ли целесообразно, но по своей сути он позволяет в некоторой степени уйти от ответов на более сложные вопросы: из чего состоит норма уголовного права и как она представлена в уголовном законе.

При построении статьи Особенной части уголовного закона, думается, необходимо руководствоваться не только созданием нормативного предписания, а моделировать норму права и соотносить ее с уже существующими нормами, которые затем отражаются в статьях закона. Без понимания гипотезы, диспозиции и санкции трудно выявить соответствие между правом и законом. Этот кропотливый труд требует временных и интеллектуальных затрат. К сожалению, при построении Особенной части

¹ Кленова Т.В. Основы теории кодификации уголовно-правовых норм. М., 2001.С. 154.

уголовного закона, как правило, теоретически не моделируется норма, которая будет отражена в законе, что в результате может привести к законотворческим ошибкам. Ни одна статья Особенной части уголовного закона не содержит полностью все части нормы уголовного права. Норма права отражается в положениях Общей и Особенной части кодекса. Именно с помощью технического инструментария она «расщепляется» в законе для удобства изложения и дальнейшей практики применения, поэтому так важно при создании статьи опираться на понимание нормы права, ее содержания и составных частей. Если при создании статей Особенной части уголовного закона нет ориентира в виде права, его сущности и его ценности, то нет гарантии, что вместо права в законе не будет отражен произвол. В идеале правовой уголовный закон, если он является единственным источником, должен отражать все существующие нормы уголовного права.

Исследуя вопросы построения Особенной части уголовного закона, нельзя не обратиться к вопросу о юридических конструкциях, которые используются законодателем. Юридические конструкции объединяют плоскость идеи и формы уголовного закона. В уголовном праве важно оценить не только соотношение нормы права и статьи закона, но и их соотношение с конструкциями, поскольку через них моделируются преступления и наказания за них. Применяя и анализируя Особенную часть уголовного закона, чаще юрист «собирает» модель конструкции состава преступления и наказания, чем норму права. При этом состав преступления соотносится именно с преступлением, а не с нормой в целом. При построении Особенной части уголовного законодательства законодатель четко должен понимать, какие поступки человека являются общественно опасными и должны быть урегулированы только уголовным законодательством. Как справедливо отмечал М.И. Ковалев, «основными из проблем эффективности уголовного законодательства применительно к уголовному закону является: а) проблема выбора из всей массы возможных человеческих поступков тех, которые представляют собой действительную общественную опасность и требуют

именно уголовно-правового регулирования; б) проблема оценки степени общественной опасности этих поступков, а, следовательно, установление соответствующей системы и дозировки наказания; в) проблема регламентации применения норм уголовного права»¹. Решение этих проблем во многом связано с пониманием принципов криминализации и пенализации деяний. А.И. Коробеев указывает, что криминализация представляет собой «процесс выявления общественно опасных форм индивидуального поведения, признания допустимости, возможности и целесообразности уголовно-правовой борьбы с ними и фиксации их в законе в качестве преступных и уголовно наказуемых»². Процессы криминализации и пенализации (и обратные им процессы декриминализации и депенализации) связывают мир реальный через идею с миром законодательных форм и конструкций. В работе Г.А. Злобина в качестве основания криминализации, например, названы «действительные предпосылки, социальные причины возникновения или изменения уголовно-правовых норм»³. Методика построения конструкций касается плоскости формы, в формах находят отражение идеи. Особенная часть уголовного закона связана в большей степени с двумя видами конструкций: состав преступления и наказание (санкция). Трансляция ценности того или иного объекта происходит в том числе при выборе конструкции состава преступления и конструировании наказания. Д.А. Керимов, рассуждая о соотношении правовой конструкции со статьей закона и нормой права, указывал, что «специальная функция правовой конструкции в том и состоит, что ею логически связываются правовые нормы, статьи закона в органически единую правовую законодательную систему»⁴. В доктрине озвучено интересное мнение, согласно которому, состав преступления представляет собой научное описание уголовно-правовой нормы, а

¹ Ковалев М.И. Советское уголовное право. Курс лекций. Выпуск 2. Советский уголовный закон. Свердловск, 1974. С. 183.

² Полный курс уголовного права: Преступление и наказание. В 5-ти томах. Т. 1 / под ред.: А.И. Коробеев. СПб., 2008. С. 100.

³ Основания уголовно-правового запрета. Криминализация и декриминализация / отв. ред. В.Н. Кудрявцев, А.М. Яковлев. М., 1982. С. 205-207.

⁴ Керимов Д.А. Законодательная техника: научно-методическое и учебное пособие. М., 2021. С. 52.

разновидности состава – ее модификации, следовательно, норма может содержаться в различных частях одной статьи УК РФ¹. Логический анализ позволяет сделать вывод, что в одной статье могут быть описаны некоторые признаки нескольких самостоятельных составов преступлений (ст. 108 УК РФ), несколько статей могут воплощать одну норму, одна норма может быть воплощена в нескольких частях статьи. Таким образом, норма права, статья, состав преступления – пересекающиеся, но не равнозначные понятия.

Рассматривая соотношение нормы уголовного права и состава преступления, следует согласиться с В.Н. Кудрявцевым, который отмечал, что состав преступления и по объему, и по содержанию является более узким понятием: «Во-первых, такой элемент, как санкция, всегда находится за пределами состава преступления, во-вторых, в науке уголовного права по-разному решается вопрос о соотношении состава преступления с гипотезой и диспозицией уголовно-правовой нормы. Если предположить, что гипотеза и диспозиция представляют собой единое целое, то состав – это более узкое понятие, поскольку он не включает условий наступления уголовной ответственности. Если же выделить гипотезу в самостоятельную часть уголовно-правовой нормы, то состав преступления оказывается тождественен по содержанию диспозиции»².

Специфика юридического конструирования (соответственно, моделирования) как особого инструмента (конструкта) и социальной деятельности состоит в том, что оно одновременно выступает оригинальным средством и приемом законодательной техники, с помощью которых возможно упорядочение общественных отношений и правовой материи. Процессы образования и видоизменения юридических конструкций носят в известной части объективный характер. Они обусловлены как структурированностью отдельных норм, так и структурой права в целом. С содержательной стороны юридическая конструкция – это модель (типовая

¹ Кленова Т.В. Основы теории кодификации уголовно-правовых норм. М., 2001. С.324.

² Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступлений. М., 1972. С. 71.

схема) прав и обязанностей, полномочий и ответственности в их сочетании друг с другом, органической взаимосвязи и соотношении¹. Юридическими конструкциями являются состав правоотношения, составы юридических фактов (состав преступления, состав сделки и т.п.), все то, где отражается системно-структурное строение социально-правовых явлений².

Определение общего понятия состава преступления до сих пор является предметом научных дискуссий. В свое время А. Фейербах определял состав преступления как совокупность признаков отдельного действия или факта, содержащихся в противоправном с точки зрения закона действии³. Н.С. Таганцев предложил следующую формулировку, что «как посягательство на норму права в ее реальном бытии, на правоохраняемый интерес жизни, преступное деяние является известным жизненным отношением, возникающим между посягающим и предметом посягательства, совмещающим в себе своеобразные черты или признаки, на основании которых оно входит в группу юридических отношений вообще и притом занимает в этой группе самостоятельное место как уголовно наказуемая неправда. Совокупность этих характеристических признаков преступного деяния в науке уголовного права, в особенности в литературе германской, называют составом преступного деяния (*corpus delicti*, *Thatbestand*, *corps de delit* (лат., нем., фр.))»⁴.

В советской уголовно-правовой доктрине было выработано два подхода к определению общего понятия состава преступления. Эти два подхода получили свое дальнейшее развитие в современном уголовном праве России.

Согласно первому из них, «*corpus delicti*» есть ядро преступления, его структура, другими словами, реальное явление как главная составная часть самого криминального посягательства. Такой позиции придерживался А.Н. Трайнин. Он отмечал, что состав преступления – это, прежде всего,

¹ См.: Алексеев С. С. Право: азбука – теория – философия: опыт комплексного исследования. М., 1999. С. 108.

² См., например: Черданцев А. Ф. Толкование права и договора: учеб. пособие. М., 2003. С. 245.

³ Цит. по: Трайнин А. Н. Общее учение о составе преступления. М., 1957. С. 19.

⁴ Таганцев Н.С. Курс уголовного права. Часть 1. Книга 1. Учение о преступлении. Вып. 1. СПб., 1874. С. 201-202.

общественно опасное действие¹. Подобным образом, по мнению Н.Ф. Кузнецовой, состав преступления следует рассматривать как систему обязательных объективных и субъективных элементов, образующих и структурирующих общественно опасное деяние, признаки которых описаны в диспозициях статей Общей и Особенной частей уголовного кодекса. В таком случае, как подчеркивал этот ученый-юрист, состав понимается как преступление, точнее, как деяние, содержащее все признаки состава преступления. Тем самым снимается искусственное противопоставление преступления как якобы только явления и его состава как якобы только юридической модели². Современный ученый Лун Чанхай считает, что «состав преступления рассматривается как реальное явление»³. Р.А. Комягин, пишет, что «состав преступления – это такое же явление объективной реальности, как и преступление, становится возможным распространение свойства общественной опасности на систему его элементов и признаков»⁴. Однако с последним утверждением вряд ли возможно согласиться в полной мере.

Согласно второму подходу, состав преступления рассматривается как законодательная модель преступления, как нормативная формула криминального поведения, как юридическая конструкция в области противодействия преступным посягательствам⁵. Так, А. А. Пионтковский утверждал, что «в Общей части Уголовного кодекса дается общее понятие преступления, а в Особенной части Уголовного кодекса содержатся определения отдельных составов преступлений, которые являются

¹ См.: Трайнин А. Н. Общее учение о составе преступления. М., 1957. С. 53.

² См.: Курс уголовного права. Общая часть. Том 1: Учение о преступлении / под ред. Н.Ф. Кузнецовой и И.М. Тяжковой. М., 2002. [Электронный ресурс]. URL: <http://vuzlib.net/beta3/html/1/7716/7754/> (дата обращения 29 сентября 2023 г.).

³ Чанхай Лун. Учение о составе преступления по уголовному праву КНР и России: сравнительно-правовое исследование: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владивосток, 2009. С. 7.

⁴ Там же. С. 10.

⁵ См.: Кригер Г. А. Состав преступления и его значение // Советская юстиция. 1982. № 6. С. 7; Игнатов А. Н., Костарева Т. А. Уголовная ответственность и состав преступления: лекция. М., 1996. С. 27; Энциклопедия уголовного права. Состав преступления. В 35 т. Т. 4. / Н.И. Коржанский, В.Н. Кудрявцев, В.Б. Малинин, В.Г. Павлов, А.И. Рарог и др. СПб., 2010. С. 3-5; Гонтарь И. Я. Преступление и состав преступления как явления и понятие в уголовном праве. Владивосток, 1997. С. 97-98; Учение о составе преступления в уголовном праве России и Китая: сравнительно-правовое исследование / под ред. В. С. Комиссарова, А. И. Коробеева, Хе Бинсуна. СПб., 2009. С. 35; Кадников Н.Г. Квалификация преступлений и вопросы судебного толкования. М., 2013. С. 6.

результатом конкретизации общего понятия. При этом каждый состав преступления выявляет те необходимые признаки, при наличии которых закон устанавливает возможность привлечения к уголовной ответственности»¹.

Понимание состава преступления как законодательной модели предложил и А. И. Рарог, согласно воззрениям которого, под составом преступления понимается «разработанный наукой уголовного права и зафиксированный в законе инструмент, позволяющий определить юридическую конструкцию общественно опасного деяния и сделать вывод о том, что это деяние является преступлением»².

По мнению А.В. Иванчина, состав преступления – это система признаков, характеризующих деяние как предусмотренное в качестве определенного преступления частью статьи или неделимой статьей Особенной части УК РФ³. А.И. Коробеев считает, что «состав преступления есть законодательно оформленная информационная модель, фиксирующая в нормах уголовного закона необходимые и достаточные для привлечения лица к уголовной ответственности признаки криминализируемого деяния»⁴.

В современной науке отмечено, что существует и третий подход, когда состав преступления рассматривается как научная абстракция⁵: «теоретическая конструкция, законодательный набор обобщенных признаков объективного и субъективного порядка»⁶, «заблаговременную модель преступления»⁷. Вряд ли возможно говорить о составе преступления только как о «научной абстракции», а тем более «заблаговременной модели». Состав

¹ См.: Уголовное право: Общая часть. М., 1948. С. 282-284; Шиловский С.В. Способ совершения преступления как признак уголовно-наказуемого деяния и дифференцирующее средство: дис. ... канд. юрид. наук. Архангельск, 2014. С. 31-33, 38, 48.

² См.: Российское уголовное право: в 2 т. Т. 1. Общая часть: учебник / под ред. Л. В. Иногамовой-Хегай, В. С. Комиссарова, А. И. Рарога. М., 2010. С. 97.

³ Иванчин А.В. Концептуальные основы конструирования состава преступления: дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2015. С. 9.

⁴ Уголовное право. Общая часть. Преступление. Академический курс. В 10 т. Т. 5. Понятие преступления. Состав преступления / под ред. Н.А. Лопашенко. М., 2016. С. 382.

⁵ Коробеев А.И., Чанхай Лун Состав преступления в доктрине уголовного права Китая и России: компаративистское исследование. М., 2016. С. 168.

⁶ Павлов С.Н. Объект и последствия преступления в теории уголовного права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2011. С. 8.

⁷ Агаев Г.А., Зорина Е.А. Состав преступления: закон, теория, практика: учебное пособие / под ред. В.С. Артамонова. СПб., 2014. С. 14.

преступления конструируется законодателем, а не исключительно научным сообществом.

С.А. Маркунцев, изучая правовую природу уголовно-правового запрета, пришел к выводу, что «конструкция состава преступления – это доктринальная (теоретическая) дедуктивная конструкция»¹. Однако вряд ли можно согласиться с тем, что состав преступления является исключительно научным изобретением. Достаточно обратиться к уголовному законодательству, например, к статье 8 УК РФ, где речь идет о составе преступления вовсе не как о научной конструкции. Также необоснованным выглядит предложение других ученых сузить содержание понятия «состав преступления» до диспозиции статьи Особенной части УК РФ².

Определенный компромисс предложил П.Ю. Предеин, который считает, что состав преступления не является законодательной конструкцией до тех пор, пока его определение не будет закреплено в ст. 8 УК РФ³, с чем вряд ли также возможно согласиться. Законодательная дефиниция состава преступления не «создаст» состав преступления как законодательную конструкцию, он уже существует и признается не только учеными, но законодателем (ст. 8 УК РФ) и правоприменителями. Этот ученый также считает, что юридическая конструкция преступления есть «симбиоз состава преступления и уголовно-правовой нормы»⁴. Однако вряд ли действительно можно говорить о симбиозе как о совместном сосуществовании состава преступления и нормы права.

Большинство исследователей не без основания полагают, что понятия «состав преступления» и «уголовно-правовая норма» пересекаются по содержанию. Так, В.Н. Кудрявцев отмечал, что если в уголовно-правовой норме выделить гипотезу, то состав преступления оказывается

¹ Маркунцев С.А. Теория уголовно-правового запрета: дис. ... д-ра. юрид. наук. М., 2015. С. 133.

² Сирик М.С. Состав преступления как правовая категория // Закон и жизнь. 2018. Т. 2. № 3. С. 69.

³ Предеин П.Ю. Составные и сложные преступления: вопросы теории и практики: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2013. С. 8.

⁴ Предеин П.Ю. Законодательные конструкции единичных сложных преступлений // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2011. № 4. С. 172.

тождественным по содержанию с диспозицией¹. Е.В. Благов² и А.В. Иванчин считают, что «в гипотезе нормы закрепляется конструируемый состав»³. В.В. Мальцев и вовсе указывает, что «конкретный состав преступления закрепляется в норме Особенной части УК»⁴. Таким образом, допустимо рассуждать о соотношении этих понятий⁵, но вряд ли верным является утверждение об их одновременном совместном сосуществовании как самостоятельных единиц в одной плоскости, не пересекающихся друг с другом по содержанию.

Не из всех определений общего понятия состава преступления, известных российской уголовно-правовой науке, можно сделать однозначный вывод, чем же на самом деле является этот феномен: явлением реальной действительности или юридической конструкцией, моделью «криминального поведения»⁶. Множественность точек зрения объясняется сложностью объекта исследования. Ни один отдельно взятый подход или концепция не могут отразить исследуемую реальность во всей ее полноте, ибо представляют, возможно, строго системный, внутренне логичный, но вместе с тем односторонний взгляд, предполагающий наличие иного видения действительности⁷. В целях настоящего исследования под составом преступления будем понимать, прежде всего, разновидность юридической конструкции, которая представляет собой законодательно сконструированную структурную модель преступления.

Процесс образования состава преступления представляет собой не что иное, как создание юридической конструкции с использованием своеобразных

¹ Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступлений. М., 1972. С. 71.

² Благов Е.В. Применение уголовного права (теория и практика). СПб., 2004. С. 27-33.

³ Иванчин А.В. Внутренняя и внешняя законодательная техника в структуре уголовного правотворчества. Рязань, 2014. С. 93.

⁴ Мальцев В.В. Общественно опасное поведение в уголовном праве. М., 2014. С. 452-453.

⁵ Комягин Р.А. Соотношение состава преступления и уголовно-правовой нормы // Вестник Саратовской государственной академии. 2019. № 6 (131). С. 213-218.

⁶ См.: Решетникова Д.В. Понятие состава преступления: историко-правовой анализ // Татищевские чтения. Актуальные проблемы науки и практики: материалы VII Международной научно-практической конференции. Тольятти: Волжский университет имени В.Н. Татищева (институт). 2010. С. 276-280.

⁷ См.: Адоевская О. А. Дифференциация ответственности за кражу по уголовному праву России: монография. Самара, 2009. С. 68-69.

приемов законодательной техники. Еще раз подчеркнем, что, «определяя состав того или иного преступления, законодатель неизменно отбирает из массы характеризующих общепасные действия и деятели признаков наиболее типичные и существенные. Именно эти признаки закон описывает в диспозиции уголовно-правовой нормы и тем самым «возводит в ранг» элементов состава преступления»¹.

Состав преступления как модель реального преступления², как юридическая конструкция общественно опасного поведения образуется в результате обобщения признаков всех преступлений данной разновидности. В результате получается экономное, краткое и достаточно ёмкое описание основных свойств преступного. Под конструированием составов преступлений понимается особая юридическая деятельность, в результате которой на базе научно обоснованных правил определяются и разрабатываются внешние формы и структура внутренне логичного, функционально оправданного и встроенного в систему действующего уголовного законодательства «*corpus delicti*», включая взаимное расположение его составных частей и внутреннее строение каждого компонента³.

Как и любая юридическая конструкция, состав преступления – это структурное образование, «сложносоставленное единство элементов»⁴. В современной уголовно-правовой доктрине аксиоматичным признается положение, согласно которому состав преступления включает в себя четыре структурных компонента: объект, объективную сторону, субъективную сторону и субъекта. В силу того обстоятельства, что состав преступления рассматривается как искусственное образование юридического мира, он

¹ Трайнин А. Н. Общее учение о составе преступления. М., 1957. С. 57.

² См.: Куринов Б.А. Научные основы квалификации преступлений. М., 1984. С. 33; Малыхин В.И. Квалификация преступлений. Куйбышев, 1987. С. 15; Энциклопедия уголовного права. Состав преступления. В 35 т. Т. 4 / Н.И. Коржанский, В.Н. Кудрявцев, В.Б. Малинин, В.Г. Павлов, А.И. Рарог и др. СПб., 2010. С. 3.

³ Голенко Д.В. Конструирование составов преступлений по моменту окончания: монография. М.: Юрлитинформ, 2023. С. 26-27.

⁴ Пономарев Д.Е. Генезис и сущность юридической конструкции: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2005. С. 16.

может объединять разнородные компоненты в единое целое, в реальности не существующие в качестве таковых (например, субъект и субъективная сторона преступления). Как справедливо отмечает А. В. Иванчин, благодаря такой интеграции различных компонентов удалось достичь единодушия в вопросах об основании уголовной ответственности и алгоритме квалификации преступления, сделавшись возможным системный анализ всех преступлений¹.

Общая теория права указывает также и на структурированность каждого компонента юридической конструкции². Каждый ее элемент представляет собой органическое единство составляющих его частей. В теории уголовного права составные части четырех компонентов состава преступления чаще всего именуется признаками преступления (или признаками состава преступления)³. Использование законодателем различных конструкций составов преступлений можно объяснить, во-первых, разнообразием и иерархией подлежащих уголовно-правовой охране благ, отношений и ценностей. Во-вторых, законодателю необходимо отразить в уголовном законе многообразие форм преступного поведения, в том числе множественность криминальных приемов нарушения прав, свобод и законных интересов других лиц. В-третьих, различные комбинации элементов состава преступления объясняются необходимостью результативного решения тех разнообразных задач, которые стоят перед уголовным правом и т.д. С.С. Алексеев видел важнейшую задачу законодателя в том, чтобы «подобрать такие конструкции, которые соответствовали бы содержанию нормативного материала, позволяли бы с максимальной эффективностью обеспечить поставленные законодателем задачи»⁴.

¹ См.: Иванчин А. В. Состав преступления: учеб. пособие. Ярославль, 2011. С. 43.

² См.: Черданцев А. Ф. Толкование права и договора. М., 2003. С. 246.

³ См., например: Российское уголовное право. В 2 т. Т. 1. Общая часть / под ред. А. И. Рарога. М., 2004. С. 89-95; Уголовное право России. Общая и Особенная части: учебник / под ред. проф. В. К. Дуюнова. М., 2012. С.81-83; Учение о составе преступления в уголовном праве России и Китая: сравнительно-правовое исследование / под ред. В. С. Комиссарова, А. И. Коробеева, Хе Бинсуна. СПб., 2009. С. 39-50; Энциклопедия уголовного права. Состав преступления. В 35 т. Т. 4 / Н.И. Коржанский, В.Н. Кудрявцев, В.Б. Малинин, В.Г. Павлов, А.И. Рарог и др. СПб., 2010. С. 46.

⁴ Алексеев, С. С. Общая теория права. В 2 т. Т. I. М., 1981. С. 275.

Состав преступления представляет собой модель преступления, и это следует помнить законодателю при построении Особенной части уголовного закона. Составные части конструкции состава преступления в современном отечественном уголовном законе обнаруживаются в диспозиции статьи Особенной части УК РФ, в санкции их нет. Построение и выбор диспозиции статьи Особенной части УК РФ неминуемо связан с конструированием состава преступления.

Конструирование санкций связано с пониманием санкции как части нормы и санкции как части статьи. М.И. Ковалев писал, что санкция – «неотъемлемый аксессуар всех охранительных норм, размещенных в Особенной части»¹. Ярославская уголовно-правовая школа предложила различные точки зрения относительно конструкции наказания и конструкции санкции. Так, Л.Л. Кругликов считает, что в доктрине уголовного права целесообразно вести речь о конструкциях санкций. Он называет санкцию статьи «сердцевиной» санкции нормы². Норма не ограничивается в данном случае положениями одной статьи Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации, включает в себя иные положения, которые могут содержаться в Общей части УК РФ. Названный ученый отстаивает мнение, что санкция является самостоятельной законодательной конструкцией³. Л.Л. Кругликов предлагает «вести речь о законодательных конструкциях санкций, построенных на базе уголовно-правовых конструкций наказания»⁴. С.С. Тихонова также говорит о санкции нормы Особенной части УК РФ как юридической конструкции⁵. С ними не согласен А.В. Иванчин, который отмечает, что о «конструкциях санкций говорить некорректно, поскольку они

¹ Ковалев М. И. Советское уголовное право. Курс лекций. Выпуск 2. Советский уголовный закон. Свердловск, 1974. С. 86.

² Кругликов Л.Л. Сбои в конструировании санкций в уголовном законодательстве // Юридическая техника. 2008. № 2. С. 110-1114.

³ Кругликов Л.Л. Виды юридических конструкций в уголовном праве // Юридическая техника. 2013. № 7. С. 57.

⁴ Кругликов Л.Л., Спиридонова О.Е. Юридические конструкции и символы в уголовном праве. СПб., 2005. С. 218.

⁵ Тихонова С.С. Особенности конструирования санкций в уголовном законе: теория и законодательная практика // Юридическая техника. 2013. № 7. С. 756.

«не дотягивают» до уровня моделей»¹. Он полагает, что «сложными образованиями, объективно нуждающимися в моделировании посредством юридических конструкций, являются виды наказания. Типы же санкций лишь отсылают к видам наказания, и, разумеется, даже различные комбинации таких «отсылок» сами по себе моделями не являются»².

В большинстве же современных работ речь идет о санкциях скорее не как о конструкциях, а как о составных частях нормы или статьи. Так, Д.П. Кириченко указывает, что санкция «является частью нормы Особенной части уголовного закона, носящей государственно-властный характер»³. Однако с этим определением тоже вряд ли возможно согласиться в полной мере, поскольку, как отмечалось выше, не существует норм Общей и Особенной части, есть нормы уголовного права и статьи Общей и Особенной частей уголовного закона. Санкция нормы уголовного права изложена в статьях и Общей, и Особенной части УК РФ, а санкция как часть статьи расположена только в соответствующей статье.

М.А. Простосердов в своей работе обобщает и демонстрирует многообразие предложенных определений понятия «санкция» в уголовном праве: как части нормы; как части статьи; как карательной части уголовного закона; как общеобязательного властного влияния и др⁴. Сам же ученый справедливо предлагает рассматривать санкцию в трех значениях: как часть статьи Особенной части уголовного закона; как часть уголовно-правовой нормы и как конструкцию⁵.

Множественность точек зрения относительно содержания понятия «санкция» в уголовном праве объясняется сложностью объекта исследования. Закономерностью современного научного процесса является многовариантное

¹ Кругликов Л.Л., Спиридонова О.Е. Юридические конструкции и символы в уголовном праве. СПб., 2005. С. 217.

² Иванчин А.В. Уголовно-правовые конструкции и их роль в построении уголовного законодательства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2003. С. 18.

³ Кириченко Д.П. Уголовно-правовые санкции за причинение вреда здоровью: теоретический, законодательный и правоприменительный аспект: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2023. С. 13.

⁴ Простосердов М.А. Теория санкций в уголовном праве России: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2023. С. 49-52.

⁵ Там же. С. 17-18.

развитие познания, разработка альтернативных идей, параллельных гипотез, взаимоисключающих теорий в целях обеспечения комплексного видения проблемы и бескризисного движения научного познания. Из этого следует, что множественность точек зрения на один и тот же объект познания – естественное состояние современной науки. В настоящей работе санкция будет рассматриваться, прежде всего, как часть (компонент) статьи Особенной части уголовного закона, которая конструируется с учетом представлений о санкции как о части нормы.

Вопрос о форме воплощения санкций статей Особенной части уголовного законодательства будет предметом исследования в следующей главе. Здесь же обратим внимание, что идеи о том, какие виды наказания должны быть в уголовном законе, чаще всего отражены в его Общей части. Во многом это зависит от исторических, социальных, экономических, политических и международных условий. Например, такой вид наказания, как лишение гражданства, обусловлен внутренней политикой государства, а наличие смертной казни – внутренней и внешней, международной политикой. Увеличение или уменьшение размеров и видов штрафов тесно связано с социальными и экономическими условиями внутри государства. Однако и эти идеи необходимо оценивать через их воплощение. Может создаться иллюзия, что увеличение числа санкций статей, включающих штраф, должно свидетельствовать о либерализации уголовного законодательства, так как этот вид наказания кажется менее суровым – по сравнению с другими видами наказаний, перечисленными в статье 44 УК РФ. Однако в реальной жизни штраф может быть «тяжким бременем» для конкретного человека, и в итоге невозможность его оплатить может привести к замене штрафа на более суровый вид наказания. Также увеличение числа статей, в санкциях которых содержится штраф как вид наказания, и применение их на практике может свидетельствовать о политике, направленной на увеличение доходов государства за счет денежных взысканий.

Таким образом, можно прийти к следующим выводам.

1. Исследование основ построения Особенной части уголовного закона целесообразно проводить с учетом двух плоскостей. Первая - метафизическая (философская) плоскость, или плоскость идей. В ней проявляются концептуальные идеи, которые впоследствии будут воплощены в форме закона. Здесь осуществляется поиск ответа на вопрос, что должно быть отражено в Особенной части уголовного закона, что предопределяет ее содержание.

Устанавливается соотношение таких понятий, как «уголовное право» и «уголовный закон», «норма права» и «статья закона»; определяется «дух» закона; формулируется то, что подлежит охране: какие ценности, принятые в обществе и государстве в момент разработки и принятия уголовного закона, следует отразить.

Вторая плоскость – техническая, или плоскость формы, где оценивается построение уголовного закона с точки зрения законодательной техники. Здесь находится ответ на вопрос о том, как строить закон так, чтобы воплотить идею. Построение конструкций составов преступлений и наказания; диспозиций, санкций статьи, использование примечаний; объединение статей в структурные компоненты. Построение и содержание статей, последовательность расположения структурных компонентов может транслировать ценность того или иного охраняемого объекта в период разработки и принятия уголовного закона. Однако техническая характеристика закона не ограничивается только анализом воплощения идеи законодателя, но и содействует систематизации, упорядочиванию законодательной материи для удобства дальнейшего применения.

2. При построении Особенной части уголовного закона важно опираться на идеи различных типов правопонимания. Актуальным является рассмотрение идеи общечеловеческих ценностей, принципов построения правового закона, соотношения права и закона. В определенной степени этому содействуют обсуждаемые в доктрине правила и принципы криминализации (декриминализации) и пенализации (депенализации).

3. При построении статьи Особенной части уголовного закона необходимо моделировать норму права и соотносить ее с уже существующими нормами, которые затем отражаются в статьях закона. Без понимания гипотезы, диспозиции и санкции трудно выявить соответствие между правом и законом. Ни одна статья Особенной части уголовного закона не содержит полностью все части нормы уголовного права. Норма права описывается в положениях Общей и Особенной частей кодекса. Именно с помощью технического инструментария она «расщепляется» в законе для удобства изложения и дальнейшей практики применения. В идеале правовой уголовный закон, если он является единственным источником, должен отражать все существующие нормы уголовного права.

4. Юридические конструкции объединяют плоскость идеи и формы уголовного закона. В уголовном праве важно оценить не только соотношение нормы права и статьи закона, но и их соотношение с конструкциями, поскольку через них моделируется преступление и наказание за него. Анализируя Особенную часть уголовного закона, чаще юрист «собирает» модель конструкции состава преступления и наказания, чем норму права. При этом состав преступления соотносится именно с преступлением, а не с нормой. Методика построения конструкций составов преступлений и санкций содействует реализации идеи через верно выбранную форму воплощения.

§ 2. Основы взаимодействия Общей и Особенной частей уголовного закона

Теоретико-методологические основы построения Особенной части уголовного закона тесно связаны с проблематикой систематизации и структурирования уголовного закона.

Сравнительно-правовое исследование, результаты которого представлены в разделе I настоящей работы, свидетельствует о том, что уголовный закон как кодифицированный отраслевой нормативный правовой

акт в России появляется значительно позже, чем уголовно-правовые нормы, которые до этого момента содержались в различных юридических источниках наряду с нормами других отраслей права. При их кодификации законодатель выбирает так называемую пандектную систему построения, которая изначально была разработана для систематизации норм гражданского права. Пандектная система предполагает, что закон разделен на два самостоятельных компонента: общую и особенную (специальную) части. При этом названные две части органически взаимосвязаны, являются составными частями единого целого, а их выделение обусловлено задачами каждого из них. Текстуально общая часть предшествует особенной (специальной) части закона. Назначение общей части состоит в выражении единых, общих, универсальных отраслевых положений, а особенной части – представить свод специальных, отличительных предписаний. Пандектная система построения нормативного правового акта характерна для ряда российских отраслевых законов (например, Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации, Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях). Содержание общей и особенной (специальной) частей закона зависит от специфики отрасли права, ее предмета и метода. Равным образом, «уголовный закон отличается именно предметом правового регулирования и содержанием»¹. Он «охватывает своим содержанием всю область регулируемых уголовным правом отношений»² и должен быть построен так, чтобы в нем нашли отражение все нормы уголовного права. Именно специфика предмета и метода уголовного права (конечно же, совместно с его принципами и задачами) определяет содержание Общей и Особенной частей уголовного закона.

Для понимания взаимодействия Общей и Особенной частей важно обратить внимание также на следующее обстоятельство. Отрасль уголовного права состоит из норм, объединенных в институты и образующих в своей упорядоченной совокупности стройную систему. Полная кодификация

¹ Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учебник / под ред. А.В. Бриллиантова. М., 2015. С. 49.

² Пудовочкин Ю.Е. Учение об уголовном законе: лекции. М., 2014. С. 56.

уголовно-правовых норм предполагает, что уголовное законодательство в России представлено УК РФ (ст. 1 УК РФ). Таким образом, уголовный кодекс «охватывает своим содержанием всю область регулируемых уголовным правом отношений»¹. Перед законодателем стоит нелегкая задача представить уголовно-правовой материал так, чтобы в кодексе нашли отражения все нормы уголовного права. При создании закона невозможно просто перечислить нормы уголовного права, их необходимо расположить так, чтобы закон был оптимальным по объему и понятным по смыслу. В ходе построения закона уголовно-правовая норма как бы «расщепляется» и получает отражение в тексте статей, которые строятся и группируются по своим правилам. Выделение и построение Общей и Особенной частей – это демонстрация уровня законодательной техники, строгое структурирование нормативного правового акта, а не свойство права. В этом смысле вряд ли обоснованным выглядит утверждение А.А. Илidgeва, который полагает, что Общая часть уголовного права соотносится с Общей частью уголовного закона как форма и содержание². На самом деле, о соотношении формы и содержания можно говорить лишь при сопоставлении уголовного права и уголовного закона как таковых, поскольку правовые нормы едины независимо от количества частей или разделов закона. Ведь «обе части Уголовного кодекса представляют собой разные совокупности не уголовно-правовых норм, а статей уголовного закона»³.

Идея выделения Общей и Особенной частей внутри единого уголовного закона является важным шагом на пути усовершенствования практики его построения. Так, в свое время П.И. Люблинский подчеркивал: «Важнейшим техническим приемом современной систематики является обособление общей и особенной части кодекса. Выделение общей части стало практиковаться лишь с начала XIX в., когда получила известное развитие теория уголовного

¹ Пудовочкин Ю.Е. Учение об уголовном законе: лекции. М., 2014. С. 56.

² Илidgeв А.А. Отражение положений Общей части УК РФ о преступлениях в его Особенной части: проблемы теории и законодательного регулирования: дис. ... д-ра юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2023. С.85.

³ Уголовное право. Особенная часть. Учебник для вузов / отв. ред. И.Я. Козаченко, З.А. Незнамова, Г.П. Новоселов. М., 1997. С. 6.

права»¹. Эта идея обладает преимуществами как с точки зрения законодательной техники, так и удобства для правоприменения. Как справедливо отмечено в доктрине, «такая система облегчает пользование кодексом, имея вместе с тем большое принципиальное значение»². В.К. Андрианов и Ю.Е. Пудовочкин пишут, что «выделение Общей части в качестве структурного элемента уголовного законодательства явилось колоссальным достижением в области юридической техники»³.

Общая и Особенная части уголовного закона образуют единое целое, представляя собой упорядоченную совокупность. Так, О.Ф. Шишов отмечал: «уголовное законодательство представляет собой неразрывное единство норм Общей и Особенной частей»⁴. По мнению Л.Л. Кругликова: «Уголовное право состоит из Общей и Особенной частей, которые теснейшим образом связаны друг с другом, составляют органическое единство целого – уголовного права»⁵.

В самом деле, Общая и Особенная части составляют единый уголовный закон, выступая двумя органически и неразрывно взаимосвязанными его подсистемами. Органическое единство указанных частей столь прочно, что ни одна из них не может существовать изолированно от другой. Без Общей части уголовный закон безоснователен, беспочвенен, а без Особенной – беспредметен, бессодержателен⁶.

Общая часть содержит базовые, основополагающие положения, необходимые для реализации предписаний Особенной части. В Общей части уголовного закона воспроизведены фундаментальные идеи, которые должны быть максимально стабильными, их отражение проявляется через построение Особенной части уголовного закона. В определенном смысле правы те ученые,

¹ Люблинский П.И. Техника, толкование и казуистика уголовного кодекса / под ред. и с предисловием В. А. Томсинова. М., 2004. С. 46.

² Уголовное право. Общая часть / науч. ред. В.Д. Меньшагин. М., 1948. С. 232.

³ Андрианов В.К., Пудовочкин Ю.Е. Закономерности уголовного права. М., 2019. С. 257 – 258.

⁴ Российское уголовное право: В 2-х т.Т.2 Особенная часть / под ред. А.И. Рарога. М., 2004. С. 5.

⁵ Уголовное право России. Особенная часть: учебник / под ред. Ф.Р. Сундурова, М.В. Талан, И.А. Тарханова. М., 2021. С. 10.

⁶ См. также: Уголовное право России. Часть Особенная: Учебник для вузов / отв. ред. проф. Л. Л. Кругликов. М., 2004. С. 3.

которые называют Общую часть «конституцией уголовного права»¹, «этической основой уголовного законодательства»², частью, выполняющей «системосохраняющую функцию»³. Это объясняется функциональной ролью Общей части уголовного закона. В ней закрепляются основные ключевые понятия: уголовный закон, его задачи и принципы, преступление, наказание, основания привлечения и освобождения от уголовной ответственности и т.п. Общая часть отражает своего рода «смысловой фундамент» всего уголовного закона, его идеи и принципы. В современной доктрине «считается, что основные концептуальные идеи Уголовного кодекса содержатся в его Общей части»⁴. По изменению последней обычно оцениваются «концептуальные обновления».

У Особенной части уголовного закона задача иная. Она демонстрирует свод специальных предписаний и в отличие от Общей части уголовного закона должна представить то специфичное, отличное, чем в уголовном законе являются признаки составов преступлений, виды и размеры наказаний за совершение конкретных видов преступлений, а также иные специальные предписания, касающиеся особенностей уголовной ответственности. Именно это специфичное описывается в статьях Особенной части уголовного закона и группируется по своим правилам.

Взаимодействие Общей и Особенной частей допустимо исследовать в философской, социально-правовой и юридико-технической плоскостях.

В философском смысле Общая и Особенная части органически связаны друг с другом по диалектике соотношения «общего и особенного». Философия рассматривает каждый объект и явление как единство общего и особенного, единство признаков, указывающих на их сходство с другими объектами (явлениями), а также на их отличие от других объектов (явлений). Общее

¹ Коган В.М. Социальные механизмы уголовно-правового воздействия. М., 1983. С. 73

² Карпец И.И. Уголовное право и этика. М., 1985. С. 10.

³ Аслаян Р.Г. Особенная часть российского уголовного права: проблемы теоретического строения и системные параметры: монография. М., 2023. С. 352.

⁴ Кленова Т.В. 25-летие Уголовного кодекса Российской Федерации: проблемы кодификации // Юридический вестник Самарского университета. 2021. Т. 7. № 4. С. 49.

обуславливается наличием у каждого свойств, присущих не только ему, но и другим, которые позволяют выделять группы объектов (явлений) с одинаковыми свойствами. Другими словами, общим называется то, что присуще всем объектам и явлениям объективной действительности. Особенным является то, что отличает данные объекты и явления от других, тех, с которыми их сравнивают. Особенное представляет собой те черты в отдельном, которые отличают его от другого рода или вида отдельного, что составляет его специфику. Так, Н.Ф. Кузнецова писала, что «Особенная часть УК органично по диалектике взаимосвязи общего и особенного предполагает взаимодействие Общей и Особенной частей внутри единой системы кодекса»¹.

С социально-правовой точки зрения единство Общей и Особенной частей уголовного закона проявляется в том, что, во-первых, обе части служат единым задачам, в настоящее время предусмотренным в ст. 2 УК РФ². Как справедливо указывает А.В. Бриллиантов, что их выполнение достигается лишь при совместном применении норм Общей и Особенной части уголовного права³. При этом Особенная часть конкретизирует соответствующие задачи, предусматривая описание исчерпывающего круга конкретных видов преступлений с указанием определенных мер наказания за их совершение⁴. В этой связи обоснованным представляется заключение А.Н. Игнатова о том, что «в Особенной части уголовного права в наибольшей степени отражены задачи и направление уголовной политики в конкретный исторический период»⁵. Неслучайно при исследовании задач уголовного закона в научной литературе используется такое понятие как идеология. Например, по мнению Е.В. Кобзевой, задачи являются ядром уголовно-правовой идеологии, «они являют

¹ Кузнецова Н.Ф. Основные черты Особенной части УК РФ // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 1996. № 5. С. 21.

² См.: Уголовное право. Особенная часть: учебник для бакалавров / под ред. А.И. Чучаева. М., 2018. С. 4.

³ Уголовное право России. Часть Общая и Особенная / под ред. А.В. Бриллиантова. М., 2021. С. 10.

⁴ Так, В.Н. Сизова указывает, что «основная задача Особенной части заключается в определении области наказуемых деяний (наказуемых правонарушений), с одной стороны, и в установлении размеров наказания за каждое такое правонарушение, с другой». См.: Сизова В.Н. Концептуальные основы систематизации Уголовного кодекса Российской Федерации: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2024. С. 52.

⁵ Уголовное право России. Учебник для вузов. В 2-х т. Т. 2. Особенная часть / под ред. А.Н. Игнатова, Ю.А. Красикова. М., 1998. С. 3.

собой некую общую цель, с подчинением которой выстраивается все содержание уголовного права»¹. М.В. Бавсун в последовательности расположения задач видит возможность обеспечения предложенной им «идеологии борьбы с преступностью»². Также в специальной литературе отмечено, что при изменении порядка определения объектов уголовно-правовой охраны и структуры Особенной части принцип демократизма «применен как принцип с идеологическим содержанием»³. Через формулирование и закрепление задач в кодексе демонстрируется идея всего уголовного закона, сущность современного уголовного права. Проявление этой идеи происходит через систему, структуру и содержание Особенной части, поскольку именно в ней и конкретизируется область уголовно-правового вмешательства, тот круг общественных отношений, который подлежит охране.

Как отмечено в науке, «закрепление задач отрасли в первых статьях кодифицированного нормативного акта имеет не только большое политическое значение, отражая основные направления уголовной политики государства и иерархию охраняемых социальных ценностей, но и собственно юридическое»⁴. Действительно, изменение общественных отношений, существенные трансформации внутри и вне государства ставят вопрос о ревизии содержания задач и последовательности расположения объектов охраны, реструктуризации Особенной части уголовного закона. Так, А.В. Наумов указывает, что «в связи с коренной идеей перестройки и реформирования нашего общества – признанием приоритета общечеловеческих ценностей по отношению к классовым и иным – в новом

¹ Кобзева Е.В. Идеологические и правовые границы российского уголовного закона: о необходимости их выделения и соблюдения // Вестник Саратовской государственной юридической академии. № 5 (100). 2014. С. 76-77.

² Бавсун М.В. Уголовно-правовое воздействие: идеология, цели и средства реализации: автореф. ... д-ра юрид. наук. Омск, 2013. С. 30.

³ Кленова Т.В. Принципы кодификации уголовно-правовых норм // Кодификация законодательства: теория, практика, техника: материалы Международной научно-практической конференции. Н. Новгород, 2009. С. 848.

⁴ Энциклопедия уголовного права. Понятие уголовного права. В 35 т. Т. 1 / Б.В. Волженкин, Г.Ю. Лесников, Н.А. Лопашенко, В.В. Мальцев и др.; отв. ред.: В.Б. Малинин. СПб., 2005. С. 230.

УК РФ изменена последовательность сформулированных в нем задач»¹. Изменение последовательности задач отразилось на системе и структуре Особенной части российского уголовного закона. В специальной литературе обосновано указано, что «на первых порах становления демократии и отхода от советской идеологии выдвижение на первый план задачи охраны личности приветствовалось как преодоление командно-административной и тоталитарной системы и утверждение приоритета прав человека»². Таким образом система и структура Особенной части в наибольшей степени отражают идеологический контекст принятия закона и взгляды разработчиков проекта.

При построении Общей и Особенной части должно наблюдаться единство в круге объектов охраны, обозначенных в законе. Вместе с тем, с момента принятия УК РФ вызвали вопросы согласованности названных в ст. 2 УК РФ объектов с построением Особенной части УК РФ. В качестве задач в этой статье российского уголовного закона обозначены (1) охрана прав и свобод человека и гражданина, но в Особенной части речь идет о преступлениях против личности (раздел VII); (2) охрана собственности, хотя в Особенной части УК РФ глава о преступлениях против собственности располагается в разделе VIII, который касается более широкого круга объектов преступлений, а именно экономики; (3) охрана общественного порядка и общественной безопасности, однако, в Особенной части в названии раздела последовательность иначе: сначала названа общественная безопасность, а затем общественный порядок (раздел IX); (4) охрана окружающей среды, тем не менее в Особенной части УК РФ в названии макрокомпонентов не обозначена окружающая среда, а статьи об экологических преступлениях объединены в рамках главы 26, включенной в раздел IX об общественной безопасности и общественном порядке; (5) охрана конституционного строя

¹ Наумов А.В. Российское уголовное право. Общая часть: курс лекций. М., 2024. С. 38.

² Энциклопедия уголовного права. Понятие уголовного права. В 35 т. Т. 1 / Б.В. Волженкин, Г.Ю. Лесников, Н.А. Лопашенко, В.В. Мальцев и др.; отв. ред.: В.Б. Малинин. СПб., 2005. С. 253.

Российской Федерации, но статьи о преступлениях, где объектом выступает конституционный строй, объединены с преступлениями против безопасности государства и находятся в главе 29 раздела X; (б) обеспечение мира и безопасности человечества, преступления против мира и безопасности человечества находятся в разделе XII. Таким образом, перечисленные в ст. 2 Общей части объекты охраны лишь частично совпадают с объектами, указанными в наименовании глав и разделов Особенной части УК РФ. Для эффективного решения задач, стоящих перед уголовным законом в целом необходимо согласование положений Общей и Особенной частей. Перечисленные в Общей части уголовного закона объекты охраны должны коррелировать с объектами, обозначенными в наименовании разделов Особенной части уголовного закона. В идеале необходимо, чтобы все объекты охраны, обозначенные в Общей части уголовного закона, были названы в наименовании разделов Особенной части.

Во-вторых, единство Общей и Особенной частей уголовного закона выражается в том, что нормативные предписания обеих частей основываются на одних и тех же принципах, общих для всего уголовного права России. А.В. Наумов указывает: «задачи, стоящие перед уголовным правом, решаются на основе его принципов, т.е. основных, исходных начал, в соответствии с которыми строятся как его система, так и в целом уголовно-правовое регулирование»¹. Так, Б.Т. Разгильдиев, определяя понятие системы уголовного права, также пишет о решении задач, стоящих перед отраслью права, в соответствии с уголовно-правовыми принципами². Как справедливо отмечено Ю.Е. Пудовочкиным, уголовно-правовые принципы (независимо от того, закреплены они в нормах права или нет) являются неотъемлемой частью всего уголовного права³. Эти принципы могут быть прямо закреплены в Общей части уголовного закона, либо вытекать из Конституции РФ,

¹ Наумов А.В. Российское уголовное право. Общая часть: курс лекций. М., 2024. С. 76.

² Разгильдиев Б.Т. Система уголовного права России: понятие, назначение // Системность в уголовном праве: материалы II Российского конгресса уголовного права. М., 2007. С. 336.

³ Энциклопедия уголовного права. Понятие уголовного права. В 35 т. Т. 1 / Б.В. Волженкин, Г.Ю. Лесников, Н.А. Лопашенко, В.В. Мальцев и др.; отв. ред.: В.Б. Малинин. СПб., 2005. С. 171.

международно-правовых норм, сформулированы в доктрине и применяться на практике. Преимуществом действующего уголовного закона является закрепление принципов в самом законе. Е.В. Кобзева верно отмечает, что принципы уголовного права – «незыблемый идеологический стержень, на котором держится и которым определяется все содержание отрасли уголовного права»¹. В действующем УК РФ они содержатся в статьях 3-7 УК РФ.

Однако, принципы построения Особенной части уголовного закона (как и Общей части) вытекают из принципов уголовного права, но ими не ограничиваются. При построении Особенной части уголовного закона необходимо руководствоваться несколькими группами принципов как исходными, «руководящими началами»: 1) принципами уголовного права, они же некоторыми учеными называются принципами уголовного кодекса²; 2) принципами уголовной политики (уголовно-правовой политики); 3) принципами кодификации. В науке нет единства мнений ни по количеству, ни по содержанию каждой из названных групп. Обратим внимание на ряд принципов, безусловно влияющих на построение Особенной части российского уголовного закона.

Принципы уголовного права, на основании которых строится российский уголовный закон и его Особенная часть: принцип законности; принцип равенства граждан перед законом; принцип справедливости; принцип вины; принцип гуманизма и др. Так, принцип законности при построении Особенной части уголовного закона состоит в том, что в ее статьях описан исчерпывающий перечень деяний, которые признаются преступлениями, а в санкциях статей Особенной части определены

¹ Кобзева Е. В. Идеологические и правовые границы российского уголовного закона: о необходимости их выделения и соблюдения // Вестник Саратовской государственной юридической академии. № 5 (100). 2014. С. 77.

² Однако верно отмечает В.В. Мальцев, что «принципы права и принципы законодательства – не одно и то же. Первые на уровне общественного правосознания непосредственно связаны с социальной справедливостью и предметом отрасли права, а вторые – их более или менее адекватное отражение в нормах законодательства, как правило, применительно к реальным и конкретным формам поведения людей». См.: Мальцев В.В. Принципы уголовного права и их реализация в правоприменительной деятельности. СПб., 2004. С. 125.

конкретные виды и размеры наказаний, которые предусмотрены за их совершение; закрытый перечень специальных оснований освобождения от уголовной ответственности и наказания; исключительные случаи, когда статья (глава, раздел) не применяются к конкретным отношениям. Правы те ученые, которые утверждают, что «принцип законности обязывает законодателя максимально точно формулировать признаки конкретных преступлений, а также наказаний за их совершение»¹. Само наличие Особенной части реализует принцип законности, воплощая идею о том, что нет преступления без указания на то в законе².

Принцип равенства, закрепленный в ст. 19 Конституции РФ, в ст. 7 Всеобщей декларации прав человека 1948 г., реализуется при построении Особенной части уголовного закона в том, что пол, возраст или должностное положения (а также иные характеристики лица) включаются в диспозицию статьи, если это обоснованно разработанными правилами криминализации деяний. Санкции статей Особенной части уголовного закона должны строиться таким образом, чтобы, во-первых, в них не было необоснованных «привилегий» и «льгот»³. Во-вторых, в них должен быть включен такой вид и размер наказания, который допустимо назначить любому лицу, совершившему преступление, независимо от пола, возраста, национальности и т.д. Проблему не универсальных санкций закономерно поднимает М.А. Простосердов, который справедливо указывает, что «необходимо, чтобы все санкции предусматривали универсальное наказание в качестве наиболее мягкого вида»⁴. Ранее на эту проблему указывала Ю. С. Черепенникова, которая писала, что «пробелы, содержащиеся в санкциях статей Особенной части УК РФ, связаны с невозможностью назначить наказание за конкретные

¹ Уголовное право Российской Федерации: проблемный курс для магистров и аспирантов. Введение в уголовное право. В 3 т. Т. 1 / под общ. ред. А.Н. Савенкова; науч. ред. авт. кол. А.И. Чучаева. М., 2022. С. 98.

² См.: Баумштейн А.Б. Концептуальные начала уголовного права России: автореф. ... дис. д-ра юрид. наук. Курск, 2017. С. 9.

³ См.: Лопашенко Н.А. Льготная уголовная ответственность бизнеса как нарушение уголовно-правового принципа равенства (или Чем преступники-предприниматели лучше других преступников) // Российский следователь. 2024. № 1. С. 47-53.

⁴ Простосердов М.А. Теория санкций в уголовном праве России: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2023. С. 121.

преступления определенной категории виновных лиц»¹. Но каждый из этих ученых предложил свое решение проблемы. М.А. Простосердов - через внесение изменений в санкции статей Особенной части УК РФ, а Ю.С. Черепенникова – через внесение изменений в Общую часть УК РФ. В настоящее время эта проблем решается на основании п. 27 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2015 г. № 58, где указано, что «в том случае, когда осужденному в силу положений, установленных законом, не может быть назначен ни один из предусмотренных соответствующей статьей Особенной части УК РФ видов наказаний, ему следует назначить любое более мягкое наказание, чем предусмотрено санкцией соответствующей статьи, а ссылка на статью 64 УК РФ в таком случае не требуется»². Однако такие ошибки в построении санкций не должны устраняться судебной властью, они требуют изменения содержания уголовного закона. Необходимым видится ревизия содержания санкций статей, включение в них вида и размера наказания, которое применимо к любому лицу, совершившему преступление.

Принцип вины проявляется в том, что вина является обязательным признаком всех составов преступлений, описанных в статьях Особенной части уголовного закона. Однако недостатком действующего законодательства является отсутствие указания на форму вины в ряде диспозиций статей. В таких случаях содержание закона даже при толковании с учетом взаимосвязи положений обеих частей не всегда очевидно.

В Особенной части УК РФ есть статьи, где форма вины прямо указана законодателем. Так, в диспозиции ч. 1 ст. 105 УК РФ установлено, что преступление может быть совершено только умышленно, а в диспозиции ст. 109 УК РФ – по неосторожности. Однако есть статьи, где указание на форму вины отсутствует. Так, в ст. 110 УК РФ признаки субъективной стороны не названы, аналогичная ситуация со ст. 217 и 264 УК РФ. В результате одни ученые-

¹ Черепенникова Ю.С. Пробелы в Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации и способы их восполнения: автореф. ... канд. юрид. наук. М., 2010. С.9.

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2015 г. № 58 (ред. от 18 декабря 2018 г.) «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» // СПС «КонсультантПлюс».

юристы полагают, что если законодатель в Особенной части УК РФ не указал, умышленно или по неосторожности совершается конкретный вид преступления, то оно может быть совершено с любой формой вины. Другие исследователи считают, что согласно ч. 2 ст. 24 Общей части УК РФ неосторожная форма вины должна быть прямо указана в статье Особенной части УК РФ. Если указания на неосторожную форму вины нет, то речь идет только об умышленном преступлении.

Мнения Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ по вопросу понимания формы вины в таких составах преступлений разошлись.

В определении Конституционного Суда РФ от 9 февраля 2017 г. № 218-о указано, что «Ф. утверждает, что преступление, совершенное им, согласно вступившему в законную силу приговору суда, не предполагает двух форм вины, подлежит квалификации как неосторожное деяние и потому относится к преступлениям средней тяжести, в отношении которых уголовное преследование ограничено не десятилетним, а шестилетним сроком давности, в применении которого ему было отказано. Эти доводы, однако, касаются иных положений уголовного закона, нежели оспариваемая норма»¹. Таким образом, Конституционный Суд РФ не указал, о какой форме вины речь идет в ч. 3 ст. 217 УК РФ, однако из формулировки ясно, что в данном случае он исключил неосторожную форму вины.

В п. 4 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 18 октября 2021 г. № 21, указано, что «исходя из положений части 2 статьи 24 УК РФ, если в диспозиции статьи главы 26 УК РФ форма вины не конкретизирована, то соответствующее экологическое преступление может быть совершено умышленно или по неосторожности при условии, если об этом свидетельствуют содержание деяния, способы его совершения и иные

¹ Определении Конституционного Суда РФ от 9 февраля 2017 г. № 218-о «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Функа Андрея Ивановича на нарушение его конституционных прав частью третьей статьи 217 Уголовного кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

признаки объективной стороны состава экологического преступления»¹. Форма вины учитывается при определении категории преступления, что прямо влияет на правовые последствия для лица (освобождение от ответственности, сроки погашения судимости и др.).

В доктрине уголовного права также обсуждается этот вопрос. Так, к составам преступлений с двойной виной А.Н. Трайнин предлагал относить конструкции, где неосторожность в отношении совершаемого действия сочетается с неосторожной формой вины в отношении общественно опасного последствия². К примеру, составы преступлений против безопасности движения и эксплуатации транспорта. В науке отсутствует единство взглядов на содержание вины в этих преступлениях. Так, В. В. Лукьянов писал: «На главный, дискуссионный вопрос, следует или нет различать две формы вины в дорожно-транспортных преступлениях: по отношению к действиям водителя и к их последствиям, на наш взгляд, следует ответить с полной определенностью утвердительно»³. А. И. Коробеев отмечает: «Формы вины по отношению к нарушениям правил безопасности и вызванным ими последствиям не всегда совпадают между собой. Иными словами, субъективная сторона характеризуется неоднородностью психического отношения виновного к действию и его последствиям. Анализ судебной практики показывает, что правила безопасности нарушаются в основном умышленно, к последствиям же этих нарушений субъект относится неосторожно (в виде преступного легкомыслия или небрежности)»⁴. Как пишет В.А. Якушин, встречается неодинаковое психическое отношение лица к совершаемому им действию (бездействию) и его последствиям. Он замечает, что умышленно нарушаются, например, правила дорожного движения или

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18 октября 2021 г. № 21 «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования» // СПС «КонсультантПлюс».

² Трайнин А. Н. Общее учение о составе преступления. М., 1957. С. 112 - 114.

³ Лукьянов В. В. Проблемы квалификации дорожно-транспортных преступлений. М., 1979. С.71. См., также: Алексеев Н. С. Транспортные преступления. Л., 1957. С. 84; Домахин С. А. Ответственность за преступления на автотранспорте. М., 1956. С. 37; Куринов Б. А. Автотранспортные преступления. М., 1970. С. 84 – 85.

⁴ Коробеев А. И. Транспортные преступления. СПб., 2003. С.135.

умышленно совершается иное правонарушение, которое повлекло последствия уголовно-правового характера. Но это умысел не уголовно-правового свойства, поэтому для уголовного права определяющим здесь будет психическое отношение к последствиям, выраженное в неосторожной вине, предусмотренной уголовным законом. В этом и проявляется, по мнению исследователя, суть смешанной формы вины¹. При построении закона целесообразно всегда указывать форму вины в диспозиции статьи Особенной части уголовного закона. Кроме того, форму вины необходимо учитывать при дифференциации ответственности, создавая статьи Особенной части уголовного закона, иначе не происходит «градации, разделении, расслоении ответственности в уголовном законе»².

Принцип справедливости также реализуется при построении Особенной части уголовного закона. В литературе верно указано, что «несправедливым является пробельное уголовное законодательство, т.е. не криминализовавшее действительно общественно опасные деяния»³. Этот принцип также проявляется через содержание диспозиций и санкций статей Особенной части уголовного закона, исходя из которого должна быть ясна оценка общественной опасности преступления. Принцип справедливости требует, чтобы ответственность была последовательно и обоснованно дифференцирована с учетом общественной опасности каждого преступления. И.Э. Звечаровский пишет, что «признавая деяние преступлением, законодатель должен также установить соразмерные этому преступлению вид и объем уголовно-правовых последствий, могущих наступить в случае совершения, то есть определить справедливую санкцию»⁴. На необходимость наличия справедливой санкции, которая соответствует тяжести описанного в законе общественно опасного деяния, а также о ее согласовании с другими

¹ См.: Якушин В. А. Субъективное вменение и его значение в уголовном праве. Тольятти, 1998. С. 149, 152, 154.

² Лесниевски-Костарева Т.А. Дифференциация уголовной ответственности. Теория и законодательная практика. М., 2000. С. 368.

³ Уголовное право Российской Федерации: проблемный курс для магистров и аспирантов: в 3 т. Т. 1. Введение в уголовное право / под общ. ред. А.Н. Савенкова; науч. ред. авт. кол. А.И. Чучаева. М., 2022. С. 105.

⁴ Звечаровский И.Э. Современное уголовное право России. СПб., 2001. С. 66.

санкциями Особенной части уголовного закона справедливо указывают С.Г. Келина и В.Н. Кудрявцев¹.

При построении Особенной части российского уголовного закона должен учитываться и принцип гуманизма, который согласно ст. 7 УК РФ, заключается и в том, что «уголовное законодательство Российской Федерации обеспечивает безопасность человека» (ст. 7 УК РФ). Он проявляется как в построении структуры Особенной части уголовного закона, где статьи о преступлениях, посягающих на права и свободы человека, располагаются в начале этого структурного компонента, так и в построении диспозиций, которые должны содержать исчерпывающий и полный круг деяний, посягающих на безопасность человека, и в санкциях статей, которые должны отражать действительную степень общественной опасности деяний.

Принципы уголовно-правовой политики, на основании которых строится уголовный закон и его Особенная часть: принцип экономии репрессии; принцип дифференциации ответственности и др. А.И. Коробеев отмечает, что «значение принципов уголовно-правовой политики состоит ... в том, что сам процесс законотворческой деятельности должен преломиться сквозь призму руководящих идей уголовно-правовой политики»². Особенная часть наиболее «чувствительна» к изменениям уголовной политики. Принцип экономии репрессии при построении Особенной части уголовного закона заключается в том, что деяния, признаки которых описаны в диспозициях статей, должны быть включены в уголовный закон при условии соблюдения оснований криминализации, в том числе, с учетом того, что иные не уголовно-правовые меры будут неэффективны в данном случае. Он реализуется «в криминализации минимума деяний, реальная опасность которых оправдывает использование уголовной репрессии»³. Также в науке обосновано отмечено,

¹ Келина С.Г., Кудрявцев В.Н. Принципы советского уголовного права. М., 1988. С. 135.

² Коробеев А.И. Уголовно-правовая политика России: от генезиса до кризиса. М., 2019. С. 29.

³ Уголовное право Российской Федерации: проблемный курс для магистров и аспирантов: в 3 т. Т. 1. Введение в уголовное право / под общ. ред. А.Н. Савенкова; науч. ред. авт. кол. А.И. Чучаева. М., 2022. С. 109.

что этот принцип проявляется при построении санкций статей Особенной части при указании альтернативных видов наказания¹,

Принцип дифференциации ответственности коррелирует с принципом справедливости и состоит в том, что «уголовная репрессия не должна носить уравнительного характера»². Санкции статей Особенной части уголовного закона должны строго отражать характер и степень общественной опасности деяния.

Принципы кодификации также обуславливают содержание и технику построения Особенной части уголовного кодекса, однако, в отличие от принципов права они носят прикладной характер³ и в большей степени связаны с законодательной техникой. В науке обоснованно существование таких принципов кодификации, как: демократизм; социальной обусловленности; соответствия уголовного закона Конституции РФ, другим федеральным конституционным законам, общепризнанным принципам и нормам международного права; системного выражения уголовно-правовых норм в Уголовном кодексе⁴. Принцип демократизма при построении Особенной части уголовного закона, во-первых, выражен в порядке расположения разделов и глав, во-вторых, в тому, что необходим учет интересов всех социальных групп при определении уголовно-правовых средств защиты личности, общества и государства⁵. Так, Т.В. Кленова указывает, что в соответствии с принципом демократизма «изменен порядок определения объектов уголовно-правовой охраны и структура Особенной части <...> выдержан принцип усиления санкций за преступления, непосредственно посягающие на личность, ее права и интересы»⁶.

¹ Уголовное право Российской Федерации: проблемный курс для магистров и аспирантов: в 3 т. Т. 1. Введение в уголовное право / под общ. ред. А.Н. Савенкова; науч. ред. авт. кол. А.И. Чучаева. М., 2022. С. 109.

² Коробеев А.И. Уголовно-правовая политика России: от генезиса до кризиса. М., 2019. С. 42.

³ См.: Кленова Т.В. Принципы кодификации уголовно-правовых норм // Кодификация законодательства: теория, практика, техника: материалы Международной научно-практической конференции. Н. Новгород, 2009. С. 855-856.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 848.

Принцип социальной обусловленности при построении Особенной части уголовного закона реализуется в том, что при создании ее статей необходимо учитывать «реальное состояние преступности, выявленные закономерности развития общественных отношений, социально-политической ситуации»¹. Этот принцип уголовно-правовой политики коррелирует с принципами криминализации (декриминализации) и пенализации (депенализации) уголовно-правовой политики.

Принцип системного выражения уголовно-правовых норм при построении Особенной части уголовного закона проявляется в том, что содержание статей Особенной части не должно противоречить содержанию статей Общей части; в законе должны отсутствовать пробелы; обе части кодекса должны быть построены с учетом общих задач и принципов. В.Ф. Щепельков отмечает, что «задачи и принципы УК РФ в иерархии уголовно-правовых установлений находятся выше остальных норм. <...> Нормы, содержащиеся в ст. ст. 1–8 УК РФ, несут в себе системосохраняющие начала уголовного законодательства»². Общая и Особенная части уголовного закона не могут строиться и действовать исходя из разных фундаментальных положений, поскольку это создает внутриотраслевое концептуальное противоречие.

При построении Особенной части уголовного закона должен учитываться принцип ее соответствия положениям Конституции РФ, общепризнанным принципам и нормам международного права, международным договорам Российской Федерации. Кроме того, должно отсутствовать противоречие между положениями Особенной части уголовного закона и законодательством иной отраслевой принадлежности.

¹ Кленова Т.В. Принципы кодификации уголовно-правовых норм // Кодификация законодательства: теория, практика, техника: материалы Международной научно-практической конференции. Н. Новгород, 2009. С. 849.

² Щепельков В.Ф. Уголовный закон как формально-логическая система: дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2003. С. 13.

Принцип правовой определенности при построении Особенной части уголовного закона реализуется в том, чтобы ее положения точно и ясно определяли преступность и наказуемость деяний.

В-третьих, единство двух названных частей уголовного закона заключается в том, что свойства конкретных преступлений и наказаний за них предусмотрены как в Особенной, так и в Общей части. При этом в первую часть вынесены общие для всех преступлений и наказаний признаки. Соотношение Общей и Особенной частей уголовного закона достигается через согласование таких отраслевых вопросов, как понятие преступления, понятие и пределы ответственности за неоконченное преступление, понятие соучастников преступления, виды и размеры наказаний и др. Конкретным содержанием элементы состава преступления наполняются при анализе статей Общей и Особенной частей уголовного закона. Как отмечал А. А. Пионтковский, в Общей части уголовного кодекса дается общее понятие преступления, а в Особенной части содержатся определения отдельных составов преступлений, которые являются результатом конкретизации общего понятия¹. А.В. Наумов обоснованно замечает, что «в нормах Общей части регламентируются наиболее важные вопросы, относящиеся к основным понятиям уголовного права – уголовному закону, преступлению и наказанию. Особенная часть уголовного права включает нормы, в которых определяются конкретные преступления по родам и видам, а также наказания, установленные за их совершение»².

Уровень согласованности содержания положений Общей части с содержанием положений Особенной части свидетельствует о том, насколько законодателю удалось «разместить» нормы уголовного права в статьях уголовного закона. Верным является вынесение в статьи Общей части уголовного закона принципов, оснований уголовной ответственности, общих

¹ См.: Уголовное право. Общая часть: учебник / А.А. Герцензон, М.М. Исаев, А.А. Пионтковский, Б.С. Утевский; науч. ред. В. Д. Меньшагин М., 1948. С. 282-284.

² Наумов А.В. Российское уголовное право. Общая часть: курс лекций. М., 2024. С. 36-37.

положений об элементах состава преступления (вине, субъекте преступления, неоконченном преступлении, соучастии в преступлении), общих положений о наказании, его видах и иных мерах уголовно-правового характера. Это своеобразный прием законодательной техники. Уголовный закон должен быть построен так, чтобы составные компоненты норм права (гипотеза, диспозиция, санкция) «нашли свое место» в статьях закона. Одним из способов избежать повторов и нагромождений как раз и является выделение Общей и Особенной частей закона.

Как указывает Д.А. Керимов, «в большинстве своем кодексы состоят из двух основных частей: Общей и Особенной. ... Деление кодекса на две основные части вызвано целесообразностью структурного построения его. Такое деление преследует цель избежать повторения общих положений при изложении каждого правового института или статьи»¹. Равным образом и Л.В. Иногамова-Хегай совершенно обоснованно замечает, что «деление уголовного права на две части не является просто механическим актом... Это проявление законодательной техники: без деления на данные части во всех статьях Особенной части необходимо было бы указывать все признаки субъекта преступления, формулировать положения о неоконченном преступлении, соучастии и других особенностях объективной и субъективной сторон, а также раскрывать содержание наказания и т.д. Это привело бы к нагромождению и повторению одних и тех же положений»².

Как верно утверждает В.П. Коняхин, «наличие у отрасли права Общей части является первым формальным признаком ее зрелости»³. Наличие Общей и Особенной части уголовного закона является формальным признаком более высокого уровня законодательной техники в государстве.

Итак, во-первых, Общая и Особенная части появляются одновременно как структурные образования органически единого закона. Еще раз

¹ Керимов Д.А. Законодательная техника. Научно-методическое и учебное пособие. М., 1998. С. 92.

² Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть: учебник / под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай. М., 2013. С. 4.

³ Коняхин В.П. Теоретические основы построения Общей части уголовного права. Краснодар, 2002. С. 4.

подчеркнем, что это именно части закона, а не права. Они представляют собой самостоятельные взаимосвязанные подсистемы общей системы уголовного закона. Как отмечает Г.П. Новоселов, «статьи Особенной и Общей частей описывают признаки не разных, а одних и тех же уголовно-правовых норм»¹. Нормы уголовного права выражаются через статьи обеих частей уголовного кодекса.

Во-вторых, недостаточно технически отделить одну часть от другой, их нужно согласовать по смыслу, содержанию и форме так, чтобы в своем единстве они отражали все нормы уголовного права.

Кроме того, ни в одной статье Особенной части уголовного закона описание преступления не является полным, исчерпывающим. В Особенной части уголовного кодекса фиксируются только те признаки, которые выражают специфику той или иной разновидности преступлений.

Аналогично законодателем решается вопрос и о наказуемости преступных деяний. Конкретные виды и размеры наказаний установлены в санкциях статей Особенной части уголовного закона. Общие же виды и размеры наказаний, а также порядок их назначения определены в Общей части.

С юридико-технической стороны единство Общей и Особенной частей уголовного кодекса состоит в его системном строении. Как и любая система, уголовный закон - упорядоченная совокупность компонентов, которые взаимодействуют между собой. Следует подчеркнуть, что уголовный кодекс в целом есть система, две составные части которой образуют его единство. В качестве основных структурных единиц и в Общей, и в Особенной части УК РФ выступают разделы, главы, статьи.

Технически единство двух названных частей может выражаться в сквозной нумерации статей, глав и разделов. Так, Особенная часть УК РФ начинается со статьи под номером 105, главы 16, раздела VII.

¹ См.: Уголовное право. Особенная часть: учебник / отв. ред. И.Я. Козаченко, Г.П. Новоселов. М., 2008. С. 34-36.

Трансформация Общей части уголовного законодательства влечет за собой, как правило, изменение содержания статей Особенной части УК РФ. Так, исключение из Общей части статьи 16 УК РФ повлекло за собой устранение из всех статей Особенной части УК РФ признака неоднократности и совершение преступления при наличии судимости как квалифицирующего обстоятельства. Таким образом, законодателю необходимо было согласовать положения диспозиций статей Особенной части с содержанием положений Общей части.

Аналогичные трансформации происходят и с санкциями статей. К примеру, в УК РСФСР 1960 г. исключение из Общей части таких видов наказания, как ссылка и высылка, повлекло изменение всех санкций статей Особенной части УК РСФСР, а исключение конфискации как вида наказания из ст. 44 и ст. 52 УК РФ изменение санкций статей Особенной части УК РФ¹. Однако такого рода изменения не могут носить исключительно технический характер. Законодатель должен учитывать, какие виды наказаний остаются в санкциях после реформы, сохраняет ли санкция те свойства, которые были ей присущи до внесения изменений.

В доктрине уголовного права нередко бытует мнение, что в отношениях между Общей и Особенной частями Общая часть выполняет главенствующую роль². В качестве примера приводятся положения ранее действовавшего российского уголовного закона. Так, в ст. 2 УК РСФСР 1960 г. содержалось указание на то, что «Общая часть Кодекса распространяется как на деяния, указанные в настоящем Кодексе, так и на деяния, ответственность за которые предусмотрена общесоюзными законами, еще не включенными в настоящий Кодекс». Анализируя это положение закона, А.Н. Петрушенков приходит к выводу, что здесь закреплено «верховенство Общей части над Особенной частью»³. Однако вряд ли здесь речь идет о законодательно закреплённом

¹ См.: Федеральный закон от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

² Петрушенков А.Н. Теоретические основы взаимодействия Общей и Особенной части Уголовного кодекса РСФСР 1960 года // Пробелы в российском законодательстве. 2014. № 1. С. 106.

³ Там же.

приоритете одного структурного компонента закона над другим. Соответствующее указание необходимо в государстве, где уголовный кодекс в определенный временной промежуток не является единственным источником уголовно-правовых предписаний. Внутри уголовного закона нет иерархии его частей. Общая и Особенная части уголовного закона не находятся в отношениях субординации. Они различны по содержанию, действуют во взаимосвязи и единстве, не должны противоречить и дополняют друг друга.

Между тем, еще раз подчеркнем: утверждая о взаимосвязи и взаимодействии этих двух частей, не следует игнорировать их относительную самостоятельность как подсистем внутри уголовного закона. Как справедливо отмечено в науке уголовного права, «обе части уголовного закона образуют в своей совокупности органическое единство, хотя существенно различаются по характеру и содержанию нормативных предписаний»¹. Они вместе представляют собой упорядоченную совокупность, каждая из которых обладает своими задачами и функциями, внутренней структурой, взаимосвязью и взаиморасположением присущих именно для данной части составных компонентов.

Взаимодействие Общей и Особенной частей происходит через выбранный законодателем инструментарий, а впоследствии – через толкование и применение уголовного закона. В.М. Коган писал, что, «представляя собой выражение исторического опыта законотворчества, положения Общей части выступают в качестве ограничений или требований, которым теперь должны соответствовать некогда породившие их положения Особенной части. Это нужно для того, чтобы обеспечить приоритет долгосрочных, перспективных потребностей общества перед кратковременными, текущими потребностями»². Именно за регулирование «кратковременных, текущих потребностей» в большей степени отвечает

¹ Пудовочкин Ю.Е. Учение об уголовном законе: лекции. М., 2014. С. 62.

² Коган В.М. Социальный механизм уголовно-правового воздействия. М., 1983. С. 73.

Особенная часть уголовного закона. Она вносит в закон динамизм, в то время как Общая часть в большей степени отвечает за его стабильность.

Действительно, положения Особенной части более подвижны и изменчивы, чем положения части Общей. Однако сказанное вовсе не означает, что Особенная часть не должна обеспечивать известную стабильность¹.

В сравнении с Общей частью Особенная часть конкретна, специфична и отличается от первой еще по ряду моментов. Один из них – предмет Особенной части. Предмет Особенной части российского уголовного закона органически связан с предметом отрасли уголовного права и обусловлен им, но не является тождественным ему. В Общей части уголовного закона называются общественные отношения, которые им охраняются. В Особенной части эти общественные отношения конкретизируются. Предмет Особенной части уголовного закона формируется с учетом задач этого парного сложно структурированного компонента уголовного закона и представляет собой систему признаков конкретных составов преступлений, отличающих один состав от другого и установленных пределов наказаний за совершение преступлений, а также специальных предписаний (оснований, исключающих преступность деяния, освобождения от уголовной ответственности либо наказания за определенные преступления и др.).

Через построение статей Особенной части и их содержание демонстрируется метод уголовно-правового регулирования. Методы уголовно-правового регулирования общественных отношений определяют внутренний (содержательный) аспект отрасли уголовного права, а метод законодательного выражения правовых норм – их внешний аспект. Метод регулирования обуславливает выбор способа законодательного выражения нормы права: дозволение, запрет, предписание. Характерной чертой Особенной части уголовного закона является использования такого метода законодательного выражения правовых норм как запрет. Метод дозволения в

¹ См.: Уголовное право. Особенная часть: учебник / под ред. А.И. Рагоа. М., 1996. С. 5.

уголовном законе вытекает из формулы «разрешено все, что не запрещено законом», именно Особенная часть уголовного закона в большей степени «разграничивает область воспрещенного и дозволенного»¹. В самой Особенной части уголовного закона не в полной мере определено то, что дозволено, - вывод об этом делается на основании анализа того, что запрещено.

Для Особенной части уголовного закона характерен императивный метод, который выражается через преобладание обязывания совершить определенные действия или воздержаться от совершения определенных действий под угрозой применения наказания. Такой способ законодательного выражения нормы права как предписания используется для формулирования в уголовном законе специальных оснований освобождения от уголовной ответственности, когда законодатель предписывает совершение определенных действий. Для Особенной части современного российского уголовного закона характерно расположение таких положений в примечаниях, однако допустимо создание системы отдельных статей, как это в настоящее время сделано в некоторых зарубежных уголовных законах.

Таким образом, метод законодательного выражения нормы уголовного права проявляет себя в придании определенной формы нормам уголовного права в уголовном законе с учетом методов правового регулирования. Содержание и форма уголовного закона демонстрируют, что методы уголовного права едины для уголовного права и пронизывают весь уголовный закон, а методы законодательного выражения отличны для Общей и Особенной частей. Именно Особенная часть преимущественно использует метод запрета.

Назначение Особенной части как парного структурного образования уголовного закона заключается в упорядочении, объединении и расположении в определенной последовательности признаков составов преступлений,

¹ См.: Энциклопедия уголовного права. Понятие уголовного права. Т. 1 / Б.В. Волженкин, Г.Ю. Лесников, Н.А. Лопашенко, В.В. Мальцев и др.; отв. ред.: Малинин В.Б. СПб., 2005. С. 230.

отличающих одни составы преступлений от других, в определении специальных пределов наказаний за совершение тех или иных видов преступлений, а в некоторых случаях закрепления специальных предписаний, уточняющих положения, содержащиеся в Общей части уголовного закона (специальные основания, исключающие преступность деяния, основания привлечения и освобождения от уголовной ответственности либо наказания за совершение преступлений) и др.

Задачи Особенной части уголовного закона согласуются с задачами уголовного закона, но конкретизируются с учетом ее специфичен назначения: при описании составов преступлений распределить все преступления по группам по определенным критериям и отразить это с помощью инструментария законодательной техники; расположить статьи, главы, разделы и другие компоненты в определенной логической последовательности, которая способствует пониманию признаков состава преступления и применению уголовного закона; определить пределы наказания для различных видов преступлений; соотнести виды и пределы наказаний за различные преступления с учетом категории преступлений; закрепить специальные предписания, являющиеся исключением или уточнением правил, содержащихся в Общей части уголовного закона.

Таким образом, в Особенной части уголовного закона указывается, какие конкретно общественно опасные деяния признаются преступлениями и какие наказания устанавливаются за их совершение. Тем самым здесь решаются конкретные задачи отграничения одного вида преступления от другого, а также разграничения преступного и не преступного в той или иной сфере социальной жизнедеятельности. Именно в Особенной части уголовного закона представлен наглядно и с исчерпывающей полнотой тот круг общественных отношений, который законодатель относит к предмету уголовного права.

Общая и Особенная части уголовного закона строятся исходя из разных оснований. Так, две части УК РФ имеют различные основания структурирования, а равно неодинаковую структуру статей, глав и разделов.

Статьи Особенной части уголовного закона, равно как и Общей, находятся в определенной системе. Основным критерием их систематизации в Особенной части служит объект преступления, т.е. определенной группы общественных отношений, выделенной из всего объема социальных связей, являющихся предметом уголовного права. Так, в этой части уголовного закона статьи объединяются, главы и разделы располагаются в зависимости от объекта преступления, его относительной важности, социальной значимости. При этом исторически Особенная часть структурируется не только на основании объекта преступления. В основу ее архитектуры могут быть положены «тяжесть наказания (преступления, проступки, нарушения), субъективная сторона (контрреволюционные и иные преступления), способ совершения преступления (насилие и обман), субъект посягательства (преступления военнослужащих и гражданских лиц)»¹.

Статьи Общей части уголовного закона не имеют санкций, статьи же Особенной части уголовного закона состоят, как правило, из диспозиции и санкции. В современном уголовном кодексе только статьи Особенной части уголовного закона имеют примечания. Система Общей части строится исходя не из объекта уголовно-правовой охраны, а с учетом основных институтов уголовного права: преступление; наказание; освобождение от уголовной ответственности и наказания и т.д.

Общая и Особенная части разнятся и по характеру действия нормативных предписаний. По общему правилу, статьи Особенной части применяются самостоятельно, конечно, с учетом и в строгом соответствии с статьи Общей части. Положения же Общей части, напротив, в большинстве своем, не обладают самостоятельным действием. Как писал П.И. Люблинский,

¹ См.: Шаргородский М.Д. Уголовный закон. М., 1948. С. 63–65.

«... постановления общей части не обладают самостоятельным действием, а действуют относительно, представляя собой как бы вынесенные за скобки части отдельных статей. По своей структуре они резко отличаются от уголовно-правовых норм части особенной. Большинство статей общей части имеет определительный характер; остальные статьи служат дополнениями или пояснениями диспозиций, или санкций части особенной»¹.

Прогрессом явилось реализация идеи закрепления в статьях Особенной части оконченного преступления, совершенного исполнителем. А в Общей части уголовного закона положений об уголовной ответственности за неоконченное преступление, а также соучастников преступления. В этих случаях нормативные предписания Особенной части применяются совместно с нормативными положениями Общей части (ст. ст. 30 и 33 УК РФ).

Следует также сказать, что Общая часть современного уголовного закона включает положения, которые могут быть применены непосредственно: о малозначительности деяния – ч. 2 ст. 14 УК РФ; об обстоятельствах, исключающих преступность деяния, – гл. 8 УК РФ; о добровольном отказе от преступления – ст. 31 УК РФ.

Для обозначения взаимосвязи и ее подтверждения приведем не только теоретические положения, но и примеры из практики совместного применения статей Общей и Особенной части действующего российского уголовного закона.

Так, судом установлено, что З. нашёл один патрон калибра 7,62 мм, который, по заключению эксперта, является боеприпасом к нарезному охотничьему огнестрельному оружию, принёс его домой и незаконно хранил в квартире. По приговору суда З. осуждён по ч. 1 ст. 222 УК РФ². Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации в обоснование принятого решения сослалась на статьи Общей части УК РФ. Она

¹ Люблинский П.И. Техника, толкование и казуистика уголовного кодекса. М., 2004. С. 46.

² Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за первый квартал 2011 года [Электронный ресурс]: URL: <https://vsrf.ru/documents/practice> (дата обращения 14.11.2023 г.).

указала, что в соответствии с ч. 2 ст. 14 УК РФ не является преступлением действие (бездействие), хотя формально и содержащее признаки какого-либо деяния, предусмотренного УК РФ, но в силу малозначительности не представляющее общественной опасности. Судебная коллегия отменила приговор суда с прекращением дела на основании п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ за отсутствием в деянии состава преступления и признала за З. право на реабилитацию¹.

Взаимодействие Общей и Особенной частей уголовного закона осуществляется через юридические конструкции. Одной из таких конструкций является состав преступления. Как справедливо отмечено теоретиками права, «состав преступления – это фундамент, на основании которого взаимодействуют Общая и Особенная части»². Конституционный Суд РФ неоднократно обращал на это обстоятельство внимание в своих решениях. Так, в определении Конституционного Суда РФ от 27 марта 2018 г. № 834-о указано, что «закрепленные в этих нормах общие признаки мошенничества и предусмотренные в частях второй - четвертой статьи 159 УК Российской Федерации квалифицирующие его признаки подлежат установлению во взаимосвязи с положениями Общей части данного Кодекса, в том числе определяющими принцип и формы вины, основание уголовной ответственности (статьи 5, 8, 24 и 25) (определения Конституционного Суда Российской Федерации от 26 января 2017 года № 78-О и от 19 декабря 2017 года № 2861-О)»³. Аналогичная позиция озвучена в п. 2.1 постановления Конституционного Суда РФ от 04 марта 2021 г. № 5-П⁴.

¹ Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за первый квартал 2011 года [Электронный ресурс]: URL: <https://vsrf.ru/documents/practice> (дата обращения 14.11.2023 г.).

² Петрушенков А.Н. Когерентность Общей и Особенной частей в уголовном законодательстве Израиля и Молдовы // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2014. № 3 (27). С. 133.

³ Определение Конституционного Суда РФ от 27.03.2018 № 834-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Уткина Алексея Васильевича на нарушение его конституционных прав частями второй и третьей статьи 159, частью третьей статьи 159.1 Уголовного кодекса Российской Федерации, а также частью второй статьи 243 и частью второй статьи 309 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Постановление Конституционного Суда РФ от 04.03.2021 г. № 5-П «По делу о проверке конституционности части первой статьи 159 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В.В. Калугарова» // СПС «КонсультантПлюс».

В Общей части уголовного закона упоминаются отдельные элементы и признаки состава преступления (ст. 8, ст. 14, ст. 29-30, гл. 4-5 УК РФ). Объекты уголовно-правовой охраны названы в ч. 1 ст. 2 УК РФ, а объекты преступлений конкретизированы в названиях разделов и глав Особенной части УК РФ, а также в диспозициях ее статей.

Признаки объективной стороны преступлений также устанавливаются из положений статей Общей и Особенной частей УК РФ. Примером может служить состав убийства при превышении пределов необходимой обороны (ст. 108 УК РФ). Так, Судебная коллегия переквалифицировала действия Г. в отношении Р. с ч. 1 ст. 105 УК РФ на ч. 1 ст. 108 УК РФ. Суд в обосновании своего решения сослался на статьи Общей части УК РФ. Он указал, что в ч. 2 ст. 37 УК РФ предусмотрена возможность защиты от посягательства, не сопряженного с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица, либо с непосредственной угрозой применения такого насилия. Такая защита является правомерной, если при этом не было допущено превышение пределов необходимой обороны¹.

В современном отечественном уголовном законе в ст. 19 УК РФ перечислены признаки общего субъекта преступления: вменяемое физическое лицо, достигшее возраста, указанного в ст. 20 УК РФ. Эти положения Общей части УК РФ распространяются на все положения Особенной части УК РФ, содержащих описание конкретных видов преступлений. Если законодатель считает необходимым указать какие-либо дополнительные характеристики субъекта, то они обозначаются в статьях Особенной части уголовного закона. При этом эти положения Особенной части УК РФ не должны противоречить положениям главы 4 Общей части УК РФ. Так, в ст. 106 УК РФ указано на убийство новорожденного, совершаемое матерью. Взаимодействие Общей и Особенной частей уголовного закона на примере ст. 106 УК РФ состоит в том, что помимо специальных характеристик субъекта - мать новорожденного

¹ Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 22 октября 2020 г. № 43-УД20-8-К6 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2022. № 1. С. 4.

ребенка, должны быть установлены и общие характеристики, которые указаны в статьях Общей части УК РФ: вменяемое физическое лицо, достигшее 16 лет. В диспозиции статьи Особенной части уголовного закона должен быть указан возраст субъекта преступления, если он отличается от установленного в Общей части, как это сделано, в ст. 134 и 135 УК РФ.

Положения Общей части УК РФ о субъекте преступления влияет на применение статей Особенной части УК РФ. Так, суд первой инстанции квалифицировал действия Ч. по п. «а» ч. 2 ст. 158 УК РФ. Суд кассационной инстанции отменил приговор и апелляционное определение и прекратил уголовное дело, указав, что участником предварительного сговора могло быть только вменяемое лицо, а Л. совершил деяние, содержащее признаки преступления, предусмотренного п. «а» ч. 2 ст. 158 УК РФ, в состоянии невменяемости. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ отменила кассационное определение и передала уголовное дело на новое рассмотрение. Верховный Суд РФ в своем определении указал, что положениями ст. 33 и ч. 2 ст. 35 УК РФ не предусматривается обязательное наличие вменяемости и соответствующего возраста соучастников преступления, и уголовный закон не связывает возможность признания преступления совершенным группой лиц по предварительному сговору с наличием в такой группе только лиц, подлежащих уголовной ответственности¹. Таким образом, Общая часть УК РФ еще и определяет некоторые «пределы» или «границы» применения статей Особенной части УК РФ.

Приведем еще один пример из судебной практики, когда суд со ссылкой на статьи Общей части УК РФ посчитал, что в действиях лица не содержится признаков состава преступления. Суд первой инстанции квалифицировал действия В. по п. «з» ч. 2 ст. 111 УК РФ. Апелляционным определением вышестоящего суда действия В. переqualифицированы на ч. 1 ст. 114 УК РФ.

¹ Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 27 мая 2021 г. № 75-УДП21-8-К3 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2022. № 5. С. 16.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ 2 сентября 2021 года отменила приговор, апелляционное определение и определение кассационного суда, а уголовное дело прекратила за отсутствием в действиях В. состава преступления и признало за ней право на реабилитацию. В качестве аргумента суд указал, что вывод суда апелляционной инстанции сделан без учета требований ст. 37 УК РФ¹.

Взаимосвязь Общей и Особенной частей проявляется и в определении ответственности за неоконченное преступление. Так, Президиум Верховного Суда РФ изменил судебные решения в отношении Ж., исключил осуждение его по ч. 1 ст. 30 и п. «а» ч. 3 ст. 162 УК РФ, указав следующее. Действия Ж. суд квалифицировал как приготовление к разбою, т. е. как неоконченное преступление. Между тем преступление было окончено, поскольку, как установил суд, организованная группа в том же составе вновь выехала с целью совершить разбойное нападение на квартиру семьи Г. и, угрожая оружием, напала на Г. в подъезде дома с требованием отдать ключи от квартиры. Таким образом, действия Ж. в отношении одного и того же объекта преступного посягательства, направленные на достижение единого результата, совершенные с теми же целями и мотивами, следует рассматривать как единое преступление, не требующее дополнительной квалификации действий Ж., предшествовавших оконченому нападению, - приготовление к преступлению. В связи с этим квалификация действий Ж. по ч. 1 ст. 30 и п. «а» ч. 3 ст. 162 УК РФ является излишней, так как его действия охватываются окончанным составом преступления².

Санкции статей Особенной части уголовного закона должны строиться с учетом видов и размеров наказаний, указанных в Общей части уголовного закона. Наказание, содержащиеся в санкциях статей Особенной части УК РФ, невозможно применить без учета положений статей Общей части УК РФ. Так,

¹ Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 2 сентября 2021 г. № 16-УД21-14-К4 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2022. № 9. С. 30.

² Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за II квартал 2007 года. [Электронный ресурс]: URL: <https://vsrf.ru/documents/practice> (дата обращения 14 ноября 2023 г.).

М. за совершение преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 159 УК РФ, было назначено наказание в виде ограничения свободы. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ отменила кассационное определение и направила уголовное дело на новое рассмотрение, указав, что «судом кассационной инстанции при рассмотрении уголовного дела были установлены нарушения уголовного закона, допущенные судом первой инстанции при назначении М., являющегося иностранным гражданином, наказания по ч. 1 ст. 159 УК РФ в виде ограничения свободы, поскольку в соответствии с ч. 6 ст. 53 УК РФ ограничение свободы не назначается иностранным гражданам»¹. Анализ официально опубликованной судебной практики свидетельствует о том, что ошибки применения санкций статей Особенной части уголовного закона чаще всего связаны с неправильным применением положений Общей части УК РФ.

Еще одной «новой плоскостью» взаимодействия Общей и Особенной частей уголовного законодательства стали иные меры уголовно-правового характера. Рассмотрим это взаимодействие на примере судебного штрафа. В уголовном законодательстве до нововведений 2017 года понятие судебного штрафа не использовалось².

Согласно ст. 104.4 УК РФ, судебный штраф есть денежное взыскание, назначаемое судом при освобождении лица от уголовной ответственности. По логике новых положений закона, виновное лицо не только возмещает причиненный преступлением ущерб, но и выплачивает государству денежную компенсацию за противоправное поведение. Полагаем, что использование понятия «судебный штраф» в УК РФ не является обоснованным. Во-первых, в уголовном законе уже используется понятие штрафа как вида наказания, которое применяется с дореволюционного периода. Во-вторых, введение характеристики «судебный» с целью указания на орган, который имеет право

¹ Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 12 мая 2021 № 18-УДП21-10-К4 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2022. № 7. С. 14.

² Голенко Д.В. Судебный штраф как иная мера уголовно-правового характера // Юридический вестник Самарского университета. 2018. Т. 4. № 1. С. 78.

его назначить, не отражает сущности явления и не отграничивает его от наказания. Штраф как вид наказания назначается также только судом. Использование одного термина для обозначения различных правовых явлений нецелесообразно. Что касается правовой природы судебного штрафа, то следует обратить внимание, что законодатель расположил его в разделе «Иные меры уголовно-правового характера», в котором также находятся положения о принудительных мерах медицинского характера, конфискации имущества. В специальной литературе высказывается мнение, что иные меры уголовно-правового характера наряду с наказанием представляют собой форму реализации уголовной ответственности¹. Однако по отношению к такому виду иных мер уголовно-правового характера, как судебный штраф, вряд ли высказанные суждения применимы, поскольку он назначается в связи с освобождением от уголовной ответственности.

Существует и другая точка зрения. Так, Н.Н. Апостолов полагает, что есть все основания считать судебный штраф альтернативой уголовной ответственности². С таким высказыванием нельзя согласиться в полном объеме. Виновное лицо либо привлекается к уголовной ответственности, либо освобождается от нее. Введение судебного штрафа создает не альтернативу уголовной ответственности, а промежуточную стадию привлечения к уголовной ответственности. С одной стороны, лицо освобождается от уголовной ответственности с возложением на него обязанности уплатить государству денежную компенсацию. С другой стороны, в случае неисполнения этой обязанности, лицо будет привлечено к уголовной ответственности, а назначение судебного штрафа не приведет к безусловному освобождению лица от уголовной ответственности.

Рассматриваемое взаимодействие Общей и Особенной частей УК РФ состоит в том, что размер судебного штрафа определяется через один из видов

¹ Гареев М. Кому светят иные меры? // ЭЖ-Юрист, 2013. № 1. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: СПС. КонсультантПлюс (дата обращения: 15 июля 2023 г.).

² Апостолов Н.Н. Прекращение уголовного дела или уголовного преследования с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа // Российская юстиция. 2016. № 10. С.34-37.

наказания, что, на наш взгляд, приводит к смешиванию различных по своей правовой природе явлений. Так, в статье 104.5 УК РФ указано, что размер судебного штрафа не может превышать половину максимального размера штрафа, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части УК РФ. Таким образом, размер судебного штрафа определяется со ссылкой на санкцию статьи Особенной части УК РФ, где содержатся исключительно виды наказаний.

Как справедливо отмечает А.А. Гравина, при введении судебного штрафа не учитывается то обстоятельство, что правовая природа наказания и иных мер уголовно-правового характера различна по основаниям, целям и правовым последствиям их применения. Подобное предложение отражает тенденцию к дальнейшей «девальвации» института уголовного наказания¹.

Взаимосвязь и единство Общей и Особенной частей УК РФ выражается посредством обстоятельств, смягчающих и отягчающих уголовное наказание. Существует мнение, что эти обстоятельства не должны трансформироваться в квалифицирующие и привилегированные признаки составов и повторно указываться в диспозициях статей Особенной части УК РФ, так как это «неоднократное копирование обстоятельств» в Общей и Особенной частях. Такой «законодательный прием «раздувает» текст Особенной части² и создает сложности для правоприменителя.

Приведем пример из судебной практики. Еще один пример из судебной практики. Согласно ч. 2 ст. 63 УК РФ, если отягчающее обстоятельство предусмотрено соответствующей статьей Особенной части УК РФ в качестве признака преступления, оно само по себе не может повторно учитываться при назначении наказания. Объективная сторона преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 30, пп. «д», «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ (покушение на убийство), предполагает наступление последствий в виде вреда здоровью человека любой

¹ Гравина А.А. Тенденции развития уголовного законодательства на современном этапе // Журнал российского права. 2016. № 11. С. 95-105.

² Петрушенков А.Н. Теоретические основы взаимодействия Общей и Особенной части Уголовного кодекса РСФСР 1960 года // Пробелы в российском законодательстве. 2014. № 1. С. 157.

категории тяжести, включая тяжкий вред. Указанное обстоятельство – наступление тяжких последствий в виде причинения тяжкого вреда здоровью по признаку опасности для жизни человека в момент его причинения – не может повторно учитываться судом как отягчающее наказание. С учетом изложенного Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ исключила из приговора в части осуждения за покушение на убийство Б. указание на обстоятельство, отягчающее наказание, – наступление тяжких последствий – и смягчила назначенное осужденному наказание по ч. 3 ст. 30, пп. «д», «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ¹

В судебной практике имеют место и такие примеры, когда суд не учитывает обстоятельство, отягчающее наказание, посчитав, что оно предусмотрено статей Особенной части УК РФ как признак преступления. Так, судом первой инстанции действия П. квалифицированы по ч. 3 ст. 291 УК РФ. Суд кассационной инстанции посчитал, что из приговора следует исключить указания на отягчающее обстоятельство, предусмотренное п. «о» ч. 1 ст. 63 УК РФ, то есть совершение умышленного преступления сотрудником органов внутренних дел, и назначенное наказание было смягчено. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ кассационное определение отменила и передала дело на новое рассмотрение. Она указала, что суд пришел к неверному выводу о том, что должностное положение П. было дважды учтено при определении ему меры уголовной ответственности, так как в ч. 3 ст. 291 УК РФ не указано, что субъектом преступления является должностное лицо².

Как усматривается из приговора, суд по другому делу при назначении осужденному наказания на основании п. «г» ч. 1 ст. 63 УК РФ признал обстоятельством, отягчающим наказание, особо активную роль в совершении преступлений. При этом судом установлено, что осужденный Б. являлся

¹ Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за I квартал 2021 года. [Электронный ресурс]: URL: <https://vsrf.ru/documents/practice> (дата обращения 14.11.2023 г.).

² Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 13 мая 2021 г. № 25-УДП21-7-К4// Бюллетень Верховного Суда РФ. 2022. № 6. С. 9.

организатором и руководителем созданной им организованной группы, определял роли и степень участия в реализации единого преступного умысла каждого из участников преступлений, координировал их действия, разработал преступный план действий, разрешал вопросы финансового и материально-технического обеспечения организованной группы, соблюдения мер конспирации при ведении преступной деятельности и придания преступным действиям соучастников видимости законных. Эти действия осужденного квалифицированы судом по ч. 3 ст. 33 УК РФ. Между тем организация совершения преступлений и руководство их исполнением сами по себе предполагают особо активную роль лица в совершении преступлений и являются признаками объективной стороны совершенных преступлений. В соответствии с ч. 2 ст. 63 УК РФ, если отягчающее обстоятельство предусмотрено соответствующей статьей Особенной части УК РФ в качестве признака преступления, оно не может повторно учитываться при назначении наказания. Иных обстоятельств, помимо организации совершения преступлений и руководства их исполнением, позволяющих признать особо активную роль осужденного Б. в совершении преступлений, судом в приговоре не приведено. В связи с этим Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ изменила приговор, кассационное определение, исключила из описательно-мотивировочной части приговора указание о признании в качестве отягчающего наказание обстоятельства особо активную роль осужденного в совершении преступлений и смягчила назначенное Б. наказание¹.

Взаимосвязь и единство Общей и Особенной частей УК РФ также проявляется через применение статьи ст. 64 УК РФ при назначении наказания, которая позволяет выйти за пределы санкции статьи Особенной части УК РФ. Систематическое применение различными судами ст. 64 УК РФ к одной и той

¹ Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за I квартал 2021 года. [Электронный ресурс]: URL: <https://vsrf.ru/documents/practice> (дата обращения 14.11.2023 г.).

же категории дел потенциально может свидетельствовать о чрезмерной строгости наказаний в санкции статьи Особенной части уголовного закона.

В науке возникают дискуссии о том, могут ли быть расположены в Особенной части уголовного закона специальные основания освобождения от ответственности; специальные основания освобождения от наказания; специальные положения об ответственности соучастников и т.д. И отечественный опыт, и опыт построения Особенной части уголовного закона зарубежных стран свидетельствует о том, что могут, если они действительно являются специальными. Ключевая проблема состоит в том, в каком случае в Общую часть попадают специальные по своему характеру положения, а в Особенную – общие. До настоящего времени дискуссионным является вопрос о включении именно в Общую часть УК РФ специальных оснований освобождения от уголовной ответственности по некоторым экономическим преступлениям. Думается, что в данном случае законодатель отошел от общих правил построения УК РФ, которых он до сих пор придерживался.

Особенная часть уголовного закона не просто содержит перечень преступлений. Она есть свод специальных положений, органически взаимосвязанных с общими.

С учетом вышеизложенного можно сделать следующие выводы.

1. Общая и Особенная части представляют собой две органически взаимосвязанные подсистемы единой системы российского уголовного закона. Они взаимосвязаны, являются составными частями единого целого, их выделение обусловлено задачами каждого из составных элементов системы. Каждая из них обладает внутренней структурой, взаимосвязью и взаиморасположением составных компонентов. А вместе они образуют единое целое и представляют собой упорядоченную совокупность. При этом Общая часть предшествует текстуально Особенной части уголовного закона. Структурное обособление общих положений в единый компонент уголовного закона позволяет уменьшить объем законодательного материала за счет

исключения повторений, оптимизировать его и сделать удобным для применения.

2. Тесная взаимосвязь и единство Общей и Особенной частей УК РФ свидетельствует о том, что ни одна из этих частей не может в полной мере функционировать самостоятельно, только их взаимодействие обеспечивает решения задач, стоящих перед уголовным законодательством России. Для эффективного их решения обе части уголовного закона должны строиться на совместных, идентичных идеях. Концептуальные основы построения Особенной части уголовного закона не должны противоречить положениям Общей части уголовного закона, напротив, должны находиться по отношению друг к другу в тесной взаимосвязи и органическом единстве, демонстрируя целостность уголовного закона.

3. Общая и Особенная части уголовного закона должны быть связаны универсальными исходными идеями, общими политико-правовыми и социальными ценностями, которые охраняются уголовным законом, не противоречить друг другу, строиться на основании общеправовых и уголовно-правовых принципов и быть органически согласованы посредством законодательно-технического инструментария.

4. Общая и Особенная части появляются одновременно как структурные образования единого закона. Две части представляют собой самостоятельные взаимосвязанные подсистемы общей системы уголовного законодательства. Внутри уголовного закона нет иерархии его частей, Общая и Особенная части уголовного закона не находятся в отношениях субординации. Они различны по содержанию, действуют во взаимосвязи и единстве, и потому не должны противоречить друг другу. Вместе с тем, в Общей части уголовного закона закреплены фундаментальные идеи, которые должны быть максимально стабильными и развиваться в положениях и структурном строении Особенной части уголовного закона.

5. Несогласованность положений Общей и Особенной части является критерием внесения изменений в уголовный закон. Как только создаются

концептуальные противоречия между положениями Общей и Особенной частей уголовного закона, последний утрачивает свою целостность, логичность, непротиворечивость, ясность и не может эффективно решать стоящие перед ним задачи.

Согласование Общей и Особенной частей УК РФ должно достигаться прежде всего через единство обозначенных объектов уголовно-правовой охраны.

6. При построении Особенной части уголовного закона необходимо руководствоваться совокупностью принципов единых для уголовного права, а также принципами уголовной (уголовно-правовой) политики и принципами кодификации.

§ 3. Особенная часть уголовного закона и межотраслевые связи

Особенная часть связана не только с Общей частью уголовного закона, но и с другими отраслями российского законодательства, что необходимо учитывать при ее построении и применении.

Межотраслевое взаимодействие законодательства является неизбежным процессом в любом государстве, где общественные отношения регулируются нормами права, отраженными во множестве законов (в широком смысле слова). Однако если в праве выделение отраслей является в определенной степени «юридической абстракцией», а «поведение адресата правовых норм является цельным по своей природе»¹, то в законодательстве, как правило, одна отрасль отделена от другой путем создания отдельных законодательных актов, а в некоторых случаях и отраслевых кодексов.

Взаимодействие положений Особенной части с другими отраслевыми предписаниями обусловлено тем, что уголовное законодательство по своей

¹ См.: Уголовное право Российской Федерации: проблемный курс для магистров и аспирантов. Введение в уголовное право. В 3 т. Т.1. / под общ. ред. А.Н. Савенкова; науч. ред. и рук. авт. кол. А.И. Чучаев. М., 2022. С. 459-461.

природе есть крайнее, исключительное средство, с помощью которого государство реагирует на неправомерное поведение в целях охраны общественных отношений, если это не может быть обеспечено должным образом с помощью норм иной отраслевой принадлежности¹. Это обстоятельство и порождает связь практически со всеми существующими отраслями законодательства, поскольку охраняемые наиболее важные общественные отношения, как правило, урегулированы ими. Перед законодателем стоит задача не только отразить эти связи единого правового пространства, но и сделать это технически верно, не создав противоречия внутри всей системы законодательства и не породив правовую неопределенность.

Связи между отраслями могут отличаться по своему характеру. Неслучайно в доктрине предложено их классифицировать по различным основаниям. Например, Н.И. Пикуров пишет о вертикальных иерархических отношениях и горизонтальных отношениях отраслей². А.Г. Безверхов, М.А. Артамонова предлагают выделять следующие классификационные ряды межотраслевых связей: случайные и необходимые; прямые и обратные; горизонтальные (координационные) и вертикальные (субординационные); неустойчивые и устойчивые; функциональные и генетические (исторические); системные и комплексные; связи строения (структурные) и развития³. Предложенные классификации допустимо рассматривать на примере связей уголовного закона (и его Особенной части) с другими отраслями законодательства, что и делают авторы предложенных классификаций⁴, устанавливая те или иные специфические черты, характерные для

¹ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 04.03.2021 г. № 5-П «По делу о проверке конституционности части первой статьи 159 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В.В. Калугарова» // СПС «КонсультантПлюс».

² См.: Уголовное право Российской Федерации: проблемный курс для магистров и аспирантов. Введение в уголовное право. В 3 т. Т.1 / под общ. ред. А.Н. Савенкова; науч. ред. и рук. авт. кол. А.И. Чучаев. М., 2022. С. 469.

³ Безверхов А.Г., Артамонова М.А. К проблеме действия Уголовного кодекса РФ в системе межотраслевых связей // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Право». 2010. № 1 (7). С. 98.

⁴ См.: Безверхов А.Г. О действии уголовного закона в условиях межотраслевых связей // Lex Russica. 2015. № 10. (Том CVII). С. 76-92; Пикуров Н.И. Квалификация преступлений с бланкетными признаками состава: монография. М., 2009. С. 73-120.

определенного типа взаимодействия. Думается, что необходимости в рамках этой работы отдельно исследовать каждую из предложенных классификаций нет, поскольку их наличие не оспаривается, а значение имеет в целом отражение в тексте закона связей, к какому бы типу они не относились.

Единство права обеспечивается законодателем через согласование между собой различных положений отраслевого законодательства. Первый уровень согласования – общая идея, «дух» закона. Так, идеи, лежащие в основе Особенной части уголовного закона, не должны противоречить положениям основного закона государства и общепризнанным принципам, нормам международного права. При построении Особенной части уголовного закона эта связь продемонстрирована в ч. 2 ст. 1 УК РФ, а одним из примеров ее отражения является изменение системы Особенной части УК РФ, по сравнению с ранее действовавшим уголовным законодательством. Также межотраслевые связи обнаруживаются и при анализе содержания и построения статей раздела XII УК РФ.

Еще одна грань межотраслевого взаимодействия, которая должна рассматриваться законодателем при построении Особенной части уголовного закона, — это наличие «межотраслевых объектов правовой охраны»¹, когда одни и те же общественные отношения берутся под охрану путем закрепления запретов в нескольких различных отраслевых ветвях. В этом случае уголовно-правовые запреты, которые законодатель планирует отразить в диспозициях статей Особенной части уголовного закона, должны быть согласованы с запретами, содержащимися в иных отраслях законодательства, то есть они должны быть совместимы по существу, но не дублировать и не подменять друг друга, чтобы не породить противоречия в понимании и практике их применения. Для этого необходимо сопоставлять содержание не только диспозиций, но и санкций статей.

¹ Ображиев К.В. Неуголовные нормативные правовые акты как источники бланкетной части уголовно-правовых норм // Вестник Московского университета МВД России. 2012. № 5. С.105.

Непротиворечивость межотраслевых связей Особенной части уголовного закона обеспечивается и за счет понимания оснований и принципов регулирования общественных отношений другими отраслями законодательства. Например, охрана имущественных отношений уголовным законодательством не может осуществляться без представления о том, как они урегулированы гражданским законодательством, какие принципы положены в основу этого регулирования. А.Г. Безверхов справедливо замечает, что «положения уголовного закона не должны противоречить имущественно-правовым закономерностям и отраженным в гражданском праве объективно-субъективным характеристикам имущественных связей»¹. При построении статей раздела VIII Особенной части современного уголовного закона важным является понимание того, какие действия дозволено совершать гражданским законодательством субъектам правоотношений, а какие нет, и с учетом этого выстраивать межотраслевые связи. Однако проблемой при установлении таких связей является неточность используемой терминологии в наименовании макрокомпонентов Особенной части. Если в наименовании раздела или главы содержится указание на термины или понятия, которые требуют обращения к законодательству иной отраслевой принадлежности, то должно соблюдаться единство в их межотраслевом употреблении. Например, С.В. Элекина справедливо отмечает о наличии межотраслевой рассогласованности между положениями УК РФ и ГК РФ, возникшей в связи с произошедшими изменениями гражданского законодательства. Для устранения этого противоречия она обоснованно предлагает переименовать главу 23 и согласовать ее наименование с законодательством иной отраслевой принадлежности². Также проблемой выстраивания межотраслевых связей в определенной степени является использование неточной терминологии. Так, в наименовании ст. 147 УК РФ содержится указание на нарушение

¹ Безверхов А.Г. О действии уголовного закона в условиях межотраслевых связей // Lex Russica. 2015. № 10 (Том CVII). С. 79.

² Элекина С.В. Преступления против интересов службы в коммерческих и иных организациях: вопросы криминализации, кодификации и классификации: автореф. ... дис. канд. юрид. наук. Самара, 2020. С. 9.

«изобретательских прав», однако, в российских законах не употребляется и не раскрывается содержание этих прав. Возможно, законодатель использовал эту формулировку для краткости наименования статьи, но, думается, что используемая терминология должна быть точной и устоявшейся, использоваться в российском законодательстве.

С точки зрения законодательной техники еще одним из вариантов обеспечения межотраслевого взаимодействия является использование законодателем бланкетного приема при создании диспозиций статей Особенной части уголовного закона. М.С. Жук обращает внимание, что в отечественной науке доминирует позиция, «согласно которой межотраслевые связи являются принадлежностью лишь норм и институтов Особенной части уголовного права, а единственной формой их отражения выступает бланкетная диспозиция»¹. Например, на момент принятия УК РФ имел из 255 составов преступлений 165 «сконструированных при помощи бланкетных диспозиций»². За время действия УК РФ указанное число не осталось неизменным. Количество бланкетных диспозиций в Особенной части российского уголовного закона в последние годы стремительно увеличивается. Примерами реализации указанной тенденции являются статьи о мошенничестве (ст. 159.1 – 159.6), статьи главы 22, статьи 264 - 264.3 УК РФ.

Бланкетность не является ни специфической отраслевой чертой, ни чертой, характерной только для российского уголовного законодательства. Она свойственна как иным отраслям российского законодательства, так и законодательству зарубежных стран. Возникновение бланкетных диспозиций статей Особенной части уголовного закона обусловлено развитием системы законодательства, становлением отраслевого законодательства, развитием межотраслевого взаимодействия, совершенствованием законодательной техники. При наличии в государстве единственного нормативного правового

¹ Жук М.С. Бланкетность как форма отражения межотраслевых связей уголовного права // Общество и право. 2010. № 4(31). С. 140.

² Пшипий Р.М. Характер бланкетности диспозиций в нормах статей главы 22 УК РФ // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2014. № 7. С. 3.

акта бланкетные статьи появиться не могут. Увеличение же числа статей с бланкетными диспозициями может быть обусловлено не только указанными причинами, но и политическими факторами, например, изменением уголовной политики государства.

В доктрине уголовного права понятие «бланкетный» употребляется в различных значениях. Например, в литературе можно встретить упоминание о бланкетном приеме формирования уголовно-правовых норм¹ или законодательной техники², бланкетной диспозиции статьи³ или нормы⁴, бланкетном признаке состава преступления или всего состава⁵, бланкетной конструкции уголовного закона⁶, а также о бланкетности уголовно-правовой нормы⁷ или бланкетности⁸ как правовом явлении. Одни авторы допускают применение понятия бланкетности к нормам права и статьям закона, другие полагают, что такой признак характеризует только диспозиции статей. Ответ на вопрос о том, к чему может применяться такая характеристика, как «бланкетность», лежит в плоскости соотношения таких понятий, как «статья», «норма», «состав преступления». В настоящем исследовании речь идет о бланкетном приеме, используемом законодателем при построении диспозиций статей уголовного закона.

Бланкетная диспозиция статьи отличается тем, что описанные в ней понятия (признаки) раскрываются не в самом уголовном законе, а в положениях законодательства иной отраслевой принадлежности, создавая и поддерживая тем самым межотраслевые связи. В данном случае законодательство употребляется в широком смысле слова, то есть оно может

¹ Иванчин А.В. Законодательная техника и ее роль в российском уголовном правотворчестве. М., 2011. С. 72.

² Денисова А.В. О приемах законодательной техники, используемых в Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации // Общество и право. 2010. № 2 (29). С. 96.

³ Дурманов Н.Д. Советский уголовный закон. М., 1967. С. 90.

⁴ Иоффе О.С., Шаргородский М.Д. Вопросы теории права. М., 1961. С. 163-164.

⁵ Трайнин А.Н. Общее учение о составе преступления. М., 1957.

⁶ Ображиев К.В. Неуголовные нормативные правовые акты как источники бланкетной части уголовно-правовых норм // Вестник Московского университета МВД России. 2012. № 5. С. 99.

⁷ Безверхов А.Г., Элекина С.В. Бланкетность в уголовном праве: некоторые общетеоретические вопросы // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: сборник материалов XIX международной научно-практической конференции. М., 2022. С. 46.

⁸ Безверхов А.Г. О действии уголовного закона в условиях межотраслевых связей // Lex Russica. 2015. № 10 (Том CVII). С. 86-87.

включать в себя не только законы, но иные нормативные правовые акты, правила и др., которые наполняют содержанием использованное законодателем понятие (признак).

Бланкетные признаки «с одной стороны, приведены в уголовном законе, а с другой – подлежат дальнейшей конкретизации»¹, они превращаются в «клеточку» уголовно-правовой «материи»². Уголовное законодательство охраняет различные позитивные отношения, урегулированные иными отраслями законодательства (гражданским, трудовым, предпринимательским и др.). Законодатель не дублирует признаки, уже обозначенные в ином отраслевом законодательстве, а конструирует диспозицию таким образом, что ее содержание раскрывается через отсылку к другим нормативным правовым актам. Бланкетный признак выполняет функцию «упрощения текста закона»³, но не лишает возможности моделировать норму права и состав преступления, которые всегда являются целостным образованием. При этом, согласно статьям 1 и 8 УК РФ, отраслевое законодательство даже при таких условиях не содержит признаков состава преступления и не относится к уголовному. В нем лишь раскрывается содержание признаков (понятий) указанных в статьях УК РФ. Как отмечает К.В. Ображиев, «нормативно-правовые акты иной отраслевой принадлежности не устанавливают, да в принципе и не могут устанавливать признаки составов преступлений»⁴.

Бланкетность характеризует межотраслевое взаимодействие законодательства. Поэтому сложно согласиться с авторами, которые относят ссылочные диспозиции статей к одному из видов бланкетных. Дискуссионным является и предложение выделять «внутриотраслевую бланкетность» на примере ст. 228, 228.1, 229 УК РФ⁵. Необоснованным выглядит мнение, согласно которому содержание бланкетных норм раскрывается в судебных

¹ Пикуров Н.И. Уголовное право в системе межотраслевых связей. Волгоград, 1998. С. 157.

² Наумов А.В. Нормы других отраслей права как источник уголовного права // Законность. 2002. № 7. С. 38.

³ Пикуров Н.И. Квалификация преступлений с бланкетными признаками состава: монография. М., 2009. С.17.

⁴ Ображиев К.В. Неуголовные нормативные правовые акты как источники бланкетной части уголовно-правовых норм // Вестник Московского университета МВД России. 2012. № 5. С. 99.

⁵ Ображиев К.В. Формальные (юридические) источники российского уголовного права: монография. М., 2010. С. 41.

актах¹. Законодатель при использовании бланкетного приема направляет не к судебному акту, а к положениям отраслевого законодательства, предусматривающим процедуру принятия и требования к судебному акту.

В доктрине уголовного права предложены различные классификации бланкетных диспозиций. Например, Н.И. Пикуров указывает на наличие конструкционной и ситуационной бланкетности; закрытых и открытых бланкетных диспозициях; др.². Е.С. Гордеева предлагает выделять назывные, содержательные, неопределенные и специальные³, хотя вряд ли можно согласиться, что эти виды выделены на основании одного критерия. Н.В. Иванов пишет о нормах с бланкетностью открытой, неявной и с прямой отсылкой⁴. И.А. Михайлова говорит о нескольких классификациях бланкетных норм по различным основаниям. В качестве оснований она называет следующие критерии: связь с нормативными правовыми актами иной отрасли права; форму выражения; описание одного из компонентов элементов состава преступления; наличие слов-индикаторов и др.⁵. М.П. Пронина допускает возможность выделения самостоятельных уровней бланкетности⁶. В доктрине уголовного права при характеристике диспозиции также упоминают о полной и частичной бланкетности, в зависимости от раскрытия содержания понятий (признаков). М.С. Жук пишет о двух проявлениях бланкетности: бланкетный признак и бланкетная диспозиция статьи⁷. Последняя названная классификация достаточно условна, поскольку ни одна диспозиция статьи не раскрывает всех признаков состава

¹ Пшипий Р.М. Характер бланкетности диспозиций в нормах статей главы 22 УК РФ // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2014. № 7. С. 4.

² Пикуров Н.И. Квалификация преступлений с бланкетными признаками состава: монография. М., 2009. С. 31.

³ Гордеева Е.С. Понятие и содержание бланкетных диспозиции в уголовном законодательстве России // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2010. № 4 (48). С. 58-59.

⁴ Иванов Н.В. Теория и практика применения бланкетных норм права (на примере уголовного законодательства) // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2010. № 2 (13). С. 304.

⁵ Михайлова И.А. Бланкетные нормы в уголовном законе и их применение органами внутренних дел: автореф. ... дис. канд. юрид. наук. М., 2009. С. 7.

⁶ Пронина М.П. Проблемы бланкетности уголовно-правовых запретов // Труды Академии МВД России. 2017. № 2 (42). С.32.

⁷ Жук М.С. Бланкетность как форма отражения межотраслевых связей уголовного права // Общество и право. 2010. № 4(31). С. 140.

преступления полностью, но она и не может быть «неполной» как диспозиция статьи. Думается, что в этой классификации затрагиваются категории разных уровней: «состав преступления» и его признаки – и «статья закона» и ее части. Бланкетный признак может относиться к составу преступления, а бланкетная диспозиция – к статье закона. Их вряд ли можно отнести к различным группам. Однако действительно, диспозиции статьи технически могут отличаться по «объему бланкетности», отраженному в тексте, о чем будет сказано ниже. Тем не менее, несмотря на дискуссионность некоторых предложенных классификаций, полагаем, что они допустимы по различным основаниям при соблюдении логических правил.

На эффективность межотраслевых связей влияет построение диспозиций статей Особенной части уголовного закона, а также понимание законодателем правил конструирования состава преступления и уголовно-правовой нормы. Только предварительное сопоставление законодателем текста статьи Особенной части с нормой права и составом преступления позволяет понять, не допущено ли ошибок при построении закона.

Законодатель при построении Особенной части уголовного закона может использовать явные и неявные бланкетные диспозиции, которые возможно проанализировать с точки зрения законодательной техники.

Явная бланкетная диспозиция есть в статьях, где указывается на необходимость обращения к актам иной отраслевой принадлежности для раскрытия содержания использованных понятий (признаков). Такой вид диспозиций статьи Особенной части уголовного закона может быть построена при помощи следующих приемов:

- 1) ссылка на акт иной отраслевой принадлежности. В Особенной части современного уголовного закона таким примером является ч. 1 ст. 264.3 УК РФ, где указано «управление автомобилем, трамваем либо другим механическим транспортным средством лицом, лишенным права управления транспортными средствами и подвергнутым административному наказанию за деяние, предусмотренное частью 4 статьи 12.7 Кодекса Российской

Федерации об административных правонарушениях», то есть предполагается установление того, что лицом ранее совершено упомянутое в статье административное правонарушение;

2) указание в статье Особенной части уголовного закона на незаконный характер действий. В качестве примера из действующего уголовного закона можно привести ч.1 ст. 128 УК РФ, где написано о «незаконной госпитализации лица в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях», то есть предполагается существования определенного установленного законом порядка совершения указанных действий;

3) указание в статье Особенной части уголовного закона на нарушение каких-либо установленных правил, требований, порядка и т.д. Например, в Особенной части современного уголовного закона – ч. 1 ст. 143 УК РФ, где обозначено «нарушение требований охраны труда, совершенное лицом, на которое возложены обязанности по их соблюдению, если это повлекло по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью человека».

В современном уголовном законе при построении явных бланкетных диспозиций статей обнаруживается юридико-технический дефект, который состоит в том, что для обозначения близких по содержанию признаков составов преступлений законодатель использует различные категории и понятия. Так, для обозначения того, что законность (правомерность) действий (бездействий) определена не уголовно-правовыми актами в УК РФ используется следующая терминология: незаконный (ст. 127, 128, 137, 139, 147, 149, 154, 171.4, 180, 200.5); запрещен законом (ст. 263, 321.1); не имеет ... в порядке предусмотренным законодательством Российской Федерации о ... (ст. 330.3); в нарушение требований законодательства Российской Федерации об ... (ст. 200.3); нарушение законодательства Российской Федерации о ... (ст. 200.4); невыполнение законного требования (ст. 264.1); не предусмотренного федеральным законом (ст. 208);неправомерный (ст. 140, 166, 169, 272);

нарушение требований (ст. 217, 217.1, 217.3, 243.1); нарушение правил (ст. 218, 236, 246, 248); несанкционированный (ст. 181).

В одних случаях указание на незаконный или неправомерный характер действия (бездействия) содержится только в диспозиции статьи (ст. 147, 149, 200.1, 200.2), а в других – исключительно в наименовании статьи, но не в диспозиции (ст. 171.2, 171.3, 171.5). В Особенной части УК РФ встречаются даже случаи, когда в наименовании статьи указывается на нарушение правил, а в диспозиции – используется другой термин, например, несанкционированный (ст. 181 УК РФ), что, видимо, рассматривается законодателем как синонимы. Такая терминологическая палитра не создает ясности в понимании положений Особенной части уголовного закона.

В УК РФ отсутствует единообразие терминологии и в формулировании отсылки к иным нормативным правовым актам. В одних случаях законодатель использует словосочетание «в соответствии с федеральным законом» (ст. 201.3, 205.5), в других – «в соответствии с законодательством Российской Федерации» (ст. 185, 185.1, 198, 199.1, 199.5, 205.5).

Новеллой законодательной техники следует признать включение в диспозицию статьи Особенной части названия, номера и даты принятия федерального закона. Так, в диспозиции ст. 171.5 УК РФ содержится прямая ссылка к федеральному закону от 21 декабря 2013 года № 353-ФЗ «О потребительском кредите (займе)». Кроме ссылок на конкретный федеральный закон в диспозициях статей УК РФ появились ссылки на конкретные статьи других кодексов. Так, в диспозиции ст. 264.2 УК РФ содержится отсылка к ч. 4,5,7 ст. 12.9 и ч. 4, 5 ст. 12.15 КоАП РФ.

Конституционный Суд Российской Федерации указывает, что «не исключает введения в уголовный закон юридических конструкций бланкетного характера, которые для уяснения используемых в нем терминов и понятий требуют обращения к нормативному материалу иных правовых

актов»¹. Однако вряд ли два последних из приведенных выше вариантов изложения бланкетных диспозиций являются удачными. Ведь признаки состава преступления вопреки ст. 8 УК РФ не названы. В ст. 264.2 УК РФ не содержится ни терминов, ни понятий, содержание которых возможно было бы уяснить через обращение к статьям КоАП РФ. По сути в ней содержится только отсылка к конкретным частям статей. Указание в ст. 264.2 УК РФ только на нарушение правил дорожного движения является недостаточным, поскольку этот же признак содержится и в других статьях уголовного закона, например, ст. 264 УК РФ. Конкретизация же признаков (какие конкретно специальные правила нарушены), которые как раз и отличают этот состав преступления от других и по сути являются конструктивными признаками состава в ст. 264.2 УК РФ не описаны. Таким образом, определение содержания запрета только исходя из содержания статьи уголовного закона невозможно, что прямо противоречит ст. 8 УК РФ. Изменение названных статей КоАП РФ может полностью поменять содержание признаков состава преступления без внесения поправок в УК РФ. Использование же в диспозиции статьи Особенной части названия, номера и даты федерального закона заведомо делает уголовный закон уязвимым к любым поправкам такого закона, даже уточнении его названия, что вряд ли положительно сказывается не только на содержании соответствующих признаков составов преступлений, но и на стабильности самого уголовного закона.

Неоправданно сложными с точки зрения техники построения являются новые статьи Особенной части, где в одной бланкетной диспозиции содержится несколько отсылок к различным законам. Так, состоящая из 104 слов диспозиция ч. 1 ст. 330.3 УК РФ включает одновременно две отсылки к «законодательству Российской Федерации о некоммерческих организациях», к ст. 19.34.2 КоАП РФ и ст. 284.1 УК РФ. Для применения такого громоздкого

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 16.07.2015 г. № 22-П «По делу о проверке конституционности положения статьи 226.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Республики Казахстан О.Е. Недашковского и С.П. Яковлева» // СПС «КонсультантПлюс».

положения необходимо соотнести смежные уголовно-правовые конструкции, «законодательство Российской Федерации о некоммерческих организациях» и соответствующие предписания КоАП РФ.

Решением названных проблем является отказ от многообразия формулировок и использования синонимов, то есть близких по значению слов, а переход к единообразной терминологии в тех случаях, когда речь один о схожих признаках составов преступлений, понимаемых на практике одинаково. В диспозиции статьи Особенной части уголовного закона не допускается вместо описания признака состава преступления включать ссылку на статью закона иной отраслевой принадлежности.

Однако и перечисление всех действий в диспозиции статьи, как это сделано в ст. 185.5 УК РФ, вряд ли разумно с точки зрения законодательной техники. Если большинство из перечисленных действий являются бланкетными и повторяют статьи законодательства иной отраслевой принадлежности, то достаточно использовать общее понятие, если оно объединяет всю совокупность действий (в том числе альтернативных).

Отдельно рассмотрим построение диспозиций статей Особенной части с учетом межотраслевой связи с законодательством об административных правонарушениях. Одним из векторов «совершенствования» Особенной части УК РФ является введение бланкетных диспозиций, отсылающих к Кодексу Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ). В Особенной части УК РФ появились статьи, описывающие признаки составов с административной преюдицией, которая «превращает» неоднократно совершенные административные правонарушения в преступления»¹. При создании УК РФ 1996 г. законодатель не использовал названные конструкции. Как известно, идея о создании статей с административной преюдиции в УК РФ вновь стала актуальной в первой четверти XXI века. Она практически сразу была воспринята законодателем и

¹ Безверхов А.Г. Административная преюдициальность в уголовном законодательстве России: истоки, реалии, перспективы // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Право». 2011. № 2 (10). С. 40.

воплощена в действующий уголовный закон путем внесения изменений в его Особенную часть. Если изначально Верховный Суд РФ отрицательно относился к возможности введения составов с административной преюдицией в Особенную часть УК РФ, то со временем его позиция изменилась на противоположную¹. Позже поддержал решение законодателя Конституционный Суд РФ (например, постановление от 10 февраля 2017 г. № 2-П²).

Таким образом, если в 2005 году отмечалось, что административная преюдиция находится в «стадии реанимации»³, то к 2024 году прослеживается устойчивая тенденция по увеличению числа таких статей в УК РФ. Только за 2022 год в Особенную часть УК РФ добавлено или изложено в новой редакции более десяти статей с административной преюдицией (статьи 201.2, 201.3, 264.3, 274.2, 280.3, 282.4, 284.2, 285.5, 285.6, новая редакция статей - 284.1, 330.1 УК РФ). Справедливо отмечает Н.А. Лопашенко, что составы с административной преюдицией «плотно внедрены в уголовный закон»⁴.

В доктрине отсутствовало единство мнений не только по вопросу необходимости возвращения административной преюдиции в уголовной закон, но и по вопросам ее природы, времени возникновения и периода действия. Одни ученые-юристы полагают, что это плод законодательного творчества дореволюционного периода. Так, А.Г. Безверхов отмечает, что предтечей рассматриваемому способу конструирования составов преступлений были законоположения царской России и, прежде всего, Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. (в ред. 1885 г., далее - Уложение 1845 г.)⁵. Другие видят предпосылки в советском

¹ Нечаев А.Д., Янин И.Ю. Административная преюдиция в уголовном праве // Пробелы в российском законодательстве. 2017. № 6. С. 46.

² Постановление Конституционного Суда РФ от 10.02.2017 № 2-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 212.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина И.И. Дадина» // СПС «КонсультантПлюс».

³ Зыков Д.А. Возвращение административной преюдиции в УК РФ – исправление законотворческой ошибки // Юридическая техника, 2005. № 9. С. 273.

⁴ Лопашенко Н.А. Состав преступлений с административной преюдицией – «свои среди чужих»? // Российский следователь. 2022. № 5. С. 54.

⁵ Безверхов А.Г. Административная преюдициальность в уголовном законодательстве России: истоки реалии перспективы // Вестник Самарской гуманитарной академии 2011. № 2 (10). С. 46.

законотворчестве. И.М. Гошаева считает, что не стоит говорить о межотраслевом рецидиве в дореволюционном уголовном праве, то есть о повторном совершении преступлений, ответственность за каждое из которых предусмотрена различными отраслями права¹. Отсутствует единство мнений и в том, в какой период советский законодатель стал использовать составы с административной преюдицией. В.П. Малков в свое время полагал, что такого рода конструкции характерны не для дореволюционного, а для советского уголовного законодательства, где они впервые появились еще до принятия Уголовного кодекса РСФСР 1922 г.² Е.В. Ямашева отправной точкой считает более поздний период и говорит о том, что первые нормы с административной преюдицией были закреплены положениями Уголовного Кодекса РСФСР 1922 г.³

Такое многообразие мнений о моменте возникновения административной преюдиции в отечественном уголовном законодательстве обусловлено различными подходами к пониманию ее природы и содержания. Следует согласиться, что предпосылки формирования данных конструкций составов преступлений, которые отражают межотраслевые связи, следует искать в законодательстве дореволюционного периода. Сами же составы с административной преюдицией в привычном современному исследователю виде встречались в УК РСФСР 1922 г., УК РСФСР 1926 г. и в УК РСФСР 1960 г. В 1996 году (в момент принятия УК РФ) они осознанно не были включены в Особенную часть, хотя содержались в ранее действовавшем отечественном уголовном законодательстве XX века. Да и практика их применения была хорошо известна разработчикам нового уголовного закона. Один из аргументов для такого решения был сформулирован в специальной литературе так: число совершенных административных правонарушений не изменяет

¹ Гошаев И.М. Регламентация административной преюдиции в уголовном законодательстве России: историко-правовой анализ // Юристъ-Правоведъ. 2017. №3 (82). С. 131.

² Малков В.П. Неоднократность правонарушения и административная преюдиция как средства криминализации и декриминализации содеянного в российском уголовном праве // Библиотека криминалиста. 2013 . № 2 (7). С.181.

³ Ямашева Е.В. К вопросу о восстановлении института административной преюдиции // Журнал Российского права. 2009. № 10. С. 74.

природу правонарушения, не увеличивает степень общественной опасности деяния, а, следовательно, не трансформируют определенное количество совершенных правонарушений в преступление¹. Другим аргументом служило то обстоятельство, что при применении таких юридических конструкций речь идет скорее об оценке характеристик субъекта, а не о степени общественной опасности деяния. При этом подчеркивалось, что при обсуждении такого рода вопросов (да и смежных с ними) важным является избегание возвращения к теории «опасного состояния личности»².

Некоторые исследователи возлагали надежды на возвращение административной преюдиции в решении важных уголовно-правовых проблем. В.П. Малков убеждал, что введение административной преюдиции в уголовный закон помогло бы эффективно предупреждать преступления³. Однако если в момент обсуждения вопроса о возвращении административной преюдиции в уголовный закон ее необходимость скорее обосновывалась гуманизацией уголовного законодательства, то со временем это изменилось. Отсутствие единого понимания целей возвращения административно-преюдициальных конструкций в действующее уголовное законодательство России и правил их построения создает сложности в понимании и применении соответствующих положений УК РФ. В самом деле, изначально предполагалось, что часть преступлений будет законодателем декриминализована («переведена» в КоАП РФ), при этом уголовная ответственность будет наступать только после повторного совершения такого административного правонарушения. Так произошло с основным составом побоев (ч. 1 ст. 116 УК РФ). Со временем подход к использованию административной преюдиции несколько изменился. Административные правонарушения стали без декриминализации перерастать в ранг

¹ См.: Кузнецова Н.Ф. Семь лет Уголовному кодексу Российской Федерации // Вестник Московского государственного университета. Серия 11: Право. 2003. № 1. С. 14.

² См.: Кибальник А.Г., Мамхягов З.З. Административная преюдиция в уголовном праве: вопросы de lege lata и de lege ferenda. М., 2023. С. 56.

³ Малков В. П. Административная преюдиция в уголовном праве: за и против // Вестник Академии Генеральной прокуратуры РФ. 2011. № 3. С. 58-65.

преступлений. К примеру, это произошло с правонарушениями, признаки которых предусмотрены в ст. 12.9 и 12.15 КоАП РФ. В результате возможный путь декриминализации превратился в путь криминализации новых деяний. Как видно, пошли процессы, прямо противоположные изначально обозначенным. Вместо превенции, а также уменьшения числа лиц, привлеченных к уголовной ответственности, потенциально их число может вырасти, поскольку действия (бездействия), которые ранее считались только административным правонарушением (независимо от числа совершенных правонарушений), стали трансформироваться в преступление. Также наблюдается тенденция одновременного внесения изменений в КоАП РФ и УК РФ. Появляется новое административное правонарушение, и одновременно с ним возникает новое преступление, состав которого сконструирован с использованием административной преюдиции. Научных исследований, касающихся необходимости перевода административного правонарушения в ранг преступлений для обоснования внесения изменений в Особенную часть УК РФ, практически не проводится, а те основания, которые указываются в пояснительных записках к законопроектам, не всегда в полной мере согласуются с принципами и правилами криминализации деяний, сформулированными в современной доктрине¹.

Следует согласиться с Н.А. Лопашенко, которая указывает, что с точки зрения предупреждения преступности, введение административной преюдиции представляет собой переложение ответственности за отсутствие профилактики правонарушений с лиц, виновных в этом, на самого правонарушителя². Однако не только в этом видится проблема. Перевод административных правонарушений размывает отраслевые границы, подрывает основы разделения правонарушений на виды. Использование конструкций составов с административной преюдицией не является

¹ Коробеев А.И. Уголовно-правовая политика России: от генезиса до кризиса. М., 2019. С. 102, 103, 110.

² Лопашенко Н.А. Административной преюдиции в уголовном праве - нет! // Вестник Академии Генеральной прокуратуры РФ. 2011. № 3. С.70.

оправданным. Административное правонарушение не может перейти в ранг преступления, даже если оно совершено неоднократно¹. Об отсутствии признака общественной опасности в административном правонарушении, независимо от количества раз его совершения, говорит и А.Г. Кибальник².

Изменению идей построения Особенной части УК РФ должен предшествовать обязательный анализ влияния таких изменений на систему всего уголовного закона с целью исключения рассогласованности или противоречий между Общей и Особенной частями. Соответственно, изменение концептуального подхода к построению уголовного закона, а именно введение статей, содержащих признаки составов преступлений с административной преюдицией в Особенную часть, должно быть согласовано с Общей частью УК РФ. Необходимо определить цель такого рода трансформаций, а также пределы их применения в уголовном законе. Законодательная деятельность по увеличению в Особенной части УК РФ статей с бланкетной диспозицией, отсылающих к КоАП РФ, свидетельствует о признании законотворцем данного взаимодействия отраслей законодательства эффективным. Однако все четче обозначаются дефекты в связи с отсутствием единообразия в технике построения бланкетных диспозиций статей Особенной части, описывающих признаки составов преступлений с административной преюдицией³. При их наличии в законе современными проблемами является: сохранение системы Особенной части УК РФ; выбор единообразных приемов, средств и правил законодательной техники, используемые при создании таких статей; корректное выстраивание устойчивых межотраслевых связей; гармоничное взаимодействие отраслей законодательства без нарушения их целостности и самостоятельности.

¹ См.: Кузнецова Н.Ф. Семь лет Уголовному кодексу Российской Федерации // Вестник Московского университета. Серия 11. 2003. № 1. С. 6.

²Кибальник А.Г. Недопустимость административной преюдиции в уголовном праве// Библиотека криминалиста. 2013. № 2. С. 122.

³ См.: Сидоренко Э.Г. Административная преюдиция в уголовном праве: проблемы применения // Журнал российского права. 2016. С. 125-133.

Другой вид представляет неявная бланкетная диспозиция. Она не содержит прямой отсылки к иным актам для раскрытия содержания использованного понятия (признака), а использует словосочетания и термины иной отраслевой принадлежности. Так, в статье 105 УК РФ употреблено понятие смерти, которое раскрывается в медицинском законодательстве. Аналогично сконструирована диспозиция статьи 207.2 УК РФ. Она направляет к Федеральному закону «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ¹. Диспозиция статьи 243.4 УК РФ, которой закон был дополнен 7 апреля 2020 г., является также бланкетной. Для раскрытия содержания отдельных признаков необходимо обратиться к федеральному закону «О днях воинской славы и памятных датах России» от 13 марта 1995 г. № 32-ФЗ².

Проблема, которая возникает при применении диспозиций с неявной бланкетностью, состоит в установлении, является ли диспозиция бланкетной, поскольку законодатель прямо на это не указывает. Термин или словосочетание имплементируются в текст уголовного закона. Также сложности возникают, когда одно понятие используется в разных статьях, но его содержание конкретизируется только для одной из них. Так, в примечании 2 к ст. 205.2 УК РФ раскрывается содержание понятия «террористическая деятельность» для соответствующей статьи. Однако это же понятие законодатель употребляет и в ст. 205.1, 205.3 УК РФ и др. По общему правилу, если в уголовном законодательстве не указано, что данное понятие используется в ином значении, должны применяться положения отраслевого законодательства. Из буквального толкования закона можно сделать вывод, что названное понятие употребляется в ином значении только для ст. 205.2 УК РФ, а для статей 205.1, 205.3 УК РФ понятие «террористическая деятельность» представляет собой признак бланкетный, содержание которого раскрывается

¹ Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27.07.2006 г. № 149-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

² Федеральный закон «О днях воинской славы и памятных датах России» от 13.03.1995 г. № 32-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

в законе о противодействии терроризму. Можно сформулировать рекомендацию с целью смягчения последствий недостаточно удачного результата законотворческого процесса: при конструировании статей с неявной бланкетной диспозицией законодатель должен исключать случаи, когда для различных статей одно понятие (признак) в одних случаях является бланкетным, в других – нет. В приведенном примере более удачным будет распространение действия примечания на весь уголовный закон либо исключение примечания. В последнем случае признак станет бланкетным для всех статей.

Преимуществом использования бланкетного приема является экономия законодательного материала, возможность исключения противоречий между отраслевым законодательством. В некоторых случаях бланкетный прием является единственным оптимальным способом для создания диспозиции статей с целью не допустить загромождения уголовного законодательства. Так, вряд ли целесообразно в уголовном, а не в отраслевом законодательстве раскрывать содержание таких понятий, как «предпенсионный возраст» (ст. 144.1 УК РФ), «розничная продажа алкогольной и спиртосодержащей пищевой продукции» (ст. 171.4 УК РФ) и др.

Вторым преимуществом является стабильность уголовного законодательства при возможной незначительной трансформации отраслевых нормативных правовых актов. Еще в определении Конституционного Суда РФ от 10 июля 2003 г. № 290-О указывалось о возможности декриминализации деяний «путем отмены нормативных предписаний иной отраслевой принадлежности, к которым отсылали бы бланкетные нормы уголовного закона»¹. На указанное преимущество указывается и в доктрине уголовного

¹ Определение Конституционного Суда РФ от 10.07.2003 г. № 290-О «По жалобе гражданина Хворостовского Игоря Станиславовича на нарушение его конституционных прав частью второй статьи 413 и статьей 417 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

права¹. Бланкетные диспозиции делают закон более гибким и одновременно стабильным².

К недостаткам отражения межотраслевых связей с применением бланкетного приема можно отнести размытие границ уголовного законодательства. В доктрине уголовного права до сих пор остается дискуссионным вопрос о том, являются ли иные отраслевые акты источниками уголовного права.

Существенная проблема – в неопределенности уголовно-правового запрета, в его расширении и сужении за счет законодательства иной отраслевой принадлежности.

В качестве другой проблемы следует назвать неопределенность круга актов, к которым содержится отсылка в Особенной части уголовного закона. Возникают даже ситуации, когда отсутствует регулирование указанных в уголовном законе отношений другими актами, что не позволяет сделать вывод о том, являются ли действия (бездействия) правомерными или нет. К примеру, такая ситуация имела место в ряде случаев, связанных с незаконным оборотом ядовитых и сильнодействующих веществ (ст. 234 УК РФ). При конструировании бланкетных диспозиций важным является наличие четкого регулирования названных отношений иной отраслью права. В качестве рекомендации можно внести предложение о тщательном мониторинге действующего законодательства иной отраслевой принадлежности, прежде чем вводить новую статью в Особенную часть уголовного закона. В случае отсутствия регулирования иным отраслевым законодательством, необходимо принятие одновременно нескольких нормативных правовых актов разной отраслевой принадлежности, либо отказ от внесения изменений в уголовный закон. Таким образом, законодатель не должен создавать бланкетную

¹ Кленова Т.В. Структура уголовно-правовой нормы и выражение ее предписаний в законодательстве// Советское государство и право. 1988. № 11. С. 83.

² Пикуров Н.И. Квалификация преступлений с бланкетными признаками состава. М., 2009. С. 30.

диспозицию, если названные правоотношения еще не урегулированы соответствующим отраслевым законодательством.

В качестве одного из решений в науке рекомендовано создание перечня нормативных актов, к которым отсылают бланкетные диспозиции. Оригинальным, но вряд ли жизнеспособным является, например, предложение Р.Г. Асланяна «давать четкий перечень корреспондирующего уголовному закону бланкетного законодательства»¹ в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ. Безусловно, это могло бы облегчить применение закона в случае логичного расположения соответствующего материала. Однако в перманентно изменяющемся законодательном массиве создать относительно стабильный перечень проблематично. Утверждение любого перечня динамично изменяющегося отраслевого законодательства создает проблемы с оперативным его обновлением судебной властью. Устаревший же список может породить противоречия в практике применения уголовного законодательства. Одним из вариантов, способствующих разрешению возникающих затруднений, является наличие общих разъяснений высшей судебной инстанции, опубликование обзоров применения действующего законодательства. Однако, несмотря на то, что Верховный Суд РФ стремится разъяснить, в каких случаях и к какому законодательству следует обращаться для раскрытия содержания бланкетных признаков, суды до настоящего времени допускают ошибки в квалификации. Так, например, Верховный Суд РФ переквалифицировал действия лица с ч. 3 ст. 159 УК РФ на ч. 3 ст. 159.2 УК РФ, обратив внимание на неправильное понимание содержания бланкетного понятия (признака) - предмета преступления (социальных выплат)². В другом случае изменена квалификация действий лица и разъяснено – со ссылкой на административное законодательство – содержание

¹ Асланян Р.Г. Теоретические основы построения Особенной части российского уголовного права. Краснодар, 2023. С. 36.

² Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 11 октября 2018 г. № 83-УД18-15 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. № 11. С. 28.

бланкетного признака, характеризующего субъекта преступления, предусмотренного в ст. 158.1 УК РФ¹.

Некоторые бланкетные диспозиции статей вовсе не нашли применения на практике, в том числе, в связи со сложностями, возникающими при установлении содержания бланкетных признаков. Согласно сводным статистическим сведения о состоянии судимости в России отсутствуют или являются единичными приговоры по ст. 184, ст. 185, ст. 185.1, ст. 185.2, ст. 185.4, ст. 185.6, ст. 199.3, ст. 199.4, ст. 200.4, ст. 200.6 УК РФ².

Применение бланкетного приема законодателем является неизбежным и необходимым, поскольку Особенная часть уголовного закона существует в системе межотраслевых связей. Например, немыслимо создание диспозиций статей главы 33 УК РФ без применения бланкетного приема. С развитием системы российского законодательства неминуемо увеличивается законодательный массив. Предложение о том, чтобы «по мере сил стремиться ограничить размеры этого неизбежного зла»³, вряд ли выглядит разумным. Нужно не искать пути уменьшения использования бланкетного приема, а находить пути наиболее эффективного его использования⁴, верного выстраивания межотраслевых связей. При оптимальном применении бланкетного приема возможно не только оптимизировать объем законодательного материала, не превращая уголовный закон в словарь, но и исключить межотраслевые противоречия путем единообразного использования понятий. Это достигается согласованием законопроекта с действующим законодательством. Понимание характера связей важно для построения Особенной части уголовного закона. Н.Д. Сергиевский справедливо считал, что работа по согласованию положений уголовного закона с действующим законодательством других отраслей должна

¹ Постановление президиума Челябинского областного суда от 18 октября 2017 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. № 5. С. 15.

² Сводным статистическим сведения о состоянии судимости в России за 2018-2019 годы [Электронный ресурс]: URL: <http://www.cder.ru> (дата обращения 06.06.2023)

³ Дубовик О.Л. Экологическое право в вопросах и ответах: учебное пособие. М., 2001. С.49.

⁴ Чесноков М.В. Понятие бланкетных диспозиций и поиск путей их эффективного использования в специальных видах мошенничества // Балтийский гуманитарный журнал. 2018. Т. 7. № 2 (23). С. 421.

предшествовать утверждению проекта нового закона, поскольку именно такая работа позволяет определить, «преобладают ли выгоды, ожидаемые от нового уложения, над теми неудобствами, кои повлечет за собой вызываемое им изменение действующего законодательства»¹.

Межотраслевые связи следует учитывать и при построении санкций статей Особенной части уголовного законодательства. Так, необходимо осуществлять мониторинг санкций статей, имеющих в законах другой отраслевой принадлежности, с которыми образуются связи. Например, эта проблема обозначает себя при сопоставлении санкций статей об административных правонарушениях с санкциями статей, в диспозиции которых описаны признаки состава с административной преюдицией. Так, административное правонарушение, за которое предусмотрено наказание в виде штрафа от двух до пяти тысяч рублей или лишения права управления транспортным средством до шести месяцев (ч.4, ч.5 ст. 12.9 КоАП РФ, ч. 4 ст. 12.15 КоАП РФ), трансформировано при повторном его совершении в уголовно наказуемое деяние, наказание за совершение которого предусмотрено в виде лишения свободы (ст. 264.2 УК РФ). Законотворец при построении санкции статей должен учитывать размер и вид наказаний, предусмотренных иными отраслями законодательства, чтобы обоснованно осуществлять межотраслевую дифференциацию ответственности.

Нельзя не согласиться с Н.И. Пикуровым в том, что «у законодателя появляется задача добиться такого уровня правотворческой техники, при котором уголовно-правовая норма была бы достаточно определённой и к минимуму сведена опасность нарушения принципов уголовного права»².

Проведенное исследование позволяет сформулировать несколько рекомендаций по построению Особенной части, с учетом межотраслевых связей:

¹ См. Чучаев А.И. Уголовно-правовые взгляды Н.Д. Сергиевского. М., 2017. С. 46.

² Уголовное право Российской Федерации: проблемный курс для магистров и аспирантов. Введение в уголовное право. В 3 т. Т.1. / под общ. ред. А.Н. Савенкова; науч. ред. и рук. авт. кол. А.И. Чучаев. М., 2022. С. 461.

1. Согласование положений Особенной части уголовного закона с положениями иных отраслей действующего законодательства должно осуществляться своевременно - до принятия уголовного закона или до внесения в него изменений.

2. Уголовно-правовые запреты, содержащиеся в Особенной части уголовного закона, должны согласовываться с запретами, содержащимися в статьях иных отраслей законодательства. В сфере межотраслевого взаимодействия уголовно-правовые запреты и запреты иной отраслевой принадлежности не должны дублироваться и противоречить друг другу.

3. При построении Особенной части уголовного закона должны учитываться основания и принципы регулирования общественных отношений другими отраслями законодательства, чтобы избежать противоречий.

4. Идеи, лежащие в основе построения Особенной части уголовного закона, должны основываться на положениях Конституции РФ, а также на отдельных принципах и нормах международного права.

5. Недопустимо использовать бланкетный прием при построении диспозиции статьи Особенной части уголовного закона, если отношения не урегулированы иным отраслевым законодательством, либо имеют место существенные противоречия в ином отраслевом законодательстве. Законодатель должен стремиться исключить случаи, когда одно понятие, употребляемое в Особенной части уголовного закона несколько раз, является в одних статьях бланкетным, в других – нет. Если термины, используемые в уголовном законе, совпадают с терминами иной отрасли законодательства, предполагается «презумпция бланкетности». Законодатель должен стремиться к единообразию понимания используемой терминологии.

Глава 2. Техника построения Особенной части уголовного закона

§ 1. Общая характеристика технико-юридического инструментария Особенной части уголовного закона

Построение Особенной части уголовного закона представляет собой воплощение идеи посредством технического инструментария. Мысль обретает форму через используемые законодателем приемы, средства, правила, принципы, методики построения закона. Любая идея или мысль может быть искажена при неверно выбранной форме выражения. Очень точно это описал М.И. Ковалев, указав, что закон «может быть выражением правильных и глубоких намерений законодателя, т.е. совершенным по сущности, но как пальто, сшитое неумелым портным из дорогого материала, неприемлемым по форме»¹.

Неслучайно создание закона, который технически правильно оформлен и эффективно работает, в теории права сравнивают с открытием в науке². А.С. Пиголкин утверждал, что «законодательная техника играет важную роль в правотворчестве. От нее во многом зависит степень совершенства законодательства, эффективность его действия, доходчивость нормативных актов, правильное их понимание и применение»³. За длительное время существования различных государств законодателями создано множество уголовных законов, отличающихся по идее, форме и содержанию. Одни уголовные кодексы берутся за образец другими государствами, другие с трудом признаются разумными даже внутри того государства, для которого они созданы. Ученые на протяжении длительного времени пытаются систематизировать знания о законодательной технике с учетом имеющегося опыта, сформулировать наиболее оптимальные правила построения законов,

¹ Ковалев М.И. Советское уголовное право. Курс лекций. Выпуск 2. Советский уголовный закон. Свердловск, 1974. С.5.

² Керимов Д.А. Законодательная техника: научно-методическое и учебное пособие. М., 2021. С. 2.

³ Пиголкин А.С. Совершенствование законодательной техники // Советское государство и право. 1968. № 3. С. 150.

определить, какие технические приемы и средства используются эффективно и в каких случаях.

Д.А. Керимов отмечает, что в специальной литературе подробно описано, «как следует «делать законы», каким требованиям они должны отвечать, начиная с языка закона до его изящества, красоты и даже поэтичности»¹. Однако, несмотря на описания правил, средств, приемов, методик в литературе, на практике закон далек от совершенства. И, к сожалению, в процессе реформирования чаще всего он «не совершенствуется», а усложняется, разрастается и накапливает внутренние противоречия. Важно понимать, что уголовный закон является творением человеческого разума, что, «как и всякое произведение человека, он может быть гениальным и посредственным, тонким или неуклюжим в формулировках, отражающим глубокое проникновение в недра общественной жизни и правильно выражающим ее сложности, или детищем каприза, мимолетных эмоций, предрассудков»². Неверное построение уголовного закона может привести к трагическим, неисправимым последствиям для человека.

В отличие от предыдущей главы, где внимание было обращено на связь содержания и формы уголовного закона, в этой главе в большей степени речь пойдет о законодательной технике Особенной части уголовного кодекса, о форме воплощения идеи. А.В. Наумов отмечает, что исключение содержательно-правового аспекта является важным в подходе к ее (законодательной техники) определению³. Хотя, безусловно, «в праве содержание и форма – это не только связанные между собой категории, но стороны одного и того же правового образования»⁴. Попытка отделить форму от содержания носит в большей степени условный характер, поскольку

¹ Керимов Д.А. Законодательная техника: научно-методическое и учебное пособие. М., 2021. С. 3.

² Ковалев М.И. Советское уголовное право. Курс лекций. Выпуск 2. Советский уголовный закон. Свердловск, 1974. С. 5.

³ Наумов А.В. Форма уголовного закона и ее социальная обусловленность // Проблемы совершенствования уголовного закона. М., 1984. С. 19.

⁴ Керимов Д.А. Методология права (предмет, функции, проблемы философии права). М., 2000. С. 108.

«форма и содержание находятся в диалектическом единстве, в подвижной взаимосвязи, характеризующейся взаимопроникновениями и взаимопереходами»¹, «то, что выступает как форма в одном виде взаимодействия, в другом его виде может приобрести значение содержания»².

В науке нет единства мнений ни относительно содержания понятия «законодательной техники», ни относительно ее составляющих. Так, С.С. Алексеев полагал, что законодательная техника представляет собой «совокупность средств и приемов, используемых при выработке, оформлении и систематизации правовых актов»³. А. Нашиц включает комплекс приемов и методов, призванных придать соответствующую форму содержанию правовых норм⁴.

Во второй половине XX века значительный вклад в развитие учения о законодательной технике уголовного закона внесли уральские ученые. Так, М.И. Ковалев сравнивал построение уголовных законов с созданием архитектурных объектов. По его мнению, «закон существует независимо от его творца», «техника» сама по себе не есть норма, и в этом смысле она – лишь идея, используемая в качестве резца ваятеля или кисти художника»⁵. Он определял законодательную технику как «совокупность принципов, правил, приемов построения отраслей права, отдельных институтов и норм в законодательных актах»⁶. Его ученица Е.В. Ильюк, например, придерживается взгляда, что законодательная техника – это система принципов, средств и правил построения законодательных актов и отдельных статей⁷.

Я.И. Семенов, исследуя проблемы законодательной техники в уголовном праве, предложил более развернутое определение

¹ Оль П.А. Право как единство содержания и формы (принципы интеграции типов правопонимания) // Мир политики и социологии. 2018. № 12. С. 178.

² Иоффе О.С. О форме и содержании социалистического права // Вестник Ленинградского университета. 1959. № 11. Вып. 2. С. 84.

³ Алексеев С.С. Общая теория социалистического права. М., 1981. С. 154.

⁴ Нашиц А. Правотворчество: теория и законодательная техника. М., 1974. С. 144.

⁵ Ковалев М.И. Советское уголовное право. Курс лекций. Выпуск 2. Советский уголовный закон. Свердловск, 1974. С. 184.

⁶ Там же. С. 184-185.

⁷ Ильюк Е.В. Законодательная техника построения диспозиций статьи уголовного закона: автореф. ... дис. канд. юрид. наук. Свердловск, 1989. С. 6.

рассматриваемого понятия, включив в него не только составные элементы, но и факторы, определяющие выбор инструментария. По его мнению, законодательная техника есть «система исторически сложившихся, основанных на достижениях теории права и проверенных практикой нормотворчества правил, приемов и средств, применяемых государственными органами в процессе построения кодексов, отдельных законов, статей и их элементов, в целях дальнейшего совершенствования их формы»¹. Однако вряд ли обоснованным является включение в определение детерминант, обуславливающих выбор законодателя.

Значительный вклад в изучение законодательной техники применительно к уголовному законодательству в XXI веке вносят исследования Ярославской уголовно-правовой школы. Так, Л.Л. Кругликов подробно рассматривает соотношение понятий «юридическая техника» и «законодательная техника»². Он справедливо отмечает, что в уголовном праве и применительно к уголовному законодательству следует вести речь именно о законодательной технике, а не о юридической. Ученый определяет законодательную технику как «совокупность средств и приемов, используемых для придания содержанию норм соответствующей формы»³. Его ученик А.В. Иванчин предлагает определять законодательную технику как «систему средств, приемов и правил, используемых для оптимального выражения воли правотворца в уголовном законодательстве»⁴

В доктрине уголовного права наряду с обозначенными подходами сохраняется и широкое понимание термина «законодательной техники». Например, в 2008 году А.И. Ситникова пишет, что законодательная техника включает «организационно-процедурные правила и операции технического порядка по структурированию, внешнему оформлению, опубликованию и

¹ Семенов Я.И. Законодательная техника в уголовном праве: автореф. ... дис. канд. юрид. наук. Челябинск, 2007. С. 14.

² Кругликов Л.Л., Спиридонова О.Е. Юридические конструкции и символы в уголовном праве. СПб., 2005. С. 5-17.

³ Там же. С. 17.

⁴ Иванчин А.В. Законодательная техника и ее роль в российском уголовном правотворчестве. М., 2011. С. 57.

вступлению в силу законов»¹. Такой подход справедливо критикует в своей работе А.В. Иванчин². Действительно, вряд ли следует включать в содержание законодательной техники стадии опубликования и вступления в силу закона, а также иные организационно-процедурные моменты. Такого рода процедуры лежат за рамками законодательной техники.

Все сказанное свидетельствует о существовании в науке многообразия подходов к определению понятия «законодательная техника». В настоящей работе под законодательной техникой Особенной части уголовного закона понимается совокупность инструментов (средств, приемов, правил и т.д.), используемых законодателем при построении этого структурного компонента кодифицированного акта. Вряд ли в определение этого понятия стоит включать цель законодательной техники, как это предлагают некоторые исследователи³. Законодательные средства и правила можно использовать неуместно, неумело и в итоге создать «плохой» закон, но это вовсе не значит, что законодатель не пользовался законодательной техникой. Инструментарий законодательной техники в определенном смысле универсален, но то, какие приемы, средства и правила построения выберет конкретный законодатель, зависит от многих факторов, в том числе исторических, политических, научных и др.

Относительно того, что может являться «инструментом в руках законодателя», в науке также нет единодушия. Так, В.К. Бабаевым, называются применительно к общей теории права такие средства, как: аксиомы, юридические конструкции, правовые символы, презумпции и фикции⁴.

¹ Ситникова А.И. Законодательная техника и законодательная технология конструирования института неоконченного преступления // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы пятой Международной научно-практической конференции. 24-25 января 2008 г. М., 2008. С. 74.

² Иванчин А.В. Законодательная техника и ее роль в российском уголовном правотворчестве. М., 2011. С. 41-42.

³ См.: Панько, К.К. Основы законодательной техники в уголовном праве России (теория и законодательная практика): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2006. С. 22.

⁴ Общая теория права. Курс лекций / под общ. ред.: В.К. Бабаев. Нижний Новгород, 1993. С. 100.

В уголовном праве также можно назвать несколько подходов к решению рассматриваемой проблемы. Так, Л.Л. Кругликов предлагает выделять технические средства и технические приемы (методы, способы). По его мнению, правила представляют собой использование приемов и средств, относящихся преимущественно к внешней форме¹, например, к строению нормативного правового акта (статьи, абзацы, главы, разделы). К техническим средствам этот ученый относит: а) юридические конструкции; б) терминология; в) презумпция; г) юридические фикции; д) символы; е) аксиомы².

Е.В. Ильюк представляет иной подход к определению средств и правил, используемых в уголовном законодательстве. В качестве средств законодательной техники она рассматривает юридические конструкции (модели) статьи Особенной части УК РФ и терминологию, а в качестве приемов законодательной техники – дефиниции, казуистический и абстрактный приемы изложения диспозиции³.

По мнению А.В. Иванчина, средства, приемы и правила есть первичный компонент законодательной техники. Под средствами законодательной техники этот ученый предлагает понимать «нематериальные инструменты законодателя»⁴. В качестве примера он приводит юридические конструкции и термины. Приемы представляют собой «способы построения нормативных предписаний и нормативных актов в целом»⁵. Примером приемов законодательной техники, по мнению А.В. Иванчина, являются примечания, дефиниции, бланкетный, ссылочный и другие приемы изложения нормативных предписаний, а также приемы структуризации нормативного акта. Относительно понимания содержания «правил законодательной

¹ Кругликов Л.Л., Спиридонова О.Е. Юридические конструкции и символы в уголовном праве. СПб., 2005. С. 18.

² Там же.

³ Ильюк Е.В. Законодательная техника построения диспозиций статьи уголовного закона: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1989. С. 17.

⁴ Иванчин А.В. Законодательная техника и ее роль в российском уголовном правотворчестве: монография. М., 2011. С. 53

⁵ Там же. С. 54.

техники» позиция А.В. Иванчина близка к позиции его учителя Л.Л. Кругликова. Правила, по мнению А.В. Иванчина, регулируют применение средств и приемов¹. К ним он относит, например, правила о ясности и точности языка; о недопущении экспрессивности; унификацию стиля; правила использования технического средства – дефиниции и др. Другими словами, правила носят «зависимый от средств и приемов характер». Следовательно, они являются производными компонентами законодательной техники, а не основными, как средства и приемы². Объединяя средства, приемы и правила в более крупные единицы в содержании законодательной техники, А.В. Иванчин предлагает говорить о методиках. Например, ученый, выделяет методики построения санкции, методики структуризации нормативного акта, методику размещения уголовно-правового материала, методику построения санкции уголовно-правовой нормы и др. В итоге, он приходит к выводу, что целесообразно законодательную технику подразделять на две подсистемы (внутреннюю и внешнюю), каждая из которых состоит из «элементарных частиц» (средств, приемов, правил) и их блоков (методик)³. Например, методику конструирования состава преступления и методику построения санкции уголовно-правовой нормы он относит к внутренней законодательной технике. Методику языкового оформления уголовно-правовых предписаний, методику структуризации уголовного закона, размещение уголовно-правового материала – к внешней законодательной технике.

Иной подход предлагает К.К. Панько. Он выделяет в качестве составных элементов законодательной техники средства структуры и средства языка⁴. По его мнению, «средства структуры имеют множественные элементы законодательной техники, которые называются правилами, приемами, способами. Средства языка также имеют различные формы отображения:

¹ Иванчин А.В. Законодательная техника и ее роль в российском уголовном правотворчестве: монография. М., 2011. С. 53-54.

² Там же. С. 54.

³ Иванчин А.В. Законодательная техника и ее роль в российском уголовном правотворчестве: монография. М., 2011. С. 54.

⁴ Панько, К.К. Основы законодательной техники в уголовном праве России (теория и законодательная практика): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2006. С. 11.

термины, понятия, дефиниции, определения и другие лингвистические правила законодательной техники»¹. К средствам системы (структуры), по мнению К.К. Панько, относятся «законодательная систематика (категоризация), разграничение Общей и Особенной частей кодекса, создание классификации преступных деяний в пределах Особенной части УК, методы рецепции, ратификации и отсылки в соответствии с международными стандартами. Средствами языкового оформления законодательных актов являются дефиниции (понятия) и терминология (определения)»². Не отрицает К.К. Панько и существования в качестве средства законодательной техники юридической конструкции, однако понимает ее достаточно широко. Например, по мнению этого ученого, «законодатель с помощью конструкций образует типизированные законодательные модели: нормативные правовые акты, примечания, презумпции, фикции, каждая из которых соответствует своеобразной разновидности общественных отношений»³. Вряд ли с таким широким определением понятия можно согласиться в полной мере. Он также указывает, что презумпция представляет собой логическую конструкцию, а фикция – «правовое средство, дополняющее всю композицию права, связывающее все его элементы в единую целостность и делающее систему уголовного права более простой и экономной»⁴, что противоречит ранее указанному определению фикции как юридической конструкции. Примечания К.К. Панько также относит и к средствам законодательной техники⁵.

Я.И. Семенов считает, что применительно к уголовному законотворчеству следует говорить только о приемах и правилах. По его мнению, «техника уголовного права в настоящее время складывается из трех групп правил, располагающихся в такой последовательности: 1) правила

¹ Панько, К.К. Основы законодательной техники в уголовном праве России (теория и законодательная практика): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2006. С. 25.

² Там же. С. 11.

³ Панько, К.К. Основы законодательной техники в уголовном праве России (теория и законодательная практика): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2006. С. 11.

⁴ Там же. С. 12.

⁵ Там же.

построения законов вообще, 2) правила изложения диспозиций и санкций и 3) правила языка, стиля и терминологии»¹.

Анализ существующих в доктрине уголовного права подходов показал, что, действительно, инструменты, используемые законодателем при создании уголовного закона и его Особенной части, не одного порядка. Существуют «элементарные частицы» законодательной техники и более крупные образования, которые чаще всего при их анализе оказываются совокупностью «элементарных частиц», объединенных в более сложное образование. Большинство исследователей для обозначения «элементарных частиц» используют понятия «средства» и «приемы», но наполняют их различным содержанием. В итоге один и тот же использованный законодателем инструментарий одни ученые назовут приемом, другие – средством, а третьи – правилом. Верно и утверждение о существовании различных «граней» законодательной техники. Так, если обращать внимание на язык изложения, то можно упустить из виду структуру, и наоборот. Поэтому ученые различают «внешнюю» и «внутреннюю» составляющую законодательной техники², «средства языка» и «средства структуры»³. Они неразрывно связаны, одно не существует без другого. Это разделение необходимо для установления конкретных правил построения, формулирования более точных рекомендаций, повышения уровня законодательной техники, но это разделение абстрактно, искусственно.

К законодательной технике относятся правила систематизации и структурирования Особенной части уголовного законодательства.

Правила систематизации и структурирования предполагают создание Особенной части как подсистемы уголовного закона в виде упорядоченной совокупности взаимосвязанных компонентов – разделов, глав, статей и др. Как

¹ Семенов Я.И. Законодательная техника в уголовном праве: автореф. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2007. С. 17.

² Иванчин А.В. Законодательная техника и ее роль в российском уголовном правотворчестве. М., 2011. С. 53-54.

³ Панько, К.К. Основы законодательной техники в уголовном праве России (теория и законодательная практика): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2006. С. 7.

отмечено в науке, структурирование уголовного закона «имеет не только прикладной, юридико-технический поисковый смысл, подобный алфавитнопредметному указателю его статей, но и показывает иерархию охраняемых им социальных ценностей (благ, объектов), осуществляет взаимосвязь разделов, глав, статей внутри системы и вне ее с другими системами законодательства»¹. Нередко в научной литературе система и структура используются как синонимичные понятия. Так, А.П. Кузнецов и Н.Н. Маршакова приходят к выводу, что «под системой уголовного законодательства необходимо понимать ее структуру, то есть последовательное расположение разделов, глав (подсистем) и норм внутри глав, в соответствии с задачами Уголовного кодекса РФ (ст. 2 УК РФ), исходя из конституционных приоритетов»². В.Н. Сизова отмечает, что «понятия системы и структуры являются хотя и различными понятиями, но все же взаимосвязанными между собой, что обуславливает следующий вывод – любые внутрисистемные связи органически связаны с самим понятием структуры системы»³. Создание системы Особенной части уголовного закона связано в большей степени с ее содержательным аспектом. Уголовное право является системой, которая выступает как целостный объект во взаимосвязи с окружающим миром, а через структуру закона должны быть переданы и отражены эти отраслевые взаимосвязи с учетом инструментария законодательной техники. При систематизации и структурировании Особенной части уголовного законодательства устанавливаются последовательность расположения ее внутренних компонентов, их число, а также способ их связи и взаимодействия. Следует согласиться с А.И. Бойко

¹ См.: Курс уголовного права. Общая часть. Том 1: Учение о преступлении / под ред. Н.Ф. Кузнецовой и И.М. Тяжковой. М., 2002. С. 12. [Электронный ресурс]. URL: <http://vuzlib.net/beta3/html/1/7716/7754/> (дата обращения 29 сентября 2023 г).

² Кузнецов А.П., Маршакова Н.Н. Кодификация российского уголовного законодательства: проблемы, тенденции и перспективы развития // Кодификация законодательства: теория, практика, техника: Материалы Международной научно-практической конференции (Нижний Новгород, 25-26 сентября 2008 года) / Под ред. доктора юридических наук, профессора, заслуженного деятеля науки РФ В.М. Баранова, кандидата юридических наук, доцента Д.Г. Краснова. Н. Новгород, 2009. С. 800.

³ Сизова В.Н. Концептуальные основы систематизации Уголовного кодекса Российской Федерации: дис. д-ра ... юрид. наук. М., 2024. С. 72

отмечает, что «системно-структурное обследование уголовно-правовой отрасли представляет совершенно естественное и рациональное дело, а ее структурная композиция достаточно известна благодаря легальной разбивке текста УК на части, разделы, главы и статьи»¹.

Особенная часть уголовного закона сама является структурным компонентом кодифицированного акта, следовательно, к ней применимы все правила, используемые при построении кодекса. В разделе I диссертационного исследования указывалось на многообразие структур уголовного закона в сравнительном аспекте (историческом и компаративистском). Элементарной частицей закона является статья (она может называться иначе, например, артикул, параграф и т.п.). Как отмечал Р. Кабрияк, «статья является для кодекса тем, чем атом является для материи»². Статьи объединяются законодателем в более сложные структурные образования: параграфы, главы, отделения, подотделы, книги, разделы и др. В конкретный исторический момент и в конкретном государстве законодатель решает, насколько дробным будет деление Особенной части уголовного закона. Вопрос о структурировании Особенной части уголовного законодательства подробнее будет рассмотрен в следующем параграфе.

Каждый из структурных компонентов Особенной части уголовного закона строится по своим правилам. Таким образом, можно говорить о правилах построения разделов (глав, параграфов и т.д.), о правилах построения статей, правилах построения структурных компонентов статей - диспозиций, санкций, примечаний.

Многообразие приемов используются законодателем при построении статей Особенной части уголовного закона: ссылочный, бланкетный и др. Например, обращение к ссылочному приему при построении санкций статей практиковалось при создании Особенной части уголовного РСФСР. А.В.

¹ Бойко А.И. Система и структура уголовного права. Системология и структурализм в мировоззренческой культуре современного мира. В 3-х т. Том 1. Ростов-на-Дону, 2007. С. 8.

² Кабрияк Р. Кодификация. М., 2007. С. 56.

Иванчин в качестве приемов называет также типизацию, унификацию, нормативную конкретизацию, аксиом, символов и т.д., ученый выделяет прием построения составов преступления по моменту окончания, а также множество других инструментов законодательной техники¹. Это многообразие инструментов законодательной техники используется и при построении Особенной части уголовного закона.

В качестве законодательного приема в Особенной части современного уголовного закона используются примечания, которые ранее были распространены и в Общей части уголовных кодексов. Некоторые авторы относят их к приемам юридической техники². А.В. Иванчин указывает, что примечание не является подразделением статьи, а относится к самостоятельной структурной единице нормативного акта³. Высказывалось и мнение об их исключении из текста закона⁴. При построении примечания, например, может использоваться терминология.

В диспозициях статей Особенной части уголовного закона главным образом описываются признаки составов преступлений, которые являются конструкциями. Юридические конструкции нередко рассматривают как средство законодательной техники, которое использует законодатель при построении Особенной части уголовного закона. При этом, как отмечалось в предыдущей главе, в Особенной части уголовного закона отсутствуют статьи, которые с исчерпывающей полнотой описывали бы все признаки состава преступления, так часть признаков раскрывается, в том числе, в статьях Общей части. В этом также демонстрируется специфика построения уголовных законов, где существуют Общая и Особенная части. Если обратиться к анализу законопроектов, то можно предположить, что законодатель в последнее время чаще занят «созданием статей», а не моделированием

¹ Иванчин А.В. Законодательная техника и ее роль в российском уголовном правотворчестве. М., 2011. С. 86-87.

² Войтович А.П. Примечание в уголовном законе (сравнительно-правовое исследование). Владимир, 2006. С. 150.

³ Иванчин А.В. Законодательная техника и ее роль в российском уголовном правотворчестве. М., 2011. С. 169.

⁴ Ильюк Е.В. Законодательная техника построения диспозиций статьи уголовного закона: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1989. С.13.

конструкций, что в итоге приводит к противоречиям в существующем законодательстве и практике его применения. Построение конструкций – более сложный этап, содержательный и объемный. Положения, воспроизведенные через конструкцию, а впоследствии воплощенные в законе, могут способствовать построению более точного закона. В юридической литературе говорят о самостоятельной методике – методике конструирования составов преступлений¹, которую, безусловно необходимо учитывать при построении Особенной части российского уголовного закона.

В качестве средств, используемых законодателем при построении уголовного закона, можно назвать фикции, аксиомы и презумпции. Символы также используются в Особенной части уголовного законодательства, но вряд ли их стоит считать самостоятельным средством законодательной техники, как это делает, например, Л.Л. Кругликов и О.Е. Спиридонова². Их можно отнести к терминологии.

Изложенное свидетельствует о том, что при построении Особенной части уголовного закона используется совокупность правил законодательной техники: систематизации и структурирование Особенной части уголовного закона; построения диспозиций статей Особенной части уголовного закона; построения санкций статей Особенной части уголовного закона; построения примечаний и др. Нельзя не согласиться с А.В. Иванчиным, что определить полный перечень компонентов законодательной техники невозможно³. Здесь названы лишь некоторые правила, средства и приемы, анализ которых необходимо осуществить для понимания основ построения Особенной части. Важен каждый инструмент, но чаще всего он в той или иной степени связан с исследуемыми. Например, абстрактный или казуистический прием изложения диспозиций можно назвать среди общих приемов законодательной техники, а

¹ Иванчин А.В. Уголовно-правовые конструкции и их роль в построении уголовного законодательства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2003. С.7.

² Кругликов Л.Л., Спиридонова О.Е. Юридические конструкции и символы в уголовном праве. СПб., 2005. С. 43.

³ Иванчин А.В. Законодательная техника и ее роль в российском уголовном правотворчестве. М., 2011. С. 86-87.

можно отдельно рассмотреть в рамках исследования языка Особенной части уголовного закона. Аналогичная ситуация происходит и с терминологией.

Также, при построении Особенной части уголовного закона используется юридико-техническое оформление положений (нумерация разделов, глав, статей, частей, пунктов и т.д., применение наименований (заголовков) и т.д.).

Существуют различные варианты нумерации структурных компонентов Особенной части уголовного закона. Например, самостоятельная нумерация только макрокомпонентов и сквозная нумерация статей. Может присутствовать самостоятельная нумерация только статей внутри разделов или глав при наличии сквозной нумерации макрокомпонентов. Встречаются и более сложные системы цифрового обозначения (УК Франции), но для отечественного уголовного закона они не характерны. Преимуществом Особенной части УК РФ, которое подтверждено временем, является оптимально выбранная сквозная, непрерывная нумерация разделов, глав и статей. Как справедливо указывает Р. Кабрияк: «Триумф в XIX в. сплошной нумерации отнюдь не является делом случая. Значительно облегчая цитирование нужной статьи, обозначаемой единым номером, не зависящим ни от книги, ни от главы, сплошная нумерация отражает стремление к единству и полноте кодекса»¹. Предложение отказаться от сквозной нумерации статей в уголовном законе и воспользоваться опытом нумерации, осуществленной в КоАП РФ, вряд ли может быть поддержано². Такой вариант не упростит применение уголовного закона, но в будущем может создать необоснованно сложную нумерацию, которая уже имеет место быть в КоАП РФ (например, ст. 7.23.1, ст. 11.14.3 КоАП РФ).

Вносимые изменения и дополнения не создают сложностей в поиске по номеру структурного компонента. Новые статьи следуют за статьей, с которой они максимально близки по смыслу с тем же порядковым номером, но

¹ См.: Кабрияк Р. Кодификации. М., 2007. С. 384.

² Семенов Я.И. Законодательная техника в уголовном праве: дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2007. С. 20.

обозначены дополнительной цифрой, помещенной над основным цифровым обозначением статьи, что согласуется с Методическими рекомендациями по юридико-техническому оформлению документов¹. Однако возможно обсуждение вопроса о том, чтобы дополнительная цифра была помещена не над цифровым обозначением, а через точку на том же уровне, что и порядковый номер, как это встречается в большинстве правоприменительных документах и научных работах. Достижением УК РФ является нумерация в законе частей статей Особенной части. Удобство применения статей с пронумерованными частями подтверждено практикой применения действующего уголовного закона.

Обоснованным является использование наименований разделов, глав, статей при построении Особенной части уголовного закона. Однако, за время действия УК РФ стали проявлять себя новые тенденции в наименовании статей². Как правило, они должны быть краткими, но достаточным, чтобы быстро находить необходимую статью. Как пишет А.В. Иванчин, «главная функция заголовка – «маячковая» (указательная), то есть он способствует ориентации в УК и облегчает поиск нужного законодательного предписания»³. Заголовок должен кратко и точно передавать содержание материала, который содержится в статье (главе, разделе и т.д.). Конечно, не всем статьям возможно дать наименование, состоящее из одного слова, как например, у ст. 105 - «Убийство» или в ст.158 - «Кража». Однако в Особенной части УК РФ по состоянию на 1 января 1997 года такая тенденция (стремление к краткости и точности) прослеживалась. В Особенной части УК РФ по состоянию на 1 января 2024 года наблюдается иная тенденция - стремление полно отразить в названии статьи ее содержание. Так встречаются наименования статей,

¹ Методические рекомендации по юридико-техническому оформлению законопроектов. Москва, 2023// СПС «КонсультантПлюс».

² Уточним, что ранее в федеральных законах, вносящих изменения в УК РФ, использовалась терминология «название статьи» (например, федеральный закон от 25 июня 1998 г. № 92-ФЗ), а в более поздних законах, вносящих поправки в УК РФ – «наименование статьи» (например, федеральный закон от 25 декабря 2023 г. № 641-ФЗ). В работе «название», «наименование», «заголовок» статьи (главы, раздела) используются как синонимы.

³ Иванчин А.В. Законодательная техника и ее роль в российском уголовном правотворчестве. М., 2011. С. 172.

состоящие из 48 слов (ст. 330.3 УК РФ), 53 слов (ст. 280.3 УК РФ) и т.д. При этом, как правило, в таких объемных наименованиях законодатель стремится полностью повторить диспозицию статьи. Так, наименование ст. 322.2 УК РФ полностью совпадает с диспозицией ч. 1 ст. 322.2 УК РФ. Стоит отметить, что такая практика встречалась и в первоначальной редакции УК РФ (например, ст. 128 УК РФ), но эти случаи были единичными и наименования все же не были такими объемными. Например, в той же ст. 128 УК РФ и диспозиция, и наименование включали по 5 слов, а в новой ст. 322.2 УК РФ - 36 слов. Значительное число слов в названии статьи не облегчает ее поиск, но увеличивает объем Особенной части УК РФ. При этом все же наименование статьи не должно дублировать ее диспозицию, оно «лишено прямой нормативной силы»¹. В нем должны быть отражены признаки, позволяющие найти конкретную статью, не обращаясь к содержанию нескольких диспозиций статей.

Другая проблема наименования статей Особенной части УК РФ связана с использованием в них очень близких по содержанию понятий, которые не сразу позволяют сориентироваться в законе и определить, в какой из статей содержатся признаки искомого состава преступления. Например, возникают вопросы при анализе достаточно близких по содержанию наименований статей 264, 264.1, 264.2, 264.3 УК РФ, поскольку без обращения к их диспозициям возникают некоторые сложности с определением того, о признаках какого состава преступления речь идет в каждой из названных статей.

Каждая статья должна иметь наименование и нумерацию. Наименование статьи должно указывать на специфику состава преступления, позволяющей отграничить его от других видов. В наименовании статьи должны содержаться понятие и (или) признаки, отражающие основные характеристики определенного вида преступления. Оно должно быть кратким, но полным по

¹ Иванчин А.В. Законодательная техника и ее роль в российском уголовном правотворчестве. М., 2011. С. 172.

содержанию. Нумерация статей в уголовном законе должна быть сплошной, то есть первая статья Особенной части уголовного закона обозначается порядковым номером, следующим за номером последней статьи Общей части уголовного закона.

Еще одним важным аспектом законодательной техники являются языковые правила. Язык Особенной части уголовного закона представляет собой компонент законодательной техники. К языковым средствам в науке, например, относят грамматические предложения, юридические фразеологизмы, слова и аббревиатуры¹. К языковым приемам, используемым при изложении предписаний, относят: абстрактный и казуистичный; формальный и оценочный². Отдельно указывается, что язык закона предполагает соблюдение правил грамматики, синтаксиса, директивности, официальности³.

Оценка состояния языка является актуальной и важной задачей для современной теории и практики. Согласно официально опубликованной судебной статистике, за период с 2019 по 1-е полугодие 2021 года около 20-25 % новых статей Особенной части УК РФ на практике не применялись⁴. Эта тенденция сохраняется и в настоящее время⁵. Используемые в уголовном законе понятия и формулировки должны быть ясными, четкими и понятными, а термины - определенными. Одной из возможных причин неприменения законодательных новелл является наличие случаев сложного текстуального выражения мысли законодателя, затрудняющего ее понимание правоприменителем.

Отметим также, что в доктрине уголовного права существуют тесно связанные понятия – «законодательная техника» и «интерпретационная

¹ Законодательная техника: научно-практическое пособие/ под ред. Ю.А. Тихомирова. М., 2000. С. 148.

² Иванчин А.В. Законодательная техника и ее роль в российском уголовном правотворчестве. М., 2011. С. 147.

³ Керимов Д.А. Законодательная техника: научно-методическое и учебное пособие. М., 2021. С. 61.

⁴ Голенко Д.В. О тенденциях развития Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации // Юридический вестник Самарского университета. 2021. Т. 7. № 4. С. 26–29.

⁵ Сводные статистически сведения о состоянии судимости в России за 2009-2023 гг. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cdep.ru> (дата обращения 29 января 2024 г.)

техника (техника толкования)»¹. Как справедливо отмечает А.В. Иванчин, «знание секретов законодательной техники – ключ к уяснению и объяснению уголовного закона»². Институтом государства и права РАН в советские годы установлено, что примерно четверть ошибок в применении законодательства связана с неясностью, противоречивостью и неполнотой положений закона³. Исследование особенностей построения закона состоит также в понимании того, как он будет регулировать общественные отношения. Это важно осознавать применительно к Особенной части уголовного закона. Ошибки в текстуальном выражении мысли законодателя могут привести к различным последствиям при применении закона. В одних случаях это существенное необоснованное ограничение прав человека в результате неправильного понимания закона. В других – невозможность добиться защиты нарушенного права и (или) свободы, так как статья, которая «задумывалась» законодателем для решения существующих проблем, на деле оказывается «мертвой», поскольку трудно понять ее содержание, или она противоречит уже имеющимся в законе статьям. Исследование практики применения уголовного закона является ключом к дальнейшему совершенствованию его построения.

Точность понятий и формулировок, определенность используемых терминов, лаконичность и логичность Особенной части уголовного закона создают условия для единообразного толкования и применения ее положений, а это является определенной гарантией соблюдения прав и свобод человека и гражданина.

Важным является вопрос о том, могут ли быть устранены технические недостатки закона судебной властью. В настоящее время действует Федеральный конституционный закон от 05 февраля 2014 г. № 3-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации»», где в п. 1 ч. 7 ст. 2 указано, что Верховный Суд РФ «в целях обеспечения единообразного применения

¹ Иванчин А.В. Законодательная техника и ее роль в российском уголовном правотворчестве. М., 2011. С. 62.

² Там же. С. 63.

³ Кудрявцев В. Н., Лукашева Е.А. Государство, право, человек // Коммунист. 1986. № 9. С.92-101.

законодательства Российской Федерации дает судам разъяснения по вопросам судебной практики на основе ее изучения и обобщения»¹. Таким образом, в действующем законодательстве закреплена роль Верховного Суда РФ в формировании правовых позиций и единообразия практики применения. В науке давно обсуждается вопрос о том, что разъяснения Верховного Суда РФ не просто акты толкования закона – они есть форма судебного права². Так, М.А. Кауфан, исследуя проблему наличия пробелов в уголовном праве, приходит к выводу о том, что судебное толкование пробельных уголовно-правовых норм неизбежно приобретает нормативный характер³. Добавило поводов для новых дискуссий о роли разъяснений Верховного Суда РФ решение Конституционного Суда РФ, в котором указано, что определенность закона для судов «может быть обеспечена в рамках полномочия Верховного Суда Российской Федерации давать разъяснения по вопросам судебной практики в постановлениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации»⁴.

Действительно, как справедливо отмечает В. В. Лазарев, «казуальное разъяснение закона приобретает иногда решающее значение в юридической квалификации»⁵. В этой связи следует подчеркнуть важную роль разъяснений Верховного Суда РФ по вопросам правоприменения Особенной части уголовного закона. Несмотря на то, что общие разъяснения суда не носят обязательного характера, они служат определенной гарантией единообразного правоприменения, создавая правовую определенность, которая обеспечивает в большей степени соблюдение прав и свобод человека и гражданина. Еще Н. М. Коркунов отмечал, что «постоянство судебной практики и

¹ Федеральный конституционный закон от 05.02.2014 г. №3-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации» (ред. от 14.07.2022) // СПС «КонсультантПлюс».

² Малько А.В., Семикин Д.С., Гайдидей Ю.М. Судебная система и судебная политика в современной России: проблемы теории и практики: монография. М., 2014. С. 70-73.

³ Кауфан М.А. Пробелы в уголовном праве и судебское усмотрение. М.: Юрлитинформ, 2009

⁴ Определение Конституционного Суда РФ от 09.07.2021 г. № 1374-О «О прекращении производства по делу о проверке конституционности пункта «г» части третьей статьи 158 и статьи 159.3 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Железнодорожного районного суда города Рязани» // СПС «КонсультантПлюс».

⁵ Лазарев В. В. Применение советского права. Казань, 1972. С. 104.

обуславливаемая им определенность юридических отношений представляет, конечно, важное значение»¹. Этот ученый справедливо указывал, что «нужны весьма серьезные и веские основания, чтобы склонить суд к изменению установившейся в нем практики. Поэтому все вероятнее то, что раз принятое судом начало будет поддерживаться им и в последующих решениях»². В этой связи опубликование решения Верховного Суда РФ по конкретному делу в журнале «Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации» имеет своей целью определение линии поведения правоприменительных органов в рассмотрении аналогичных вопросов³. Для позиций, обозначаемых Верховным Судом РФ, характерна «глубокая научная аргументация»⁴. Кроме того, только высшие судебные органы способны обеспечить единообразное понимание и применение норм и этим содействуют реализации конституционных принципов⁵.

Однако, разъяснения высшей судебной инстанции относятся к решениям, направленным на толкование и применение Особенной части уголовного закона, но не на «дотраивание» Особенной части уголовного закона. Построение Особенной части уголовного закона исключительная прерогатива законодателя. Противоречия внутри уголовного законодательства, пробелы, которые не позволяют судам понять и применить уголовный закон, свидетельствуют о допущенных ошибках при построении этого структурного компонента уголовного закона. Они должны устраняться исключительно законодательной властью, а не судебной.

Важным является понимание того, что Верховный Суд РФ задает вектор практики применения для нижестоящих судов положений уголовного закона

¹ Коркунов Н. М. Лекции по общей теории права. СПб., 1914. С. 305.

² Там же. С. 361.

³ Грачева Ю. В. Гарантии ограничения судебского усмотрения при применении норм с оценочными понятиями // Законность. 2010. №8. С. 46-48.

⁴ Рарог А. И. Роль Верховного Суда РФ в формировании судебной практики по уголовным делам // Уголовное право стратегии развития в XXI веке: материалы 4-ой Международной научно-практической конференции 25-26 января 2007 г. М., 2007. С. 6.

⁵ Савельева О. А. Судебное толкование в применении уголовного закона: учебно-практическое пособие. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: СПС. КонсультантПлюс (дата обращения: 15 июля 2023 г.).

Особенной части¹, но не лишает судейского усмотрения конкретного судью², для которого сам закон также должен быть ясным и непротиворечивым.

Более высокий уровень законодательной техники на момент принятия уголовного закона формирует условия для создания более логично, лаконичного и последовательного нормативного правового акта. Т.В. Непомнящая отмечает, что «культура и уровень законотворческого процесса, а соответственно, и качество принимаемых нормативно-правовых актов – это показатель цивилизованности общества и демократичности государства»³. В последующих параграфах более детально рассмотрим вопросы законодательной техники применительно к структуре Особенной части уголовного закона, диспозициям, санкциям, примечаниям.

Таким образом, можно сделать следующие выводы по технико-юридическому инструментарию Особенной части уголовного закона:

1. Особенная часть уголовного закона и каждый из ее структурных компонентов строится по своим правилам. Таким образом, можно говорить о правилах систематизации и структурирования, построения разделов (глав, отделений и т.д.), о правилах построения статей (выделение частей, пунктов и др.), которые объединяют правила построения диспозиций, санкций, примечаний. Полный перечень компонентов законодательной техники назвать невозможно. Важен каждый инструмент, но чаще всего он в той или иной степени связан с указанными выше.

2. Если обратиться к анализу законопроектов, то можно предположить, что статьи вероятно создаются без предварительного моделирования конструкций составов преступлений и наказаний (санкций), без сопоставления их с имеющимися, что в итоге приводит к противоречиям в существующем

¹ Сапожникова С.И., Оленева А.А. Некоторые особенности судебного усмотрения и его отграничения в Уголовном кодексе Российской Федерации // Право. Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2016. № 3. С. 161-165.

² Решение Дисциплинарной коллегии Верховного Суда РФ от 22.05.2017 г. № ДК17-30 // СПС «КонсультантПлюс»; Решение Дисциплинарной коллегии Верховного Суда РФ от 14 мая 2019 г. по делу № ДК19-17 // СПС «КонсультантПлюс».

³ Непомнящая Т.В. Современная Российская уголовная политика: проблемы правотворчества и правоприменения // Вестник Томского государственного университета. Право. 2015. № 2 (16). С. 86.

законодательстве и практике его применения. Построение конструкций – более сложный этап, содержательный и объемный. Верное их создание способствует построению более точного закона.

3. Исследование основ построения Особенной части уголовного законодательства неразрывно связано с пониманием процессов дальнейшего ее применения и толкования. Любая идея может быть искажена не только при построении Особенной части уголовного закона. Любой идеально построенный закон может привести к совершенно иным результатам, чем те, которые рассчитывал увидеть законодатель при его принятии. При толковании и применении Особенной части уголовного закона необходимо исходить из текста, пользоваться приемами толкования, учитывать реальные социально-экономические условия. Анализ практики толкования и применения Особенной части уголовного закона позволяет увидеть ошибки в законодательной технике, в понимании закона, пробелы, неточности, нелогичность и противоречивость положений кодекса. Противоречия внутри уголовного законодательства, которые не позволяют судам понять и применить уголовный закон, свидетельствуют о допущенных ошибках при построении закона. Они должны устраняться исключительно законодательной властью, а не судебной.

§ 2. Структурирование Особенной части уголовного закона

Используя терминологию А.А. Ушакова, обратимся к «юридической композиции»¹ Особенной части уголовного закона.

Структурирование Особенной части представляет собой процесс, в результате которого создается «каркас» этой подсистемы уголовного закона, определяется количество и последовательность расположения компонентов, критерий их объединения в группы и подгруппы. Как отмечает А.В. Иванчин,

¹ Ушаков А.А. О понятии юридической техники и ее основных проблемах// Ученые записки Пермского государственного университета. Т.19. Вып. 15. Пермь, 1961. С. 89.

эта методика заключается «в подразделении уголовного закона на составные элементы, то есть в его внутреннем строении»¹.

Структурными компонентами Особенной части уголовного закона являются: статьи (артикулы, параграфы и т.п.), которые могут быть разделены на части и пункты, а также различные уровни объединения статей в группы и подгруппы по какому-либо критерию (отделения, параграфы, главы, разделы и т.д.). Построение структуры нормативного акта в юридической литературе обычно относят к внешней законодательной технике².

Сравнительно-правовое исследование показало (раздел I), что число, название компонентов и последовательность их расположения, как правило, не имеет полного совпадения в разных странах (за исключением случаев заимствования иностранного кодекса) и изменяется даже внутри одного государства при принятии каждого последующего уголовного закона (бывают исключения, как в случае с новой редакцией того же уголовного закона).

Структурирование Особенной части уголовного закона чаще всего обусловлено влиянием совокупности факторов: историческими традициями, политическими причинами, уровнем владения законодательной техникой разработчиков, научными взглядами и др. Причины изменения структуры Особенной части уголовного законодательства в истории одного государства кроются, как правило, в факторах, обусловивших необходимость принятия нового закона. Нередко новый кодекс предстает как альтернатива предшествующему хаосу, случившемуся либо в результате разрастания количества законодательных актов уголовно-правового характера, либо бессистемных изменений «старого» кодекса, что чаще всего вызвано существующим социальным, экономическим и политическим кризисом. Новые уголовные кодексы нередко разрабатываются и принимаются в начале срока правления или осуществления полномочий главой государства как определенный вариант решения накопившихся проблем, поэтому

¹ Иванчин А.В. Законодательная техника и ее роль в российском уголовном правотворчестве. М., 2011. С. 167.

² Там же.

законодатель стремится представить упорядоченную модель нового закона, которая не может совпадать с тем, что было ранее. Эта новизна, с одной стороны, выражается в названии и расположении структурных компонентов Особенной части, с другой – в появлении новых или исключении старых структурных образований (разделов, глав, параграфов). В большинстве случаев к разработке Особенной части уголовного закона привлекаются ученые, взгляды которых также влияют на расположение и содержание законодательного материала.

Структурирование – сложный процесс. Он происходит при одновременном представлении и того, что будет входить в число микроэлементов, и в число макроэлементов, и практически никогда не осуществляется с «чистого листа». Ошибочно представлять, что сначала строится «каркас», а потом его «наполняют», размещая все статьи Особенной части уголовного закона, так же, как и наоборот: ошибочно думать, что сначала бессистемно создаются все статьи, а потом их распределяют по разделам и главам. Как правило, существует представление о том, что будет сохранено из прежнего уголовного закона и как этот материал будет дополнен и переформирован. Ни одна Особенная часть реального уголовного закона не создается в пространственно-временном вакууме. Даже при полном отрицании законодателем связи нового уголовного закона с предшествующим, такая преемственность (если не в идеях, то в технике построения) обычно существует.

Построение системы и структурирование Особенной части уголовного закона может осуществляться по различным основаниям и уровням. Условно можно назвать следующие типы: многоуровневый иерархический и линейный. Допустимо называть еще смешанный тип, когда, например, Особенная часть в целом построена по линейному типу, но в отдельных главах есть отступления. Однако с точки зрения классификации более верными являются два взаимоисключающих варианта, и тогда смешанный скорее относится к

многоуровневому иерархическому, поскольку допускает различные комбинации компонентов по уровням и видам.

Иерархический многоуровневый тип построения Особенной части уголовного закона включает минимум два уровня объединения статей как элементарных частиц внутри нее (например, сначала статьи объединяются в главы (первый уровень), затем в разделы (второй уровень). Макроэлементом такой структуры является наиболее крупное образование (группа), каждый последующий уровень объединяет более мелкие структурные компоненты (подгруппы), связанные с макроэлементом как общее и частное. Макроэлементы могут называться частью (книгой), разделом и др., но они всегда внутри содержат еще один уровень компонентов, объединяющих статьи (главы, параграфы, отделения и т.п.). Законодатель, как правило, выбирает один или несколько критериев для группировки статей и других более крупных элементов в Особенной части уголовного закона.

Одним из вариантов иерархического многоуровневого построения Особенной части уголовного закона является создание двух крупных разделов - преступления против публичных интересов и преступления против частных интересов. Этот вариант был реализован французским законодателем при построении Особенной части УК Франции 1810 г., которая долгое время считалась образцом законодательной техники. В книге III располагались сначала преступления против публичных интересов (*Titre premier crimes et délits contre la chose publique*), а затем преступления против частных интересов (*Titre II crimes et délits contre les particuliers*)¹. Разделы включали главы, отделения, параграфы, объединяющие статьи. Такое построение Особенной части уголовного закона не нашло поддержки у отечественного законодателя, хотя предложения структурирования по этому типу встречаются в работах ученых. Например, Л. Цветаев писал о делении преступлений на публичные и приватные², П.Н. Гуляев предлагал различать преступления государственные

¹ Code pénal de 1810. [Электронный ресурс]. URL: <https://ledroitcriminel.fr> (дата обращения 11 марта 2023 г.).

² См.: Фельдштейн Г.С. Главные течения в истории науки уголовного права в России. М., 2014. С. 375.

или общественные и частные¹, а С. Протасов – государственные и частные². В советские годы ученые отрицали возможность применения такого типа структурирования к Особенной части уголовного закона³. В постсоветское время эти идеи также не нашли широкой поддержки. Возможно, во многом это обусловлено отсутствием в принципе такой традиции при построении отечественных уголовных законов, а также сложностью реализации идеи на практике, поскольку не все статьи возможно однозначно отнести только к одному или другому разделу. Французский законодатель и сам в новом уголовном законе отказался от такого структурирования Особенной части. Этот вариант построения теряет со временем свою актуальность, вряд ли его возможно рассматривать в качестве перспективного направления.

Еще один вариант многоуровневого иерархического типа построения – создание трех макрокомпонентов внутри Особенной части уголовного закона. Например, объединение статей в разделы: преступления против личности, преступления против общества и преступления против государства, а затем выделение глав, отделений, параграфов. Такая триада макрокомпонентов была использована законодателем в Особенной части прежнего Уголовного кодекса Ирана (1926 года). Однако иранский законодатель отказался от такого типа структурирования Особенной части нового уголовного закона.

Отечественный законодатель никогда не выделял эти три макрокомпонента внутри Особенной части действовавших и действующего уголовного закона, но такой тип структурирования нашел широкую поддержку в российской уголовно-правовой науке. Л.С. Белогриц-Котляровский предлагал разделять преступления на публичные, публично-частные и чисто частные⁴. Сторонником такого разделения был И.Я.

¹ Гуляев П.Н. Российское уголовное право. М. 1833. С. 189-201, 205, 208.

² См.: Программа для испытания студентов Императорского Казанского Университета по окончании 1829-1830 академического года. Казань, 1830. С.38.

³ См. Шаргородский М.Д. Уголовный закон. М., 1948. 165.

⁴ Белогриц-Котляревский Л.С. Учебник русского уголовного права. Общая и Особенная части. Пб., 1903. С. 107

Фойницкий¹. Встречается оно и в современных работах. Нередко, когда оценивают последовательность расположения структурных компонентов в Особенной части уголовного закона, пишут об иерархии ценностей, отраженной в структуре Особенной части уголовного закона, говоря про последовательность преступлений именно трех групп: против личности, общества и государства, не называя иных. Так, В.Н. Сизова пишет о системе Особенной части УК РФ, которая включает три блока, характеризующие нарушения общественных отношений в триаде: личность (раздел VII УК РФ) - общество (раздел VIII-IX УК РФ) - государство (раздел X-XII УК РФ)². Однако эта операция проделана ученым для анализа системы и не совпадает с реальной структурой Особенной части УК РФ. Кроме того, подобная система сама по себе не выглядит безупречной. Например, вряд ли возможно согласиться с В.Н. Сизовой в том, что преступления против собственности однозначно можно отнести только к преступлениям против общества, а преступления против мира и безопасности человечества – к преступлениям против государства. Неслучайно законодатель не выделяет эти блоки внутри Особенной части УК РФ. Однако общий вектор расположения – от преступления против личности к преступлениям против общества, и только затем – против государства – проследить действительно можно, хотя и в форме определенной общей идеи.

Еще один вариант – это создание четырех и более разделов, объединенных на основании какого-либо одного или нескольких критериев: по единству охраняемого объекта (Особенная часть УК РФ); по виду наказания и его источнику (Особенная часть УК ИРИ)³ и др.

Макрокомпонент может включать различные компоненты, объединяющие статьи. Их выбор может быть обусловлен совокупностью

¹ Фойницкий И.Я. Курс уголовного права. Часть особенная: Посягательства личные и имущественные. СПб., 1912. С. 18.

² Сизова В.Н. Система Особенной части российского уголовного законодательства: монография / под ред. докт. юрид. наук, проф. Б.Я. Гаврилов. М., 2021. С. 154-155.

³ См.: Тагибов Э.Ш. Уголовное законодательство Исламской Республики Иран // Мир современной науки. 2011. № 5. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ugolovnoe-zakonodatelstvo-islamskoy-respubliki-iran/pdf>

различных факторов, например, историческими традициями, заимствованием зарубежного опыта, оценкой практического удобства пользования. Многоуровневый иерархический тип построения Особенной части был использован в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. и в УК РФ (разделы, главы, статьи), а также в определенной степени в Особенной части УК РСФСР 1922 г. и УК РСФСР 1960 г., о чем будет сказано ниже.

Второй тип построения Особенной части уголовного закона - линейный. В этом случае существует один уровень объединения статей, как правило, это главы. М.Д. Шаргородский полагал, что линейная система является наиболее приемлемой для советского уголовного законодательства, поскольку, в нем не имеет места деление на право частное и право публичное: «противопоставление общества государству абсолютно не соответствует природе советского строя и социалистического общества»¹. В период написания этой цитируемой монографии в РСФСР действовала Особенная часть УК РСФСР 1926 г., построенная по линейному типу. По такому же типу была построена Особенная часть Уголовного Уложения 1903 г., что сами составители оценивали в качестве существенного достижения в технике построения Особенной части отечественного уголовного законодательства. Особенности части уголовных кодексов РСФСР 1922 г. и 1960 г. нельзя в полной мере отнести к моделям, построенным по линейному типу, поскольку внутри некоторых глав были структурные образования, объединяющие статьи в меньшие группы. Например, глава I Особенной части УК РСФСР 1922 г. имела внутри еще один уровень объединения статей в две группы: о контрреволюционных преступлениях и о преступлениях против порядка управления. Глава первая Особенной части УК РСФСР 1960 г. также была разделена на два структурных образования: особо опасные государственные преступления и иные государственные преступления. Таким образом, на

¹ Шаргородский М.Д. Уголовный закон. М., 1948. С. 60.

самом деле это был не линейный, а скорее многоуровневый иерархический тип, хоть и не выдержанный во всей Особенной части уголовного закона.

Л.Л. Кругликов отмечает, что «особенно распространено (и имеет первостепенное значение для структуризации Уголовного кодекса) деление охраняемых уголовным правом общественных отношений по «вертикали» на общий, родовой и непосредственный, предложенное еще в 1938 году В.Д. Меньягиным»¹. В работах советских исследователей также можно встретить указание на такое построение Особенной части уголовного закона. Так, в Курсе советского уголовного права указано, что «трехстепенному делению: Особенная часть – глава Особенной части – состав преступления соответствует трехстепенное деление объекта охраны: общий объект – родовой объект – непосредственный объект»². Однако следует заметить, что, когда издавался последний цитируемый научный труд, Особенная часть не включала такой компонент, как раздел. С появлением в Особенной части уголовного закона и раздела, и главы она становится, согласно предложенной логике, четырехстепенной, если считать статья-глава-раздел-Особенная часть³. При анализе системы и структуры Особенной части УК РФ невозможно опираться только на деление по «вертикали» с тремя уровнями объектов, как это было во всех УК РСФСР. Н.И. Коржанский, например, предложил ввести видовой объект⁴, который вполне вписывается в существующую структуризацию. Л.Л. Кругликов полагает, что применительно к разделам речь следует вести о межродовом объекте, к главам – о родовом, статьям (составам преступления) – о непосредственном⁵. Он объясняет это тем, что многие главы, которые были в Особенной части советского уголовного закона стали разделами УК РФ, но это не значит, что

¹ Кругликов Л.Л., Спиридонова О.Е. Юридические конструкции и символы в уголовном праве. СПб., 2005. С. 47.

² Курс советского уголовного права. Часть общая. В 5 т. Т. 1 / отв. ред.: Н.А. Беляев, М.Д. Шаргородский. Л., 1968. С.290.

³ Если говорить об уровнях объединения статей внутри Особенной части, то их два. Первый уровень состоит в объединении статей в главы, второй – в разделы внутри Особенной части.

⁴ Коржанский Н.И. Объект и предмет уголовно-правовой охраны. М., 1980. С. 72-74.

⁵ Кругликов Л.Л., Спиридонова О.Е. Юридические конструкции и символы в уголовном праве. СПб., 2005. С. 47.

родовой объект также должен стать видовым объектом. Стоит заметить, что в уголовном праве нет единства мнений относительно существования и разделения на виды объектов. Например, М.И. Федоров не видит смысла ни для теории, ни для практики в выделении общего объекта¹. Л.Л. Кругликов считает, что современное состояние научного знания вообще не позволяет четко разграничить родовой и непосредственный объекты². В качестве примера он приводит период действия советского уголовного законодательства, где трехуровневое деление было характерно для преступлений против личности, и не было характерно для имущественных преступлений. В последних родовой и непосредственный объекты сливались, но со временем законодатель разделил и имущественные преступления на виды. Сложности в определении родового, видового и непосредственного объектов наблюдаются и в настоящее время. Во-первых, они проявляются в рассогласовании между наименованиями разделов и глав. Так, например, в разделе IX «Преступления против общественной безопасности и общественного порядка» первая глава (гл. 24 УК РФ) названа «Преступления против общественной безопасности», но нет логически второй главы в этом разделе, которая именовалась бы «Преступления против общественного порядка». Вместо нее в разделе присутствуют еще четыре главы (гл. 25-28 УК РФ), которые также имеют объектом скорее безопасность, чем порядок. В разделе X «Преступления против государственной власти», наоборот, глава 30 УК РФ имеет наименование шире: «Преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления». Таким образом, обозначенный в наименовании главы объект шире, чем объект, обозначенный в наименовании раздела, поскольку глава 30 УК РФ должна охватывать все преступления против государственной власти, а также еще преступления против службы в органах местного

¹ Федоров М.И. Понятие объекта преступления по советскому уголовному праву // Учен. запис. Перм. Университета. 1957. № 150. Т.2 Вып. 4. кн. 2. С. 190-191.

² Кругликов Л.Л., Спиридонова О.Е. Юридические конструкции и символы в уголовном праве. СПб., 2005. С. 67.

самоуправления, о которых нет речи в названии раздела. Более того, в раздел X включены еще три главы, помимо главы 30 УК РФ, в которых обозначены иные объекты.

Во-вторых, сложности возникают в связи с отсутствием единства подходов к тому, какие родовые и видовые объект необходимо обозначить в Особенной части уголовного закона, а, следовательно, какое число разделов и глав необходимо создать. Приведем лишь несколько примеров из научной литературы, которые подтверждают это. Так, К.О. Копшева предлагает разделить главу 16 раздела VII УК РФ «на две отдельные главы: преступления против жизни и преступления против здоровья ввиду различности видовых объектов уголовно-правовой охраны»¹. В. С. Коростелев предлагает ввести в новый уголовный закон раздел «Преступления против публичной власти и управления», который будет включать две главы и четыре параграфа. В этот раздел ученый предлагает включить и преступления против военной службы². С.В. Элекина не согласна с этим предложением, она рекомендует включить в уголовный закон раздел «Преступления против интересов службы», объединяющий две главы³. О.В. Ермакова считает, что «однако обособление отдельных объектов в специально выделенные главы УК РФ представляется недостаточно обоснованным. Например, глава 28 «Преступления в сфере компьютерной информации» вполне может раствориться в преступлениях в сфере экономической деятельности, собственности и т.д. без ущерба для охраны данного общественного отношения»⁴. Другие ученые предлагают «перенести гл. 29 УК РФ в разд. IX, причем с нее и начать его; кроме того, возможно, включить в него составы преступлений, изложенные в ст. 205-205.6

¹ Копшева К.О. Уголовное законодательство Российской Федерации и его основания (теоретический аспект): автореф. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2004. С. 8.

² Коростелев В.С. Система служебных преступлений по уголовному праву России: вопросы истории, теории и практики: автореф. дис. ... канд.юрид.наук: 12.00.08. Самара, 2014. С. 7.

³ Элекина С.В. Преступления против интересов службы в коммерческих и иных организациях: вопросы криминализации, кодификации и квалификации: автореф дис. ... канд. юрид.наук: 12.00.08. Самара, 2020. С. 10.

⁴ Ермакова О.В. Концептуальные основы отражения общественно опасного деяния и механизма его совершенствования в нормах Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации: дис. ... д-ра. юрид. наук. Барнаул, 2023. С. 199.

УК РФ, переименовав раздел IX, назвав его «Преступления против национальной безопасности», а нынешнюю гл. 24 УК РФ – «Преступления против общественной безопасности и общественного порядка»¹. Такое многообразие предложений свидетельствует о том, что в науке не существует единства в подходов к тому, какие видовые и родовые объекты существуют и как они между собой соотносятся.

В-третьих, эта проблема проявляется в ошибках и неточностях, допущенных при расположении статей в разделах и главах этого структурного компонента уголовного закона. В.Н. Кудрявцев писал: «Система Особенной части уголовного законодательства складывалась исторически. Если даже признать, что в основе ее построения лежал исключительно и только объект преступного посягательства (а в этом можно сомневаться), то и при таком допущении комплексный, сложный характер объектов многих преступлений не мог найти должного отражения в этой системе. Группируя преступления по главам, уголовный кодекс учитывает лишь основную направленность данного преступления, наиболее важную часть общественных отношений, на которые оно посягает, выделяет главный объект. Преступления же в действительности посягают на многие и притом сложные объекты»². Сложность определения основного объекта преступления приводит к тому, что некоторые статьи оказываются не в тех главах или разделах, о чем указывается в научной литературе³. Неверное расположение статей внутри структурных компонентов может привести к правоприменительным ошибкам при системном толковании положений Особенной части УК РФ. Необходимо найти консенсус в понимании такого, какие объекты будут названы в Особенной части уголовного закона, а также «основную направленность»⁴ каждого преступления.

¹ Преступления против общественной безопасности и общественного порядка: закон, теория, практика: монография/ под ред. А.И. Чучаева. М., 2022. С.12.

² Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступлений. М., 1972. С. 156.

³ Коробеев А.И., Чучаев А.И. Транспортные преступления: проект новый – недостатки старые //Актуальные проблемы российского права. 2019. № 10 (107). С. 174.

⁴ Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступлений. М., 1972. С. 156.

Преимуществом многоуровневого иерархического типа построения является его динамичность при сохранении определенной стабильности «каркаса». Законодатель может определить ключевые разделы, допустив возможность создания различных уровней внутри них. Например, в одном случае раздел может содержать одну главу, в другом - несколько глав. В главах также могут допускаться разукрупнение. Такая структура позволяет создавать и исключать структурные образования, не меняя основного «каркаса» Особенной части уголовного закона, сохраняя число разделов, если это необходимо¹.

При линейном типе построения преимуществом является отсутствие необходимости группировать структурные компоненты по нескольким уровням с выявлением для них каждый раз нового общего признака (например, единство объекта, для нескольких групп преступлений, объединенных в главы для создания раздела). В этом типе построения достаточно определиться с основным перечнем объектов, объединив статьи на одном уровне. Нет необходимости осуществлять поиск объектов следующего уровня, который должен быть обозначен в разделе при многоуровневом иерархическом типе построения (если критерием объединения является объект), что представляет собой достаточно сложный процесс. Как показывает практика, в результате этого процесса законодатель нередко в названии раздела повторяет название главы или объединяет название нескольких глав. Введение новой главы при линейном типе построения по сути создает новшества в «несущих конструкциях» Особенной части уголовного закона. Справедливости ради, стоит отметить, что изменения в структуру Особенной части уголовного закона в российском законодательстве вносятся редко, законодатель стремится сохранять изначальное число структурных компонентов на протяжении действия уголовного закона.

¹ Кругликов Л.Л., Спиридонова О.Е. Юридические конструкции и символы в уголовном праве. СПб., 2005. С. 156.

Последовательность расположения структурных компонентов внутри Особенной части уголовного закона обусловлена рядом причин. Они могут располагаться: по объекту посягательства (например, в зависимости от провозглашенной ценности охраняемых объектов), по алфавиту (например, некоторые кодексы штатов США), по видам наказания (например, Иран, от более строгого к менее строгому), по категориям преступления (от тяжких к менее тяжким, и наоборот), по форме вины (от умышленных преступлений к преступлениям, совершенным по неосторожности) и т.д.

Причины, обуславливающие последовательность расположения компонентов, как отмечалось выше, могут быть различными: историческими (УУ Германии), политическими (УК Франции), культурно-религиозными (УК ИРИ) и др. Однако причина названа условно, поскольку, как правило, на расположение влияет их совокупность.

Законодатель определяет последовательность расположения как для макрокомпонентов, так и для микрокомпонентов (статей), поскольку от этого может зависеть системное толкование и применение закона. Они (разделы, главы, статьи) могут располагаться по одному из названных критериев на всех уровнях или по нескольким критериям, которые могут не совпадать как внутри подгрупп одного уровня, так и в подгруппах разного уровня. Например, разделы Особенной части УК РФ объединяют статьи с единым родовым объектом (хотя есть мнение, что при создании глав о должностных преступлениях и о воинских преступлениях структурные компоненты выделены на основании еще и признаков субъекта). Внутри же глав статьи могут располагаться в зависимости от различных критериев или их совокупности. Например, в Особенной части УК РФ в главе 16 о преступлениях против жизни и здоровья статьи располагаются с учетом объекта, формы вины, тяжести деяния (от более тяжкого к менее тяжкому). В главе 21 о преступлениях против собственности - от умышленных к преступлениям, совершенным по неосторожности, от хищений к не хищениям, от корыстных преступлений против собственности к некорыстным. Новые

статьи помещаются законодателем не в конец главы, раздела, и не в конец Особенной части уголовного закона, а рядом с теми статьями, с которыми они логически связаны, что является оправданным и удобным для применения.

Объединение статей в структурные компоненты в зависимости от объекта преступного посягательства является привычным, удобным и характерным вариантом для большего числа отечественных уголовных законов (в исторической ретроспективе), а также используется и в уголовных законах зарубежных стран (например, Германия, Франция, Китай и др.).

Расположение статей внутри структурного компонента (например, главы или раздела, объединяющего посягательства на единый объект) в зависимости от категории преступления становится противоречивым со временем. В любой закон вносятся изменения, чаще всего новая статья располагается после той, которая максимально близка по регулируемым отношениям, а не по категории преступления.

Расположение статей (глав) в зависимости от особенностей субъекта или субъективной стороны не всегда применимо ко всем структурным компонентам. В статьях могут быть описаны составы преступлений, которые не отличаются по признакам этих элементов. Объединение статей в зависимости от субъекта преступления (например, военнослужащий, должностное лицо) допустимо, но не может распространяться на всю Особенную часть уголовного закона, поскольку в большей части статей субъект является общим. В зависимости от формы вины допустимо располагать статьи внутри небольшого структурного компонента Особенной части, но расположение статей в зависимости от формы вины близко к структуре, где критерием расположения является категория преступления, и имеет те же недостатки.

Таким образом, сложно назвать один критерий, который позволил бы упорядочить статьи внутри каждой главы Особенной части уголовного закона и был бы выдержан во всем законе. Он должен определяться применительно к каждой конкретной главе. Статьи допустимо располагать в главах и

параграфах Особенной части традиционно по разным критериям (особенности непосредственного объекта, характера действий (бездействия), способа совершения преступления, формы вины, мотивов и целей, субъекта и т.д.).

Отметим некоторые недостатки иных подходов к расположению статей в Особенной части уголовного закона. Так, расположение статей по алфавиту усложняет восприятие законодательного материала. Это подтверждает и опыт тех законодателей, который сохранили такой способ структурирования. Другой подход, который предусматривает расположение статей в зависимости от наказания также делает сложной Особенную часть уголовного закона, допускает повторение одних и тех же деяний в различных структурных компонентах уголовного закона, что увеличивает объем закона.

Если обратиться к отечественным уголовным законам и теории уголовного права, то можно встретить различные варианты построения системы и структурирования Особенной части. Например, составители Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года стремились расположить структурные компоненты в порядке, соответствующем порядку следованию томов Свода законов Российской империи, так как «уголовный закон составляет санкцию всех других законов»¹. Однако это было не вполне выдержано, так как «например, преступления против частной собственности поставлены в последнем разделе, а преступления против законов о состояниях в восьмом, хотя права имущественные изложены в X, а права состояний в томе IX Свода»². Такое структурирование обусловлено существованием самого Свода, логикой его построения. При отсутствии объединения всех отраслевых законов в один сборник выдержать такую логику сложно, требуется иной критерий структурирования.

В XIX веке ученые предлагали несколько подходов к построению положений Особенной части уголовного закона. Г. И. Солнцев писал о следующей последовательности расположения структурных компонентов:

¹ Лохвицкий А. Курс русского уголовного права, СПб., 1867, С. 278.

² Там же. С. 278.

преступления против Бога; против Помазанника Государя; против государства; против частных граждан; против собственного своего лица¹. Л. Цветаев указывал, что «важнейшее и главнейшее разделение преступлений на публичные и приватные руководствует нас к подробнейшему их разделению на 7 следующих видов: 1. Публичных (против веры и бога; против верховной власти (т.е. против государства, государственного постановления и учрежденных чиновников); против самого общества (т.е. против порядка, благоустройства, спокойствия, безопасности, торговли, казны, нравственности, полиции; против политических граждан, против народного права); 2. Приватных (против семейственного права; против лица гражданина; против собственности)»². По мнению С. Протасова законодателем должна быть соблюдена следующая последовательность расположения структурных компонентов: «О преступлениях против веры»; «О злоумышлении против особы Его Императорского Величества и государственной измене и бунте»; «О преступлениях против внешней безопасности»; «О преступлениях против внутренней безопасности»; «О преступлениях против государственной казны»; «О преступлениях против общего доверия»; «О преступлениях государственных чиновников», за ними следуют структурные компоненты о частных преступлениях: «О преступлениях против личной безопасности»; «О преступлениях против собственности»; «О преступлениях против чести»³.

По мнению Н.А. Неклюдова, целесообразна следующая последовательность: преступления государственные; преступления общественные; преступления семейственные; преступления против отдельных лиц⁴. С. Будзинский различал преступления в зависимости от того, на что они направлены: на права единиц, семьи, общества, государства и религии⁵.

¹ Солнцев Г.И. Российское уголовное право. Казань, 1820 / под ред. и с вступит. статьей Г.С. Фельдштейна. Ярославль, 1907. С. 74.

² Цветаев Л. Начертание теории уголовных законов, изданное для употребления учащихся. М., 1825. С. 8, 19–34.

³ Фельдштейн Г.С. Главные течения в истории науки уголовного права в России. М., 2014. С.335.

⁴ Неклюдов Н.А. Руководство Особенной части Русского уголовного права. СПб., 1887. С. 2.

⁵ Будзинский С. О преступлениях в особенности, М.: Тип. К. Ковалевского, 1887. С. 17

Однако предлагаемые структуры строились в рамках сложившихся в то время в обществе представлений, с учетом существовавших в государстве традиций. В соответствии с этими представлениями и традициями выделялись объекты охраны, поэтому не случайно в каждом из предлагаемых вариантов есть преступления против веры (религии).

В Уголовном уложении 1903 г. последовательность расположения глав была обусловлена ценностью охраняемых объектов и политическими факторами, как и в последующих отечественных уголовных законах.

Многообразие существующих подходов к построению Особенной части уголовного закона подтверждается и предложенными в науке вариантами структуры Особенной части Уголовного кодекса СССР, который так и не был принят. Например, был представлен следующий вариант расположения структурных компонентов: 1. Государственные преступления: а) контрреволюционные преступления, б) посягательства на социалистическую собственность, в) особо для Союза ССР опасные преступления против порядка управления. 2. Преступления против личности. 3. Имущественные преступления. 4. Должностные преступления. 5. Хозяйственные преступления. 6. Преступления против порядка управления. 7. Преступления против народного здоровья. 8. Военские преступления. 9. Преступления, составляющие пережитки родового быта¹. Нужно отметить, что в доктрине сторонников перемещения главы о преступлениях против личности ближе к началу Особенной части уголовного закона было немало. Например, М.Д. Шаргородский писал, что «то предпоследнее место, которое занимали, например, преступления против личности в праве царской России, никак не может быть воспринято нашим правом»². И этот структурный компонент действительно перемещался к началу Особенной части отечественного уголовного закона на протяжении всего исторического пути развития, пока не стал первым разделом в Особенной части УК РФ.

¹ Шаргородский М.Д. Уголовный закон. М., 1948. С. 70.

² Там же. С. 69.

М.Д. Шаргородский предлагал иную структуру Особенной части Уголовного кодекса СССР. Он располагал структурные компоненты в такой последовательности: 1) Государственные преступления; 2) Преступления против мира и человечности; 3) Воинские преступления; 4) Преступления против социалистической системы хозяйства; 5) Преступления против социалистической собственности; 6) Преступления против личности; 7) Преступления против личной собственности; 8) Должностные преступления; 9) Преступления в области трудовых отношений; 10) Преступления против порядка управления¹. Однако он делает ряд оговорок. Например, о том, что воинские преступления могут быть размещены в последней главе, что обусловлено их спецификой. Имущественные преступления удачнее, по его мнению, называть «преступления против личной собственности», а преступления против правосудия и преступления против народного здоровья исключить как самостоятельные компоненты, он аргументирует это тем, что «мало дел в практике»². Преступления против мира и безопасности человечества, которые называет М.Д. Шаргородский, предлагал выделять в Особенной части уголовного закона еще А.Н. Трайнин, и ученый поддержал его взгляды³. Место их в структуре Особенной части, по мнению М.Д. Шаргородского, после государственных преступлений⁴. Надо отметить, что некоторые идеи были реализованы на практике, например, имущественные преступления действительно были переименованы в преступления против личной собственности в УК РСФСР 1960 г., а в УК РФ был включен раздел о преступлениях против мира и безопасности человечества.

Последовательность расположения разделов в УК РФ обусловлена социально-политической значимостью объектов преступлений. Т.В. Кленова, обращает внимание на изменение порядка определения объектов уголовно-правовой охраны и структуры Особенной части УК РФ, по сравнению с УК

¹ Шаргородский М.Д. Уголовный закон. М., 1948. С.431.

² Там же.

³ Трайнин А.Н. Учение о составе преступления. М., 1946, С. 181.

⁴ Шаргородский М.Д. Уголовный закон. М., 1948. С.431.

РСФСР 1960 г. Она справедливо отмечает, что «уголовным законом не должна ставиться задача утверждения иерархии социальных ценностей. Существенная переоценка важности объектов преступлений является предметом политического конфликта, а не юридического компромисса»¹. Анализируя немецкое уголовное законодательство, А.В. Серебрянникова, например, тоже подчеркивает, что Особенная часть немецкого уголовного закона может строиться (и скорее всего, строится) исходя не из важности объекта уголовно-правовой охраны, а с учетом исторических традиций и правил законодательной техники², а объекты, указанные в уголовном законе, все важны. Однако определение последовательности расположения разделов и глав имеет не столько закрепление иерархии ценности, сколько попытку выразить идею, «дух» закона, сообразный времени и традициям.

Следует отметить, что еще в советские годы М.Д. Шаргородский также писал, что «вряд ли можно придерживаться той точки зрения, что помещение тех или иных глав на определенном месте в Особенной части уголовного кодекса является решающим для определения того, какое внимание законодатель уделяет данному разделу»³. Он подчеркивает, что, строя определенную систему, распределять места нужно, но при этом необходимо считаться с рядом обстоятельств⁴. Следует согласиться и с Т.В. Кленовой, что «объект преступного посягательства не является единственным критерием оценки определения опасности преступления <...> Оценка опасности преступлений осуществляет не по родовым, а видовым характеристикам. Формальным выражением общественной опасности преступлений является содержание санкций статей»⁵ Особенной части УК РФ.

Современному отечественному уголовному закону известны разделы, состоящие из одной главы. Полагаем, что выделять внутри раздела одну главу

¹ Кленова Т.В. О совместимости публичного и частного интересов в уголовном праве // Уголовное право. 2006. № 2. С. 41-42.

² Шаргородский М.Д. Уголовный закон. М., 1948. С.431.

³ Там же. С. 66.

⁴ Там же. С. 67.

⁵ Кленова Т.В. Принципы кодификации уголовно-правовых норм // Кодификация законодательства: теория, практика, техника: материалы Международной научно-практической конференции. Н. Новгород, 2009. С. 848.

с тем же наименованием допустимо. Однако при введении новой (второй, третьей и т.д.) главы законодатель должен будет уточнить заголовок (название) существующей главы или дополнить заголовок (название) раздела, с целью верного и полного отражения объекта посягательства. При этом, ни одно из наименований глав (если их несколько) не должно совпадать с наименованием раздела.

Таким образом, можно сделать следующие выводы.

1. Систематизация и структурирование Особенной части уголовного закона может осуществляться по различным основаниям и уровням. Условно можно назвать следующие типы структурирования: многоуровневый иерархический и линейный. Допустимо называть еще смешанный тип, когда, например, Особенная часть в целом построена по линейному типу, но в отдельных главах есть отступления. Однако с точки зрения классификации более верным является два взаимоисключающих варианта, и тогда смешанный скорее относится к многоуровневому иерархическому, поскольку допускает различные комбинации компонентов по уровням и видам.

2. Иерархический многоуровневый тип построения Особенной части уголовного закона включает минимум два уровня объединения статей (например, сначала статьи объединяются в главы затем в разделы). Макрокомпонентов такой структуры является наиболее крупное образование (группа), каждый последующий уровень объединяет более мелкие структурные компоненты (подгруппы), связанные с макроэлементом как общее и частное. Макрокомпоненты могут называться частью (книгой), разделом и др., но они всегда внутри содержат еще один уровень компонентов, объединяющих статьи (главы, параграфы, отделения и т.п.). Законодатель, как правило, выбирает один или несколько критериев для группировки статей и других более крупных элементов в Особенной части уголовного закона.

3. Второй тип построения Особенной части уголовного закона - линейный. В этом случае существует один уровень объединения статей, как правило, это главы. При линейном типе построения преимуществом является

отсутствие необходимости группировать структурные компоненты на макроуровне (следующем уровне) с выявлением для них общего признака, например, единство объекта, для нескольких групп преступлений, объединенных в главы.

3. Последовательность расположения структурных компонентов Особенной части уголовного закона обусловлена рядом причин (историческими, политическими, культурно-религиозными и др.). Как правило, на построение влияет их совокупность.

§ 3. Статья Особенной части как первичный элемент уголовного закона

Структурным компонентом Особенной части уголовного закона является статья. В науке ее образно сравнивают с атомом, частицей законодательной материи. Практически все уголовные законы состоят из статей, то есть это их неотъемлемая составная часть.

В качестве структурных компонентов статьи Особенной части УК РФ в науке говорят о диспозиции и санкции. В Особенной части уголовного закона могут быть использованы различные по структуре статьи. Они включают преимущественно диспозицию и санкцию, хотя есть и другие варианты построения. В действующем уголовном законе, например, ст. 331 состоит только из диспозиции. Я.М. Брайнин предлагает первый вид называть видовыми, а второй – родовыми¹. В Особенной части советских уголовных кодексов такие виды статей встречались чаще (например, ст.ст. 57, 74, 200 УК РСФСР 1922 г.).

Статья Особенной части УК РФ может состоять из нескольких частей, каждая из которых включает самостоятельную диспозицию и санкцию.

¹ Брайнин Я.М. Уголовный закон. М., 1967. С. 49.

Количество частей определяется в зависимости от степени обеспечения законодателем дифференциации уголовной ответственности.

Статья также может включать пункты, цель которых упорядочить нормативный материал внутри нее или в ее части (например, ст. 105, ст. 258 УК РФ).

Дискуссионным является вопрос о примечании как элементе статьи. А.П. Войтович считает примечание подразделением статьи¹. А.В. Иванчин не согласен с таким утверждением и говорит о том, что примечание является самостоятельной структурной единицей нормативного акта². Вне статьи примечание в УК РФ не располагается. Оно неразрывно связано с содержанием статьи. Однако следует отметить, что законодатель в определенном смысле отделяет примечание от статьи, располагает его всегда в конце статьи, с самостоятельной, независимой от нее нумерацией. В этом контексте можно допустить его определенную (но не полную) самостоятельность как элемента законодательного акта. В настоящее время примечание – достаточно распространенный прием, используемый законодателем. За время действия УК РФ их число выросло приблизительно в 5 раз. Например, к каждой новой статье, посвященной преступлениям террористической направленности (ст. 205.1-205.6 УК РФ), имеется примечание.

В современном уголовном законе России все статьи имеют наименование. Индексирование (нумерация) статей сплошная по всему закону. В советских уголовных кодексах также присутствовала сплошная нумерация, но части статей пронумерованы не были, что создавало некоторые сложности при их применении.

По структуре можно выделять виды статей – в зависимости от наличия или отсутствия диспозиции, санкции и примечания. В зависимости от

¹ Войтович А.П. Примечания в уголовном законе (сущность, виды, общая характеристика): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 15.

² Иванчин А.В. Законодательная техника и ее роль в российском уголовно правовом творчестве: монография. М., 2011. С. 57.

расположения в статье диспозиции и санкции можно говорить о статьях, где диспозиция предшествует санкции, где диспозиция расположена после санкции, где диспозиция и санкция смешаны¹. В современном уголовном законе России статьи Особенной части уголовного закона построены таким образом, что диспозиция всегда предшествует санкции. С точки зрения технического оформления законодательного материала можно выделить статьи с наличием (отсутствием) наименования (заголовка), нумерацией (или ее отсутствием) частей, пунктов. Наименования у статей отсутствовали, например, в УК РСФСР 1922 г. и УК РСФСР 1926 г.

В диспозиции статей Особенной части, как правило, описаны (названы) признаки преступного деяния. Я.М. Брайнин отмечает, что «наличие в конкретном деянии признаков описанного в диспозиции уголовного закона состава преступления служит основанием уголовной ответственности»². Следует уточнить, что это утверждение верно лишь отчасти, поскольку в диспозиции статьи Особенной части уголовного закона описаны признаки состава, по которым он может быть отличим от другого состава преступления, но как отмечено ранее, ни в одной диспозиции (при наличии в законе Общей части) не содержатся все признаки состава преступления.

Справедливой является выработанная доктриной уголовного права рекомендация, согласно которой одна статья должна содержать признаки одного состава преступления (включая квалифицированные или привилегированные признаки, изложенные в частях статьи).

В уголовном законе используются различные приемы, средства, правила законодательной техники при создании диспозиций статей Особенной части. В зависимости от избранного законодателем приема выделяют различные виды исследуемого структурного компонента статьи.

¹ Ильюк Е.В. Законодательная техника построения диспозиций статьи уголовного закона: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1989. С. 8.

² Брайнин Я.М. Уголовный закон. М., 1967. С. 49.

Наиболее распространенной является классификация, где в качестве членов деления исследователи называют четыре вида диспозиций: простые, описательные, ссылочные и бланкетные. Я.М. Браинин считал, что есть пятый вид – смешанные диспозиции¹.

При определении понятия простой диспозиции традиционно указывают, что она называет преступление (преступное деяние), не раскрывая его признаков². В исследовании будем придерживаться такого понимания простой диспозиции.

Характерными чертами простой диспозиции является ее краткость, точность и ясность. Е.В. Ильюк в диссертации «Законодательная техника построения диспозиции статьи уголовного закона» обозначила правило, согласно которому простая диспозиция применяется в случаях, когда «юридическое понятие преступления совпадает с общежитийским»³. Однако процедура измерения объема совпадения юридического и «общежитийского» содержания понятия, по нашему мнению, достаточно кропотливая. Она должна проводиться экспертами не только в области юриспруденции. Интуитивное и неподтвержденное представление законодателя о том, что наличествует совпадение смыслов и положение закона будет понятно, может привести к серьезным проблемам на практике.

Описательная диспозиция статьи раскрывает содержание преступного деяния, описывая его признаки (например, в современной Особенной части УК РФ ч. 1 ст. 105 УК РФ).

Ссылочная диспозиция не раскрывает признаки состава преступления, а направляет к другой статье уголовного закона (ч. 2 ст. 105 УК РФ). Например, ссылочные диспозиции содержатся в частях статей. Существует мнение, что

¹ Браинин Я.М. Уголовный закон. М., 1967. С. 49.

² Попов В.А. Виды диспозиций и интерпретационная деятельность в уголовном праве // Виктимология. 2020. № 3(25). С. 41-47.

³ Ильюк Е.В. Законодательная техника построения диспозиций статьи уголовного закона: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1989. С. 10.

ссылочная диспозиция не является самостоятельным видом¹, а служит для более лаконичного изложения нормативного материала.

При бланкетной диспозиции, как указывалось в предыдущей главе, признаки состава преступления раскрываются в иных нормативных правовых актах (например, в современной Особенной части - ст. 264 УК РФ). В качестве преимуществ использования указанного приема называют экономию законодательного материала, гибкость и подвижность уголовного закона². При сохранении статьи уголовного закона может быть уточнено ее содержание за счет внесения изменений в иные нормативные правовые акты.

Вторую самостоятельную группу приемов, которые законодатель использует при создании диспозиций статей Особенной части, составляют казуистичный и абстрактный. В доктрине не существует единства мнений относительно того, какой из названных приемов является наиболее оптимальным для изложения законодательного материала. Так, казуистический прием заключается в том, что «в диспозиции статьи дается полный подробный перечень видов преступного поведения, перечисляются конкретные обстоятельства жизненных ситуаций, всевозможных случаев». Абстрактный прием состоит в том, что в «диспозиции статьи излагаются в общем виде, не через перечисление конкретных преступных деяний, а посредством формулирования сущности общественно опасного поведения»³.

С.С. Алексеев полагал, что более высокий уровень юридической культуры и развития науки характеризуется широким использованием абстрактного приема⁴. М.И. Ковалев также отмечал преимущества использования абстрактного приема над казуистическим⁵. А.И. Коробеев указывает на необходимость их «оптимального соотношения»⁶. По мнению

¹ Дурманов, Н.Д. Советский уголовный закон. М., 1967. С. 92.

² Соловьев О.Г. Правотворческие приемы конструирования уголовно-правовых норм: понятие, виды и значение // Актуальные вопросы борьбы с преступностью. 2015. № 1. С.9

³ Денисова А.В. О приемах законодательной техники, используемых в Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации // Общество и право. 2010. № 2(29). С. 95.

⁴ Проблемы теории права: Нормативные юридические акты. Применение права. Юридическая наука (правоведение). Курс лекций в 2-х томах. Т. 2. Свердловск, 1973. С. 149.

⁵ Ковалев М.И. О технике уголовного законодательства // Правоведение. 1962. № 3. С. 143.

⁶ Коробеев А.И. Уголовно-правовая политика России: от генезиса до кризиса. М., 2019. С.122.

Е.В. Ильюк, более высокому уровню развития юридической культуры соответствует наличие правил, позволяющих сочетать названные приемы¹.

При использовании казуистического приема законодатель стремится указать конкретные ситуации, подробно описать их признаки. В качестве примера казуистического приема изложения могут служить диспозиции статей 111, 144.1, 201.1 УК РФ. К недостаткам использования данного приема относят невозможность регулировать динамично меняющиеся отношения без внесения изменений в закон, неизбежность наличия пробелов в законе, увеличение объема законодательного материала².

Использование абстрактного приема предполагает наличие более общей формулы в законе, общих характеристик признаков преступного деяния. В качестве положительных моментов использования названного приема – отсутствие необходимости изменения закона при появлении новых характеристик регулируемых отношений, лаконичность уголовного закона.

Еще Р. Кабрияк писал, что к задачам будущего относится поиск «золотой середины» между обобщением и уточнением³. Законодатель не может отказаться ни от одного из названных приемов для конструирования диспозицией статей. Однако ему не следует злоупотреблять ни одним из них. В настоящее время законодатель все чаще излагает материал казуистически, что не всегда является оправданным. К такому же выводу в своей работе приходят Т.В. Кленова и О.В. Климанова, проанализировав 88 законов, вносящих изменения в УК РФ, и пояснительных записок к ним⁴. Следует стараться не повторять опыта Пруссии, когда в ней однажды появился «законодательный монстр», состоящий из почти двадцати тысяч статей⁵. Стремление к «золотой середине» в использовании названных приемов

¹ Ильюк Е.В. Законодательная техника построения диспозиций статьи уголовного закона: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1989. С. 13.

² Денисова А.В. О приемах законодательной техники, используемых в Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации // Общество и право. 2010. № 2 (29). С.95.

³ Кабрияк Р. Кодификация. М., 2007. С.412.

⁴ Кленова Т.В., Климанова О.В. Казуальное регулирование и конкретизация уголовного законодательства: о предпочтениях в законодательном процессе и уголовной политике // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2022. Т. 17. № 4. С. 126-143.

⁵ Кабрияк Р. Кодификация. М., 2007. С. 408.

является необходимым условием разумного реформирования уголовного законодательства.

В доктрине уголовного права существуют и другие подходы к классификации диспозиций статей Особенной части уголовного закона. Так, предлагается выделять такие виды: абстрактные, казуистичные и бланкетные. Д.М. Шаргородский говорил о точных, узких, широких, «каучуковых» диспозициях¹. М.И. Ковалев поддерживал существование такого вида как «каучуковые» диспозиции. Некоторые авторы (например, Я.М. Брайнин) выделяют в качестве самостоятельного вида смешанные диспозиции². Полагаем, что выделение «каучуковых» диспозиций в качестве самостоятельного вида свидетельствует о необходимости подчеркнуть, заострить внимание на существование дефектов в построении статей Особенной части уголовного закона среди существующих «стандартных» видов диспозиций.

Следует отметить, что полученная композиция статьи, в зависимости от использованного инструментария, в определенной степени устанавливает пределы судейского усмотрения. Использование казуистичного, описательного приемов сужают указанные пределы. Применение абстрактного приема влечет за собой расширение пределов судейского усмотрения. Однако следует учитывать, что даже при подробном описании признаков составов преступлений, в большинстве случаев невозможно их наполнить конкретным единственно возможным содержанием. Так, например, любое действие (бездействие) имеет протяженность во времени. Законодатель не обозначает, в какой момент деяние должно быть признано юридически оконченным. Судебная власть определяет ту «точку» на временном отрезке, наступление (достижение) которой связано с признанием деяния оконченным³.

¹ Шаргородский Д.М. Уголовный закон. М., 1948. С. 57.

² Брайнин Я.И. Уголовный закон и его применение. М., 1967. С. 74.

³ Голенко Д.В. Конструирование составов преступлений по моменту окончания. М., 2023. С. 47.

Законодатель должен стремиться к разумному использованию инструментария законодательной техники при создании диспозиций статей Особенной части уголовного закона. Статья должна быть логичной, лаконичной, непротиворечивой по содержанию, согласующейся с иными статьями нормативного правового акта.

Еще одна проблема, связанная с построением диспозиций, — это конструирование составов преступлений, поскольку именно в диспозиции статьи Особенной части уголовного закона описаны специфические признаки каждого состава преступления (чаще всего объективная сторона реже особенности субъективной стороны и специальный субъект), позволяющего отграничить его от других. Как писал Я.И. Брайнин, «форма и содержание диспозиции определяются предусматриваемым ей составом преступления, а не наоборот»¹. Так, определение количества диспозиций в статье должно зависеть от дифференциации уголовной ответственности.

В зависимости от степени общественной опасности преступления, отраженной в его составе, различаются основной, квалифицированный (особо квалифицированный) и привилегированный составы преступлений². Преступление как явление реальной действительности обладает множеством разнообразных признаков. Законодатель отбирает из всей этой совокупности значимые и необходимые признаки и трансформирует их в элементы составов преступлений, наполняя разнообразным содержанием конструкции «*corpus delicti*». Преступление в реальной действительности может проявлять себя в различных формах. В связи с этим варьируется и степень его общественной опасности. Задача законодателя заключается в том, чтобы отразить наиболее типичные формы проявления преступного деяния и установить за них справедливое наказание. В результате конструирования состава

¹ Голенко Д.В. Конструирование составов преступлений по моменту окончания. М., 2023. С. 55.

² По терминологии А. Н. Трайнина, менее общественно опасный, основной, более общественно опасный составы преступлений (См.: Трайнин А. Н. Общее учение о составе преступления. М., 1957. С. 103). С такой терминологией трудно согласиться, поскольку состав преступления является юридической конструкцией и, соответственно, не может обладать свойством общественной опасности, которая является социальным (материальным) признаком преступления (См.: Энциклопедия уголовного права. Понятие преступления. В 35 т. Т. 3. СПб., 2005. С. 50).

преступления определенного вида законодатель использует сочетание признаков, влияющих на уровень опасности преступного посягательства. В Особенной части современного уголовного закона, как правило, основной и квалифицированные виды состава преступления находятся в одной статье, но в различных частях. Признаки привилегированного состава преступления, как правило, описываются в самостоятельной статье, следующей за статьей, в которой описаны признаки основного состава преступления.

Основной состав преступления – это юридическая конструкция, которая выражает особенности преступления, обладающего «средним уровнем» общественной опасности в сравнении с другими проявлениями того же вида преступного деяния. Как указывал Г. А. Кригер, основной состав (нередко именуемый «простым») содержит элементы с признаками, типичными для составов данного вида преступления без отклонений в сторону смягчения либо отягчения их общественной опасности¹. По мнению Н. Ф. Кузнецовой, «в основном составе диспозиции уголовного закона описывают элементы состава типовой, средней общественной опасности. В редких случаях такой состав оказывается единственным, без последующей дифференциации»². Примерами основного состава преступления являются состав простого убийства (ч. 1 ст. 105 УК РФ), простой кражи (ч. 1 ст. 158 УК РФ), террористического акта (ч. 1 ст. 205 УК РФ) и др.

Привилегированный состав преступления – законодательная конструкция, закрепляющая наряду с признаками основного состава один или несколько дополнительных элементов, указывающих на более низкую степень общественной опасности по сравнению с основным составом уголовно-противоправного деяния (ст. 106, 107 УК РФ и др.).

Так, например, в состав преступления, предусмотренный ст. 107 УК РФ, помимо основных признаков, отраженных в ч. 1 ст. 105 УК РФ, включен

¹ Советское уголовное право. Общая часть / под ред. Г. А. Кригера, Б. А. Куринова, Ю. М. Ткачевского. М., 1981. С. 108.

² Курс уголовного права. Общая часть. Том 1: Учение о преступлении / под ред. Н.Ф. Кузнецовой и И.М. Тяжковой. М., 2002. С. 19-20. [Электронный ресурс]. URL: <http://vuzlib.net/beta3/html/1/7716/7754/> (дата обращения 29 сентября 2023 г.)

дополнительный субъективный признак: аффект – состояние внезапно возникшего сильного душевного волнения, вызванного противоправным или аморальным поведением потерпевшего. Указанный состав преступлений отражают меньшую степень общественной опасности по сравнению с простым убийством (ч. 1 ст. 105 УК РФ).

Квалифицированный состав преступления – это такая юридическая конструкция, которая закрепляет наряду с элементами основного состава один или несколько признаков, указывающих на более высокую степень общественной опасности уголовно наказуемого деяния данного вида. Названный состав (также как привилегированный) образуется путем включения в конструкцию основного состава дополнительных признаков, но свидетельствующих о повышении опасности преступного деяния. К примеру, дополнение основного состава убийства такими признаками объективной и субъективной сторон, как общепасный способ, особая жестокость (п. п. «д» и «е» ч. 2 ст. 105 УК РФ), корыстные и хулиганские побуждения (п. п. «з» и «и» ч. 2 ст. 105 УК РФ), трансформируют его в квалифицированный.

При конструировании составов преступлений законодатель в абсолютном большинстве случаев использует сочетание основного и квалифицированного составов. Значительно реже в Особенной части уголовного закона он опирается только на основной состав без выделения его квалифицированных и привилегированных видов. Что касается конструкции привилегированного состава преступления, она применяется законодателем, к сожалению, в исключительных случаях.

Одним из направлений развития уголовного права России и смежных с ним отраслей охранительного законодательства является строгое и последовательное обеспечение дифференцированного подхода к ответственности за преступления и иные правонарушения. Важно иметь в виду, что дифференцирование представляет собой особый правовой процесс, который органически включает в себя два направления поиска оптимальной модели предупреждения правонарушений. Дифференцирование призвано

уравновесить репрессивные и гуманистические начала в отраслях «криминального цикла». Необходимость усиления ответственности за одни правонарушения и наряду с этим ее смягчение в отношении других деликтов, важность обеспечения баланса между двумя составляющими дифференцирования обоснованно рассматриваются современниками как насущная потребность уголовного права и всего охранительного законодательства в целом. При одностороннем выражении указанного правового процесса трудно (а подчас и невозможно) эффективно охранять личность, общество и государство, как и, образно говоря, «летать с одним крылом»¹.

В диспозиции статьи Особенной части уголовного закона может быть отражен простой или альтернативный состав. П. И. Люблинский отмечал, что «простой состав ограничивается определенным указанием воспрещаемого поведения; при альтернативном составе законодатель выставляет несколько признаков, каждый из которых может заменить друг друга»². Как замечает исследователь, в составе преступления законодателем может быть указано несколько способов, «какими может быть учинено преступление», несколько объектов посягательства, несколько действий, в форме которых преступление может себя проявить. По мнению П. И. Люблинского, одной из причин использования альтернативных составов преступлений является то, что «законодатель затрудняется дать простое определение установленному им понятию, а выражает его описательно или в виде примерного перечня»³.

Детально этот вид классификации составов преступлений был разработан А.Н. Трайниным. Помимо деления конструкций составов преступлений на простые и сложные, он предложил их дальнейшее деление на разновидности⁴. По мнению Н. Ф. Кузнецовой, «по конструкции элементов составы подразделяются на два вида: простой и сложный. Простой состав

¹ См.: Адоевская О. А. Дифференциация ответственности за кражу по уголовному праву России: монография. Самара, 2011. С. 3.

² Люблинский П.И. Техника, толкование и казуистика уголовного кодекса. М., 2004. С. 25.

³ Там же. С.25 - 26.

⁴ См.: Трайнин А. Н. Общее учение о составе преступления. М., 1957. С. 105.

такой, в котором все элементы одномерны, т.е. один объект, одна форма вины, одно последствие. В сложных же составах преступлений возможны такие варианты усложнения состава: а) удвоение элементов (например, два объекта посягательства, две формы вины, два последствия); б) удлинение процесса совершения преступления (длящиеся и продолжаемые преступления); в) альтернативность элементов, квалифицирующих преступление (например, убийства при квалифицирующих признаках по элементам мотива, способа совершения, количеству потерпевших); г) соединение в одном составе нескольких простых составов (составные преступления (например, хулиганство) могут объединять телесные повреждения, оскорбления, уничтожение имущества)»¹.

С учетом вышеизложенного полагаем, что в качестве простых составов преступлений законодателем используются конструкции, где каждый элемент состава описан в диспозиции статьи Особенной части уголовного закона в одном единственно возможном варианте. В качестве сложных составов преступлений используются юридические конструкторы, где законодателем удвоен хотя бы один из элементов любого из четырех компонентов *corpus delicti* при описании в диспозиции статьи Особенной части уголовного закона. При этом, сложные составы преступлений могут быть альтернативными или безальтернативными. В альтернативных составах законодатель в диспозиции статьи Особенной части уголовного закона закрепляет один и тот же признак (к примеру, действие, способ совершения преступления или общественно опасные последствия) в нескольких вариантах. В данном случае для наступления уголовной ответственности достаточно наличия в содеянном одного из альтернативных признаков любого из компонентов состава преступления (например, ст. 228.1 УК РФ). В безальтернативных составах преступления удваивается один из элементов. При этом, в отличие от

¹ Курс уголовного права. Общая часть. Том 1: Учение о преступлении / под ред. Н.Ф. Кузнецовой и И.М. Тяжковой. М., 2002. С. 19-20. [Электронный ресурс]. Режим доступа. URL: <http://vuzlib.net/beta3/html/1/7716/7754/> (дата обращения 29 сентября 2023 г.)

альтернативных составов преступлений, для привлечения лица к уголовной ответственности необходимо наличие всех указанных в законе элементов.

При построении статей Особенной части уголовного закона должно быть учтено многообразие конструкций составов преступлений, выделяемых в науке по моменту окончания, и их применимость. Также при построении диспозиций статей Особенной части уголовного закона следует учитывать и многообразие конструкций составов преступлений, выделенных в науке по моменту окончания преступления. Следует отметить, что момент окончания неразрывно связан с такой уголовно-правовой категорией как оконченное преступление¹. Законодательная дефиниция оконченного преступления позволяет воссоздать юридическую формулу, согласно которой в отношении различных де-факто по моменту окончания деяний де-юре действуют единые правила. Так, связывая, например, момент окончания преступления с совершением действий аналогичных приготовлению к преступлению, законодатель возводит эти действия в ранг оконченного преступления и описывает в диспозиции статьи Особенной части уголовного закона, а за их совершение наказание будет назначаться по общим правилам без ссылки на ст. 66 УК РФ². В науке уголовного права обращается внимание на подвижность момента окончания. Так, например, С. Я. Лиховая отмечает, что преступная деятельность проходит этапы, с любым из которых может быть связан момент юридического окончания преступления³. Однако отметим, что момент окончания может и выходить за границы этих этапов и стадий совершения преступлений. В этом случае законодатель в качестве оконченного преступления может признать постпреступное поведение, а также поведение лиц, не принимавших участие в «основном» преступлении (например, по такому типу сконструированы составы преступлений, признаки

¹ Иванчина С.А. Оконченное преступление: монография. М., 2013. С. 45.

² Решетникова Д.В. Конструирование составов преступлений по моменту окончания: вопросы законодательной техники и судебной практики: дисс. ... канд.юрид. наук. Самара, 2012. С. 76.

³ Лиховая С.Я. Учение о формальных составах преступлений в трудах Н.Ф. Кузнецовой // Уголовное право: истоки, реалии, переход к устойчивому развитию // Материалы VI Российского конгресса уголовного права (26-27 мая 2011 года). М., 2011. С. 103-106.

которых содержатся в ст.ст. 174, 174.1, 205.6 УК РФ). Н. М. Журавлева обозначает проблему существования в Особенной части уголовного закона «юридических конструкций предшествующих преступлений»¹. М. М. Лапунина пишет о наличии «вторичных преступлений»².

Перемещая момент окончания по условной оси развития преступной деятельности (преступного поведения), ориентируясь, в том числе, на стадии совершения преступления, но ими не ограничиваясь, законодатель создает различные конструкции составов преступлений (материальные, формальные и др.) и описывает их в диспозициях статьи Особенной части уголовного закона. Связывая момент окончания преступления с более ранним этапом, законодатель может усилить репрессивный потенциал нормы без изменения санкции статьи. Еще Н. Ф. Кузнецова отмечала, что «перенесение момента окончания преступления на совершение самих действий без наступления вредных последствий ужесточает уголовную ответственность»³.

Методика конструирования составов преступления разработана в науке уголовного права⁴, ее использование при построении его закона и его Особенной части позволят создать более совершенный закон. Проблемы построения диспозиций статей Особенной части современного уголовного законодательства рассмотрим в разделе III.

В санкции статьи Особенной части уголовного закона находит свое выражение размер и вид наказания за совершение преступления, признаки которого описаны в диспозиции статьи (статей). Строение санкций – сложный и до сих пор однозначно не решенный вопрос. По мнению Г. Л. Кригер, виды

¹ Журавлева Н. М. Предшествующее преступление как криминообразующий признак в составах легализации (отмывания) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем // Преступления в сфере экономики: российский и европейский опыт: материалы второго совместного российско-германского круглого стола. М.: Проспект, 2012. С. 233-237.

² Лапунин М. М. Вторичная преступная деятельность и ее криминализация: автореф. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2006. С. 14.

³ Кузнецова Н.Ф. Проблемы квалификации преступлений: лекции по спецкурсу «Основы квалификации преступлений». М., 2007. С. 76.

⁴ Иванчин А.В. Концептуальные основы конструирования состава преступления: дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2015. С. 9.

наказаний, которые находятся в санкции статьи, должны определяться категорией преступления¹.

Вопросы построения санкций исследуются в доктрине уголовного права достаточно давно. Сформулировано немало различных рекомендаций, правил конструирования названного структурного элемента, однако до настоящего времени отсутствуют универсальные критерии их построения. Ситуация усугубляется непрерывным законотвочеством, в результате которого создаются новые санкции статей, которые по существу могут не только противоречить логике действующего уголовного закона, но и не согласовываться с выработанными в науке рекомендациями.

Н.С. Таганцев называл санкцию «карательной частью уголовного закона»². Однако в настоящее время данное наименование не столь уместно, поскольку законодатель не определяет кару в качестве цели наказания, что на протяжении длительного времени порождает дискуссии. Я.М. Брагинин писал, что «в санкции уголовного закона выражается государственная оценка характера и степени общественной опасности преступления»³. Верным в этом утверждении является то, что содержание санкции статьи Особенной части уголовного закона, действительно, обусловлено «государственной оценкой», однако в идеале эта оценка должна основываться на комплексном научном исследовании для минимизации влияния политических факторов, что в реальной действительности, как показывает практика, сложно достижимо. Н.Д. Сергиевский отмечал, что наказание определяется «наилучшим образом не народными воззрениями на этот предмет, а выводами науки и теми административными и финансовыми силами, которыми располагает государство»⁴. На выбор вида и размера наказаний, указанных в санкции

¹ Кокунов А.И. Техничко-юридическое конструирование единичных и альтернативных санкций в кодифицированном уголовном законе: постановка проблемы // Юридическая наука и правоприменительная практика. 2016. № 1 (35). С. 82.

² Таганцев, Н.С. Русское уголовное право. Часть общая: лекции. СПб., 1902. С. 37.

³ Брагинин Я.И. Уголовный закон и его применение. М., 1967. С. 79.

⁴ Чучаев А.И. Уголовно-правовые взгляды Н.Д. Сергиевского. М., 2017. С. 45.

статьи Особенной части уголовного закона, влияют внешние факторы и внутренние.

Внешние факторы, обуславливающие выбор вида санкции, связаны с политикой, проводимой в государстве, со взглядами создателей закона и их интересами, с оценкой обществом справедливого наказания. Н.Д. Сергиевский писал: «Чем руководствуемся мы, говоря, что в ныне действующем Уложении размер наказаний очень часто не соответствует тяжести преступных деяний? Исключительно господствующими в обществе правовоззрениями, в которых отразилась вся совокупность условий действительной жизни, - никакой другой определенной мерки для оценки важности преступных деяний мы не имеем». Законодатель «для определения сравнительной тяжести преступных деяний, всегда может руководствоваться господствующими в обществе воззрениями»¹.

Санкции в частях статьи могут располагаться по возрастанию строгости наказания, по ее понижению, либо быть смешанными². Логичным для действующего уголовного закона является построение по принципу возрастания строгости наказания в последовательно расположенных частях статьи, если в диспозициях частей (со 2 и в последующих) описываются признаки квалифицированных составов преступлений.

Для глубокого научного исследования санкций статей уголовного закона в доктрине уголовного права они классифицируются по различным основаниям. Вряд ли возможно согласиться с М.И. Ковалевым в том, что проблема классификации названного структурного элемента уже решена³. В научной литературе можно встретить многообразие мнений относительно возможных классификаций. При этом нередко используя одни и те же понятия, исследователи наполняют их различным содержанием. Обратимся к некоторым предложенным в науке классификациям.

¹ Чучаев А.И. Уголовно-правовые взгляды Н.Д. Сергиевского. М., 2017. С. 146.

² См. Шаргородский Д.М. Уголовный закон. М.: Юрид. изд-во, 1948. С.95.

³ Ковалев М.И. Советское уголовное право: Советский уголовный закон. Курс лекций. Вып. 2. Свердловск, 1974. С. 91.

В зависимости от наличия указания на размер наказания, санкции делятся на неопределенные и определенные. Выделяют два вида определенных санкций – абсолютно определенные и относительно определенные.

Неопределенными называют такие санкции, в которых отсутствует указание на какой-либо определенный вид и размер (срок) наказания. Их также именуют абсолютно неопределенными, «безусловно неопределенными»¹, «неконкретизированными»². Такие санкции могут быть сформулированы следующим образом: «наказать по всей строгости закона», «по усмотрению суда». Сторонники использования в уголовном законе абсолютно неопределенных санкций полагали, что неизвестность наказания носит более устрашающий характер для населения, чем его определенность. Такого рода санкции, по их мнению, могут являться эффективным средством противодействия преступности. Подобные санкции широко используются в периоды нестабильной ситуации внутри государства в условиях еще не сложившейся системы уголовного законодательства. Например, они были распространены в период, когда царское законодательство уже не применялось, а советское уголовное законодательство только формировалось. Использовалась такая формулировка: «трибуналы не ограничены ничем при определении меры наказания» (например, постановление Кассационного отдела ВЦИК от 6 октября 1918 года «О подсудности революционных трибуналов»)³.

Однако большинство исследователей склоняются к мысли о необходимости исключения подобного рода санкций из уголовных законов и неиспользования их при построении статей Особенной части, что и произошло на практике в отечественном уголовном законодательстве. Такие санкции противоречат современным принципам уголовного права, отраженным в

¹ Таганцев Н.С. Русское уголовное право: Лекции. Часть общая. Т. 1. СПб., 1902. С. 37.

² Дурманов Н.Д. Советский уголовный закон. М., 1967. С. 128.

³ См. Шаргородский М.Д. Уголовный закон. М., 1948. С. 90.

Общей части УК РФ, и справедливо отсутствуют в Особенной части современного УК РФ.

В абсолютно определенной санкции статьи Особенной части уголовного закона содержится один вид наказания с указанием его конкретного размера. Например, санкция может быть построена так: «наказывается лишением свободы на срок десять лет», «наказывается смертной казнью». Сторонники такого вида санкций выступали за четкую регламентацию видов и размера наказания законодателем для исключения широкого судебного усмотрения и произвола. Если и допускались случаи снижения или повышения установленного санкцией статьи Особенной части уголовного закона наказания, то основания, пределы и правила были указаны в Общей части уголовного закона. П.И. Люблинский отмечал, что «недоверие к судье есть главная причина появления этой конструкции»¹. Этот ученый считал, что определенные санкции представляют собой «отмирающий вид»².

Я.М. Брайнин же считал, что абсолютно определенные санкции не могут быть исключены, но они применимы только к наказаниям, не связанным с лишением свободы³.

Абсолютно определенные санкции могут использоваться как инструмент в реализации определенного вида уголовной политики. Так, в своей работе М.Д. Шаргородский, анализируя Особенную часть УК РСФСР 1926 г., приходит к выводу, что абсолютно определенные санкции «в большинстве случаев не оправдывают себя»⁴. В качестве примера рассматривается статья 74 УК РСФСР 1926 г. о хулиганстве, где в части первой – санкция абсолютно определенная, а в части второй этой же статьи – относительно определенная. Ученый приходит к выводу, что «следует просто исходить из того, что в 1938-1941 гг. имело место установление в нескольких случаях для деяний, которые приобрели в то время повышенную

¹ Люблинский П.И. Техника, толкование и казуистика уголовного кодекса. М., 2004. С. 34.

² Там же. С. 37.

³ Брайнин Я.М. Уголовный закон. М., 1967. С. 85.

⁴ См. Шаргородский М.Д. Уголовный закон. М., 1948. С. 93.

общественную опасность (по сравнению с тем, что имело место ранее), абсолютно определенных санкций»¹. Это обоснование косвенно подтверждает влияние политики на выбор размера и вида наказания, который будет отражен в санкции статьи.

Такие санкции можно встретить, например, в УК РСФСР 1926 г. В доктрине уголовного права предлагалось их именовать точными. В действующем уголовном законе такой вид санкций отсутствует. Однако в науке существует и иное мнение. Например, Л.Л. Кругликов определяет абсолютно определенные санкции шире и включает в их число такие, которые содержат указание «на единственный размер каждого из названных в ней наказаний»². Некоторые исследователи полагают, что при таком понимании рассматриваемого термина названный вид санкций наличествует и в действующем уголовном законе. С.С. Тихонова называет в качестве примера санкции статей 290-291.1 УК РФ³.

Относительно определенная санкция предусматривает границу или границы (пределы) указанного в ней вида наказания. В доктрине их еще называют размероотносительными. В зависимости от того, какой предел определен, говорят о существовании относительно определенных санкций, предусматривающих: а) верхний предел наказания (например, «наказывается лишением свободы до трех лет»); б) нижний и верхний предел наказания (например, «наказывается лишением свободы от двух до шести лет»); в) только нижний предел наказания (например, «наказывается лишением свободы от десяти лет»). Н.Д. Дурманов в качестве еще одного вида относительно определенной санкции называет пропорциональную санкцию⁴. В ней наказание определяется в кратном размере от суммы ущерба или, например, суммы взятки. Такой вид санкций можно встретить в действующем

¹ См. Шаргородский М.Д. Уголовный закон. М., 1948. С. 94.

² Кругликов Л.Л. Сбои в конструировании санкций в уголовном законодательстве // Юридическая техника. 2008. № 2. С. 111 .

³ Тихонова С.С. Особенности конструирования санкций в уголовном законе: теория и законодательная практика // Юридическая техника. 2013. № 7. С. 758.

⁴ Дурманов Н.Д. Советский уголовный закон. М., 1967. С.126.

уголовном законе. Если в санкции указан только верхний или нижний предел, то, как правило, предполагается, что второй установлен в статьях Общей части уголовного закона.

В зависимости от числа видов наказаний, перечисленных в санкции статьи, существуют единичные и санкции с альтернативными видами наказания (иногда ее называют альтернативной санкцией).

Единичная санкция статьи содержит указание на один вид наказания. В доктрине уголовного права ее также именуют безальтернативной (ч. 2 и ч. 4 ст. 337, ст. 338 УК РФ). Конструкция такой санкции создает впечатление о существенном ограничении пределов судебного усмотрения. Однако на практике суды, применяя положения ст. 64 УК РФ, могут назначать и иные виды наказания, чем единственное указанное в статье. Такая тенденция характерна не только для современного, но и для советского периода¹.

Санкция с альтернативными видами наказания содержит два и более вида наказания, одно из которых допустимо выбрать суду по своему усмотрению в рамках закона. В литературе говорится о существовании санкций с понижающей альтернативой или повышающей альтернативой². Названные виды выделяются в зависимости от того, какие виды наказаний представлены в санкции наряду с лишением свободы: более мягкие, либо более строгие. Альтернативные санкции являются достаточно распространенными в современном уголовном законе. Как и в предыдущем уголовном кодексе, все санкции, где названа смертная казнь, являются альтернативными. Иная тенденция была характерна для первых советских уголовных кодексов.

В зависимости от наличия или отсутствия в санкции статьи указания на дополнительный вид наказания выделяют простые и кумулятивные санкции.

¹ Дурманов Н.Д. Советский уголовный закон. М., 1967. С. 125.

² Тихонова С.С. Особенности конструирования санкций в уголовном законе: теория и законодательная практика // Юридическая техника. 2013. № 7. С. 753.

Кумулятивные санкции также именуют сложными или суммирующими. Современный законодатель использует оба вида санкций.

Если в санкции статьи содержится отсылка к санкции другой статьи Особенной части уголовного закона, то их называют ссылочными или опосредованно определенными. Альтернативу им составляют непосредственно определенные санкции. Ссылочные санкции характерны для уголовного закона советского периода, в Особенной части УК РФ законодатель не стремится их использовать. Такого вида санкции в некоторых случаях делают закон более лаконичным и меньшим по объему, но создают неудобства в практике его применения.

С точки зрения последовательности и соблюдения правил деления понятия на виды, логичной выглядит классификация, предложенная Л.Л. Кругликовым. Он подразделяет санкции на: 1) простые, кумулятивные; 2) единичные и альтернативные; 3) относительно-определенные и абсолютно определенные¹. В зависимости от сочетания характеристик ученый предлагает выделять четыре типа санкций (например, один из типов - простая, альтернативная, относительно-определенная и др.), что является обоснованным.

Если статья включает несколько диспозиций (т.е. разделена на части), то законодатель может использовать различные виды санкций в одной статье. При этом в каждой следующей части статьи санкция может быть более строгой, чем в предыдущей части (в настоящее время так построены статьи в Особенной части УК РФ). В статьях Особенной части предыдущих отечественных уголовных законов законодатель допускал и обратные ситуации, когда в каждой следующей части статьи санкция более мягкая (Ст. 59.8, 112 УК РСФСР 1926 г.), чем в предыдущей части, либо смешанные санкции, когда в одном случае более мягкая, в другом – более строгая (ст.

¹ См.: Кругликов Л.Л. Сбои в конструировании санкций в уголовном законодательстве// Юридическая техника. 2008. № 2. С. 111.

193.15 УК РСФСР 1926 г.)¹. Уголовные кодексы советского периода строились таким же образом: в санкции указывалось на повышение наказания в случае наличия отягчающих обстоятельств и указывался вид и размер наказания (ч. 2 ст. 59.7 УК РСФСР 1926 г.).

Необоснованным выглядит и смешение санкций с положениями диспозиции, как это было в советских уголовных кодексах². Современный законодатель отказался от подобного рода построения статей, что является оптимальным решением расположения законодательного материала.

В действующем уголовном законе отсутствуют абсолютно неопределенные, абсолютно определенные и ссылочные санкции. Чаще всего законодатель использует комплексно различные варианты конструирования, в результате в доктрине все чаще говорят о смешанных санкциях.

М.Д. Шаргородский пишет, что структура санкции всегда находится в зависимости от общих взглядов на задачи уголовного закона³. По его мнению, «чем более опасным является данный вид преступления, тем меньшим может быть выбор суда в определении конкретной меры наказания»⁴.

В науке сформулированы некоторые рекомендации по построению санкций статей Особенной части уголовного закона, которые не утратили актуальности и сегодня. Например, М.Д. Шаргородский считал, что чем «более широкими являются диспозиции и санкции, тем более широким является усмотрение судей, чем менее широкими являются диспозиции и санкции, тем уже судейское усмотрение. ... между формой диспозиции и формой санкции имеется непосредственное диалектическое взаимодействие, заключающееся в том, что широкие диспозиции требуют и широких рамок относительно-определенных санкций и, напротив, абсолютно-определенные санкции применимы лишь при узких рамках диспозиции»⁵. Он, например,

¹ См.: Шаргородский М.Д. Уголовный закон. М., 1948. С. 95.

² Ильюк Е.В. Законодательная техника построения диспозиций статьи уголовного закона: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1989. С. 8.

³ См.: Там же. С. 89.

⁴ Уголовное право. Общая часть: Учебник / А.А. Герцензон, М.М. Исаев, А.А. Пионтковский, Б.С. Утевский; науч. ред. В.Д. Меньшагин. М., 1948. С. 55.

⁵ Шаргородский М.Д. Уголовный закон. М., 1948. С. 96.

критиковал уголовные законы зарубежных стран, в которых, по его мнению, все чаще встречаются «широкие («каучуковые») диспозиции и широкие рамки относительно-определенных санкций»¹.

По мнению А. Н. Трайнина, «процесс конкретизации составов должен последовательно вести к некоторому сужению судебной компетенции при определении рода и меры наказания»².

Как справедливо заметил Я.М. Брайнин, «создание стройной и внутренне согласованной системы санкций – одна из наиболее трудных задач»³. Он поддерживает идею М.И. Ковалева о разделении всех преступлений на тяжкие преступления, преступления и проступки, об установлении для каждой группы минимальных и максимальных пределов санкций (например, для преступлений до 10 лет лишения свободы, для проступков наказания, не связанные с лишением свободы), о согласовании внутри каждой группы всех санкций статей⁴.

М.И. Ковалев предложил ряд правил построения санкций статей: 1) соответствие реальной степени общественной опасности преступления во всех возможных вариантах; 2) санкции должны быть внутренне согласованы между собой; 3) за деяния, совершенные по неосторожности, и за те преступления, где последствия могут быть самыми разнообразными, необходимо предусмотреть возможность замены одних мер другими, т.е. альтернативные санкции; 4) технический прием разделение на три группы и согласование внутри групп⁵.

Я.М. Брайнин указывает, что «продуманная оценка степени общественной опасности тех или иных видов преступлений должна исключать всякую случайность в определении размеров наказаний за эти преступления и, следовательно, в конструировании этих санкций»⁶. Он не предлагает систему

¹ Шаргородский М.Д. Уголовный закон. М., 1948. С. 97

² Трайнин А.Н. Учение о составе преступления. М., 1946. С. 156.

³ Брайнин Я.М. Уголовный закон. М., 1967. С. 84.

⁴ См. Ковалев М.И. Уголовный закон. Свердловск, 1974. С. 214; Ковалев М.И. О технике уголовного законодательства // Правоведение. 1962. № 3. С. 145.

⁵ Ковалев М.И. Уголовный закон. Свердловск, 1974. С.212-215.

⁶ Брайнин Я.М. Уголовный закон. М., 1967. С. 88.

оценки, но считает, что ее можно провести на основе «глубокого изучения применения уголовного закона»¹. Действительно, для построения более совершенной Особенной части уголовного закона необходимым является анализ баз данных судебных решений с установлением видов и размеров назначаемых судами наказаний по каждой из статей.

Важным является правильное и разумное использования всего имеющегося законодательного инструментария при создании санкций статей Особенной части российского уголовного закона. Следует не забывать и о том, что от выбора вида санкции статьи законодателем будут зависеть пределы судебного усмотрения при назначении наказания. Как образно и справедливо было отмечено в научной литературе, конструирование санкций для законодателя является его «ахиллесовой пятой»². Существуют сомнения относительно того, создает ли законодатель санкции современного уголовного закона с учетом характера и степени общественной опасности деяния или действует интуитивно³. Как отмечает А.И. Коробеев, сегодня санкции устанавливаются «не путем научного постижения существа уголовно-правовых запретов, а, так сказать, «прикидывая» на рулетке, исходя из уже существующих санкций по другим составам и из субъективных мнений участников выработки предложений»⁴.

В современной науке также предложены оригинальные варианты методики построения санкций статей. Так, М.А. Простосердов, проанализировав существующие «дефекты санкций»,⁵ разработал и предложил классификацию санкций статей, а также правила их построения, основанные на фундаментальных началах дискретной математики (теории графов) и прикладной математики (теории игр)⁶. Преимуществом этой

¹ Брайнин Я.М. Уголовный закон. М., 1967. С. 89.

² Побегайло Э.Ф. Концепция борьбы с преступностью и проблемы совершенствования Уголовного кодекса Российской Федерации// Пять лет действия УК РФ: итоги и перспективы. М., 2003. С. 61.

³ Осипов П.П. Теоретические основы построения и применения уголовно-правовых санкций (аксиологические аспекты). Л., 1976. С. 120.

⁴ Коробеев А.И. Уголовно-правовая политика России: от генезиса до кризиса. М.: Юрлитинформ, 2019. С. 147.

⁵ Простосердов М.А. Система санкций Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации: анализ, проблемы, пути решения: монография. М., 2020. С. 297-310.

⁶ Простосердов, М.А. Теория санкций в уголовном праве России: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2023. С. 15.

методики является попытка найти точные, объективные критерии построения санкций. Однако ее применение законодателем на практике требует тщательной предварительной подготовки и обучению методикам, что в определенной степени может вызвать ряд затруднений.

Обратим внимание также на примечания к статьям Особенной части уголовного закона. В современном уголовном законе примечания из «нетипичных нормативных установлений с точки зрения структуры уголовного закона»¹, «печального наследия дореволюционного законодательства»² превратились в активно используемый законотворцем инструмент. Если на 1 января 1997 года Особенная часть Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) включала в себя 30 примечаний, то в настоящее время их число приближается к 150. Для сравнения: в Особенной части УК РСФСР 1960 г. в первоначальной редакции примечаний было 4, к 1996 г. – 21. Можно заметить, что для российского законодателя на протяжении последних 50 лет характерно расширение практики изложения материала в примечаниях к статьям уголовного закона. В последние годы масштаб использования этого приема законодательной техники впечатляет. В XXI веке практически каждая введенная в отечественный уголовный закон статья содержит названный структурный элемент. Например, только за 2021 год в новой редакции изложены пункт 1 примечаний к ст. 201 УК РФ³ и пункт 1 примечаний к ст. 285 УК РФ; введены с примечаниями новые статьи 171.5, 222.2 УК РФ; дополнены примечаниями статьи 195, 228.2 УК РФ; изменено примечание к статье 194 УК РФ; в новой редакции с примечаниями изложены ст. 222, 222.1, 223, 223.1, 281.1 УК РФ. Примечания стали не только разнообразны по конструкциям, но и по характеру содержащихся в них положений.

¹Войтович А. П. Примечания в уголовном законе (сущность, виды, общая характеристика): автореф. дис. ... канд.юр.наук. М., 2006. С. 20.

²Перетерский И. С. Примечания в законе // Советское право. 1928. № 2. С. 70.

³Используется терминология современного законодателя.

Ю.Е. Пудовочкин верно отмечает, что «специфика предписания, фиксируемого в примечании, состоит в том, что оно, как правило, содержит исключительное или конкретизирующее нормативное предписание»¹. Большинство исследователей склоняются к мнению, что примечание представляет собой прием законодательной техники. Так, В.М. Баранов и Д.С. Кондаков указывают, что примечания – «прием юридической техники, государственно-властное нормативное нетипичное установление должного, запрещающего, возможного, поощряемого или рекомендуемого варианта юридически значимой деятельности»². В отраслевой науке встречаются различные толкования этого понятия. Так, Ю.В. Сомова дает близкое приведенному определению³, а О.Г. Соловьев пишет, что примечание относится к основным (стратегическим) элементам конструирования норм уголовного права⁴. А.А. Князьков, также относя примечания к приемам юридической техники, дополняет, что это и «способ изложения стимулирующих норм»⁵. К.К. Панько считает, что примечание представляет собой средство законодательной техники⁶. Поддерживает эту точку зрения В.Е. Новичков⁷. В доктрине уголовного права озвучено также мнение, что примечания представляют собой итог, форму использования приема⁸, но в других работах автора речь идет также о приеме законодательной техники⁹. Как справедливо указывает Л.Л. Кругликов, прием является и использованием

¹ Пудовочкин Ю.Е. Учение об уголовном законе. М., 2014. С. 61.

² Баранов В. М., Кондаков Д. С. Примечания в российском уголовном праве: природа, виды, проблемы реализации // Проблемы юридической техники: сб. статей. Нижний Новгород. 2000. С. 346.

³ Сомова Ю.В. Примечания в уголовном законодательстве (теоретико-прикладной анализ): автореф. ... дис. канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2009. С. 7.

⁴ Соловьев О.Г. Правотворческие приемы конструирования уголовно-правовых норм: понятие, виды, значение // Актуальные вопросы борьбы с преступностью. 2015. № 1. С. 7.

⁵ Князьков А. А. О приемах законодательной техники в уголовном праве // Актуальные вопросы борьбы с преступностью. 2015. № 2. С. 16.

⁶ Панько К. К. Примечания как нетипичное средство уголовного нормотворчества // Мировой судья. 2006. № 9. С. 19-20.

⁷ Новичков В.Е. Некоторые замечания относительно понятия «примечание» в уголовном праве России // Таврический научный обозреватель. 2016. № 5 (10). С. 207.

⁸ См.: Князьков А.А. О приемах законодательной техники в уголовном праве // Актуальные вопросы борьбы с преступностью. 2015. № 2. С. 17.

⁹ Иванчин А. В. Законодательная техника и ее роль в российском уголовном правотворчестве: монография. М., 2011. С. 169.

технического средства¹. Наиболее логичным и обоснованным нам представляется подход, согласно которому примечание целесообразно относить к приемам законодательной техники.

В науке также поднимается вопрос о месте примечания в структуре уголовного закона: является оно подразделением статьи² или самостоятельной структурной единицей нормативного акта³. Вне статьи примечание в Особенной части уголовного закона не существует. Если говорить об «архитектуре» отечественного уголовного закона, то законодатель обособляет примечание, в том числе путем использования языковых средств, всегда располагает в конце статьи, производит самостоятельную нумерацию внутри примечания независимо от содержания статьи. Таким образом, примечание обладает некоторой самостоятельностью как элемент законодательного акта, но неполной. В юридической литературе предложены различные классификации примечаний. Например, в зависимости от основания деления, их разделяют на пять видов⁴, четыре⁵, три вида⁶ и др. Допустимы различные классификации в зависимости от выбранного основания.

Так, в зависимости от содержания примечания, следует разделить их на следующие группы: 1) примечания-определения; 2) примечания, предусматривающие специальные основания освобождения от уголовной ответственности; 3) примечания, определяющие пределы действия статьи; 4) примечания, определяющие условия применения определенных видов наказания.

Примечания-определения условно делятся на примечания-дефиниции и примечания, раскрывающие признаки состава преступления, имеющие

¹ Кругликов Л. Л. О средствах законодательной техники в уголовном праве // Проблемы юридической техники в уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве. Ярославль, 1996. С.12.

² Войтович А. П. Примечания в уголовном законе (сравнительно-правовое исследование). Владимир, 2006. С.18.

³ Иванчин А.В. Законодательная техника и ее роль в российском уголовном правотворчестве. М., 2011.С. 169.

⁴ Кругликов Л. Л., Соловьев О.Г. Преступления в сфере экономической деятельности и налогообложения: вопросы конструирования составов и дифференциации ответственности. Ярославль, 2003. С. 172.

⁵ Рубанова С. Н. Примечания к статьям Уголовного кодекса Российской Федерации: понятие, значение и виды: автореф. дис. ... канд.юрид.наук. Краснодар, 2011. С.7.

⁶ Панько К.К. Методология и теория законодательной техники уголовного права России. Воронеж, 2004. С. 187.

различное содержание для разных составов преступлений (например, размер, неоднократность и др.). Предложенное деление условно, поскольку дефиниции также относятся к признакам состава преступления. Однако в первом случае речь идет о раскрытии содержания конкретного понятия, а во втором случае – о раскрытии содержания признаков, которые встречаются в различных составах преступлений (размер доход, убытки, неоднократность и т.п.). Все названные примечания действительно можно назвать «аутентичным толкованием уголовного закона»¹. К примечаниям-дефинициям в действующем УК РФ можно отнести: примечания к статьям 138.1, 139, 143, 144.1 УК РФ и др. К примечаниям, раскрывающим признаки состава преступления, относятся, во-первых, примечания, определяющие размер ущерба, дохода, задолженности, стоимость и др. Например, примечание к статье 146 УК РФ, пункты 1-3 примечаний к статье 159 УК РФ и др.

Примечания, предусматривающие специальные основания освобождения от уголовной ответственности, содержат отличные от Общей части уголовного закона условия, при наличии которых лицо должно или может быть освобождено от уголовной ответственности. К названному виду в современном уголовном законе относятся, например, примечания к статьям 110.2, 122, 126 УК РФ и др.

В доктрине уголовного права предложено создать статью, указывающую на возможность наличия специальных оснований в Особенной части УК РФ, а разместить ее в Общей части уголовного закона². Существует и иное мнение. Так, предлагается ввести новую статью 75.1 УК РФ³ и исключить ч. 2 ст. 75 УК РФ⁴. Еще одна группа исследователей говорит о необходимости изложить общее специальное правило в ч. 2 ст. 75 УК РФ и

¹ Рубанова С. Н. Примечания к статьям Уголовного кодекса Российской Федерации: понятие, значение и виды: автореф. дис. ... канд.юрид.наук. Краснодар, 2011. С.13.

² Антонов А. Г. Деятельное раскаяние как основание освобождения от уголовной ответственности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2000. С.9.

³ Кругликов Л. Л., Смирнова Л. Е. Унификация в уголовном праве. СПб., 2008. С. 240; Рубанова С.Н. Основные направления оптимизации нормативной регламентации примечаний к статьям Уголовного кодекса Российской Федерации// Общество и право. 2011. № 2 (34). С. 170.

⁴ Рубанова С. Н. Основные направления оптимизации нормативной регламентации примечаний к статьям Уголовного кодекса Российской Федерации // Общество и право. 2011. № 2 (34). С. 170.

сделать ссылку на него в примечаниях статей Особенной части. Однако не все исследователи поддерживают такой подход к построению уголовного закона. Они доказывают, что будет ненужная «норма-дублер»¹. Предложено также полностью исключить специальные основания из Особенной части и разместить их в ст. 75 УК РФ². Все существующие специальные основания невозможно изложить в одной статье Общей части УК РФ. Законодатель либо должен был изначально единообразно их формулировать, что достаточно проблематично, либо сформулировать общие правила, применимые к конкретным статьям Особенной части. Для решения данного вопроса допустимо обсуждение в будущем темы объединения специальных оснований освобождения от уголовной ответственности в начале или конце глав Особенной части уголовного закона, к положениям статей которых они относятся с использованием единообразного построения. Такой опыт имеется в уголовном законодательстве ряда зарубежных стран. Это уменьшит число примечаний, облегчит для правоприменителя поиск соответствующих положений.

Примечания, определяющие пределы действия статьи, устанавливают границы применения статьи, - случаи, на которые распространяется действие предписаний. Например, примечания статей 308, 316 УК РФ и др. Названные примечания законодатель формулирует с использованием различных вариантов: «не подлежит уголовной ответственности», «действие настоящей статьи не распространяется», «из суммы исключается» и др. Т.Ю. Орешкина называет такого рода предписания специальными обстоятельствами, исключающими преступность деяния³. С.Н. Рубанова с таким пониманием не согласна и полагает, что авторы расширительно толкуют главу 8 УК РФ, которая содержит исчерпывающий перечень обстоятельств, исключающих

¹ Сухарева Н.Д. Общеуголовное освобождение от ответственности в российском уголовном праве. М., 2005. С.134.

² Поройко М.С. Обязывающие и управомачивающие нормы в уголовном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2000.С. 18-19.

³ Орешкина Т.Ю. Специальные обстоятельства, исключающие преступность деяния // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке. М., 2004. С. 190-194

преступность деяния¹. В результате таких примечаний действия (бездействия) лица признаются в силу закона непроступными, либо проступными, но ответственность за их совершение предусмотрена другими статьями УК РФ.

В примечаниях, определяющих условия неприменения определенных видов наказания (пункт 2 примечания к ст. 134 УК РФ), в отличие от предыдущего вида, не указаны условия, ограничивающие применение статьи (диспозиции), а предусмотрены условия, при которых лицу, совершившему преступление, не может быть назначен определенный вид наказания.

По структуре примечания можно разделить на простые (не разделенные на пункты) и комбинированные (состоящие из нескольких пунктов).

К простым можно отнести, например, примечания к статьям 117, 122, 131 УК РФ и др.

К комбинированным относятся, например, примечания статей 127.1, 134, 158 УК РФ и др. Сложные примечания могут состоять из двух пунктов (например, примечания к статьям 127.1, 134 УК РФ); из трех пунктов (примечания к статьям 178, 185.3 УК РФ); из четырех пунктов (примечания к статьям 158, 226.1 УК РФ); из пяти пунктов (примечание статьи 200.1 УК РФ).

Использование той или иной структуры примечания в современном уголовном законе не всегда возможно обосновать логически. Так, например, если в примечании к статье 158 УК РФ крупный и особо крупный размер определяются в одном пункте примечания (это наиболее типичный способ изложения в действующем УК РФ), то, например, в примечании к ст. 200.1 УК РФ каждому из размеров посвящен отдельный пункт.

Нумерация обычно присутствует в примечаниях, где их содержится больше одного, но в примечании к статье 201 УК РФ содержится только один пункт, и он пронумерован.

Традиционно примечания обозначаются номерами 1, 2, 3 и т.д., но есть исключения. Например, примечания к ст. 205.1, 205.2 УК РФ. Они включают

¹ Рубанова С.Н. Примечания к статьям Уголовного кодекса Российской Федерации, предусматривающие условия, исключающие уголовную ответственность // Общество и право. 2011. № 1 (33). С. 128.

три пункта, но нумерация отличается от всех иных примечаний УК РФ. Законодатель выделяет примечания 1, 1.1 и 2.

Чаще всего в последней части примечания законодатель помещает специальные основания освобождения от уголовной ответственности, хотя, например, в пункте 4 примечания к статье 200.1 УК РФ законодатель определил специальные основания освобождения от уголовной ответственности, а в пункте 5 примечания раскрыл содержание понятия «денежные инструменты».

По сфере действия примечания можно разделить также на несколько видов. Примечания могут распространять свое действие: 1) на одну статью, например, в современном уголовном законе это примечания к статьям 110.2, 122, 126, 134 УК РФ и др.; 2) на несколько статей Особенной части разных глав, например, примечание 1 ст. 201 УК РФ; 3) на несколько статей Особенной части разных глав, например, примечание 1 ст. 201 УК РФ; 4) на несколько статей Общей и Особенной части, например, примечание 2 ст. 205.4 УК РФ; 5) на главу, например, пункты 2 и 3 примечаний к ст. 158 УК РФ. Есть примечания, в которых указано, что они распространяют свое действие на главу, но с исключениями. Например, пункт 4 примечаний к ст. 158 УК РФ, примечание ст. 170.2 УК РФ; 6) на весь УК РФ, например, примечание ст. 117 УК РФ, ст. 138.1 УК РФ.

Л.Л. Кругликов и Л.Е. Смирнов справедливо отмечают, что целесообразно «конструировать примечания «по блоковому» принципу, когда примечание распространяет свое действие не на одну, а на несколько статей или глав, либо на всю Особенную часть»¹. Однако в одних случаях возможно и целесообразно сформулировать единое содержание понятие для всего УК РФ, в других случаях сложно определить единые основания освобождения от уголовной ответственности для всей главы. Тем не менее, законодатель должен уже стремиться к использованию «блокового» принципа и сокращать

¹ Кругликов Л. Л., Смирнова Л. Е. Унификация в уголовном праве. СПб., 2008. С. 235.

число примечаний, тем самым уменьшая противоречия внутри уголовного закона. При отсутствии единообразия в сфере действия примечаний возникают сложности с применением и пониманием действующего уголовного закона.

Еще одна допустимая классификация - по способу изложения материала. Прямые примечания – это примечания, в которых раскрывается содержание предписания без отсылки к иным статьям и актам.

Ссылочные примечания характеризуются тем, что для установления их содержания необходимо обращаться к нескольким статьям уголовного закона (например, примечания к ст. 110.2, 205.3 УК РФ).

Для уяснения содержания бланкетных примечаний необходимо обращаться к иным актам. В качестве примера можно привести пункт 3 примечания к ст. 226.1 УК РФ.

Таким образом, можно сформулировать некоторые выводы, касающиеся устройства статьи Особенной части уголовного закона:

1. Статья Особенной части уголовного закона является элементарной частицей этого компонента. Она может состоять из нескольких частей, каждая из которых включает самостоятельную диспозицию и санкцию. Количество частей определяется в зависимости от степени обеспечения законодателем дифференциации уголовной ответственности.

2. Если законодатель хочет назвать более двух альтернативных признаков состава преступления, которые он рассматривает равнозначными по степени общественной опасности, целесообразно использовать пункты. Перечисление признаков в диспозиции статьи без структуризации их (распределению по пунктам) создает громоздкую статью, которую сложно воспринимать и понимать.

3. В доктрине наиболее распространенной является классификация, где в качестве членов деления называется четыре вида диспозиций: простые, описательные, ссылочные и бланкетные. Диспозиции статей Особенной части уголовного закона отражают признаки различных конструкций составов

преступлений (основного, привилегированного и квалифицированного; сложного и простого), а также виды составов преступлений по моменту окончания (материальные, формальные и др.).

4. Особенная часть уголовного закона содержит различные виды санкций статей. В зависимости от наличия указания на размер наказания, санкции делятся на неопределенные и определенные. В зависимости от наличия или отсутствия в санкции статьи указания на дополнительный вид наказания выделяют простые и кумулятивные санкции. Если в санкции статьи содержится отсылка к санкции другой статьи Особенной части уголовного закона, то их называют ссылочными или опосредованно-определенными. Альтернативу им составляют непосредственно определенные санкции. На выбор вида и размера наказаний, указанных в санкции статьи Особенной части уголовного закона, влияют факторы внешние и внутренние. Внешние факторы, обуславливающие выбор вида санкции, связаны с политикой, проводимой в государстве, взглядами создателей закона и их интересами, оценкой обществом справедливого наказания, финансовыми ресурсами государства.

РАЗДЕЛ III. СТРАТЕГИЯ РАЗВИТИЯ ОСОБЕННОЙ ЧАСТИ РОССИЙСКОГО УГОЛОВНОГО ЗАКОНА

Глава 1. Понимание юридико-технических недостатков и ошибок в Особенной части уголовного закона для целей ее стратегического развития

§ 1. Отраслевое и межотраслевое рассогласование положений Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации

С 1 января 1997 г. по 1 января 2024 г. Особенная часть УК РФ претерпела существенные качественные и количественные изменения, которые породили возникновение существенных рассогласований.

Уголовно-правовые трансформации вызывают вопросы, когда расходятся с теоретико-правовой концепцией уголовного закона. За 27 лет действия УК РФ наметилась тенденция, когда вносимые в его Особенную часть отдельные изменения допустимо относить к новеллам, создающим рассогласования концептуального характера¹. Это такие модификации, которые в той или иной степени противоречат концептуальным положениям, на которых изначально строился российский уголовный закон.

Если анализировать уголовные законы с Общей и Особенной частью не только России, но и других государств, то можно заметить, что большинство изменений в период действия уголовного закона происходит именно с их Особенной частью, и, как правило, именно она увеличивается в объеме за время его действия.

Процесс трансформации Особенной части уголовного закона представляет собой в определенной степени нормальное явление. Предполагается, что уголовный закон создается на длительное время и в

¹ Кленова Т.В. 25-летие Уголовного кодекса Российской Федерации: проблемы кодификации // Юридический вестник Самарского университета. 2021. Т. 7. № 4. С. 49.

период его действия неизбежно происходят преобразования социальных, экономических и политических отношений, что порождает необходимость внесения поправок в их регулирование, в том числе путем введения новых уголовно-правовых запретов либо отмены имеющихся. Специфика содержания Особенной части уголовного закона обуславливает то, что она более «чувствительна» к происходящим в обществе и государстве изменениям, чем Общая часть уголовного закона. Изменение Особенной части уголовного закона является чаще всего неизбежным, закономерным и естественным процессом. Однако важным является сохранение баланса между ее стабильностью и динамизмом. Анормальным процесс изменений становится тогда, когда поправки не являются концептуально и криминологически обоснованными; они не вызваны необходимостью регулирования новых, вновь возникших отношений; не нацелены на устранение ошибок, допущенных при создании первой редакции закона, а являются инструментом решения проблем, которые возможно более эффективно решить другими юридическими средствами. На необоснованность выбора уголовно-правовых средств для решения социально-экономических проблем неоднократно указывалось в специальной литературе¹. Изменения и дополнения Особенной части становятся разрушающими внутреннюю систему уголовного закона тогда, когда они не согласуются с положениями его Общей части, а также противоречат уже имеющимся положениям Особенной части уголовного закона, а также изменяют концептуальные идеи уголовного закона².

¹ См.: Комиссаров В.С. Оценка состояния Уголовного кодекса Российской Федерации и перспективная характеристика законодательной деятельности // Пять лет действия УК РФ: итоги и перспективы. Материалы 11 Международной научно-практической конференции, состоявшейся на юридическом факультете МГУ им. М.В. Ломоносова 30-31 мая 2002 г. М., 2003. С.13-15; Зацепин М.Н., Зацепин А.М. Уголовно-правовая политика в сфере обеспечения государственной безопасности России: воплощение в УК РСФСР 1960 г. и УК РФ 1996 г. // Прогресс и преемственность в российском уголовном праве (к 95-летию УК РСФСР 1926 г. и 25-летию УК РФ 1996 г. Краснодар, 2021. С. 473.

² Там же.

Обозначим некоторые наиболее значимые рассогласования положений Особенной части УК РФ, которые необходимо учитывать при формировании рекомендаций по построению этого структурного компонента закона.

Комплекс проблем внутриотраслевого и межотраслевого рассогласования Особенной части УК РФ наблюдается в существующих противоречиях между декларируемыми ценностями и их отражением в законе. Современный уголовный закон создавался с опорой на ценности, которые были провозглашены в том числе в ст. 2 Конституции Российской Федерации. Содержание статей Особенной частей УК РФ, последовательность расположения структурных элементов, круг деяний, которые признаются преступлениями, и соотношение санкций статей по строгости видов и размеров, содержащихся в них наказаний, формировались исходя из идеи, что «человек, его права и свободы являются высшей ценностью» (ст. 2 Конституции РФ). Так, К.О. Копшева пишет, что УК РФ существенно отличается от ранее действовавших российских уголовных законов: «прежде всего речь идет об изменении идеологической сущности концепции уголовного законодательства, базирующейся на качественно иных, чем ранее, ценностных ориентирах и идейных установках <...> В центре оказывается человек, его жизнь, здоровье, свобода, собственность, честь и достоинство»¹.

Т.Н. Нуркаева отмечает, что в Конституции РФ среди задач уголовного закона на первое место поставлена задача охраны прав и свобод человека и гражданина, а Особенная часть УК РФ начинается с «Преступлений против личности», «тем самым провозглашена концепция о приоритетной охране прав и свобод человека и гражданина»². А.В. Иванчин подчеркивает, что УК РФ «отражает господствующую в стране иерархию ценностей, соответствующую триаде – личность, общество, государство»³. Однако за

¹ Копшева К.О. Уголовное законодательство Российской Федерации и его основания (теоретический аспект): автореф. ... дис. канд. юрид. наук. Саратов, 2004. С. 16.

² Нуркаева Т.Н. Уголовно-правовая охрана личности, ее прав и свобод: вопросы теории и практики: монография. М., 2020. С.3.

³ Иванчин А.В. Законодательная техника и ее роль в российском уголовном правотворчестве: монография. М., 2011. С.168.

годы действия уголовного закона в результате внесённых поправок Особенная часть уголовного закона не в полной мере отражает эту иерархию ценностей. Хотя, справедливости ради стоит отметить, что и в первоначальной редакции уголовного закона это было выдержано не в полной мере. О несогласованности порядка расположения глав Особенной части УК РФ с предписаниями Конституции РФ писала Н.Ф. Кузнецова, которая отмечала, что «противоречит провозглашенному приоритету охраны личности размещение главы о преступлениях против общественной безопасности после главы об экономических преступлениях»¹. Кроме того, санкции некоторых преступлений против государственной власти (например, ст. 275 УК РФ) изначально были строже санкций статей о преступлениях против личности (например, ч. 1 ст. 105 УК РФ). Л.Д. Гаухман писал: «... как показал анализ санкций УК РФ, по такому основанию, как среднеарифметический срок лишения свободы, наиболее строго охраняются основы конституционного строя и безопасности государства, а наименее строго – конституционные права и свободы человека и гражданина»². Как предполагалось, нестыковки между провозглашаемыми ценностями и содержанием закона со временем будут устранены. Однако, в последние годы значительное число изменений и дополнений касается разделов IX и X УК РФ (см. Приложение 2), и практически не затрагивают раздела VII. Происходит не только увеличение числа статей в названных разделах, но прослеживается тенденция к выбору законодателем более строгих видов и размеров наказаний для их санкций, чем для подавляющего большинства санкций статей других разделов и глав уголовного кодекса, включая раздела VII, а также расположенную в нем главу 16 УК РФ. Для подтверждения этого вывода сравним санкции некоторых статей из трех групп: преступления против личности; против общественной безопасности; против основ конституционного строя и безопасности

¹ Кузнецова Н.Ф. К истории проектов Уголовных кодексов Российской Федерации // Вестник Московского университета. 1995. № 2. С. 54-63.

² Гаухман Л.Д. Проблемы УК РФ: бланкетность, декларативность, казуистичность // Уголовное право в XXI веке: материалы Международной научной конференции на юридическом факультете МГУ им. М.В. Ломоносова 31 мая-1 июня 2001 г. М., 2002. С. 54.

государства. Так, по состоянию на 1 января 1997 года в санкции ч. 1 ст. 105 УК РФ содержался один вид наказания – лишение свободы, а размер определялся от 6 до 15 лет, санкция ч. 1 ст. 205 УК РФ также включала только лишение свободы, но на срок от 5 до 15 лет, а санкция ст. 275 УК РФ предусматривала лишение свободы на срок от 12 до 20 лет с конфискацией имущества или без такового. По состоянию на 1 января 2024 г. в санкции ч. 1 ст. 105 УК РФ сохранилось наказание в виде лишения свободы на срок от 6 до 15 лет, но добавилось дополнительное наказание - ограничение свободы, в санкции ч. 1 ст. 205 УК РФ сохранился один вид наказания в виде лишения свободы, но нижний и верхний пределы выросли на пять лет и достигли от 10 до 20 лет соответственно. В санкции же ст. 275 УК РФ сохранилось указание на наказание в виде лишения свободы на срок от 12 до 20 лет, но добавились штраф «в размере до пятисот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода, осужденного за период до трех лет либо без такового», ограничение свободы «на срок до двух лет» и пожизненное лишение свободы, то есть эта санкция стала предусматривать максимальный из применяемых на практике видов наказания. При этом за 27 лет действия УК РФ в этих трех статьях неизменной осталась только диспозиция ч. 1 ст. 105 УК РФ, а диспозиции ч. 1 ст. 205 УК РФ и ст. 275 УК РФ также изменились в сторону усиления уголовной ответственности за совершение указанных преступлений через трансформации конструкций составов преступлений, по сравнению с теми, что были при создании УК РФ. Таким образом, за 27 лет действия УК РФ произошло постепенное усиление ответственности за преступления против общественной безопасности и общественного порядка (раздел IX УК РФ), государственной власти (раздел X УК РФ), при отсутствии таких же тенденций применительно к преступлениям против личности (раздел VII УК РФ). Т.Н. Нуркаева справедливо отмечает, что «провозгласить концепцию еще недостаточно», важно чтобы последующие изменения и дополнения

совершенствовали УК РФ «в русле этой концепции»¹. Вносимые в Особенную часть УК РФ поправки свидетельствуют о том, что защита общественной безопасности и государственной власти в настоящее время является приоритетным направлением современной уголовной политики. Сравнительно-правовое исследование подтверждает, что эти объекты охраны защищаются во многих уголовных законах не меньше, чем права человека. Однако проводимые изменения и дополнения одних разделов и глав Особенной части УК РФ без сопоставления этих трансформаций с содержанием статей других разделов и глав Особенной части УК РФ потенциально создает противоречия в понимании идеи всего уголовного закона и ценностей, лежащих в его основе. Такого рода преобразования должны происходить комплексно, с оценкой диспозиций (в том числе конструкций составов преступлений) и санкций статей о преступлениях из различных разделов и глав Особенной части УК РФ. Усиление репрессивного потенциала уголовного закона за счет введения новых статей и изменения имеющихся статей в разделах IX и X УК РФ свидетельствует о возможном возникновении в будущем еще больших рассогласований и противоречий между декларируемыми ценностями (приоритет охраны прав и свобод человека и гражданина) и тем, что является реальными ценностями для государства. Продолжение такого рода изменений со временем может поставить вопрос о том, соответствует ли содержание Особенной части УК РФ, провозглашённым в ст. 2 Конституции РФ ценностям. Возможным вариантом решения возникающего противоречия является проверка обоснованности произошедшей криминализации и пенализации, согласование санкций статей раздела VII с санкциями статей прежде всего разделов IX, X УК РФ, а затем и других разделов УК РФ, притом, что первые не должны быть существенно мягче вторых. Итак, первый комплекс проблема в части внутриотраслевого рассогласования касается нарушения провозглашаемой

¹ Нуркаева Т.Н. Уголовно-правовая охрана личности, ее прав и свобод: вопросы теории и практики: монография. М., 2020. С. 3.

иерархии ценностей «личность-общество-государство» с реально существующей.

Второй комплекс проблем связан с внутриотраслевой рассогласованностью положений Общей и Особенной частей уголовного закона. Он касается выбора подхода к ключевым институтам и системным вопросам уголовного права, которые находят свое отражение в различных частях уголовного закона: институту соучастия, множественности преступлений, оконченному преступлению, категориям преступлений и т.д. Уголовный закон – это целостная система, отличительной особенностью которой является ее упорядоченность¹. В.С. Комиссаров указывал, что «УК представляет собой сложную систему взаимосвязанных и взаимообусловленных норм, и, соответственно, его совершенствование должно быть системным»². Взаимосвязанные положения Общей и Особенной части не должны быть построенными исходя из различных концептуальных подходов, поскольку это напрямую влияет на эффективность решения тех задач, которые стоят перед УК РФ.

Так, в результате внесения изменений в Особенную часть УК РФ возникли противоречия в подходах к институту множественности преступлений в уголовном законе. Федеральным законом от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ из статей Особенной части УК РФ исключено указание на неоднократность и судимость в качестве квалифицирующих признаков составов преступлений. Мотивом исключения положений о неоднократности из Общей части УК РФ и из статей Особенной части УК РФ, «послужило несоответствие данного признака принципу справедливости, закрепленному в ч. 2 ст. 6 УК РФ»³. В.П. Малков уже в то время указывал, что «исключение из

¹ Безверхов А.Г. Система права и система законодательства: понятие и соотношение // Вопросы государства и права: сборник научных статей Всероссийского круглого стола. Редколлегия: Л.В. Карнаушенко, А.А. Швец, Е.А. Пушкарев [и др.]. Краснодар, 2022. С. 8.

² Комиссаров В.С. Оценка состояния Уголовного кодекса Российской Федерации и перспективная характеристика законодательной деятельности // Пять лет действия УК РФ: итоги и перспективы. Материалы 11 Международной научно-практической конференции, состоявшейся на юридическом факультете МГУ им. М.В. Ломоносова 30-31 мая 2002 г. М., 2003. С.13

³ Гаухман Л.Д. Нестабильность уголовного законодательства как угроза разрушения правопорядка // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2014. № 3. С. 90.

отдельных составов неоднократности и судимости в качестве квалифицирующих и особо квалифицирующих признаков нельзя признать теоретически и криминологически обоснованными и своевременными»¹. Л. Гаухман полагал, что правильнее было бы сохранить институт неоднократности, но «исключить возможность учета преступлений, за совершение которых лицо было осуждено ранее»². Дальнейшие изменения подтвердили справедливость этого замечания.

В 2012 году законодатель вернул в некоторые статьи Особенной части УК РФ указание на наличие судимости в качестве квалифицирующего признака (федеральный закон от 29 февраля 2012 г. № 14-ФЗ). Однако произошедшие изменения не внесли ясности в понимание того, какого подхода к множественности преступлений придерживается современный законодатель, а скорее увеличило рассогласование между Общей и Особенной частью УК РФ. Законодатель, не решив концептуальных вопросов, связанных с институтом множественности преступлений, согласования Общей и Особенной части УК РФ, продолжил изменять концептуальные положения уголовного закона.

Внутриотраслевые рассогласования связаны и с включением в закон составов преступлений, где общая фигура соучастника трансформирована в исполнителя определенного вида преступления. С момента создания и начала действия УК РФ в этом вопросе ощущалась попытка найти компромисс, в отличие от решения предыдущего вопроса, где разработчики УК 1996 г. пришли к безапелляционной позиции отказа от составов с административной преюдицией. Неслучайно в доктрине существуют самые различные мнения относительно того, с опорой на какую теорию соучастия построен российский уголовный закон. Одни исследователи находили признаки акцессорной теории, другие видели следы теории, предложенной социологической школой

¹ Малков В. П. Множественность преступлений: сущность, виды, правовое значение. Казань, 2006. С. 45.

² Гаухман Л.Д. Нестабильность уголовного законодательства как угроза разрушения правопорядка // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2014. № 3. С. 91.

права, третьи предлагали считать основой смешанную теорию соучастия¹. Если, анализируя положения Общей части УК РФ, можно было предположить, что авторы уголовного закона опираются преимущественно на акцессорную теорию, то произошедшие изменения Особенной части свидетельствует о том, что со временем законодатель стал отдаляться от этой системы взглядов. В Особенной части УК РФ всегда можно было встретить составы, где действия исполнителя по своей сути представляют действия соучастника, например, вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления (ст. 150 УК РФ). Даже в тексте ранее действовавшего постановления Пленума Верховного Суда РФ от 14 февраля 2000 г. № 7 высший орган судебной власти, разъясняя вопросы квалификации действий лиц по ст. 150 УК РФ, использовал терминологию его Общей части («подстрекательство несовершеннолетнего»)². Однако сам законодатель не опирался на понятийный аппарат Общей части при конструировании составов преступлений и построении диспозиций статей Особенной части. В последние годы общий подход к уголовной ответственности соучастников трансформировался вследствие внесения изменений через внесение изменений в Особенную часть УК РФ. Это подтверждает законодательное описание преступлений, предусматривающих ответственность за действия пособника (ст. 205.2 и 281.1 УК РФ), увеличение числа статей, где предусмотрена ответственность за действия подстрекателя, организатора (ст. 281.1, 281.2 и 281.3 УК РФ). Использование законодателем терминологии Общей части, которая разработана с учетом преобладания взглядов, характерных скорее для акцессорной теории соучастия, в Особенной части, которая развивается с учетом отдаления от этой идеи, создает концептуальное противоречие. Получается, что современный уголовный закон допускает «подстрекательство к подстрекательству» или «пособничество к

¹ Энциклопедия уголовного права. Соучастие в преступлении. В 35 т. Т. 6. СПб., 2011. С. 11-23; Пудовочкин Ю.Е. Концепция соучастия: опыт теоретической разработки и нормативного закрепления // Журнал российского права. 2018. № 8. С. 11-23.

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 14.02.2000 г. № 7 (ред. от 06.02.2007) «О судебной практике по делам о преступлениях несовершеннолетних» // СПС «КосультантПлюс».

пособничеству», поскольку положения статей Общей части применяются ко всем статьям Особенной части УК РФ.

Как справедливо замечает П. В. Агапов, использование подобных конструкций приводит к выхолащиванию соучастия как института Общей части УК РФ¹. Весьма категорически выступает против трансформации соучастников в исполнителей преступления С. М. Кочои. В связи с этим он утверждает, что «сам принцип дополнения УК статьями, подобными ст. 205.1 УК РФ, порочен. Сегодня самостоятельной нормой Особенной части УК является содействие совершению терроризма, завтра таковым признают вовлечение в государственную измену, послезавтра – организацию убийства и т.д.»². О пагубности таких нововведений отмечает также М. В. Феоктистов³ и др. Действия организаторов, пособников и подстрекателей по ранее действующему уголовному закону также были уголовно наказуемыми, но наказывались они со ссылкой на Общую часть УК РФ. Так, в результате произошедших изменений действия 3. были переквалифицированы с ч. 5 ст. 33, ч. 3 ст. 205 УК РФ на ч. 3 ст. 205.1 УК РФ⁴. Тенденция по увеличению числа статей Особенной части, где фигура соучастника «трансформирована» в исполнителя, не является позитивной. Трудно проследить основания введения такого рода статей. Невозможно установить, какие данные (особенности объекта посягательства, категории преступления, совершаемого исполнителем и др.) могут быть основанием для введения дополнительной статьи, «трансформирующей» соучастника в исполнителя. Еще раз повторим: уголовный закон – это прежде всего система, все компоненты и элементы которой органически взаимосвязаны и взаимозависимы. Трансформации УК РФ допустимы при пересмотре концептуальных идей, лежащих в основе всего

¹ Агапов П. В. О проблеме криминализации пособничества террористическому акту // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы восьмой Международной научно-практической конференции 27-28 января 2011 г. М., 2011. С. 455.

² Кочои С. М. Терроризм и экстремизм: уголовно-правовая характеристика. М., 2005. С. 79.

³ См.: Феоктистов М. В. Ответственность за соучастие в преступлении: некоторые проблемы теории и практики // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы Международной научно-практической конференции января 29-30 января 2004 г. М., 2004. С. 178-179.

⁴ Апелляционное определение Верховного Суда РФ по делу № 201-АПУ17-30 от 29 августа 2017 года. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.supcourt.ru> (дата обращения: 02 февраля 2023 г.).

уголовного закона, выявлении противоречий и устранении их, прогнозировании результатов таких изменений. Ученые-юристы справедливо отмечают, что уголовный закон требует оптимизации¹, предлагая в качестве ориентиров отечественный опыт² и учет современных знаний³.

Рассогласование отдельных положений Общей и Особенной частей уголовного закона наблюдается и в связи с введением статьи 263.1 УК РФ. В названной статье не указана форма вины по отношению к бездействию, но указана по отношению к последствиям – неосторожная форма вины. В статье 263.1 УК РФ предусмотрена ответственность за бездействие, повлекшее по неосторожности смерть человека, совершенное группой лиц по предварительному сговору или организованной группой лиц. Эти положения концептуально противоречат положениям статей Общей части УК РФ⁴. Общая часть УК РФ исходит из постулата, что соучастие предполагает умышленное совместное участие, которое возможно только в умышленном преступлении (ст. 32 УК РФ). Это предопределяет построение Общей и Особенной части УК РФ. Внесение такого рода изменений, как ст. 263.1 УК РФ, требуют концептуальных по своему характеру поправок Общей части УК РФ, либо отказ от таких положений в Особенной части УК РФ.

Проблема рассогласования положений уголовного закона, связанная с институтом соучастия, касается и увеличения числа статей Особенной части УК РФ, где предусмотрена ответственность за создание различных видов преступных сообществ преступных организаций. Если в случае с пособником законодатель в Особенной части использует терминологию Общей части УК РФ, то в случае с сообществами и организациями, наоборот - не согласованную с Общей частью УК РФ. Так, в ст. 35 УК РФ преступное сообщество и преступная организация указаны законодателем вместе, как

¹ Наумов А.В. Преступление и наказание в истории России: монография: в 2 ч. Ч. II. М., 2021. С. 555.

² Коняхин В.П., Аслаян Р.Г., Батютина Т.Ю. УК РСФСР 1922 Г.: юридико-технический и институциональный анализ // Российский следователь. 2022. № 5. С. 11.

³ Козаченко И.Я., Сергеев Д.Н. Новая криминализация: философско-юридический путеводитель по миру преступного и непроступного. Екатеринбург, 2020. С. 196-213.

⁴ См.: Голик Ю.В., Коробеев А.И. Реформа уголовного законодательства России: быть или не быть? //Lex Russica. 2014. № 12 (Том ХСVII). С.1403.

своего рода синонимы, а в ст. 205.4 и ст. 205.5 УК РФ террористическое сообщество и террористическая организация использованы в разных значениях. В результате возникают сложности как при понимании этих признаков составов преступления, так и при квалификации действий лиц и назначении им наказания с учетом положений Общей и Особенной частей УК РФ.

Решение видится в стремлении придерживаться одной концепции соучастия для всего уголовного законодательства, что основывается на взаимосвязи и единстве положений Общей и Особенной частей УК РФ, в том числе и путем терминологического единства. Такое согласование в настоящее время допустимо провести путем изменения либо Общей части УК РФ и указания в ней на случаи введения специальной ответственности за действия соучастников в Особенной части УК РФ, либо исключением статей из Особенной части УК РФ и уточнением в Общей части положений об ответственности соучастников в ст. 67 УК РФ, как это сделано, например, в ст. 66 УК РФ. Второй подход, по нашему мнению, является более приемлемым для всей системы уголовного законодательства. Кроме того, при построении уголовного закона необходимо учитывать, что в диспозициях статей Особенной части уголовного закона ключевые понятия Общей части уголовного закона не должны использоваться в ином значении, а также что санкция статьи, в диспозиции статьи которой описаны действия подстрекателя или пособника преступления, трансформированного в исполнителя, не может быть строже, чем исполнителя «основного» преступления.

В качестве еще одного примера существовавшего и устраненного в настоящее время рассогласования являлось положение Особенной части УК РФ об уголовной ответственности по законодательству Российской Федерации военного времени. Идея об исключении ч. 3 ст. 331 УК РФ в уголовно-правовой науке озвучена давно. Об этом еще в 2014 г. писал В.С.

Коростелев¹. Также в науке предлагалось создать и ввести «в УК РФ в качестве отдельной главы уголовного законодательства военного времени. Раздел XI УК РФ необходимо дополнить соответствующей главой: «Преступления против военной службы, совершенные в военное время либо в боевой обстановке», которая бы содержала конкретные нормы, предусматривающие уголовную ответственность за данные преступления, совершенные в военное время»². В период действия ч. 3 ст. 331 УК РФ ученые-юристы обсуждали следующие моменты: допускает ли такое уголовно-правовое предписание существования иного уголовного законодательства, кроме УК РФ; противоречит ли оно ч. 1 ст. 1 УК РФ; необходима ли разработка и принятие иного уголовного законодательства в названный в соответствующей статье период и т.д. Само наличие такого рода положений позволяет говорить о том, что существовала возможность принятия уголовного законодательства военного времени, которое могло содержать статьи об уголовной ответственности за конкретные преступления против военной службы. То есть до 2022 года существовало рассогласование между ч. 1 ст. 1 УК РФ и ч.3 ст. 331 УК РФ. Федеральным законом от 24 сентября 2022 г. № 395-ФЗ часть 3 ст. 331 УК РФ признана утратившей силу. Изменение Особенной части УК РФ является решением концептуального характера, поскольку устраняет ранее существовавшее противоречие между Общей и Особенной частью УК РФ. Однако вопросы, касающиеся круга деяний, которые должны признаваться преступными в ранее обозначенный в ст. 331 УК РФ период, а также пределы их наказуемости, требуют дальнейшего серьезного научного исследования и обоснования. Сам же путь включения в Особенную часть уголовного закона ответственности за преступления, совершенные в мирное и военное время, выбранный в настоящее время законодателем является более обоснованным.

¹ Коростелев В.С. Некоторые вопросы систематизации уголовно-правовых предписаний о преступлениях против военной службы // Общество и право. 2014. № 2 (48). С. 110.

² Копшева К.О. Уголовное законодательство Российской Федерации и его основания (теоретический аспект): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2004. С. 8.

Решение комплекса проблем, связанных с внутриотраслевым рассогласованием, состоит в том, чтобы на весь период действия уголовного закона определиться с подходами к источникам, в которых содержатся статьи о преступлениях и наказаниях, множественности преступлений, соучастию и по другим основным вопросам. Изменение подхода к решению этих вопросов допустимо только при одновременном реформировании Общей и Особенной частей уголовного закона. В идеальной ситуации в период действия уголовного закона не должен изменяться подход к решению вопросов концептуального характера этого уровня. Думается, что будущее в полной кодификации уголовного законодательства, в том числе, включении в Особенную часть российского уголовного закона всех преступлений мирного и военного времени, реализации акцессорной теории соучастия со стремлением к полному исключению из Особенной части статей, предусматривающей ответственности соучастников, трансформированных в исполнителей.

Внутриотраслевые и межотраслевые рассогласования Особенной части уголовного закона могут возникнуть в случае введения в действующий УК РФ уголовных проступков. Этот вопрос до сих пор не решен, он продолжает обсуждаться и в настоящее время¹. Категория «уголовный проступок» характерна для отечественного законодательства дореволюционного периода. Советский законодатель не использует ее в тексте закона. Современный УК РФ также предусматривает ответственность только за совершение преступлений. Таким образом, более века отечественное законодательство и практика его применения существует без категории «уголовный проступок». В первой четверти XX века уголовные проступки покидают Особенную часть российского уголовного закона, так и не объединившись ни в ее самостоятельный структурный компонент, ни в особый закон об уголовных проступках. Однако, в отличие от законодателя,

¹ См.: Сизова В.Н. Концептуальные основы систематизации Уголовного кодекса Российской Федерации: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2024. С. 417-485.

доктрина уголовного права не исключила из своего поля зрения тему уголовных проступков. Ученые-юристы вели дискуссии о необходимости и целесообразности наличия уголовного проступка в законе с различной степенью интенсивности и в дореволюционный, и в советский, и в современный периоды, независимо от наличия или отсутствия рассматриваемой категории в законе. Например, в 70-е годы был разработан Кодекс об уголовных проступках¹, а в 80-е годы рассматриваемая категория присутствовала в Теоретической модели уголовного кодекса², в 90-е – в проекте Уголовного кодекса 1992 года³, но в действующий УК РФ она не вошла.

Несмотря на длительность научных дискуссий, в доктрине XXI века отсутствует единый подход к пониманию содержания уголовного проступка и его признаков. Озвучены различные варианты содержания рассматриваемой категории: преступления небольшой тяжести и административные правонарушения⁴; некоторые преступления небольшой и средней тяжести⁵; преступления с неосторожной формой вины; составы с административной преюдицией и др⁶.

Возможно, отсутствие единообразного понимания категории «уголовный проступок» в доктрине повлияло и на содержание законодательной инициативы Верховного Суда РФ в 2021 г., которая отражена в законопроекте № 1112019-7⁷, не принятом в качестве закона до настоящего времени. Есть основания полагать, что категория «уголовный проступок»

¹ См.: Кодекс уголовных проступков. Проект. М.: Изд-во Всесоюзного ин-та по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности, 1973. 34 с.

² См.: Уголовный закон. Опыт теоретического моделирования / отв. ред. В.Н. Кудрявцев, С.Г. Келина, М., 1987. 276 с.

³ См.: Преступление и наказания. Комментарий к проекту Уголовного кодекса России / под ред. Н.Ф. Кузнецовой и А.В. Наумова. М., 1993. 301 с.

⁴ Кадников Н. Категоризация преступлений в зависимости от их тяжести как основа построения многих институтов Общей части уголовного права // Уголовное право. 2017. № 4. С. 60

⁵ Старостин С.А., Фатьянов А.А. Уголовный проступок: правовая необходимость или очередная красивая теория? // Административное право и процесс. 2017. № 12. С. 24.

⁶ Звечаровский И. Категория «уголовный проступок» в контексте либерализации уголовной политики России // Уголовное право. 2017. № 4. С. 44.

⁷ Система обеспечения законодательной деятельности. Законопроект № 111209-7. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1112019-7> (дата обращения 01.07.2023 года).

может появиться в УК РФ в будущем, хотя в настоящее время решение этого вопроса вновь отложено.

Введение уголовного проступка возможно только при концептуальном изменении Общей и Особенной части уголовного законодательства, с изменением структуры и содержания Особенной части УК РФ. Это обусловлено следующими факторами.

Уголовный проступок имеет правовую природу, отличную от преступления. Введение категории уголовного проступка требует определения его природы для российской правовой действительности. Должны быть обозначены специфические черты, которые характерны только для этого феномена, и по которым его можно отграничить от административного правонарушения, малозначительного деяния и преступления. И это не должно происходить через указание на совершение преступления впервые. Законодатель должен определить сущностные признаки уголовного проступка, в том числе, опираясь на научные исследования. Так, Н.Ф. Кузнецова предлагала под уголовным проступком понимать умышленное либо неосторожное малозначительное по характеру и степени общественной опасности деяние, за которое по закону предусмотрено максимальное лишение свободы на срок до одного года, либо другое, более легкое наказание, либо в санкции предусмотрена альтернативная форма ответственности¹. Она отмечала, что употребление слова «уголовный», свидетельствует о том, что речь идет о преступном деянии, слово «проступок» означает, что эти деяния близки к антиобщественным проступкам - аморальным, дисциплинарным, административным и гражданским².

В советский и современный период представлены и иные варианты содержания уголовного поступка. Так, Г.А. Кригер к проступкам относил деяния, которые посягают на общественные отношения, но не причиняют, не могут причинить им значительного вреда, в силу чего представляют меньшую,

¹ Кузнецова Н.Ф. Преступление и преступность. М., 1969. С. 149.

² Там же.

чем преступление, общественную опасность¹. П.В. Коробов указывал, что уголовный проступок – это непреступное правонарушение, действие или бездействие, предусмотренное уголовным законом и обладающее небольшой общественной опасностью². Е.В. Рогова под уголовным проступком предлагает понимать умышленное и неосторожное деяние, обладающее меньшей по сравнению с преступлением общественной опасностью, заключающейся в отсутствии тяжких последствий, значительного вреда, способа совершения, опасного для жизни и здоровья, за совершение которого предусмотрены наказания, не связанные с лишением свободы, за исключением ареста сроком от одного до шести месяцев³. С.А. Маркунцев, анализируя доктринальное определение рассматриваемого феномена, отмечает, что в российской науке сформулированы три позиции относительно сущности уголовного проступка: первая состоит в том, что уголовный проступок является деянием, не являющимся уголовно-противоправным и уголовно наказуемым; согласно второй, уголовный проступок является общественно опасным деянием, запрещенным уголовным законом; в соответствии с третьей, уголовный проступок является разновидностью преступления, обладающего определенной степенью общественной опасности⁴.

Верховный Суд РФ в предложенном законопроекте не занял ни одну из названных позиций. В официальном отзыве на законопроект Правительством РФ отмечено, что «уголовный проступок рассматривается не в качестве самостоятельного уголовно наказуемого деяния, отличающегося от преступлений по степени общественной опасности, а определяется на основании формальных признаков»⁵, что противоречит действующему уголовному законодательству.

¹ Кригер Г.А. Конституция СССР и совершенствование уголовного законодательства // Вестник Московского университета. Серия «Право». 1979. № 2. С. 5, 8.

² См.; Коробов П.В. Уголовный проступок: «за» и «против» // Правоведение. 1990. № 5. С. 90 - 92.

³ Рогова Е.В. Понятие и сущность уголовного проступка // Труды Академии управления МВД России. 2012. № 3. С. 8.

⁴ Маркунцев С.А. Генезис подходов к легальному и доктринальному определению уголовного проступка// Право. Журнал Высшей школы экономики. 2018. № 1. С. 112–132.

⁵ Система обеспечения законодательной деятельности. Законопроект № 111209-7. <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1112019-7> (дата обращения 01 июля 2023 г.).

В качестве уголовного проступка должно рассматриваться самостоятельное, отличное от преступления, административного правонарушения уголовное общественно опасное деяние.

Одновременное существование в российском законодательстве административных правонарушений, малозначительных деяний, уголовных проступков, четырех категорий преступлений создаст внутриотраслевые и межотраслевые рассогласования, противоречия внутри законодательных актов и в практике их применения, потенциально может привести к отсутствию правовой определенности, в связи с размытостью границ между различными правонарушениями. Традиционно системы, где наличествуют проступки, включают в себя двух- или трехзвенную категоризацию уголовных правонарушений, но при этом все публичные правонарушения включены в уголовно-правовую сферу, тогда как в российском праве наряду с уголовной существует административная ответственность¹. Есть исключения. Например, законодательство Казахстана, где существуют проступки, четыре категории преступлений, административные правонарушения и малозначительные деяния. Введение уголовного проступка в законодательство Республики Казахстан было осуществлено не так давно, однако уже создало на практике некоторые проблемы, которые стоит учитывать, но вряд ли стоит создавать предпосылки для их воплощения в российской действительности².

В доктрине уголовного права озвучено мнение, что уголовный проступок обладает невысоким уровнем общественной опасности. Л.Н. Кривченко еще в советские годы указывала, что «сам термин «уголовный» свидетельствует о качественной определенности деяний, о повышенной их общественной опасности, о регулировании их нормами уголовного права. Он

¹ Капинус О.С. Законодательная инициатива о регламентации в Уголовном кодексе РФ уголовного проступка: критический анализ // Российская юстиция. 2021. № 3. С. 26.

² Балтабаев К. Особенности уголовного кодекса республики Казахстан // Уголовное право. 2017. № 4. С. 18-25.

не может быть применен к деяниям, не обладающим общественной опасностью, свойствами преступления»¹.

А.Г. Кибальник справедливо отмечает, что «признак общественной опасности основополагающий для криминализации деяния ... для проступка ее характер должен быть меньшим по сравнению с преступлением»². О меньшей, чем у преступления, общественной опасности, пишут Л.Л. Кругликов и В. Лапшин³.

Л.В. Головкин указывает, что критерием разграничения является вид и размер наказания⁴. Однако наказание не случайно является тем самым критерием, поскольку характер и степень общественной опасности уголовно-правового деяния выражается только в санкции нормы⁵. Именно «содержательным критерием (основанием) деления всех преступлений на категории выступает общественная опасность преступления, а формальным – виды и размеры наказаний в санкции»⁶.

В доктрине уже предложены различные классификации зависимости от общественной опасности. Еще в советские годы М.Д. Шаргородский писал о делении на особо тяжкие преступления, преступления, уголовные проступки⁷, а Н.Ф. Кузнецова предлагала классифицировать преступления на тяжкие, менее тяжкие и малозначительные (уголовные проступки)⁸. Уже позднее она предложила по характеру и степени общественной опасности делить преступления на уголовные проступки и остальные преступления. Остальные

¹ Кривоченко Л.Н. К дискуссии об уголовном проступке // Проблемы социалистической законности. 1982. Вып. 9. С.109.

² Кибальник А. Уголовный проступок и его правовые последствия // Уголовное право. 2017. № 4. С. 65-68.

³ Кругликов Л., Лапшин В. О последствиях включения категории «уголовный проступок» в российский уголовный закон // Уголовное право. 2017. № 4. С. 83.

⁴ Головкин Л.В. Законопроект об уголовном проступке: мнимые смыслы и реальная подоплека // Закон. 2018. С. 128-136.

⁵ Звечаровский И. На пути к уголовному проступку // Законность. 2021. № 2. С. 45-46.

⁶ Кулева Л.О. Категоризация преступлений как средство дифференциации ответственности в Общей и Особенной частях УК РФ: автореф. ... канд. юрид. наук. Ярославль, 2019. С. 13.

⁷ Шаргородский М.Д. Вопросы общего учения о наказаниях в период развернутого строительства коммунистического общества / Тезисы докладов научной конференции «Советское государство и право в период развернутого строительства коммунизма» / отв. ред. Н.А. Беляев и др. Л., 1961. С. 78.

⁸ Кузнецова Н.Ф. Преступление и преступность. М., 1969. С. 150.

делились на преступления средней тяжести, тяжкие и особо тяжкие¹. Н.И. Загородников и А.В. Наумов еще в советские годы предложили четырехчленную классификацию преступлений: особо тяжкие, тяжкие, менее тяжкие преступления и преступления, не представляющие большой общественной опасности (уголовные проступки)².

Верховный Суд РФ указывает, что «исходят из того, что уголовный проступок, с одной стороны, содержит все признаки преступления, в том числе является общественно опасным, а с другой стороны, отличается тем, что его опасность для общества является минимальной»³. Однако в том виде, в котором сейчас предлагается ввести уголовный проступок в закон, – это преступление без наказания, потому что преступление небольшой или средней тяжести, совершенное впервые по своей сути остается преступлением, однако, иные меры уголовно-правового характера, применяемые к лицу, не являются наказанием.

В настоящее время вопрос о небольшой общественной опасности в уголовном проступке является достаточно размытым и неопределенным⁴. Неясно, насколько она невысока по сравнению с преступлениями небольшой тяжести.

Законодатель должен классифицировать уголовные правонарушения на уголовные проступки и преступления в зависимости от характера и степени общественной опасности деяния. Пересмотреть категоризацию преступлений на четыре вида, с тенденцией на возможное уменьшение количества категорий (при введении уголовного проступка). Необходимо определиться с конкретным кругом деяний, являющихся проступками, а также с их отграничением от малозначительных деяний. Так, например,

¹ Кузнецова Н.Ф. Значение общественной опасности деяний для их криминализации и декриминализации // Государство и право. 2010. № 6. С. 75.

² Загородников Н.И., Наумов А.В. Теоретические основы классификации преступлений в уголовном праве // Правоведение. 1983. № 2. С. 59 - 60.

³ Система обеспечения законодательной деятельности. Законопроект № 111209-7. <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1112019-7> (дата обращения: 01 июля 2023 г.).

⁴ Сидорова Е.З., Иванова А.Л. Категория уголовного проступка в российском уголовном праве // Российский судья. 2020. № 8. С. 28.

достаточно распространенной является практика об отказе в возбуждении уголовного дела со ссылкой на ч. 2 ст. 14 УК РФ¹ (например, только в 2015 г. насчитывалось порядка семи миллионов отказов по этому основанию)². Ревизии должен подлежать не только весь уголовный закон, но и КоАП РФ. Так, в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях наличествуют деяния, которые по признакам вряд ли можно отнести к административным (например, оказание финансовой поддержки терроризму)³.

Поскольку одним из свойств закона является его ясность, полагаем, что уголовные проступки, если они когда-либо вернутся в российский уголовный закон, должны войти в него объединенными в самостоятельный структурный компонент Особенной части УК РФ. Особенная часть уголовного закона должна включать не менее двух самостоятельных структурных компонентов: один - об уголовных проступках, второй - о преступлениях. Перечень уголовных проступков и преступлений должен быть исчерпывающим и содержаться только в Особенной части УК РФ. Нахождение преступлений и проступков в самостоятельных структурных компонентах Особенной части уголовного закона подчеркнет, что это два разных по правовой природе феномена, отличных, в том числе, по степени и характеру общественной опасности, позволит избежать путаницы в правоприменительной практике, устранить противоречия на этапе построения закона.

В современной доктрине озвучено предложение о создании нового кодекса об уголовных проступках⁴. Однако опыт существования одновременно двух уголовно-правовых актов показал, что это не облегчает, а,

¹ Сизова В.Н. Некоторые аспекты необходимости закрепления категории «уголовный проступок» в российском уголовном законодательстве // Российская юстиция. 2020. № 3. С. 20.

² Гаврилов Б.Я., Рогова Е.В. Закрепление уголовного проступка в контексте реформирования уголовного законодательства России // Российская юстиция. 2016. № 11. С. 389.

³ Старостин С.А., Фатьянов А.А. Уголовный проступок: правовая необходимость или очередная красивая теория? // Административное право и процесс. 2017. № 12. С. 24-26.

⁴ Лопашенко Н. Снижение репрессивности уголовного закона: предлагаемые меры и их оценка // Уголовное право. 2017. № 4. С.92; Жук М.С. Уголовный проступок: перспективы развития и законодательного закрепления // Прогресс и преемственность в российском уголовном праве (к 95-летию УК РСФСР 1926 г. и 25-летию УК РФ 1996 г. Краснодар, 2021. С. 367

наоборот, усложняет применение закона, порождает противоречия на практике.

Введение уголовного проступка в Особенную часть должно происходить при условии концептуального изменения всего российского уголовного закона. При наличии четырех категорий преступлений, малозначительного деяния, административного правонарушения слишком малы шансы определить феномен в виде уголовного проступка и исключить из него свойства хотя бы одной из названных категорий. Уголовный проступок как самостоятельное правонарушение может существовать в системе с иной категоризацией уголовно-правовых деяний. Следует согласиться с О. Капинус, что «переименование впервые совершенных преступлений небольшой и средней тяжести в уголовный проступок выглядит лишь как избыточная терминологическая новация», «российская четырехэлементная система категоризации преступлений создает не меньше возможностей для дифференциации уголовной ответственности¹. В настоящее время за совершение преступления небольшой тяжести впервые наказание в виде лишения свободы не назначается, а судимость погашается по истечении одного года после отбытия или исполнения наказания. Вопрос об исключении применения положений о судимости к лицам, совершившим уголовный проступок, не решение проблем ресоциализации². Переименование преступления небольшой тяжести в уголовный проступок вряд ли фактически уменьшит число совершаемых деяний, а значит, и вряд ли сократится число лиц, совершающих такие деяния. Вероятно, изменятся лишь статистические показатели. Для уменьшения числа совершаемых преступлений необходимо применение иных мер, которые подробно освещены в научной литературе³. Только после осмысления, выстраивания логической и непротиворечивой

¹ Капинус О.С. Законодательная инициатива о регламентации в Уголовном кодексе РФ уголовного проступка: критический анализ// Российская юстиция. 2021. № 3. С. 26.

² См.: Ресоциализация и реальное включение в гражданское общество осужденных / под ред. Т.В. Кленовой. М., 2019. 432 с.

³ Там же.

системы уголовного закона может следовать решение о введении уголовного проступка в российское законодательство.

В действующий уголовный закон и его Особенную часть нецелесообразно включать категорию «уголовный проступок», пока не будет определена его правовая природа, определен круг деяний, которые представляют собой уголовные проступки, построена структура уголовного закона. Обсуждение введения уголовного проступка в уголовное законодательство должно происходить одновременно с разработкой концептуальных основ построения всего УК РФ (в новой редакции или нового закона). Только в новом уголовном законе, при изменении Общей части, изменении категорий преступлений, введения в уголовные правонарушения проступков и преступлений, логично было бы выделить Особенной части компонент об уголовных проступках.

Внутриотраслевые рассогласования также возникают в связи с отсутствием единых подходов к тому, что что определяется в государстве в качестве преступного и уголовно наказуемого деяния, а что исключается из Особенной части УК РФ. Примеров, когда внесенные поправки в Особенную часть уголовного закона вызывают вопросы, множество, и им посвящены отдельные исследования, поэтому обратим внимание лишь на некоторые. В 2003 г. законодатель исключил из ст. 118 УК РФ части 3 и 4, в которых была предусмотрена ответственность за причинение средней тяжести вреда здоровью по неосторожности, а также из других статей Особенной части УК РФ, где этот признак содержался (например, ч. 1 ст. 264 УК РФ). Следует согласиться с Л.Д. Гаухман, что это поставило под сомнение соблюдение ч. 2 ст. 7 и ч. 1 ст. 41 Конституции РФ. Кроме того, наличие ст. 124 УК РФ, где уголовно наказуемым является бездействие, повлекшее по неосторожности причинение средней тяжести вреда здоровью, при исключении уголовной ответственности за действие, повлекшее по неосторожности причинение средней тяжести вреда здоровью, ставит под сомнение понимание и применение принципов криминализации и декриминализации деяний. Более

того, в 2020 году была представлена в новой редакции ст. 267 УК РФ, где в качестве квалифицирующего признака были указаны не только «повлекшее по неосторожности средней тяжести вред здоровью» (ч. 3 ст. 267 УК РФ), но и «повлекшее по неосторожности легкий вред здоровью» (ч. 2 ст. 267 УК РФ), что вновь концептуально противоречит ранее обозначенному самим законодателем подходу. Также добавляет рассогласований внутри Особенной части УК РФ указание на такие последствия, как вред здоровью, без указания его вида (например, «повлекшее по неосторожности причинение вреда здоровью человека» (ч. 1 ст. 207.2, ч. 1 ст. 235, ч. 2 ст. 251 УК РФ), а в некоторых случаях и без указания формы вины в отношении последствий (например, «повлекшее причинение вреда здоровью человека» (ст. 246 УК РФ, ч. 2 ст. 247 УК РФ), «причинившее существенный вред здоровью человека» (ч. 2 ст. 252 УК РФ)). Правоприменитель при применении такого рода статей допускает в качестве последствий в причинение по неосторожности как легкого вреда здоровью человеку, так и средней тяжести. Например, в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 18 октября 2012 г. № 21 «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования»: «под причинением вреда здоровью человека <...> следует понимать причинение вреда здоровью любой степени тяжести»¹. В п. 6 этого же постановления указано, что «существенный вред здоровью человека выражается в тяжком или средней тяжести вреде здоровью хотя бы одного лица»². Разъяснения Верховного Суда РФ не противоречат закону, поскольку из текста неясно, о каком вреде все-таки идет речь. Однако такое понимание положений УК РФ, как и содержание ст. 124 УК РФ, ст. 267 УК РФ, создают концептуальные противоречия в понимании подхода законодателя к наказуемости неосторожного причинения легкого вреда и средней тяжести вреда здоровью

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18.10.2012 г. № 21 (ред. от 15.12.2022 г.) «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования» // СПС «КонсультантПлюс».

² Там же.

человека. В приведенном примере не суд, а именно законодатель должен конкретизировать степень тяжести вреда здоровью, и с учетом этого дифференцировать ответственность.

Концептуальные противоречия видны и в решении вопроса об ответственности за совершение преступлений, посягающих на честь и достоинство человека и гражданина. Так, анализируя итоги 20 лет действия УК РФ, Н.Г. Кадникова пишет, что с 2012 по 2015 г. некоторые изменения «объяснить правилами криминализации и декриминализации, а также криминологической обусловленностью весьма затруднительно»¹. В первоначальной редакции уголовного закона в главе 17 Особенной части УК РФ находились составы клеветы (ст. 129 УК РФ) и оскорбления (ст. 130 УК РФ). В 2011 году они были декриминализированы Федеральным законом от 07 декабря 2011 г. № 420-ФЗ². Более полугода в главе, посвященной охране свободы, чести и достоинства личности, отсутствовали составы преступления, непосредственным объектом которых являлись честь и достоинство личности. Решение о декриминализации клеветы и оскорбления законодатель обосновывал тем, что эти деяния по степени общественной опасности более соответствуют деяниям, предусмотренным КоАП РФ³. В 2012 г. Федеральным законом от 28 июля 2012 г. № 141-ФЗ в уголовный закон были внесены изменения, согласно которым клевета вновь стала уголовно наказуемым деянием. Соответствующая статья была изменена, добавлены квалифицирующие признаки⁴. В обосновании необходимости криминализации клеветы указывалось, что требуется усиление ответственности в части нарушения конституционных прав граждан,

¹ Кадников Н.Г. 20 лет со дня принятия УК РФ 1996 г.: подводим итоги // Вестник экономической безопасности. 2016. С. 127-129.

² Федеральный закон «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 07.12.2011 г. № 420-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

³ Пояснительная записка к законопроекту № 559740-5 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации (в части совершенствования законодательства Российской Федерации)» [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/559740-5>

⁴ Голенко Д.В. Преступления против свободы, чести и достоинства личности. Преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности. Самара, 2019. С. 26.

существующих мер защиты чести и достоинства личности, закрепленных в КоАП РФ недостаточно¹. На такую непоследовательность преобразования Особенной части уголовного закона указывали научные деятели².

Решение законодателя о декриминализации оскорбления также сложно объяснить с учетом концептуальных идей Особенной части УК РФ. Законодатель исключил статью об оскорблении личности (ст. 130 УК РФ), но сохранил статьи о специальных видах оскорбления: неуважение к суду (ст. 297 УК РФ); оскорбление представителя власти (ст. 319 УК РФ). Кроме того, криминализировано новое деяние – оскорбление религиозных чувств верующих (ст. 148 УК РФ).

Декриминализации подверглась и ст. 265 УК РФ, которая предусматривала ответственность за оставление места дорожно-транспортного происшествия, в случае если наступали последствия, предусмотренные ст. 264 УК РФ. Это преступление относилось к категории небольшой тяжести. Санкция статьи содержала альтернативные виды наказаний. Максимальное наказание, которое она предусматривала, -лишение свободы на срок до двух лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет или без такового. Однако в 2022 году оставление места совершения деяния, предусмотренного ч. 2, 4 и 6 ст. 264 УК РФ, возвращается в уголовный закон как квалифицирующий признак. При этом категория преступлений, где указан этот квалифицирующий признак следующие: по ч. 2 ст. 264 УК РФ – средней тяжести, ч. 4 ст.264 УК РФ и ч. 6 ст. 264 УК РФ – тяжкое преступление. Максимальное наказание, предусмотренное современным уголовным кодексом, представляет лишение свободы на срок от восьми до пятнадцати лет с лишением права занимать определенную должность или заниматься

¹ Лопашенко Н.А. Проблемы совершенствования российского законодательства// Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2015. № 1. С. 49.

² Кленова Т.В. Трудный путь института уголовной ответственности за посягательства на честь и достоинства личности, или проблемы целеполагания // Юридический Вестник Самарского университета. 2021. Т. 7. № 2. С. 48-56.

определенной деятельностью на срок до трех лет. Такое изменение требует криминологических исследований.

Введение алкогольного опьянения в качестве квалифицирующего признака в ст. 264 УК РФ также требует серьезного научного обоснования и согласования с положениями Общей части УК РФ.

При обозначении этого комплекса проблем важным является подчеркнуть, что преступление не порождается законом, и деяние общественно опасно не в связи с оценкой его как такового в законодательстве или в акте правоприменения, а является таковым по причине фактических обстоятельств дела¹, с чем согласились 80,7 % опрошенных специалистов в области уголовного права (Приложение 3). Не может одно и то же деяние без изменения социально-экономических, политических и иных значимых общественных трансформаций в декабре 2011 г. утратить признаки преступления, а в июле 2012 г. их вновь обрести. Значимым является исследование, проведенное И.Я. Козаченко и Д.Н. Сергеевым по вопросам современной криминализации деяний. Эти ученые-юристы «на примере богатой российской практики криминализации последних двадцати лет» выявили и обосновали наличие четырех ее архетипов (прецедент, аналогия, реакция и кумуляция)². Ученые приходят к обоснованному выводу о необходимости их преодоления для «приближения к реализации рациональной модели» криминализации в российской практике³.

Проблему несогласованности в подходах к наказуемости различных деяний затронем лишь в общих чертах, так как она напрямую связана и с вопросами, обозначенными в первом комплексе проблем в этом параграфе, так и с построением санкций статей, которые будут рассмотрено подробнее в следующей главе. Отметим, что справедливость и соизмеримость санкций является отдельным вопросом исследования. Отмена нижнего предела

¹ Семенова Д.М. Основания и пределы дифференциации уголовной ответственности в условиях множественности преступлений: дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2019. С. 117.

² Козаченко И.Я., Сергеев Д.Н. Новая криминализация: философско-юридический путеводитель по миру преступного и непроступного. Екатеринбург, 2020. С. 212.

³ Там же. С. 212.

санкций ряда статей привела в замешательство не только представителей научного сообщества, но и практиков. Ученые неоднократно озвучивали тревогу относительно отмены нижней границы в санкциях статей, содержащих признаки тяжких преступлений (например, ч. 4 ст. 111 УК РФ).

Введение более строгой санкции за обещание посредничества, чем за получение взятки, также ставит проблему о правильно проведенной пенализации¹, как и обозначенная ранее тенденция, связанная с усилением санкций одной группы преступлений (раздел IX и X УК РФ) без оценки санкций статей других разделов Особенной части УК РФ, что создает противоречия между декларируемыми и реально отражаемыми ценностями.

В доктрине уголовного права давно и успешно разрабатываются правила и принципы криминализации и декриминализации деяний, пенализации и депенализации, необходимости криминологической обоснованности вносимых изменений. Так, А.И. Коробеев доказывает, что криминализация (декриминализация) представляют не только результат, но и процесс, он разделяет все ее основания на три группы: юридико-криминологические; социально-экономические; социально-психологические², которые стоит учитывать при построении Особенной части уголовного закона. Существуют и другие подходы к пониманию принципов и правил криминализации³. От понимания процессов и результатов криминализации (декриминализации) и пенализации (депенализации), применения выработанных в науке правил зависит, насколько обоснованными, обдуманнными, не противоречащими действующему законодательству будут вносимые изменения.

В специальной литературе отмечено, что «кризисные тенденции в праве приобретают системный характер, охватывает все новые моменты и грозят стать серьезной девальвацией данного института, без которого

¹ Иногамова-Хегай Л.В. Концептуальные положения реформирования Уголовного кодекса Российской Федерации // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2014. № 1. С. 84-92.

² Коробеев А.И. Уголовно-правовая политика России: от генезиса до кризиса. М., 2019. С. 58-88.

³ Там же.

цивилизированное общество существовать не может»¹. Именно рассогласования концептуальные характера создают проблемы в содержательной составляющей закон, противоречия с основными принципами уголовного права, потенциальном могут породить ситуацию правовой неопределенности. При реформировании Особенной части уголовного законодательства важным является сохранение первоначальных идей, поскольку они являются несущими конструкциями всего здания – уголовного закона. Пересмотр этих идей путем фрагментарных изменений одной из частей закона недопустим. Такие реформы должны проводиться комплексно и системно.

Таким образом, можно сформулировать следующие выводы.

1. За период действия уголовного закона в связи с вносимыми в Особенную часть изменениями и дополнениями возникли внутриотраслевые и межотраслевые рассогласования, которые нередко создают противоречия концептуального характера.

2. Первый комплекс проблем связан с рассогласованием между провозглашенными ценностями и их отражением в содержании уголовного закона, его Особенной части УК РФ. Другая группа внутриотраслевых противоречий связана с возникновением несогласованности при решении специальных уголовно-правовых вопросов и отражении этих решений в уголовном законе. Это связано с выбором подхода к ключевым институтам и системным вопросам уголовного права: институту соучастия, множественности преступлений, оконченному преступлению и т.д. Именно из-за проблем, возникающих на втором уровне, чаще всего происходит рассогласование в уголовном законе между его Общей и Особенной частями. Внутриотраслевые противоречия возникают при отсутствии последовательного подхода к тому, что определяется в государстве в качестве преступного и уголовно наказуемого деяния, а что исключается из Особенной части УК РФ.

¹ Власенко Н.А. О кризисных тенденциях в праве // Юридическая техника. Ежегодник. Демократизация правосудия: доктрина, практика, техника. 2014. № 8. С. 40.

3. Решением комплекса проблем, связанных с внутриотраслевым рассогласованием, является необходимость определиться на весь период действия уголовного закона с подходами к источникам, в которых содержатся статьи о преступлениях и наказаниях, множественности преступлений, соучастию и по другим основным вопросам. Изменение подхода к решению этих вопросов допустимо только при одновременном реформировании Общей и Особенной частей уголовного закона. В идеальной ситуации в период действия уголовного закона не должен изменяться подход к решению вопросов концептуального характера. Думается, что будущее в полной кодификации уголовного законодательства, в том числе, включении в Особенную часть российского уголовного закона всех преступлений мирного и военного времени, реализации акцессорной теории соучастия со стремлением к полному исключению из Особенной части статей, предусматривающей ответственности соучастников, трансформированных в исполнителей.

§ 2. Юридико-технические дефекты строения глав и статей Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации

Оценка перспектив Особенной части современного российского уголовного закона, составление прогнозов ее дальнейшего развития и преобразования трудно осуществимы без анализа существующих проблем техники ее построения.

Предпосылками для возникновения юридико-технических дефектов является изменение подхода к внесению поправок в Особенную часть УК РФ. С 1 января 1997 года по 1 января 2024 года в уголовный закон внесены изменения и дополнения более 300 федеральными законами, 53% из которых приняты за последние десять лет (с 1 января 2014 по 1 января 2024 года).

Если обратиться к анализу изменений Особенной части УК РФ, то за первые 5 лет действия УК РФ (1 января 1997 года – 31 декабря 2001 года) она

была преобразована 16 федеральными законами. Для сравнения темпов происходящих изменений отметим, что в 2022 году было принято 15 федеральных законов, 12 из которых вносят изменения в Особенную часть УК РФ (то есть в 6 раз больше, чем в 1998 году, и почти в 2 раза больше, чем в 1999 году), за предыдущий 2023 год в этот же структурный компонент закона поправки внесены 13 федеральными законами.

За 27 лет действия УК РФ стал иным не только характер изменений и дополнений, но и порядок их внесения. Так, федеральным законом от 25 июня 1998 г. № 92 изменено 16 статей, находящихся в различных разделах и главах Особенной части УК РФ. В этот период происходили преимущественно процессы уточнения и доработки первоначальной редакции закона¹. Например, иначе была изложена статья 111 УК РФ. В ней изменился порядок перечисления признаков состава преступления в диспозиции статьи, которые и ранее там содержались. В статьях 249, 251, 283, 348 УК РФ после слов «повлекло», «повлекшие» добавлялось указание «по неосторожности». Таким образом, поправки преимущественно устраняли допущенные при создании уголовного закона недочеты. В 1998 году законодателем предпочтение отдавалось подготовке и принятию одного федерального закона, касающегося различных аспектов реформирования всего уголовного кодекса. Однако уже в 1999 году подход изменился. Преобразование Особенной части УК РФ стали осуществляться не одним общим законом, а одновременно путем принятия нескольких федеральных законов, касающихся различных групп преступлений (например, два федеральных закона от 9 февраля 1999 г. и три федеральных закона от 9 июля 1999 г. внесли изменения в УК РФ). Всего же за 1999 год Особенная часть УК РФ была дополнена и изменена 7 федеральными законами, и таким же количеством законов в 2001 году. Этот подход сохранился и до настоящего времени. Преобразования в Особенную

¹ См. Кругликов Л.Л. Об обеспечении системности при изменении Уголовного кодекса Российской Федерации// Пять лет действия УК РФ: итоги и перспективы. Материалы 11 Международной научно-практической конференции, состоявшейся на юридическом факультете МГУ им. М.В. Ломоносова 30-31 мая 2002 г. М., 2003. С. 33-34.

часть УК РФ, как правило, вносятся одновременно несколькими федеральными законами, которые касаются различных, а иногда и смежных, вопросов реформирования. Например, только 1 июля 2021 года в УК РФ поправки внесены восьмью федеральными законами (федеральные законы от 1 июля 2021 г. №№ 241-ФЗ, 248-ФЗ, 258-ФЗ, 259-ФЗ, 262-ФЗ, 281-ФЗ, 292-ФЗ, 293-ФЗ). Все 8 законов касаются Особенной части УК РФ. Многочисленность различных преобразований, осуществленных отдельными законами создает предпосылки для возникновения противоречий внутри существующего уголовного кодекса. В научной литературе предложено вносить изменения в уголовный закон два раза в год¹, запрет на внесение изменений в течение 10 лет². Приемлемым видится вариант внесения изменений и дополнений в УК РФ преимущественно одним федеральным законом, со стремлением проводить такие реформы не чаще одного раза в год, поскольку при подготовке законопроекта происходит сопоставление структуры, системы, содержания действующего УК РФ и предлагаемых новелл, их согласование как с текстом действующего закона, так и между собой, что увеличивает вероятность выявления противоречий, повторов, недостатков в технике построения статей, глав и разделов на более ранних этапах. Кроме того, в пояснительной записке к законопроекту необходимо подтверждение криминологической обоснованности изменений закона, которое является результатом проведённого научного исследования. Переход на такой вариант внесения поправок в уголовный закон может способствовать замедлению стремительно происходящих процессов внутреннего рассогласования действующего уголовного закона, а также повышению обоснованности вносимых изменений.

¹ Голик Ю.В. Уголовное право нуждается в переменях // Эффективность уголовно-правового, криминологического и уголовно-исполнительного противодействия преступности: материалы XII Российского конгресса уголовного права, состоявшегося 28-29 мая 2020 г. М., 2020. С. 40.

² Гаухман Л.Д. Проблемы УК РФ: бланкетность, декларативность, казуистичность // Уголовное право в XXI веке: материалы Международной научной конференции на юридическом факультете МГУ им. М.В. Ломоносова 31 мая-1 июня 2001 г. М., 2002. С. 54.

Весь комплекс проблем условно можно разделить на системно-структурные проблемы; проблемы техники построения статей (диспозиций, санкций, примечаний); проблемы языка.

Актуальной проблемой структурирования является отсутствие упорядоченности внутри глав Особенной части УК РФ в связи со значительным увеличением их объема. С 1 января 1997 года по 1 января 2024 года в Особенной части УК РФ сохранилось число, название, нумерация разделов и глав, последовательность их расположения (6 разделов и 19 глав). Однако в этот же период с ней произошли и существенные изменения: увеличилось число статей, произошло некоторое преобразование техники их построения (диспозиций, санкций и примечаний). Если на 1 января 1997 года Особенная часть УК РФ включала 256 статей, то на 1 января 2024 года при сохранении количества разделов и глав, число статей выросло до 398 статей, т.е. на 55 % от первоначального объема¹. Во все разделы Особенной части уголовного закона добавлены новые статьи. Единственная глава, число статей в которой не изменилось на 1 января 2024 года, это глава 18 УК РФ.

В Особенной части УК РФ нет ни одной главы, в которой уменьшилось бы число статей, но есть главы, объем, которых увеличился практически в два раза. Так, в главе 22 УК РФ по состоянию на 1 января 1997 года было 32 статьи, на 1 января 2024 года стало 61 статья; в главе 23 УК РФ было 4, а стало 9 статей; в главе 25 УК РФ было 18, стало 36 статей; в главе 29 УК РФ было 10, стало 27 статей; в главе 30 УК РФ было 9, стало 19 статей (см. Приложение 2). Однако рост числа статей вовсе не свидетельствует об изменении практики применения уголовного закона. Часть статей не применяется на практике, о чем свидетельствуют данные официально опубликованной судебной статистики². Так, проведенный к 25-летию УК РФ анализ новелл в Особенной

¹ При подсчете учтена статья 217.3 УК РФ, которая введена в УК РФ в 2023 году, но вступает в силу 1 июля 2024 года.

² См.: Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2009-2023 гг. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cdep.ru> (дата обращения 29 января 2024 г.)

части показал, что примерно $\frac{1}{4}$ новых статей не нашли себе применения на практике¹.

Решением проблемы, возникающей в связи с добавлением в Особенную часть УК РФ значительного числа новых статей, является, необходимость реструктуризации увеличившихся в объеме макрокомпонентов Особенной части уголовного закона. Если глава становится достаточно объемной, как, например, глава 22 УК РФ, которая в настоящее время включает более 60 статей, целесообразно обсуждать вопрос об «разукрупнении» таких глав и введении дополнительного уровня объединения статей – параграфов. При росте количества статей внутри глав неминуемо создаются их группы, которые и так логически обособлены, но не объединены с точки зрения законодательной техники, например, преступления террористической направленности в главе 24 УК РФ.

Вполне обоснованное сохранение на протяжении 27 лет структуры макрокомпонентов Особенной части УК РФ (разделов и глав) позволило в определенном смысле удержать каркас закона, создать впечатление о его определенной стабильности при динамическом изменении статей. Однако, как показала практика, двухуровневое объединение статей внутри Особенной части УК РФ не создало резерва для произошедших за 27 лет преобразований. Изначальное включение в Особенную часть уголовного закона еще одного уровня – параграфов, позволило бы систематизировать и упорядочить произошедшие изменения. Такое построение может способствовать систематизации законодательного материала, удобству применения положений закона, их системному толкованию. Например, объединение сейчас статей о преступлениях террористической направленности в один параграф свидетельствовало бы о том, что законодатель включает в эту группу, а, следовательно, отсутствовало бы необходимость уточнения этого понятия судебной властью в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от

¹ Голенко Д. В. О тенденциях развития Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации // Юридический вестник Самарского университета. 2021. Т. 7. № 4. С. 27–28.

9 февраля 2012 г. № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности»¹. Заметим, что такая законодательная практика структурирования известна современной России. Гражданский кодекс Российской Федерации изначально в качестве структурных компонентов включает не только части, разделы, главы и статьи, но и подразделы, параграфы. Например, в § 2 главы 4 подраздела 2 раздела I части первой ГК РФ. При этом, разделы, главы, статьи имеют сквозную, сплошную нумерацию во всем Гражданском кодексе РФ, в отличие от параграфов. Такое построение позволяет быстро находить необходимые статьи закона, а также демонстрирует логическую связь между ними.

Обозначим юридико-технически дефекты в построении статей Особенной части уголовного закон.

За период действия уголовного закона появились новые подходы к технике структурирования статей Особенной части УК РФ. Так, максимальное число частей в статье Особенной части УК РФ по состоянию на 1 января 1997 года было 5 в статье 228 УК РФ. Такое построение статьи было скорее исключением из общего правила. Большинство же статей включали 2-3 части, реже 4 или совсем не были разделены на части и состояли из диспозиции и санкции. В Особенной части УК РФ по состоянию на 1 января 2024 года статьи, состоящие из 4 частей, уже не являются редкостью, а статья, включающая 5 частей, не являются единичными. Так, в главе 18 УК РФ по состоянию на 1 января 2024 г. из всех пяти статей главы три состоят из пяти частей, одна – из трех и одна из шести. Для сравнения, в Особенной части УК РФ по состоянию на 1 января 1997 года из этих же пяти статей только две были разделены на части и включали их по три, а остальные три статьи главы и вовсе не были разделены на части.

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.02.2012 г. № 1 (ред. от 03.11.2016) «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» // СПС «КонсультантПлюс».

В Особенной части УК РФ за 27 лет появились и технические новшества. Так, встречаются статьи, включающие 7 частей (например, ст. ст. 159, 171.1, 195, 222 УК РФ) и даже 8 частей (например, ст. ст. 200.7, 204 УК РФ). При этом число частей в имеющейся статье не всегда возрастает в результате ее дополнения новыми частями. В некоторых случаях в Особенную часть УК РФ сразу включается статья с количеством частей более 4-5 (например, новая ст. 260.1 УК РФ состояла из 6 частей в момент ее включения). Такое увеличение структурных компонентов внутри статьи продемонстрировало новый подход не только к количеству структурных частей статьи Особенной части УК РФ, но и критериям их выделения. Если раньше, в диспозиции части первой статьи были описаны признаки основного состава преступления, в части второй – квалифицированного, а в частях 3-4 – особо квалифицированных и через такое построение статьи отражалась дифференциация уголовной ответственности. В настоящее время появились два новых варианта использования частей статьи. Во-первых, как и ранее для отражения дифференциации ответственности, но с вынесением одного из всех квалифицирующих признаков в отдельную часть, и созданием затем для этого квалифицированного состава особо квалифицированных видов. Так, например, произошло со ст. 159 УК РФ. В диспозиции части 1 ст. 159 УК РФ содержатся признаки основного состава мошенничества, а в ч. 2-4 этой же статьи – признаки квалифицированных и особо квалифицированных составов преступлений. Вместе с тем, в ч. 5 ст. 159 УК РФ описаны признаки специального вида мошенничества, который, исходя из санкции этой части статьи и в сопоставлении ее с санкцией части 1 и 2 ст. 159 УК РФ, является квалифицированным видом основного состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 159 УК РФ, поскольку санкция в части 2 и части 5 одинаковые. Однако в ссылочных диспозициях частей 6-7 ст. 159 УК РФ, направляющих только к ч. 5 ст. 159 УК РФ, располагаются признаки особо квалифицированных составов, при том что санкции этих частей одинаковые по видам и размерам наказаний с санкциями частей 4-5 ст. 159 УК РФ. Интересным является и то, что в качестве квалифицирующего и

особо квалифицирующего признака дважды в частях статьи назван крупный ущерб (ч. 4 и ч. 6 ст. 159 УК РФ) и особо крупный ущерб (ч. 5 и ч. 7 ст. 159 УК РФ), однако, размер ущерба для ч.4 и ч. 6 определен в примечаниях к ст. 158 УК РФ, а для ч. 5 и ч. 7 ст. 159 УК РФ - в примечаниях к ст. 159 УК РФ. Такое сложное построение одной статьи, с повторением каждой санкции по два раза в различных частях одной и той же статьи (санкции частей 1,2,3 повторяются в такой же последовательности в частях 4,5,6 ст. 159 УК РФ), не является оправданным ни с точки зрения законодательной техники, ни логики построения закона. Как представляется, одним из вариантов решения этой проблемы является объединение содержания части 2, 3, 4, с частями 4,5,6 с использованием пунктов. В таком случае объем статьи сократиться в два раза, но не изменится смысл ее положений.

Вторая проблема, возникшая в связи с применением нового подхода к структурированию статей, состоит в том, что теперь в одной статье в разных частях могут находиться несколько близких составов преступлений (чаще всего по объекту), квалифицирующие и особо квалифицирующие признаки некоторых из них. Раньше также встречались статьи, где в разных частях располагались самостоятельные составы преступлений (например, ст. 108 УК РФ). Однако, не было случаев, когда для каждого из самостоятельных основных составов преступлений в статье в различных частях располагались свои квалифицированные и особо квалифицированные виды составов преступлений. Так, в действующем УК РФ есть статьи, где в частях 1-3 отражены признаки основного, квалифицированного и особо квалифицированных составов преступлений, а в 4-6 уже содержится другой основной состав преступления и его квалифицированные и особо квалифицированные виды. По сути то, что при использовании прежнего подхода располагалось бы в различных статьях Особенной части УК РФ, сейчас объединено в одной. Такое построение имеют, например, статьи 200.5 и 200.7 УК РФ. В ч. 1 ст. 200.5 УК РФ расположены признаки основного состава преступления, в части 2 и 3 – признаки квалифицированных и особо

квалифицированных составов преступлений, но в части 4 ст. 200.5 УК РФ описаны признаки другого основного состав преступления, а в части 5 и 6 этой же статьи его квалифицированные и особо квалифицированные виды. Получается в одной новой статье будто бы объединены две статьи (если бы их строили по правилам, используемым при построении Особенной части УК РФ по состоянию на 1 января 1997 года, где в статье было по три части).

Еще один пример, это ст. 195 УК РФ, которая состоит из 7 частей, при этом в ч.1-1.1 описаны признаки основного и квалифицированного составов преступлений, в ч. 2 этой же статьи содержатся признаки другого основного состава преступления, в ч. 2.1 – его квалифицированный вид, в ч. 3 – третий самостоятельный основной состав преступления, а в ч. 4 его квалифицированный вид, в ч. 5 – особо квалифицированный вид для всех составов, описанных в статье. Возникает вопрос о целесообразности расположения составов в одной статье ради одного общего особо квалифицирующего признака, расположенного в ч. 5 ст. 195 УК РФ, который представляет собой не какой-либо специфический, характерный только для этих составов преступлений признак, а признак, который достаточно часто используется в качестве квалифицирующего и указывается в самостоятельных статьях УК РФ.

В Особенной части УК РФ по состоянию на 1 января 1997 года такое построение статей не встречалось. Таким образом, возникает еще одна проблема – размещение смежных составов преступлений в статьях Особенной части УК РФ. Если раньше законодатель стремился описать их в самостоятельных статьях, то в настоящее время, встречаются случаи – в одной. Логичнее было бы полное возвращение к первому варианту, поскольку нововведения усложняют применение закона, а также создают ложное представление о том, что если действия лица были квалифицированы по ч. 4, то значит он совершил более тяжкое преступление, чем предусмотрено ч. 1 этой же статьи, но фактически это может быть самостоятельный основной состав преступления, а санкция ч. 4 мягче, чем ч. 1 или ч. 2, 3 той же самой

статьи. Целесообразно, части 4, 5, 6 ст. 200.5 УК РФ преобразовать в самостоятельную статью со ссылочной диспозицией.

Аналогичное построение имеет статья 200.7 УК РФ, которая также технически может быть разделена на две статьи. Такое же решение применимо и к другим статьям, построенным по такому варианту. В данном случае объем Особенной части УК РФ не уменьшается, но логичность ее возрастает.

Статья Особенной части уголовного закона не должна включать более четырех частей, каждая из частей нумеруется арабскими цифрами от 1 и до 4. Новые статьи целесообразно включать в уголовный закон с дополнительным значком «1, 2», который ставится после порядкового номера предшествующей статьи через точку. Новая статья располагается после статьи, с которой она логически связана или в конце структурного компонента (раздела, главы, отделения (параграфа)). Ю.Е. Пудовочкин прав, указывая, что «в любом случае важно понять, что каждая часть статьи содержит относительно самостоятельное нормативное предписание, которое в принципе может получить статус самостоятельной статьи (можно вспомнить, к примеру, что основной и квалифицированные составы убийства, а равно составы убийства в состоянии сильного душевного волнения и убийства при превышении пределов необходимой обороны в УК РСФСР 1960 г. предусматривались в различных статьях закона, а сейчас — в различных статьях соответствующих статей). Выбор технического оформления нормативного предписания (статья или ее часть) во многом зависит от воли законодателя, хотя и подчинен определенным правилам законодательной техники»¹.

Дифференциацию (усиление) уголовной ответственности за преступления одного вида необходимо отражать в рамках одной статьи (часть первая статьи — основной состав преступления; часть вторая — квалифицированный состав преступлений; часть третья и четвертая — особо

¹ Пудовочкин Ю.Е. Учение об уголовном законе. М., 2014. С. 69.

квалифицированный состав преступления). Диспозицию, содержащую признаки привилегированного состава преступления, необходимо размещать в отдельной (самостоятельной) статье Особенной части уголовного закона, следующей после статьи, в диспозиции которой описан основной состав преступления.

Следующая проблема строения статей связана с использованием законодателем пунктов в Особенной части УК РФ. Они используются законодателем, по-прежнему, не так широко, как это возможно. Также отсутствует единообразие в их применении.

В Особенной части УК РФ по состоянию на 1 января 1997 года пункты наличествовали преимущественно в частях 2-3 статей для обозначения альтернативных квалифицирующих и особо квалифицирующих признаков. Встречались единичные случаи, когда законодатель использовал пункты в части 1 статьи Особенной части в целях описания альтернативных признаков основного состава преступления (например, ст. 256 и 258 УК РФ).

По состоянию на 1 января 2024 года в Особенной части УК РФ соответствующий подход к применению пунктов преимущественно сохранился. Обычно они встречаются в частях 2-6, где речь идет об альтернативных квалифицирующих и особо квалифицирующих признаках (к примеру, ч. 3 ст. 110.1, ч. 2-6 ст. 264 УК РФ). В современном уголовном законе сохраняются и единичные случаи использования пунктов в части 1 статьи (например, ст. 213, 256 и 258 УК РФ). Однако, думается, что пункты могли бы использоваться законодателем чаще как в частях 1 статьи, так и в других частях, если речь идет об альтернативных признаках состава, в том числе, и при разделении содержания некоторых имеющихся уже в законе пунктов на несколько самостоятельных, когда в законе описывается альтернатива (например, ч. 5 ст. 110.1, ч. 2 ст. 247 УК РФ). Стоит заметить, что в некоторых статьях это уже используется (ч. 2 ст. 231, ч. 2 ст. 285.1, ч. 2 ст. 285.2, ч. 2 ст. 285.4 по два пункта).

Отсутствие единообразия в применении пунктов статей подтверждается и тем, что сохраняются статьи, где в одних альтернативных случаях признаки указаны в части статьи через запятую без использования пунктов, а в других – с помощью пунктов. Как представляется, удачным было бы применение пунктов в ч. 3 ст. 234.1 и ч. 5 ст. 110.1 УК РФ. Такое строение упорядочило бы законодательный материал и внесло определенную ясность в его понимание и применение. Рекомендуется, если законодатель хочет назвать более двух альтернативных признаков состава преступления, которые он рассматривает равнозначными по степени общественной опасности, целесообразно использовать пункты. Однако если в диспозиции названы альтернативные признаки двух элементов состава преступления (например, объективной стороны и субъективной стороны), то пункты рекомендуется использовать применительно к перечислению тех признаков, которых по числу больше. Перечисление признаков в диспозиции статьи без структуризации их (распределению по пунктам) создают громоздкую статью, которую сложно воспринимать и понимать.

Как известно, в Особенной части УК РФ диспозиции размещаются в первом абзаце статьи или части статьи, а санкции – во втором абзаце. Такой порядок расположения диспозиций и санкций в статьях Особенной части, когда санкции следуют за диспозициями, совершенно обоснован.

Дискуссионным остается вопрос о критериях использования простых диспозиций статей. Они уменьшают объем законодательного материала. Однако кажущаяся понятной и устоявшейся использованная законодателем терминология на практике оказывается не столь ясной.

Так, за время действия УК РФ в ст. 126 УК РФ сохраняется простая диспозиция статьи, хотя в научной литературе указывалось неоднократно на

отсутствие единообразия в ее понимании¹ и необходимости уточнения². Решение этого вопроса остается значимым, так на ст. 126 и 127 УК РФ приходится более 90 % от общего числа осужденных по статьям главы 17 УК РФ³. При этом в научной литературе подчеркивается, что статистика судимостей не в полной мере отражает «подлинные показатели преступников и жертв по этим статья»⁴, а высокий уровень оправдательных приговоров по ст. 126 УК РФ косвенно подтверждает сложности в понимании и установлении признаков состава преступления⁵.

Конституционный Суд Российской Федерации в своих решениях неоднократно отмечал, что «толкование термина «похищение человека» в правоприменительной практике, не содержит неопределенности, в результате которой лицо было бы лишено возможности осознавать противоправность своего деяния и предвидеть наступление ответственности за его совершение и которая препятствовала бы единообразному пониманию и применению этой нормы правоприменительными органами»⁶.

¹ См.: Наумов А.В. Постатейный комментарий к Уголовному кодексу РФ 1996 года. М., 1998. С.245; Иногамова-Хегай Л.В. Уголовное право Российской Федерации: в 2 т. Т.2: Особенная часть. М., 2002. С. 65; Лебедев В. М. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. М., 2005. С. 347; Чучаев А.И. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (научно-практический). М., 2019. С. 528; Авдеева Е.В. Уголовно-правовая охрана свободы личности в Российской Федерации. Иркутск, 2015; Тарасенко Г.В. К вопросу об уголовной ответственности за незаконное лишение свободы и похищение человека // Общество и право. 2014. № 3 (49). С. 107 – 109; Кауфман М.А. Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о похищении человека, незаконном лишении свободы и торговле людьми»: обзор правовых позиций // Уголовное право. 2020. № 5. С. 70-77.

² Клименко А.В. Уголовно-правовая характеристика похищения: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. С. 5 ; Петров П.К. Уголовно-правовые и криминологические аспекты похищения человека: дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2010. С. 7; Воронин В.Н. Уголовная ответственность за похищение человека // Вестник Омской юридической академии. 2017. № 3. С. 68-72.

³ Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2009-2023 гг. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cdep.ru> (дата обращения 29 января 2024 г.).

⁴ Кленова Т.В. Об эффекте резонанса новых судебных позиций о преступлениях против свободы личности. Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы XVIII Международной научно-практической конференции. М., 2021С. 146-147.

⁵ Скрипченко Н.Ю. Уголовная ответственность за похищение человека, незаконное лишение свободы и торговлю людьми: законодательное регулирование и практика применения // Российская юстиция. 2020. № 11. С. 22.

⁶ См., например; Определения Конституционного Суда РФ от 28 ноября 2019 г. № 3244-О Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Колеватова Ильи Сергеевича на нарушение его Конституционных прав статьей 126 Уголовного кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ksrf.ru/> (дата обращения 23 октября 2023 г.); Определение Конституционного Суда РФ от 23.07.2020 г. № 1919-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Самсонова Виталия Ивановича на нарушение его конституционных прав положениями ряда норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, статей 72 и 126 Уголовного кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ksrf.ru/> (дата обращения 23 октября 2023 г.).

Однако современная судебная практика свидетельствует об обратном. По конкретному делу Верховный Суд РФ озвучил позицию, согласно которой одним из признаков объективной стороны похищения человека является изъятие и перемещение потерпевшего с целью последующего удержания в другом месте¹. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ в определении от 13 октября 2005 г. № 64-о050-13 указала, что похищение человека признается оконченным «с момента захвата лица и лишения его возможности передвигаться», далее уточняя, что похищение человека является формальным составом и «с момента захвата лица и начала его удержания считается оконченным»². По еще одному делу высшей судебной инстанцией установлено, что похищение человека включает в себя противоправные умышленные действия, связанные с изъятием и перемещением человека с целью его последующего удержания³. В судебной практике обозначен и такой подход: действия лица не могут квалифицироваться в качестве соисполнителя похищения человека, если он не принимал участия в захвате, перемещении или удержании человека⁴, то есть в этом случае получается, что удержание входит в объективную сторону состава похищения человека.

Таким образом, с одной стороны, удержание включается в качестве обязательного признака объективной стороны, с другой стороны – удержание обозначается как цель совершаемых действий, само же деяние включает в себя захват и перемещение.

Е.В. Иванова пишет о существовании трех подходов в судебной практике относительно содержания объективной стороны состава похищения человека: захвата, перемещения, удержания потерпевшего (постановление Президиума Верховного Суда РФ от 17 мая 2000 года № 207п2000); захват

¹ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2001. №10. С. 18.

² Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 13 октября 2005 г. № 64-о050-13 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2006. № 11. С.28-29.

³ Апелляционное определение Верховного Суда Российской Федерации от 3 апреля 2014 года по делу № 78-АПУ14-14сп. // СПС «Консультант Плюс».

⁴ Постановление президиума Московского городского суда от 13 декабря 2017 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. № 3. С. 16-17

лица и лишения его возможности передвижения (определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 13 октября 2005 года № 64-о05-13); захват и перемещение (кассационное определение судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 15 июня 2011 года № 66-О11-53)¹.

Исходя из обозначенных судебных позиций, в одних случаях похищение человека считается оконченным с момента начала перемещения, в других - когда лицо было перемещено и началось удержание. Последующее удержание лица не требует дополнительной квалификации как незаконное лишение свободы. И в первом и во втором случае для квалификации не имеет значения длительность удержания похищенного, что подтверждено судебной практикой². Однако в зависимости от того считать или нет удержание обязательным компонентом действия объективной стороны, будет зависеть, когда деяние следует признавать оконченным преступлением. В то же время, если удержание рассматривать составным компонентом субъективной стороны похищения, то совершение захвата и перемещения с целью, например, последующего убийства лица квалифицируются по ст. 105 УК РФ³, конечно, если умысел на лишение жизни возник до, а не после похищения. В последнем случае Верховный Суд РФ рекомендует квалифицировать действия лиц по совокупности преступлений⁴. Здесь же заметим, что отсутствие цели перемещения и последующего удержания послужили основанием изменения квалификации преступления, когда суд указал: одним из признаков субъективной стороны похищения человека является цель удержания в другом месте⁵.

¹ Иванова Е.В. Новый подход Пленума Верховного Суда Российской Федерации к пониманию состава ст. 126 УК РФ (похищение человека). Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы XVIII Международной научно-практической конференции. М., 2021. С. 156-161.

² Бюллетень Верховного Суда РФ. 1999. № 2. С.11-12

³ См.: Бюллетень Верховного Суда РФ. 2003. № 9. С. 21; Бюллетень Верховного Суда РФ. 2001. № 10. С. 18.

⁴ Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 5 марта 2020 г. № 33-АПУ20-1СП // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2021. № 1. С. 5.

⁵ Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 27 ноября 2018 года № 45-УД18-15 // СПС «Консультант Плюс».

Столь разные подходы к пониманию содержания простой диспозиции статьи закономерно породили сомнения в правовой определенности закона. Пленумом Верховного Суда РФ принято постановление от 24 декабря 2019 г. № 58¹, где впервые даны разъяснения по вопросам ответственности за совершение преступлений, предусмотренных главой 17 УК РФ². В пункте 2 этого источника раскрывается содержание признаков объективной стороны похищения. Однако в этом же пункте содержатся два взаимоисключающих положения. С одной стороны, Верховный Суд РФ включает удержание в объективную сторону похищения человека, с другой стороны указывает, что преступление признается оконченным с момента захвата и начала его перемещения. Как справедливо отмечает Т.В. Кленова, «в соответствии с судебной позицией, преступление, понимаемое в виде триединства действий, следует признавать оконченным, даже если выполнение объективной стороны похищения человека не было завершено и не установлена полная реализация умысла виновного»³. Таким образом, Верховный Суд РФ не разрешил существующие в доктрине и на практике споры. Однако судебная практика уже складывается исходя из обозначенных в постановлении разъяснений⁴.

Для исключения ситуаций, когда аналогичные действия одни суды рассматривают как оконченное преступление, а другие как покушение на преступление, целесообразно вместо простой диспозиции в ст. 126 УК РФ использовать описательную, в которой указать на такие признаки объективной стороны как захват и перемещение, а также в диспозиции указать цель совершения преступления - удержание.

Конституционный Суд Российской Федерации отмечал, что «уголовная ответственность может считаться законно установленной..., если

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24. 12. 2019 г. № 58 «О судебной практике по делам о похищении человека, незаконном лишении свободы и торговле людьми» // СПС «КонсультантПлюс».

² Волков К.В. Похищение человека и новое разъяснение Пленума Верховного Суда РФ // Российский судья. 2020. № 3. С. 54-58.

³ Кленова Т.В. Об эффекте резонанса новых судебных позиций о преступлениях против свободы личности». Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы XVIII Международной научно-практической конференции. М., 2021. С. 146-151.

⁴ Апелляционное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда РФ от 12 марта 2020 года по делу 223-АП/20-1 // СПС «КонсультантПлюс».

составообразующие признаки, наличие которых в совершенном деянии, будучи основанием уголовной ответственности, позволяет отграничить его от иных противоправных, а тем более законных действий, точно определены в уголовном законе, непротиворечиво вписывающимися в общую систему правового регулирования»¹. Таким образом, подчеркивается критерий ясности как свойство уголовной статьи. Как справедливо отмечает А.В. Наумов, простота таких диспозиций обманчива². Приведенный пример свидетельствует о том, что применение законодателем простой диспозиции статьи в Особенной части уголовного кодекса делает закон лаконичным, уменьшает его объем, однако, создает предпосылки для его расширительного толкования, которое может в итоге перерасти в доконструирование состава преступления судебной властью, что недопустимо. Кроме того, это может создать ситуацию правовой неопределенности, когда аналогичные действия различными судами квалифицируются неодинаково (в одних случаях как оконченное преступление, а в других – как неоконченное).

Описательные диспозиции известны современному закону (ст. 159.1, 159.2, 159.5, 159.6 УК РФ и др.). Простые диспозиции статей вполне могут применяться, если единство понимания подтверждается сложившейся правоприменительной практикой, что должно быть подтверждено в момент разработки Особенной части уголовного закона. Преимуществом использования описательных диспозиций является то, что признаки состава преступления определяются законодателем, а не судебной властью. Однако недостатком является порой не обоснованное увеличение объема Особенной части УК РФ без необходимости, то есть в тех случаях, когда содержания понятия и так ясно правоприменителю, является устоявшимся.

Однако наблюдаются некоторые трансформации в их построении. Например, раскрытие признаков состава преступления ни в диспозиции, а в

¹ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 27 мая 2008 г. № 8-П «По делу о проверке конституционности положения части первой статьи 188 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки М.А.Асламазян» // СПС «КонсультантПлюс».

² Наумов А.В. Российское уголовное право. Общая часть: курс лекций. М., 2004. С. 114.

примечании к ней. Так, в ч. 2 ст. 173.2 УК РФ предусмотрена ответственность за приобретение документов, удостоверяющих личность. По сути диспозиция не является описательной, но содержание деяния раскрывается в примечании к статье. Как раз перемещение его в диспозицию не уменьшило бы объем Особенной части УК РФ, но привело бы к более логичному построению закона, когда признаки состава преступления раскрыты в описательной диспозиции. Не вступая сейчас в дискуссии относительно необходимости раскрытия содержания именно этого понятия, повторим, что признаки состава преступления должны быть описаны в диспозиции статьи¹, а не в примечаниях к ней.

Ссылочные диспозиции широко используются законодателем в частях статей Особенной части УК РФ, отсылая к ч. 1 той же статьи. Однако есть и статьи, в которых отсылка используется в ч. 1, например, ст. 112 УК РФ, которая направляет к ст. 111 УК РФ. Проблема техники построения ссылочных диспозиций в настоящее время состоит в том, что они не всегда применяются там, где логически должны быть. Например, удачнее было бы использовать ссылочную диспозицию в ч. 2-3 ст. 290 УК РФ, в ч. 2-3 ст. 291 УК РФ, в ч. 2 ст. 330.3 УК РФ с ссылкой на ч. 1 каждой из этих статей, а не повторять содержание диспозиции части 1 статьи в каждой последующей части. Это позволило бы сократить объем законодательного материала, не исказив смысла и содержания статьи. Также, логичнее было бы ст. 200.7 УК РФ разделить на две статьи. Во второй из них также использовать ссылочную диспозицию.

Еще одна проблема состоит в отсутствии единообразия в обозначении ссылки на другие статьи в тексте закона. В одних случаях (ч. 1 ст. 280 УК РФ) законодатель указывает на ссылку в диспозиции статьи с применением скобок («при отсутствии признаков, преступлений, предусмотренных статьями ...»). В других случаях (ст. 171.4 УК РФ) ссылка обозначается без скобок: «за

¹ Иванчин А.В. Законодательная техника и ее роль в российском уголовном правотворчестве: монография. М., 2011. С. 170.

исключением случаев, предусмотренных статьей...» (ст. 171.4 УК РФ). При этом, в одних статьях законодатель указывает на исключение случаев, предусмотренных другой статьей, а в других - на признаки преступления. Обоснованной является указание на признаки преступления. Думается, что проблема состоит не только в отсутствии единообразного построения статей, но и в более точном конструировании составов преступлений, таком их описании в диспозиции статей, которое бы исключало необходимость перечисления в диспозиции статьи номеров тех статей, с которыми она очень схожа по признакам состава преступления. Например, в Особенной части УК РФ по состоянию на 1 января 1997 года в ст. 112 и 116 УК РФ было указано «не повлекшее последствий, указанных в статье ...», то есть назывался конкретный признак состава преступления, который не совпадал, и не было необходимости повторять его, а сейчас в статью включается указание на другую статью, без конкретизации того, какие же признаки должны отсутствовать.

Например, правовая неопределенность возникла у судов при применении п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ и ст. 159.3 УК РФ. В п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ указано, что содеянное образует совершенную с банковского счета, равно в отношении электронных денежных средств, кражу «при отсутствии признаков преступления, предусмотренного статьей 159.3 настоящего Кодекса». Между тем, какие конкретно признаки должны отсутствовать законодатель не указал. Железнодорожный районный суд города Рязани обратился в Конституционный Суд РФ с просьбой проверить, соответствуют ли положения пункта «г» части третьей статьи 158 и статьи 159.3 УК РФ Конституции РФ «в той мере, в какой они с учетом сложившейся правоприменительной практики позволяют одни и те же действия – совершение покупок с оплатой товаров (услуг) в безналичной форме чужой банковской картой – квалифицировать как по пункту «г» части третьей статьи

158 указанного Кодекса, так и по его статье 159.3»¹. Интересным является то, что в п. 5.2 этого определения указано, что п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ и ч. 1 ст. 159.3 УК РФ «в системе действующего правового регулирования на момент принятия запроса суда к рассмотрению действительно не позволяли надлежащим образом разграничивать содержащиеся в них составы преступлений»² применительно к перечисленным случаям. Однако по мнению Конституционного Суда РФ Верховный Суд РФ устранил существовавшую в правоприменительной практике неопределенность³. Думается, что приведенный пример подтверждает, что законодатель четко должен формулировать признаки состава преступления, а в случае со смежными составами преступлений – указывать конкретные признаки, которые должны отсутствовать. В диспозиции статьи Особенной части уголовного закона должны быть полно и точно описаны признаки, которые отличают этот состав преступления от других составов преступлений, находящихся в уголовном законе. М.Д. Шаргородский писал: «каждая статья должна быть изложена так, чтобы состав, который ею предусматривается, был четко отграничен от составов, предусмотренных другим и статьями»⁴.

Такие неточности не может устранить судебная власть. В случаи со ст. 158 и ст. 159.3 УК РФ правовая неопределенность должна быть устранена путем изменения статей Особенной части УК РФ.

Строение диспозиций статей Особенной части напрямую связано с конструированием составов преступлений. Я. М. Брайнин отмечал, что «форма и содержание диспозиции определяются предусматриваемым ею составом преступления, а не наоборот. Задача диспозиции заключается в том, чтобы наилучшим образом выразить содержание состава преступления»⁵.

¹ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 09.07.2021 г. № 1374-О «О прекращении производства по делу о проверке конституционности пункта «г» части третьей статьи 158 и статьи 159.3 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Железнодорожного районного суда города Рязани // СПС «КонсультантПлюс».

² Там же.

³ Там же.

⁴ Шаргородский М.Д. Уголовный закон. М., 1948. С. 101-105.

⁵ Брайнин Я. М. Уголовный закон и его применение. М., 1967. С. 55.

При построении Особенной части УК РФ наблюдаются сбои в конструировании составов преступлений, которые прослеживаются через отражение признаков основного, квалифицированного и особо квалифицированных составов преступлений, а также места их расположения в статье. Одна из проблем заключается в отражении необходимых и достаточных признаков любого из элементов состава преступления в диспозиции статьи Особенной части УК РФ. Например, когда не указан возраст субъекта преступления (ст.ст.150, 151 УК РФ), форма вины (ст. 246 УК РФ), признаки, наличие (отсутствие) которых позволяет отграничить от смежных составов преступлений (ст. 283.1 УК РФ) и др.

Другая проблема состоит в отсутствии научного обоснования выбора конструктивных, квалифицирующих и особо квалифицирующих признаков при конструировании состава преступления, а затем их указания в законе при включении новых или изменении имеющихся статей Особенной части. Наблюдается непоследовательность и в выборе места расположения одних и тех же признаков в различных статьях Особенной части. Без надлежащего обоснования они располагаются то в одной части статьи (п. а ч. 2 ст. 230 УК РФ, п. а ч. 2 ст. 231 УК РФ), то в различных частях статей (п. а ч. 3 ст. 226 и п. а ч. 4 ст. 226, п. а ч. 3 ст. 228.1 и п. а ч. 4 ст. 228.1 УК РФ), т.е. в одних случаях ответственность законодателем дифференцирована, а в других - нет. Указанные проблемы построения диспозиций статей Особенной части УК РФ напрямую связаны с частичным игнорированием представленных в науке методик конструирования состава преступления¹ и правил дифференциации уголовной ответственности², что сказывается на качестве Особенной части уголовного закона, поскольку невозможно построить качественный и эффективный закон без учета этих знаний. Относительно совершенствования техники построения квалифицированных и особо квалифицированных

¹ Иванчин А.В. Конструирование составов преступлений. Теория и практика. М., 2023. С. 78.

² См.: Кругликов Л.Л. Средства дифференциации ответственности в Уголовном кодексе 1960 и 1996 годов // Юридическая техника. 2011. № 5. С. 273-280; Лесниевски-Костарева Т.А. Дифференциация уголовной ответственности. Теория и законодательная практика. М., 1998. С. 56; Рогова Е.В. Учение о дифференциации уголовной ответственности: автореф. дис.... д-ра юрид. наук. М., 2014. С. 35.

составов преступлений в науке существует несколько предложений. Одни ученые видят будущее в перемещении всех квалифицирующих признаков в Общую часть уголовного закона¹, другие – в размещении их в самостоятельной статье в главе Особенной части уголовного закона и установление «степени влияния этих признаков»², третьи – в «вынесении» общих для большинства составов преступлений квалифицирующих признаков в Общую часть с установлением для них специальных правил назначения наказания и размещением в отдельной статье Особенной части уголовного закона квалифицирующих признаков общих для некоторой группы преступлений, при том, что в диспозициях статей должна быть включена отсылка к группе квалифицирующих признаков, а в санкции – повышенный размер наказания³. В каждом из этих подходов есть свои преимущества. Так, объединение квалифицирующих признаков в одну статью может в определенной степени оптимизировать объем законодательного материала. Однако наиболее оптимальным видится в сохранении расположения в рамках одной статьи основного, квалифицированного и особо квалифицированного составов обеспечивая строгую дифференциацию уголовной ответственности.

Дефекты построения диспозиций статей Особенной части УК РФ связана с отражением признаков сложных составов преступлений⁴, где в одной диспозиции статьи перечислено несколько альтернативных признаков различных элементов состава преступления. Не всегда признаки, названные в диспозиции статьи Особенной части УК РФ в качестве альтернативных, сопоставимы по характеру и степени отражаемой общественной опасности деяний. Так, в одной диспозиции статьи могут находиться признаки состава преступления, как пишет А.В. Иванчин, «с существенно повышенным

¹ См.: Малинин В.Б. Уголовному законодательству требуется не модернизация, а кодификация // Проблемы кодификации уголовного закона: история, современность, будущее (посвящается 200-летию проекта Уголовного уложения 1813 года): материалы VIII Российского конгресса уголовного права (30-31 мая 2013 г.) / отв. ред. В.С. Комиссаров. М., 2013. С. 138-143.

² См.: Лесниевски-Костарева Т.А. Дифференциация уголовной ответственности: теория и законодательная практика. М., 1998. С. 174- 175.

³ Асланян Р.Г. Особенная часть российского уголовного права: проблемы теоретического строения и системные параметры: монография / под ред. докт. юрид. наук, проф. В.П. Коняхина. М., 2023. С. 386-387.

⁴ См.: Голенко Д.В. Конструирование составов преступлений по моменту окончания. М., 2023. С. 41-50.

«зарядом» опасности (например, сбыт оружия в ч. 1 ст. 222 УК; изготовление и переработку в ч. 1 ст. 228 УК)»¹, которые следовало бы размещать в самостоятельных частях статьи с отличными друг от друга санкциями. Сложные составы преступлений должны использоваться, если перечисленные признаки образуют одинаковые по общественной опасности деяния. Союз «и» должен предполагать при квалификации наличие двух обязательных признаков, указанных в статье Особенной части уголовного закона, «или» и «либо» одного из названных. Описанные в диспозиции статьи альтернативные признаки состава преступления располагаются путем перечня. Если альтернативных признака два, то они перечисляются с использованием союза «или». Если альтернативных признака три и более, то следует рассмотреть обозначения каждого из них буквой русского алфавита и расположить в пункте части статьи. Рекомендуется в диспозиции статьи альтернативные признаки располагаются в определенной последовательности: признаки, характеризующие объект преступления; признаки, характеризующие объективную сторону преступления; признаки, характеризующие субъективную сторону преступления; признаки, характеризующие субъекта преступления.

Кроме того, актуальной остается проблема использования в Особенной части УК РФ конструкций составов с учтённой совокупностью преступлений². Также с построением Особенной части УК РФ связана проблема, когда в статье описан состав преступления, который включает в себя признаки, которые есть в другой статье Особенной части УК РФ в качестве самостоятельного состава преступления. Например, в ч. 2 ст. 217.2 УК РФ названы в качестве квалифицирующих признаков «повлекшее по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью или смерть человека». Эти признаки (причинение тяжкого вреда здоровью и причинение смерти по

¹ Иванчин А.В. Концептуальные основы конструирования состава преступления: автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2015. С. 15.

² См.: Семенова Д.М. К вопросу о дифференциации уголовной ответственности за повторные преступления // Юридический вестник Самарского университета. 2018. Т. 4. № 2. С. 139.

неосторожности) представлены в Особенной части УК РФ как самостоятельные составы преступлений, признаки которых описаны в диспозициях ст. 109 и 118 УК РФ. Однако в ч. 2 ст. 217.2 УК РФ эти последствия рассматриваются как примерно равные, близкие по характеру и степени общественной опасности, ответственность не дифференцирована. Логичнее было бы и в этом случае законодателю дифференцировать ответственность в зависимости от наступивших последствий, тем более, что в санкции ч. 2 ст. 217.2 УК РФ установлен только верхний предел наказания в виде лишения свободы, а нижний предел не указан, следовательно, суд может назначить наказание от 2 месяцев лишения свободы согласно ч. 2 ст. 56 УК РФ).

Такие примеры в Особенной части УК РФ не являются единичными. При построении диспозиций статей Особенной части УК РФ следует учитывать, что нельзя оптимизировать объем уголовного закона за счет механического объединения различных положений в одну статью, для использования таких конструкций требуется надлежащее обоснование.

Кроме того, при построении Особенной части УК РФ возникают вопросы о том, действительно ли речь идет о квалифицирующем признаке и его необходимо включать в диспозицию статьи. Так, в п. б ч. 2 ст. 205 УК РФ ранее в качестве последствия было указано причинение смерти по неосторожности, а в п. «б» ч. 3 ст. 205 УК РФ - умышленное причинение смерти человеку». Если последствие в виде причинения смерти по неосторожности встречалось и в других статьях УК РФ, то практики включения в качестве особо квалифицирующего признака состава умышленного причинения смерти человеку стала новой. Возникли сложности с тем, как понимать такое законодательное решение и применять закон: квалифицировать действия лиц только по соответствующему пункту статьи 205 УК РФ или по совокупности преступлений (ст. 105 УК РФ и ст. 205 УК РФ). В 2023 г. п. «б» ч. 2 ст. 205 был исключен, а п. «б» ч. 3 ст. 205 УК РФ изложен в новой редакции: «повлекшее причинение смерти другому

человеку», то есть произошло исключение из закона указания на форму вины при причинении указанных последствий. Однако такое «уточнение» закона вовсе не решило проблемы понимания диспозиции этой статьи, с учетом того, что обычно в статьях Особенной части УК РФ применительно к причинению смерти форма вины все же указывается. В п. 9 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 09 февраля 2012 г. № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности»¹ сохраняется прежнее разъяснение, согласно которому «в случае, если террористический акт повлек умышленное причинение смерти человеку (либо двум и более лицам), содеянное охватывается пунктом «б» ч. 3 ст. 205 УК РФ и дополнительной квалификации по ст. 105 УК РФ не требует»². Однако после изменения закона, вероятно, требуется уточнение позиции Верховного Суда РФ по этому вопросу. Более того, новая редакция п. «б» ч. 3 ст. 281 УК РФ (в ред. федерального закона от 28.04.2023 № 157-ФЗ) также содержит признак «причинение смерти человеку» без указания формы вины.

Противоположная ситуация наблюдается в ч. 4 ст. 206 УК РФ, где сохраняется указание на «умышленное причинение смерти человеку». Указание законодателем в одних случаях формы вины (ч. 3 и ч. 4 ст. 206 УК РФ), а в других – нет (п. б ч. 3 ст. 205 УК РФ, п. б ч. 3 ст. 281 УК РФ) создает сложности в понимании закона и предпосылки для противоречий в практике его применения. В отношении такого последствия как смерть человека форма вины всегда должна быть указана в законе.

Кроме того, Верховный Суд РФ не всегда единообразно толкует применение положений диспозиций статей, в которых по сути «объединены» два состава преступления в один самостоятельный состав. В п. 7 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.01.1999 № 1 (ред. от

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.02.2012 г. № 1 (ред. от 03.11.2016) «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» // СПС «КонсультантПлюс».

² Там же.

03.03.2015) «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» указано, что при квалификации действий виновного по п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ по признаку сопряженности убийства с похищением человека либо захватом заложника содеянное должно квалифицироваться по совокупности с преступлениями, предусмотренными ст. 126 или ст. 206 УК РФ»¹, то есть в одних случаях суд понимает положения статей Особенной части УК РФ как учтенную законодателем совокупность преступлений (п. «б» ч. 3 ст. 205 УК РФ), а в других случаях – нет (п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ). Несмотря на наличие в ч. 1 ст. 17 УК РФ указания на то, что отсутствует совокупность преступлений, в случаях, когда «совершение двух или более преступлений предусмотрено статьями Особенной части». Практика демонстрирует сложности в понимании и отсутствие единообразия в применении таких конструкций. В таком случае возникает вопрос о том, верно ли отражены признаки составов преступлений в диспозициях статей Особенной части УК РФ. Думается, что и здесь нужно стремиться к единообразному подходу, поскольку его отсутствие нарушает принципы уголовного закона. Различное понимания уголовного закона приводит к тому, что в одних случаях лицо привлекается к ответственности за совершение одного преступления (например, п. «б» ч. 3 ст. 205 УК РФ), а в других – двух преступлений (например, п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ). Вряд ли возможно отказаться от таких диспозиций статей, где в качестве последствия указано причинение смерти по неосторожности и т.д. Однако при построении санкции статьи, где присутствует такая диспозиция необходимо, чтобы она (санкция) была строже, чем в статьях, где описаны признаки каждого из «объединенных» составов преступлений и сопоставима по видам и размерам наказания с теми, которые бы могли быть назначены в случае квалификации действий лиц по совокупности преступлений, «отражать совокупную общественную опасность

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.01.1999 г. N 1 (ред. от 03.03.2015) «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» // СПС «КонсультантПлюс».

нескольких деяний»¹. В случае же если признак является конструктивным признаком основного состава преступления (например, ч. 1 ст. 268 УК РФ предусматривает обязательное наличие последствий в виде причинения по неосторожности тяжкого вреда здоровью), то санкция должна быть строже, чем санкция статьи об ответственности за причинение тяжкого вреда по неосторожности (ст. 118 УК РФ). Р.Г. Асланян указывает, что «преступления, совершенные с применением насилия вполне могут быть оценены по правилам совокупности преступлений»². Думается, что ревизии требуют все статьи, которые «объединяют» признаки нескольких составов. Например, в случае со ст. 205 УК РФ целесообразным было бы исключение признака «причинение смерти человеку», а в случае наличия таких последствий квалифицировать действия лица по совокупности со ст. 105 УК РФ, которая позволяет назначить максимально возможные виды и размеры наказания.

При конструировании составов преступлений законодатель стал использовать иные конструкции составов преступлений, чем материальные и формальные, с перемещением момента окончания на более ранние этапы развития преступной деятельности, что увеличивает репрессивность уголовного закона, но не всегда имеет научное обоснование. При этом выбор не формальных и не материальных конструкций составов преступлений наблюдается в отношении одних групп преступлений (например, описанных в главах 24 и 29 УК РФ), без соотношения с тем, какие конструкции составов преступлений преимущественно используются в других главах УК РФ. В результате, когда соотносятся санкции статей из различных глав Особенной части УК РФ по строгости, не всегда учитывается, что в одном случае в диспозиции статьи описаны признаки материального состава преступления (ч. 1 ст. 105 УК РФ), а в другом при такой же или более строгой санкции в

¹ Семенова Д.М. Основы дифференциации уголовной ответственности в условиях множественности преступлений // Государство и право: вопросы методологии, истории, теории и практики функционирования. Самара : Изд-во Самар. ун-та, 2022. С. 420.

² Асланян Р.Г. Особенная часть российского уголовного права: проблемы теоретического строения и системные параметры: монография / под ред. докт. юрид. наук, проф. В.П. Коняхина. М., 2023. С. 386.

диспозиции статьи описаны признаки, например, формального или усеченного состава преступления (например, ч. 1 ст. 205 УК РФ). При выборе конструкций оконченного преступления законодатель должен руководствоваться следующими правилами.

Выбор конструкции состава преступления законодателем должен происходить с учетом разработанных в науке методик и правил конструирования. Так, вид конструкции состава преступления зависит от непосредственного объекта преступления. Например, если речь идет об охране жизни, здоровья, собственности как основных объектов преступного посягательства, то выбирается, как правило, материальный состав преступления. Близкая позиция высказывалась Н. Д. Дурмановым. Он считал, что конструирование материальных составов базируется на объективном моменте – причинении определенного вреда непосредственному объекту¹. Второй фактор, который влияет на выбор материального состава преступления – наличие общественно опасных последствий и реальная возможность их установления. Как справедливо отмечено в специальной литературе, «в преступлениях, которые связаны с причинением ущерба физического или материального характера, сам факт и размер ущерба обычно могут быть сравнительно легко зафиксированы и определены конкретными признаками, а подчас и точно измерены»². Преступления, которые совершаются по неосторожности, должны быть сконструированы, как правило, по типу материальных и лишь в отдельных случаях как составы реальной опасности. В действующем уголовном законе большинство составов с неосторожной формой вины касаются нарушения специальных правил безопасности. По мнению П. С. Дагеля, «в основе криминализации неосторожных технических преступлений должно лежать общественно опасное деяние – нарушение правил безопасности. Однако необходимым условием криминализации этих

¹ Дурманов Н. Д. Стадии совершения преступления по советскому уголовному праву. М., 1955. С. 36.

² Советское уголовное право. Общая часть / под ред. Г. А. Кригера, Б. А. Куринова, Ю. М. Ткачевского. М., 1981. С. 160.

нарушений следует признать причинение существенного вреда жизни и здоровью людей, собственности, работе предприятий, учреждений или транспорта, морально-психологическому состоянию населения (например, возбуждение паники) и т. д.»¹.

В качестве условий, оказывающих определенное воздействие на выбор формальных составов преступлений, можно назвать следующие: нематериальный характер общественно опасных последствий; невозможность фиксации законодательной и судебной практикой общественно опасных последствий, а также проблемы их процессуальной доказуемости. По мнению многих исследователей, уголовный закон, устанавливающий ответственность за определенный вид деяний, может быть практически функционален и достаточно эффективен лишь в том случае, если все предусмотренные нормой признаки состава преступления, как правило, нормально доказуемы².

Н. Д. Дурманов писал, когда результат не может быть точно установлен, законодатель «мудро включает в состав преступления только те обстоятельства деяния (главным образом конкретное действие или бездействие), которые могут быть точно установлены»³. Близкой точки зрения придерживался А.А. Тер-Акопов. Он писал, что общественно опасное деяние, сопровождающееся вредом, имеющим различное выражение, должно конструироваться по типу формального состава⁴. В современной доктрине уголовного права сторонником данного подхода выступает А. В. Наумов. Он полагает, что «законодатель прибегает к конструкции формальных преступлений ввиду невозможности конкретного определения характера общественно опасных последствий преступного деяния или значительной трудности такого определения»⁵. А также условие - значительная

¹ Основания уголовно-правового запрета. Криминализация и декриминализация / отв. ред. В.Н. Кудрявцев, А.М. Яковлев. М., 1982. С. 276.

² Там же. С. 232.

³ Дурманов Н. Д. Стадии совершения преступления по советскому уголовному праву. М., 1955. С. 39.

⁴ См.: Тер-Акопов А. А. Преступление и проблемы нефизической причинности в уголовном праве. М.: Юркнига, 2003. С. 63.

⁵ Ермакова О.В. Момент окончания преступлений против собственности: закон, теория, практика. дис. ... канд. юрид. наук. Барнаул, 2011. С. 41.

отдаленность общественно опасных последствий по времени от совершения противоправного действия (бездействия). После выполнения виновным лицом необходимого действия последствия наступают не сразу.

Применение конструкций составов реальной опасности должно основываться на понимании многих процессов и явлений, которые не лежат на поверхности. В их числе - современное состояние различных сфер общества, как экологии, здравоохранения, производства, уровень развития биологии, химии, физики и других наук. Составы реальной опасности должны применяться в случаях создания реальной опасности наступления тяжких последствий, поскольку в данном случае момент окончания перемещается на более ранний этап развития преступной деятельности, что, в свою очередь, несколько усиливает репрессивное воздействие уголовного права.

Усеченные составы преступлений выбираются для предотвращения наступления как общественно опасных последствий, так и совершения действий, непосредственно направленных на причинение вреда правоохраняемому объекту. Н. Н. Баймакова, которая также указывает, что законодатель прибегает к использованию данного вида состава преступления, когда «преследует саму возможность причинения вреда объекту, так как само действие (бездействие) настолько общественно опасно, и уже оно причиняет вред соответствующим охраняемым отношениям»¹.

Также усеченные и смежные с ними составы преступлений используются для усиления противодействия приговорительным действиям, обладающим повышенной общественной опасностью. Этот фактор указывается в специальной литературе чаще всего как основной. Так, еще М. Д. Шаргородский писал по этому вопросу, что «введением усеченных составов преступления подчеркивается необходимость усиления борьбы с тем или иным видом преступления»². М. В. Феоктистов указывает, что «в некоторых случаях общественная опасность содеянного столь высока, что совершение

¹ Баймакова Н. Н. Момент окончания преступления: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. С. 14.

² Цит. по Дурманов Н. Д. Стадии совершения преступления по советскому уголовному праву. М., 1955. С. 49.

самого деяния является достаточным для применения к виновному всего спектра уголовно-правовых средств независимо от того, удалось ли ему добиться намеченного или же нет. С такими ситуациями мы сталкиваемся при разбое (ст. 162 УК РФ)»¹. П. Головенков пишет, что одной из причин закрепления приговорительных действий в качестве самостоятельных составов преступлений является отсутствие «действенной (не уголовно-правовой) альтернативы в предупреждении тяжких государственно-опасных насильственных деяний и пресечения их приготовления; в силу особой опасности, связанной уже с приготовлением подобных деяний, законодатель исходит из необходимости как можно более ранней уголовно-правовой интервенции»².

Многообразие конструкций составов преступлений, в которых момент окончания перемещен на более ранние этапы развития преступной деятельности (усеченные составы, составы деликтов соучастников, составы двойной превенции, составы преступной прикосновенности), позволяет законодателю реализовать превентивный потенциал уголовного права, предотвратить возможность наступления преступного результата. Однако законодатель, используя подобного рода конструкции, не должен забывать о балансе между интересами государства и правами и свободами человека и гражданина. При сопоставлении санкций статей необходимо учитывать какую конструкцию состава преступления законодатель использует в диспозиции статьи.

Нельзя не коснуться дефектов языка Особенной части УК РФ. Прежде всего, недостатки видятся как в необоснованной краткости диспозиций статей, так и в их неоправданной объемности. Так, диспозиция ч. 1 ст. 126 УК РФ состоит из двух слов, в диспозиция ч. 1 ст. 144.1 УК РФ включает 249 слов.

¹ Феоктистов М.В. Законодательная конструкция состава преступления и ее значение для теории и практики // Уголовное право: стратегии развития в XXI веке: материалы Третьей Международной научно-практической конференции 26-27 января 2006 г. М., 2006. С. 60.

² Головенков П. Легитимация и границы наказуемости приготовления тяжкого государственно опасного деяния в положениях Уголовного уложения Германии // Уголовное право: стратегии развития в XXI веке: материалы Восьмой Международной науч.-практ. конференции (27-28 января 2011 г.). М., 2011. С. 590-591.

Еще один пример – краткость диспозиции ст. 264.2 УК РФ, где законодатель не называет признаки состава преступления словами, а делает отсылку к статьям КоАП РФ. Простота изложения закона не должна наносить вред его полноте и точности¹. Как отмечает О.В. Ермакова «полнота описания состава в диспозиции статьи Особенной части уголовного закона также представляет сложную проблему, так как, с одной стороны, необходимо полное, всестороннее отражение признаков состава, с другой стороны, перегрузка диспозиции ведет к чрезмерному расширению границ закона, к размыванию сути изложенных в нем положений»². Однако в любом случае признаки состава преступления должны быть названы в диспозиции статьи словами, даже при бланкетной диспозиции, исключение может быть только для ссылочной диспозиции.

Пример объемной диспозиции можно найти в статье 185.5 УК РФ. Как показывает практика, названные статьи не являются ясными для правоприменителя.

Существует проблема повторов текста без какой-либо рациональной необходимости. Так, законодатель дважды полностью повторяет диспозицию ч. 1 ст. 157 УК РФ в примечании 1 к этой же статье. В диспозиции ч. 2 ст. 170.1 УК РФ указано: «внесение в реестр владельцев ценных бумаг, в систему депозитарного учета заведомо недостоверных сведений путем неправомерного доступа к реестру владельцев ценных бумаг, к системе депозитарного учета». В результате такое строение диспозиции статьи с повторами не вносит ясности, но увеличивает объем Особенной части УК РФ. Прямо противоположный пример – краткость диспозиции ст. 264.2 УК РФ, где законодатель не называет признаки состава преступления словами, а делает отсылки к статьям КоАП РФ. Простота изложения закона не должна наносить вред его полноте и точности³. Как отмечает О.В. Ермакова «полнота описания

¹ Керимов Д.А. Законодательная техника: научно-методическое и учебное пособие. М., 2021. С. 63.

² Ермакова О.В. Концептуальные основы отражение общественно опасного деяния и механизма его совершения в нормах Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации: дис. ... д-ра юрид. наук. Барнаул, 2023. С. 189.

³ Керимов Д.А. Законодательная техника: научно-методическое и учебное пособие. М., 2021. С. 63.

состава в диспозиции статьи Особенной части уголовного закона также представляет сложную проблему, так как, с одной стороны, необходимо полное, всестороннее отражение признаков состава, с другой стороны, перегрузка диспозиции ведет к чрезмерному расширению границ закона, к размыванию сути изложенных в нем положений»¹. Однако в любом случае признаки состава преступления должны быть названы в диспозиции статьи словами, даже при бланкетной диспозиции, исключение может быть только для ссылочной диспозиции. Законодателю рекомендуется стремиться к использованию в диспозиции статьи преимущественно 7-8 слов, большее число допустимо, если имеет место перечисление альтернативных признаков состава преступления с буквенным обозначением каждого из них.

Еще один недостаток языка Особенной части - использование устоявшихся языковых конструкций (слов) для обозначения иного по смыслу элемента состава преступления. Традиционно, если в диспозиции статьи Особенной части УК РФ указывается «в целях», то речь идет о цели преступления, в иных случаях, например, используется предлог «для». Например, в ст. 207.3 УК РФ сочетание «в целях» применено не для описания признаков субъективной стороны преступления.

Также следует критически отнестись к применению при построении диспозиций статей Особенной части таких оборотов, которые не несут какого-либо самостоятельного смысла и не уточняют смысла всей статьи. К примеру, в ст. 158.1 УК РФ указано - воспрепятствование «в какой бы то ни было форме». Такой оборот не уточняет содержания термина «воспрепятствование», более того он не определяет и не уточняет способа совершения преступления. Признаки состава преступления должны быть четко и ясно обозначены законодателем. К языковым правилам также относят

¹ Ермакова О.В. Концептуальные основы отражение общественно опасного деяния и механизма его совершения в нормах Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации: дис. ... д-ра юрид. наук. Барнаул, 2023. С. 189.

требование о точности и ясности уголовного языка¹. Этот оборот является лишним в диспозиции статьи.

Нельзя не сказать об использовании в Особенной части уголовного закона специальных терминов. Последними, как писал Д.А. Керимов «следует пользоваться с максимальной осторожностью, убедившись в том, что они адекватно отражают соответствующее понятия, и в достаточной степени устоявшиеся»². С учетом сказанного следует осмыслить необходимость и целесообразность использования в уголовном законе таких терминов как «молчаливое согласие» (ст. 302 УК РФ), «искусственное создание доказательств обвинения» в смысле, ином, чем используется в УПК РФ (п. в ч. 2 ст. 207.3 УК РФ), «с применением садистских методов» (п. в ч. 2 ст. 245 УК РФ) и др. Трудности в понимании содержания этих признаков могут приводить к тому, что либо они не учитываются при квалификации деяний, либо наоборот учитываются только они. Например, П.А. Филиппов отмечает: «суды фактически презюмируют: если виновные осознают, что причиняют животным особых мучений и страданий, то, следовательно, применял садистские методы <...> Такое толкование садистских методов ведет к его отождествлению с особой жестокостью, потери его квалифицирующего (отягчающего) значения, что нельзя признать допустимым»³.

Сложность в понимании языка Особенной части заключается также в использовании законодателем различных терминов для обозначения одного и того же понятия, либо использование одного термина для обозначения различных понятий⁴. В первом случае речь идет, например, о ситуациях, когда законодатель использует такие близкие термины как фальсификация (ст. 172.1 УК РФ), подделка документов (ст. 327 УК РФ), искажение сведений (170 УК РФ) для обозначения близких по своему содержанию действий. Законодатель должен стремиться к унификации терминов, а не их многообразию, поскольку

¹ Иванчин А.В. Законодательная техника и ее роль в российском уголовном правотворчестве. М., 2011. С. 157.

² Керимов Д.А. Законодательная техника: научно-методическое и учебное пособие. М., 2021. С. 63.

³ Филиппов П.А. Жестокое обращение с животными: практика применения ст. 245 Уголовного кодекса РФ // Юридическая наука. 2019. № 12. С. 94.

⁴ См.: Иванчин А.В. Конструирование преступления. Теория и практика. М., 2020. С. 76.

синонимия порождает различное понимание уголовного закона. Во втором случае речь идет, например, о ситуации, когда законодатель использует один термин для обозначения различного.

Во втором случае речь идет об уголовно-правовой омонимии, когда законодатель использует один термин для обозначения различных понятий. Например, такая ситуация сложилась с термином «неоднократность» и производными от него. Например, такая ситуация сложилась с использованием термином «неоднократность» и производными от него в такого рода статьях. В ст. 180 УК РФ законодатель не раскрыл содержания того, что понимается под неоднократным совершением деяния. Этого и не требовалось, поскольку значение термина (неоднократность) было понятно – то есть совершение указанного деяния два и более раза. Верховный Суд РФ в одном из постановлений 2007 г. подтвердил это, указав, что неоднократность подразумевает использование средств индивидуализации два и более раза¹. Но позднее законодатель ввел в Особенную часть УК РФ термин «неоднократность» в ином значении. Например, в п. 1 примечаний к ст. 157 УК РФ указано, что неоднократно подразумевает совершение деяния лицом, «подвергнутым административному наказанию за аналогичное деяние, в период, когда оно считается подвергнутым административному наказанию». В Особенной части УК РФ есть и другие примечания, определяющие неоднократность совершения какого-либо действия (бездействия) (например, примечания статей 212.1 215.4, 314.1 УК РФ). В этом случае речь идет уже об иной неоднократности, не той, что подразумевается в ст. 180 УК РФ, а о повторном совершении административного правонарушения, за которое лицо уже было привлечено к административной ответственности (совершении административного правонарушения более двух раз специальным субъектом). Однако и в этом подходе наблюдается непоследовательность. Например, в ст.

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.04.2007 г. № 14 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о нарушении авторских, смежных, изобретательских и патентных прав, а также о незаконном использовании товарного знака» // СПС «КонсультантПлюс».

116.1 УК РФ речь идет также о совершении лицом административного правонарушения два и более раза, но само слово «неоднократность» не употребляется в статье, в отличие от ст. 157 УК РФ. Законодатель должен придерживаться единообразного понимания и использования термина «неоднократность», использовать единые языковые конструкции при построении составов с административной преюдицией. Общие требования к языку Особенной части уголовного закона: простота, единство терминологии, логичность и непротиворечивость, М.Д. Шаргородский писал, что: «формулировки должны быть полными, они не должны оставлять неразрешенными вопросы, которые по смыслу закона должны были им быть охвачены; формулировки должны быть четкими и ясными, они не должны давать повод для различного понимания, а тем более понимания противоречащего воле законодателя ... Следует пользоваться единой терминологией не только в одном законе или кодексе, но и во всем законодательстве в целом»¹. В диспозициях статей Особенной части уголовного закона одно и то же слово должно иметь одинаковый смысл. Если в диспозиции статьи Особенной части уголовного закона термин использован в новом значении, отличном от ранее употребляемого в законе, то в примечании к статье законодатель должен разъяснить этот новый смысл и значение.

Далее остановимся на выборе языковых приемов при создании диспозиций статей Особенной части: казуистический или абстрактный; формальный или оценочный². В последние годы наблюдается тенденция преимущественного использования казуистического приема при построении диспозиций статей Особенной части УК РФ. Как отмечают Т.В. Кленова и О.В. Климанова, «в текущем законотворческом процессе модным стало использовать казуальный тип регулирования в Особенной части УК РФ,

¹ Шаргородский М.Д. Уголовный закон. М., 1948. С. 101-105

² См.: Иванчин А.В. Законодательная техника и ее роль в российском уголовном правотворчестве. М., 2011. С. 147.

дополняя ее выделенными из общей нормы специальными нормами»¹. Однако увеличение таких диспозиций создает проблемы в применении и понимании закона, поскольку появляются сложности в том числе и в отграничении смежных составов преступлений. Особенная часть УК РФ разрастается. Однако это не всегда происходит за счет криминализации новых деяний. Так произошло со специальными видами мошенничества (ст. 159.1 -159.6 УК РФ). Эти деяния и ранее признавались преступными, но использование казуистического приема привело к увеличению законодательного материала без согласования санкций новых статей с санкцией ст. 159 УК РФ, которая построена с использованием абстрактного приема. В результате возникают вопросы о соблюдении принципов уголовного права при построении таких статей.

Также происходит увеличение числа статей, где используются оценочные признаки (например, «значительный размер», «тяжкие последствия» и др.), которые «наполняются» содержанием не законодателем, а правоприменителем, что также ставит вопрос о соблюдении принципов уголовного права. Е.В. Кобзева доказывает, что в уголовном законе неизбежно будут использоваться оценочные признаки². Однако основная задача, которая стоит перед законодателем, - стремление к формально-определенным признакам. Формальный прием состоит в использовании точных терминов, понятий с единственным значением и т.д.³ Таким образом, в вопросах применения абстрактного или казуистического, формального или оценочного приема необходим поиск рационально оптимального их использования, поскольку, как показывает практика, невозможно полностью отказаться от какого-либо из них. Преобладание того или иного приема скорее свидетельствует об изменении уголовной политики.

¹ Кленова Т.В., Климанова О.В. Казуальное регулирование и конкретизация уголовного законодательства: о предпочтениях в законодательном процессе и уголовной политике // Труды Института государства и права РАН. 2022. Том 17. № 4. С. 130.

² См.: Кобзева Е.В. Оценочные признаки в уголовном законе / под ред. Н.А. Лопашенко. Саратов, 2004. С. 101-122.

³ Иванчин А.В. Законодательная техника и ее роль в российском уголовном правотворчестве. М., 2011. С. 156.

За время действия уголовного закона обозначился и ряд проблем построения санкций статей Особенной части УК РФ. Как справедливо указано в современной науке, «в первоначальной редакции действующего УК РФ система санкций была далека от совершенства. Однако последующие изменения только ухудшили существующую ситуацию»¹.

Первая проблема, касающаяся санкций статей Особенной части действующего уголовного закона, связана с тем, что изменилось содержание категорий преступлений в Общей части УК РФ, но не произошел в связи с этим пересмотр всех санкций статей его Особенной части. В ст. 15 УК РФ указано, что преступления подразделяются на категории в зависимости от характера и степени общественной опасности деяния. Критерии, на основании которых выделены категории преступлений, являются форма вины и максимальное наказание в виде лишения свободы, обозначенное в санкции статьи Особенной части УК РФ. Таким образом, через санкцию статьи Особенной части УК РФ и обозначенную в диспозиции форму вины делается вывод о категории преступления. Категория преступления, в свою очередь, отражают характер и степень общественной опасности деяния. Так, в УК РФ по состоянию на 1 января 1997 года умышленные и неосторожные деяния относились к преступлениям небольшой тяжести, если максимальное наказание, предусмотренное соответствующей санкцией статьи Особенной части УК РФ, не превышало 2 лет лишения свободы, к преступлениям средней тяжести – 5 лет, к тяжким преступлениям – 10 лет. К особо тяжким преступлениям в УК РФ по состоянию на 1 января 1997 года относились только умышленные деяния, за совершение которых было установлено наказания в виде лишения свободы на срок свыше 10 лет или более строгое наказание.

¹ Кокунов А.И. Техничко-юридическое конструирование единичных и альтернативных санкций в кодифицированном уголовном законе: постановка проблемы // Юридическая наука и правоприменительная практика. 2016. № 1 (35). С. 81-82.

В УК РФ по состоянию на 1 января 2024 года подход к содержанию категорий изменился. Неосторожные и умышленные деяния относятся к категории преступлений небольшой тяжести, если за их совершение в санкции статьи Особенной части УК РФ предусмотрено максимальное наказание, не превышающее 3 лет лишения свободы, для средней тяжести – 10 лет лишения свободы, для тяжких – 15 лет лишения свободы. К особо тяжким преступлениям относятся только умышленные деяния, если за их совершение установлен срок наказания свыше 15 лет лишения свободы или более строгое наказание.

Такое преобразование содержания категорий преступлений логически должно было повлечь за собой пересмотр всех санкций статей Особенной части УК РФ на предмет того, действительно ли верно отражены характер и степень общественной опасности деяния, а также согласуется ли по-прежнему нахождение в одной категории различных умышленных и неосторожных деяний, если для преступлений небольшой тяжести максимальный размер наказания был повышен на 1 год, то для других категорий – на пять лет. Кроме того, изменение категории преступления, даже если оно произошло не в результате изменения санкции статьи Особенной части УК РФ, а в результате изменения ст. 15 его Общей части, влечет за собой изменение правовых последствий для лица, которые тоже необходимо было учесть. Например, применение оснований освобождения от уголовной ответственности, которые, как правило, распространяются на преступления небольшой и средней тяжести (глава 11 УК РФ), погашение судимости (ст. 86 УК РФ), наказуемости приготовления к преступлению (ч. 2 ст. 30 УК РФ) и др.

Это важно учитывать и при решении задач, стоящих перед уголовным законом. Принципы уголовного права реализуются через отражение ценности охраняемых объекта, что демонстрируется и при построении санкции статьи. Именно четкая и полная дифференциация ответственности за различные по степени и характеру общественной опасности деяния – одна из задач Особенной части как парного структурного компонента закона.

Приведем несколько примеров. Так, в санкции ч. 1 ст. 105 УК РФ по состоянию на 1 января 1997 г., содержался один вид наказания – лишение свободы на срок от 6 до 15 лет. Это преступление согласно ст. 15 УК РФ на 1 января 1997 года относилось к особо тяжким преступлениям. На 1 января 2024 года санкция ч.1 ст. 105 УК РФ предусматривает тот же срок основного наказания в виде лишения свободы. Таким образом, максимальный и минимальный размеры наказания в виде лишения свободы в санкции ч. 1 ст. 105 УК РФ не изменились за 27 лет, но изменилась категория преступления. Согласно ст. 15 УК РФ в действующей редакции, это преступление стало относиться к категории тяжких, а не особо тяжких преступлений. Возникают два закономерных вопроса о том, действительно, ли изменились характер и степень общественной опасности умышленного причинения смерти человеку за четверть века, и нет ли предпосылок для трансформации санкции статьи в целях возвращения этого преступления в категорию особо тяжких.

Изменилась категория и другого преступления против жизни – причинения смерти по неосторожности (ст. 109 УК РФ). По состоянию на 1 января 1997 года согласно санкции ч. 1 ст. 109 УК РФ, за совершение этого преступления предусмотрено наказание в виде ограничения свободы или лишения свободы на срок до 3 лет, а по ч. 2 ст. 109 УК РФ – ограничение свободы или лишения свободы на срок до 5 лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до 3 лет или без такого. И в первой, и во второй части рассматриваемой статьи были описаны признаки преступлений, которые в 1997 году относились к категории средней тяжести. По состоянию на 1 января 2024 года согласно санкции статьи ч. 1 ст. 109 УК РФ, за причинение смерти по неосторожности установлено наказание в виде исправительных работ, ограничения свободы, принудительных работ, лишения свободы на срок до 2 лет. Таким образом, законодатель предусмотрел иную санкцию статьи, уменьшив максимальный размер наказания в виде лишения свободы на 1 год по ч. 1, дополнив эту санкцию новыми менее строгими альтернативными наказаниями.

Преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 109 УК РФ, согласно новому содержанию категорий преступлений и измененной санкции статьи Особенной части УК РФ перешло из средней тяжести в категорию преступлений небольшой тяжести. Квалифицирующие признаки, которые ранее располагались в ч. 2 ст. 109 УК РФ по состоянию на 1 января 1997 года, были разделены законодателем, ответственность дифференцирована. В ч. 2 ст. 109 УК РФ сохранился признак «вследствие ненадлежащего исполнения лицом своих профессиональных обязанностей», но максимальное наказание в виде лишения свободы было снижено с пяти до трех лет, то есть преступление перешло из категории средней тяжести в категорию небольшой тяжести. В новую ч. 3 ст. 109 УК РФ был перемещен признак «причинение смерти по неосторожности двум и более лицам» (ранее он располагался в ч. 2 ст. 109 УК РФ), в санкции же максимальное наказание в виде лишения свободы было снижено с пяти до четырех лет, то есть только это преступление сохранило свою категорию средней тяжести, но предусмотренное за его совершение максимальное наказание также уменьшилось на один год. Возникает вопрос, действительно ли содержание санкции статьи отвечает требованием времени. Кроме того, необходимо учитывать и практику применения статей о преступлениях против личности, так «тенденция к ужесточению уголовной репрессии» законодателем за некоторые преступления против личности не находит реализации в правприменительной практике¹. Так, Т.А. Плаксина, проанализировав практику назначения наказания по статьям о насильственных преступлениях против половой неприкосновенности малолетних указывает, что «Значительна доля лиц, которым назначается более мягкое наказание, чем предусмотрено законом (ст. 64 УК РФ), особенно по ч.

¹ Плаксина Т.А. Уголовно-правовая политика в сфере противодействия насильственным преступлениям против половой неприкосновенности малолетних // Теоретические основы правовой политики в современной России: Материалы I Национальной (Всероссийской) научно-практической конференции. Красноярск, 2023. С. 156.

4 и ч. 5 ст. 132 УК РФ. При назначении наказания в пределах санкции сроки лишения свободы часто локализуются в нижнем сегменте санкции»¹.

Для более полной иллюстрации проблематики приведем другой пример. Так, санкция ч. 1 ст. 126 УК РФ «Похищение человека» по состоянию на 1 января 1997 года предусматривала лишение свободы на срок от 4 до 8 лет. По состоянию на 1 января 2024 года санкция этой же ч.1 ст. 126 УК РФ предусматривает лишение свободы на срок до 5 лет, а также менее строгий альтернативный вид наказания – принудительные работы. Если изначально минимальный и максимальный размер наказания за похищение человека составлял от 4 до 8 лет, то в настоящее время - на срок от 2 месяцев до 5 лет. В первоначальной редакции УК РФ преступление, предусмотренное ч.1 ст. 126 УК РФ, относилось к категории тяжких преступлений, сейчас оно перешло в категорию преступлений средней тяжести, т.е. согласно ч. 2 ст. 30 УК РФ, приготовление к этому преступлению больше не является уголовно-наказуемым. Резонно возникает вопрос: действительно ли изменился характер и степень общественной опасности похищения человека? Попутно заметим, что такое преобразование влечет за собой и иные правовые последствия, которые раньше не допускались бы, если похищение человека, по-прежнему осталось тяжким преступлением. Например, не допустимо было применение положений главы 11 УК РФ об освобождение от уголовной ответственности. Кроме того, в связи с изменением категории преступления происходит сокращение сроков погашения судимости. Если проанализировать судебную статистику, то число лиц, осужденных по всем частям ст. 126 УК РФ (основная квалификация) растет: в 2019 году – 287 осужденных, в 2020 году – 261 человек, в 2021 году – 279 человек, в 2022 году – 333 человека, в 2023 году –

¹ Плаксина Т.А. Уголовно-правовая политика в сфере противодействия насильственным преступлениям против половой неприкосновенности малолетних // Теоретические основы правовой политики в современной России: Материалы I Национальной (Всероссийской) научно-практической конференции. Красноярск, 2023. С. 156.

425 человек¹. Такие показатели создают предпосылки для обсуждения вопроса о том, обоснованной ли является действующая редакция статьи 126 УК РФ.

Другая проблематика построения санкций статей, которая напрямую связана с определением категории преступления, состоит в том, что законодатель не дифференцирует уголовную ответственность в зависимости от формы вины, он вообще не указывает на нее в некоторых диспозициях статей. В итоге правоприменитель сам определяет в каких случаях допускается и умышленная, и неосторожная форма вины, а в каких – нет. Так, в п. 4 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 18 октября 2012 г. № 21 установлено: «исходя из положений части 2 статьи 24 УК РФ, если в диспозиции статьи главы 26 УК РФ форма вины не конкретизирована, то соответствующее экологическое преступление может быть совершено умышленно или по неосторожности»². Рассматривая эту проблему М.А. Простосердов справедливо обращает внимание, что применительно к ст. 122 УК РФ в зависимости от формы вины изменяется категория преступлений в рамках одной диспозиции и санкции статьи³. Предпочтительнее было бы указание на форму вины во всех составах преступлений, а также дифференциация ответственности законодателем в зависимости от формы вины.

Помимо необходимости пересмотра всех санкций статей Особенной части УК РФ с учетом изменившегося подхода к категориям преступлений в Общей части УК РФ, возникает еще одна проблема построения санкций – это соотношение того, какие преступления, описанные в различных главах, теперь относятся к одной категории преступлений. Помимо поправок, внесенных в ст. 15 Общей части УК РФ, параллельно в Особенной части УК РФ точечно изменялись санкции отдельных статей, а также вводились новые статьи. В

¹ Отчет о числе осужденных по всем составам преступлений Уголовного кодекса Российской Федерации и иных лиц, в отношении которых вынесены судебные акты по уголовным делам (№ 10а) за 2019-2023 гг. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://cdep.ru/index.php?id=79&item=2074>

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18.10.2012 г. № 21 (ред. от 15.12.2022) «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования» // СПС «КонсультантПлюс».

³ См.: Простосердов М.А. Теория санкций в уголовном праве России: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2023. С. 32.

результате, общественная опасность деяния, которая оценивается в том числе через сопоставление санкций различных статей утратила системность в отражении ее в законе. Например, убийство матерью новорожденного ребенка (ст. 106 УК РФ) относится к категории средней тяжести (в санкции статьи предусмотрено наказание до 5 лет лишения свободы), как и обещание или предложение посредничества в коммерческом подкупе (ч. 5 ст. 204.1 УК РФ) или неправомерное завладение автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения (ч. 1 ст. 166 УК РФ), а кража с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств независимо от суммы похищенного (п. г ч. 3 ст. 158 УК РФ) относится к категории тяжких преступлениям (до 6 лет лишения свободы), то есть характер и степень общественной опасности такой кражи оценивает законодателем как более высокий, чем убийство матерью новорожденного ребенка, но близкий к простому убийству (ч.1 ст. 105 УК РФ), которое тоже является тяжким преступлением. Проблема соотношения санкций статей по строгости и вытекающими из этого проблемами соотношения категорий отдельных преступлений затронута в определении Конституционного Суда РФ, где указано, «что один и тот же размер похищенного может в соответствии со статьей 15 указанного Кодекса выступать в качестве признака тяжкого преступления (кража по пункту «г» части третьей статьи 158 УК Российской Федерации) или признака преступления небольшой тяжести (мошенничество по части первой статьи 159.3 данного Кодекса). Кроме того, отсутствие критериев этого разграничения (в ситуации, когда размер похищенного одинаков) может влечь для виновного в одном случае уголовную, а в другом – административную ответственность»¹.

Одним из доказательств необоснованного определения категории преступления, признаки которого описаны в п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ является

¹ Определение Конституционного Суда Российской Федерации «О прекращении производства по делу о проверке конституционности пункта «г» части третьей статьи 158 и статьи 159.3 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Железнодорожного районного суда города Рязани // СПС «КонсультантПлюс».

складывающаяся судебная практика. Так, Ф. осуждена за совершение преступления, предусмотренного п. «в» ч. 3 ст. 158 УК РФ (преступление относится к категории тяжких), ей назначено наказание в виде штрафа. Октябрьский районный суд г. Самары посчитал, что на основании ч. 6 ст. 15 УК РФ необходимо изменить категорию преступления с тяжкого на категорию средней тяжести, что позволило суду освободить Ф. от уголовной ответственности¹. Такое решение суда на практике не является уникальным. В другом деле суд признал О. виновным в совершении преступления, предусмотренным п. «в» ч. 3 ст. 158 УК РФ, назначил наказание в виде лишения свободы, но также на основании ч. 6 ст. 15 УК РФ изменил категорию преступления с тяжкого на категорию средней тяжести и освободил О. от уголовной ответственности с учетом положений ст. 76 УК РФ². Такая практика применения уголовного закона встречается как в Самарской области³, так и в других регионах России⁴. Однако одной из задач Особенной части УК РФ является четкое определение категорий преступлений, что реализует принцип законности и справедливости. Определение категорий преступлений во всем законе должно быть обоснованным, тогда не будет необходимости их изменять суду. В настоящее время неточности в построении закона устраняются судами в пределах, определенных в УК РФ. Отсутствие логического обоснования обоснованной пенализации, построению справедливой санкций приводит к тому, что суды на практике пользуются предоставленным им законом правом и изменяют категорию преступлений.

¹ Приговор Октябрьского районного суда г. Самары от 7 июля 2021 г. по делу № 1-224/2021 [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://oktyabrsky.sam.sudrf.ru/> (дата обращения 15 декабря 2023 г.)

² Приговор Октябрьского районного суда г. Самары от 16 сентября 2020 г. по делу № 1-192/2020 [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://oktyabrsky.sam.sudrf.ru/> (дата обращения 15 октября 2023 г.)

³ Приговор Советского районного суда г. Самары от 25 сентября 2023 г. по делу № 1-409/2023 [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://sovetsky.sam.sudrf.ru/> (дата обращения 15 октября 2023 г.); Приговор Центрального районного суда г. Тольятти от 21 сентября 2023 г. по делу № 1-431/2023 [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://centralny.sam.sudrf.ru/> (дата обращения 15 октября 2023 г.)

⁴ Приговор Советского районного суда г. Красноярска от 30 октября 2023 г. по делу № 1-1311/2023 [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://sovet.krk.sudrf.ru/> ((дата обращения 15 декабря 2023 г.); Приговор Коряжемского городского суда Архангельской области от 30 октября 2023 г. по делу № 1-170/2023 [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://koryazhmasud.arh.sudrf.ru/> (дата обращения 15 декабря 2023 г.).

Также подтвердим мысль о том, что точечные изменения санкций статей Особенной части УК РФ вносят рассогласованность внутри уголовного закона. Так, санкция ч. 1 ст. 205 УК РФ по состоянию на 1 января 1997 года предусматривала наказание в виде лишения свободы на срок от 5 до 10 лет, то есть относилось к категории тяжких преступлений, а ч. 1 ст. 105 УК РФ в тот же период предусматривала наказание на срок от 6 до 15 лет, то есть относилось к категории особо тяжких преступлений. Законодатель пересмотрел свой подход к оценке степени и характера общественной опасности преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 205 УК РФ, и повысил минимальный и максимальный размер наказания в виде лишения свободы. Теперь согласно санкции части 1 ст. 205 УК РФ, за совершение такого преступления предусмотрено максимальное наказание в виде лишения свободы на срок от 10 до 20 лет, то есть категория преступления изменилась, оно стало относиться к особо тяжким. Однако, не были пересмотрены санкции статей из других глав, например, той же ч. 1 ст. 105 УК РФ. В результате, как уже было указано выше, санкция в этой статье сохранилась прежней относительно сроков лишения свободы, а за счет изменений Общей части УК РФ преступление стало относиться к категории тяжких. В результате за 27 лет действия УК РФ убийство из категории особо тяжких преступлений перешло в категорию тяжких, а основной состав террористического акта, который не относится к материальным составам преступления, и его момент окончания не связан с наступлением последствий по ч. 1 ст. 205 УК РФ, напротив, перешел из тяжких преступлений в категорию особо тяжких преступлений с параллельным изменением санкции статьи.

В самом начале XX век Н.Ф. Кузнецова писала, что в УК РФ «криминализация тяжких и особо тяжких преступлений произведена достаточно полно... Трудно прогнозировать появление в ближайшие два

десятилетия неизвестных ранее тяжких преступлений»¹. Однако число тяжких и особо тяжких преступлений в Особенной части УК РФ возрастает.

Для сравнения приведем еще один пример. Так, за совершение преступления, предусмотренного ст. 110.2 УК РФ (организация деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства), санкция ч. 1 статьи предусматривает максимальное наказание до 10 лет лишения свободы. Это состав по конструкции не является материальным, то есть его момент окончания не связан с наступлением каких-либо последствий. За убийство же в состоянии аффекта (состав по конструкции материальный) законодатель предусматривает максимальное наказание до 3 лет лишения свободы (ч. 1 ст. 107 УК РФ), а за убийство двух и более лиц, совершенное в состоянии аффекта – до 5 лет лишения свободы (ч. 2 ст. 107 УК РФ). Исходя из санкций статей, характер и степень общественной опасности умышленного причинения смерти другому человеку ниже, чем организация деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства, которая признается оконченным преступлением до наступления каких-либо последствий, поскольку наступление последствий предусмотрено другими частями статьи с иными санкциями.

Также с точечными изменениями санкций статей связан еще один вопрос, когда корректируется содержание закона без проведения соответствующих исследований о необходимости и целесообразности такого рода преобразований. Например, федеральным закон от 28 апреля 2023 г. № 157-ФЗ увеличена строгость санкций сразу в нескольких статьях. В санкции ч. 1 ст. 205 УК РФ слово «пятнадцати» заменено словом «двадцати»; в санкции ч. 1 ст. 205.1 УК РФ слово «пяти» заменено словом «семи», а в санкции ч. 3 этой же статьи слово «десяти» заменено словом «двенадцати»; в санкции ч. 2 ст. 205.4 УК РФ слова «от пяти до десяти» заменить словами «от десяти до

¹ Кузнецова Н.Ф. Главные тенденции развития российского уголовного законодательства // Уголовное право в XXI веке: материалы Международной научной конференции на юридическом факультете МГУ им. М.В. Ломоносова 31 мая-1 июня 2001 г. М., 2002. С. 11.

пятнадцати». Все эти измененные одним федеральным законом слова относятся к такому виду наказания как лишение свободы. Такое преобразование в некоторых случаях повлекло за собой переход преступления из одной категории в другую. Этим же федеральным законом санкция ст. 275 УК РФ была дополнена словами «или пожизненным лишением свободы», а в ст. 360 УК РФ преобразована не только санкция статьи, но и диспозиция дополнена словами: «защитой, либо угроза его совершения», то есть момент окончания этого преступления теперь стал связан не только с нападением, но и с угрозой совершения таких действий. Санкция ч. 1 ст. 360 УК РФ тоже изменилась, вместо указания на срок «от двух до шести лет» теперь определено «от семи до двенадцати» лет лишения свободы. Таким образом, репрессивность уголовного закона была повышена за счет перемещения момента окончания на более ранний этап (не нападение, а угроза нападения) и увеличения строгости санкции статьи. Санкция ч. 2 ст. 360 УК РФ также была изменена, и слова «от пяти до десяти» были заменены словами «от двенадцати до двадцати». Нижняя граница наказания была повышена на 7 лет, а верхняя на 10 лет. Однако такое преобразование должно быть обосновано в том числе проведенными криминологическими исследованиями.

В Особенной части наблюдаются и прямо противоположные процессы, когда происходит бессистемное снижение строгости наказаний в санкции статьи. Например, федеральным законом от 31.07.2023 № 390-ФЗ в санкции ч. 3 ст. 322 УК РФ слово «шести» было заменено словом «пяти». В итоге верхняя граница лишения свободы стала ниже на год. Казалось бы, что изменения незначительные, но на самом деле изменилась категория преступления, а изменение категории влечет за собой в том числе и решение вопроса о наказуемости, например, приготовления к такому преступлению. Теперь оно признается ненаказуемым. Так же федеральным законом от 18 марта 2023 г. № 78-ФЗ верхний предел наказания в виде лишения свободы в санкции ст. 199 УК РФ был снижен с шести до пяти лет, в ч. 2 ст. 199.1 УК РФ - с шести до пяти лет лишения свободы, в ч. 2 ст. 199.2 УК РФ – с семи до пяти лет. Таким

образом, согласно ч. 2 ст. 30 УК РФ больше нет оснований для привлечения к уголовной ответственности за приготовление к таким деяниям.

Любые трансформации санкций статей должны быть научно обоснованы. Недопустимо повышение или снижения размеров наказания в санкции статьи, если нет соответствующих исследований подтверждающих, что степень и характер общественной опасности деяния изменились. М.А. Простосердов пишет, что повышение пределов наказания является реакцией законодателя на изменение общественных отношений¹. Однако считаем, что изменение общественных отношений должно быть действительно подтверждено, а криминологические и иные научные исследования должны доказывать необходимость изменения санкции статьи в связи с произошедшими трансформациями.

Кроме того, такие изменения являются еще одной из причин рассогласованности санкций статей Особенной части УК РФ, когда эти частичные трансформации происходят без учета всей системы уголовного закона, то есть пересмотр санкций одних статей идет без оценки санкций других статей этой же предшествующей и последующей категорий преступлений. Г. Л. Кригер, виды наказаний, которые находятся в санкции статьи, должны определяться категорией преступления². Преобразование санкций одних статей Особенной части УК РФ должно логически влечь за собой и сопоставление новых санкций с санкциями уже существующих статей с учетом категоризации преступлений.

Еще одна проблематика построения санкций статей - наличие (отсутствие) в них альтернативных видов наказаний и критерий их выбора. В одних санкциях статей законодатель допускает наличие трех или четырех альтернативных видов наказания, в других – ни одного. Например, 4

¹ См.: Простосердов М.А. Теория санкций в уголовном праве России: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2023. С. 33; Простосердов, М. А. Система санкций Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации: анализ, проблемы, пути решений. М., 2020. С. 67.

² Кокунов А.И. Техничко-юридическое конструирование единичных и альтернативных санкций в кодифицированном уголовном законе: постановка проблемы // Юридическая наука и правоприменительная практика. 2016. № 1 (35). С. 82.

альтернативных вида наказаний в преступлениях против жизни (ч. 1 ст. 107, ч. 1 ст. 108 УК РФ), а в санкциях ч. 2, 3 ст. 333 УК РФ, ч. 2,3 ст. 334 УК РФ, ч. 2 ст. 335 УК РФ, где иной объект, содержится только один вид наказания в виде лишения свободы. Относительно использования единичных и альтернативных санкций следует отметить следующее. О проблеме отсутствия логики в использовании единичных и альтернативных санкций в Особенной части УК РФ пишет Л.Л. Кругликов. Он отмечает, что для некоторых глав характерно использование преимущественно альтернативных санкций, для других же наоборот – единичных. Причина указанного им видится в роли составителя и его предпочтениях¹. С.С. Тихоновой разработаны рекомендации применения единичных или альтернативных санкций в зависимости от категории преступления. Так, например, она полагает, что санкции статей о преступлениях небольшой тяжести не должны быть единичными. А.П. Козлов наоборот полагает, что уменьшение тяжести преступления должно влечь за собой сокращение числа видов наказаний, указанных в санкции². Э.В. Густова в 2015 г. провела исследование относительно количества альтернативных основных наказаний в санкциях статей Особенной части УК РФ. Она выявила, что санкции статей, предусматривающих признаки преступлений небольшой тяжести, включают 4 альтернативных вида; предусматривающих признаки преступлений средней тяжести - 4 и 5; предусматривающих признаки тяжкого преступления – 3; предусматривающих признаки особо тяжкие – 1³. В Концепции определено, что если в диспозиции статьи описаны признаки преступления небольшой тяжести, то санкция статьи может включать до 4 альтернативных видов наказаний, а также содержать только верхнюю границу каждого из видов наказания. Если в диспозиции статьи Особенной части описаны признаки преступления средней тяжести, тяжкого или особо тяжкого

¹ См.: Кругликов Л.Л. О видах и типах санкций в уголовном законодательстве// Юридическая записки ЯрГУ им. П.Г. Демидова. 1997. Вып. 1. С. 179-186.

² Козлов А.П. Механизм построения уголовно-правовых санкций: монография. Красноярск, 1998. С. 87.

³ Густова Э.В. Совершенствование санкций уголовно-правовых нор как один из способов уголовно-правового воздействия на предупреждение преступности // Вестник Воронежского института МВД России. № 2. 2016. С. 53.

преступления, то санкция статьи может включать до 3 альтернативных видов наказаний, в статье должна быть указана верхняя и нижняя граница таких наказаний. При этом альтернативные виды наказаний должны быть близки по строгости между собой. М.И. Ковалев считал, что абсолютно-определенные санкции необходимы в уголовном законе тогда, когда «требуется строго централизованная единая карательная практика по преступлениям, объективные свойства которых таковы, что степень общественной опасности деяния мало колеблется в зависимости от обстоятельств дела и личности виновного»¹. Ученый считал, что такие санкции можно установить, например, за простое хулиганство, простое изнасилование и др. Обоснованным является отказ от абсолютно-определенных санкций в Особенной части российского уголовного закона.

Также вызывает вопросы расположение в одной санкции статьи существенно отличающихся по строгости видов наказаний в качестве альтернативных. К примеру, в санкции ч. 1 ст. 165 УК РФ предусмотрены, помимо иных видов наказаний, например, штраф как основной вид наказания в размере до 300 тысяч рублей и лишение свободы на срок до 2 лет со штрафом до 80 тысяч рублей, то есть лицу за совершение угона без квалифицирующих признаков может быть назначено наказание в виде штрафа от 5000 рублей до 2 лет лишения свободы со штрафом 80 тысяч рублей. Думается, что такие санкции предоставляют достаточно широкие пределы для судебного (судейского) усмотрения.

Еще одна проблема построения санкций с альтернативными видами наказания состоит в том, что в качестве одного из видов включается не применяемый на практике вид наказания (например, арест в ч. 1 ст. 292 УК РФ), либо в санкции статьи сохраняется ограничение свободы как альтернативный вид наказания без учета того, что, когда санкция создавалась этот вид наказания имел иное содержание (например, ст. 106 УК РФ).

¹ Ковалев М.И. Уголовный закон. Свердловск, 1974. С. 90.

Таким образом, относительно необходимости наличия (отсутствия) альтернативных видов наказания требует пересмотра содержание всех санкций статей Особенной части.

Справедливо отмечает М.А. Простосердов, что «крайне дискуссионным является установление штрафа в качестве основного вида наказания в ряде санкций особо тяжких преступлений (ч. 6 ст. 290, ч 6 ст. 291 УК РФ и т.д.) и отсутствие такого наказания в санкциях множества куда менее опасных преступлений небольшой тяжести (ч. 2 ст. 170.1, ч. 1 ст. 200.3 УК РФ и т.д.)»¹.

Логичным было бы предусматривать более широкую альтернативу для преступлений небольшой тяжести, а от категории преступлений средней тяжести к особо тяжким сокращать число альтернативных видов наказаний в санкциях статей. Также запрещается в одной статье указывать только на два альтернативных наказания, одно из которых штраф, другое – лишение свободы или более строгое наказание.

Еще одна проблема состоит в том, что в одних случаях законодатель при построении санкции статьи использует дополнительные наказания, включая их в нее (ст. 164 УК РФ), в других случаях – дополнительное наказание не указывается в санкции статьи, но может быть назначено с учетом положений Общей части УК РФ. Выбор включения законодателем дополнительного наказания в санкции статьи Особенной части УК РФ не всегда объясним. Например, ч. 1 ст. 110.1 УК РФ содержит такой вид дополнительного наказания как лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью. Однако, признаки состава преступления не свидетельствуют о том, что совершение этого преступления связано с какой-либо специфической деятельностью или занятием какой-либо должности. При построении кумулятивных санкций следует учитывать, что дополнительные виды наказания должны соотноситься с основным, и не быть строже него. В связи с этим нелогичным выглядит конструкция санкции ст.

¹ Простосердов М.А. Теория санкций в уголовном праве России: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2023. С. 139.

183 УК РФ, где основное наказание штраф, а дополнительное - лишение права занимать должность. Нецелесообразным является конструирование санкции ч. 1 статьи как кумулятивной, а ч. 2 как простую, если в части 2 (3,4,5 и др.) содержатся признаки квалифицированного состава преступления (ч. 1-1.3 и отсутствие в ч. 2-4 ст. 263 УК РФ). Дополнительные виды уголовного наказания должны соотноситься с основным наказанием по тяжести, и не быть строже него.

Противоречия существуют и в технике построения санкций статей, установлении в них максимального и минимального размера наказания. Особенно эта проблема ощутима, когда преступления относятся к одной категории, но в одних санкциях статей есть максимальный и минимальный размера наказания, а в других - нет. Например, во всех санкциях статей 205-205.5 УК РФ определены максимальные и минимальные размеры наказания в виде лишения свободы. В главе же 16 УК РФ в преступлениях, где объектом выступает жизнь человека, установлены минимальные и максимальные размеры наказания в виде лишения свободы только в ст.105 и 110 УК РФ, а в ст. 107-109 УК РФ обозначено только максимальный размер наказания в виде лишения свободы, то есть минимальный размер определяется исходя из положений Общей части УК РФ и составляет 2 месяца. Изначально, и в ст. 205 УК РФ, и в ст. 105-110 УК РФ имелся и минимальный, и максимальный размер наказания в виде лишения свободы, но затем законодатель исключил нижний предел из многих статей УК РФ, за что подвергся справедливой критике. Н.А. Лопашенко считает, что с Федерального закона от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации» «начался обратный отсчет, или понижение качества Уголовного кодекса до состояния сегодняшней беды»¹. Полагаем, что за преступления средней тяжести, тяжкие и особо тяжкие преступления целесообразно установить обязательное наличие в санкции статьи и нижнего и верхнего

¹ Лопашенко Н.А. О доктринальных предпосылках создания нового уголовного закона // Криминологический журнал Балтийского государственного университета экономики и права. 2014. № 4. С. 5-13.

предела наказаний. Статьи, где в качестве последствия предусмотрено наступление тяжкого вреда здоровью, смерть человека всегда должны содержать нижний предел наказания в виде лишения свободы.

Прав М.А. Простосердов, когда утверждает, что санкции статей, в диспозиции которых речь идет об умышленном причинение смерти человеку, не должны включать такой вид наказания как штраф¹. Эту рекомендацию мы бы распространили и на санкции статей, в диспозициях которых речь идет о причинение смерти человеку (неосторожном и умышленном), причинении тяжкого вреда здоровью. Кроме того, необходим анализ санкций статей, где в диспозиции в качестве последствия указано умышленное или неосторожное причинение смерти. Так, отнесение такого рода деяний к категории преступлений небольшой или средней тяжести позволяет освободить лицо от уголовной ответственности по основаниям, предусмотренным в разделе IV УК РФ. Например, суд первой инстанции квалифицировал действия Е. по ч. 2 ст. 216 УК РФ, освободил его от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа в размере 35 000 рублей². Суды апелляционной и кассационной инстанции оставили постановление без изменений, несмотря на то, что было установлено, что в результате действий Е. по неосторожности была причинена смерть Ч.³. Такая практика вызывает сомнение в правильности понимания задач уголовного права.

Требуется единство в построении санкций статей, где в диспозиции статьи не только указаны последствия в виде тяжкого вреда здоровью, смерти человека, но и указывается на такой способ совершения преступления как применение насилия.

Единство подходов при построении санкций статей требуется при учете вида конструкции состава преступления, описанного в диспозиции статьи:

¹ Простосердов М.А. Теория санкций в уголовном праве России: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2023. С. 131.

² Постановление Йошкар-Олинского городского суда Республики Марий Эл по делу № 1-466/2023 от 19.06.2023 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <https://yoshkarolinsky--mari.sudrf.ru/> (дата обращения 15 декабря 2023 г.)

³ Постановление Шестого Кассационного Суда Общей Юрисдикции по делу № 77-4632/2023 от 14.11.2023 [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <https://6kas.sudrf.ru/> (дата обращения 15 декабря 2023 г.)

сложный или простой; материальный, формальный, усеченный и т.д.; простой, квалифицированный или особо квалифицированный. В действующем уголовном законе при использовании конструкции деликта соучастника в санкции статьи предусмотрены более строгое наказание, чем в составе «основного преступления» исполнителя террористического акта. Например, в ст. 205.1 УК РФ (содействие террористической деятельности) санкция строже, чем в ст. 205 УК РФ (террористический акт). Действия соучастников или действия, которые аналогичны приготовительным, трансформированные законодателем в самостоятельные составы преступлений, предусматривают более строгие санкции, чем, за основное преступление (ст. ст. 205-205.6 УК РФ). Также вызывает дискуссии ведение более строгой санкции за обещание посредничества, чем за получение взятки¹.

Кроме того, как отмечалось ранее, санкции статей, в диспозиции которых законодатель использует составы преступлений с административной преюдицией, должны по своей строгости соотноситься с наказанием за административное правонарушение, поскольку речь идет об обеспечении строгой межотраслевой дифференциации ответственности. Так, в одном из постановлений Конституционного Суда РФ указано, что «если меры административного реагирования ... оказались недостаточно эффективными, о чем объективно свидетельствует повторное насилие, то следует применение за это поведение более строгого по своей сути уголовного наказания»². Однако строгость этого наказания должна быть соизмерима с совершенным деянием.

Еще один вопрос построения санкций статей Особенной части состоит в том, что санкции статей, в диспозициях статей которых описаны признаки квалифицированного и особо квалифицированных видов состава, могут содержать менее строгие виды и размеры наказаний, чем санкции статей, в

¹ Иногамова-Хегай Л.В. Концептуальные положения реформирования Уголовного кодекса Российской Федерации //Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2014. № 1. С. 90.

² Постановление Конституционного Суда РФ от 08.04.2021 г. № 11-П «По делу о проверке конституционности статьи 116.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Л.Ф. Саковой» // СПС «КонсультантПлюс».

диспозиции которых описаны признаки основного состава преступления. Так, в ч. 2 ст. 334 УК РФ предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок до 8 лет, а в ч. 3 ст. 334 нижняя граница лишения свободы предусмотрена от 5 лет, то есть за совершение преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 334 УК РФ, может быть назначено менее строгое наказание, чем за совершение преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 334 УК РФ. Например, по ч. 3 ст. 334 УК РФ суд может назначить лицу наказание в виде 5 лет лишения свободы, а по ч. 2 ст. 334 УК РФ - 8 лет. В санкции статьи, в диспозиции которой описаны признаки основного состава преступления, не могут быть наказания менее строгие, чем в санкции привилегированного, а в санкции статьи, где в диспозиции описаны признаки квалифицированного состава преступления - чем в основном. Логичным является подход, при котором санкции частей статей, содержащих признаки квалифицированного состава, должны быть сконструированы с учетом санкции статьи, в диспозиции которой описываются признаки основного состава преступления. М.Н. Каплин предлагает использовать прием «перехлест санкций», когда санкции частей статьи пересекаются между собой¹. Разумной, по нашему мнению, выглядит рекомендация о беспробельности санкций статей, отсутствии разрыва между санкциями частей². Например, когда верхняя граница санкции части 1 статьи является нижней границей для санкции ч. 2 статьи и т.д. Альтернативные виды наказания в санкции статьи, описывающей квалифицирующие признаки преступления, не могут быть мягче, чем наказания, которые указаны в санкции статьи, описывающей основной состав преступления.

Существенной проблемой построения санкций статей Особенной части УК РФ является достаточно большой диапазон размеров наказания. Например, в ч. 3 ст. 334 УК РФ предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок от пяти до пятнадцати лет. Разрыв в 10 лет между нижним и верхним размером

¹ Каплин М.Н. Дифференциация уголовной ответственности за преступления против жизни и здоровья: дис. ... канд. юрид. наук. Ярославль, 2003. С. 51.

² Иванчин А.В. Законодательная техника и ее роль в российском уголовно правотворчестве: монография. М., 2011. С. 45.

наказания в виде лишения свободы – это достаточно большой диапазон, которые предоставляет широкие пределы для судебного усмотрения. И по своей сути нарушает задачи Особенной части уголовного закона о дифференциации ответственности. «Разрыв» между нижней и верхней границей размера наказания должен быть разумным. В доктрине уголовного права существуют различные предложения. Одни исследователи говорят о необходимости более «широкой» санкции при наличии «широкой» диспозиции. И наоборот – более узкий диапазон при наличии «узкой» диспозиции¹. А.П. Козлов полагает, что разрыв между «минимумом и максимумом санкции должен быть существенным»². Другими учеными высказываются опасения относительно того, что слишком широкие санкции могут привести к произволу при применении закона. Размер наказания должен определяться в пределах тяжести деяний. В литературе предлагают этот шаг для лишения свободы не более 5 лет³. Изучение судебной практики подтверждает, что в большинстве случаев, несмотря на «широкие» санкции, лицам, совершившим преступления, предусмотренные одной и той же частью статьи, судьи назначают наказание в диапазоне трех-пяти лет отличаются друг от друга. При конструировании санкции статьи законодателю следует учитывать категорию преступления, и не создавать слишком широкие санкции, диапазон должен варьировать в пределах до 5 лет. Недопустимо построение санкций, где, как в современном уголовном законе, диапазон составляет 10 лет.

Еще одна ошибка состоит в том, что при построении санкций не учтен максимально возможный размер наказания по Общей части УК РФ (ч. 2 ст. 292.1 исправительные работы до трех лет, а в ч. 2 ст. 50 Общей части до 2 лет).

Дефектом законодательной техники являются повторы несколько раз в одной статье одной и той же санкции. Например, ст. 159 УК РФ, где каждая

¹ Дурманов Н.Д. Советский уголовный закон. М., 1967. С. 56.

² Козлов А.П. Механизм построения уголовно-правовых санкций: Монография. Красноярск, 1998. С. 280.

³ Дементьев С.И. Построение уголовно-правовых санкций в виде лишения свободы. Ростов-на-Дону, 1986. С. 40.

санкция повторяется по два раза. Это необоснованно увеличивает объем законодательного материала, создает сложности в применении и понимании соотношения общественной опасности деяний, перечисленных в статье. Все эти проблемы построения санкций статей сказываются на эффективности уголовного закона.

За период действия УК РФ обозначили себя и проблемы техники построения примечаний к статьям Особенной части УК РФ.

Первая проблема использования примечаний в Особенной части УК РФ связана с отсутствием единообразия в их применении. Как уже было отмечено в предыдущем разделе, в примечаниях могут содержаться дефиниции, определение содержания одного признака состава, специальные основания освобождения от ответственности, пределы применения статьи, особенности назначения наказания определенным категориям лиц и т.д. Такое широкое использование примечаний не всегда отвечает логике построения Особенной части УК РФ и всего уголовного закона.

Дефект состоит в том, что в примечание выносятся признаки состава преступления, которые целесообразно раскрывать в диспозиции статьи. Так, например, признаки объективной стороны преступления раскрыты ни в самой диспозиции ст. 173.2 УК РФ, а в примечании к ней.

Противоречия применения примечаний состоят в том, что в них раскрывается содержание понятий, которое ясно и устоялось в правоприменительной практике. Например, в примечании к ст. 215.4 УК РФ раскрывается содержания признака «незаконный» применительно к этой статье. Однако этот признак широко используется и в других статьях Особенной части УК РФ (ст. ст. 215.4, 234, 235.1, 258, 260, 283.1, 289, ч. 3 ст. 290, ст. 292.1 и др.). Его содержание в целом понятно, то есть, что незаконный –противоречащий действующему законодательству. У этого термина нет каких-либо иных смыслов. Он бланкетный и необходимо установить какое иное законодательство применяется в этом случае. Указание в примечании к ст. 215.4 УК РФ, что незаконное, то есть «совершенное в нарушение

установленного законодательством Российской Федерации порядка» не вносит какой-либо ясности, но необоснованно увеличивает объем Особенной части УК РФ. Таким образом, раскрытие содержания понятия, которого ясно, применение которого не вызывает сложности на практике в примечании к одной статье для этой статьи, является лишним.

Другой пример, когда в примечании раскрывается содержание признака, который также имеет свое устоявшееся содержание и нет необходимости в его разъяснении. В примечании к ст. 173.2 УК РФ раскрыто содержание понятия «приобретение», где указано, что «...в настоящей статье понимается его получение на возмездной или безвозмездной основе, присвоение найденного или похищенного документа, удостоверяющего личность, а также завладение им путем обмана или злоупотребления доверием». Однако термин «приобретение» используется и в других статьях Особенной части УК РФ. Судебная практика свидетельствует о том, что понимание этого признака не вызывает сомнений, оно единообразно. Так, в п. 6 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2006 г. № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» указано, что под приобретением «надлежит считать их получение любым способом, в том числе покупку, получение в дар, а также в качестве средства взаиморасчета за проделанную работу, оказанную услугу или в уплату долга, в обмен на другие товары и вещи, присвоение найденного, сбор ...»¹. В п. 11 постановление Пленума Верховного Суда РФ от 12 марта 2002 г. № 5 «О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств» под приобретением понимается «... их покупку, получение в дар или в уплату долга, в обмен на товары и вещи, присвоение найденного и т.п., а также незаконное временное

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2006 г. г. № 14 (ред. от 16.05.2017 г.) «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» // СПС «КонсультантПлюс».

завладение ими в преступных либо иных целях, когда в действиях виновного не установлено признаков его хищения»¹. Таким образом, раскрывать содержание понятия «приобретение» для ст. 172.3 УК РФ также является избыточным.

Еще одна проблема состоит в излишнем дублировании в примечании содержания понятия, которое уже раскрыто в отраслевом законодательстве. Так, п. 2 примечания к ст. 222 УК РФ полностью повторяет определение огнестрельного оружия, приведенное в ст. 1 Федерального закона РФ от 13 декабря 1996 г. № 150-ФЗ «Об оружии». Диспозиция статьи 222 УК РФ бланкетная. В отраслевом законодательстве раскрыто содержание термина «огнестрельное оружие». Повторять его в примечании уголовного закона является лишним. В этом случае увеличение объема Особенной части УК РФ не имеет практического значения.

В примечаниях Особенной части УК РФ дано определение: требованиям охраны труда; предпенсионному возрасту; незаконной розничной продаже алкогольной и спиртосодержащей продукции; объектам социальной инфраструктуры; сексуальным услугам; культурному слою и др. Содержание многих из этих понятий должно быть раскрыто в ином отраслевом законодательстве, а не в уголовном кодексе. Совершенно справедливо отмечено учеными, что «кодекс не должен подменять собой учебник»². УК РФ не следует претендовать на роль словаря, а стараться быть логичным и лаконичным.

Вызывают дискуссии и некоторые нововведения. Например, определение понятия «должностного лица» только для статьи 274.2 УК РФ в примечании к ней, при том, что содержание этого понятия также раскрывается в примечании к ст. 285 УК РФ. Возможно, законодатель вводил примечание для согласования ст. 274.2 УК РФ и ст. 13.42 КоАП РФ. Однако, устраняя

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 12.03.2002 г. № 5 (ред. от 11.06.2019 г.) «О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств» // СПС «КонсультантПлюс».

² Кругликов Л. Л., Смирнова Л. Е. Унификация в уголовном праве. СПб., 2008. С.206-207.

межотраслевые рассогласования, возникают противоречия внутри уголовного закона.

Еще одно противоречие в технике построения примечаний состоит в том, что отсутствует единообразие в порядке их расположения. При конструировании примечаний логичнее единообразно размещать нормативный материал, например, дефиниции в первой части, а специальные основания освобождения от уголовной ответственности в последней.

Законодатель не должен создавать и «громоздкие» примечания, когда они объемнее статьи. Например, статья 200.1 УК РФ содержит две части, а примечание к ней пять. Создаются предпосылки для вынесения общих для всех статей УК РФ или разделов, главы положений в отдельные компоненты, которые должны располагаться не в примечании к статьям, а в отдельных статьях в Общей части уголовного закона.

Также существуют дефекты с выбором места в Особенной части УК РФ для размещения примечания. Так, ранее в примечании к ст. 201 УК РФ содержалось указание, что его положения применяются и к ст. 199.2 УК РФ. Это было неудачное законодательное решение применительно к ст. 199.2 УК РФ, которая в Особенной части УК РФ располагается гораздо раньше, чем ст. 201 УК РФ. При этом, в ст. 199.2 УК РФ ничего не указывало на то, что признаки ее состава раскрыты в главе 23 УК РФ, к которой названная статья не имеют прямого отношения. Кроме того, в самой статье даже не были названы те признаки субъекта, содержание которых раскрывалось в примечании к ст. 201 УК РФ, то есть отсутствовала прямая связь примечания и статьи. В настоящее время законодатель исключил указание на ст. 199.2 УК РФ из примечания к ст. 201 УК РФ. Тем не менее, примечания-дефиниции должны располагаться в статье, в которой впервые употребляется определяемое понятие. Кроме того, если законодатель указывает, что примечание распространяет свое действие на несколько статей, то в тексте указанных статей также должно иметься данное понятие. Также и применительно к другим примечаниям.

С.Н. Рубанова предлагает исключить примечания, которые разъясняют термины, неоднократно использованные в УК РФ, перенести такого рода дефиниции в Общую часть. В Особенной части УК РФ оставить определения единично используемых понятий, в том числе, в специфическом значении¹. Рациональным является предложение по объединению такого рода примечаний и других понятий, используемых в УК РФ, в отдельный структурный компонент уголовного закона.

Примечания, которые распространяют свое действия на несколько статей Общей и Особенной части, например, примечание 2 ст. 205.4 УК РФ, возможно, должно находиться в Общей части УК РФ и указывать, что оно распространяет свое действие на весь УК РФ. В Особенной части УК РФ должны находиться примечания, если их действие распространяется только на положения статей этой части.

Существуют и проблемы с определением пределов действия примечаний. Есть примечания, которые распространяют свое действия на главу, например, пункты 2 и 3 примечаний к ст. 158 УК РФ. Другие распространяют свое действие на главу, но с исключениями. Например, пункт 4 примечаний к ст. 158 УК РФ, примечание ст. 170.2 УК РФ. Однако существуют примечания, где указано, что его положения распространяются на всю главу, но при этом в главе имеются иные примечания, которые иначе определяют указанное ранее понятие. Например, в примечании к ст. 216 УК РФ указано, что крупным ущербом в статьях главы 24 УК РФ признается ущерб, сумма которого превышает 500 тысяч рублей, про наличие исключений в данном примечании ничего не написано. Однако в ст. 217.1 УК РФ этой главы указана иная сумма, а именно 1 миллион рублей. То есть, принимая новое примечание, законодатель не учел и не согласовал его с уже имеющимися в главе примечаниями. Общее правило применения примечаний – они должны использоваться преимущественно для размещения специальных

¹ Рубанова С. Н. Основные направления оптимизации нормативной регламентации примечаний к статьям Уголовного кодекса Российской Федерации// Общество и право. 2011. № 2 (34). С. 167.

предписаний, которые уточняют или изменяют положения Общей части уголовного закона (например, специальные основания освобождения от уголовной ответственности), либо уточнения положений статей Особенной части (применение статьи и т.д.).

Если понятие общее для всего уголовного закона, то оно должно быть вынесено в специальный структурный компонент «Основные понятия, используемые в Уголовном кодексе Российской Федерации», размещенный в Общей части уголовного закона, который позволит упорядочить их и исключить дублирования, что устранит противоречия внутри закона. Если понятие имеет значение только для конкретной статьи, то оно раскрывается в примечании к этой статье. Если бланкетный признак, указанный в диспозиции статьи, раскрыт в ином отраслевом законодательстве, то его не следует дублировать в примечании. Признаки составов преступлений должны быть описаны преимущественно в диспозициях статей, а не в примечаниях. Целесообразно специальные правила, общие для нескольких статей главы) объединять в примечании к первой статье главы Особенной части уголовного закона.

Таким образом, можно прийти к следующим выводам.

1. За период действия УК РФ обозначились проблемы, связанные со структурой и системой Особенной части, техникой построения диспозиций, санкций и примечаний статей, которые можно относить к юридико-техническим дефектам.

2. При построении диспозиций статей Особенной части уголовного закона необходимо учитывать, что этот структурный компонент статьи должен содержать: а) признаки только такого деяния, которое признано преступным с учетом всех принципов и правил криминализации; б) признаки оконченного преступления, совершенного исполнителем; в) признаки одного состава преступления (его квалифицированного и особо квалифицированного видов). При построении диспозиций должны быть использованы правила единообразного юридико-технического оформления.

3. При построении санкций статей Особенной части российского уголовного закона следует руководствоваться правилами, которые представляют собой свод рекомендаций, в том числе основанных на учете последствий преступлений, закрепленных в диспозиции соответствующей статьи; отнесения или нет преступления, описанного в диспозиции, к насильственным; сопоставлении санкций статей одной и той же категории преступлений (равных и близких по степени тяжести), а также сопоставления с санкциями предшествующей и последующей категории преступлений (менее и более тяжких); минимизации количества видов наказаний в санкции статьи и их уменьшения в зависимости от категории преступлений; критерии альтернативности наказаний в санкции статьи.

4. В примечаниях к статьям Особенной части уголовного закона должны содержаться преимущественно специальные предписания, которые уточняют или изменяют положения Общей части уголовного закона, либо конкретизируют применение статей Особенной части уголовного закона.

5. Общие для уголовного закона понятия должны быть перемещены из примечаний к статьям Особенной части в отдельный структурный компонент уголовного закона, расположенный в Общей части. Это позволит исключить повторы и противоречия в законе. Признаки составов преступлений, описанные в настоящее время в примечаниях, должны быть преимущественно перемещены в диспозиции статей.

Глава 2. Перспективы развития Особенной части российского уголовного закона

§ 1. Основные пути реформирования Особенной части как структурного компонента российского уголовного закона

К XXI веку человечество накопило не только теоретические знания, но и разнообразный опыт построения, практику применения одного из самых

суровых законов. Проблемы и противоречия концептуального характера, существующие как внутри Особенной части УК РФ, так и всего уголовного закона вызывают не только критику, но и побуждают современную отечественную науку искать пути их разрешения. Перед законодателем, как правило, есть три альтернативных варианта преодоления возникающего кризиса: преобразование имеющегося уголовного закона (новая редакция действующего закона); создание нового уголовного закона (новая кодификация); заимствование иностранного уголовного закона.

В России давно обсуждаются темы, касающиеся необходимости и обоснованности как принятия нового уголовного закона, так и новой редакции действующего УК РФ и представителями всех ветвей власти¹, и учеными (например, Е. В. Благовым², Л. Гаухманом³, Ю.В. Голиком⁴, А.Э. Жалинским⁵, Н.А. Лопашенко⁶, А.И. Рарогом⁷ и многими др.). Оснований для таких дискуссий немало. Однако и процесс обновления уголовного законодательства во многом неизбежный и закономерный. Динамичное изменение общественных отношений влияет на закон и не может оставлять его статичным. Вносимые в кодекс изменения, которые нередко являются ответом на современные вызовы, создают концептуальные противоречия, пробелы и системные рассогласования, в том числе, и в связи с тем, что изначально закон, мог создаваться с учетом совершенно иных взглядов. Так, УК РФ принимался после распада СССР, в период идеологического обновления, изменения экономических, политических и социальных отношений, реализации новых

¹ Есаков Г.А., Долотов Р.О., Филатова М.А., Редчиц М.А., Степанов П.П., Цай К.А. Уголовная политика: дорожная карта (2017-2025). М., 2017. С. 16-17.

² Благов Е.В. Новый уголовный кодекс или новая его редакция // Современная уголовная политика: поиск оптимальной модели: материалы VII Российского Конгресса уголовного права (31 мая — 1 июня 2012 г.). М., 2012. С. 19–23.

³ Гаухман Л. Нужен новый УК РФ // Законность. 1998. № 7. С. 22-25.

⁴ Голик Ю.В. Нужна новая редакция Уголовного кодекса Российской Федерации // Системность в уголовном праве: материалы II Российского Конгресса уголовного права, состоявшегося 31 мая — 1 июня 2007 г. М., 2007. С. 117–119

⁵ Жалинский А.Э. О современном состоянии уголовно-правовой науки // Уголовное право. 2005. № 1. С. 21-24.

⁶ Лопашенко Н.А. Изменения уголовного законодательства: оценка летних реформ // Уголовное право. 2009. № 5. С. 35-41.

⁷ Рарог А.И. Нужен ли России новый Уголовный кодекс? // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы IX Международной научн.-практ. конференции. М., 2012. С. 3–9.

научных подходов к построению закона. Однако общественные отношения в России и мире с 1997 года по 2024 года продолжали трансформироваться, что нередко вызывало реакцию законодателя уже после принятия УК РФ. В настоящее время параллельно с обоснованием необходимости новой редакции УК РФ или нового уголовного закона требуется комплексная оценка того, какие процессы в государстве и обществе могли обойтись без уголовно-правового вмешательства, а какие наоборот требовали этого.

Если оценивать актуальность каждого из трех названных вариантов преодоления кризиса уголовного законодательства для современной России, то стоит отметить, что третий путь не является приемлемым, поскольку историей доказано, что он утопичен для преобладающего большинства государств. Закон, не отвечающий особенностям сложившихся общественных отношений внутри государства, исторической самобытности, традициям, культуре, социальной, экономической и политической обстановке, в которых он будет применяться, создаст больше проблем, чем предложит их решение. Кроме того, в России действуют сильные научные школы, занимающиеся проблемами уголовного права и законодательной техники, способные разработать наиболее качественный и эффективный отечественный уголовный закон пригодный именно для нашего государства¹.

Второй путь приемлем в перспективе. Именно существенные экономические, социальные, политические трансформации, как правило, влекут за собой принятие нового уголовного закона. Еще Р. Кабриак указывал, что «чаще всего кодификация возникает по окончании потрясшего общество кризиса, позволяя зафиксировать новые правовые нормы, ставшие результатом изменения социальных отношений <...> Кодекс скрепляет печатью социальное перемирие, создавая для него прочную основу вокруг ценностей, формирующих новое общество, он успокаивает само общество и

¹ См.: Концепции развития российского законодательства. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 1998. С. 544.

вдыхает в него новую жизнь»¹. В настоящее время, в период международного кризиса, трансформации внутригосударственных отношений принятие нового уголовного закона с полностью обновленной Особенной частью является не обоснованным действием. Современные поправки УК РФ подтверждает наличие высокого уровня динамизма в оценке общественных отношений. В такие периоды если и создаются новые уголовные законы, то только для решения актуальных проблем на короткий промежуток времени. Кодекс на длительное время принимается лишь тогда, когда отношения стабильны и предсказуемы. Как справедливо отмечено в специальной литературе: «уголовные законы являются традиционным средством защиты государственной власти, а также утверждения идеологии представителей государственной власти»². Современные преобразования Особенной части УК РФ чаще являются реакцией на происходящие процессы, попыткой сохранить устойчивость внутри государства и общества, поэтому подавляющее большинство дополнений и изменений за последние 10 лет внесено в разделы IX, X, XI УК РФ, напрямую связанных именно с охраной основ конституционного строя, безопасности государства и общества. Однако вероятно в будущем происходящие перемены приведут к определенной новой точке стабильности и равновесия в международных, политических, социальных и экономических отношениях, а возможно и к переоценке охраняемых ценностей, что потребуют пересмотра всего уголовного закона и его Особенной части. Также следует учитывать, что в настоящее время сроки действия уголовного кодекса и его Особенной части в России составляли 34-36 лет (УК РСФСР 1926 г. и УК РСФСР 1960 г.). Есть основания предполагать, что именно за такой временной промежуток в России происходит изменение общественных отношений внутри государства и в обществе, а попытка урегулировать их прежним законом становится практически невозможной.

¹ Кабрияк Р. Кодификации. М., 2007. С. 56.

² Кленова Т.В. Принципы кодификации уголовно-правовых норм // Кодификация законодательства: теория, практика, техника: материалы Международной научно-практической конференции. Н. Новгород, 2009. С. 845.

Также, возможно, что за этот временной период формируются новые взгляды на построение уголовного закона, происходит переосмысление ценностей. Допустимо также предположить и то, что за 34-36 лет внесение в отечественный уголовный кодекс систематических изменений и дополнений (что характерно и для УК РСФСР 1926 г., и для УК РСФСР 1960 г., а теперь и для УК РФ) приводит к критическому уровню его рассогласованности, когда он перестает эффективно решать стоящие перед ним задачи, которые стоит отметить, что за треть столетия тоже могут потребовать корректировки. Это гипотеза. Однако стоит отметить, что с действующим УК РФ происходят во многом те же процессы, что с предшествующими ему кодексами. Так, С.В. Полубинская еще в 2011 году пишет, что «к 15-летию действия УК РФ российское уголовное законодательство имеет все недостатки, отмечавшиеся для предыдущего УК РСФСР в обоснование разработки нового»¹. Близкую точку зрения озвучивает Т.В. Кленова, которая отмечает, что со временем «возможно критическое накопление изменений и дополнений, которое влечет декодификацию уголовного закона, когда он становится непригодным к полноценному выполнению регулятивной, охранительной, воспитательной и других функций <...>, к сожалению, именно это происходит с УК РФ»². В настоящее время нет явных социальных, экономических, политико-правовых предпосылок для принятия именно нового уголовного кодекса. Так, А.В. Наумов справедливо указывает, что для этого нужна смена «государственно-политического, общественного строя и его экономики»³, либо кардинальная смена уголовной политики, которая также обусловлена кардинальными изменениями государственного и общественно-политического плана⁴. Разработка и принятие новой Особенной части российского уголовного закона - это решение проблемы будущего. Полное содержание этого альтернативного

¹ Полубинская С.В. Изменения и дополнения Уголовного кодекса Российской Федерации в оценках уголовно-правовой науки // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2011. № 4. С. 250.

² Кленова Т.В. 25-летие Уголовного кодекса Российской Федерации: проблемы кодификации // Юридический вестник Самарского университета. 2021. Т. 7. № 4. С. 49.

³ Наумов А. В. Проблемы кодификации российского уголовного законодательства: новый Уголовный кодекс или новая редакция Кодекса? // Общество и право. 2010. № 5. С. 14.

⁴ Там же.

варианта сейчас разработать сложно, поскольку трудно спрогнозировать все изменения, которые произойдут в обществе, государстве и мире на момент принятия закона, а как известно «право — явление, постоянно развивающееся»¹. Круг охраняемых объектов вновь будет подлежать пересмотру в момент разработки и принятия нового уголовного кодекса.

Наиболее оптимальным в современных условиях представлялся бы первый путь - новая редакция действующего уголовного закона при условии ограничения внесения поправок в действующий закон. 66,7 % опрошенных специалистов в области уголовного права также считают, что Особенная часть уголовного закона «требует значительной и/или незначительной «ревизии» в действующей редакции» (см. Приложение 3). Это закономерный ответ, поскольку в обществе не произошло кардинального пересмотра системы ценностей и идей, на которых изначально строился УК РФ и его Особенная часть, они не утратили своей актуальности и сегодня. Однако проблема реализации этого варианта состоит в том, что в настоящее время сложно найти законченные концептуально обоснованные модели новой редакции уголовного закона и его Особенной части, которые возможно было бы обсуждать уже сейчас и на их основе разработать и принять законодателью обновленный кодекс в ближайший год или два. Такие проекты являются редкостью. Существует палитра различных взглядов на многообразие вариантов построения разделов, глав, статей, но не существует даже двух альтернативных моделей построения Особенной части уголовного закона. Одним из вариантов новой редакции является теоретическая модель Особенной части УК РФ, которую создали Н.А. Лопашенко, Е.В. Кобзева, К.М. Хутов, Р.О. Долотов² и презентовали в 2017 году. По своей сути она

¹ Хабриева Т.Я. Кодификация российского законодательства в условиях федеративного государства // Кодификация законодательства: теория, практика, техника: Материалы Международной научно-практической конференции (Нижний Новгород, 25-26 сентября 2008 года) / Под ред. доктора юридических наук, профессора, заслуженного деятеля науки РФ В.М. Баранова, кандидата юридических наук, доцента Д.Г. Краснова. Н. Новгород, 2009. С.28.

² Лопашенко Н.А., Кобзева Е.В., Хутов К.М., Долотов Р.О. Теоретическая модель Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации: основные положения структуры и содержания // Всероссийский криминологический журнал. 2017. Т. 11. № 1. С. 110-111.

представляет новую редакцию существующей Особенной части УК РФ, поскольку сохраняет и повторяет ключевые идеи действующего уголовного законодательства, в том числе, приоритет охраны прав и свобод человека и гражданина, а структура теоретической модели строится на основе существующей структуры УК РФ, но с некоторыми модификациями¹. А.И. Коробеев и А.И. Чучаев отмечают, что теоретическая модель Особенной части УК РФ «мало чем отличается (в концептуальном, универсальном, рациональном, технико-юридическом и прочих отношениях) от той версии УК РФ, которая действует в настоящий момент, вызывает тотальную (и абсолютно обоснованную) критику со всех возможных сторон»². Они пишут, что предложенная теоретическая модель Особенной части уголовного закона «весьма далека от прообраза кодекса, призванного удовлетворить уголовно-правовые нужды современной России»³. Недостатком такой модели (как и любой другой модели, подготовленной значительно раньше момента принятия закона) является также ее устаревание со временем, необходимости порой существенного ее обновления к моменту действительного обсуждения проекта закона. Модель, какая бы она не была совершенная, чаще всего будет моделью вчерашнего дня, а не завтрашнего. Это подтверждается и на примере анализируемого проекта. Спустя семь лет с момента его презентации произошли изменения, которые не могли быть в полном объеме спрогнозированы учеными в 2017 году. Однако, с точки зрения науки, опубликование альтернативной модели всей Особенной части уголовного закона (а не отдельных статей, глав или разделов) является важным шагом, поскольку позволяет обнаружить в ходе дискуссий те вопросы, по которым уже существуют консенсус, а также те, по которым еще не сформировалось общее мнение, где существуют проблемы и пробелы в охране и регулировании

¹ Лопашенко Н.А., Кобзева Е.В., Хутов К.М., Долотов Р.О. Теоретическая модель Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации: основные положения структуры и содержания // Всероссийский криминологический журнал. 2017. Т. 11. № 1. С. 110-111.

² Коробеев А.И., Чучаев А.И. Транспортные преступления: проект новый – недостатки старые // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 10 (107). С. 186.

³ Там же.

уголовно-правовых отношений. Тем не менее, проекты должны готовиться максимально близко ко времени принятия закона, иначе они утрачивают связь с теми реальными общественными отношениями, которые необходимо охранять и регулировать в момент принятия уголовного закона.

Еще одна группа ученых-юристов также в 2017 году, анализируя тенденции уголовной политики, предложила не вариант новой редакции или нового уголовного закона, а оценила возможные пути трансформации УК РФ. Так, Г. А. Есаков, Р. О. Долотов, М. А. Филатова, М. А. Редчиц, П. П. Степанов, К. А. Цай, создавая дорожную карту уголовной политики на период 2017 - 2025 годы, отметили, что «действующий УК РФ был принят в 1996 г., и в целом на сегодня его социальный базис не изменился»¹. Эти ученые-юристы в 2017 году пророчили долгую судьбу УК РФ, подчеркивая, что «при вдумчивом и осторожном отношении к УК РФ ему вполне может быть уготована жизнь, сопоставимая по продолжительности с французским УК Наполеона 1810 г. (действовавшим свыше 180 лет), УК Германии 1871 г. или УК Финляндии 1889 г.»². Авторы аргументируют свою точку зрения, указывая, что «идеология в основе УК РФ отражает идеологию современного российского общества, и, если бы кодекс не был заложником сиюминутных «политических хотений» верховной власти, он был бы вполне неплох»³. Исследователи приходят к выводу, что УК РФ 1996 г., «очищенный от законодательных ошибок последних лет, с приведенной в порядок системой наказаний и санкциями статей Особенной части, вполне может послужить России еще не один десяток лет»⁴. Однако такое мнение обоснованно разделили не все отечественные ученые⁵. Таким образом, новая редакция действующего уголовного закона как путь преодоления кризиса также не является актуальным именно сейчас, но допустим в перспективе. Если

¹ Есаков Г.А., Долотов Р.О., Филатова М.А., Редчиц М.А., Степанов П.П., Цай К.А. Уголовная политика: дорожная карта (2017-2025). М., 2017. С. 24.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Кленова Т.В. 25-летие Уголовного кодекса Российской Федерации: проблемы кодификации//Юридический вестник Самарского университета. 2021. Т. 7. № 4. С. 49.

предположить, что законодатель рискнет создать новую редакцию уголовного кодекса и его Особенной части по всем тем рекомендациям, которые изложены в диссертациях, монографиях, статьях, то получится другое «лоскутное одеяло»¹. В современных условиях сложно спрогнозировать, сколько потребуется времени для систематизации существующих идей, обобщения статистических данных, проведения междисциплинарных исследований и разработки качественной новой редакции уголовного закона, в том числе «очищение от ошибок» действующий закон, при том, что в него продолжают достаточно динамично вноситься изменения и дополнения, которые порождают новые противоречия. Неизвестно и то, произойдут ли или нет за это время (время разработки новой редакции) существенные изменения внутри общества, которые потребуют принятия уже не новой редакции уголовного закона, а нового кодекса.

Одной из ключевых задач современной науки является разработка концепции построения уголовного закона и в качестве ее составной части – концепции построения Особенной части российского уголовного закона, которая позволит в будущем создать новую редакцию уголовного закона или новый уголовный закон, поскольку будет актуальна и для первого, и для второго варианта. Ученые (например, А.И. Коробеев², Т.В. Кленова³, М.М. Бабаев и Ю.Е. Пудовочкин⁴) давно указывают на необходимость разработки и принятия концепции, касающейся уголовно-правовой сферы. В 2012 году группой ученых разработан и опубликована Концепция уголовно-правовой политики Российской Федерации⁵, которая во многом не утратила своей актуальности и сегодня. На необходимость принятия концепции развития

¹ Коробеев А.И. Лоскутное одеяло Уголовного кодекса. URL: https://www.ng.ru/ng_politics/2013-02-05/14_uk.html (дата обращения 05.02. 2023 года)

² Там же.

³ Кленова Т.В. Обоснованность дополнений и изменений Уголовного кодекса Российской Федерации //Пять лет действия УК РФ: итоги и перспективы. Материалы 11 Международной научно-практической конференции, состоявшейся на юридическом факультете МГУ им. М.В. Ломоносова 30-31 мая 2002 г. М., 2003. С. 32; Кленова Т.В. 25-летие Уголовного кодекса Российской Федерации: проблемы кодификации//Юридический вестник Самарского университета. 2021. Т. 7. № 4. С. 49.

⁴ Бабаев М.М., Пудовочкин Ю.Е. Концепция уголовно-правовой политики Российской Федерации// Уголовное право. 2012. № 10 .С. 4-12.

⁵ Там же.

уголовного законодательства России указывают 59,6 % опрошенных специалистов в области уголовного права (Приложение 3). Однако до настоящего времени есть только предложения в научной литературе, но отсутствует утвержденный и разработанный акт.

Таким образом, можно сформулировать следующие выводы.

1. Существенные изменения в экономическом строе, кардинальные, социальные и политические преобразования ведут к созданию и принятию нового уголовного закона. Возможно, одной из ключевых идей нового закона станет сохранение человечества, его безопасности и среды обитания. Кроме того, следует учитывать, что в XX веке максимальные сроки действия Особенной части отечественного уголовного кодекса достигали 34-36 лет. УК РФ применяется на протяжении 27 лет.

Противоречия между Общей и Особенной частью уголовного закона, которые невозможно устранить путем внесения изменений в действующий закон, должны рассматриваться как потеря системности, требующая принятия новой редакции уголовного кодекса.

Трансформации экономические, социальные, политические, оказывающие влияние на Особенную часть уголовного закона, влекущие за собой ее рассогласованность, но не изменяющие основной концептуальной идеи уголовного закона (например, приоритет охраны прав человека) должны вести к принятию новой редакции, а не нового уголовного закона и его Особенной части.

2. Существует несколько направлений преобразования Особенной части современного российского уголовного закона.

Первый вариант - новая редакция действующего УК РФ. При сохранении общей концепции последовательности расположения разделов и глав, основными задачами являются устранение пробелов и «разукрупнение» объемных компонентов, с возможностью введения нового уровня – параграфов, «разукрупнение статей», исключение избыточных статей,

которые дублируют другие уже имевшиеся статьи, устранение имеющихся противоречий.

Второй вариант – новая кодификация, построение нового уголовного закона и его Особенной части. Возможен выбор иных концептуальных идей, изначальное построение четырехуровневой системы (разделы, главы, параграфы, статьи), ревизия содержания статей (проверка на соответствие основам криминализации и пенализации), пересмотр их структуры (переход на статьи с 3-4 частями), сокращение числа примечаний, выделение общих понятий в отдельный компонент и иные преобразования.

3. Актуальным является утверждение Концепции построения российского уголовного закона, составной частью которого должна стать Концепция построения его Особенной части, до принятия новой редакции уголовного кодекса или нового уголовного закона.

§ 2. Основные идеи построения Особенной части уголовного законодательства: прогностический подход

В диссертации исследованы концептуальные основы построения Особенной части российского уголовного закона, на основании которых разработана Концепция ее построения (далее – Концепция, Приложение 1).

Представленная в диссертации Концепция является авторской системой теоретико-правовых положений и рекомендаций об исходных идеях, принципах и правилах построения относительно самостоятельного, сложно устроенного, парного структурного компонента российского уголовного закона – Особенной части, в том числе систематизации и структурировании ее разделов, глав, статей и других неотъемлемых компонентов. Она является составной частью Концепции построения российского уголовного закона.

Концепция построения Особенной части российского уголовного закона является авторской и теоретической, но она может послужить основой для разработки и утверждения в будущем официального документа федеральным

органом законодательной власти¹, что обусловлено спецификой этой отрасли законодательства и права. В настоящее время создание теоретической Концепции видится как этап консолидации научной мысли для дальнейшего обсуждения ключевых вопросов, касающихся идеи и формы этого структурного компонента кодекса. Окончательный официально утвержденный вариант Концепции должен служить вектором развития уголовного законодательства России. В отличие от модели, проекта уголовного закона, Концепция более фундаментальна и статична. Утверждение Концепции должно предшествовать принятию нового уголовного кодекса или новой его редакции.

Концепция основывается на том, что, во-первых, нормы уголовного права должны быть кодифицированы. Т.В. Кленова отмечает, что предмету, методу и задачам уголовно-правового регулирования более соответствует кодифицированный закон². С таким мнением согласны и другие ученые³. Кроме того, «кодификация законодательства – одно из базовых условий его стабильности»⁴. Достижением отечественного законодателя является создание кодифицированного уголовного законодательства. В настоящее время нет оснований отказываться от этого подхода. Во-вторых, уголовное законодательство России должно состоять только из уголовного кодекса, включающего закрытый перечень уголовно-наказуемых деяний и наказаний за их совершение. Одной из ключевых задач, стоящих перед создателями российского уголовного закона является такое построение кодекса, которое позволило бы через его структуру выразить системные связи, характерные для отрасли уголовного права.

¹ См.: Кленова Т.В. Обоснованность дополнений и изменений Уголовного кодекса Российской Федерации //Пять лет действия УК РФ: итоги и перспективы. Материалы 11 Международной научно-практической конференции, состоявшейся на юридическом факультете МГУ им. М.В. Ломоносова 30-31 мая 2002 г. М, 2003. С. 32.

² Кленова Т.В. Основы теории кодификации уголовно-правовых норм. Самара, 2001. С. 95–96.

³ Пудовочкин Ю.Е. Учение об уголовном законе. М., 2014. С.56.

⁴ Баранов В.М., Краснов Д.Г. Кодификационное пространство государства. Вместо предисловия // Кодификация законодательства: теория, практика, техника: Материалы Международной научно-практической конференции (Нижний Новгород, 25-26 сентября 2008 года) / Под ред. доктора юридических наук, профессора, заслуженного деятеля науки РФ В.М. Баранова, кандидата юридических наук, доцента Д.Г. Краснова. Н. Новгород, 2009. С. 16.

На основании проведенного исследования в Концепции определено, что Особенная часть уголовного закона – это созданный с помощью законодательной техники один из парных сложно структурированных компонентов уголовного закона, расположенный после его Общей части, характерный прежде всего для кодифицированного уголовного законодательства, объединяющий в группы в определенной последовательности статьи, содержащие описание признаков составов преступлений, размеров и видов наказаний за их совершение, а также отдельные специальные предписания (их несколько видов: 1) исключения или уточнения положений, содержащихся в Общей части уголовного закона (например, об освобождении от ответственности; об освобождении от наказания); 2) исключения и уточнения по отношению к положениям статей Особенной части уголовного закона (о пределах применения статьи, главы и др.).

Структурирование Особенной части уголовного закона обусловлено, с одной стороны, особенностями социально-экономического, политического характера и иными внешними факторами, действующими в момент принятия кодифицированного акта или внесения в него изменений, а с другой – наукой и искусством законодательной техники. Первое относится к содержанию структурных компонентов уголовного кодекса, их группировке и месторасположению, второе – к форме уголовного закона.

В Концепции поддерживается позиция, согласно которой «при формировании Особенной части Уголовного кодекса РФ в основу кладется родовый объект - при объединении статей в разделы и видовой объект – при строении глав»¹. Это обусловлено историческими традициями, а также удобство применения Особенной части уголовного закона, построенного с учетом этого подхода, нашло подтверждение на практике. В специальной литературе в целом верно отмечено, что необходимо «приведение структуры

¹ Копшева К.О. Уголовное законодательство Российской Федерации и его основания (теоретический аспект): автореф. ... дис. канд. юрид. наук. Саратов, 2004. С. 19.

уголовного закона в соответствии с научно обоснованной классификацией объектов, в построении его разделов и глав по признаку родовых объектов преступлений, помещенных в конкретную главу, конкретный раздел»¹. Важным является понимание того, какие объекты должны быть определены в разделах, главах, статьях, поскольку верно отмечают А.И. Коробеев и А.И. Чучаев, что место нормы в системе Особенной части УК РФ - вопрос не столько законодательной техники, сколько сущностный². Он имеет значение для определения правовой природы преступления и его соотношения с другими преступлениями.

Традиционно систематизация и структурирование положений Особенной части российского уголовного закона осуществляется исходя из особенностей объектов преступлений и их места в иерархии политико-правовых ценностей, а также других элементов (признаков) составов преступлений. Иерархия политико-правовых ценностей относительна и подвержена изменениям во времени. Все ценности, которые охраняются уголовным законом, значимы и в правовом социальном государстве через закон должны подлежать охране. Несоблюдение баланса в охране одних ценностей над другими может привести к трансформации правового закона в неправовой, разбалансировки всей уголовно-правовой системы.

При построении Концепции учитывается, что в отечественной науке существует три доминирующих альтернативных варианта построения системы и структуры Особенной части уголовного закона.

Первый вариант состоит в сохранении в начале Особенной части структурного компонента, объединяющего статьи о преступлениях против личности, прав и свобод человека и гражданина, но с некоторыми уточнениями. Например, предлагается согласовать название разделов Особенной части с названными в ст. 2 УК РФ объектами, обозначив их в

¹ Энциклопедия уголовного права. Состав преступления. В 35 т. Т. 4 / Н.И. Коржанский, В.Н. Кудрявцев, В.Б. Калинин, В.Г. Павлов, А.И. Рарог и др. СПб., 2010. С. 138.

² Коробеев А.И., Чучаев А.И. Транспортные преступления: проект новый – недостатки старые //Актуальные проблемы российского права. 2019. № 10 (107). С. 178.

следующей последовательности: охрана личности, экономической сферы, общественной безопасности и общественного порядка, государственной власти, мира и безопасности человечества от преступных посягательств¹. В этом случае система и структура Особенной части в уголовном законе совпадает с действующей редакцией УК РФ.

В науке предложены и некоторые модификации этого варианта. Например, Ю.А. Тимошенко предлагает раздел IX «Преступления против общественной безопасности и общественного порядка» расположить после раздела VII «Преступления против личности»². То есть этот ученый также признает приоритет охраны прав и свобод человека и гражданина (личности), но изменяет последовательность расположения следующих за ним объектов.

Такой же подход к системе Особенной части уголовного закона разделяют и авторы теоретической модели, которые преимущественно сохраняют существующую последовательность расположения разделов в Особенной части УК РФ, т.е. от раздела о преступлениях против личности к завершающему разделу о преступлениях против мира и безопасности человечества. Они указывают, что «раздел — преступления против мира и безопасности человечества — по важности охраняемых объектов должен находиться на первом месте — до посягательств на человека»³. Но тогда, по их мнению, следует «переместить на второе место раздел преступлений против основ конституционного строя и безопасности (государственные преступления)»⁴. Эти ученые-юристы делают еще одну ремарку, что «государственные преступления посягают на самые важные ценности (если не принимать во внимание человека как высшую ценность по Конституции РФ, хотя даже если и его принимать во внимание)»⁵, то есть фактически они

¹ Энциклопедия уголовного права. Понятие уголовного права. В 35 т. Т. 1 / Б.В. Волженкин, Г.Ю. Лесников, Н.А. Лопашенко, В.В. Мальцев и др.; отв. ред.: В.Б. Малинин. СПб., 2005. С. 240-241.

² Тимошенко Ю.А. Конструирование уголовно-правовых норм об ответственности за экологические преступления: проблемы теории и практики: дис. ... д-ра. юрид. наук. М., 2019. С. 17.

³ Лопашенко Н.А., Кобзева Е.В., Хутов К.М., Долотов Р.О. Теоретическая модель Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации: основные положения структуры и содержания // Всероссийский криминологический журнал. 2017. Т. 11. № 1. С. 115.

⁴ Там же. С. 115.

⁵ Там же. С. 114.

признают, определенный приоритет за государственными преступлениями, но тем не менее не отражают это в авторской модели.

Два других варианта предлагают изменение последовательности объектов уголовно-правовой охраны в Общей части, а также системы и структуры Особенной части уголовного закона.

Согласно второму варианту, в начало Особенной части уголовного закона следует поместить раздел о государственных преступлениях, посягающих на основы конституционного строя, безопасность государства, государственной власти, а затем иные объекты. Такая позиция не утратит своей актуальности со временем и всегда найдет своих сторонников. Как справедливо отмечает И. Э. Звечаровский: «для российского уголовного законодательства всегда было характерным в уголовно-правовой охране отдавать приоритет интересам государства в сравнении с интересами личности»¹. Это подтверждает и проведенное сравнительно-правовое исследование. Среди сторонников таких трансформаций, например, М.М. Нафиков, который видит будущее в принятии нового уголовного закона, где изменится последовательность расположения структурных компонентов Особенной части, а именно первыми будут расположены разделы и главы о преступлениях, посягающих на интересы государства².

М.В. Бавсун предлагает авторский вариант содержания ст. 2 УК РФ, а именно «задачами Уголовного кодекса Российской Федерации должны являться: охрана конституционного строя Российской Федерации от преступных посягательств, обеспечение мира и безопасности человечества, охрана прав и свобод человека и гражданина, собственности, общественного порядка и общественной безопасности, окружающей среды и других групп общественных отношений, а также предупреждение преступлений»³. М.В.

¹ Звечаровский И.Э. Уголовное право России: курс Общей части во многом определяющей действенность положений его части Особенной: учебник. М., 2024. С. 21-22.

² Нафиков М.М. Система Особенной части УК РФ: вопросы теории и практики // Вестник экономики, права и социологии. 2017. № 1. С. 101.

³ Бавсун М.В. Уголовно-правовое воздействие: идеология, цели и средства реализации: автореф. ... д-ра юрид. наук. Омск, 2013. С. 30.

Бавсун изменяя задачи абсолютно закономерно предлагает изменение всей системы Особенной части УК РФ в соответствии с новой редакцией ст. 2 УК РФ.

А. В. Шеслер также полагает, что «назрела потребность отойти от системы либеральных ценностей как приоритетов уголовно-правовой охраны (в парадигме — личность, общество, государство) и перейти к приоритетной уголовно-правовой охране консервативных ценностей (в парадигме — государство, общество, личность)»¹.

Следует отметить, что возвращение к историческим традициям, когда государственные преступления располагались в начале Особенной части уголовного закона во всех предшествующих уголовных кодексах, могла бы устранить те рассогласования, которые, как показал законодательный опыт, рано или поздно возникают в концептуальных положениях российского уголовного закона в связи с его реформированием. Однако такая модель вряд ли приемлема, поскольку может в целом быть негативно оценена обществом, создать ложное впечатление о недооценки ценности прав и свобод человека. Такое решение не является приемлемым.

Существует и третий вариант, который состоит в том, чтобы в начале последовательности объектов была обозначена охрана (или обеспечение) мира и безопасности человечества, а затем иные объекты. Так, А. П. Кузнецов, Н.Н. Маршакова отмечают: «примером нарушения приоритетности объектов уголовно-правовой охраны может служить задача обеспечения мира и безопасности человечества, которая в системе задач необоснованно поставлена на последнее место»². Эти ученые предлагают новую редакцию ст. 2 УК РФ, где задачами являются: «охрана мира и безопасности человечества,

¹ Шеслер А.В. Изменение приоритетов уголовно-правовой охраны как основное направление уголовно-правовой политики в аспекте определения преступности и наказуемости деяния // Вестник Кузбасского института. 2023. № 1 (5). С. 126.

² Кузнецов А.П., Маршакова Н.Н. Кодификация российского уголовного законодательства: проблемы, тенденции и перспективы развития // Кодификация законодательства: теория, практика, техника: Материалы Международной научно-практической конференции (Нижний Новгород, 25-26 сентября 2008 года) / Под ред. доктора юридических наук, профессора, заслуженного деятеля науки РФ В.М. Баранова, кандидата юридических наук, доцента Д.Г. Краснова. Н. Новгород, 2009. С.803.

прав и свобод человека и гражданина, экономики, общественной безопасности и общественного порядка, государственной власти, военной службы, а также предупреждение преступлений»¹.

О перемещении преступлений против мира и безопасности человечества в начало Особенной части УК РФ пишут и другие ученые. Например, М.С. Жук предлагает расположить в Особенной части УК РФ сначала структурный компонент о преступлениях против мира и безопасности человечества, затем против общественной безопасности, затем статьи о других преступлениях².

Р.Г. Аслаян более детально излагает авторскую систему Особенной части уголовного закона, предлагая следующую последовательность: «преступления против мира и безопасности человечества, преступления против личности, преступления против безопасности государства, преступления против общественной безопасности, преступления против экономики»³. Также 31,6 % опрошенных респондентов согласны с тем, что преступления против мира и безопасности человечества должны быть описаны в начале Особенной части УК РФ (см. Приложение 3).

В Концепции руководствуемся тем, что «порядок изложения объектов уголовно-правовой охраны ... имеет большое морально-политическое значение, демонстрируя обществу иерархию охраняемых уголовным законом ценностей»⁴. Стоит учитывать, что в каждом разделе содержатся преступления различных категорий. И выстраивание иерархии охраняемых объектов во многом обусловлено уголовной политикой того времени, в который принимается закон. Она может быть демонстрацией властью

¹ Кузнецов А.П., Маршак Н.Н. Кодификация российского уголовного законодательства: проблемы, тенденции и перспективы развития // Кодификация законодательства: теория, практика, техника: Материалы Международной научно-практической конференции (Нижний Новгород, 25-26 сентября 2008 года) / Под ред. доктора юридических наук, профессора, заслуженного деятеля науки РФ В.М. Баранова, кандидата юридических наук, доцента Д.Г. Краснова. Н. Новгород, 2009. С.805.

² Жук М.С. Вопросы обеспечения системности Особенной части Уголовного кодекса РФ // Эффективность права: проблемы теории и практики: материалы Междунар. науч.-практ. конф. Краснодар, 10-11 октября 2014 г. Краснодар: Кубанский гос. Ун-т, 2014. С. 351-352

³ Аслаян Р.Г. Особенная часть российского уголовного права: проблемы теоретического строения и системные параметры: монография / под ред. докт. юрид. наук, проф. В.П. Колягина. М., 2023. С. 412.

⁴ Энциклопедия уголовного права. Понятие уголовного права. В 35 т. Т. 1 / Б.В. Волженкин, Г.Ю. Лесников, Н.А. Лопашенко, В.В. Мальцев и др.; отв. ред.: В.Б. Малинин. СПб., 2005. С. 253.

определенной стабильности (например, через приверженность историческим традициям) или наоборот обновлением курса, как это произошло в УК РФ. В 1996 году Особенная часть строилась исходя из приоритета охраны прав и свобод человека и гражданина, опираясь на Конституцию РФ. Эти концептуальные начала по своей сути являлись верными и не утратили своей актуальности и значимости до сегодняшнего дня. В решениях Конституционного Суда РФ за эти годы неоднократно находила отражение, что «в Российской Федерации человек, его права и свободы являются высшей ценностью»¹. В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации также подчеркивается, что «Конституцией Российской Федерации закреплены фундаментальные ценности и принципы, формирующие основы российского общества, безопасности страны, дальнейшего развития России в качестве правового социального государства, в котором высшее значение имеют соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина»².

Построение Особенной части российского уголовного законодательства должно по-прежнему основываться на ключевой идее безусловной ценности прав и свобод человека и гражданина в правовом социальном государстве. Это та основная концептуальная идея, из которой вытекает решение всех иных концептуальных вопросов уголовного закона. А.В. Наумов справедливо пишет, что «задача охраны личности, ее прав и свобод от преступных посягательств - основная задача уголовного права»³. Однако полагаем, что приоритет охраны прав и свобод человека и гражданина должен проявляться не столько в месте расположения раздела в Особенной части, хотя и в нем, а в построении диспозиций (выборе конструкций составов преступлений) и санкций статей, соотносимых по строгости с санкциями других статей.

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 08.04.2021 № 11-П «По делу о проверке конституционности статьи 116.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Л.Ф. Саковой» // СПС «КонсультантПлюс».

² Указ Президента РФ от 02.07.2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

³ Наумов А.В. Российское уголовное право. Общая часть: курс лекций. М., 2024. С. 50.

С учетом современных реалий, существующих традиций и происходящими в мире трансформаций логичнее было построить следующую иерархию ценностей: преступления против безопасности человечества – преступления против права и свободы человека – преступления против общественной безопасности – преступления против государства – преступления против мира – преступления против экологической безопасности - преступления против экономики. Размещение статей о преступлениях против человечества в начале Особенной части уголовного закона не противоречит общей концепции о высшей ценности прав и свобод человека. Преступления против мира, как справедливо отмечал еще М.Д. Шаргородский, должны следовать после государственных преступлений¹. Однако с точки зрения законодательной техники вряд ли обоснованным будет создание самостоятельного раздела и главы для одной-двух статей, ее необходимо будет либо объединять с преступлениями против человека, либо сохранить единую группу преступлений против мира и безопасности человечества. С учетом сказанного, полагаем, что логичнее будет несколько трансформировать предложенный вариант и предложить следующее построение системы Особенной части уголовного закона: преступления против мира и безопасности человечества – преступления против права и свободы человека – преступления против общественной безопасности – преступления против государства – преступления против экологической безопасности - преступления против экономики. Такое построение Особенной части уголовного закона также, по нашему мнению, не противоречит общей концепции ценности прав и свобод человека. В этом смысле справедлива мысль о том, что «все уголовно-правовые отношения, независимо от их вида, характеризуются наличием единого объекта - безопасность человека. Все иные виды безопасности базируются на безопасности человека (личности),

¹ Шаргородский М.Д. Уголовный закон. М., 1948. С. 431.

оцениваются в контексте последней»¹. С другой стороны, как верно отмечено в научной литературе: «агрессивные войны, производство оружия массового уничтожения, истребление людей другой расы или национальности, уничтожение флоры и фауны – все это причиняет или способно причинить неисчерпаемый ущерб людям, не идущий ни в какое сравнение с вредом от так называемых общеуголовных преступлений»². Что касается расположения этой группы преступлений в одном разделе, то хотя и существует практика разделения этих преступлений (например, УК Франции), Л.В. Иногамова-Хегай приводит убедительные доводы в сохранении этой группы с учетом общности их объекта³. Поясним также, что в этой модели раздел о преступлениях против военной службы включен в качестве самостоятельной главы в раздел о преступлениях против государства, поскольку военная служба является особым видом федеральной государственной службы⁴. Преступления против экологической безопасности расположены в самостоятельном разделе в силу специфики охраняемых общественных отношений и с целью подчеркнуть важность уголовно-правовой охраны этого объекта. Экономические преступления помещены в завершающий раздел Особенной части уголовного закона не в силу их малой значимости, а с учетом того, что это наиболее динамично меняющиеся статьи уголовного закона.

Однако важна охрана каждого из названных объектов: прав и свобод человека, важна охрана самого правового социального государства, в котором они должны защищаться и охраняться, важен мир и безопасность человечества, без которых невозможно в полной мере охранять и защищать права человека, а также сохранение среды обитания и экономической безопасности. Только признавая ценность каждого из объектов, выстраивая

¹ Денисова А.В. Системность российского уголовного права: теория, закон, практика: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2018. С. 10-11.

² Цит. по.: Полный курс уголовного права. Преступления против мира и безопасности человечества. Международное уголовное право. Нюрбергский и Токийский трибуналы. В 10 т. Т IX. / под ред. д-ра юрид. наук., проф., заслуженного деятеля науки РФ А.И. Коробеева. СПб., 2021. С. 20.

³ Там же. С. 21

⁴ Федеральный закон от 28.03.1998 г. № 53-ФЗ (ред. от 23.03.2024) «О воинской обязанности и военной службе» // СПС «КонсультантПлюс».

баланс в их охране, возможно создать модель уголовного закона, его Особенной части, способной решать задачи, стоящие перед обществом и государством. Вместе с тем, конечно, важно понимать, что обеспечение надлежащего функционирования правового государства, институтов гражданского общества, социально-экономического благополучия населения – это не задача уголовного законодательства. Уголовный закон не должен являться средством решения всех проблем внутри государства. Хороший и эффективный уголовный закон может быть только в обществе и государстве, где созданы для этого все необходимые социальные, экономические, политические предпосылки. Идеальная теоретическая модель Особенной части уголовного законодательства, созданная без учета реальной обстановки внутри государства, может просто быть непригодной. Однако и перекосы в охране того или иного объекта приводит к разбалансировке всей системы. Уголовный закон перестает эффективно регулировать отношения, вызывает недовольство и критику с разных сторон.

А.В. Наумов мудро указывает, что «слова Конституции о правах и свободах граждан – это пока что идеал, который, учитывая на этот счет наши исторические традиции не столь просто и достижим»¹. Т.В. Кленова также указывает, что «требование о признании, соблюдении и защите прав и свобод человека и гражданина имеет особый смысл для России, в истории которой вопрос о соотношении прав личности и государства обычно решался не в пользу личности»². Важным является поиск баланса между частным и публичным интересами в уголовном законодательстве. Н.И. Пикуров отмечает, что «способность государства определить необходимый баланс частных и публичных интересов отражает уровень зрелости правовой

¹ Наумов А. В. Проблемы кодификации российского уголовного законодательства: новый Уголовный кодекс или новая редакция Кодекса? // Общество и право. 2010. № 5. С. 15.

² Кленова Т.В. О совместимости публичного и частного интересов в уголовном праве// Уголовное право. 2006. № 2. С.45.

системы»¹. Однако к этому идеалу по-прежнему стоит стремиться, он по-прежнему остается актуальным.

Таким образом, необходимо не отказываться от провозглашенных ценностей, а усовершенствовать эту систему.

Построение стройной и упорядоченной системы Особенной части уголовного закона способствует правильному пониманию и применению ее положений. Место расположения статей, глав, разделов и т.д. в Особенной части уголовного закона способствует раскрытию содержания признаков составов преступлений посредством системного толкования.

В Концепции предложено усложнение структуры Особенной части российского уголовного закона путем перехода к четырехкомпонентному строению (разделы, главы, параграфы и статьи), то есть вместо объединения статей на двух уровнях (раздел/глава) использовать три уровня (раздел/глава/параграф). Допустимо наличие отдельных разделов, включающих только одну главу, а равно глав, которые не будут состоять из нескольких параграфов. В случае четырехкомпонентного строения Особенной части в названии (наименовании) разделов и глав должны находить отражение особенности объектов преступлений, а параграфов – объектов и иных элементов (признаков) составов преступлений. Таким образом, будущее видится в иерархической структуре Особенной части с увеличением числа компонентов – раздел/глав/параграф. В период действия уголовного закона, как правило, новые родовые объекты – разделы не включаются, но происходит «разрастание» законодательного материала. Введение нескольких уровней объединения статей позволит упорядочить законодательный материал и в будущем. Разнокомпонентность структурных единиц Особенной части дает резерв для ее последующих трансформаций. Введение новых параграфов позволят в перспективе упорядочить увеличившиеся в объеме главы.

¹ Пикуров Н.И. Частная жизнь и уголовное право: поиск баланса интересов государства и личности: монография. М., 2022. С. 5.

Изменение числа глав, разделов приводит к качественным преобразованиям Особенной части уголовного закона, так как сама последовательность их размещения связана с концептуальными основами уголовного закона, которые могут претерпевать изменения только при полном пересмотре Общей и Особенной части закона. В период действия не рекомендуется изменение числа макрокомпонентов Особенной части уголовного закона.

Раздел Особенной части уголовного закона объединяет статьи и главы, которые включают описание преступлений, имеющих единый родовый объект. В наименовании (названии) раздела указываются признаки единого родового объекта для всех преступлений, описанных в этом структурном компоненте.

Согласно Концепции, каждый раздел содержит главы(у), объединяющие статьи. Если внутри раздела законодатель полагает возможным выделить только одну главу, то ее наименование должно полностью совпадать с названием раздела. Однако если в будущем возникнет необходимость создать вторую главу, то ни одна из них не должна иметь наименование, которое полностью повторяет название раздела.

Нумерация разделов, глав и статей Особенной части уголовного закона продолжает нумерацию разделов, глав и статей Общей части, демонстрируя единство уголовного закона в целом. Будучи единой (сквозной), нумерация разделов Особенной части начинается с номера раздела, следующим за последним номером раздела Общей части уголовного закона.

В Концепции сформулированы правила построения глав Особенной части российского уголовного закона. Отмечено, что глава является обязательным структурным компонентом Особенной части уголовного закона и всегда выделяется внутри раздела. Она может включать только статьи, либо статьи, объединенные в два и более параграфа. Глава объединяет статьи, в которых описаны признаки составов преступлений с единым видовым объектом. Главы имеют наименование, в котором обозначены признаки

видового объекта преступлений, при этом желательно использовать единообразную формулировку «Преступления против...».

Точное число разделов, глав и порядок их расположения будет зависеть от совокупности причин в момент принятия закона. В настоящее время, как отмечалось, в науке не существует единства подходов к числу и названию родовых и видовых объектов, возможно, консенсус будет найден к моменту принятия уголовного закона. В целом, расположение структурных компонентов (разделов, глав, статей и др.) внутри Особенной части уголовного закона зависит от совокупности факторов: иерархии охраняемых уголовным законом политико-правовых ценностей, исторической обусловленности уголовно-правовых норм, криминогенных тенденций и процессов, международно-правовых обязательств, социально-экономических и политических факторов и др. Таким образом, окончательное число структурных компонентов Особенной части уголовного закона в будущем будет обосновываться многообразием факторов, число и силу которых даже в среднесрочной перспективе сложно предугадать.

В Концепции представлены правила построения параграфов Особенной части российского уголовного закона. Определено, что параграф не является обязательным компонентом Особенной части уголовного закона. Он состоит из статей, объединенных по одному или нескольким единым критериям. В качестве критерия может выступать не только объект, но и другие основания. Еще В. Кудрявцев и Н. Стручков отмечали, что «некоторые преступления можно объединить в отдельные группы не только по признакам объекта, но и по характеру антисоциальных побуждений их совершения и общих криминологических свойств личности субъектов»¹.

Если глава включает несколько параграфов, то они должны располагаться в зависимости от того, к какому элементу состава преступления отнесен критерий, на основании которого объединены статьи: общий признак

¹ Кудрявцев В., Стручков Н. Борьба с умышленными нарушениями должностных, профессиональных и гражданских обязанностей // Советская юстиция. 1972. № 1. С. 9-10.

объекта, затем общий признак объективной стороны, общий признак субъективной стороны, общий признак субъекта;

В качестве элементарной частицы Особенной части уголовного закона в Концепции рассматривается статья. Она является обязательным компонентом уголовного закона, в том числе его Особенной части. При определении места статьи в Особенной части УК РФ необходимо точно определять основной и дополнительный объект конкретных преступлений.

Особенная часть уголовного закона направлена на создание правовой определенности в регулировании уголовно-правовых отношений. Ее отсутствие «размывает» границы преступного и наказуемого, исключает законом установленную дифференциацию ответственности. Наличие Особенной части в уголовном законе способствует реализации принципов уголовного права и уголовной политики. Ее содержание обусловлено ими, но и через нее они проявляются. Именно в Особенной части уголовного закона конкретизируются те общественные отношения, которые подлежат охране.

Идеи Особенной части уголовного закона определяются ценностями, заложенными в основу всего уголовного закона, а также пониманием того, что юридически признается преступлением и наказанием внутри государства в конкретный исторический момент. Как верно отмечено в специальной литературе, «применительно к уголовному праву это означает, что его интегративные начала проявляются в сплочении общества лишь против таких преступлений, общественная опасность и недопустимость которых очевидна и понятна»¹. В Концепции обозначена важность соблюдения принципов и правил криминализации, декриминализации, пенализации и депенализации, дифференциации ответственности. Без их учета, как образно было указано в научной литературе, уголовный закон превращается в «тришкин кафтан, который чинится в одном месте и немедленно расплзается в другом»².

¹ Энциклопедия уголовного права. Понятие уголовного права. В 35 т. Т. 1 / Б.В. Волженкин, Г.Ю. Лесников, Н.А. Лопашенко, В.В. Мальцев и др.; отв. ред.: В.Б. Малинин. СПб., 2005. С. 255.

² Лопашенко Н.А. О доктринальных предпосылках создания нового уголовного закона // Криминологический журнал Балтийского государственного университета экономики и права. 2014. № 4. С.6.

В Концепции обобщены и систематизированы правила построения диспозиций, санкций и примечаний, которые изложены в настоящей работе.

В настоящее время параллельно с утверждением Концепции необходимо проводить основательные социологические и криминологические исследования, комплексные исследования преступного и наказуемого, строить модели санкций, конструировать составы преступления. Разрабатывать общую идею, рекомендации построения форм всех структурных элементов, составных частей.

Невозможно создать идеальную Особенную часть уголовного закона. Как пишет А. В. Наумов, «будет ли новая редакция кодекса (или новый кодекс) идеальной? Никогда. И наша отечественная уголовно-правовая и криминологическая наука возлагает на этот счет явно преувеличенные надежды»¹. Однако возможно приблизиться к идеалу, разработать концептуальные основы построения уголовного законодательства. Современность свидетельствует о том, что ни в настоящее время, ни в будущем у комиссий не будет столько времени на разработку уголовного закона, сколько этим занимались комиссии в XVIII веке.

Таким образом, можно сформулировать следующие выводы.

1. Под концепцией построения Особенной части российского уголовного закона понимается комплекс теоретических положений об исходных идеях, принципах и правилах построения этого парного структурного компонента отечественного уголовного закона.

2. Разработана модель (письменный акт) концепции построения Особенной части российского уголовного закона, включающая: 1) общие положения, 2) исходные идеи, принципы и правила построения Особенной части российского уголовного закона, 3) индикаторы необходимости её реформирования, 4) ожидаемые результаты реализации Концепции построения Особенной части российского уголовного закона.

¹ Наумов А. В. Проблемы кодификации российского уголовного законодательства: новый Уголовный кодекс или новая редакция Кодекса? // Общество и право. 2010. № 5. С. 17.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Завершая теоретико-прикладное исследование, посвященное проблемам построения Особенной части российского уголовного закона, подведем итоги и наметим пути и перспективы продолжения научного поиска в указанной области.

На основании проведенного научного исследования решены поставленные задачи и получены следующие результаты:

1. *Определено понятие «Особенная часть уголовного закона», сущностные признаки, значение.*

Особенная часть уголовного закона – это созданный с помощью законодательной техники один из парных структурных компонентов уголовного закона, расположенный после Общей части, характерный прежде всего для кодифицированного уголовного законодательства, объединяющий в группы в определенной последовательности статьи, содержащие описание признаков составов преступлений, размер и виды наказаний за совершение конкретных преступлений, а также отдельные специальные предписания, касающиеся вопросов уголовной ответственности (освобождения от ответственности, наказания и др.).

Особенная часть уголовного закона демонстрирует круг преступного и уголовно-наказуемого, упорядочивает и систематизирует виды преступлений по характеру и степени общественной опасности, а равно определяет меру уголовной ответственности.

2. *Изучена эволюция Особенной части российского уголовного законодательства, в том числе своеобразие ее детерминации и генезиса.*

Причины появления Особенной части уголовного законодательства: практическая необходимость в упорядочении и согласовании положений уголовного закона о конкретных преступлениях и ответственности за их совершение; развитие науки, способности отделить общее от частного, овладение научными методами исследования, изучение опыта зарубежных

государств и предложенных в зарубежной науке теорий; повышение у законодателя уровня знаний и навыков владения законодательной техникой.

Определены два периода в истории развития Особенной части уголовного закона, каждый из которых характеризуется спецификой построения этого парного структурного компонента.

Первый период некодифицированного уголовного законодательства. В этот период положения, характерные для Особенной части уголовного закона, не объединены в одном отраслевом кодифицированном акте. Нормы уголовного права содержатся, как правило, в межотраслевых или в несистематизированных отраслевых памятниках отечественного права. В этот период Особенная часть уголовного закона не является подсистемой единой внутренне согласованной целостной системы уголовного закона, законодатель не называет ее так и не предполагает, что это единый согласованный свод специальных уголовно-правовых положений.

Второй период кодифицированного уголовного законодательства, когда законодатель в уголовном кодексе выделяет и называет Особенную часть, она становится обязательным парным компонентом уголовного закона, а уголовный кодекс - единственным источником норм уголовного права. Это концептуально новый этап в развитии российского уголовного законодательства. Особенная часть уголовного закона теперь самостоятельный структурный компонент отраслевого закона, согласованный с Общей частью. Именно она призвана включить исчерпывающий перечень деяний, признанных преступлениями.

Выделение двух вышеназванных периодов необходимо для понимания предпосылок формирования и трансформации техники построения Особенной части российского уголовного закона.

Установлено, что на структуру и содержание Особенной части уголовного законодательства влияет целая совокупность детерминант: социально-экономические, политические, культурные, религиозные, исторические, идеологические, научные и др.

Особенная часть уголовного закона - не просто юридико-технический компонент уголовного кодекса, ее содержание обусловлено внешними факторами. Законодательная техника Особенной части уголовного закона служит отражением содержания, концепций и идей, лежащих в основе принятого нормативного правового акта. Идея и форма (условные плоскости восприятия Особенной части уголовного закона) взаимосвязаны, одна не существует без другой, они едины в своем бытии и выделяются для научных и практических целей. Однако они и взаимозависимы, идея может быть искажена, если неверно использован юридико-технический инструментарий, что верифицируется, в том числе, через анализ практики применения закона. Норма права и юридические конструкции являются одними из созданных человеком моделей, которые способствуют объединению плоскостей идей, смыслов и форм.

Законодательную технику Особенной части российского уголовного законодательства допустимо изучать с первого официально опубликованного памятника права (Соборного уложения 1649 года). Особенная часть некодифицированного уголовного законодательства проходит путь от простой структуры (глава/статья – Соборное уложение 1649 г.) к более сложной структуре (раздел/глава/отделение/отдел/статья – Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г.). В начале XX века возвращаются к простой структуре (глава/ статья – Уголовное уложение 1903 г.).

Структура Особенной части кодифицированного уголовного законодательства также проходит путь от более простой (глава/статья) к более сложной (раздел/глава/статья).

Макрокомпоненты Особенной части российского уголовного закона (разделы, главы, отделения и отделы) имеют наименования, в которых, как правило, называется объект уголовно-правовой охраны. Структурные компоненты неодинаковы по объему и логике построения. Закономерности по расположению статей внутри глав, которые могли бы считаться характерными для всей Особенной части уголовного закона, не выявлено.

Последовательность расположения статей внутри структурного компонента может быть обусловлена одним или несколькими критериями: категорией преступления (от более к тяжкому к менее тяжкому или наоборот); объектом преступления и (или) формы вины и др.

Наименования у статей появляются в Особенной части УК РСФСР 1960 г., и эта традиция сохраняется в УК РФ.

Начиная с Уголовного уложения 1903 г., законодатель стремится использовать преимущественно абстрактный прием при построении диспозиций статей. Однако в период действия уголовного закона, как правило, увеличивается число диспозиций, построенных с помощью другого приема - казуистического.

При принятии нового кодифицированного уголовного закона, как правило, законодатель стремится согласовать содержание санкций статей в зависимости от категорий преступлений и построить их логично, непротиворечиво, но эта системность утрачивается в период действия закона в связи с перманентно вносимыми изменениями. При построении Особенной части российского уголовного закона со временем происходит постепенный переход от абсолютно определенных и абсолютно неопределенных санкций к установлению законодательно определенных пределов наказания.

3. Проанализирован опыт построения Особенной части уголовного закона в различных современных правовых системах.

В различных правовых системах при построении Особенной части уголовного закона могут использоваться одинаковые или схожие приемы, средства и правила. Процесс глобализации привел к некоторой унификации положений уголовного закона, но не лишил ни одну Особенную часть специфических национальных, культурных черт.

Особенная часть уголовного закона всегда несет на себе национальный, исторический, культурный, научный отпечаток той среды, в которой и для которой она создана и принята. При этом выраженная одинаково с точки

зрения законодательной техники статья в различных государствах может обретать свое толкование, понимание, применение.

Опыт зарубежных стран в построении Особенной части уголовного законодательства может быть эффективен только в случае его адаптации под существующие в конкретном государстве и обществе отношения.

В ходе сравнительно-правового исследования сформулировано предложение обсудить применимость некоторых моделей построения структурных компонентов Особенной части к отечественному уголовному закону.

4. Исследованы теоретические предпосылки построения Особенной части российского уголовного закона.

Влияние на содержание и структуру Особенной части уголовного закона оказывает тип правопонимания. К концу XX века в России происходит попытка перехода от позитивизма к естественно-правовому типу правопонимания, что нашло отражение как в последовательности расположения структурных компонентов, так и в обосновании появления той или иной статьи в Особенной части УК РФ 1996 г. Однако до настоящего времени в научных работах можно встретить взгляды, характерные практически для всех типов правопонимания. Эта палитра взглядов должна учитываться при разработке Особенной части уголовного закона.

В диссертации сделан вывод о том, что Особенная часть уголовного закона должна быть единственным источником уголовно-правовых норм и включать закрытый перечень деяний, признаваемых преступлениями, а также представлять дифференцированный подход к ответственности за их совершение. Ее содержание должно быть обосновано разработанными в доктрине правилами и принципами криминализации (декриминализации) и пенализации (депенализации).

Установлено соотношение категорий «норма права», «состав преступления» и «статья Особенной части уголовного закона». Сделан вывод о том, что ни одна статья Особенной части уголовного закона не описывает

полностью ни норму права, ни состав преступления. Попытка найти соотношение между нормой права и статьей уголовного закона выразилась во введении в научный оборот таких понятий, как «нормативное предписание» и «нормативное положение». Они не являются специфическим для отрасли уголовного права, а используются и в других отраслях права.

Целесообразно при построении Особенной части уголовного закона осуществлять сопоставление статьи уголовного закона с гипотезой, диспозицией, санкцией нормы уголовного права. При введении новелл в уголовный закон прежде всего конструировать состав преступления и санкцию.

б. Раскрыты основания систематизации и правила структурирования Особенной части российского уголовного закона.

В России сформирован подход, согласно которому макрокомпоненты Особенной части (разделы и главы) создаются с учетом общности объекта преступлений, признаки которых описаны в статьях этого структурного образования.

В отличие от Общей части уголовного закона, расположение структурных компонентов внутри Особенной части уголовного закона зависит от совокупности факторов: иерархии ценностей, исторической обусловленности уголовно-правовых норм, криминогенных тенденций и процессов, международно-правовых обязательств, социально-экономических и политических факторов и др. Именно последовательность структурных компонентов Особенной части уголовного закона отражает социальную обусловленность закона.

Построение системы Особенной части уголовного закона способствует пониманию и применению закона. Место расположения статьи, главы, (раздела и т.д.) в Особенной части уголовного закона оказывает влияние на раскрытие содержания признаков составов преступлений через системное толкование.

Особенная часть уголовного закона должна учитывать следующий порядок расположения макрокомпонентов: преступления против мира и безопасности человечества – преступления против права и свободы человека – преступления против общественной безопасности – преступления против государства – преступления против экологической безопасности – преступления против экономики.

Последовательность расположения и окончательное число структурных компонентов Особенной части уголовного закона в будущем станет обосновываться многообразием факторов, «параллелограмм» сил которых в среднесрочной перспективе сложно предугадать. Целесообразным является совпадение в наименовании объектов охраны, обозначенных в Общей части уголовного закона, с объектами преступлений, обозначенных в наименовании разделов Особенной части уголовного закона.

Как показывает историко-правовой подход, текущее уголовно-правовое регулирование на порядок увеличивает объем Особенной части уголовного закона на порядок больше, чем Общей части. Введение изначально в Особенную часть уголовного закона нескольких уровней объединения статей (два первых (раздел, глава) по объекту преступлений, а третий – не только по объекту, но и по иному критерию) создает резерв для последующих изменений. При этом раздел, глава и статья признаются обязательными компонентами Особенной части уголовного закона, а параграфы – факультативными. При увеличении числа статей в Особенной части уголовного закона допустимо объединять статьи в новые параграфы, которые облегчают пользование законом, но существенно не изменяют концепции построения Особенной части уголовного закона.

7. Определены основы взаимодействия Общей и Особенной части уголовного закона.

Общая и Особенная частей уголовного закона должны быть связаны единой идеей, одинаковым пониманием ценностей, которые охраняются уголовным законом, строиться на основании одних принципов и быть

органически связаны посредством законодательно-технического инструментария.

Органическая взаимосвязь нормативных положений Общей и Особенной части является критерием внесения дополнений и изменений в уголовный закон. Как только создаются концептуальные противоречия между положениями Общей и Особенной частей уголовного закона, последний утрачивает свою целостность, логичность, непротиворечивость, ясность и не может эффективно решать стоящие перед ним задачи.

8. Установлен характер взаимосвязи положений Особенной части российского уголовного закона с иными отраслями отечественного законодательства и техника отражения этой связи.

Особенная часть российского уголовного закона связана практически со всеми существующими отраслями российского законодательства, поскольку направлена на охрану и защиту наиболее важных общественных отношений.

При построении Особенной части российского уголовного закона необходимо учитывать следующие положения:

- если отношения не урегулированы иной отраслью законодательства, но относятся к предмету ее регулирования, то уголовное законодательство не может вмешиваться в такие отношения раньше, чем они будут регламентированы не уголовно-правовым законом. Иначе говоря, бланкетный прием при создании диспозиции не может существовать при отсутствии того, к чему она отсылает;

- перед введением в действие новой статьи Особенной части уголовного закона всегда должен осуществляться мониторинг действующего законодательства иной отраслевой принадлежности. В случае установления наличия пробелов законодательного регулирования необходимо принятие одновременно нескольких нормативных правовых актов разной отраслевой принадлежности, либо должен последовать отказ от внесения изменений в Особенную часть уголовного закона;

- если в отраслевой закон вносятся изменения, которые влияют на содержание Особенной части уголовного закона, законодатель также должен указывать, какие акты утрачивают силу, а какие нет - относительно уголовного законодательства. Такая процедура соотнесения всех отраслей законодательства при принятии или изменении законов способствует исключению ситуаций создания статей, которые отсылают к нескольким противоречащим друг другу положениям или к несуществующим законам;

- если диспозиция статьи бланкетная, то должна использоваться единая терминология с законом, к которому она отсылает, при этом в статье Особенной части нет необходимости указывать полное название федерального закона.

9. Охарактеризованы специфика, отличительные черты техники построения отдельных структурных элементов Особенной части уголовного закона (разделов, глав, статей и др.).

Сделан вывод о том, что инструменты, используемые законодателем при построении Особенной части уголовного закона, не одного порядка. Существуют «элементарные частицы» законодательной техники и более крупные образования, которые чаще всего при их анализе оказываются совокупностью «элементарных частиц». Основы техники построения Особенной части уголовного закона анализируются на примерах построения структуры этого компонента и диспозиций, санкций статей, примечаний. Определяются приемы, использованные ранее и утратившие свою актуальность, а также современный инструментарий.

Подтверждено, что Особенная часть структурируется исходя из иных оснований, чем Общая часть. Отличается не только содержание статей двух частей уголовного закона, но и техника их построения. Приведена классификация диспозиций, санкций, примечаний статей Особенной части российского уголовного закона и на основании этого сформулированы правила построения Особенной части уголовного закона, представленные в авторской концепции.

10. Определены концептуальные проблемы внутриотраслевого рассогласования и проблемы техники построения Особенной части современного российского уголовного закона.

Проблемы концептуального характера представляют собой рассогласования в подходах к сущностным характеристикам, ключевым идеям уголовного закона и его Особенной части.

Первый комплекс рассогласований концептуального характера - это противоречия внутри ключевых общих идей, лежащих в основе всего уголовного закона и его Особенной части.

Второй комплекс рассогласований связан с возникновением противоречий при решении специальных уголовно-правовых вопросов и отражении этих решений в уголовном законе. Он касается выбора подхода к ключевым институтам и системным вопросам уголовного права: к источникам, институту соучастия, множественности преступлений, оконченному преступлению, и т.д. Именно из-за проблем, возникающих на втором уровне, чаще всего возникает рассогласование в уголовном законе между его Общей и Особенной частями.

Третий уровень рассогласований связан с возникновением противоречий при выборе подхода к тому, что определяется в государстве в качестве преступного и уголовно-наказуемого деяния, а что исключается из Особенной части УК РФ, то есть проблемы криминализации и декриминализации, пенализации и депенализации конкретных деяний.

Ключевая концептуальная проблема современной Особенной части УК РФ связана с рассогласованностью подходов к охране частного и публичного в уголовном законе, что приводит к дискуссиям о соответствии структуры Особенной части УК РФ современным реальным ценностям и вообще их сущности, критериев определения. Это сказывается на построении диспозиций и санкций статей. Существуют два пути решения этих проблем: наименее вероятный – отказ от изменений, вносящих противоречия; второй – согласование Общей и Особенной частей с учетом внесенных изменений. Если

будут выявлены существенные концептуальные противоречия с основными провозглашенными ценностями, несогласования с основным законом государства, то в этом случае единственный путь – новая кодификация.

Проблемы техники построения Особенной части уголовного закона: язык Особенной части современного уголовного закона, неясный правоприменителю; терминология и отсутствие (наличие) дефиниций, противоречащих общим правилам законодательной техники; увеличение количества частей в одной статье; объединение в одной статье нескольких составов преступлений; не всегда обоснованное избрание конструкций составов преступлений, где момент окончания перемещен на более ранние стадии развития преступной деятельности; несогласованность санкций и др.

11. Обоснована взаимосвязь между построением Особенной части уголовного закона и практикой ее применения, толкования.

Основы построения Особенной части уголовного законодательства неразрывно связаны с пониманием процессов дальнейшего применения и толкования уголовного закона. Любая идея может быть искажена не только при построении закона, но и любой идеально построенный закон может привести к совершенно иным результатам, чем те, которые рассчитывал увидеть законодатель при принятии уголовного закона.

Практика применения Особенной части уголовного законодательства отражает в реальности недочеты в построении этого структурного элемента. В России существует специфическая роль высшей судебной инстанции в применении Особенной части уголовного закона, что обусловлено исторически (в том числе и зарождением Особенной части, и ее дополнением через судебную практику). В работе сделан вывод о том, что судебная власть не должна: изменять конструкцию состава преступления при применении статьи; устранять противоречия между статьями Особенной части УК РФ; изменять концептуально содержание признаков составов преступлений, устранять «пробелы» в санкциях статей. Все эти действия – исключительная прерогатива законодателя.

10. Разработаны рекомендации по построению Особенной части уголовного закона и ее отдельных структурных компонентов (разделов, глав и статей, в том числе диспозиций, санкций и примечаний к ним).

Для макрокомпонентов (разделов/глав) оптимальным является структурирование по объекту уголовно-правовой охраны.

Предложено более дробное строение Особенной части уголовного закона (раздел/глава/ параграф), что позволит быть этому компоненту уголовного закона более динамичным.

Разработаны правила по построению диспозиций, санкций, примечаний Особенной части российского уголовного закона с учетом выявленных приемов, средств и правил построения, а также конструирования составов преступлений.

Решение поставленных задач позволило достигнуть цели диссертационного исследования - получить новые знания о концептуальных основах построения Особенной части российского уголовного закона, включающих осмысление взаимосвязи формы этого структурного компонента с его содержанием, и разработать на этой основе концепцию построения Особенной части российского уголовного закона.

Подтверждена гипотеза научного исследования, что допустимо установить свод принципов и правил построения Особенной части отечественного уголовного закона, предопределяющих ее содержание и форму, положительно влияющих на ее применение и обуславливающих ее нормальное развитие, и разработать на этой основе концепцию построения Особенной части российского уголовного закона.

Доказательством полученной в результате исследования научной новизны является разработанная новая концепция построения Особенной части уголовного закона. По-новому определены периоды и этапы формирования Особенной части российского уголовного закона как структурного компонента уголовного закона. Определены факторы, влияющие на содержание и форму Особенной части уголовного закона.

Предложены правила построения этого структурного компонента, включающие специфику ее структурирования, построения диспозиций, санкций и примечаний.

Научное значение исследования состоит во вкладе в общую теорию кодификации уголовно-правовых норм и в учение об уголовном законе.

Условия и границы применимости полученных результатов. Результаты научного исследования применимы в законотворческой деятельности при внесении изменений и дополнений в уголовный закон, а также разработке новой модели; в практике применения уголовного закона; в образовательной деятельности. Совокупность сформированных автором выводов и положений способна служить научной основой построения Особенной части уголовного закона.

Перспективы дальнейших исследований. В качестве возможных направлений дальнейшего исследования, развивающих тематику и результаты диссертационного исследования, можно назвать: исследование проблем соотношения уголовного права и уголовного закона на основе многообразия типов правопонимания (позитивизма; естественного права и т.д.); исследование критериев преступного и наказуемого деяния; исследование и прогнозирование новых объектов уголовно-правовой охраны; разработка основ построения санкций и диспозиций статей Особенной части уголовного закона, изучение их зависимости от объекта уголовно-правовой охраны; исследование проблем применения статей Особенной части УК РФ на основе анализа баз данных решений судов и правоохранительных органов, в том числе с использованием искусственного интеллекта; разработка моделей Особенной части российского кодифицированного уголовного закона. Это лишь некоторые возможные направления дальнейшего научного поиска, которые позволят создать фундаментальную научную базу для новой кодификации уголовно-правовых норм и будут содействовать сближению теории и практики уголовного права.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Нормативные правовые акты, судебные акты и другие документы:

1. Конституция Российской Федерации (принята 12 декабря 1993 г.). // Российская газета. – 1993. – 25 декабря (с поправками).
2. Всеобщая декларация прав человека. Принята резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 года // https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml
3. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (часть первая) (с изм. и доп.) // Собрание законодательства РФ. - 1994. – № 32. – Ст. 3301.
4. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2002. - № 1 (часть I). – Ст. 1 (с изм. и доп.).
5. Методические рекомендации по юридико-техническому оформлению законопроектов. М., 2003 // СПС «КонсультантПлюс».
6. Модельный уголовный кодекс для государств – участников Содружества Независимых Государств. Рекомендательный законодательный акт. Принятый в г. Санкт-Петербурге 17.02.1996 Постановлением 7-5 на 7-ом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ // СПС «КонсультантПлюс».
7. О Верховном Суде Российской Федерации [Электронный ресурс]: федер. конституционный закон: [от 5 февраля 2014 г. № 3-ФКЗ]: офиц. текст // СПС «Консультант Плюс».
8. О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: федер.закон: [от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ]: офиц. текст // СПС «Консультант Плюс».

9. О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: федер.закон: [от 7 декабря 2012 г. № 420-ФЗ]: офиц. текст // СПС «Консультант Плюс».
10. О воинской обязанности и военной службе [Электронный ресурс]: федер.закон: [от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ]: офиц. текст // СПС «Консультант Плюс».
11. О днях воинской славы и памятных датах России [Электронный ресурс]: федер. закон: [от 13 марта 1995 г. № 32-ФЗ]: офиц. текст // СПС «Консультант Плюс».
12. Об информации, информационных технологиях и о защите информации [Электронный ресурс]: федер. закон: [от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ]: офиц. текст // СПС «Консультант Плюс».
13. Об оружии [Электронный ресурс]: федер. закон: [от 13 декабря 1996 г. № 150-ФЗ]: офиц. текст // СПС «Консультант Плюс».
14. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации (с изм. и доп.) // Собрание законодательства РФ. – 1997. – № 2. – Ст. 198.
15. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (с изм. и доп.) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.
16. Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации»: офиц. текст // СПС «КонсультантПлюс».

Нормативные правовые акты, утратившие силу:

17. Артикул Воинский 1715 г. // Российское законодательство X-XX веков: в 9 т. / под общ. ред. О. И. Чистякова. Т. 4: Законодательство периода становления абсолютизма / отв. ред. А. Г. Маньков. – М.: Юридическая литература, 1986. – С. 327-389.

18. Декрет Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета «О Народном Суде Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (положение)» от 30 ноября 1918 г.: офиц. текст// СПС «КонсультантПлюс».

19. Декрет Совета Народных Комиссаров РСФСР от 24 ноября 1917 г. «О суде»: офиц. текст // СПС «КонсультантПлюс».

20. Русская Правда // Российское законодательство X - XX веков: в 9 т. / под общ. ред. О. И. Чистякова. Т. 1: Законодательство Древней Руси / отв. ред. В. Л. Янин. – М.: Юридическая литература, 1984. – С. 47-129.

21. Соборное уложение 1649 года. М.: Изд-во Московского университета, 1961. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.hist.msu.ru> (дата обращения: 15.09.2023 г.).

22. Судебник 1497 г. // Российское законодательство X - XX веков: в 9 т. / под общ. ред. О. И. Чистякова. Т. 2: Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства / отв. ред. А.Д. Горский. –М.: Юридическая литература, 1985. – С. 54-97.

23. Судебник 1550 г. // Российское законодательство X - XX веков: в 9 т. / под общ. ред. О. И. Чистякова. Т. 2: Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства / отв. ред. А. Д. Горский. – М.: Юридическая литература, 1985. – С. 97-173.

24. Уголовное Уложение 1903 г. / Приложение к Собранию узаконений и распоряжений Правительства за 1903 г. – СПб., 1903. – № 38. – Отд. I. – Ст. 416.

25. Уголовное Уложение 1903 г. / Приложение к Собранию узаконений и распоряжений Правительства за 1903 г. – СПб., 1903. – № 38. – Отд. I. – Ст. 416.

26. Уголовное уложение 22 марта 1903 г.: с мотивами, извлеч. из объясн. записки Ред. комис., представления Мин. юст. в Гос. сов. и журн. - особого совещ., особого присутствия деп. и общ. собр. Гос. сов. / Изд. Н.С. Таганцева. – СПб.: Гос. тип., 1904. – 1122 с.

27. Уголовный кодекс Российской Социалистической Федеративной Советской Республики 1922 года: офиц. текст [Электронный ресурс]:
28. [Утратил силу с 1 января 1927 года в связи с принятием Уголовного
29. Кодекса РСФСР 1926 года] // СПС «КонсультантПлюс».
30. Уголовный кодекс Российской Социалистической Федеративной Советской Республики редакции 1926 года: офиц. текст [Электронный ресурс]:
31. [Утратил силу с 1 января 1961 года в связи с принятием Уголовного
32. Кодекса РСФСР 1960 года] // СПС «КонсультантПлюс».
33. Уголовный кодекс Российской Социалистической Федеративной Советской Республики 1960 года: офиц. текст [Электронный ресурс]: [Утратил силу с 1 января 1997 года на основании Федерального закона от 13 июня 1996 года № 64-ФЗ «О введении в действие Уголовного кодекса
34. Российской Федерации»] // СПС «КонсультантПлюс».
35. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845г. [Электронный ресурс]. URL: https://pravo.by/upload/pdf/krim-pravo/ulogenie_o_nakazaniyah_ugolovnih_i_ispravitelnih_1845_goda.pdf (дата обращения: 15 августа 2023 г.)
36. Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями 1864 года. [Электронный ресурс]. URL: https://nnov.hse.ru/ba/law/igpr/ustav_o_nakazaniyah_mirovimi_sudyami (дата обращения: 12 октября 2023 г.).

Законодательство зарубежных стран:

37. Головенков, П.В. Уголовное Уложение Федеративной Республики Германия. Научно-практический комментарий и перевод текста закона / П.В. Головенков. – Universitätsverlag Potsdam, 2021. – 494 с.

38. Закон об исламских уголовных наказаниях Исламской Республики Иран / А.И. Ахани, М.С. Пелевин. – СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс». 2008. – 342 с.

39. Уголовный кодекс Китая / под ред. проф. А.И. Коробеева и проф. А.И. Чучаева, пер. с китайского проф. Хуан Даосю. – М.: ООО «ЮРИДИЧЕСКАЯ ФИРМА КОНТРАКТ», 2017. – 256 с.

40. Уголовный кодекс Кыргызской Республики. [Электронный ресурс]. URL: <https://mvd.gov.kg/rus/ministry/normative-bases/22> (дата обращения: 16.10.2023)

41. Уголовный кодекс Республики Армения. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.parliament.am/legislation.php?ID=1349&lang=rus&sel=show> (дата обращения: 16 октября 2023 г.).

42. Уголовный кодекс Республики Беларусь. [Электронный ресурс]. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=hk9900275> (дата обращения: 16 октября 2023 г.)

43. Уголовный кодекс Республики Казахстан. [Электронный ресурс]. URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=31575252&pos=3156;-54#pos=3156;-54 (дата обращения: 10 октября 2023 г.).

44. Уголовный кодекс Республики Таджикистан. [Электронный ресурс]. URL: https://continent-online.com/Document/?doc_id=30397325 (дата обращения: 16 октября 2023 г.).

45. Уголовный кодекс Республики Узбекистан. [Электронный ресурс]. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30421110 (дата обращения: 16 октября 2023 г.).

46. Уголовный кодекс Туркменистана. [Электронный ресурс]. URL: <https://minjust.gov.tm/ru/hukuk/merkezi/hukuk/600> (дата обращения: 16 октября 2023 г.).

47. Уголовный кодекс Франции/ под ред. Л.В. Головки, Н.В. Крыловой. - СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2002. – 650 с.

48. Уголовный кодекс Французской Республики (Code pénal). [Электронный ресурс]. URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/texte_lc/LEGITEXT000006070719/2023-08-20/ (дата обращения: 20 августа 2023 г.).

49. Code pénal de 1810. [Электронный ресурс]. URL: https://ledroitcriminel.fr/la_legislation_criminelle/anciens_textes/code_penal_1810/code_penal_1810_2.htm (дата обращения 11 марта 2023 г.) (*утратил силу*).

Постановления и определения Конституционного Суда Российской Федерации:

50. О прекращении производства по делу о проверке конституционности пункта «г» части третьей статьи 158 и статьи 159.3 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Железнодорожного районного суда города Рязани [Электронный ресурс]: опред. КС РФ: [от 09 июля 2021 г. № 1374-О]: офиц. текст// СПС «КонсультантПлюс».

51. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Колеватова Ильи Сергеевича на нарушение его Конституционных прав статьей 126 Уголовного кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс]: опред. КС РФ: [от 28 ноября 2019 г. № 3244-О]: офиц. текст// СПС «КонсультантПлюс».

52. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Самсонова Виталия Ивановича на нарушение его конституционных прав положениями ряда норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, статей 72 и 126 Уголовного кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс]: опред. КС РФ: [от 23 июля 2020 г. № 1919-О]: офиц. текст // URL: <https://www.ksrf.ru/>(дата обращения 23 октября 2023 г.)

53. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Уткина Алексея Васильевича на нарушение его конституционных прав частями

второй и третьей статьи 159, частью третьей статьи 159.1 Уголовного кодекса Российской Федерации, а также частью второй статьи 243 и частью второй статьи 309 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс]: опред. КС РФ: [от 27 марта 2018 г. № 834-О]: офиц. текст // СПС «КонсультантПлюс».

54. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Функа Андрея Ивановича на нарушение его конституционных прав частью третьей статьи 217 Уголовного кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс]: опред. КС РФ: [от 9 февраля 2017 г. № 218-О]: офиц. текст // СПС «Консультант Плюс».

55. По делу о проверке конституционности положений статьи 212.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина И.И. Дадина [Электронный ресурс]: пост. КС РФ: [от 10 февраля 2017 г. № 2-П]: офиц. текст // СПС «Консультант Плюс».

56. По делу о проверке конституционности положения статьи 226.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Республики Казахстан О.Е. Недашковского и С.П. Яковлева [Электронный ресурс]: опред. КС РФ: [от 16 июля 2015 г. № 22-П]: офиц. текст // СПС «Консультант Плюс».

57. По делу о проверке конституционности положения части первой статьи 188 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки М.А.Асламазян [Электронный ресурс]: пост. КС РФ: [от 27 мая 2008 г. № 8-П]: офиц. текст // СПС «Консультант Плюс».

58. По делу о проверке конституционности статьи 116.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Л.Ф. Саковой [Электронный ресурс]: пост. КС РФ: [от 08 апреля 2021 г. № 11-П]: офиц. текст // СПС «Консультант Плюс».

59. По делу о проверке конституционности части первой статьи 159 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина

В.В. Калугарова [Электронный ресурс]: пост. КС РФ: [от 4 марта 2021 г. № 5-П]: офиц. текст // СПС «Консультант Плюс».

60. По жалобе гражданина Хворостовского Игоря Станиславовича на нарушение его конституционных прав частью второй статьи 413 и статьей 417 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс]: опред. КС РФ: [от 20 июля 2023 г. № 290-О]: офиц. текст// СПС «КонсультантПлюс».

Постановления и определения Верховного Суда Российской Федерации, решения федеральных судов Российской Федерации:

61. Апелляционное определение Верховного Суда Российской Федерации от 3 апреля 2014 года по делу № 78-АПУ14-14сп [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 15 декабря 2023 г.).

62. Апелляционное определение Верховного Суда РФ по делу № 201-АПУ17-30 от 29 августа 2017 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL:: <http://www.supcourt.ru> (дата обращения: 15 декабря 2023 г.).

63. Апелляционное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда РФ от 12 марта 2020 г. по делу 223-АПУ20-1 // СПС «КонсультантПлюс».

64. Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2003. – № 9. – С. 21.

65. Бюллетень Верховного Суда РФ. – 1999. – № 2. – С.11-12.

66. Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2001. – № 10. – С. 18.

67. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 27 ноября 2018 года № 45-УД18-15 [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 15 декабря 2023 г.).

68. О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности [Электронный ресурс]:

пост. Пленума ВС РФ: [от 09 февраля 2012 г. № 1] // СПС «Консультант Плюс».

69. О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания [Электронный ресурс]: пост. Пленума ВС РФ: [от 22 декабря 2015 г. № 58] // СПС «Консультант Плюс».

70. О практике рассмотрения судами уголовных дел о нарушении авторских, смежных, изобретательских и патентных прав, а также о незаконном использовании товарного знака [Электронный ресурс]: пост. Пленума ВС РФ: [от 26 апреля 2007 г. № 1] // СПС «Консультант Плюс».

71. О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования [Электронный ресурс]: пост. Пленума ВС РФ: [от 18 октября 2012 г. № 21] // СПС «Консультант Плюс».

72. О судебной практике по делам о похищении человека, незаконном лишении свободы и торговле людьми [Электронный ресурс]: пост. Пленума ВС РФ: [от 24 декабря 2019 г. № 58] // СПС «Консультант Плюс».

73. О судебной практике по делам о преступлениях несовершеннолетних [Электронный ресурс]: пост. Пленума ВС РФ: [от 14 февраля 2000 г. № 7] // СПС «Консультант Плюс». *(утратило силу)*.

74. О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами [Электронный ресурс]: пост. Пленума ВС РФ: [от 15 июня 2006 г. № 14] // СПС «Консультант Плюс».

75. О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств [Электронный ресурс]: пост. Пленума ВС РФ: [от 12 марта 2002 г. № 5] // СПС «Консультант Плюс».

76. О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ) [Электронный ресурс]: пост. Пленума ВС РФ: [от 27 января 1999 г. № 1] // СПС «Консультант Плюс».

77. О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних [Электронный ресурс]: пост. Пленума ВС РФ: [от 1 февраля 2011 г. № 1] // СПС «Консультант Плюс».

78. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за II квартал 2007 года. [Электронный ресурс]: URL: <https://vsrf.ru/documents/practice> (дата обращения: 15 декабря 2023 г.).

79. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за I квартал 2021 года. [Электронный ресурс]: URL: <https://vsrf.ru/documents/practice> (дата обращения: 15 декабря 2023 г.).

80. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за первый квартал 2011 года [Электронный ресурс]: URL: <https://vsrf.ru/documents/practice> (дата обращения: 15 декабря 2023 г.).

81. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 22 октября 2020 г. № 43-УД20-8-К6 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2022. – № 1. – С. 4.

82. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 27 мая 2021 г. № 75-УДП21-8-К3 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2022. – № 5. – С. 16.

83. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 2 сентября 2021 г. № 16-УД21-14-К4 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2022. – № 9. – С. 30.

84. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 12 мая 2021 № 18-УДП21-10-К4 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2022. – № 7. – С. 14.

85. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 13 мая 2021 г. № 25-УДП21-7-К4// Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2022. – № 6. – С. 9.

86. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 13 октября 2005 г. № 64-о050-13 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2006. – № 11. – С. 28-29.

87. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 11 октября 2018 г. № 83-УД18-15 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2019. – № 11. – С. 27-28.

88. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 5 марта 2020 г. № 33-АПУ20-1СП // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2021. – № 1. – С. 5.

89. Постановление Йошкар-Олинского городского суда Республики Марий Эл по делу № 1-466/2023 от 19.06.2023 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <https://yoshkarolinsky--mari.sudrf.ru/> (дата обращения: 15 декабря 2023 г.).

90. Постановление президиума Московского городского суда от 13 декабря 2017 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2019. – № 3. – С. 16-17.

91. Постановление президиума Челябинского областного суда от 18 октября 2017 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2019. – № 5. – С. 15.

92. Постановление Шестого Кассационного Суда Общей Юрисдикции по делу № 77-4632/2023 от 14.11.2023 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <https://6kas.sudrf.ru/> (дата обращения: 15 декабря 2023 г.).

93. Приговор Коряжемского городского суда Архангельской области от 30 октября 2023 г. по делу № 1-170/2023 [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://koryazhmasud.arh.sudrf.ru/> (дата обращения: 15 декабря 2023 г.).

94. Приговор Октябрьского районного суда г. Самары от 16 сентября 2020 г. по делу № 1-192/2020 [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://oktyabrsky.sam.sudrf.ru/> (дата обращения: 15 декабря 2023 г.).

95. Приговор Октябрьского районного суда г. Самары от 7 июля 2021 г. по делу № 1-224/2021 [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://oktyabrsky.sam.sudrf.ru/> (дата обращения: 15 декабря 2023 г.).

96. Приговор Советского районного суда г. Самары от 25 сентября 2023 г. по делу № 1-409/2023. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://sovetsky.sam.sudrf.ru> (дата обращения: 15 декабря 2023 г.).

97. Приговор Советского районного суда г.Красноярска от 30 октября 2023 г. по делу № 1-1311/2023 [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://sovet.krk.sudrf.ru/> (дата обращения: 15 декабря 2023 г.).

98. Приговор Центрального районного суда г. Тольятти от 21 сентября 2023 г. по делу № 1-431/2023 [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://centralny.sam.sudrf.ru/> (дата обращения: 15 декабря 2023 г.).

99. Решение Дисциплинарной коллегии Верховного Суда РФ от 14 мая 2019 г. по делу № ДК19-17 // СПС «КонсультантПлюс».

100. Решение Дисциплинарной коллегии Верховного Суда РФ от 22.05.2017 г. № ДК17-30 // СПС «КонсультантПлюс».

Специальная литература:

Монографии, учебники, учебные пособия, комментарии:

101. Авдеева, Е.В. Уголовно-правовая охрана свободы личности в Российской Федерации: монография / Е. В. Авдеева; БГУ. – Иркутск: Изд-во БГУ, 2015. – 164 с.

102. Агаев, Г.А., Зорина, Е.А. Состав преступления: закон, теория, практика: учебное пособие / Г.А. Агаев, Е.А. Зорина. – СПб: СПб ун-т ГПС МЧС России, 2014. – 104 с.

103. Агафонов, Ю.А., Упоров, И.В. Историческое развитие уголовного права России: учебное пособие / Ю.А. Агафонов, И.В. Упоров – Краснодар: Изд-во КЮИ МВД России, 2001. – 118 с.

104. Агузаров, Т.К., Грачева, Ю.В., Чучаев, А.И. Охрана власти в уголовном праве России (de lege lata и de lege ferenda) / Т.К. Агузаров, Ю.В. Грачева, А.И. Чучаев. – М.: Проспект, 2021. – 128 с.
105. Агузаров, Т.К., Чучаев, А.И. Уголовно-правовая охрана власти (XI- начало XX в.). Исторические очерки / Т.К. Агузаров, А.И. Чучаев. – М.: Проспект, 2011. – 224 с.
106. Адоевская, О. А. Дифференциация ответственности за кражу по уголовному праву России: монография. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2009. – 227 с.
107. Алексеев, Н.С. Транспортные преступления. Ответственность за преступления, посягающие на правильную работу советского транспорта / Н.С. Алексеев Н.С. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1957. – 147 с.
108. Алексеев, С. С. Общая теория права. В двух томах. Т. I / С.С. Алексеев – М.: Юридическая литература, 1981. – 361 с.
109. Алексеев, С.С. Общая теория социалистического права: Введение. Сущность социалистического права. Курс лекций: учебное пособие. Вып. 1 / С.С. Алексеев С.С.; ред. О.А. Красавчиков. – Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1963. – 265 с.
110. Алексеев, С.С. Право: азбука - теория - философия. Опыт комплексного исследования / С.С. Алексеев. – М.: Статут, 1999. – 712 с.
111. Алексеев, С.С. Собрание сочинений. Специальные вопросы правоведения. Структура советского права. В 10 т. Т. 2. – М.: Статут, 2010. – 471 с.
112. Алексеев, С.С. Структура советского права / С.С. Алексеев – М.: Юрид. лит., 1975. – 264 с.
113. Алексеев, С.С. Теория права / С.С. Алексеев. – М.: Изда-во БЕК, 1994. – 223 с.
114. Андрианов, В. К., Пудовочкин, Ю. Е. Закономерности уголовного права: монография / В.К. Андрианов, Ю.Е. Пудовочкин. – М.: Юрлитинформ, 2019. – 344 с.

115. Аннерс, Э. История европейского права / Э. Аннерс; пер. с швед. М.А. Исаева. Ин-тут Европы РАН – М.: Наука, 1994. – 397 с.
116. Арон, Р. Избранное: Измерение исторического сознания / Р. Арон. – М.: РОССПЕН, 2004. – 528 с.
117. Архипов, И.В. Систематизация уголовного законодательства России в 30-70-е гг. XIX века. /И.В. Архипов; под ред. Ю.М. Понихидина. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1997. – 144 с.
118. Асланян, Р.Г. Особенная часть российского уголовного права: проблемы теоретического строения и системные параметры: монография / Р.Г. Асланян. – М.: Юрлитинформ, 2023. – 456 с.
119. Байтин, И.М. Сущность права. (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков) / И. М. Байтин. – 2-е изд., доп. – М.: ООО ИД «Право и государство», 2005. – 544 с.
120. Беккариа, Чезаре О преступлениях и наказаниях / Чезаре Беккариа. – М.: Юридическое издательство НКЮ СССР, 1939. – 464 с.
121. Белогриц-Котляревский Л.С. Учебник русского уголовного права. Общая и Особенная части. Пб.: Южно-рус. кн-во Ф.А. Иогансона, 1903. – 628 с.
122. Беляев, И.Д. Лекции по истории русского законодательства / И.Д. Беляев. – М.: Типография А.А. Карцева, 1888. – 584 с.
123. Берман, Г.Дж. Западная традиция права: эпоха формирования / Г. Дж. Берман / пер. с англ.- 2-е изд. – М.: Изд-во МГУ: Издательская группа ИНФРА-М – НОРМА, 1998. – 624 с.
124. Благов, Е.В. Применение уголовного права (теория и практика) / Е.В. Благов. – СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2004. – 505 с.
125. Бобровский, П. Военные законы Петра Великого в рукописях и первопечатных изданиях: историко-юридическое исследование П.О. Бобровского: с приложением снимков подлинной рукописи Артикула воинского / П.О. Бобровского. – СПб.: Тип. В.С. Балашева, 1887. – 96 с.

126. Бойко, А.И. Система и структура уголовного права. Системология и структурализм в мировоззренческой культуре современного мира. В 3-х т. Том 1. – Ростов-на-Дону: ЮФУ, 2007. – 448 с.
127. Браинин, Я. М. Уголовный закон и его применение / Я.М. Браинин. – М.: Юридическая литература, 1967. – 240 с.
128. Будзинский, С. О преступлениях в особенности: сравнительное исследование / С. Будзинский. – М.: тип. К.Ковалевского, 1887. – 451 с.
129. Владимирский-Буданов, М.Ф. Обзор истории русского права / М.Ф. Владимирский-Буданов. – М.: Издательский дом «Территория будущего», 2005. – 800 с.
130. Войтович, А.П. Примечание в уголовном законе (сравнительно-правовое исследование) / А.П. Войтович. – Владимир: ООО «Atlas-print». 2006. – 165 с.
131. Гоббс, Т. Левиафан или материя, форма и власть государства церковного и гражданского / Т. Гоббс ; предисл. и ред. А. Ческиса. – М. : Гос. соц.-экон. изд-во, 1936. – 502 с.
132. Голенко, Д.В. Конструирование составов преступлений по моменту окончания / Д.В. Голенко. – М.: Юрлитинформ, 2023. – 224 с.
133. Голенко, Д.В. Особенная часть уголовного закона: сравнительно-правовое исследование: монография / Д.В. Голенко, науч. редактор А.Г. Безверхов. – Самара: Издательство Самарского университета, 2024. – 280 с.
134. Голенко, Д.В. Преступления против свободы, чести и достоинства личности. Преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности: учеб. пособие / Д.В. Голенко. – Самара: Изд-во Самарского университета, 2019. – 88 с.
135. Головенков, П. Легитимация и границы наказуемости приготовления тяжкого государственно опасного деяния в положениях Уголовного уложения Германии / П. Головенков // Уголовное право: стратения развития в XXI веке: материалы Восьмой Международной науч.-практ. конференции (27-28 января 2011 г.). – М.: Проспект, 2011. – С. 590-593.

136. Гонтарь, И.Я. Преступление и состав преступления как явления и понятия в уголовном праве. Вопросы теории и правотворчества / И.Я. Гонтарь – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1997. – 200 с.
137. Горшков, М.К., Шереги, Ф.Э. Прикладная социология: методология и методы / М.К. Горшков, Ф.Э. Шереги. – М.: Институт социологии РАН, 2011. – 416 с.
138. Гуляев П.Н. Российское уголовное право. М.: Ттипография Департамента Внешней Торговли, 1833. – 250 с.
139. Гурвич, Г.Д. Философия и социология права. Избранные сочинения: Перевод с французского и английского / Г.Д. Гурвич; науч. ред.: А.В. Поляков. – С.-Пб.: Издат. Дом С.-Петербур. гос. ун-та, 2004. – 848 с.
140. Давид, Р. Основные правовые системы современности / Р. Давид; пер. с фр. В.А. Туманов. – М.: Прогресс, 1988. – 496 с.
141. Давид, Р., Жоффре-Спинози, К. Основные правовые системы современности / Р. Давид, К. Жоффре-Спинози; пер. с фр. В.А. Туманова. – М.: Международные отношения, 2019. – 456 с.
142. Дементьев, С.И. Построение уголовно-правовых санкций в виде лишения свободы / С.И. Дементьев. – Ростов-на-Дону: Издательство Ростовского университета, 1986. – 154 с.
143. Додонов, В.Н. Сравнительное уголовное право. Монография. Общая часть / В.Н. Додонов, под общ. и науч. ред. С.П. Щерба. – М.: Юрлитинформ, 2009. – 448 с.
144. Домахин, С.А. Ответственность за преступления на автотранспорте / С.А. Домахин. – М.: Госюриздат, 1956. – 382 с.
145. Дубовик, О. Л. Экологическое право в вопросах и ответах: учебное пособие / О.Л. Дубовик — М.: Проспект, 2001. — 304 с.
146. Дудырев, Ф.Ф. Кодификация уголовного законодательства Российской империи в XVIII-XX в.: монография / Ф.Ф. Дудырев. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2011. – 486 с.

147. Дурманов, Н.Д. Советский уголовный закон / Н.Д. Дурманов – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1967. – 319 с.
148. Дурманов, Н.Д. Стадии совершения преступления по советскому уголовному праву / Н.Д. Дурманов – М.: Госюриздат, 1955. – 211 с.
149. Дьяконов, М.А. Очерки общественного и государственного строя древней Руси / М.А. Дьяконов. – 4-е изд., испр. и доп. – СПб.: Изд. юрид. кн. склада «Право», 1912. – 489 с.
150. Дювернуа, Н.Л. Источники права и суд в древней России: опыты по истории русского гражданского права / Н.Л. Дювернуа. – М.: Унив. тип. 1869. - 413 с.
151. Есаков, Г.А. Основы сравнительного уголовного права: монография / Г.А. Есаков. М.: ООО «Издательство «Элит», 2007. – 152 с.
152. Есаков, Г.А., Долотов, Р.О., Филатова, М.А., Редчиц, М.А., Степанов П.П., Цай К.А. Уголовная политика: дорожная карта (2017-2025) / Г.А. Есаков, Р.О. Долотов, М.А. Филатова, М.А. Редчиц, П.П. Степанова, К.А.Цай – М.: Центр стратегических разработок, 2017. – 76 с.
153. Есипова, В.В. Очерк русского уголовного права: Преступление и преступники. Наказание и наказуемые. Часть общая / В.В. Есипов - 2-е изд., пересмотр. – СПб.: Тип. Н.В. Васильева, 1898. – 402 с.
154. Жалинский, А.Э. Современное немецкое уголовное право / А.Э. Жалинский. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2004. – 560 с.
155. Жалинский, А.Э., Рёрихт, А.А. Введение в немецкое право / А.Э. Жалинский, А.А. Рёрихт. – М.: Издательство СПАРК, 2001. – 767 с.
156. Законодательная техника: научно-практическое пособие/ под ред. Ю.А. Тихомирова. – М.: Городец, 2000. – 272 с.
157. Звечаровский И.Э. Уголовное право России: курс Общей части во многом определяющей действенность положений его части Особенной: учебник. – М.: Проспект, 2024. – 480 с.
158. Звечаровский, И.Э. Современное уголовное право России / И.Э. Звечаровский. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2001. – 100 с.

159. Иванчин, А. В. Состав преступления: учеб. пособие / А.В. Иванчин. – Ярославль: ЯрГУ, 2011. – 128 с.
160. Иванчин, А.В. Внутренняя и внешняя законодательная техника в структуре уголовного правотворчества / А.В. Иванчин. – Рязань: Концепция, 2014. –184 с.
161. Иванчин, А.В. Законодательная техника и ее роль в российском уголовно правотворчестве: монография / А.В. Иванчин. – М.: Юрлитинформ, 2011. – 208 с.
162. Иванчин, А.В. Конструирование составов преступлений. Теория и практика / А.В. Иванчин. – М.: Проспект, 2023. – 352 с.
163. Иванчина, С.А. Оконченное преступление: монография / С.А. Иванчина. – М.: Юрлитинформ, 2013. – 192 с.
164. Игнатов, А.Н., Костарева, Т.А. Уголовная ответственность и состав преступления: лекция / А.Н. Игнатов, Т.А. Костарева. – М.: Издательская группа ИНФРА М-НОРМА, 1996. – 63 с.
165. Иеринг, Р. Юридическая техника / Р. Иеринг, пер. с нем. Ф.С. Шендорфа. – СПб.: Типо-лит. А.Г. Розена (А.Е. Ландау), 1905. – 106 с.
166. Иногамова-Хегай, Л.В. Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть. В 2 т. Т.2 / Л.В. Иногамова-Хегай. – М.: ИНФРА-М. 2002. – 407 с. Иоффе, О.С., Шаргородский, М.Д. Вопросы теории права / О.С. Иоффе, М.Д. Шаргородский. – М.: Госюриздат, 1961. – 381 с.
167. История советского уголовного права / А.А. Герцензон, Ш.С. Грингауз, Н.Д. Дурманов [и др.]. – М.: Юрид. изд-во, 1948. – URL:<http://www.allpravo.ru> (дата обращения: 06 июня 2023 г.).
168. Кабрияк, Р. Кодификация / Р.Кабрияк; перевод с французского, примечания и вступительная статья Л.В. Головки. – М.: Статут, 2007. – 475 с.
169. Кадников, Н.Г. Квалификация преступлений и вопросы судебного толкования / Н.Г. Кадников. –М.: ИД Юриспруденция, 2013. – 336 с.
170. Кант, И. Сочинения на немецком и русском языках. В 4 т. Т. 1 / И. Кант – М.: Издательская фирма АО «Ками», 1993. – 586 с.

171. Карпец, И.И. Уголовное право и этика / И.И. Карпец. – М.: Юридическая литература, 1985. – 255 с.
172. Кауфман, М.А. Пробелы в уголовном праве и судебское усмотрение / М.А. Кауфман. – М.: Юрлитинформ, 2009. – 342 с.
173. Келина, С.Г., Кудрявцев, В.Н. Принципы советского уголовного права / С.Г. Келина, В.Н. Кудрявцев. – М.: Наука, 1988. – 176 с.
174. Кемеров, В.Е. Современный философский словарь / В.Е. Кемеров. – М.: Панпринт. 1998. – 1064 с.
175. Керимов, Д.А. Законодательная техника: научно-методическое и учебное пособие / Д.А. Керимов. – М.: Норма: ИНФА-М, 2021. – 128 с.
176. Керимов, Д.А. Методология права (предмет, функции, проблемы философии права) / Д.А. Керимов. – М.: Аванта+, 2000. – 560 с.
177. Кибальник, А.Г., Мамхягов, З.З. Административная преюдиция в уголовном праве: вопросы de lege lata и de lege ferenda / А.Г. Кибальник, З.З. Мамхягов. – М.: Юрлитинформ, 2023. – 160 с.
178. Ключевский, В.О. Курс русской истории. Русская история. Полный курс лекций. Ч. 1 / В.О. Ключевский. – М.: Мысль, 1993. – [Электронный ресурс]. <http://www.spsl.nsc.ru/history/kluch/kluch14.htm> (дата обращения: 11 октября 2023 г.).
179. Кобзева, Е.В. Оценочные признаки в уголовном законе / Е.В. Кобзева; под ред. Н.А. Лопашенко. – Саратов: Изд-во ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», 2004. – 228 с.
180. Ковалев, М. И. Советское уголовное право. Курс лекций. Выпуск 2. Советский уголовный закон / М.И. Ковалев. – Свердловск: Изд-во Свердл. юрид. ин-та, 1974. – 226 с.
181. Ковалевский, М.М. Сочинение в двух томах. Социология. Т. 1 / М.М. Ковалевский. – СПб.: Алетейя, 1997. – 288 с.
182. Коган, В.М. Социальные механизмы уголовно-правового воздействия / В.М. Коган. – М.: Наука, 1983. – 184 с.

183. Кодан, С.В., Тараборин, Р.С. Несостоявшаяся кодификация гражданского законодательства России, 1880-1825 / С.В. Кодан, Р.С. Тараборин. – Екатеринбург: Зерцало-Урал, 2002. – 199 с.

184. Кодекс уголовных проступков. Проект. – М.: Изд-во Всесоюзного ин-та по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности, 1973. – 34 с.

185. Козаченко, И.Я., Сергеев, Д.Н. Новая криминализация: философско-юридический путеводитель по миру преступного и непроступного / И.Я. Козаченко, Д.Н. Сергеев. – Екатеринбург: SAPIENTIA, 2020. – 256 с.

186. Козлов, А.П. Механизм построения уголовно-правовых санкций: монографии / А.П. Козлов. – Красноярск: Краснояр. гос. ун-т, 1998. – 408 с.

187. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (научно-практический): научное издание / под ред. А.И. Чучаева. – Москва: Проспект, 2019. – 1534 с.

188. Концепции развития российского законодательства. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 1998. – 255 с.

189. Коняхин, В.П. Теоретические основы построения Общей части российского уголовного права / В.П. Коняхин. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2002. – 348 с.

190. Коржанский, Н.И. Объект и предмет уголовно-правовой охраны / Н.И. Коржанский – М.: Изд-во Акад. МВД СССР, 1980. – 248 с.

191. Коркунов, Н.М. Лекции по общей теории права / Н.М. Коркунов. – СПб.: Издание юридического книжного магазина Н. К.Мартынов, 1914. – 354 с.

192. Коробеев, А.И. Транспортные преступления / А.И. Коробеев. – СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2003. – 406 с.

193. Коробеев, А.И. Уголовно-правовая политика России: от генезиса до кризиса: монография / А.И. Коробеев. – М.: Юрлитинформ, 2019. – 352 с.

194. Коробеев, А.И., Чанхай, Лун Состав преступления в доктрине уголовного права Китая и России: компаративистское исследование / А.И. Коробеев, Лун Чанхай. – М.: Проспект, 2016. – 186 с.
195. Корф, М.А. Жизнь графа Сперанского. В 2 т. Т.1 / М.А. Корф. – СПб.: Издание Императорской публичной библиотеки, 1861. – 390 с.
196. Кочои, С.М. Терроризм и экстремизм: уголовно-правовая характеристика / С.М. Кочои. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2005. – 176 с.
197. Круглико, Л.Л., Спиридонова, О.Е. Юридические конструкции и символы в уголовном праве / Л.Л. Кругликов, О.Е. Спиридонова. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2005. – 336 с.
198. Кругликов, Л. Л., Смирнова, Л. Е. Унификация в уголовном праве / Л.Л. Кругликов, Л.Е. Смирнова. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2008. – 313 с.
199. Кругликов, Л.Л. Сравнительное уголовное право: учебное пособие / Л.Л. Кругликов. – Ярославль: ЯрГУ, 2013. – 99 с.
200. Кругликов, Л.Л., Соловьев, О.Г. Преступления в сфере экономической деятельности и налогообложения: вопросы конструирования составов и дифференциации ответственности / Л.Л. Кругликов, О.Г. Соловьев. – Ярославль: ЯрГУ, 2003. – 224 с.
201. Крылова, Н.Е., Серебренникова, А.В. Уголовное право зарубежных стран (Англии, США, Франции, Германии): учеб. пособие / Н.Е. Крылова, А.В. Серебренникова. – 2-е изд. перераб. и доп. – М.: Издательство «Зерцало», 1998. – 208 с.
202. Кудрявцев, В.Н. Общая теория квалификации преступлений / В.Н. Кудрявцев. – М.: Юридическая литература, 1972. – 352 с.
203. Кузнецова, Н.Ф. Преступление и преступность / Н.Ф. Кузнецова. – М.: Изд-во Московского университета, 1969. – 232 с.
204. Кузнецова, Н.Ф. Проблемы квалификации преступлений: лекции по спецкурсу «Основы квалификации преступлений» / Н.Ф. Кузнецова. – М.: Городец, 2007. – 336 с.

205. Куринов, Б.А. Автотранспортные преступления / Б.А. Куринов. – М.: Рипол Классик, 1970. – 222 с.
206. Куринов, Б.А. Научные основы квалификации преступлений / Б.А. Куринов. – М.: Изд-во Моск.ун-та, 1984. – 181 с.
207. Курс советского уголовного права. Часть общая. В 5 т. Т. 1 / отв. ред.: Н.А. Беляев, М.Д. Шаргородский – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1968. – 648 с.
208. Курс уголовного права. Общая часть. Том 1: Учение о преступлении: учебник для вузов / под ред. Н. Ф. Кузнецовой и И.М. Тяжковой. – М.: ИКД – «Зерцало-М», 2002. – 624 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://vuzlib.net/beta3/html/1/7716/7754/> (дата обращения: 29 сентября 2023 г.)
209. Курский, Д.И. Избранные статьи и речи / Д.И. Курский. – М.: Юрид. изд-во М-ва юстиции СССР, 1948. – 197 с.
210. Курский, Д.И. На путях развития советского права. Статьи и речи. – М.: Юрид. изд-во НКЮ РСФСР, 1927. – 118 с.
211. Лазарев, В.В. Применение советского права / В.В. Лазарев. – Казань: Издательство Казанского университета, 1972. – 200 с.
212. Латкин, В.Н. Лекции по внешней истории русского права / В.Н. Латкин. – СПб.: Тип. Я.И. Либермана, 1888. – 342 с.
213. Лебедев, В.М. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / В.М. Лебедев. – М.: Юрайт-Издат. 2005. – 1069 с.
214. Леже, Р. Великие правовые системы современности: сравнительно-правовой подход: 3-е издание, переработанное. / Р. Леже. – ООО «Волтерс Клувер». – 2009. – 530 с.
215. Ленин, В.И. Полное собрание сочинений. В 55 т. Т. 36 / В.И. Ленин. – М.: Издательство политической литературы, 1969. – 731 с.
216. Ленин, В.И. Полное собрание сочинений. В 55 т. Т. 43 / В.И. Ленин. – М.: Издательство политической литературы, 1970. – 552 с.

217. Лесниевски-Костарева Т.А. Дифференциация уголовной ответственности. Теория и законодательная практика / Т.А. Лесниевски-Костарева. – М.: Норма, 1998. – 296 с.
218. Лист Ф. Задачи уголовной политики. Преступление как социально-патологическое явление / Ф. Лист. – М.: Инфра-М, 2021. – 104 с.
219. Лопашенко, Н. А. Основы уголовно-правового воздействия: уголовное право, уголовный закон, уголовно-правовая политика / Н.А. Лопашенко. – СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2004. – 339 с.
220. Лохвицкий, А. Курс русского уголовного права / А. Лохвицкий. – СПб.: Журн. М-ва юст., 1867. – 671 с.
221. Лукьянов, В.В. Проблемы квалификации дорожно-транспортных преступлений / В.В. Лукьянов. – М.: Юрид. лит., 1979. – 168 с.
222. Люблинский П.И. Техника, толкование и казуистика уголовного кодекса / П.И. Люблинский; под ред. и с предисловием В. А. Томсинова. – М.: Зерцало, 2004. – 248 с.
223. Люблинский, П.И. Техника, толкование и казуистика уголовного кодекса / П.И. Люблинский. – Петроград: Типография Руманова, 1917. – 286 с.
224. Малиновский, А.А. Сравнительное правоведение в сфере уголовного права: монография / А.А. Малиновский. – М.: Международные отношения, 2002. – 376 с.
225. Малков, В.П. Множественность преступлений: сущность, виды, правовое значение / В.П. Малков. – Казань: Изд-во «Таглитат» ИЭУП, 2006. – 140 с.
226. Малыхин, В.И. Квалификация преступлений / В.И. Малыхин. – Куйбышев: Изд-во Куйбышев. ун-та, 1987. – 97 с.
227. Малько, А.В., Семикин, Д.С., Гайдидей, Ю.М. Судебная система и судебная политика в современной России: проблемы теории и практики: монография / А.В. Малько, Д.С. Семикин, Ю.М. Гайдидей. – М.: Юрлитинформ, 2014. – 159 с.

228. Мальцев, В.В. Введение в уголовное право: монография / В.В. Мальцев; науч. ред. А.С. Сенцов. – Волгоград: ВЮИ МВД России, 2000. – 204 с.
229. Мальцев, В.В. Общественно опасное поведение в уголовном праве / В.В. Мальцев. – М.: Юрлитинформ, 2014. – 648 с.
230. Мальцев, В.В. Принципы уголовного права и их реализация в правоприменительной деятельности / В.В. Мальцев. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2004. – 694 с.
231. Мальцев, Г.В. Понимание права. Подходы и проблемы / Г.В. Мальцев. – М.: Прометей, 1999. – 419 с.
232. Маркс, К., Энгельс, Ф. Сочинения. В 50 т. Т.1. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. – 723 с.
233. Марченко, М.Н. Курс сравнительного правоведения / М.Н. Марченко. – М.: ООО «Городец-издат», 2002. – 1068 с.
234. Марченко, М.Н. Правовые системы современного мира / М.Н. Марченко. – М.: Зерцало-М., 2006. – 528 с.
235. Материалы для пересмотра нашего уголовного законодательства. Уголовные Уложения Венгрии, Германии, Бельгии и Франции и проект Общей части Итальянского уголовного уложения. Т.1. / пер.: Н.А. Неклюдов. СПб.: Тип. Правит. Сената, 1880. – 514 с.
236. Материалы для пересмотра нашего уголовного законодательства: замечания отечественной литературы на Уложение о наказаниях уголовных и исправительных и на Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями. Т. 4. – СПб.: Тип. 2 Отд. собств. е.и.в. канцелярия, 1881. – 696 с.
237. Мицкевич, А.В. Избранное / А.В. Мицкевич; сост. и авт. предисловия Е.А. Юртаева. М: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2010. – 304 с.
238. Морозова, Л.А. Теория государства и права: учебник / Л.А. Морозова – М.: Эксмо, 2007. – 448 с.

239. Наумов, А.В. Избранные труды. О реформе Уголовного кодекса Российской Федерации (публикации 2009–2019 гг.) / А.В. Наумов, сост. Е.Н. Карабанова, И.А. Стаценко; вступит. ст. О.С. Капинус; Ун-т прокуратуры Рос. Федерации. – М.: Ун-т прокуратуры Рос. Федерации, 2019. – 384 с.
240. Наумов, А.В. Постатейный комментарий к Уголовному кодексу РФ 1996 года / А.В. Наумов. – М.: «Норма». 1998. – 824 с.
241. Наумов, А.В. Преступление и наказание в истории России / А.В. Наумов. – В 2 ч. – Ч. 1. – М.: Проспект, 2021. – 704 с.
242. Наумов, А.В. Преступление и наказание в уголовном праве России / А.В. Наумов. – В 2 ч. – Ч.2. – М.: Проспект, 2021. – 640 с.
243. Наумов, А.В. Российское уголовное право. Общая часть: курс лекций / А.В. Наумов. – М.: Проспект, 2024. – 816 с.
244. Наумов, А.В. Российское уголовное право: Курс лекций. В 2 т. Т. 1. Общая часть / А.В. Наумов. – М.: Юридическая литература, 2004. – 495 с.
245. Нашиц, А. Правотворчество: теория и законодательная техника / А. Нашиц. – М.: Прогресс, 1974. – 256 с.
246. Неклюдов, Н.А. Руководство к Особенной части Русского уголовного права / Н.А. Неклюдов. – СПб.: тип. П.П. Меркульева, 1887. – 757 с.
247. Нерсесянц, В.С. Право-математика свободы / В.С. Нерсесянц. – М.: Юрист, 1996. – 157 с.
248. Нерсесянц, В.С. Философия права / В.С. Нерсесянц. – М.: Норма, 1997. – 652 с.
249. Нуркаева, Т.Н. Уголовно-правовая охрана личности, ее прав и свобод: вопросы теории и практики: монография / Т.Н. Нуркаева. – М.: Проспект, 2020. – 256 с.
250. Ображиев К.В. Формальные (юридические) источники российского уголовного права: монография / К.В. Ображиев. – М.: Юрлитинформ, 2010. – 213 с.

251. Общая теория права. Курс лекций / под общ. ред.: В.К. Бабаев. – Нижний Новгород: Изд-во Нижегород. ВШ МВД РФ, 1993. – 544 с.
252. Осакке, К. Сравнительное правоведение в схемах: Общая и Особенная части: учеб. - практ. пособие / К. Осакке. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Дело, 2002. – 464 с.
253. Осипов, П.П. Теоретические основы построения и применения уголовно-правовых санкций (аксиологические аспекты) / П.П. Осипов. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1976. – 134 с.
254. Основания уголовно-правового запрета. Криминализация и декриминализация / отв. ред. В.Н. Кудрявцев, А.М. Яковлев – М.: Наука, 1982. – 303 с.
255. Памятники российского права. Уголовные кодексы РСФСР. В 35 т. Т. 28: учебно-научное пособие / под ред. докт. юрид. наук, проф. Р.Л. Хачатурова, докт. юрид. наук, проф. Т.В. Кленовой. – М.: Юрлитинформ, 2016. – 568 с.
256. Памятники русского права. Вып. 1. Памятники права Киевского государства X-XII вв. / под ред. засл. деят. наук, проф. С.В. Юшкова, сост. доц. А.А. Зимин. – М.: Госюриздат, 1952. – 287 с.
257. Памятники русского права. Вып. 3: Памятники права периода образования Русского централизованного государства XIV XV вв. / под ред. Л.В. Черепнина. – М.: Госюриздат, 1955. – 527 с.
258. Памятники русского права. Вып. 4. Памятники права периода укрепления Русского централизованного государства XV – XVII вв. / под ред. Л.В. Черепнина. – М.: Госюриздат, 1956. – 632 с.
259. Памятники русского права. Вып. 6. Соборное уложение царя Алексея Михайловича 1649 года / под ред. К.А. Софроненко. – М.: Госюриздат, 1957. – 503 с.
260. Памятники русского права. Вып. 7. Памятники права периода создания абсолютной монархии, вторая половина XVII в. / под ред. Л.В. Черепнина. – М.: Госюриздат, 1963. – 510 с.

261. Панько, К. К. Методология и теория законодательной техники уголовного права России / К.К. Панько. – Воронеж: Изд-во Воронежского государственного университета, 2004. – 270 с.

262. Первый Уголовный кодекс РСФСР: концептуальные основы и общая характеристика (к 100-летию со дня принятия): монография / под общ. ред. А.Н. Савенкова; науч. ред. и рук. авт. кол. А.И. Чучаев. – М.: Проспект, 2023. – 240 с.

263. Пермяков Ю.Е. Юридические доктрины естественного права / Ю.Е. Пермяков. – М.: Юрлитинформ, 2022. – 256 с.

264. Пикуров, Н.И. Квалификация преступлений с бланкетными признаками состава: монография / Н.И. Пикуров. – М.: Российская академия правосудия, 2009. – 288 с.

265. Пикуров, Н.И. Уголовное право в системе межотраслевых связей / Н.И. Пикуров. – Волгоград: ВЮИ МВД России, 1998. – 221 с.

266. Пикуров, Н.И. Частная жизнь и уголовное правоб поиск баланса интересов государства и личности: монография / Н.И. Пикуров. – М.: Издательство Юрайт, 2022. – 207 с.

267. Пионтковский, А.А. Марксизм и уголовное право: о некоторых спорных вопросах теории уголовного права / А.А. Пионтковский. – М.: Юридическое издательство НКЮ РСФСР, 1927. – 96 с.

268. Пионтковский, А.А. Уголовное право РСФСР: часть общая / А.А. Пионтковский. – М.: НКЮ РСФСР, 1925. – 235 с.

269. Полный курс уголовного права. Введение в уголовное право. Гносеологические основы уголовного права. В 10 т. Т.1 / под ред. д-ра юрид. наук, проф., заслуженного деятеля науки РФ А.И. Коробеева. – СПб.: Изд-во «Юридический центр-Академия», 2021. – 396 с.

270. Полный курс уголовного права. Преступления против мира и безопасности человечества. Международное уголовное право. Нюрбергский и Токийский трибуналы. В 10 т. Т IX / под ред. д-ра юрид. наук., проф.,

заслуженного деятеля науки РФ А.И. Коробеева. – СПб.: «Издательство «Юридический центр – Академия». 2021. – 699 с.

271. Полный курс уголовного права. Уголовное право зарубежных стран. Зарубежное уголовное законодательство. В 10 т. Т. X / под ред. д.ю.н., профессора, заслуженного деятеля науки РФ А.И. Коробеева. – СПб.: Изд-во «Юридический центр-Академия», 2021. – 1136 с.

272. Полный курс уголовного права. Уголовное право и уголовно-правовая политика. Уголовный закон. В 10 т. Т. II / под ред. д-ра. юрид. наук, проф., заслуженного деятеля науки РФ А.И. Коробеева. – СПб.: Изд-во «Юридический центр – Академия». 2021. – 616 с.

273. Полный курс уголовного права: Преступление и наказание. В 5-ти томах. Т. 1 / под ред.: А.И. Коробеев. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2008. – 1133 с.

274. Поляков, А.В. Общая теория права. Курс лекций / А.В. Поляков. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2001. – 642 с.

275. Понятовская, Т.Г. Концептуальные основы уголовного права России: история и современность: монография. реп. изд. / Т.Г. Понятовская. – М.: Проспект, 2021. – 144 с.

276. Поппер, К.Р. Нищета историцизма / К.Р. Поппер – М.: Издательская группа «Прогресс» – VIA, 1993. – 187 с.

277. Пржевальский, В.В. Проект Уголовного уложения и современная наука уголовного права / В.В. Пржевальский. – СПб.: Тип. Правит. Сената, 1897. – 104 с.

278. Примерный уголовный кодекс США. Офиц. проект Ин-та америк. права / Пер. с англ.: А.С. Никифоров; под ред. и с предисл. Б.С. Никифорова. – М.: Прогресс, 1969. – 303 с.

279. Проблемы теории государства и права: учебник / Под ред. В.М. Сырых. – М.: Эксмо, 2008. – 528 с.

280. Проблемы теории государства и права: учебник / под ред. В.М. Сырых. – М.: Эксмо, 2008. – 528 с.

281. Проблемы теории права: Нормативные юридические акты. Применение права. Юридическая наука (правоведение). Курс лекций в 2-х томах. Т. 2. / С.С. Алексеев; науч. ред.: Р.К. Русинов; отв. за вып.: В.М. Семенов. – Свердловск: Изд-во Свердл. юрид. ин-та, 1973. – 401 с.

282. Программа для испытания студентов Императорского Казанского Университета по окончании 1829-1830 академического года. – Казань, 1830. – 38 с.

283. Проект Уголовного уложения Российской Империи 1813 года: монография / А.Г. Безверхов, В.С. Коростелев. – Самара: Издательство «Самарский университет», 2013. – 192 с.

284. Простосердов, М. А. Система санкций Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации: анализ, проблемы, пути решений / М. А. Простосердов. – М.: Российский государственный университет правосудия, 2020. – 340 с.

285. Пудовочкин, Ю.Е. Учение об основах уголовного права: лекции / Ю.Е. Пудовочкин. – М.: Юрлитинформ, 2012. – 237 с.

286. Пудовочкин, Ю.Е. Учение об уголовном законе: лекции / Ю.Е. Пудовочкин. – М.: Юрлитинформ, 2014. – 272 с.

287. Развитие кодификации советского законодательства / С.Н. Братусь, К.П. Горшенин, П.Ф. Елисейкин, В.Н. Иванов и др.; отв. ред. С.Н. Братусь. – М.: Юрид.лит., 1968. – 247 с.

288. Ресоциализация и реальное включение в гражданское общество осужденных / под ред. Т.В. Кленовой. – М.: Юрлитинформ, 2019. – 432 с.

289. Рогов, В.А. Уголовное законодательство Временного правительства / В.А. Рогов. – М.: ВЮЗИ, 1986. – 36 с.

290. Ромашов, Р.А. Право: нормативность и девиантность: монография / Р.А. Ромашов. – СПб.: Алетейя, 2018. – 274 с.

291. Ромашов, Р.А., Пеньковский, Е.В. Философия права и преступления / Р.А. Ромашов, Е.В. Пеньковский. – Санкт-Петербург: Алетейя, 2015. – 344 с.

292. Российское законодательство X-XX вв. В 9 т. Т.6: Законодательство первой половины XIX века / отв. ред. О.И. Чистяков. – М.: Юридическая литература, 1988. – 431 с.

293. Российское законодательство X-XX веков. В 9 т. Т.2: Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства / под общ. ред. О.И. Чистякова; отв. ред. тома А.Д. Горский; рец. В.И.Корецкий. – М.: Юридическая литература, 1985. – 520 с.

294. Российское уголовное право. Общая часть. В 2 т. Т. 1. / под ред. А. И. Рарога. М.: Профобразование, 2004. – 944 с.

295. Российское уголовное право. Общая часть: учебник. В 2 т. Т. 1 / под ред. Л. В. Иногамовой-Хегай, В. С. Комиссарова, А. И. Рарога. – М.: Проспект, 2010. – 608 с.

296. Российское уголовное право. Особенная часть. В 2-х т. Т.2 / под ред. А.И. Рарога. – М.: ООО «Полиграф Опт», 2004. – 928 с.

297. Русская философия права. Антология / В.П. Сальников; сост.: А.П. Альбов, Д.В. Масленников, М.В. Сальников. – 2-е изд., доп. – СПб.: Алетейя, 1999. – 447 с.

298. Савельева, О. А. Судебное толкование в применение уголовного закона: учебно-практическое пособие. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: СПС. КонсультантПлюс (дата обращения: 15 июля 2023 г.).

299. Саидов, А.Х. Сравнительное правоведение (основные правовые системы современности) / А. Х. Саидов, под ред. В.А. Туманова. – М.: Юристъ, 2003. – 448 с.

300. Сергиевский, Н.Д. Русское уголовное право. Часть Общая: Пособие к лекциям / Н.Д. Сергиевский. – СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1911. – 387 с.

301. Серебренникова, А.В. Уголовный кодекс Лихтенштейна / А.В. Серебренникова. – М., 2015. –145 с.

302. Сизова, В.Н. Институт системы наказаний Особенной части российского уголовного законодательства: монография / В.Н. Сизова. – М.: Проспект, 2021. – 192 с.
303. Сизова, В.Н. Система Особенной части российского уголовного законодательства: монография / В.Н. Сизова. – М.: Юрлитинформ, 2021. – 200 с.
304. Советское уголовное право. Общая часть / под ред. Г. А. Кригера, Б. А. Куринова, Ю. М. Ткачевского. – М.: Издательство Московского университета, 1981. – 517 с.
305. Советское уголовное право: Часть Общая: учебник / Б.В. Здравомыслов, М.А. Гельфер, П.И. Гришаев и др. – М.: Юрид.лит., 1982. – 440 с.
306. Советское уголовное право: Часть Особенная. Учебник / под ред. М.И. Ковалева. – М.: Юрид.лит., 1983. – 480 с.
307. Советское уголовное уложение (научный комментарий, текст, сравнительные таблицы) / Ю.В. Грачева, С.В. Маликов, А.И. Чучаев; под ред. А.И. Чучаева. – М.: Проспект, 2022. – 240 с.
308. Солнцев, Г.И. Российское уголовное право / Г.И. Солнцев; под ред. и с вступит. статьей Г.С. Фельдштейна. – Ярославль, 1907. – 218 с.
309. Сравнительное уголовное право. Особенная часть: монография / В. Н. Додонов, О. С. Капинус, С. П. Щерба; под общ. и науч. ред. С. П. Щербы. – М.: Юрлитинформ, 2010. – 544 с.
310. Стучка, П. Избранные произведения по марксистско-ленинской теории права / П. Стучка; соств. Г.Я. Клява. – Рига: Латв. гос. изд-во, 1964. – 748 с.
311. Судебник Царя и Великого Князя Ивана Васильевича, законы из Юстиниановых книг, указы дополнительные к судебнику и таможенный устав царя и великаго князя Ивана Васильевича. – СПб.: при Императорской академии наук, 1768. – 32 с.

312. Сухарева, Н.Д. Общеуголовное освобождение от ответственности в российском уголовном праве. Монография / Сухарева Н.Д.; науч. ред.: Наумов А.В. – М.: Илекса, 2005. – 264 с.
313. Сырых, В.М. Логические основания общей теории права. Элементный состав. В 2-х томах. Т. 1 / Сырых В.М. – М.: Юрид. Дом «Юстицинформ», 2000. – 528 с.
314. Таганцев, Н.С. Курс уголовного права. Часть 1. Книга 1. Учение о преступлении / Н.С. Таганцев. – Вып. 1. – СПб.: тип. М. Стасюлевич, 1874. – 284 с.
315. Таганцев, Н.С. Лекции по русскому уголовному праву. Вып. 1 / Н.С. Таганцев. – СПб.: Гос. тип. 1887. – 394 с.
316. Таганцев, Н.С. Русское уголовное право. Лекции: Часть общая: В 2-х т. Т. 1 / Н.С. Таганцев; сост. и отв. ред.: Н.И. Загородников. – М.: Наука, 1994. – 380 с.
317. Таганцев, Н.С. Русское уголовное право. Часть общая: лекции / Н.С. Таганцев. – 2-е изд., пересмотр. и доп. – СПб.: Гос. тип., 1902. – 816 с.
318. Тер-Акопов, А. А. Преступление и проблемы нефизической причинности в уголовном праве / А.А. Тер-Акопов. – М.: Юркнига, 2003. – 478 с.
319. Тихомиров, Ю.А. Курс сравнительного правоведения / Ю.А. Тихомиров. – М.: Изд-во «НОРМА», 1996. – 432 с.
320. Трайнин, А.Н. Общее учение о составе преступления / А.Н. Трайнин. – М.: Госюриздат, 1957. – 363 с.
321. Трайнин, А.Н. Учение о составе преступления / А.Н. Трайнин. – М.: Юрид. изд-во МЮ СССР, 1946. – 185 с.
322. Уголовное право зарубежных стран (Особенная часть): учебно-методическое пособие / Н. Е. Крылова, А. В. Малешина, А. В. Серебрянникова; под общ. ред. д.ю.н. Н. Е. Крыловой ; Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова, юрид. ф-т. [Электронное издание]. – М.: Статут, 2019. – 351 с.

323. Уголовное право России. Общая и Особенная части: учебник / под ред. проф. В. К. Дуюнова. – 3-е изд. – М.: РИОР: ИНФРА-М, 2012. – 780 с.

324. Уголовное право России. Особенная часть: учебник / под ред. Ф.Р. Сундурова, М.В. Талан, И.А. Тарханова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2021. – 1041 с.

325. Уголовное право России. Учебник для вузов. Особенная часть. В 2-х т. Т. 2. Особенная часть / под ред. А.Н. Игнатова и Ю.А. Красикова. – М.: Издательская группа НОРМА – ИНФРА * М, 1998. – 848 с.

326. Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учебник / под ред. А.В. Бриллиантова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2015. – 1184 с.

327. Уголовное право России. Часть Общая и Особенная: учебник / под ред. А.В. Бриллиантова. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2021. – 1344 с.

328. Уголовное право России. Часть Особенная: учебник для вузов / отв. ред. проф. Л. Л. Кругликов. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Волтерс Клувер, 2004. – 816 с.

329. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: учебник / С.В. Афиногенов, Л.Д. Ермакова, Б.В. Здравомыслов, В.Ф. Караулов, и др.; отв. ред.: Б.В. Здравомыслов. – М.: Юристъ, 1996. – 509 с.

330. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: учебник для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / под ред. Р. Р. Галиакбарова. – Саратов: Изд-во Саратовской гос. акад. права. 1997. – 432 с.

331. Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть: учебник / под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай. – М.: ИНФРА-М, 2013. – 800 с.

332. Уголовное право Российской Федерации: проблемный курс для магистров и аспирантов. Введение в уголовное право. В 3 т. Т.1. Введение в уголовное право / под общ. ред. А.Н. Савенкова; науч. ред. и рук. авт. кол. А.И. Чучаев. – М.: Проспект, 2022. – 724 с.

333. Уголовное право. Общая часть. Преступление. Академический курс. Система, источники и структура уголовного права. Принципы уголовного права. В 10 т. Т. 2 / под ред. Н.А. Лопашенко. – М.: Юрлитинформ, 2016. – 712 с.
334. Уголовное право. Общая часть. Преступление. Академический курс. Понятие преступления. Состав преступления. В 10 т. Т. 5 / под ред. Н.А. Лопашенко – М.: Юрлитинформ, 2016. – 600 с.
335. Уголовное право. Общая часть. Преступление. Академический курс. Уголовный закон. Законодательная техника. В 10 т. Т. 4. / под ред. Н.А. Лопашенко. – М.: Юрлитинформ, 2016. – 704 с.
336. Уголовное право. Общая часть: Учебник / А.А. Герцензон, М.М. Исаев, А.А. Пионтковский, Б.С. Утевский; науч. ред. В.Д. Меньшагин. – 4-е изд., перераб. – М.: Юрид. изд-во МЮ СССР, 1948. – 575 с.
337. Уголовное право. Общая часть: учебник / под ред. В.Н. Петрашева. – М.: Приор, 1999. – 554 с.
338. Уголовное право. Особенная часть. Учебник для вузов / отв. ред. И.Я. Козаченко, З.А. Незнамова, Г.П. Новоселов. – М.: Издательская группа ИНФРА*М – НОРМА, 1997. – 351 с.
339. Уголовное право. Особенная часть: учебник / отв. ред. И.Я. Козаченко, Г.П. Новоселов. – 4-е изд. и доп. – М.: Норма, 2008. – 1008 с.
340. Уголовное право. Особенная часть: учебник / под ред. А.И. Рарога. – М.: Институт международного права и экономики. Издательство «Триада, Лтд», 1996. – 350 с.
341. Уголовное право. Особенная часть: учебник для бакалавров / под ред. А.И. Чучаева. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2018. – 546 с.
342. Уголовный закон. Опыт теоретического моделирования / отв. ред. В.Н. Кудрявцев, С.Г. Келина. – М.: Наука, 1987. – 276 с.
343. Уголовный кодекс Российской Федерации (научный проект) / Н. А. Лопашенко, Р. О. Долотов, Е. В. Кобзева, К. М. Хутов; под ред. докт. юрид. наук, проф. Н. А. Лопашенко. – М.: Юрлитинформ, 2019. – 320 с.

344. Успенский, Л. Очерки по юридической технике / Успенский Л. – Ташкент: Изд-во АО «Средазкнига», 1927. – 219 с.
345. Учение о составе преступления в уголовном праве России и Китая: сравнительно-правовое исследование / под ред. В. С. Комиссарова, А. И. Коробеева, Хе Бинсуна. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2009. – 547 с.
346. Фельдштейн, Г.С. Главные течения в истории науки уголовного права в России / Г.С. Фельдштейн, под ред. и с предисловием В.А. Томсинова. – М.: Издательство «Зерцало-М», 2014. – 452 с.
347. Филимонов, В.Д. Норма уголовного права / В.Д. Филимонов. – СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2004. – 370 с.
348. Филиппов, А.Н. Учебник истории русского права: пособие к лекциям / А.Н. Филиппов. – Ч. I. – Юрьев, 1907. – 823 с.
349. Флетчер, Дж., Наумов, А.В. Основные концепции современного уголовного права / Дж. Флетчер, А.В. Наумов. – М.: Юристъ, 1998. – 511 с.
350. Фойницкий И.Я. Курс уголовного права. Часть особенная: Посягательства личные и имущественные / И.Я. Фойницкий И.Я. – СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1912. – 451 с.
351. Фойницкий, И. Я. Курс уголовного судопроизводства. Том I / И.Я. Фойницкий. СПб.: Типография т-ва «Общественная Польза», 1912. – 577 с.
352. Цвайгерт, К., Кетц, Х. Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права: основы. В 2-х тт. Т. I. / К. Цвайгерт, Х. Кетц. – М.: Международные отношения, 2000. – 480 с.
353. Цветаев Л. Начертание теории уголовных законов, изданное для употребления учащихся / Л. Цветаев. – М.: Университет. тип., 1825. – 83 с.
354. Чебышев-Дмитриев, А.П. О преступном действии по русскому допетровскому праву / А.П. Чебышев-Дмитриев. – Казань: тип. Ун-та, 1862. – 242 с.
355. Черданцев, А. Ф. Толкование права и договора: учеб. пособие / А.Ф. Черданцев. – М.: Юнити-Дана, 2003. – 381 с.

356. Черданцев, А.Ф. Вопросы толкования советского права / А.Ф. Черданцев. – Свердловск: Изд-во Свердл. юрид. ин-та, 1972. – 191 с.
357. Черданцев, А.Ф. Логико-языковые феномены в праве, юридической науке и практике / Черданцев А.Ф. – Екатеринбург: Изд-во УИФ «Наука», 1993. – 192 с.
358. Черепнин, Л.В. Русские феодальные архивы XIV-XV вв. Ч. 2. / Л.В. Черепнин – М.: Издательство Академии наук СССР, 1951. – 427 с.
359. Четвернин, В.А. Введение в курс общей теории права и государства: учебное пособие / В.А. Четвернин. – М.: Институт государства и права РАН, 2003. – 204 с.
360. Четвернин, В.А. Современные концепции естественного права / В.А. Четвернин. – М.: Наука, 1988. – 144 с.
361. Чучаев, А.И. Уголовно-правовые взгляды Н.Д. Сергиевского: монография / А.И. Чучаев. – М.: Проспект, 2017. – 520 с.
362. Шаргородский, М.Д. Уголовный закон / М.Д. Шаргородский. – М.: Юрид. изд-во МЮ СССР, 1948. – 311 с.
363. Швеков, Г.В. Первый советский уголовный кодекс/ Г.В. Швеков. – М.: Высшая школа, 1970. – 207 с.
364. Шершеневич, Г.Ф. Общая теория права / Г.Ф. Шершеневич. – М. Изд. Бр. Башмаковых, 1911. – 698 с.
365. Щербатов, М.М. История Российская от древнейших времен. Т. IV. Ч. 2/ М.М. Щербатов. – СПб.: Императорская академия наук, 1783. – 544 с.
366. Энциклопедический словарь: в 82 тт. и 4 доп. тт. Т. XXI: Нибелунги – Неффцер / Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон, под ред. проф. И.Е. Андреевского. 1890-1907. – СПб.: Типо.-лит. И.А. Ефрона, 1897.– 480 с.
367. Энциклопедический словарь: в 82 тт. и 4 доп. тт. Том XXXIVa / А. Брокгауза и И.А. Ефрона. – СПб.: Семеновская Типолитография И.А. Ефрона, 1902. – 509 с.

368. Энциклопедия уголовного права. Понятие преступления. В 35 т. Т. 3 / И.Я. Гонтарь, И.А. Зинченко, А.П. Козлов, Н.Ф. Кузнецова и др.; отв. ред.: В.Б. Малинин. – СПб.: Изд. профессора Малинина, 2005. – 522 с.
369. Энциклопедия уголовного права. Состав преступления. В 35 т. Т. 4 / Н.И. Коржанский, В.Н. Кудрявцев, В.Б. Малинин, В.Г. Павлов, А.И. Рарог и др. – СПб.: Издание профессора Малинина, 2010. – 796 с.
370. Энциклопедия уголовного права. Соучастие в преступлении. В. 35 т. Т. 6 / С.С. Аветисян, Е.А. Галактионов, Р.Р. Галиакбаров, Л.Д. Ермакова, и др. – СПб.: Изд. профессора Малинина, 2007. – 564 с.
371. Энциклопедия уголовного права: Понятие уголовного права. В 35 т. Т. 1 / Б.В. Волженкин, Г.Ю. Лесников, Н.А. Лопашенко, В.В. Мальцев и др.; отв. ред.: В.Б. Малинин. – СПб.: Изд. профессора Малинина, 2005. – 698 с.
372. Якушин, В.А. Субъективное вменение и его значение в уголовном праве / Якушин В.А. – Тольятти: ТолПи, 1998. – 296 с.
373. Bezverhov, A.G., Norvartyan, Y.S. Systematicity of the criminal legislation of Russia: Methodology issues / A.G. Bezverhov, Y.S. Norvartyan // Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences. – 2019. – Vol. 12. – № 3. – P. 325–342.
374. Glenn, H.P. Legal Tradition of the World: Sustainable Diversity in Law / H. P. Glenn. – Oxford, 2000. URL: <https://wiselawyer.ru/poleznoe/56245-ugolovnoe-zakonodatelstvo-tureckoj-respubliki-stanovlenie-razvitie> (дата обращения: 30 ноября 2023 г.).
375. Pradel, J. Droit penal compare. 4e édition / J. Pradel. – Dalloz, 2016. – 1114 p.
376. Simester and Sullivan's Criminal Law. Theory and Doctrine / A.P. Simester, J.R. Spencer, F. Stark, G.R. Sullivan, G.J. Virgo. 6th ed. – Oxford and Portland, 2016. - 1000 p.

Научные статьи и материалы научных конференций:

377. Агапов, П.В. О проблеме криминализации пособничества террористическому акту / П.В. Агапов // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы восьмой Международной научно-практической конференции 27-28 января 2011 г. – М.: Проспект, 2011. – С.455-458.

378. Александрова, О.П., Буданова, Л.Ю. Значение признаков объективной стороны общественно-опасного деяния для его квалификации в правоприменительной практике / О.П. Александрова, Л.Ю. Буданова // Вестник ТвГУ. Серия: Право. – 2022. – № 2. – С. 86-93.

379. Апостолов, Н.Н. Прекращение уголовного дела или уголовного преследования с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа / Н.Н. Апостолов // Российская юстиция. – 2016. – № 10. – С. 34-37.

380. Бабаев, М.М., Пудовочкин, Ю.Е. Концепция уголовно-правовой политики Российской Федерации / М.М. Бабаев, Ю.Е. Пудовочкин // Уголовное право. – 2012. – № 10. – С. 4-12.

381. Балтабаев, К.Ж. Особенности Уголовного кодекса Республики Казахстан / К.Ж. Балтабаев // Уголовное право. – 2017. – № 4. – С. 18-25.

382. Баранов В.М., Краснов Д.Г. Кодификационное пространство государства. Вместо предисловия / В.М. Баранов, Д.Г. Краснов // Кодификация законодательства: теория, практика, техника: Материалы Международной научно-практической конференции (Нижний Новгород, 25-26 сентября 2008 года) / под ред. доктора юридических наук, профессора, заслуженного деятеля науки РФ В.М. Баранова, кандидата юридических наук, доцента Д.Г. Краснова. Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, Торгово-промышленная палата Нижегородской области, 2009. С. 9-25.

383. Баранов, В.М., Кондаков, Д.С. Примечания в российском праве: природа, виды, проблемы реализации // Проблемы юридической техники:

сборник статей / В.В. Баранов, Д.С. Кондаков; Под ред. В. М. Баранова. – Н.Новгород, 2000. – С. 338–402.

384. Баранов, П.П. Легистский позитивизм в современной России / П.П. Баранов // Северо-Кавказский юридический вестник. –2015. – № 1. – С. 9-15.

385. Безверхов, А. Г. Типология составов преступлений (некоторые проблемы законодательного конструирования) / А.Г. Безверхов // Актуальные проблемы юридической науки. Тольятти: Волжский университет им. В.Н. Татищева, 2011. – Ч. 2. – С. 63-71.

386. Безверхов, А.Г. Административная преюдициальность в уголовном законодательстве России: истоки, реалии, перспективы / А.Г. Безверхов // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Право». – 2011. – № 2 (10). – С. 39-51.

387. Безверхов, А.Г. О действии уголовного закона в условиях межотраслевых связей /А.Г. Безверхов // Lex Russica. – 2015. – № 10. (Том CVII). – С. 76-92.

388. Безверхов, А.Г. Система права и система законодательства: понятие и соотношение / А.Г. Безверхов // Вопросы государства и права: сборник научных статей Всероссийского круглого стола. Редколлегия: Л.В. Карнаушенко, А.А. Швец, Е.А. Пушкарев [и др.]. Краснодар: Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Краснодарский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации», 2022. – С. 7-11.

389. Безверхов, А.Г., Артамонова, М.А. К проблеме действия Уголовного кодекса РФ в системе межотраслевых связей /А.Г. Безверхов, М.А. Артамонова // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Право». – 2010. – № 1 (7). – С. 97-107.

390. Безверхов, А.Г., Голенко, Д.В. Структура Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации: современность и перспективы / А.Г. Безверхов, Д.В. Голенко // Вестник Томского государственного университета. Право. – 2022. – № 44. – С. 17–29.

391. Безверхов, А.Г., Элекина, С.В. Блакетность в уголовном праве: некоторые общетеоретические вопросы / А.Г. Безверхов, С.В. Элекина // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: сборник материалов XIX международной научно-практической конференции. – М.: Проспект, 2022. – С. 42-47.

392. Благов, Е.В. Новый уголовный кодекс или новая его редакция / Е.В. Благов // Современная уголовная политика: поиск оптимальной модели: материалы VII Российского Конгресса уголовного права (31 мая — 1 июня 2012 г.). – М.: Проспект, 2012. – С. 19–23.

393. Благов, Е.В. Норма уголовного права: структурный аспект / Е.В. Благов; отв. ред. Е.В. Благов // Категориальный аппарат уголовного права и процесса: сб. науч. тр. – Ярославль : ЯрГУ, 1993. – С. 91-96.

394. Богданова, Э.Ю. Уголовный кодекс Франции как гарант соблюдения принципа законности / Э.Ю. Богданова // Социально-экономические явления и процессы. – 2014. – Т.9. – № 10. – С. 170-173.

395. Борзенков, Г.Н. Имущественные преступления в Уголовном уложении 1903 г. / Г.Н. Борзенков // Вестник Московского ун-та. Серия 11. Право. – 1993. – № 5. – С. 46-49.

396. Борисова, В.Р. Социально-политическая обусловленность уголовного права на примере различий общей части Уголовного кодекса РСФСР 1922 года и общей части Уголовного кодекса РФ / В.Р. Борисов // Теоретическая и прикладная юриспруденция. – 2021. – № 4. – С. 37–40.

397. Ведерникова, О.Н. Современные уголовно-правовые системы: типы, модели, характеристика / О.Н. Ведерникова // Государство и право. – 2004. – № 1. – С. 68-76.

398. Винокуров, А.Н. Об уголовном кодексе без «особенной части» и дозирок / А.Н. Винокуров // Советское строительство. – 1930. – № 10-11. – С. 50-57.

399. Власенко, Н.А. О кризисных тенденциях в праве / Н.А. Власенко // Юридическая техника. Ежегодник. Демократизация правотворчества: доктрина, практика, техника. – 2014. – № 8. – С. 40-47.
400. Волженкин, Б.В. Новый Уголовный кодекс Республики Казахстан / Б.В. Волженкин // Правоведение. – 1999. – № 1. – С.142-150.
401. Волков, К.В. Похищение человека и новое разъяснение Пленума Верховного Суда РФ / К.В. Волков // Российский судья. – 2020. – № 8. – С. 54-58.
402. Воронин, В.Н. Уголовная ответственность за похищение человека /В.Н. Воронин // Вестник Омской юридической академии. –2017. –№ 3. – С. 68-72.
403. Гаврилов, Б.Я., Рогова, Е.В. Закрепление уголовного проступка в контексте реформирования уголовного законодательства России / Б.Я. Гаврилов, Е.В. Рогова //Российская юстиция. – 2016. – № 11. – С. 387-400.
404. Гареев, М. Кому светят иные меры? / М. Гареев// ЭЖ-Юрист, 2013. – № 1. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: СПС. КонсультантПлюс (дата обращения: 15 июля 2023 г.).
405. Гаухман, Л. Нужен новый УК РФ / Л. Гаухман // Законность. – 1998. – № 7. – С. 22-25.
406. Гаухман, Л.Д. Нестабильность уголовного законодательства как угроза разрушения правопорядка / Л.Д. Гаухман // Труды Института государства и права Российской академии наук. – 2014. – № 3. – С. 87-106.
407. Гаухман, Л.Д. Проблемы УК РФ: бланкетность, декларативность, казуистичность / Л.Д. Гаухман // Уголовное право в XXI веке: материалы Международной научной конференции на юридическом факультете МГУ им. М.В. Ломоносова 31 мая-1 июня 2001 г. – М.: «ЛексЭст», 2002. – С. 48-61.
408. Голенко, Д. В. О тенденциях развития Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации / Д.В. Голенко // Юридический вестник Самарского университета. – 2021. – Т. 7, № 4. – С. 26–29.

409. Голенко, Д.В. К вопросу о диспозициях статей Особенной части Уголовного кодекса РФ / Д.В. Голенко // Вестник ТвГУ. Серия: Право. – 2020. – № 3. – С. 29-34.
410. Голенко, Д.В. Структура особенной части Уголовного кодекса РСФСР 1960 года / Д.В. Голенко // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право. – 2019. – № 4. – С. 112–119.
411. Голенко, Д.В. Судебный штраф как иная мера уголовно-правового характера / Д.В. Голенко // Юридический вестник Самарского университета. – 2018. – Т. 4. № 1. – С. 78-82.
412. Голик, Ю.В. Нужна новая редакция Уголовного кодекса Российской Федерации / Ю.В. Голик // Системность в уголовном праве: материалы II Российского Конгресса уголовного права, состоявшегося 31 мая — 1 июня 2007 г. – М.: Проспект, 2007. – С. 117–119.
413. Голик, Ю.В. Уголовное право нуждается в переменах / Ю.В. Голик // Эффективность уголовно-правового, криминологического и уголовно-исполнительного противодействия преступности: материалы XII Российского конгресса уголовного права, состоявшегося 28-29 мая 2020 г. – М.: Юрлитинформ, 2020. – С. 39-45.
414. Голик, Ю.В., Коробеев, А.И. Реформа уголовного законодательства России: быть или не быть? / Ю.В. Голик, А.И. Коробеев // Lex Russica. – 2014. – № 12 (Том ХСVII). – С. 1399-1410.
415. Головкин, Л.В. Законопроект об уголовном проступке: мнимые смыслы и реальная подоплека / Л.В. Головкин // Закон. – 2018. – С. 128-136.
416. Гордеева, Е.С. Понятие и содержание бланкетных диспозиции в уголовном законодательстве России / Е.С. Гордеева // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2010. – № 4 (48). – С. 57-61.
417. Городнова, О.Н. Эволюция отечественной уголовно-правовой идеологии / О.Н. Городнова // Вестник российского университета коопераций. – 2020. – № 1. – С. 106–111.

418. Гошаев, И.М. Регламентация административной преюдиции в уголовном законодательстве России: историко-правовой анализ / И.М. Гошаев // Юрист-Правоведь. – 2017. – №3 (82). – С. 130-135.

419. Гравина, А.А. Тенденции развития уголовного законодательства на современном этапе / А.А. Гравина // Журнал российского права. – 2016. – № 11. – С. 95-105.

420. Грачева, Ю. В. Гарантии ограничения судебного усмотрения при применении норм с оценочными понятиями / Ю.В. Грачева // Законность. – 2010. – №8. – С. 46-49.

421. Грачева, Ю.В., Чучаев, А.И. Уголовный кодекс 1926 г.: преобладание идеологии над наукой / Ю. В. Грачева, А.И. Чучаев // Прогресс и преемственность в российском уголовном праве (к 95-летию УК РСФСР 1926 г. и 25-летию УК РФ 1996 г.): материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием / ответственный редакторы В.П. Коняхин и М.Л. Прохорова; Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Кубанский государственный университет. – Краснодар: Кубанский государственный университет, 2021. – С. 33-47.

422. Густова, Э.В. Совершенствование санкций уголовно-правовых норм как один из способов уголовно-правового воздействия на предупреждение преступности / Э.В. Густова // Вестник Воронежского института МВД России. – № 2. – 2016. – С. 51-55.

423. Денисова, А.В. О приемах законодательной техники, используемых в Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации / А.В. Денисова // Общество и право. – 2010. – № 2(29). – С. 94-98.

424. Жалинский, А.Э. О современном состоянии уголовно-правовой науки / А.Э. Жалинский // Уголовное право. – 2005. – № 1. – С. 21–24.

425. Жук М.С. Вопросы обеспечения системности Особенной части Уголовного кодекса РФ / М.С. Жук // Эффективность права: проблемы теории

и практики: материалы Междунар. науч.-практ. конф. Краснодар, 10-11 октября 2014 г. –Краснодар: Кубанский гос. Ун-т, 2014. – С. 350-355.

426. Жук, М.С. Бланкетность как форма отражения межотраслевых связей уголовного права / М.С. Жук // Общество и право. – 2010. – № 4. – С. 139 – 143.

427. Жук, М.С. Уголовный проступок: перспективы развития и законодательного закрепления / М.С. Жук // Прогресс и преемственность в российском уголовном праве (к 95-летию УК РСФСР 1926 г. и 25-летию УК РФ 1996 г. –Краснодар: Кубанский государственный университет, 2021. – С.364-369.

428. Журавлева, Н.М. Предшествующее преступление как криминообразующий признак в составах легализации (отмывания) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем / Н.М. Журавлев // Преступления в сфере экономики: российский и европейский опыт: материалы второго совместного российско-германского круглого стола. – М.: Проспект, 2012. – С. 233-237.

429. Загородников, Н.И., Наумов, А.В. Теоретические основы классификации преступлений в уголовном праве / Н.И. Загородников, А.В. Наумов // Правоведение. –1983. – № 2. – С. 59 - 60.

430. Закомолдин, Р.В., Дуюнов, В.К. О необходимости закрепления категории «национальная безопасность» и «военная безопасность» в уголовном законе / Р.В. Закомолдин, В.К. Дуюнов // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2020. – № 3. – С. 26–31.

431. Зацепин, М.Н., Зацепин, А.М. Уголовно-правовая политика в сфере обеспечения государственной безопасности России: воплощение в УК РСФСР 1960 г. и УК РФ 1996 г. / М.Н. Зацепин, А.М. Зацепин // Прогресс и преемственность в российском уголовном праве (к 95-летию УК РСФСР 1926 г. и 25-летию УК РФ 1996 г. – Краснодар: Кубанский государственный университет, 2021. – С. 466-474.

432. Звечаровский, И. Категория «уголовный проступок» в контексте либерализации уголовной политики России / И. Звечаровский // Уголовное право. – 2017. – № 4. – С. 43-46.

433. Звечаровский, И. На пути к уголовному проступку / И. Звечаровский // Законность. – 2021. – № 2. – С. 45-46.

434. Зыков, Д.А. Возвращение административной преюдиции в УК РФ – исправление законотворческой ошибки / Д.А. Зыков // Юридическая техника. – 2005. – № 9. – С. 273-275.

435. Иванов, Н.В. Теория и практика применения бланкетных норм права (на примере уголовного законодательства) / Н.В. Иванов // Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2010. – № 2 (13). – С. 303-305.

436. Иванова, Е.В. Новый подход Пленума Верховного Суда Российской Федерации к пониманию состава ст. 126 УК РФ (похищение человека) / Е.В. Иванова // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы XVIII Международной научно-практической конференции. – М.: РГ-Пресс. 2021. – С. 156-161.

437. Иванова, О.М. Краткий очерк об истории становления советского уголовного законодательства об имущественных преступлениях (1917–1922) / О.М. Иванова // Вестник Московского университета МВД России. 2014. – № 6. – С. 122–126.

438. Идрисов, Н.Т. Об уголовном нормативно-правовом предписании в системе законодательства и правоприменения / Н.Т. Идрисов // Право и политика. – 2017. – № 10. – С. 60-71.

439. Илиджев, А.А. Особенная часть уголовного права как отражение уголовной политики российского государства / А.А. Илиджев // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2023. – Т. 14, № 1 (51). – С. 67-74.

440. Иногамова-Хегай, Л.В. Концептуальные положения реформирования Уголовного кодекса Российской Федерации / Л.В.

Иногамова-Хегай // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. – 2014. – № 1. – С.84-92.

441. Иоффе, О.С. О форме и содержании социалистического права / О.С. Иоффе // Вестник Ленинградского университета. – 1959. – № 11. – Вып. 2. – С. 84-95.

442. Исаев, М.М. Уголовный кодекс 1 июня 1922 г. / М.М. Исаев // Советское право. – 1922. – № 2. – С. 17–28.

443. Кадников, Н.Г. 20 лет со дня принятия УК РФ 1996 г.: подводим итоги / Н.Г. Кадников // Вестник экономической безопасности. – 2016. – С. 125-129.

444. Кадников, Н.Г. Категоризация преступлений в зависимости от их тяжести как основа построения многих институтов Общей части уголовного права / Н.Г. Кадников // Уголовное право. – 2017. – № 4. – С. 59-61.

445. Калачов, Н.В. Об уголовном праве по Судебнику царя Иоанна Васильевича / Н.В. Калачов // Юридические записки, издаваемые Петром Редкиным, доктором прав и ординарным профессором Императорского Московского Университета. – 1842. – Том II. – С. 306 – 408.

446. Капинус, О.С. Законодательная инициатива о регламентации в Уголовном кодексе РФ уголовного проступка: критический анализ / О.С. Капинус // Российская юстиция. – 2021. – № 3. – С. 25-29.

447. Кауфман, М.А. Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о похищении человека, незаконном лишении свободы и торговле людьми»: обзор правовых позиций» / М.А. Кауфман // Уголовное право. – 2020. – № 5. – С. 70-77.

448. Келина, С.Г. Вступительная статья / С.Г. Келина // Уголовный кодекс Российской Федерации. – М., 1996. – С. XXXIII.

449. Кибальник, А. Преступление и наказание в доктрине мусульманского уголовного права / А.Г. Кибальник // Уголовное право. – 2007. – № 1. – С. 25-29.

450. Кибальник, А. Уголовный проступок и его правовые последствия / А. Кибальник // Уголовное право. – 2017. – № 4. – С. 65-68.
451. Кибальник, А.Г. Недопустимость административной преюдиции в уголовном праве / А.Г. Кибальник // Библиотека криминалиста. – 2013. – № 2. – С. 119-125.
452. Кленова, Т.В. 25-летие Уголовного кодекса Российской Федерации: проблемы кодификации / Т.В. Кленова // Юридический вестник Самарского университета. – 2021. – Т. 7. – № 4. – С. 45-51.
453. Кленова, Т.В. О совместимости публичного и частного интересов в уголовном праве / Т.В. Кленова // Уголовное право. – 2006. – № 2. – С. 41-45.
454. Кленова, Т.В. Об эффекте резонанса новых судебных позиций о преступлениях против свободы личности / Т.В. Кленова // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы XVIII Международной научно-практической конференции. М: РГ-Пресс. 2021. – С. 146-151.
455. Кленова, Т.В. Обоснованность дополнений и изменений Уголовного кодекса Российской Федерации // Пять лет действия УК РФ: итоги и перспективы. Материалы 11 Международной научно-практической конференции, состоявшейся на юридическом факультете МГУ им. М.В. Ломоносова 30-31 мая 2002 г. М.: ЗАО «ЛексЭст», 2003. – С. 31-35.
456. Кленова, Т.В. Принципы кодификации уголовно-правовых норм / Т.В. Кленова // Кодификация законодательства: теория, практика, техника: материалы Международной научно-практической конференции (Нижний Новгород, 25—26 сентября 2008 года) / под ред. доктора юридических наук, профессора, заслуженного деятеля науки РФ В.М. Баранова, кандидата юридических наук, доцента Д.Г. Краснова. – Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, Торгово-промышленная палата Нижегородской области, 2009. – С. 834-856.
457. Кленова, Т.В. Структура уголовно-правовой нормы и выражение ее предписаний в законодательстве // Советское государство и право. – 1988. – № 11. – С. 80-84.

458. Кленова, Т.В. Трудный путь института уголовной ответственности за посягательства на честь и достоинства личности, или проблемы целеполагания / Т.В. Кленова // Юридический Вестник Самарского университета. – 2021. Т. 7, № 2. – С.48-56.

459. Кленова, Т.В., Климанова, О.В. Казуальное регулирование и конкретизация уголовного законодательства: о предпочтениях в законодательном процессе и уголовной политике // Труды Института государства и права Российской академии наук. – 2022. – Т. 17, № 4. – С. 126-143.

460. Князьков, А.А. О приемах законодательной техники в уголовном праве / А.А. Князькова // Актуальные вопросы борьбы с преступностью. – 2015. – № 2. – С. 15-18.

461. Кобзева, Е. В. Идеологические и правовые границы российского уголовного закона: о необходимости их выделения и соблюдения / Е.В. Кобзева // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – № 5 (100). – 2014. – С. 75-79.

462. Ковалев, М.И. О технике уголовного законодательства / М.И. Ковалев // Правоведение. – 1962. – № 3. – С. 142-146.

463. Кокунов, А.И. Техничко-юридическое конструирование единичных и альтернативных санкций в кодифицированном уголовном законе: постановка проблемы / А.И. Кокунов // Юридическая наука и правоприменительная практика. – 2016. – № 1 (35). – С. 81-85.

464. Колесников, А.Н. Систематизация законодательства в России в начале XIX века М.М. Сперанским/ А.Н. Колесников // Ученые записки. – 1957. – Вып. 8. – С. 189-214.

465. Комиссаров, В.С. Оценка состояния Уголовного кодекса Российской Федерации и перспективная характеристика законодательной деятельности / В.С. Комиссаров // Пять лет действия УК РФ: итоги и перспективы. Материалы 11 Международной научно-практической

конференции, состоявшейся на юридическом факультете МГУ им. М.В. Ломоносова 30-31 мая 2002 г. – М.: ЗАО «ЛексЭст», 2003. – С.13-15.

466. Комиссаров, В.С., Мясников, О.А. Пять лет уголовному кодексу Российской Федерации: итоги и перспективы / В.С. Комиссаров, О.А. Мясников // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2002. – № 4 (243). – С. 223-231.

467. Комягин, Р.А. Соотношение состава преступления и уголовно-правовой нормы / Р.А. Комягин // Вестник Саратовской государственной академии. – 2019. – № 6 (131). – С. 213-218.

468. Коняхин, В.П., Асланян, Р.Г., Батютина, Т.Ю. УК РСФСР 1922 г.: юридико-технический и институциональный анализ // Российский следователь. – 2022. № 5. – С. 8-10.

469. Кораблев, Р.Н. К вопросу о периодизации уголовного права в рамках становления и развития институтов Особенной части / Р.Н. Кораблев // Пробелы в российском законодательстве. – 2015. – № 4. – С. 191-194.

470. Коробеев, А.И. Лоскутное одеяло Уголовного кодекса // Независимая газета. 05.02.2013. URL: https://www.ng.ru/ng_politics/2013-02-05/14_uk.html (дата обращения: 05 февраля 2023 г.).

471. Коробеев, А.И., Чучаев, А.И. Транспортные преступления: проект новый – недостатки старые / А.И. Коробеев, А.И. Чучаев // Актуальные проблемы российского права. – 2019. – № 10 (107). – С. 172-189.

472. Коробеев, А.И., Чучаев, А.И. Уголовный кодекс Китая: общая характеристика (к 20-летию со дня принятия) / А.И. Коробеев, А.И. Чучаев // Актуальные проблемы российского права. 2018. – № 2 (87). – С. 151-190.

473. Коробов, П.В. Уголовный проступок: "за" и "против" / П.В. Коробов // Правоведение. – 1990. – № 5. – С. 90 - 92.

474. Коростелев, В.С. Некоторые вопросы систематизации уголовно-правовых предписаний о преступлениях против военной службы // Общество и право. – 2014. – № 2 (48). – С. 108-112.

475. Кривоченко, Л.Н. К дискуссии об уголовном проступке / Л.Н. Кривоченко // Проблемы социалистической законности. – 1982. – Вып. 9. – С.105-110.
476. Кригер, Г. А. Состав преступления и его значение / Г.А. Кригер // Советская юстиция. – 1982. – № 6. – С. 7-8.
477. Кригер, Г.А. Конституция СССР и совершенствование уголовного законодательства / Г.А. Кригер // Вестник Московского университета. Серия «Право». – 1979. – № 2. – С. 5-10.
478. Кругликов, Л., Лапшин, В. О последствиях включения категории «уголовный проступок» в российский уголовный закон / Л. Кругликов, В. Лапшин // Уголовное право. – 2017. – № 4. – С. 80-84.
479. Кругликов, Л.Л. Об обеспечении системности при изменении Уголовного кодекса Российской Федерации / Л.Л. Кругликов // Пять лет действия УК РФ: итоги и перспективы. Материалы 11 Международной научно-практической конференции, состоявшейся на юридическом факультете МГУ им. М.В. Ломоносова 30-31 мая 2002 г. – М.: ЗАО «ЛексЭст», 2003. – С. 32-35.
480. Кругликов, Л.Л. Виды юридических конструкций в уголовном праве / Л.Л. Кругликов // Юридическая техника. – 2013. – № 7 (ч.2). – С. 53-60.
481. Кругликов, Л.Л. О видах и типах санкций в уголовном законодательстве / Л.Л. Кругликов // Юридическая записки ЯрГУ им. П.Г. Демидова. – 1997. – Вып. 1. – С. 179-186.
482. Кругликов, Л.Л. О средствах законодательной техники в уголовном праве / Л.Л. Кругликов // Проблемы юридической техники в уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве. –Ярославль, 1996. – С. 4-9.
483. Кругликов, Л.Л. Сбои в конструировании санкций в уголовном законодательстве / Л.Л. Кругликов // Юридическая техника. – 2008. – № 2. – С. 110-114.

484. Кругликов, Л.Л. Сбои в конструировании санкций в уголовном законодательстве / Л.Л. Кругликов // Юридическая техника. – 2008. – № 2. – С. 110–114.

485. Кругликов, Л.Л. Средства дифференциации ответственности в Уголовном кодексе 1960 и 1996 годов / Л.Л. Кругликов // Юридическая техника. – 2011. – № 5. – С. 273-280.

486. Крыленко, Н.В. Принципы переработки Уголовного кодекса РСФСР (Доклад на заседании Коллегии НКЮ 24 февраля 1928 г.) / Н.В. Крыленко // Еженедельник советской юстиции. – 1928. – № 22. – С. 641-643.

487. Кудрявцев, В., Стручков, Н. Борьба с умышленными нарушениями должностных, профессиональных и гражданских обязанностей / В. Кудрявцев, Н. Стручков // Советская юстиция. – 1972. – № 1. – С. 8-10.

488. Кудрявцев, В.Н., Лукашева, Е.А. Государство, право, человек / В.Н. Кудрявцев, Е.А. Лукашева // Коммунист. – 1986. – № 9. – С.92-101.

489. Кузнецов, А.П., Маршакова, Н.Н. Кодификация российского уголовного законодательства: проблемы, тенденции и перспективы развития / А.П. Кузнецов, Н.Н. Маршакова // Кодификация законодательства: теория, практика, техника: Материалы Международной научно-практической конференции (Нижний Новгород, 25-26 сентября 2008 года) / Под ред. доктора юридических наук, профессора, заслуженного деятеля науки РФ В.М. Баранова, кандидата юридических наук, доцента Д.Г. Краснова. – Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, Торгово-промышленная палата Нижегородской области, 2009. – С. 798-828.

490. Кузнецова, Н.Ф. Вопросы истории советского уголовного законодательства (общая часть) / Н.Ф. Кузнецова. [Электронный ресурс]. URL:<http://uf.kgsu.ru> (дата обращения: 06.06.2023 г.)

491. Кузнецова, Н.Ф. Главные тенденции развития российского уголовного законодательства / Н.Ф. Кузнецова // Уголовное право в XXI веке: материалы Международной научной конференции на юридическом

факультете МГУ им. М.В. Ломоносова 31 мая-1 июня 2001 г. – М.: «ЛексЭст», 2002. – С. 11-17.

492. Кузнецова, Н.Ф. Значение общественной опасности деяний для их криминализации и декриминализации / Н.Ф. Кузнецова // Государство и право. – 2010. – № 6. – С. 67-75.

493. Кузнецова, Н.Ф. К истории проекта уголовных кодексов Российской Федерации / Н.Ф. Кузнецова // Вестник МГУ. Серия 11: Право. – 1995. – № 2. – С. 54-63.

494. Кузнецова, Н.Ф. К истории проектов Уголовных кодексов Российской Федерации / Н.Ф. Кузнецова // Вестник Московского университета. – 1995. – № 2. – С. 54- 63.

495. Кузнецова, Н.Ф. Основные черты Особенной части УК РФ / Н.Ф. Кузнецова // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. – 1996. – № 5. – С. 14-31.

496. Кузнецова, Н.Ф. Семь лет Уголовному кодексу Российской Федерации / Н.Ф. Кузнецова // Вестник Московского университета. Серия 11. – 2003. – № 1. – С. 3-19.

497. Ландау, Б., Таганцев, Н. С., Набоков, В.Д. Несколько слов по поводу одного прискорбного юбилея ... / Б. Ландау, Н.С. Таганцев, В.Д. Набоков // Право: Еженед. юрид. газ. – СПб. 1913 г. – № 12. – 24 марта. – Тип. т-ва «Общественная польза», 1913. – 729- 800 стб.

498. Лиховая, С.Я. Учение о формальных составах преступлений в трудах Н.Ф. Кузнецовой / С.Я. Лиховая // Уголовное право: истоки, реалии, переход к устойчивому развитию // Материалы VI Российского конгресса уголовного права (26-27 мая 2011 года). – М.: Проспект, 2011. – С. 103-106.

499. Лопашенко, Н. Снижение репрессивности уголовного закона: предлагаемые меры и их оценка // Уголовное право. – 2017. – № 4. – С. 84-93.

500. Лопашенко, Н.А. Административной преюдиции в уголовном праве - нет! // Вестник Академии Генеральной прокуратуры РФ. – 2011. – № 3.

– С. 64-71. Лопашенко, Н.А. Изменения уголовного законодательства: оценка летних реформ / Н.А. Лопашенко // Уголовное право. – 2009. – № 5. – С. 35-41.

501. Лопашенко, Н.А. Льготная уголовная ответственность бизнеса как нарушение уголовно-правового принципа равенства (или Чем преступники-предприниматели лучше других преступников) // Российский следователь. – 2024. – № 1. – С. 47-53.

^{502.} Лопашенко, Н.А. О доктринальных предпосылках создания нового уголовного закона / Н.А. Лопашенко // Криминологический журнал Балтийского государственного университета экономики и права. – 2014. – № 4. – С. 5-13.

503. Лопашенко, Н.А. Проблемы совершенствования российского законодательства / Н.А. Лопашенко // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. – 2015. – № 1. – С. 47-51.

504. Лопашенко, Н.А. Состав преступлений с административной преюдицией – «свои среди чужих»? / Н.А. Лопашенко // Российский следователь. – 2022. – № 5. – С. 51-55.

505. Лопашенко, Н.А., Кобзева, Е.В., Хутов, К.М., Долотов, Р.О. Теоретическая модель Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации: основные положения структуры и содержания / Н.А. Лопашенко, Е.В. Кобзева, К.М. Хутов, Р.О. Долотов // Всероссийский криминологический журнал. – 2017. – Т. 11, № 1. – С. 109-118.

506. Малинин, В.Б. Уголовному законодательству требуется не модернизация, а кодификация / В.Б. Малинин // Проблемы кодификации уголовного закона: история, современность, будущее (посвящается 200-летию проекта Уголовного уложения 1813 года): материалы VIII Российского конгресса уголовного права (30-31 мая 2013 г.) / отв. ред. В.С. Комиссаров. – М., 2013. – С. 138-143.

507. Малков, В. П. Административная преюдиция в уголовном праве: за и против / В.П. Малков // Вестник Академии Генеральной прокуратуры РФ. – 2011. – № 3. – С. 58-65.

508. Малков, В.П. Неоднократность правонарушения и административная преюдиция как средства криминализации и декриминализации содеянного в российском уголовном праве / В.П. Малков // Библиотека криминалиста. – 2013. – № 2(7) – С. 179-185.

509. Маркунцев, С.А. Генезис подходов к легальному и доктринальному определению уголовного проступка / С.А. Маркунцев // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2018. – № 1. – С. 112–132.

510. Маркунцов, С.А. О соотношении понятий «уголовно-правовой запрет» и «запрещающая уголовно-правовая норма» / С.А. Маркунцев // Российский юридический журнал. – 2013. – № 2. – С. 122-129.

511. Милюков, С.Ф. О проектах нового Уголовного кодекса России / С.Ф. Милюков // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы XVII Международной научно-практической конференции. – М.: РГ-Пресс, 2020. – С. 45-49.

512. Милюков, С.Ф. Старое и новое о новом уголовно кодексе России // Уголовно-правовое воздействие и его роль в упреждении преступности (IV Саратовские уголовно-правовые представления): сборник статей по материалам IV Всероссийской научно-практической конференции / С.Ф. Милюков; под общей редакцией Н.А. Лопашенко. – Саратов: Саратовская государственная юридическая академия, 2019. – С. 241-243.

513. Михайлов, В.И. Становление института правомерного причинения вреда (обстоятельств, исключаящих преступность деяния) в Руководящих началах по уголовному праву РСФСР 1919 г. и УК РСФСР 1922 г. / В.И. Михайлов // Журнал российского права. – 2019. – № 2. – С. 117-131.

514. Муромцев, Г.И. О культурно-исторической специфике российских кодификаций / Г.И. Муромцев // Кодификация законодательства: теория, практика, техника: Материалы Международной научно-практической конференции (Нижний Новгород, 25—26 сентября 2008 года) / под ред. доктора юридических наук, профессора, заслуженного деятеля науки РФ В.М. Баранова, кандидата юридических наук, доцента Д.Г. Краснова. – Н.

Новгород: Нижегородская академия МВД России, Торгово-промышленная палата Нижегородской области, 2009. – С. 73-90.

515. Наумов, А. В. О специфике содержания и направленности сравнительно-правового метода науки уголовного права в современных условиях) / А.В. Наумов // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2022. – Т. 18, № 4. – С. 30—36.

516. Наумов, А.В. Влияние норм и принципов международного права на сближение уголовного права различных систем /А.В. Наумова // Уголовное право в XXI веке: материалы Международной научной конференции, состоявшейся на юридическом факультете МГУ им. М.В. Ломоносова 31 мая – 1 июня 2001 г. / А.В. Наумов. – М.: «ЛексЭст», 2002. – С. 18 – 23.

517. Наумов, А.В. Нормы других отраслей права как источник уголовного права / А.В. Наумов // Законность. – 2002. – № 7. – С. 36-39.

518. Наумов, А.В. О «ключевых» аспектах реформы УК РФ / А.В. Наумов // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы XVII Международной научно-практической конференции. – М.: РГ-Пресс, 2020. – С. 41-44.

519. Наумов, А.В. Отзыв официального оппонента на диссертацию «Учение о преступлении в странах семьи общего права», представленную Есаковым Г.А. на соискание ученой степени доктора юридических наук / А.В. Наумов // Уголовное право. – 2008. – № 3. – С. 138-141.

520. Наумов, А.В. Практика применения Уголовного кодекса Российской Федерации / А.В. Наумов [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: Справочно-правовая система «КонсультантПлюс» (дата обращения: 16 ноября 2023 г.).

521. Наумов, А.В. Проблемы кодификации российского уголовного законодательства: новый Уголовный кодекс или новая редакция Кодекса? / А.В. Наумов // Общество и право. – 2010. – № 5. – С. 13-17.

522. Наумов, А.В. Теоретическое обоснование внесения изменений и дополнений в Модельный уголовный кодекс для государств–участников

Содружества Независимых Государств / А.В. Наумов // Человек: преступление и наказание. – 2016. – № 1 (92). – С. 6- 14.

523. Наумов, А.В. УК РСФСР 1926 г. – модернизация законодательной техники по образцам романо-германского права как перспектива реформы УК РФ / А.В. Наумов // Прогресс и преемственность в российском уголовном праве (к 95-летию УК РСФСР 1926 г. и 25-летию УК РФ 1996 г.): материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием / ответственный редакторы В.П. Коняхин и М.Л. Прохорова; Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Кубанский государственный университет. – Краснодар: Кубанский государственный университет. – С. 27–32.

524. Наумов, А.В. Форма уголовного закона и ее социальная обусловленность / А.В. Наумов // Проблемы совершенствования уголовного закона. – М.: ИГПАН, 1984. –С. 18-27.

525. Нафиков, М.М. Система Особенной части УК РФ: вопросы теории и практики / М.М. Нафиков // Вестник экономики, права и социологии. – 2017. – № 1. – С. 100-103.

526. Небрятенко, Г.Г. Доктринальный обзор классификации правовых систем общества / Г.Г. Небрятенко // Юрист-Правоведь. – 2010. – № 1 (68). – С. 61-65.

527. Непомнящая, Т.В. Современная Российская уголовная политика: проблемы правотворчества и правоприменения / Т.В. Непомнящая // Вестник Томского государственного университета. Право. – 2015. – № 2 (16). – С. 86-94.

528. Нерсисянц, В.С. Философия права: либертарно-юридическая концепция / В.С. Нерсисянц // Вопросы философии. – 2002. – № 3. – С. 3-15.

529. Нечаев, А.Д., Янин, И.Ю. Административная преюдиция в уголовном праве// Пробелы в российском законодательстве. –2017. –№ 6. – С. 37-42.

530. Новичков, В. Е. Некоторые замечания относительно понятия «примечание» в уголовном праве России / В.Е. Новичков // Таврический научный обозреватель. – 2016. – № 5 (10). – С. 205-211.

531. Новоселов, Г.П. Уголовно-правовая норма: понятие, содержание, структура / Г.П. Новоселов // Российское право: образование, практика, наука. – 2015. – № 6. – С. 15-19.

532. Ображиев, К.В. Неуголовные нормативные правовые акты как источники бланкетной части уголовно-правовых норм / К.В. Ображиев // Вестник Московского университета МВД России. – 2012. – № 5. – С. 99-105.

533. Оль, П.А. Право как единство содержания и формы (принципы интеграции типов правопонимания) / П.А. Оль // Мир политики и социологии. – 2018. – № 12. – С. 172-191.

534. Орешкина, Т. Ю. Специальные обстоятельства, исключаящие преступность деяния / Т.Ю. Орешкина// Уголовное право: стратегия развития в XXI веке. –М.: Проспект, 2004. – С. 190-194.

535. Пан, Дунмэй Новые направления развития уголовного законодательства в современном Китае: обзор изменений китайского уголовного законодательства / Пан Дунмэй // Всероссийский криминологический журнал. – 2021. – Т.15, № 1. – С. 115-123.

536. Пан, Дунмэй, Фу, Сянсян Уголовно-правовая защита персональной информации граждан в Китае: доктрина, законодательная регламентация, правоприменение / Пан Дунмэй, Фу Сянсян // Всероссийский криминологический журнал. – 2021. – Т. 16, № 1. – С. 122-134.

537. Пан, Дунмэй, Чжао, Бинчжи, Васильев, И.А. Проблемы криминализации деяний в уголовном праве Китая / Пан Дунмэй, Чжао Бинчжи, И.А. Васильев // Всероссийский криминологический журнал. – 2019. – Т.13, № 1. – С. 142-151.

538. Панько, К.К. Примечания как нетипичное средство уголовного нормотворчества / К.К. Панько // Мировой судья. – 2006. – № 9. – С. 19-22.

539. Перетерский, И. С. Примечания в законе // Советское право. – 1928. – № 2. – С. 70-72.

540. Петрушенков, А.Н. Когерентность Общей и Особенной частей в уголовном законодательстве Израиля и Молдовы / А.Н. Петрушенков // Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2014. – № 3 (27). – С. 130-135.

541. Петрушенков, А.Н. Методологические основания формирования Общей и Особенной частей в первом Уголовном кодексе РСФСР / А.Н. Петрушенков // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2014. – № 1. – С. 59–63.

542. Петрушенков, А.Н. Теоретические основы взаимодействия Общей и Особенной части Уголовного кодекса РСФСР 1960 года / А.Н. Петрушенков // Пробелы в российском законодательстве. – 2014. – № 1. – С. 104-108.

543. Пиголкин, А.С. Совершенствование законодательной техники / А.С. Пиголкин // Советское государство и право. – 1968. – № 3. – С. 150 -154.

544. Пионтковский, А.А. Наука уголовного права, ее предмет, задачи, содержание и значение // Избранные труды: в 2 т. Т. 1. – Казань, 2004. – С. 181-184.

545. Плаксина, Т.А. Уголовно-правовая политика в сфере противодействия насильственным преступлениям против половой неприкосновенности малолетних / Т.А. Плаксина // Теоретические основы правовой политики в современной России: Материалы I Национальной (Всероссийской) научно-практической конференции. – Красноярск: Красноярский государственный аграрный университет (Красноярск). – С. 152-156.

546. Побегайло, Э.Ф. Концепция борьбы с преступностью и проблемы совершенствования Уголовного кодекса Российской Федерации / Э.Ф. Побегайло // Пять лет действия УК РФ: итоги и перспективы. – М.: Проспект, 2003. – С. 60-64.

547. Полубинская, С.В. Изменения и дополнения Уголовного кодекса Российской Федерации в оценках уголовно-правовой науки / С.В. Полубинская // Труды Института государства и права Российской академии наук. – 2011. – № 4. – С. 234-250.

548. Попов, В.А. Виды диспозиций и интерпретационная деятельность в уголовном праве / В.А. Попов // Виктимология. – 2020. – № 3(25). – С. 41-47.

549. Попов, М.Ю., Стрелецкий, Я.И. К вопросу о классификации типов правопонимания / М.Ю. Попов, Я.И. Стрелецкий // Общество и право. – 2006. № 4 (14). – С. 84-87.

550. Пронина, М.П. Проблемы бланкетности уголовно-правовых запретов / М.П. Пронина // Труды Академии МВД России. – 2017. – № 2 (42). – С. 31-36.

551. Пудовочкин, Ю.Е. Концепция соучастия: опыт теоретической разработки и нормативного закрепления / Ю.Е. Пудовочкин // Журнал российского права. – 2018. – № 8. – С. 11-23.

552. Пшипий, Р.М. Характер бланкетности диспозиций в нормах статей главы 22 УК РФ / Р.М. Пшипий // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2014. – № 7. – С. 3-9.

553. Разгильдиев, Б.Т. Система уголовного права России: понятие, назначение / Б.Т. Разгильдиев // Системность в уголовном праве: материалы II Российского конгресса уголовного права. – М.: Проспект, 2007. – С. 336-339.

554. Рарог, А. И. Роль Верховного Суда РФ в формировании судебной практики по уголовным делам / А.И. Рарог // Уголовное право стратегии развития в XXI веке: материалы 4-ой Международной научно-практической конференции 25-26 января 2007 г. – М.: Проспект, 2007. – С. 4-10.

555. Рарог, А.И. Нужен ли России новый Уголовный кодекс? / А.И. Рарог // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы IX Международной научн.-практ. конференции. – М.: Проспект, 2012. – С. 3–9.

556. Рарог, А.И. Разработка концепции Уголовного кодекса РФ: проблемы преемственности / А.И. Рарог // Юридическая техника. – 2011. – № 5. – С. 404-407.

557. Рассказов, Л.П. К вопросу о критерии классификации правовых систем: цивилизованный подход, тенденции сближения правовых систем в условиях глобализации / Л.П. Рассказов // Научный журнал КубГАУ. – 2015. – № 111 (07). – С.10-12.

558. Решетникова, Д.В. Понятие состава преступления: историко-правовой анализ / Д.В. Решетникова // Татищевские чтения. Актуальные проблемы науки и практики: материалы VII Международной научно-практической конференции. Тольятти: Волжский университет имени В.Н. Татищева (институт). –2010. – С. 276-280.

559. Рогов, С.Л. Политические преступления по Уголовному уложению 1903 г. / С.Л. Рогов // Вестник СГЭУ «Актуальные проблемы правопедения». Научно-теоретический журнал. – 2006. – № (21). – С. 23-26.

560. Рогова, Е.В. Понятие и сущность уголовного проступка / Е.В. Рогова // Труды Академии управления МВД России. – 2012. – № 3. – С. 7-9.

561. Рубанова, С.Н. Основные направления оптимизации нормативной регламентации примечаний к статьям Уголовного кодекса Российской Федерации / С.Н. Рубанова// Общество и право. –2011. – № 2 (34). – С. 167-170.

562. Рубанова, С.Н. Примечания к статьям Уголовного кодекса Российской Федерации, предусматривающие условия, исключающие уголовную ответственность / С.Н. Рубанова // Общество и право. – 2011. – № 1 (33). – С. 124-130.

563. Сабитов, Т.Р., Жилко, И.А., Гилёв, А.А. Уголовный кодекс Корейской Народно-Демократической Республики: последние тенденции / Т.Р. Сабитов, И.А. Жилко, А.А. Гилёв // Всероссийский криминологический журнал. – 2021. – Т. 15. – № 1. – С. 124–132.

564. Сапожникова С.И., Оленева А.А. Некоторые особенности судебного усмотрения и его отграничения в Уголовном кодексе Российской Федерации / С.И. Сапожников, А.А. Оленева // Право. Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2016. – № 3. – С. 161-165.

565. Селиванов, И.В. Записки / И.В. Селиванов // Русская старина. – 1882. – Том XXXIII, Вып. 1-3. – С. 626-636.

566. Семенова, Д. М. Основы дифференциации уголовной ответственности в условиях множественности преступлений / Д. М. Семенова // Государство и право: вопросы методологии, истории, теории и практики функционирования. – Самара: Изд-во Самар. ун-та, 2022. – С. 412-424.

567. Семенова, Д.М. К вопросу о дифференциации уголовной ответственности за повторные преступления / Д.М. Семенова // Юридический вестник Самарского университета. – 2018. – Т. 4, № 2. – С. 138-141.

568. Сергиевский, Н.Д. Преступление и наказание как предмет юридической науки (задачи науки уголовного права) / Н.Д. Сергиевский // Юридический вестник. – 1879. – № 12. – С. 877 - 904.

569. Сергиевский, Н.Д. Современные задачи уголовного законодательства в России / Н.Д. Сергиевский // Журнал гражданского и уголовного права. – 1883. – Кн. 3. – С.115-118.

570. Сергиевский, Н.Д. Философские приемы и наука уголовного права / Н.Д. Сергиевский // Журнал гражданского и уголовного права. – 1878. – Кн. 2. – С. 79-82.

571. Серебренникова, А.В. Уголовно-правовая доктрина ФРГ о системе Особенной части уголовного кодекса Германии / А.В. Серебренникова // Интерактивная наука. – 2016. – № 7. – С. 59-62.

572. Сидоренко, Э.Л. Административная преюдиция в уголовном праве: проблемы правоприменения / Э.Л. Сидоренко // Журнал российского права. – 2006. – № 6. – С. 123-132.

573. Сидорова, Е.З., Иванова, А.Л. Категория уголовного проступка в российском уголовном праве / Е.З. Сидорова, А.Л. Иванова // Российский судья. – 2020. – № 8. – С. 30-34.

574. Сизова, В.Н. Некоторые аспекты необходимости закрепления категории «уголовный проступок» в российском уголовном законодательстве / В.Н. Сизова // Российская юстиция. – 2020. – № 3. – С. 19-22.

575. Сизова, В.Н. Эволюция российского уголовного законодательства в период с 1917 по 1924 год / В.Н. Сизова // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2021. – № 1 (55). – С. 34-41.

576. Сирик, М.С. Состав преступления как правовая категория / М.С. Сирик // Закон и жизнь. – 2018. – Т. 2, № 3. – С. 64-72.

577. Ситникова, А.И. Законодательная техника и законодательная технология конструирования института неоконченного преступления / А.И. Ситникова // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы пятой Международной научно-практической конференции. 24-25 января 2008 г. – М.: Проспект, 2008. – С. 74-83.

578. Скрипченко, Н.Ю. Уголовная ответственность за похищение человека, незаконное лишение свободы и торговлю людьми: законодательное регулирование и практика применения / Н.Ю. Скрипченко // Российская юстиция. – 2020. – № 11. – С. 21-24.

579. Смирнов, И.И. Судебник 1550 года / И.И. Смирнов // Исторические записки АН СССР. – 1947. – Т. 24. – С. 270-273.

580. Сорокина, А.В. Проект Уголовного кодекса СССР 1939 г.: общая характеристика Особенной части / А.В. Сорокина // Вестник Томского государственного университета. Право. – 2018. – № 27. – С. 94-108.

581. Старостин, С.А., Фатьянов, А.А. Уголовный проступок: правовая необходимость или очередная красивая теория? / С.А. Старостин, А.А. Фатьянов // Административное право и процесс. – 2017. – № 12. – С. 24-26.

582. Таганцев, Н.С. Уложение о наказаниях. Его характеристика и оценка / Н.С. Таганцев // Вестник права. – СПб.: Юрид. об-во при Имп. С.-Петербур. ун-те, 1873. – № 1. – С. 47-58

583. Тагибов Э.Ш. Уголовное законодательство Исламской Республики Иран // Мир современной науки. – 2011. – № 5. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ugolovnoe-zakonodatelstvo-islamskoj-respubliki-iran/pdf>

584. Талан, М.В. Виды уголовно-правовых систем / М.В. Талан // Ученые записки Казанского государственного университета. Гуманитарные науки. 2008. – Том 150. – кн. 5. – С. 220-228.

585. Тарасенко, Г.В. К вопросу об уголовной ответственности за незаконное лишение свободы и похищение человека» / Г.В. Тарасенко // Общество и право. – 2014. – № 3 (49). – С. 107 - 109.

586. Тихонова, С.С. Особенности конструирования санкций в уголовном законе: теория и законодательная практика / С.С. Тихонова // Юридическая техника. –2013. – № 7. –С. 752-761.

587. Уголовное уложение Российской Федерации // Записки криминалиста. –М.: Юрикон, 1993. – Вып. 1. – С. 219-246.

588. Утевский Б. XX съезд КПСС и задачи науки уголовного права / Б.Утевский // Социалистическая законность. –1956. – № 9. –С. 11-15.

589. Ушаков, А.А. О понятии юридической техники и ее основных проблемах / А.А. Ушаков // Ученые записки Пермского государственного университета. –Т.19. – Вып. 15. – Пермь: Издательство Пермского государственного университета, 1961. – С. 89-91.

590. Федоров, М.И. Понятие объекта преступления по советскому уголовному праву / М.И. Федоров // Учен.запис. Перм. Университета. – 1957. – № 150, Т.2– Вып. 4. – кн. 2. – С. 190-194.

591. Феокистов, М. В. Ответственность за соучастие в преступлении: некоторые проблемы теории и практики / М.В. Феокистов // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы Международной научно-

практической конференции января 29-30 января 2004 г. – М.: Проспект, 2004. – С. 178-180.

592. Феоктистов, М.В. Законодательная конструкция состава преступления и ее значение для теории и практики / М.В. Феоктистов // Уголовное право: стратегии развития в XXI веке: материалы Третьей Международной научно-практической конференции 26-27 января 2006 г. – М.: Проспект, 2006. – С. 60-65.

593. Филиппов, П.А. Жестокое обращение с животными: практика применения ст. 245 Уголовного кодекса РФ // Юридическая наука. – 2019. – № 12. – С. 92-98.

594. Хабриева, Т.Я. Кодификация российского законодательства в условиях федеративного государства / Т.Я. Хабриева // Кодификация законодательства: теория, практика, техника: Материалы Международной научно-практической конференции (Нижний Новгород, 25-26 сентября 2008 года) / Под ред. доктора юридических наук, профессора, заслуженного деятеля науки РФ В.М. Баранова, кандидата юридических наук, доцента Д.Г. Краснова. – Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, Торгово-промышленная палата Нижегородской области, 2009. – С. 26-45.

595. Чанхай, Лун, Коробеев, А.И., Чучаев, А.И. Уголовный кодекс КНР: совершенствование в процессе реализации (к 20-летию со дня принятия) / Лун Чанхай, А.И. Коробеев, А.И. Чучаев // Lex Russica. – 2018. – № 3 (136). – С. 128-142.

596. Чесноков, М.В. Понятие бланкетных диспозиций и поиск путей их эффективного использования в специальных видах мошенничества / М.В. Чесноков // Балтийский гуманитарный журнал. – 2018. – Т. 7, № 2 (23). – С. 421-424.

597. Чиркин, В.Е. Глобальные правовые системы, их семьи и классификация / В.Е. Чиркин // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2017. – № 4. – С. 18-30.

598. Чирков, А.П. Некоторые проблемы соотношения системы уголовного права и системы уголовного законодательства / А.П. Чирков // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. – 2012. – Вып. 9. – С. 81–84.

599. Чукин, Д.С. Освобождение от уголовной ответственности при совершении преступлений против военной службы: вопросы судебного усмотрения Д.С. Чукин // Право в Вооруженных Силах. – 2022. – № 6. – С. 54-62.

600. Чучаев, А.И., Коробеев, А.И. Уголовный кодекс Китая: сплав правовой мысли и национальной специфики. Ч.2 / А.И. Чучаев, А.И. Коробеев // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. – 2022. – Т. 24. – № 23. – С. 172-192.

601. Шаргородский, М.Д. Вопросы общего учения о наказаниях в период развернутого строительства коммунистического общества / Тезисы докладов научной конференции «Советское государство и право в период развернутого строительства коммунизма» / Отв. ред. Н.А. Беляев и др. – Л., 1961. – С. 78 -85.

602. Шеслер, А.В. Изменение приоритетов уголовно-правовой охраны как основное направление уголовно-правовой политики в аспекте определения преступности и наказуемости деяния / А.В. Шеслер // Вестник Кузбасского института. – 2023. – № 1 (5). – С. 120-127.

603. Ширвиндт, Е.Г. Система мер социальной защиты / Е.Г. Ширвиндт // Основы и задачи советской уголовной политики. – М.-Л.: Госиздат, 1929. – С. 78-97.

604. Щербаковский, Г.З., Маркова-Мурашова С.А., Биктасов О.К., Ильичев В.И. Классификация и типологизация как методологические процедуры теоретико-прикладных исследований / Г.З. Щербаковский, С.А. Маркова-Мурашова, О.К. Биктасов, В.И. Ильичев // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2006. – № 1 (29). – С.67-73.

605. Эстрин, А.Я. К вопросу о принципах построения системы уголовной репрессии в пролетарском государстве / А.Я Эстрин // Революция права. – 1927. – № 1. – С. 74–98.

606. Ямашева, Е.В. К вопросу о восстановлении института административной преюдиции / Е.В. Ямашева // Журнал Российского права. – 2009. – № 10. – С.69-79.

Диссертации и авторефераты диссертаций:

607. Акилов, Ф.И. Уголовное право Исламской Республики Иран: становление, основные институты и тенденции развития: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Акилов Фирдавс Ильхомович. Высшая школа экономики – М., 2010. – 181 с.

608. Клименко, А.В. Уголовно-правовая характеристика похищения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Клименко Антон Викторович. – М., 2004. – 24 с.

609. Петров, П.К. Уголовно-правовые и криминологические аспекты похищения человека: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Петров Павел Константинович. – Челябинск, 2010. – 23 с.

610. Антонов, А. Г. Деятельное раскаяние как основание освобождения от уголовной ответственности: дис. ... канд.юрид.наук: 12.00.08 / Антонов Антон Геннадьевич. – Томск, 2000. – 192 с.

611. Асланян, Р.Г. Теоретические основы построения Особенной части российского уголовного права: дис. ... д-ра юрид. наук: 5.1.4 / Асланян Руслан Георгиевич. – Краснодар, 2023. – 605 с.

612. Бавсун, М.В. Уголовно-правовое воздействие: идеология, цели и средства реализации: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08 / Бавсун Максим Викторович. – Омск, 2013. – 40 с.

613. Баймакова, Н.Н. Момент окончания преступления: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Баймакова Надежда Николаевна. – М., 2011. – 21 с.
614. Баумштейн, А.Б. Концептуальные начала уголовного права России: 12.00.08 / Баумштейн Антон Борисович: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Курск, 2017. – 39 с.
615. Войтович, А. П. Примечания в уголовном законе (сущность, виды, общая характеристика): автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Войтович Александр Петрович. – М., 2006. – 32 с.
616. Давыдова, М.Л. Нормативно-правовые предписания в российском законодательстве: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Давыдова Марина Леонидовна. – Волгоград, 2001. – 239 с.
617. Денисова, А.В. Системность российского уголовного права: теория, закон, практика: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08 / Денисова Анна Васильевна. – М., 2018. – 40 с.
618. Ермакова, О.В. Концептуальные основы отражение общественно опасного деяния и механизма его совершения в нормах Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации: дис. ... д-ра юрид. наук: 5.1.4 / Ермакова Ольга Владимировна. – Барнаул, 2023. – 551 с.
619. Ермакова, О.В. Момент окончания преступлений против собственности: закон, теория, практика: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Ермакова Ольга Владимировна. – Барнаул, 2011. – 224 с.
620. Иванчин, А.В. Концептуальные основы конструирования состава преступления: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08 / Иванчин Артем Владимирович. – Екатеринбург, 2015. – 51 с.
621. Иванчин, А.В. Уголовно-правовые конструкции и их роль в построении уголовного законодательства: автореф. дис. ... канд.юрид.наук: 12.00.08 / Иванчин Артем Владимирович. – Екатеринбург, 2003. – 28 с.
622. Илidgeв, А.А. Отражение положений Общей части УК РФ о преступлении в его Особенной части: проблемы теории и законодательного

регулирования: дис. ... д-ра юрид. наук: 5.1.4 / Илidgeв Александр Алексеевич. – Ростов-на-Дону, 2023. – 555 с.

623. Илюк, Е.В. Законодательная техника построения диспозиции статьи уголовного закона: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Илюк Елена Вадимовна. – Свердловск, 1989. – 17 с.

624. Калашникова, А.И. Уголовный кодекс РСФСР 1926 года: концептуальные основы и общая характеристика: дис. ... канд. юрид. наука: 12.00.08 / Калашникова Анжелика Ирековна. – Казань, 2009. – 192 с.

625. Калашникова, А.И. Уголовный кодекс РСФСР 1926 года: концептуальные основы и общая характеристика: автореф. дис. ... канд. юрид. наука: 12.00.08 / Калашникова Анжелика Ирековна. – Казань, 2009. – 26 с.

626. Каплин, М.Н. Дифференциация уголовной ответственности за преступления против жизни и здоровья: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Каплин Михаил Николаевич. – Ярославль, 2003. – 187 с.

627. Кириенко, М.С. Система Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Кириенко Михаил Сергеевич. – Омск, 2015. – 28 с.

628. Кириченко, Д.П. Уголовно-правовые санкции за причинение вреда здоровью: теоретический, законодательный и правоприменительный аспект: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 5.1.4 / Кириченко Дмитрий Павлович. – Краснодар, 2023. – 27 с.

629. Кленова, Т.В. Основы теории кодификации уголовно-правовых норм: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08 / Кленова Татьяна Владимировна. – М., 2001. – 386 с.

630. Кленова, Т.В. Уголовно-правовая норма: понятие, структура, виды: автореф. дис. ... канд. юрид. наука: 12.00.08 / Кленова Татьяна Владимировна. – М., 1986. – 19 с.

631. Коняхин, В.П. Теоретические основы построения Общей части российского уголовного права: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08 / Коняхин Владимир Павлович. – Краснодар, 2002. – 386 с.

632. Копшева, К.О. Уголовное законодательство Российской Федерации и его основания (теоретический аспект): автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Копшева Кристина Олеговна. – Саратов, 2004. – 28 с.

633. Коростелев, В.С. Система служебных преступлений по уголовному праву России: вопросы истории, теории и практики: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Коростелев Владимир Сергеевич – Самара, 2014. – 25 с.

634. Кулева, Л.О. Категоризация преступлений как средство дифференциации ответственности в Общей и Особенной частях УК РФ: автореф. дис. ... канд.юрид.наук: 12.00.08 / Кулева Людмила Олеговна. – Ярославль, 2019. – 21 с.

635. Лапунин, М.М. Вторичная преступная деятельность и ее криминализация: автореф. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Лапунин Михаил Михайлович. –Саратов, 2006. – 26 с.

636. Маркунцев, С.А. Теория уголовно-правового запрета: дис. ... д-ра. юрид. наук: 12.00.08 / Маркунцев Сергей Александрович. – М., 2015. – 550 с.

637. Михайлова, И.А. Бланкетные нормы в уголовном законе и их применение органами внутренних дел: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Михайлова Ирина Анатольевна. – М., 2009. – 19 с.

638. Мороз, Е.Н. Правовая норма как ценность: автореф. канд. юрид наук: 12.00.01 / Мороз Елена Николаевна. – Челябинск, 2013. – 31 с.

639. Павлов, С.Н. Объект и последствия преступления в теории уголовного права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Павлов Сергей Николаевич. – Ростов-на-Дону, 2011. – 28 с.

640. Панько, К.К. Основы законодательной техники в уголовном праве России (теория и законодательная практика): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08 / Панько Кирилл Константинович. – Саратов, 2006. – 54 с.

641. Пономарев, Д.Е. Генезис и сущность юридической конструкции: дис. ... канд. юрид. наук / Пономарев Дмитрий Евгеньевич. – Екатеринбург, 2005. – 175 с.

642. Предеин, П.Ю. Составные и сложные преступления: вопросы теории и практики: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Предеин Павел Юрьевич. – Екатеринбург, 2013. – 28 с.

643. Поройко, М.С. Обязывающие и управомачивающие нормы в уголовном праве: автореф. дис. ... канд.юрид.наук: 12.00.08 / Поройко Мирослава Сергеевна. –Казань, 2000. – 21 с.

644. Простосердов, М.А. Теория санкций в уголовном праве России: дис. ... д-ра юрид. наук: 5.1.4 / Простосердов Михаил Александрович. – М., 2023. – 743 с.

645. Решетникова, Д.В. Конструирование составов преступлений по моменту окончания: вопросы законодательной техники и судебной практики: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Решетникова Диана Викторовна. – Самара, 2012. – 232 с.

646. Рогова, Е.В. Учение о дифференциации уголовной ответственности: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08 / Рогова Евгения Викторовна. – М., 2014. –55 с.

647. Рубанова, С. Н. Примечания к статьям Уголовного кодекса Российской Федерации: понятие, значение и виды: автореф. дис. ... канд.юрид.наук: 12.00.08 / Рубанова Светлана Николаевна. – Краснодар, 2011. – 21 с.

648. Семенов, Я.И. Законодательная техника в уголовном праве: автореф. ... дис. канд. юрид. наук: 12.00.08 / Семенов Ярослав Игоревич. – Челябинск, 2007. – 25 с.

649. Семенова, Д.М. Основания и пределы дифференциации уголовной ответственности в условиях множественности преступлений: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Семенова Диана Михайловна. – Самара, 2019. – 260 с.

650. Сизова, В.Н. Концептуальные основы систематизации Уголовного кодекса Российской Федерации: дис. ... д-ра юрид. наук: 5.1.4 / Сизова Виктория Николаевна. – М., 2024. – 792 с.

651. Сомова, Ю.В. Примечания в уголовном законодательстве (теоретико-прикладной анализ): автореф. ... дис. канд. юрид. наук: 12.00.08 / Сомова Юлия Валерьевна. – Нижний Новгород, 2009. – 25 с.

652. Сулейманов, А.А. Уголовный кодекс РСФСР 1922 г.: концептуальные основы и общая характеристика: автореф. дис. ... канд. юрид. наука: 12.00.08 / Сулейманов Александр Ахьятович. – М., 2007. – 22 с.

653. Тимошенко, Ю.А. Конструирование уголовно-правовых норм об ответственности за экологические преступления: проблемы теории и практики: дис. ... д-ра. юрид. наук: 12.00.08 / Тимошенко Юлия Александровна. – М., 2019. – 537 с.

654. Чанхай, Лун Учение о составе преступления по уголовному праву КНР и России: сравнительно-правовое исследование: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Чанхай Лун. – Владивосток, 2009. – 31 с.

655. Черепенникова, Ю.С. Пробелы в Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации и способы их восполнения: автореф. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Черепенникова Юлия Сергеевна. – М., 2010. – 27 с.

656. Шиловский, С.В. Способ совершения преступления как признак уголовно-наказуемого деяния и дифференцирующее средство: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Шиловский Сергей Васильевич. – Архангельск, 2014. – 231 с.

657. Щепельков, В.Ф. Уголовный закон как формально-логическая система: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08 / Щепельков Владислав Федорович. СПб., 2003. – 434 с.

658. Элекина, С.В. Преступления против интересов службы в коммерческих и иных организациях: вопросы криминализации, кодификации и квалификации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Элекина Светлана Вячеславовна. – Самара, 2020. – 24 с.

Электронные ресурсы:

659. Отчет о числе осужденных по всем составам преступлений Уголовного кодекса Российской Федерации и иных лиц, в отношении которых вынесены судебные акты по уголовным делам (№ 10а) за 2019-2023 гг. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://cdep.ru/index.php?id=79&item=2074>

660. Официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации. – URL: <http://www.vsrfr.ru/> (дата обращения: 23 марта 2023 г.).

661. Официальный сайт Конституционного Суда Российской Федерации. – URL: <http://www.ksrf.ru> (дата обращения: 23 марта 2023 г.).

662. Официальный сайт системы обеспечения законодательной деятельности Государственной Думы Федерального собрания Российской Федерации – URL: <https://sozd.duma.gov.ru> (дата обращения: 23 марта 2023 г.).

663. Официальный сайт справочно-правовой системы «Консультант Плюс» (Онлайн версия). – обновляется в течении суток. URL: <http://www.consultant.ru> – Режим доступа: для пользователей Онлайнверсии ключ.

664. Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. – URL: <http://www.cdep.ru> (дата обращения: 23 апреля 2023 г.).

665. Пояснительная записка к законопроекту № 559740-5 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации (в части совершенствования законодательства Российской Федерации)». [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: // <https://sozd.duma.gov.ru/bill/559740-5>

666. Сводные статистически сведения о состоянии судимости в России за 2009-2023 гг. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cdep.ru> (дата обращения 29 января 2024 г.).

667. Система обеспечения законодательной деятельности.
Законопроект № 111209-7. <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1112019-7> (дата обращения 01.07.2023 года).

КОНЦЕПЦИЯ ПОСТРОЕНИЯ ОСОБЕННОЙ ЧАСТИ РОССИЙСКОГО УГОЛОВНОГО ЗАКОНА

Раздел I. Общие положения

1. Концепция построения Особенной части российского уголовного закона (далее – Концепция) является системой теоретико-правовых положений и рекомендаций об исходных идеях, принципах и правилах построения относительно самостоятельного, сложно устроенного, парного компонента российского уголовного закона – Особенной части, в том числе систематизации и структурировании ее разделов, глав, статей и других неотъемлемых компонентов.

Данная Концепция призвана быть составной частью Концепции построения российского уголовного закона – в настоящий момент Уголовного кодекса Российской Федерации.

2. Правовую основу настоящей Концепции составляют Конституция Российской Федерации, общепризнанные принципы и нормы международного права, международные договоры Российской Федерации, федеральные конституционные законы и федеральные законы, а также иные нормативные правовые акты, непосредственно связанные с уголовным законодательством Российской Федерации.

3. Особенная часть уголовного закона – это созданный с помощью законодательной техники один из парных сложно структурированных компонентов уголовного закона, расположенный после его Общей части, характерный прежде всего для кодифицированного уголовного законодательства, объединяющий в группы в определенной последовательности статьи, содержащие описание признаков составов преступлений и видов, размеров и сроков уголовных наказаний за их

совершение, а также отдельные специальные предписания. К последним относятся: 1) исключения или уточнения положений, содержащихся в Общей части уголовного закона (например, об освобождении от ответственности; об освобождении от наказания); 2) исключения и уточнения по отношению к положениям статей Особенной части уголовного закона (о пределах применения статьи, главы и др.

Построение Особенной части уголовного закона – это процесс создания парного структурного образования уголовного закона, который заключается в определении ее идей и отражении их через законодательную форму.

Идеи Особенной части уголовного закона определяются ценностями, заложенными в основу всего уголовного закона, а также пониманием того, что юридически признается преступлением и наказанием внутри государства в конкретный исторический момент.

Форма воплощается через создание системы и структуры Особенной части уголовного закона, которые содержат упорядоченную совокупность компонентов, расположенных в определенной последовательности и объединенных общим смыслом и назначением, а также правила построения статей, глав, разделов и других составных компонентов.

Результатом построения Особенной части уголовного закона является система, через структуру которой выражено содержание.

4. Особенная часть уголовного закона всегда несет на себе национальный, исторический, культурный отпечаток той среды, в которой и для которой она создана.

Опыт зарубежных стран для построения Особенной части уголовного законодательства России может быть эффективен только в случае его успешной адаптации под существующие в российском государстве и обществе отношения.

5. Назначение Особенной части как парного структурного образования уголовного закона заключается в упорядочении, объединении и расположении в определенной последовательности составов преступлений, а также

признаков составов преступлений, отличающих одни составы преступлений от других, определении специальных пределов наказания за совершение тех или иных видов преступлений, а в некоторых случаях - закреплении специальных предписаний, уточняющих положения, содержащиеся в Общей части уголовного закона.

6. Предмет Особенной части российского уголовного закона органически связан с предметом отрасли уголовного права и обусловлен им, но не является тождественным ему. Он формируется с учетом назначения и задач этого парного сложно структурированного компонента уголовного закона и представляет собой систему признаков конкретных составов преступлений, отличающих один состав от другого, и границы наказаний за их совершение, определенные в зависимости от общественной опасности деяний, а также специальные предписания (основания, исключающие преступность деяния, основания освобождения от уголовной ответственности либо наказания за определенные преступления и др.).

Посредством положений Особенной части охраняются наиболее важные общественные отношения.

7. Методы уголовно-правового регулирования общественных отношений определяют внутренний (содержательный) аспект отрасли уголовного права, а метод законодательного выражения правовых норм их внешний аспект.

Метод регулирования обуславливает выбор способа законодательного выражения нормы права: дозволение, запрет, предписание.

Метод дозволения в уголовном законе вытекает из формулы «разрешено все, что не запрещено уголовным законом». В самой Особенной части уголовного закона не столько сформулировано то, что дозволено, сколько вывод об этом делается на основании анализа того, что запрещено.

Для Особенной части уголовного закона характерна императивность, которая выражается через преобладание обязывания совершить определенные

действия или воздержаться от совершения определенных действий под угрозой применения наказания.

Такой метод законодательного выражения нормы права как предписание, используется для формулирования в уголовном законе специальных оснований освобождения от уголовной ответственности, когда законодатель предписывает совершение определенных действий. Для Особенной части российского уголовного закона характерно расположение таких положений в примечаниях, однако, допустимо создание системы отдельных статей, как это сделано в некоторых зарубежных уголовных законах.

8. Задачи Особенной части уголовного закона согласуются с задачами уголовного закона и обусловлены ее назначением:

– при описании составов преступлений распределить все преступления по группам по определенным критериям и отразить это с помощью инструментария законодательной техники;

– расположить статьи, главы, разделы и другие компоненты в определенной логической последовательности, которая способствует пониманию признаков состава преступления и упрощает поиск состава преступления и применение уголовного закона;

– определить пределы уголовного наказания для различных видов преступлений;

– соотнести виды и пределы уголовных наказаний за различные преступления с учетом категории преступлений;

– закрепить специальные предписания, являющиеся исключением или уточнением правил, содержащихся в Общей части уголовного закона.

9. Особенная часть уголовного закона выделяется в качестве самостоятельного структурного компонента отраслевого закона, органически взаимосвязанного и согласованного с его Общей частью.

Особенная часть как парный структурный компонент российского уголовного закона впервые структурно обособлена от Общей части во второй

половине XIX века. Как система упорядоченных компонентов, органически взаимосвязанных и согласованных с Общей частью, сформировалась позднее – в первой четверти XX века.

10. Особенная часть уголовного закона чувствительнее к изменениям, происходящим в политике, социальной, экономической сферах, чем его Общая часть. За 27 лет действия число статей в Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации выросло с 256 до 398 статей (рост на 55 % от первоначального объема). Предложения по совершенствованию отдельных статей и глав этого структурного компонента регулярно озвучиваются представителями всех ветвей власти.

Настоящая концепция призвана представить теоретико-правовую систему взглядов, идей и рекомендаций на построение Особенной части российского уголовного закона.

Раздел II. Основы построения Особенной части российского уголовного закона

Глава I. Исходные идеи и принципы построения Особенной части российского уголовного закона

1. Особенная часть уголовного закона как юридико-технический составной парный компонент уголовного кодекса находится под постоянным воздействием комплекса внешних факторов социального, политического, экономического, исторического, культурного, идеологического характера. Указанным факторам свойственна изменчивость, что вызывает большую подвижность отдельных положений и структуры Особенной части, в отличие от Общей части уголовного закона.

Законодательная техника Особенной части уголовного закона служит отражением теоретико-правовых концепций и идей, лежащих в основе принятого нормативного правового акта. Идея и форма – условные плоскости

восприятия Особенной части уголовного закона – взаимосвязаны, одна не существует без другой, они едины в своем уголовно-правовом бытии и выделяются для научных и практических целей. Однако они и взаимозависимы: идея может быть искажена, если неверно использован юридико-технический инструментарий. Норма права и юридические конструкции являются одними из созданных человеком моделей, которые способствуют объединению плоскостей идей, смыслов и форм.

2. Особенная часть уголовного закона должна строиться с учетом многообразия взглядов, отражающих различные типы правопонимания и выбора приоритетного типа правопонимания (позитивистский, социологический, естественно-правовой и др.).

3. При построении Особенной части российского уголовного закона должны учитываться ее социальная обусловленность, принципы и правила законодательной техники.

4. Особенная часть российского уголовного закона (в отличие от Общей части) отражает тесную взаимосвязь уголовного закона с иным отраслевым законодательством и строится с учетом межотраслевого взаимодействия. Будучи связанной со всеми действующими отраслями права и законодательства, Особенная часть через использование бланкетного способа и конструирования составов преступлений включает положения другой отраслевой принадлежности в «материю» уголовного закона, наполняет их уголовно-правовым смыслом и значением.

Органическая взаимосвязь положений Особенной части уголовного закона с предписаниями иной отраслевой природы определяет также относительную самостоятельность этого сложно устроенного парного компонента российского уголовного закона.

При построении Особенной части российского уголовного закона необходимо учитывать следующие положения:

– если отношения не урегулированы иной отраслью законодательства, но относятся к предмету ее регулирования, то уголовный закон не может

вмешиваться в такие отношения раньше, чем они будут регламентированы не уголовно-правовым источником. Иначе говоря, бланкетный прием при создании диспозиции статьи не может существовать при отсутствии того, к чему он отсылает;

– перед разработкой и введением в действие новой статьи Особенной части уголовного закона всегда должен осуществляться мониторинг действующего законодательства иной отраслевой принадлежности. В случае установления наличия пробелов законодательного регулирования, необходимо принятие одновременно нескольких нормативных правовых актов разной отраслевой принадлежности, либо должен следовать отказ от внесения изменений в Особенную часть уголовного закона;

– если в отраслевой закон вносятся изменения, которые влияют на содержание Особенной части уголовного закона, законодатель также должен указывать, какие акты утрачивают силу, а какие нет, относительно уголовного законодательства. Такая процедура соотнесения всех отраслей законодательства при принятии или изменении законов способствует исключению ситуаций создания статей, которые отсылают к нескольким противоречащим друг другу положениям или к несуществующим законам;

– если диспозиция статьи бланкетная, то должна использоваться единая терминология с законом, к которому она отсылает, при этом в статьях Особенной части нет необходимости указывать полное название федерального закона.

Под межотраслевым взаимодействием уголовно-правовых положений Особенной части следует понимать взаимную связь нормативных положений уголовного и других отраслей права и законодательства, которую необходимо учитывать при законодательном конструировании и применении уголовно-правовых предписаний об ответственности за те или иные виды преступлений.

5. Особенная часть является составным компонентом кодифицированного уголовного закона, который состоит из двух органически

взаимосвязанных частей, образующих строгую систему и структурную целостность.

Особенная часть российского уголовного закона включает весь перечень деяний, определенных в уголовном законодательстве в качестве преступлений, виды, размеры и сроки уголовных наказаний за них.

В положениях Общей части уголовного закона должно быть указано, что в Особенной части российского уголовного закона содержится исчерпывающий перечень деяний, признанных (определенных) в качестве преступлений.

Понимание преступления и уголовного наказания, основания уголовной ответственности и другие фундаментальные положения определяются в Общей части, Особенная часть связана с ними и строится на их основе.

Общая и Особенная части представляют собой относительно самостоятельные и взаимосвязанные подсистемы кодифицированной системы уголовного закона.

Общая и Особенная части уголовного закона должны быть связаны едиными идеями, ценностями, которые охраняются уголовным законом, не должны противоречить друг другу и быть органически согласованными посредством инструментария законодательной техники, строиться на основании общих принципов и специальных правил.

Объекты охраны, которые указаны в Общей части уголовного закона (в действующем законе – ст. 2 УК РФ) должны быть согласованы с объектами, указанными в макрокомпонентах одного уровня структуры Особенной части уголовного закона (разделах).

В Особенной части уголовного закона могут содержаться специальные предписания, конкретизирующие положения Общей части уголовного закона. Специальные предписания, содержащиеся в Особенной части уголовного кодекса, не должны концептуально противоречить положениям Общей части уголовного закона.

6. Построение Особенной части российского уголовного закона должно осуществляться с учетом принципов уголовного права, уголовной политики и кодификации.

Общие принципы обуславливают содержание всего закона, его концептуальные начала, содержательную составляющую. Общая и Особенная части уголовного закона не могут действовать исходя из разных фундаментальных положений, поскольку это создает внутренние концептуальные противоречия.

В свою очередь, каждая из двух основных частей уголовного закона строится с учетом специальных правил, подчеркивающих относительно самостоятельный характер этих структурных компонентов российского уголовного закона. Специальные правила построения Особенной части уголовного закона – это основные положения, определяющие форму и содержание этого структурного компонента уголовного закона, которые вытекают из общих принципов и не должны противоречить им.

Глава II. Правила построения Особенной части уголовного закона

1. Структурирование Особенной части уголовного закона обусловлено, с одной стороны, особенностями социально-экономического, политического характера и иными внешними факторами, действующими в момент принятия кодифицированного акта или внесения в него изменений, а с другой – наукой и искусством законодательной техники. Первое относится к содержанию структурных компонентов, их группировке и расположению, второе – к форме уголовного закона.

2. Система и структура Особенной части уголовного закона строятся на иных началах, чем архитектура его Общей части. Традиционно систематизация и структурирование положений Особенной части российского уголовного закона осуществляется исходя из особенностей объектов

преступлений и их места в иерархии политико-правовых ценностей, а также других элементов (признаков) составов преступлений.

Иерархия политико-правовых ценностей относительна и подвержена изменениям во времени. Все ценности, которые охраняются уголовным законом, значимы и в правовом социальном государстве через закон должны подлежать охране. Несоблюдение баланса в охране ценностей привести к трансформации правового закона в неправовой, разбалансировке уголовно-правовой системы.

Расположение структурных компонентов (разделов, глав, статей и др.) внутри Особенной части уголовного закона зависит от совокупности факторов: иерархии охраняемых уголовным законом политико-правовых ценностей, исторической обусловленности уголовно-правовых норм, криминогенных тенденций и процессов, международно-правовых обязательств, социально-экономических и политических факторов и др.

3. Наиболее крупные компоненты Особенной части уголовного закона (разделы, главы и др.) выделены в зависимости от объектов преступлений. Статьи внутри разделов и глав располагаются в определенной последовательности, органически связанной с содержанием объективных и субъективных элементов (признаков) составов преступлений (непосредственный объект, характер действий (бездействия), форма вины, цели и мотивы, субъект и др.).

4. Построение стройной и упорядоченной системы Особенной части уголовного закона способствует правильному пониманию и применению ее положений. Место расположения статей, глав, разделов и др. в Особенной части уголовного закона способствует раскрытию содержания признаков составов преступлений посредством системного толкования.

Последовательность расположения и окончательное число структурных компонентов Особенной части уголовного закона в будущем станет обосновываться многообразием факторов, число и силу которых даже в среднесрочной перспективе сложно предугадать.

5. Для Особенной части российского уголовного законодательства XX в. характерно стремление к двухкомпонентному строению, включающему главы и статьи.

В конце XX в. проявилась тенденция к усложнению структуры Особенной части путем перехода к трехкомпонентному строению – разделы, главы и статьи.

В условиях усложнения общественных отношений оптимальной видится переход к четырехкомпонентному строению Особенной части уголовного закона (разделы, главы, параграфы и статьи) и увеличению числа традиционных составных компонентов (разделов, глав, статей). При этом вполне допустимо наличие отдельных разделов, включающих только одну главу, а равно глав, которые не будут состоять из нескольких параграфов. В случае четырехкомпонентного строения Особенной части в названии (наименовании) разделов и глав должны находить отражение особенности объектов преступлений, а в названии параграфов – объектов и иных элементов (признаков) составов преступлений.

Статьи допустимо располагать в главах и параграфах Особенной части традиционно по разным критериям (особенности непосредственного объекта, характера действий (бездействия), способа совершения преступления, формы вины, мотивов и целей, субъекта и т.д.).

Разнокомпонентность структурных единиц Особенной части дает резерв для ее последующих трансформаций. Однако изменение числа глав, разделов приводит к качественным преобразованиям Особенной части уголовного закона, так как сама последовательность их размещения связана с концептуальными основами уголовного закона, которые могут претерпевать изменения только при полном пересмотре Общей и Особенной частей закона.

6. Правила построения разделов Особенной части уголовного закона:

а) раздел является обязательным и самым крупным компонентом Особенной части;

б) раздел объединяет статьи и главы, которые включают описание преступлений, имеющих единый родовой объект преступления;

в) в наименовании (названии) раздела указываются признаки единого родового объекта для всех преступлений, описанных в этом структурном компоненте;

г) если внутри раздела выделена одна глава, то ее название должно полностью совпадать с названием раздела;

д) нумерация разделов Особенной части уголовного закона продолжает нумерацию разделов Общей части, демонстрируя единство уголовного закона в целом; будучи единой (сквозной), нумерация разделов Особенной части начинается с номера раздела, следующего за последним номером раздела Общей части уголовного закона; номера разделов обозначаются римскими цифрами;

е) приоритетным является сохранение разделов в Особенной части уголовного закона в период действия уголовного закона;

ж) если внутри раздела, в котором ранее была выделена только одна глава, создается вторая глава, то ни одна из них не должна иметь наименование, которое полностью повторяет название раздела;

и) внутри раздела главы располагаются в такой последовательности, которая детерминирована условной иерархией охраняемых ценностей.

7. Правила построения глав Особенной части уголовного закона:

а) глава является обязательным структурным компонентом Особенной части уголовного закона и всегда выделяется внутри раздела. Она может включать только статьи, либо статьи, объединенные в два и более параграфа;

б) глава объединяет статьи, в которых описаны признаки составов преступлений с единым видовым объектом;

в) главы нумеруются арабскими цифрами, нумерация глав сплошная во всем уголовном законе, первая глава Особенной части обозначается порядковым номером, следующим за номером последней главы Общей части;

г) главы имеют наименование, в котором обозначены признаки видового объекта преступлений;

д) глава может включать параграфы. Если в главе все ее статьи можно объединить только в один параграф, то необходимость в его выделении отсутствует;

е) если глава состоит из нескольких параграфов, и они выделены исходя из особенностей объекта, то ни одно наименование параграфа не должно совпадать с наименованием главы.

8. Правила построения параграфов Особенной части российского уголовного закона:

а) параграф не является обязательным компонентом Особенной части уголовного закона;

б) параграф состоит из статей, объединенных по одному или нескольким единым критериям;

в) параграфы, выделенные на основании объекта, должны располагаться с учетом иерархии объектов преступлений;

г) если глава включает несколько параграфов, то они должны располагаться в зависимости от того, к какому элементу состава преступления отнесен критерий, на основании которого объединены статьи: общий признак объекта, затем общий признак объективной стороны, общий признак субъективной стороны, общий признак субъекта;

9. Правила построения статей Особенной части уголовного закона:

а) статья – обязательный компонент уголовного закона, в том числе его Особенной части;

б) статьи должны иметь наименование и нумерацию;

в) наименование статьи должно указывать на специфику состава преступления, позволяющую отграничить его от других видов, т.е. содержать понятие и (или) признаки, отражающие основные характеристики определенного вида преступления;

г) нумерация статей в уголовном законе сплошная, то есть первая статья Особенной части уголовного закона обозначается порядковым номером, следующим за номером последней статьи Общей части уголовного закона;

д) статья Особенной части должна включать диспозицию (расположенную в первом абзаце) и санкцию (расположенную во втором абзаце);

е) статья может состоять из двух и более частей. Деление статьи на части допустимо, если речь идет о дифференциации ответственности (допускается расположение в диспозиции части первой статьи признаков основного состава преступления, в части второй - квалифицированного, в части третьей и четвертой - особо квалифицированного состава преступления); недопустимо описание в диспозициях различных частей одной статьи самостоятельных составов преступлений;

з) статья Особенной части уголовного закона не должна включать более четырех частей, каждая из частей нумеруется арабскими цифрами от 1 и до 4;

и) новые статьи включаются в уголовный закон с дополнительным значком «.1, 2», который ставится после порядкового номера предшествующей статьи через точку. Новая статья располагается после статьи, с которой она логически связана или в конце структурного компонента (раздела, главы, отделения (параграфа)).

10. Правила построения диспозиций статей Особенной части уголовного закона:

10.1. Содержательные правила построения диспозиций статей Особенной части уголовного закона:

а) диспозиция располагается в первом абзаце статьи (части статьи);

б) в диспозиции описываются признаки только такого деяния, которое признано преступным с учетом всех принципов и правил криминализации;

в) в диспозиции статьи Особенной части уголовного закона описываются признаки оконченного преступления, совершенного исполнителем;

г) в диспозиции статьи должны быть описаны признаки одного состава преступления. Дифференциацию (усиление) уголовной ответственности за преступления одного вида необходимо отражать в рамках одной статьи (часть первая статьи – основной состав преступления; часть вторая – квалифицированный состав преступлений; часть третья и четвертая – особо квалифицированные составы преступления);

д) диспозицию, содержащую признаки привилегированного состава преступления, необходимо размещать в отдельной (самостоятельной) статье Особенной части уголовного закона;

е) при построении диспозиций статей Особенной части уголовного закона необходимо учитывать вид конструкции состава преступления и разработанные в доктрине правила их выбора.

10.2. Техника (технико-юридические правила) построения диспозиций статей Особенной части уголовного закона:

а) альтернативные признаки состава преступления желательно обозначать буквами русского алфавита, располагать в пунктах диспозиции статьи. Альтернативные признаки состава преступления закрепляются в виде перечня. Если альтернативных признаков два, то они перечисляются с использованием союза «или». Если альтернативных признаков три и более, то следует рассмотреть обозначения каждого из них буквой русского алфавита и расположить в пункте части статьи;

б) в диспозиции альтернативные признаки располагаются в определенной последовательности: признаки, характеризующие объект преступления; признаки, характеризующие объективную сторону преступления; признаки, характеризующие, субъективную сторону преступления; признаки, характеризующие субъекта преступления;

в) должны использоваться преимущественно описательные диспозиции статей;

г) приоритет должен отдаваться абстрактному приему изложения диспозиций с ясной, устоявшейся и понятной терминологией;

д) в диспозициях статей Особенной части уголовного закона ключевые понятия Общей части уголовного закона не должны использоваться в ином значении;

е) диспозиция статьи должна включать преимущественно 7-8 слов, большее число допустимо, если имеет место перечисление альтернативных признаков состава преступления с буквенным обозначением каждого из них;

ж) в диспозициях статей Особенной части уголовного закона одно и то же слово должно иметь одинаковый смысл, иное должно быть указано в примечании к конкретной статье.

11. Правила построения санкций статей Особенной части российского уголовного закона.

Санкции в отличие от диспозиций более подвержены влиянию социально-экономических и политических факторов

11.1. Содержательные правила построения санкций статей Особенной части уголовного закона:

а) критерии выбора уголовных наказаний зависят от последствий, которые наступают или могут наступить в результате совершения преступления;

б) при выборе санкции необходимо учитывать ее соотношение с другими санкциями статей, описывающих одну и ту же категорию преступлений (равных и близких по степени тяжести), а также сопоставлять с санкциями предшествующей и последующей категории преступлений (менее и более тяжких);

в) если в санкции предшествующей части статьи предусмотрено уголовное наказание в виде лишения свободы, то в санкции следующей части этой же статьи должен быть такой же вид наказания и (или) строже;

г) если в санкции статьи, в диспозиции которой описаны признаки привилегированного состава преступления, предусмотрено наказание в виде лишения свободы, то оно должно быть и в санкциях статьи, в диспозициях

которой описаны признаки основного, квалифицированного состава преступления, либо должно быть указано более строгое наказание;

д) альтернативные виды наказания в санкции статьи, описывающей квалифицирующие признаки преступления, не могут быть мягче, чем наказания, которые указаны в санкции статьи, описывающей основной состав преступления;

е) в одной статье не может быть два альтернативных наказания, одно из которых штраф, другое – лишение свободы или более строгое наказание;

ж) санкция статьи о насильственном преступлении должна быть строже, чем санкция статьи о ненасильственном преступлении;

з) если в диспозиции статьи в качестве последствий указано причинение смерти человеку, то в санкции статьи не должен содержаться такой вид наказания как штраф;

и) в санкции статьи должен быть хотя бы один вид наказания, который может быть применен к любому лицу, совершившему преступление.

11.2. Технические (технико-юридические) правила построения санкции статей Особенной части уголовного закона:

а) если в диспозиции статьи описаны признаки преступления небольшой тяжести, то санкция статьи может включать до 4 альтернативных видов наказаний, а также содержать только верхнюю границу каждого из видов наказания;

б) если в диспозиции статьи Особенной части описаны признаки преступления средней тяжести, тяжкого или особо тяжкого преступления, то санкция статьи может включать до 3-х альтернативных видов наказаний; в статье должна быть указана верхняя и нижняя граница таких наказаний;

в) в санкциях статей Особенной части закона должна соблюдаться последовательность описания альтернативных наказаний – от менее строго к более суровому;

г) санкция статьи, в диспозиции которой описаны действия подстрекателя или пособника преступления, трансформированного в

исполнителя, не может быть строже, чем исполнителя «основного» преступления;

д) в санкциях статей, в диспозиции которых описан привилегированный состав преступления, размер наказания должен быть меньше, чем в статьях, описывающих основной состав преступления;

е) в санкциях статей, в диспозиции которых описан основной состав преступления, размер уголовного наказания должен быть меньше, чем в статьях, содержащих квалифицирующие признаки;

ж) «разрыв» между нижней и верхней границей размера наказания в виде лишения свободы не должен составлять более пяти лет;

з) дополнительные виды уголовного наказания должны соотноситься с основным наказанием по тяжести и не быть строже него.

12. Правила построения примечаний к статьям Особенной части российского уголовного закона.

В зависимости от содержания примечания можно разделить на следующие виды: 1) примечания-определения; 2) примечания, предусматривающие специальные основания освобождения от уголовной ответственности; 3) примечания, определяющие пределы действия статьи; 4) примечания, определяющие условия применения определенных видов уголовного наказания.

Общее правило применения примечаний – они должны использоваться преимущественно для размещения специальных предписаний, которые уточняют или изменяют положения Общей части уголовного закона (например, специальные основания освобождения от уголовной ответственности), либо уточняют положения статей Особенной части (применение статьи и тд.).

Правила использования примечаний в Особенной части уголовного закона:

а) если понятие - общее для всего уголовного закона, то оно должно быть вынесено в специальный структурный компонент «Основные понятия,

используемые в Уголовном кодексе Российской Федерации», размещенный в Общей части уголовного закона, который позволит упорядочить их и исключить дублирование, что устранил противоречия внутри закона;

б) если понятие имеет значение только для конкретной статьи, то оно раскрывается в примечании к этой статье;

в) если бланкетный признак, указанный в диспозиции статьи, раскрыт в ином отраслевом законодательстве, то его не следует дублировать в примечании;

г) признаки составов преступлений должны быть описаны преимущественно в диспозициях статей, а не в примечаниях.

13. Общие требования к языку Особенной части уголовного закона - простота, единство терминологии, логичность и непротиворечивость.

Раздел III. Индикаторы необходимости реформирования Особенной части российского уголовного закона

1. Индикаторы реформирования Особенной части уголовного закона – это показатели оценки обоснованности изменений отдельных положений Особенной части российского уголовного закона. Соответствующие показатели указывают на наличие рассогласований концептуального характера.

2. Рассогласования концептуального характера представляют собой противоречия в подходах к сущностным характеристикам, ключевым идеям уголовного закона и его Особенной части.

3. Первый комплекс рассогласований – это наличие противоречий внутри отражения провозглашенных ключевых общих идей, лежащих в основе всего уголовного закона (например, приоритетная охрана прав человека, гражданина, личности в современном законе; приоритет охраны советского государства и результатов социалистической революции в советский период и др.). Противоречия существуют, когда положение Особенной части

уголовного закона (содержание статей уголовного закона, последовательность расположения структурных элементов, круг деяний, которые признаются преступлениями, и соотношение санкций различных статей по строгости предусмотренного в них наказания) не отражают этой исходной идеи, либо противоречат ей. Например, провозглашается приоритет охраны прав личности, но санкции статей за преступления против общества и государства в подавляющем большинстве строже санкций статей о преступлениях против личности. Также противоречия концептуального характера этой группы возникают, когда отдельные положения Особенной части уголовного закона не отвечают требованиям времени и не способны реагировать на кардинальные изменения экономических, социальных и политических отношений с сохранением целостности уголовного закона.

Наличие концептуальных противоречий с Конституцией РФ является основанием для изменения Особенной части уголовного закона.

Второй комплекс рассогласований концептуального характера связан с возникновением противоречий внутри уголовного закона при решении специальных уголовно-правовых вопросов и отражением различных решений в Общей и Особенной частях (это вопросы выбора подхода к ключевым институтам и системным вопросам уголовного права: к источникам, институту соучастия, множественности преступлений, оконченному преступлению, административной преюдиции, категориям преступлений (уголовному проступку) и т.д. Возникает рассогласование в уголовном законе между его Общей и Особенной частями. Как только создаются концептуальные противоречия между положениями Общей и Особенной части уголовного закона, последний утрачивает свою целостность, логичность, непротиворечивость, ясность, и не может эффективно решать стоящие перед ним задачи.

Третий комплекс рассогласований концептуального характера связан с возникновением противоречий при выборе подхода к тому, что определяется в государстве в качестве преступного и уголовно-наказуемого деяния, а что

исключается из Особенной части УК РФ, и противоречий в наказуемости деяний. Здесь разногласия происходят внутри Особенной части уголовного закона и связаны с проблемами криминализации и декриминализации, пенализации и депенализации конкретных деяний. Наличие исследований, подтверждающих отношение общества к закону как к несправедливому, также является основанием для изменения Особенной части уголовного закона.

Наличие правовой неопределенности, различного понимания и применения уголовного закона правоприменителями также является фактором, влияющим на преобразования отдельных положений Особенной части уголовного закона.

Противоречия между положениями Особенной части уголовного закона должны устраняться только законодателем. Судебная власть может только толковать и применять положения Особенной части уголовного закона в пределах, заданных уголовным законом. При изменении общественных отношений только законодатель, а не судебная власть может уточнять содержание статей. Противоречия между положениями Особенной части уголовного закона должен устранять исключительно законодатель.

Решения Конституционного Суда РФ, признающие положения Особенной части УК РФ противоречащими Конституции РФ, неконституционными является индикатором существующей проблемы и требует решения в виде изменения статей (потенциально глав, разделов и др. компонентов) Особенной части УК РФ.

Множественные разъяснения Верховного Суда РФ, направленные на устранение существующих противоречий в законе или его пробелов РФ по определенной категории дел, являются индикатором для внесения изменений в Особенную часть УК РФ.

Систематическое применение ст. 64 УК РФ по определенной категории дел свидетельствует о восприятии судами санкции статьи Особенной части УК РФ как чрезмерно строгой и является индикатором для реформирования статей УК РФ.

4. Построение Особенной части современного российского уголовного законодательства основывается на ключевой гуманистической идее безусловной ценности прав и свобод человека и гражданина в правовом социальном государстве. Это основная концептуальная идея согласована с другими концептуальными идеями, находящими отражение в Особенной части уголовного закона.

В конце первой четверти XXI века на первый план выдвигаются интересы всего человечества в качестве объекта уголовно-правовой охраны и конкретной группы преступлений.

5. Только признавая ценность каждого из объектов, выстраивая баланс в их уголовно-правовой охране, можно создать модель уголовного закона, его Особенной части, способную надежно охранять наиболее важные общественные отношения в системе «человечество-человек-общество-государство».

6. При этом необходимо понимание, что обеспечение надлежащего функционирования правового социального государства, институтов гражданского общества, социально-экономического благополучия населения и каждого человека – это не задача уголовного законодательства.

7. Решение концептуальных вопросов второго уровня состоит в том, чтобы на весь период действия уголовного закона определиться с подходами к ключевым вопросам уголовного права (источники, в которых содержатся статьи о преступлениях и наказаниях; отношением к административной преюдиции; уголовному проступку; множественности преступлений, соучастию и другим ключевым вопросам). Изменение этих вопросов допустимо только при одновременном реформировании Общей и Особенной частей уголовного закона.

8. Решение концептуальных рассогласований третьей группы связано с соблюдением принципов и правил криминализации и пенализации деяний.

9. Существенные изменения в экономическом строе, кардинальные социальные и политические преобразования ведут к созданию и принятию

нового уголовного закона. Возможно, одной из ключевых идей нового закона станет сохранение человечества, его безопасности и среды обитания. Кроме того, следует учитывать, что в XX веке максимальные сроки действия Особенной части отечественных уголовных кодексов достигали 34-36 лет. Уголовный кодекс Российской Федерации применяется на протяжении 27 лет.

Противоречия между Общей и Особенной частью уголовного закона, которые невозможно устранить путем внесения изменений в действующий закон, должны рассматриваться как потеря системности, требующая принятия новой редакции уголовного кодекса.

Экономические, социальные, политические трансформации, оказывающие влияние на Особенную часть уголовного закона, влекущие за собой ее рассогласованность, но не изменяющие основной концептуальной идеи уголовного закона (например, приоритет охраны прав человека), должны вести к принятию новой редакции, а не нового уголовного закона и его Особенной части.

10. Направления преобразования Особенной части современного российского уголовного закона.

Первый вариант – новая редакция действующего Уголовного кодекса Российской Федерации. При сохранении общей концепции последовательности расположения разделов и глав основными задачами являются устранение пробелов и «разукрупнение» объемных компонентов, с возможностью введения нового уровня – параграфов, «разукрупнение статей», исключение избыточных статей, которые дублируют другие уже имевшиеся статьи, устранение имеющихся противоречий.

Второй вариант – новая кодификация, построение нового уголовного закона и его Особенной части. Возможен выбор иных концептуальных идей, изначальное построение четырехуровневой системы (разделы, главы, параграфы, статьи), ревизия содержания статей (проверка на соответствие основам криминализации и пенализации), пересмотр их структуры (переход

на статьи с 3-4 частями), сокращение числа примечаний, выделение общих понятий в отдельный компонент и иные преобразования.

IV. Ожидаемые результаты реализации Концепции построения Особенной части российского уголовного закона

Ожидаемые результаты реализации настоящей Концепции:

- повышение эффективности охраны уголовно-правовых отношений за счет улучшения качества уголовного закона и его Особенной части;
- упорядоченность и научная обоснованность вносимых в Особенную часть уголовного закона изменений и дополнений;
- повышение правовой определенности и предсказуемости применения положений Особенной части уголовного закона.

Приложение 2.

**Количественные изменения Особенной части Уголовного кодекса
Российской Федерации за 27 лет (с 01.01.1997 года по 01.01.2024 года)**

Название раздела УК РФ	Название главы УК РФ	число статей на 01.01.1997 года	число статей на 01.01.2024 года	увеличение объема от первоначального (%)
Раздел VII. Преступления против личности	Глава 16. Преступления против жизни и здоровья	21	25 (добавлено 4 новых статьи)	19 %
	Глава 17. Преступления против свободы, чести и достоинства личности	5	6 (2 утратили силу; 3 добавлено новых статьи)	20 %
	Глава 18. Преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности	5	5	-
	Глава 19. Преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина	14	20 (добавлено 6 новых статей)	42,9%
	Глава 20. Преступления	8	9	12,5 %

	против семьи и несовершеннолетних		(1 утратила силу, добавлено 2 новых статьи)	
Итого по разделу VII		53	65 (3 утратили силу и добавлено 15 новых статей)	22,6 %
Раздел VIII. Преступления в сфере экономики	Глава 21. Преступления против собственности	11	17 (добавлено 7 статей 1 из них утратила силу)	54,5 %
	Глава 22. Преступления в сфере экономической деятельности	32	61 статей (4 утратили силу и добавлено 33 новых статьи)	90 %
	Глава 23. Преступления против интересов службы в коммерческих и иных организациях	4	9 (добавлено 5 новых статьи)	125 %
Итого по разделу VIII		47	87 (4 утратили силу, добавлено 45 новых статьи из них 1	85 %

			утратила силу)	
Раздел IX. Преступления против общественной безопасности и общественног о порядка	Глава 24. Преступления против общественной безопасности	23	45 (добавлено 22 новых статей)	95,6 %
	Глава 25. Преступления против здоровья населения и общественной нравственност и	18	36 (добавлено новых 18 статей)	100 %
	Глава 26. Экологически е преступления	17	19 (добавлена 2 статья)	11,76 %
	Глава 27. Преступления против безопасности движения и эксплуатации транспорта	9	13 (2 утратили силу, добавлено 6 новых статей)	44 %
	Глава 28. Преступления в сфере компьютерной информации	3	5 (добавлена 2 новых статьи)	66,6 %
Итого по разделу IX.		70	118 (2 утратили силу, добавлено 50 новых статьи)	68,6%
Раздел X. Преступления	Глава 29. Преступления	10	27	170 %

против государствен ной власти	против основ конституцион ного строя и безопасности государства		(добавлено 17 новых статей)	
	Глава 30. Преступления против государствен ной власти, интересов государствен ной службы и службы в органах местного самоуправлен ия	9	19 (добавлено 10 новых статей)	111 %
	Глава 31. Преступления против правосудия	23	24 (1 утратила силу, добавлено 2 новых статей)	4 %
	Глава 32. Преступления против порядка управления	14	24 (добавлено 10 новых статей)	71,4 %
Итого по разделу X.		56	94 статья (1, утратила силу добавлено 39 новых статей)	67,85 %
Раздел XI. Преступления против военной службы	Глава 33. Преступления против военной службы	22	23 (добавлена 1 новая статья)	4,5 %

Итого по разделу XI		22	23 (добавлена 1 новая статья)	4,5 %
Раздел XII. Преступления против мира и безопасности человечества	Глава 34. Преступления против мира и безопасности человечества	8	11 (добавлено 3 новых статьи)	37,5 %
Итого по разделу XII		8	11 (добавлено 3 новых статьи)	37,5 %
Итого по всей Особенной части УК РФ		256	398 (10 утратили силу, 153 из них 1 утратила силу)	55 %

Приложение 3.**Результаты опроса специалистов в области
уголовного права**

1. Особенная часть Уголовного кодекса Российской Федерации
 - имеет устоявшуюся внутреннюю концепцию, которая реализуется законодателем, но не опубликована; 8,8%
 - изменяется логически и последовательно в соответствии с современными условиями развития общества и государства; 33,3%
 - утратила концептуальные основы построения, изменения вносятся хаотично; 50,9 %
 - иное 7 % (варианты ответов: основы не утратила, но изменяется хаотично; имеют внутреннюю концепцию, но изменения вносятся не всегда логично и научно-обоснованно; даже если изменения вносятся хаотично, то они все равно подчиняются общей системе УК, основанной на принципах уголовного закона, взаимосвязи и взаимообусловленности его норм; изменения в УК не всегда вполне продуманы и др.).
2. Особенная часть Уголовного кодекса Российской Федерации
 - отвечает в целом требованиям времени, социальным и экономическим процессам, происходящим в современном обществе; 12,3 %
 - требует значительной и/или незначительной «ревизии» в действующей редакции; 66,7 %
 - устарела и требует кардинального преобразования (принятие нового УК РФ); 21,1 %
 - иное 0.
3. Особенная часть Уголовного кодекса Российской Федерации
 - должна отражать происходящие социально-экономические и политические процессы, быть динамичной; 17,5 %
 - оставаться стабильной и не реагировать на все социально-экономические и политические процессы; 12,3 %

-должна сохранять стабильность, но реагировать на кардинальные, тектонические, формационные изменения; 70,2 %

-иное 0.

4. Оптимальным структурированием законодательного материала
Особенной части УК РФ является

- двухкомпонентное строение – разделы (главы) и статьи; 5,3 %

- трехкомпонентное - разделы, главы, статьи; 70,2 %

- четырехкомпонентное (разделы, главы, отделения/параграфы, статьи)
10,5 %

-разнокомпонентное в зависимости от раздела; 14 %

- иное 0.

5.Какие, по Вашему мнению, разделы, главы целесообразно исключить
из Особенной части УК РФ?

- оставить все; 92,9 %

- главу 23 УК РФ; 3,5 %

- главу 28 УК РФ; 1,8 %

- иное 1,8 % (не думал, затрудняюсь ответить, исключить ст.280.1-
280.4, 330.1, 352.1, 354.1 УК РФ, а применять 359, 353, 354 УК РФ и др.
ответы)

6. Необходимо ли Особенную часть УК РФ, по Вашему мнению,
дополнить какими-либо новыми разделами? Какими?

- нет; 82,5 %

- да; 15,7 % (например, о преступлениях военного времени (в т.ч.,
например, внутри раздела 11); раздел XIII «Понятия и термины, используемые
в Уголовном кодексе»; да, с учетом прогресса в сфере роботизации и других
технологий, развитием цифровых технологий и т.п.; преступления
террористического и экстремистского характера и др.)

- иное (затрудняюсь ответить и т.п.) 1,8 %.

7. Необходимо ли Особенную часть УК РФ, по Вашему мнению,
дополнить какими-либо новыми главами? Какими?

- нет; 80,7 %

- да 15,8% (о преступлениях военного времени; о хищениях, с использованием цифровых технологий; да, учитывая прогресс в роботизации и других технологий; в соответствии с объемами и характером регулятивного законодательства можно некоторые главы «раздробить»; о преступлениях против общественной нравственности; преступления против информационной безопасности, добавить в главу 28 нормы о документах из главы 32; глава об информационной безопасности (в смысле опасности определенного рода информации как средства воздействия на людей) и др.)

- иное (затрудняюсь ответить; нет, но надо дополнить главы «инновационными» преступлениями и др.) 3,5 %.

8. Допустимо ли в период действия Особенной части УК РФ изменять ее структуру - вводить новые разделы и (или) главы

- да; 63,1%

- нет; 31,6 %

- иное (при необходимости; не желательно, но можно, если аккуратно; необходимо задать переходный период и др.) 5,3 %

9. Отвечает ли расположение разделов и глав Особенной части действующего УК РФ современным условиям развития общества (иерархии охраняемых ценностей и другим факторам)?

- да; 57,9 %

- нет; 35,1 %

- иное (затрудняюсь ответить; скорее нет; порядок расположения не имеет значения; частично и др.) 7 %.

10. Согласны ли Вы, что преступления против мира и безопасности человечества должны быть описаны в начале Особенной части УК РФ?

- да; 31,6 %

-нет; 63,1 %

- иное (после преступлений против личности; не имеет значения их место, поскольку они не вписываются в контекст национального уголовного права; не стоит того, чтобы менять УК РФ и др.) 5,3 %.

11. Какие факторы должны определять последовательность расположения разделов, глав в Особенной части УК РФ? (допустимо выбрать несколько вариантов ответов)

- исторические традиции; 14 %

- ценность охраняемых объектов; 82,5 %

- удобство применения закона; 26,3 %

- иное (алфавитный порядок; все названные критерии; ценность охраняемых объектов, но сложный вопрос как ее определять и др.) 5,3 %.

12. Необходимо ли самостоятельное структурное образование (раздел/глава и т.п.) с уголовными проступками в Особенной части УК РФ?

-да; 24,6 %

-нет; 71,9 %

-иное (затрудняюсь ответить; возможно, в перспективе да, но на данный момент – нет; необходимо определиться с содержанием понятия «уголовный проступок» и др.). 3,5 %.

13. Необходима ли в УК РФ статья (статьи), посвященная определению основных понятий, используемых в настоящем законе?

- да; 47,4 %

- нет; 49,1 %

- иное (затрудняюсь ответить; возможно, да; необходимо дополнить УК РФ новым разделом XIII «Понятия и термины, используемые в Уголовном кодексе» и др.) 3,5 %.

14. Если необходима, какие основные понятия, используемые в Особенной части, следует включить в указанную статью (статьи)?

- никакие; 59,6 %

- иное 36,9 % например, подкуп; эвтаназия; понятия, которые вынесены в примечания либо совсем не раскрыты; все понятия, используемые в тексте

уголовного закона: уголовная ответственность, вина, квалификация преступления, правило квалификации поступления и т.д.; основные понятия, раскрывающие признаки преступлений каждой главы (например, в примечаниях к каждой первой статье главы УК РФ, как сейчас есть в ст. 158 УК РФ); понятия из примечаний, которые не раскрыты в иных законах; принципы уголовного права, преступление, состав преступления, множественность преступлений, ее виды, наказание и так далее и др.).

- затрудняюсь ответить 3,5 %.

15. Целесообразно ли официально утвердить концепцию развития уголовного законодательства России?

- да; 59,6 %

- нет; 38,6 %

- иное (затрудняюсь ответить; это ничего не изменит; в этом нет смысла и т.д.) 1,8 %.

16. Поддерживаете ли Вы идею, что в качестве источников УК РФ возможно признать иные федеральные законы (при внесении соответствующих изменений в УК РФ)?

- да; 24,6 %

- нет; 66,7 %

- иное (затрудняюсь ответить; постановления Пленума Верховного Суда РФ уже являются источником уголовного права и др.) 8,7 % .

17. Нарушает ли концепцию уголовного закона наличие в Особенной части УК РФ составов преступлений с административной преюдицией?

- да; 36,8 %

- нет; 61,4 %

- иное (нарушает, но является справедливым; нарушает, но обоснованно и др.). 1,8 %.

18. Нарушает ли концепцию уголовного законодательства наличие в Особенной части УК РФ специальной ответственности за действия соучастников (например, ч. 3 ст. 205.1 УК РФ)?

- да; 56,1 %
- нет; 42,1 %
- иное. 1,8 %

19. Диспозиция статей Особенной части УК РФ должны использоваться

- преимущественно описательные; 75,4 %
- преимущественно простые; 8,8 %

- иное (четкие, понятные, с максимально подробным описанием; без бланкетных диспозиций обойтись нельзя; и те, и другие; в зависимости от особенностей состава преступления; большинство диспозиций есть и будут бланкетными (одновременно описательными); нельзя сводить к одному виду; для некоторых составов достаточно простых диспозиций, для других - описательные. О преимуществе одних перед другими говорить сложно. Тем более, что это преимущество налицо - первенство держат бланкетные диспозиции; сложно сказать, это зависит от вида состава. Если состав с альтернативными действиями, описательная диспозиция будет слишком сложной для восприятия. Диспозиции должны быть преимущественно описательными и отсылочными (отсылать, например, к примечанию) и др.) 15,8 %.

20. Если в Особенной части УК РФ используется бланкетная диспозиция, то нет необходимости раскрывать в УК РФ содержание понятий, которые раскрыты в иных федеральных законах (например, примечание 2 к ст. 205.2, где дано понятие террористической деятельности, но есть ФЗ «О противодействии терроризму»)

- да; 36,8%
- нет, необходимо, так как это облегчает правоприменение; 28,1 %
- нет, необходимо, если содержание отличается; 29,8 %

- иное (понятия, введенные в УК РФ, должны быть стабильными и определяющими другие ФЗ; необходимо в самой статье давать конкретизированное описание, что облегчит как само понимание и время при поиске необходимых соответствующих актов; должна быть ссылка на соответствующий НПА, поскольку в различных НПА могут быть разные определения и толкования и др.) 5,3 %

21. Диспозиции статей Особенной части УК РФ должны быть преимущественно абстрактными, не казуистическими

- да; 70,2 %

- нет; 17,5 %

- иное (должны быть понятными, даже при условии свойств казуистичности; могут быть разными; скорее универсальными; они должны быть четкими и ясными, но не абстрактными и казуистическими; оба приема допустимы с учетом особенностей регулируемых общественных отношений; должны быть разными и др.) 12,3 %

22. Санкции статей Особенной части УК РФ должны быть

- альтернативными (включать 2-3 вида наказания); 28,1 %

- альтернативными и с небольшим диапазоном размеров (например, 3-5 лет); 50,9 %

- достаточно широкими (несколько видов наказаний, достаточно большой диапазон); 14 %

- иное (затрудняюсь ответить; обусловлено вариативностью общественной опасности деяния; в зависимости от преступления; разные и др.) 7%.

23. В Особенной части УК РФ есть разделы, состоящие из одной главы. по Вашему мнению, есть ли необходимость выделять в структуре раздела главу, если она является единственной?

- да; 63,2 %

-нет; 35 %

-иное (затрудняюсь ответить; разделы нужно исключить из УК РФ; разделы не нужны, вреден раздел VIII, соединяющий соединяя искусственно нарушения частного и публичного права и др.). 1,8 %

24. Может ли название главы и раздела Особенной части УК РФ текстуально совпадать?

- да; 57,9 %

-нет; 35,1 %

-иное (не должно, но иногда совпадает; это неважно; нежелательно и др.) 7 %.

25. Можно ли говорить о каком-то минимальном и максимальном количестве статей в одном структурном компоненте (например, главе)?

- да; 7 %

-нет; 93 %

-иное. 0

26. По Вашему мнению, преступление

- может «создавать» законодатель, изменяя Особенную часть УК РФ, для регулирования общественных отношений в конкретной ситуации; 8,8 %

- законодатель должен отражать в законе только при соблюдении всех принципов и правил криминализации; 80,7 %

- иное (на практике может; должно быть отражено виновно совершенное общественно опасное деяние лиц, которые посягающие на охраняемые прав и свобод человека и гражданина, собственности, общественного порядка и общественной безопасности, окружающей среды, конституционного строя Российской Федерации от преступных посягательств, обеспечение мира и безопасности человечества; между 1 и 2 вариантом почти нет разницы, а в обоих случаях причина появления нормы – актуальность; законодатель должен криминализировать деяние только при невозможности нейтрализовать его негативные последствия иными мерами: воспитательными, образовательными, экономическими, административными; не только правила криминализации, но и здравый смысл и нормы нравственности;

криминализация должна быть научно-обоснованной, но нет единства мнений по правилам и принципам криминализации, м.б. закрепить принципы криминализации; нужно понять состав преступления как объективную данность и на этой основе создавать норму и др.). 10,5 %.